

ГОДЪ

XLV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 1.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, января 4-го.

Содержаніе: Высокія задачи современнаго пастырства. — Пастырь и приходъ. (Къ вопросу объ ихъ взаимоотношеніяхъ). — О нашихъ благодѣйствіяхъ. — Справедливо ли мнѣніе о книгѣ Требишкѣ, какъ о собраніи суевѣрій? — Замѣчательный случай изъ жизни пастыря.

Высокія задачи современнаго пастырства.

*Благословиши вѣнецъ наступающаго
лѣта благостію Твоею, Господи.*

Истекшій годъ представилъ не мало утѣшительныхъ для сердца православнаго русскаго пастыря доказательствъ продолжающагося оживленія религіозно-нравственнаго духа во всѣхъ слояхъ русскаго общества, начиная отъ высшей интеллигенціи и кончая сѣрымъ, простымъ людомъ. Свѣтскіе журналы отводятъ не мало страницъ обсужденію религіозныхъ вопросовъ и чаще, чѣмъ прежде, въ симпатичномъ свѣтѣ представляютъ дѣятельность нашего духовенства, вникая въ его нужды и стараясь по возможности безпристрастно относиться къ сколько возвышенному, столько же и трудному

пастырскому служенію Если иногда раздаются несправедливые голоса противъ духовенства, они немедленно находятъ полный достоинства и силы отвѣтъ со стороны какъ самого духовенства, такъ и свѣтскихъ лицъ, доброжелательно къ нему настроенныхъ. Авторитетъ пастырства замѣтно поднимается въ глазахъ общества, и это зависитъ не только отъ нравственнаго подъема въ русскомъ обществѣ, но и отъ духовнаго подъема самихъ пастырей. Послѣдніе годы съ ясностью показали нашимъ пастырямъ, что къ такому великому дѣлу, какъ попеченіе о душахъ, нельзя относиться беззаботно и поверхностно; что пастырю не достаточно уже быть простымъ только требоисправителемъ для прихожанъ; что обстоятельства и запросы современной жизни вызываютъ пастыря на иную— болѣе широкую дѣятельность, чѣмъ прежде. Теперь желаютъ видѣть пастыря духовнымъ отцомъ и руководителемъ пасомыхъ, которому они могли бы довѣрчиво и безъ опасеній обмана вручить свои души для путеводительства къ царству Христову.

Жажда *отры* и чаяніе истиннаго, *православнаго* пастырства характеризуютъ собою, можно сказать, наше время.

Вчитайтесь въ религіозно-философскіе этюды, принадлежащіе популярнымъ современнымъ свѣтскимъ мыслителямъ, прислушайтесь къ этимъ воплямъ и стонамъ, которыми полны откровенныя и искреннія ихъ рѣчи о томъ, что касается трудности изслѣдованія духовной стороны природы человѣка, и вы поймете, что не по какимъ-либо суетнымъ и мелочнымъ побужденіямъ выступаютъ они на новый путь исканія *сознательной* религіозной вѣры. Не удовлетворенные прежними матеріализмомъ и позитивизмомъ, они теперь дѣйствительно всѣмъ сердцемъ ищутъ Бога и Христа Его, желаютъ исповѣдывать христіанство не однимъ благоговѣйнымъ чувствомъ, хотятъ вѣровать не по слѣпому, какъ они выражаются, „стародавнему преданію“, какъ вѣрили дѣды и отцы: они хотятъ сознательно убѣдиться въ спасительности православной вѣры, хотятъ приблизиться къ ней своимъ разумѣніемъ, насколько это возможно,—сдѣлать православіе пол-

нымъ достояніемъ своего духа и успокоить мятежныя волненія его религіей высшаго разума, въ лучшемъ смыслѣ этого слова... Кто изъ насъ осудить современное стремленіе образованнаго человѣческаго ума къ сознательному усвоенію христіанскаго ученія? Кто дерзнетъ сказать, что это стремленіе безплодно и ни къ чему доброму не способно привести? Чья вѣрующая душа не тронется сочувствіемъ къ искреннимъ искателямъ вѣры, этимъ людямъ сильнаго ума и неподдѣльнаго одушевленія, которые такъ жестоко мучатся въ усиліяхъ постигнуть желанный предметъ ихъ сердечныхъ думъ и помышленій, но пока еще не видятъ близкаго конца своихъ работъ? Кто изъ истинно вѣрующихъ не благословитъ усердныхъ тружениковъ религіознаго вѣдѣнія и не вознесетъ за нихъ молитвы, чтобы милосердный Господь не попустилъ имъ погибнуть на *новыхъ*, а потому естественно скользкихъ и опасныхъ путяхъ исканія религіозной истины, и просвѣтилъ свѣтомъ Своего Божественнаго разума умы и сердца ихъ, такъ искренно и сильно жаждущіе нынѣ пріятія спасительной вѣры?

Одна замѣчательная особенность отличаетъ современныхъ исканія Бога. Наши религіозные мыслители не останавливаются предъ одними теоретическими и, такъ сказать, чисто научными вопросами религіи. Они хотятъ приблизиться къ вѣрѣ съ ея таинственной, мистической стороны; они жаждутъ *ощущенія* на себѣ божественной благодати, о которой поучаетъ христіанство, но которой почему-то они не находятъ въ Церкви, гдѣ спасительная благодать подается всѣмъ вѣрующимъ. Не удивительно ли это послѣднее, не странно ли, почему алчущіе *таинствъ* не видятъ въ нихъ той живой, бодрящей, *спасительной* силы, какая ощущается всѣми вѣрующими, и съ холоднымъ и пустымъ сердцемъ отворачиваются отъ Церкви? Неужели они не знаютъ, неужели не чувствуютъ душою, что истинно таинственное есть только тамъ, гдѣ обитаетъ Божество, гдѣ вѣетъ дыханіе Св. Духа, въ той полной священнаго ужаса сферѣ,

гдѣ многоочитые херувимы и шестикрылые серафимы предъ лицемъ Божиємъ трепетно закрываютъ крыльями свѣтлыя свои лики, но куда дерзновенно входитъ простой смертный чело-вѣкъ, получившій на то право вслѣдствіе крестной за него жертвы Господа?...

Не напрасно говорятъ, что душа русскаго чело-вѣка гл-боко религіозна. Въ самомъ раннемъ дѣтствѣ своей истори-ческой жизни принялъ христіанскую вѣру русскій народъ,— принялъ сердцемъ, но не умомъ, и въ такомъ видѣ, какъ до-стояніе сердца, сохранилъ ее во всей чистотѣ до настоящаго времени, почти тысячу лѣтъ соблюдая въ своемъ добромъ сердцѣ. У русскаго народа развилась по преимуществу сердеч-ная сторона духовной жизни. Ничто такъ не нравится рус-скому чело-вѣку, и ничто такъ не подкупаетъ его въ свою пользу, какъ проявленія этой именно — сердечной стороны въ душѣ брата: мольба, ласка, смиреніе, прощеніе способны умили-ть и растрогать русскаго чело-вѣка такъ, какъ, безъ сомнѣнія, не растрогается этимъ ни одинъ изъ „культурныхъ“ представителей въ мірѣ, и повліять на него съ такою силою, что онъ не остановится, въ случаѣ надобности, ни предъ ка-кою жертвою. Для русскаго чело-вѣка не страшень подвигъ, не боится онъ суровыхъ лишеній, не изнемогаетъ подъ бре-менемъ тяготы ихъ; напротивъ, душа его жаждетъ подвига, ищетъ лишеній, съ радостью несетъ ихъ бремя, такъ какъ вѣрить, что все это спасительно для души, полезно, и безъ страданій—для нея не было бы успокоенія. Русскій чело-вѣкъ живетъ сердцемъ и не умомъ - разумомъ, а больше внутрен-нимъ чутьемъ, „внушеніемъ“ духа угадываетъ истину въ раз-личныхъ обстоятельствахъ своей жизни. Сердцемъ онъ вѣритъ и въ Бога, сердцемъ внимаемъ и ученію своей Православной Церкви, въ живомъ и тѣсномъ союзѣ съ которой онъ прожилъ всю предыдущую историческую жизнь свою. Сердцемъ же, нако-нецъ, онъ и дальше хочетъ жить, ощущеніемъ непосредствен-ной близости къ нему Бога, такой близости, кака-я устанавливается между любящими другъ друга отцомъ и сыномъ и

предполагаетъ непрерывное взаимоотношеніе между ними. Отецъ возвращаетъ своего сына, „наказуетъ“ его,—но и въ гнѣвъ милуетъ; сынъ принимаетъ наказанія отъ руки любящаго отца, ни словомъ не выражаетъ ропота, а тѣмъ болѣе злобы противъ него—наоборотъ, онъ чистосердечно исповѣдуются ему въ своей винѣ и признаетъ себя достойнымъ „вразуменія“: онъ чувствуетъ, что иначе не въ состояніи собственными силами, безъ сторонней любвеобильной помощи подняться на требуемую человѣческимъ достоинствомъ отъ него правдивенную высоту. Безъ помощи Божіей, безъ заступленія небеснаго русскій человѣкъ не мыслить себя..

Вотъ и теперь—умножились среди насъ премудрые и разумные, начинавшіе, по большей части, мудрость свою съ отверженія той истины, о которой сказано, что она открывается лишь младенцамъ. Однако, изслѣдованіе истины привело—таки современныхъ мудрецовъ къ церковному порогу, и теперь они остановились уже предъ дверями храма. Кажется, еще немного,—двери откроются, и они войдутъ въ Церковь.. Что же привело ихъ къ церковной оградѣ, какъ не это *русское* чувство потребности общенія съ Богомъ, живого союза съ Нимъ, таинственнаго созерцанія славы Божіей внутренними, сокровенными очами сердечной *вѣры*?—Не могла русская душа вынести разрыва съ Богомъ, смертельно тяжелымъ оказался онъ для нея,—и затосковала, застонала, зарыдала русская душа отъ мучительной боли сознанія безцѣльности своего существованія. Что-за жизнь, если нѣтъ Бога, и нѣтъ Его святой воли?!—воскликнула она. Что-за смыслъ жизни, если въ мірѣ дѣйствительно царитъ одинъ законъ борьбы, и господствуетъ одно право сильнаго, съ желѣзною необходимостью подчиняющіе себя все? если меня жизнь не удовлетворяетъ и не приносить мнѣ ничего, кромѣ тяжелыхъ мученій? если, кромѣ земного, нѣтъ ничего высшаго, лучшаго и отраднѣйшаго для челоѣческаго сердца?... Нѣтъ, не правда все это!—отвѣтила русская душа. Есть Богъ, есть Его святая воля, управляющая міромъ, и законъ Его для насъ; есть, кромѣ земли, иной міръ за ея пре-

дѣлами,—тогѣ, гдѣ царствуютъ вѣчная правда и блаженство; есть, наконецъ, полная возможность требовать отъ разумнаго человѣка *живой* вѣры въ Бога и въ Его святое ученіе. Въ этой вѣрѣ—спасеніе человѣку... И начали говорить о *вѣрѣ* наши мыслители. Сначала сказалъ о ней В. С. Соловьевъ, создавшій теорію познанія сверхъ-опытнаго бытія особымъ внутреннимъ, „мистическимъ, или религіознымъ воспріятіемъ“. Говорить теперь о вѣрѣ, какъ основѣ жизни, извѣстный проф. политической экономіи въ Кіевскомъ политехническомъ институтѣ С. Н. Булгаковъ („Основныя проблемы теоріи прогресса“, напеч. въ сборникѣ изд. Моск. психол. общ., подъ заглавіемъ „Проблемы идеализма“, с. 41). Свѣтская критика съ сочувствіемъ встрѣтила и психологическій этюдъ проф. Московской академіи Соколова: „Вѣра“ (М. 1903), написанный подъ вліяніемъ философскихъ воззрѣній покойнаго В. С. Соловьева (см. ж. „Новый Путь“, іюль, с. 277).

Жажда живой вѣры достигла въ нашей интеллигенціи громаднхъ размѣровъ. При этомъ русская интеллигенція не удовлетворяется одною проповѣдью живой вѣры, но хочетъ еще видѣть воплощеніе ея въ самой дѣйствительности и, естественно, обращаетъ взоры къ пастырямъ, призваннымъ своимъ служеніемъ являть образцы подлинной христіанской вѣры. Личный примѣръ дѣйствуетъ на сердца краснорѣчивѣе всякихъ премудрыхъ словъ. „Покажи ми вѣру отъ дѣлъ твоихъ,—говорятъ теперь пастырю Церкви:—если ты думаешь обратить насъ къ проповѣдываемому тобою ученію вѣры, то представь намъ прежде всего въ себѣ воплощеніе правилъ, какія преподаешь, и докажи своею жизнію, что твоя вѣра даетъ тебѣ внутренній миръ и дѣйствительное, а не на словахъ только, блаженство таинственнаго союза со Христомъ“. „Не думаете ли вы,—писалъ еще въ 1890 г. С. А. Рачинскій,—что въ томъ именно и состоитъ различіе православнаго церковнаго духа отъ католическаго и протестантскаго, что мы не способны, подобно католикамъ, въ дѣлѣ нашего спасенія возлагать наши надежды на благодать и авторитетъ священства; не

можемъ, подобно протестантамъ, обходиться безъ этой благодати, безъ авторитета; но—алчемъ и жаждемъ пастырства добраго, пастырства истиннаго; но можемъ найти душевный покой лишь въ той полнотѣ церковной жизни, при коей пастыри дѣйствительно пасутъ свое стадо, при коей посомые дѣйствительно знаютъ и слушаютъ голосъ своихъ пастырей?“ („Письма къ дух. юношеству“, М. 1899, с. 90—91).

Какъ настоятельно необходимы теперь сильныя Христовымъ духомъ пастыри съ цѣлебными словами правой вѣрѣ на устахъ, согрѣвающей ихъ собственное сердце, ангелоподобныя въ своей жизни! Какъ усиленно зоветъ ихъ на доброе дѣланіе вся православная Русь, какъ она ждетъ ихъ, какъ въ нихъ вѣрить!.. Многого требуетъ отъ нихъ Россія: они должны стоять на высотѣ нынѣшняго научнаго званія, должны быть чутки къ разнообразнымъ вѣяніемъ, охватившимъ широкую Русь, должны умѣть угадывать, гдѣ подъ кучею наноснаго хлама кроется обломокъ драгоцѣнности, и по достоинству цѣнить все хорошее, что замѣтятъ въ людяхъ, но—больше и главнѣе всего—должны быть сильны своимъ религіознымъ убѣжденіемъ, проведеннымъ въ самую жизнь. „Наша сила,—говорилъ еще ап. Павелъ,—не въ препрѣтельныхъ словесѣхъ человѣческой мудрости, но въ явленіи духа и силы“. Этимъ духомъ и силою побѣжденъ былъ нѣкогда весь древній образованный міръ; ими *буяя міра* посрамили тогда премудрыхъ и разумныхъ. Сила Божія чрезъ пастырей и теперь должна сокрушить все прпятствія, которыя мѣшаютъ жаждущимъ истинной жизни найти ее въ Христовой Церкви... Наша мысль останавливается невольно на тѣхъ убѣжденныхъ сѣдинами добрыхъ пастыряхъ, которые цѣлый свой вѣкъ неустанно трудились на нивѣ Христовой. У нихъ—богатый духовный опытъ. Предъ ними прошли тысячи душъ, каждая съ своими особенностями, съ своими недугами, съ своими скорбями. Каждую приходилось поддерживать, ободрять, за каждую надо было надзирать, чтобы ни едина отъ нихъ не погибла, но правильно совершала свой естественный ростъ при пособіи благодатныхъ таинствъ

вѣры, — всѣхъ надо было путеводить ко Христу. Сколько зрѣлицъ и какихъ различныхъ — то радостныхъ, то скорбныхъ — приходилось созерцать такому пастырю за длинный періодъ его служенія, и какой богатый запасъ душевѣдѣнія онъ могъ сдѣлать для себя!.. Онъ, какъ опытный врачъ, съ одного взгляда можетъ опредѣлить болѣзнь страждущаго грѣхомъ брата и указать ему вѣрное средство исцѣленія. Его слово, дышащее мудрость, юроникаетъ внутрь души, въ самые сокровенныя глубины духа; его горячая молитва ниспосылаетъ миръ мятущейся совѣсти; благословеніе его старческой десницы вызываетъ слезы умиленія. Нѣтъ пужды, что ослабѣли его физическія силы: тамъ, гдѣ онѣ потребуются, ихъ замѣнитъ крѣпкая юность, которая получитъ за это отъ дряхлаго старца обильные уроки пастырской мудрости. Отъ такихъ, такъ сказать, сугубо облагодатствованныхъ пастырей по преимуществу ждетъ спасенія наше общество, и на нихъ возлагаетъ оно свои надежды. — Откликнитесь, добрые старцы, на призывъ о помощи, обращенный къ вамъ! Ободритесь, забудьте на время ваши тѣлесныя немощи и прострите руку спасенія этимъ утопающимъ въ волнахъ религіознаго сомнѣнія несчастнымъ духовнымъ скитальцамъ! Укажите, въ Комъ для человѣка — истинный путь и животъ вѣчный, и научите правильно идти спасительнымъ путемъ вѣры къ возлюбленному вами и возлюбившему васъ Христу — Жизнодавцу!...

Но, слава и благодареніе Богу! и молодое поколѣніе нашихъ пастырей согрѣвается тѣмъ же духомъ христіанской живой вѣры, какимъ дышатъ лучшіе его учителя. Среди молодыхъ пастырей все чаще и чаще обнаруживаются ревностные и горячіе служители Христовой вѣры, которые неустанно трудятся въ обществѣ, проводя въ сознаніе и душу людей спасительныя начала вѣчной жизни во Христѣ и способствуя общему нашему духовному подъему. Въ видахъ лучшаго достиженія цѣлей своего служенія пастыри организуютъ изъ себя, по большимъ городамъ, проповѣдническія общества, составляютъ собранія, на которыхъ обсуждаютъ вопросы пастырской прак-

тики, выдвигаемые жизнью,—словомъ, какъ сами *живутъ* христіанскою вѣрою, такъ и въ другихъ искренно и горячо желаютъ зажечь ея спасительный пламень. Привѣтъ имъ всѣмъ и пожеланіе, чтобы не ослабѣвали они въ своей пастырской ревности, но, руководимые примѣромъ лучшихъ своихъ представителей и почерпая отъ нихъ обильные источники пастырской мудрости, побуждались къ большому и большому преусиленію въ великомъ дѣлѣ православнаго пастырства.

Какъ, однако, широка область пастырскаго воздѣйствія, и какъ разнообразно должно быть оно! Интеллигенція ждетъ отъ пастыря наставленій разумной вѣры, но вмѣстѣ съ тѣмъ—и непременно *живой*; а за спиною передового, образованнаго класса общества стоитъ сѣрая, темная масса простого народа. Многомиліонный русскій народъ до сихъ поръ еще находится въ состояніи духовнаго младенчества.

Не такъ давно онъ освобожденъ отъ видимаго, удизительнаго крѣпостнаго рабства. Его поработители,—эти, въ сущности, старшіе его же братья,—не думали о развитіи богатыхъ отъ природы духовныхъ силъ народа; они оставили его душу безъ вниманія и предоставили самому позаботиться въ этомъ отношеніи о себѣ. Что же могъ сдѣлать младенецъ-народъ?!.. Одна только Церковь осталась для него. Въ то время, когда всѣ смотрѣли на крестьянина не больше, какъ на выгоднаго дароваго работника, Церковь смотрѣла на него, какъ на *человѣка*, заботилась о его душѣ и помогала созидать спасеніе. Своею твердою вѣрою и попеченіями Церкви русскій народъ спасался въ тяжелыя годы бѣдствій, постигавшихъ его, и благополучно переживалъ лютыя времена.

Настала, наконецъ, пора серьезно подумать о *просвѣщеніи* народа. Интеллигенція взялась за это дѣло и повела его въ направленіи, противномъ всему складу духовной жизни народа. „Дальше отъ вѣры и Церкви“—вотъ лозунгъ, подъ которымъ работали просвѣтительныя силы, направленные въ народъ вскорѣ послѣ эпохи освобожденія. Но не по сердцу оказалась народу новая проповѣдь удаленія отъ вѣры и Церкви.

Онъ не отозвался на нее, не принялъ ея и не послѣдовалъ за нею. Съ царствованія блаженной памяти истинно-русскаго православнаго государя императора Александра III началась новая эра въ просвѣщеніи народа. Просвѣщеніе было поставлено, какъ и должно, на религіозную почву. Создалась церковная школа, а руководство ею было отдано въ руки духовенства. Какой просторъ пастырскому воздѣйствію представился съ учрежденіемъ церковно-приходской школы! Какая благодарная нива открылась для просвѣтительныхъ трудовъ пастыря, отнынѣ призваннаго къ нимъ самою правительственною властью!.. Моментъ, дѣйствительно, чрезвычайной исторической важности переживаемъ мы теперь! Свѣжій, здоровый, бодрый, полный силъ русскій народъ выступаетъ на путь самостоятельнаго, свободнаго развитія. Предъ нимъ—широкій просторъ: онъ можетъ приобщиться и къ западной культурѣ, войти въ общее русло культурной жизни западнаго человѣчества со всѣми ея достинствами и недостатками; но можетъ стать и на иной путь,—можетъ уклониться отъ дороги, проторенной народами, раньше него вступившими на историческую арену, и взять свой собственный курсъ, соединяющій съ выгодами перваго еще нѣчто *новое*, чтд не имѣло мѣста въ поступательномъ движеніи народовъ Запада. Нѣкогда наши передовые народныя дѣятели хотѣли повести народъ тѣмъ же путемъ развитія, какимъ шли народы Запада, и намѣревались выбросить изъ круга понятій народа всѣ предметы его религіозной вѣры. Но знаменательно, что этотъ же простой, „темный“ народъ нашель въ себѣ достаточно силъ самъ стать на защиту драгоцѣннаго сокровища своей вѣры и показалъ, что ни за что не разстанется съ нимъ, потому что христіанская вѣра—его жизнь, его единственная радость и счастье. „Спасенье“:—что можетъ быть вождѣлннѣе и важнѣе его для души истинно-русскаго человѣка?!.. Посмотрите, какое громаднѣйшее значеніе имѣеть эта мысль о спасеніи въ жизни русскаго человѣка. Можно сказать, онъ *ею* живетъ. Чтд бы онъ ни дѣлалъ, чтд бы ни предпринималъ, всегда и вездѣ

за временными и ближайшими цѣлями, вдали, выступаетъ у него, какъ вѣчная и единственная цѣль, *спасеніе*. На вопросъ: для чего жить и трудиться?—русскій человѣкъ не задумываясь отвѣтитъ: для Бога и для спасенія души. Этотъ отвѣтъ—не бессодержательная фраза и не пустой звукъ; нѣтъ,—у русскаго человѣка это—голосъ души, самаго сердца, которымъ онъ живетъ.

Нашъ народъ—не врагъ просвѣщенія и культуры. Было бы не основательно упрекать его въ томъ. Только духовный складъ русскаго народа таковъ, что во всемъ вѣншемъ и житейскомъ онъ желаетъ видѣть *идеальную* и *религіозную* подкладку. Гдѣ есть эта связь съ религіей и идеаломъ, тамъ русскій человѣкъ готовъ работать, если потребуется, до изнеможенія и жертвы, потому что признаетъ спасительность такой работы и вѣритъ въ пользу ея. Надо было поставить просвѣщеніе народа въ тѣсную связь съ религіей и начать съ безавѣтнымъ самоотверженіемъ учить его, какъ, напр., училъ Татевскій школьный подвижникъ, чтобы увидѣть, какъ охотно можетъ браться за науку русскій человѣкъ.—Говорятъ объ упадкѣ народнаго хозяйства. Но обратите вниманіе, что тотъ же самый простой мужикъ, у котораго падаетъ дома хозяйство, образцово ведетъ его въ монастырскихъ обителяхъ: въ Соловкахъ, на Валаамѣ, у „батюшки“ преп. Серафима и въ др. мѣстахъ,—и это, безъ сомнѣнія, потому, что тамъ онъ ясно видитъ *идеальное* начало, одухотворяющее собою самую заурядную и черную работу. Да! всѣмъ существомъ русскій народъ алчетъ и жаждетъ широкаго вліянія христіанства на формы своей жизни. „Дайте мнѣ, — какъ бы такъ просить онъ,—христіанское *просвѣщеніе*, насаждайте въ русскихъ краяхъ христіанскую *культуру*; но, главное, сохраните неврежденною ту святую, православную вѣру, которою спасались и угодили Богу вышедшіе отъ меня, родные мнѣ и близкіе сердцу, сонмы святыхъ подвижниковъ, молитвенниковъ и чудотворцевъ, незримо оберегающихъ землю русскую и отвращающихъ отъ нея грозныя тучи праведнаго гнѣва Божія...“

Къ широкой просвѣтительной работѣ въ духѣ православія среди народа призываются нынѣ лучшія силы Россіи. Но гдѣ онѣ? Можно ли признать *лучшими* силами тѣхъ дѣятелей, которые ежегодно выходятъ изъ стѣнъ нашихъ учебныхъ заведеній?—Сердце обливается кровью при видѣ той неурядицы, какая царитъ теперь въ жизни нашихъ школъ и особенно высшихъ свѣтскихъ, этихъ, какъ прежде выражались, храмахъ науки, гдѣ преимущественно воспитываются будущіе свѣтскіе дѣятели! Юность—та пора, когда развиваются духовныя силы человѣка, когда, слѣдовательно, необходимо усиленно работать надъ созданіемъ истиннаго міросозерцанія и приобрѣтать основательныя научныя знанія, какъ прочный фундаментъ для дальнѣйшаго умственнаго развитія... Много ли думаетъ объ этомъ наша молодежь, оставленная безъ надлежащаго руководства и безъ умѣлаго призора почти на произволъ судьбы, и поэтому готовая слѣдовать за первымъ же „глашатаемъ истины“, если только онъ сумѣетъ подчинить толпу своему вліянію? Какъ безжалостно тратится попусту этотъ юный горячій идеализмъ, который столько яркаго свѣта могъ бы внести потомъ въ жизнь, если бы былъ, какъ должно, воспитанъ и направленъ! Какъ теперь жестоко оскорбляются и топчутся въ грязь лучшія молодая чувства, которыя, при иныхъ условіяхъ, могли бы быть у насъ неисчерпаемымъ источникомъ радостей и счастья!..

Опять нашъ взоръ обращается къ пастырямъ. Въ васъ—спасеніе Россіи, отъ васъ зависитъ ея будущность. Вѣдь въ настоящую историческую минуту положительно весь міръ—и съ напряженнымъ вниманіемъ—смотритъ на молодую, пробуждающуюся къ дѣятельной жизни Россію и желаетъ всесторонне ознакомиться съ ея особеннымъ міросозерцаніемъ, съ ея чаяніями и идеалами, какихъ не знаетъ у себя Западъ, употребившій свои силы на уразумѣніе законовъ физической природы и оставившій безъ удовлетворенія высшіе запросы человѣческаго духа. Міръ ждетъ отъ Россіи воплощенія идеаловъ духа и чувствуетъ, что въ Русской землѣ создастся то *царство Христово*, отчужденность отъ котораго

теперь такъ ужасно терзаетъ Западъ, высоко культурный съ одной стороны, но разнузданный и одичавшій съ другой. Неужели не сбудутся надежды, возлагаемыя на Россію? неужели она не свершитъ своего мірового назначенія и быстро сойдетъ съ исторической сцены?—Нѣтъ,—мы твердо вѣримъ, что, рано или поздно, но, дастъ Богъ, придетъ царство Христово на землю, и воплотится оно не гдѣ-либо, а именно придетъ оно на землю и воплотится въ святой Руси. Начало этому великому дѣлу уже прочно положено, и, несомнѣнно, съ каждымъ годомъ оно больше и больше будетъ подвигаться впередъ. Продолжайте, отцы и братія, ревностно оглашать проповѣдью о Христѣ уши всѣхъ, отъ мала до велика; несите всюду—и въ раззолоченные чертоги вельможи, и въ ученые собранія мужей разума, и въ убогую хижину простолюдина—спасительный свѣтъ христіанской вѣры; не оставляйте малѣйшихъ поводовъ предлагать людямъ ученіе истины, жизни и спасенія. Духовная нива готова въ Россіи и ждетъ васъ для усерднаго на ней дѣланія.

Съ бодрою вѣрою въ торжество христіанскаго добра, съ горячимъ желаніемъ помочь, по мѣрѣ силъ, печатнымъ словомъ нашимъ труженикамъ - пастырямъ и съ твердымъ упованіемъ на помощь Божию въ работѣ, журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей“ вступаетъ въ новый годъ своего существованія.

„Благословиши вѣнецъ наступающаго лѣта благостію Твоею, Господи“!

Н. Пальмовъ.

Пастырь и приходъ.

(Къ вопросу объ ихъ взаимоотношеніяхъ).

Къ темнымъ сторонамъ нашей русской церковно-приходской жизни по всей справедливости слѣдуетъ отнести неупорядоченность отношеній между представителемъ Церкви — пастыремъ и приходомъ. Неопредѣленность, произволь, „неподлежательное вмѣшательство“, вторженіе не въ свою область церковныхъ дѣлъ и вопросовъ приносятъ здѣсь горькіе плоды и задерживаютъ развитіе и правильный ходъ жизни прихода. На этой почвѣ создается столько печальныхъ недоразумѣній, непріятныхъ столкновеній между пастырями и прихожанами, что всѣ ихъ и перечислить не возможно. И, что особенно должно быть горестно для духовенства, въ большинствѣ случаевъ страдать, терпѣть приходится здѣсь священнику, и только рѣдко-рѣдко при подобныхъ обстоятельствахъ приходъ является потерпѣвшей стороной...

Въ послѣднее время у насъ особенно много говорится и пишется о поднятїи и возрожденїи прихода, объ установленїи правильныхъ, истинно-христіанскихъ, любовно-близкихъ и живыхъ отношеній между Церковью и приходомъ, между пастыремъ и пасомыми. Думается, при обсужденїи этихъ вопросовъ, занимающихъ печать и общество, необходимо должно быть обращено серьезное вниманіе на указанную темную сторону жизни нашего православно-русскаго прихода. Необходимо ближе присмотрѣться къ печальнымъ фактамъ столкновеній и недоразумѣній, такъ часто происходящихъ между священникомъ и приходомъ, выяснить причины, ихъ вызывающія, и подумать объ устраненїи этихъ причинъ возможными способами и средствами. Кому не знакомы эти факты, часто какъ будто и мелочные, но въ общемъ способные отравить жизнь и парализовать полезную дѣятельность пастыря!.. Они, главнымъ образомъ, имѣютъ мѣсто въ области хозяйственныхъ мѣропрїятій по церкви и приходу, но не рѣдко

являются прямымъ вмѣшательствомъ и въ сферу богослужебной пастырской практики.

Церковное хозяйство въ томъ видѣ, какъ оно ведется у насъ, даетъ множество поводовъ для непріятныхъ столкновений между двумя сторонами, потому что и взгляды на церковно-приходскія нужды и самая оцѣнка сравнительной ихъ важности не одинаковы у священника и у прихожанъ... Въ приходскомъ храмѣ предстоитъ, на примѣръ, неотложный ремонтъ: стѣны прокоптѣли, иконостасъ совершенно почернѣлъ и проч; но, на бѣду, при той же церкви главный колоколъ не звученъ и малъ,—*далеко меньше, чѣмъ въ сосѣднемъ селѣ*. Приходъ, оставляя первую нужду, упорно копить деньги на новый громогласный колоколъ, и сумма имѣется уже достаточная... Попробуйся священникъ въ этомъ случаѣ склонить прихожанъ сначала на собранныя суммы произвести ремонтъ, а потомъ уже думать о колоколѣ,—онъ навѣрное не достигнетъ успѣха. Если же поведетъ дѣло настойчиво, энергично, то рискуетъ возбудить ропотъ, неудовольствіе въ своихъ прихожанахъ.—Возьмемъ другой примѣръ. Церковный домъ, гдѣ живетъ семейный священникъ, приходитъ въ ветхость; притомъ же онъ совершенно не возможенъ для помѣщенія семейнаго человѣка по своей тѣснотѣ. Нужда заставляетъ священника исклопотать разрѣшеніе выстроить новый, болѣе приличный и просторный домъ. Начинается стройка. И тутъ рѣдко избѣжить онъ укоризнъ и неудовольствій.—„Широко задумалъ ты, батюшка, строиться: вонъ какую домину сооружаешь!—тотчасъ же заговорятъ прихожане прямо въ лицо священнику:—до тебя старые батюшки и въ маленькомъ жили,—видно, казну-то больше жалѣли. По копеечкамъ, вѣдь, она, матушка, собирается“.—Или возьмите церковныя расходы на училищныя, епархіальныя и прочія нужды: необыкновенное, но неизбѣжное, увеличеніе ихъ годъ отъ году способно вызывать—и дѣйствительно вызываетъ—среди прихожанъ, не посвященныхъ въ дѣло, массу обидныхъ подозрѣній, особенно если церковный староста окажется человѣкомъ недовѣрчивымъ

и будетъ находиться не въ добрыхъ отношеніяхъ къ священнику...

Приведенные выше примѣры взяты нами изъ области церковнаго хозяйства, интересоваться которымъ и принимать извѣстную долю участія въ которомъ все же имѣетъ право каждый прихожанинъ. Но еще горше и тягостнѣе бываетъ положеніе священника, когда вмѣшивается приходъ совсѣмъ „неподлежательно“ въ его чисто-пастырскія дѣла, съ лвымъ намѣреніемъ судить и контролировать ихъ. И отъ подобнаго нежелательнаго вмѣшательства не застрахованъ ни одинъ священникъ. Поступаетъ, наиримѣрь, энергичный, дѣятельный пастырѣ на приходъ, запущенный его предшественниками, и вздумаетъ вводить должный порядокъ въ практику, ревностно примется исполнять свои пастырскія обязанности,—противъ его мѣрь, клонящихся къ возстановленію церковной дисциплины, тотчасъ же раздадутся враждебные голоса. Начинаетъ онъ совершать по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ службу Божию въ положенное уставомъ время, благообразно и по чину,—ему начинаютъ выражать недовольствіе: „раньше такъ не водилось, во-время успѣвали управиться—и въ церковь заглянешь, и на базарѣ дѣла справишь, и домой поспѣешь къ обѣду, а теперь служба въ церкви чуть не до полудней!“... Рѣшится пастырѣ вывести непорядки и ушущенія, столь обычныя у насъ при совершеніи браковъ,—опять ропоть и неудовольствіе:—„Строгонекъ ужъ ты у насъ очень, допрежь такъ не водилось: и по три воскресенья оклики чтобы были, и трезвые чтобы всѣ были при бракѣ, а то со срамомъ выведешь и свадьбу отложишь! Нѣтъ, батюшка, до тебя, вонъ, при покойникѣ, ничего этого не знали; простой былъ человекъ, ни въ чемъ не перечилъ. На свадьбу позовешь—пріѣдетъ, съ нами же за-просто празднуетъ“... При другихъ подобныхъ попыткахъ ввести чинъ и порядокъ въ свою служебную практику, при стараніяхъ и заботахъ явиться всегда корректнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, достойный пастырѣ опять можетъ встрѣтить то же упорное, слѣное противодѣй-

ствіе и глухой отпоръ со стороны прихожанъ. И всегда среди нихъ найдутся люди, которые не постыбняются выразить свой неразумный протестъ прямо въ лицо „строному батюшкѣ“.—Такъ выражается вмѣшательство въ служебную практику священника въ сельскихъ приходахъ, при чемъ здѣсь, по крайней мѣрѣ, этимъ грубымъ поступкамъ прихожанъ можно подыскать извиненіе въ ихъ темотѣ, неразвитости. Но не лучше положеніе пастыря и въ городскихъ приходахъ: здѣсь всевозможнымъ претензіямъ, требовательности прихожанъ нѣтъ границъ и предѣловъ, и эти претензіи выражаются въ болѣе утонченной, мелочной, а потому—еще болѣе обидной формѣ!...

И вотъ, на почвѣ такихъ совершенно ненормальныхъ взаимоотношеній между представителями Церкви—пастырями и прихожанами, переходящихъ часто въ открытую непримиримую вражду, множатся у насъ въ духовномъ вѣдомствѣ судебно-административныя дѣла,—дѣла, въ которыхъ часто бываетъ не подъ силу разобраться начальству, и оно находится не рѣдко въ затрудненіи, чью принять сторону въ тяжбѣ между приходомъ и священникомъ. Но что особенно въ данномъ случаѣ печально, прискорбно, это то, что, будь извѣстное духовное лицо, навлекшее на себя неудовольствіе прихода, и совершенно право въ своихъ дѣйствіяхъ, оно удаляется болшею частію изъ враждебнаго прихода: такъ требуетъ идея нашего пастырскаго служенія. А между тѣмъ, если вникнуть въ душевное состояніе такого невинно потерпѣвшаго лица, то сколько откроется душевныхъ драмъ, обиды, остающихся горькимъ осадкомъ въ душѣ человѣка на всю послѣдующую жизнь!..

Но гдѣ же кроется причина подобныхъ, въ высшей степени нежелательныхъ, фактовъ и явленій?

Виною всему—исключительная въ своемъ родѣ неопредѣленность правового положенія пастыря въ приходѣ: съ одной стороны, онъ сознаетъ себя главою, настоятелемъ своего прихода, и сознаніе это обязываетъ, побуждаетъ его дѣйствовать,

поступать во всемъ сообразно своему призванію; съ другой стороны, его дѣятельность совершенно не ограждена отъ произвола и вмѣшательства прихожанъ какими-либо строго и опредѣленно оформленными законоположеніями. Онъ во всякое время лицомъ къ лицу стоитъ къ своему приходу безоружнымъ, доступнымъ для всевозможныхъ нападковъ и оскорбленій,—и эти нападки и оскорбленія не перестаютъ сыпаться на незащитную голову пастыря въ изобиліи... Посмотрите — возможно ли что-либо подобное въ другихъ служебныхъ положеніяхъ, въ другихъ вѣдомствахъ, гдѣ каждое служащее лицо ограждено должнымъ образомъ отъ посторонняго вмѣшательства и произвола въ своей дѣятельности?—Тамъ вы не встрѣтите ничего подобнаго... Придетъ ли, на примѣръ, въ голову кому-нибудь вмѣшаться въ служебныя дѣла судьи, земскаго начальника, становаго, а тѣмъ болѣе—давать имъ указанія, совѣты или противиться законнымъ ихъ дѣйствіямъ, распоряженіямъ?..—Во всякомъ случаѣ, осмѣлившійся на такой поступокъ тотчасъ же потерпѣлъ бы должное возмездіе. Пусть излишняя строгость, регламентація взаимоотношеній между приходомъ и священникомъ могутъ послужить къ охлажденію, отчужденности между ними; но нельзя же оставаться равнодушнымъ при существующемъ произволѣ, неопредѣленности, угрожающихъ на каждомъ шагѣ правонарушеніями! Трудно — что ни говорите—пріобрѣсть пастырю, при такихъ условіяхъ, авторитетъ и вліяніе, удержаться на подобающей сану высотѣ, если всякій и въ любое время можетъ безнаказанно унизить его, показать надъ нимъ свой произволь!..

Потому-то, одновременно съ заботами и стремленіемъ къ болѣе тѣсному сближенію прихода и Церкви, необходимо имѣть въ виду отмѣченную темную сторону въ современной приходской жизни и внести сюда, вмѣсто мрака и нестройнаго, свѣтъ и порядокъ. Но какъ это сдѣлать?

По нашему скромному мнѣнію, въ этомъ отношеніи многого можно достигнуть самимъ пастырямъ, не ожидая на-

чальственного вмѣшательства и не прибѣгая къ строгой регламентаціи, которая можетъ здѣсь оказаться даже вредной и мало-умѣстной... Прежде всего, не слѣдуетъ пастырю священнику въ самомъ началѣ своей службы на приходѣ относиться легко и поверхностно къ этому немаловажному дѣлу: тогда именно и лучше и легче уяснить установившійся въ извѣстномъ мѣстѣ строй приходской жизни, исправить его недостатки и ввести правильность, ясность и законность въ свои отношенія къ приходу. Лучшій способъ устранить всякій поводъ къ недоразумѣніямъ и столкновеніямъ съ прихожаками—это открытое, во всемъ правильное веденіе церковно-приходскихъ дѣлъ съ привлеченіемъ къ участию въ нихъ и къ ихъ обсужденію прихожанъ вездѣ, гдѣ это допустимо и законно. При такомъ способѣ дѣйствій отнята будетъ у неблагожелательныхъ прихожанъ всякая возможность къ жалобамъ на произволъ и своеволіе священника. Между тѣмъ, не держась строго подобнаго порядка,—очень часто и не по излишней склонности къ своеволію или самостоятельности, а просто—„для упрощенія дѣла“,—священникъ легко можетъ навлечь на себя ропоть и неудовольствіе цѣлаго прихода. Что касается вмѣшательства прихожанъ въ область чисто пастырскихъ дѣлъ и обязанностей, не подлежащихъ ихъ вѣдѣнію и распорядку, то и здѣсь пастырь найдетъ средства оградить себя отъ надоедливыхъ и обидныхъ притязаній. Въ данномъ случаѣ пастырю необходимо съ настойчивостію и опредѣленностію выяснить предъ приходомъ неприкосновенность своихъ правъ въ этой области и показать все неразуміе и неумѣстность здѣсь приходскаго вмѣшательства. Вообще, слѣдуетъ сказать, что для устраненія изъ церковно-приходской жизни указанной темной стороны требуется отъ пастыря крайняя осторожность, осмотрительность и закономѣрность въ своей служебной дѣятельности и въ отношеніяхъ къ приходу. „Будите мудри, яко зміи“—далъ великую заповѣдь Господь еще апостоламъ; ее памятовать, ею руководиться подобаешь и каждому изъ насъ.

Свящ. А. В.—ій.

О нашихъ благочинныхъ.

Должность благочиннаго имѣетъ очень важное значеніе. Прежде всего, вѣдѣнію благочиннаго подлежить дѣятельность подчиненнаго ему духовенства: онъ обязанъ наблюдать, какъ проходитъ духовенство свою должность, какъ относится оно къ прихожанамъ, какъ ведетъ себя, и вообще — стоитъ ли оно на высотѣ своего призванія. Благочинный долженъ не только наблюдать за дѣятельностію духовенства, но и руководить этою дѣятельностію, направлять ее на все *благое* и *чинить все благое*; не даромъ лица, облеченныя такою властію, называются *благочинными*.

Если сама по себѣ дѣятельность духовенства высока, то настолько же должна быть высока и важна и роль руководителей этою дѣятельностію, особенно въ настоящее время, когда отъ духовенства такъ много требуется и такъ много ожидается. Большинство духовенства живетъ въ глуши, безъ интеллигентнаго общества, часто безъ книгъ для чтенія, занято бываетъ заботами о матеріальномъ своемъ обезпеченіи, — однимъ словомъ, находится среди такой обстановки, что можетъ потерять изъ виду тѣ идеалы, которые ему предносились на школьной скамьѣ, и къ осуществленію которыхъ оно должно стремиться. Кто же можетъ прежде и ближе всего поддержать, укрѣпить, поставить его на истинный путь, какъ не ближайшее начальство — благочинные?

Далѣе, — вѣдѣнію благочиннаго подлежатъ храмы Божіи и ихъ суммы. Насколько важно значеніе нашихъ храмовъ, настолько же должно быть важно и руководство дѣятельностію тѣхъ лицъ, которыя заботятся о благолѣпіи храмовъ, т. е. духовенства и ктиторовъ. Если важно содержать въ должномъ порядкѣ общественные дома, напр., учебныя заведенія, разныя присутственныя мѣста и т. п., то насколько же важнѣе должно быть достойное содержаніе домовъ Божіихъ! — А такое содержаніе много зависитъ отъ благочинныхъ, какъ ближайшихъ начальниковъ духо-

венства и церковныхъ старость. Храмы наши, къ сожалѣнію, не вездѣ содержатся въ порядкѣ: не рѣдко можно видѣть храмы, расписанные по вкусу какого-либо ктитора яркими красками; бываетъ такъ, что на иконахъ—прекрасная живопись, но ктитору, по невѣдѣнію, на такія иконы дѣлають металлическія ризы и тѣмъ уничтожаютъ значеніе живописи. Всѣмъ извѣстна также страсть ктиторовъ къ громаднымъ колоколамъ,—а о школахъ церковно-приходскихъ, о бібліотекахъ, попечительствахъ и т. п. они вовсе почти не заботятся. Конечно, виновны въ томъ не одни ктитору, а и духовенство. Но почему же на подобныя ненормальности не обращаютъ вниманія ближайшіе руководители духовенства и церковныхъ старость?

Вѣдѣнію благочинныхъ подлежатъ значительныя церковныя суммы, которыя жертвуются Самому Богу — на *благія* добрыя дѣла; это, болышею частію, лепты людей бѣдныхъ, и потому понятна сама собою важность и значеніе такихъ суммъ. Сообразно такому значенію этихъ суммъ, и контроль за ними долженъ быть самый строгій. Неправильный расходъ каждой церковной копейки есть уже святотатство, которое жестоко карается божескими и человѣческими законами.

Въ кругъ обязанностей благочинныхъ входитъ и наблюденіе за школами. Благочинные, какъ власть имущіе, и здѣсь могутъ принести много пользы. Наблюдатели школъ—люди, посторонніе въ приходѣ; они наблюдаютъ уже за тѣмъ, что устроено, организовано. Устроить же, поставить дѣло народнаго просвѣщенія прочно—это дѣло мѣстнаго духовенства, руководителями котораго и въ этомъ дѣлѣ должны быть прежде всего и болѣе всего благочинные. Но всегда ли и вездѣ ли проявляется послѣдними такое руководство?...

Положеніе о благочинныхъ—Инструкція ихъ издапа давно, а жизнь идетъ впередъ, задачи дѣятельности духовенства съ каждымъ годомъ усложняются, разнообразятся. Что достаточно было 20—30 лѣтъ тому назадъ, того теперь слишкомъ и слишкомъ мало. Сообразно измѣнившимся условіямъ

жизни и дѣятельности духовенства долженъ быть измѣненъ и контроль надъ нимъ.

Уже по одному тому, что количество пасомыхъ и приходскихъ священниковъ значительно увеличилось съ тѣхъ поръ, какъ издано было положеніе о благочинныхъ, нужно принять соотвѣтствующія мѣры и къ сообразному съ жизнію положенію благочинныхъ. Надъ малымъ стадомъ, какъ извѣстно, можно назначать и малолѣтнихъ пастуховъ; но чѣмъ большее стадо, тѣмъ и пастуховъ назначаютъ болѣе надежныхъ, болѣе опытныхъ,—того требуетъ самое дѣло. Вотъ почему, на должность благочиннаго въ настоящее время нужно обратить самое серьезное вниманіе.

Посмотримъ же теперь, какъ поставлены у насъ благочинные? Стоять ли они на высотѣ своего положенія и могутъ ли стоять?—Наши благочинные имѣютъ приходы; а извѣстно, что совмѣщеніе многихъ должностей въ одномъ лицѣ не желательно и не полезно. Нынѣшній благочинный, само собою понятно, прежде всего старается исполнить свою главную, прямую обязанность—приходскаго священника, благочиніе же для него есть дѣло побочное, тѣмъ болѣе, что и вознагражденіе за труды по благочинію онъ получаетъ гораздо меньшее, чѣмъ по приходу. Къ тому же, у него и времени нѣтъ во все вникать, какъ слѣдуетъ, особенно, если еще благочинный состоитъ законоучителемъ въ школахъ (а иногда и въ нѣсколькихъ). Дѣятельность благочинныхъ въ настоящее время ограничивается тѣмъ, что они два раза въ годъ на самое короткое время побываютъ въ подвѣдомственныхъ имъ приходяхъ, наскоро просмотрятъ документы церковные, получаютъ различные сборы, для одного учета которыхъ требуется не мало времени,—и только. А нѣкоторые благочинные даже не ѣздятъ по селамъ, а къ нимъ привозятъ подвѣдомственные священники и документы и сборы. Такъ поступаютъ, главнымъ образомъ, люди престарѣлые или не отличающіеся хорошимъ здоровьемъ. На то же, какъ относятся духовныя лица къ своей обязанности, проповѣдуютъ ли Слово Божіе,

какъ относятся другъ къ другу, къ прихожанамъ и т. п., благочинные совсѣмъ почти не обращаютъ никакого вниманія. Однимъ словомъ, благочинные теперь контролируютъ только дѣла официальные, дѣла бумажныя — канцелярскія. Но вѣдь дѣятельность духовенства не въ томъ только состоитъ. Можетъ быть все исправно по документамъ, но не все въ порядкѣ въ самой жизнедѣятельности лицъ, подчиненныхъ благочинному; можетъ быть и наоборотъ. Винить благочинныхъ въ томъ, что они не стараются упорядочить жизнь въ благочиніи и улучшить эту жизнь, нельзя, потому что они не имѣютъ для этого физической возможности, а иногда и не могутъ этого сдѣлать, хотя бы и хотѣли.

Вѣдь кто и какъ обыкновенно избирается у насъ въ благочинные?—Избираются такіе же заурядные священники, какъ и всѣ, преимущественно люди уже заслуженные, много послужившіе въ селѣ священники. При прежнемъ выборномъ началѣ само духовенство избирало изъ своей среды лицъ, дѣйствительно достойнѣйшихъ. — Въ одной епархіи при избраніи благочинныхъ практиковался такой способъ. Когда нужно было избрать благочиннаго, епархіальное начальство посылало по всѣмъ приходамъ довѣренное лицо—чаще всего уѣзднаго протоіерея. Это лицо отбирало запечатанные пакеты отъ каждаго члена причта, всѣ члены писали въ пакетахъ, кого они желаютъ избрать въ благочинные. Изъ такихъ пакетовъ преосвященный уже видѣлъ, кого лучше всего избрать.

Предположимъ, что на должность благочиннаго тѣмъ или другимъ способомъ будутъ выбраны лучшіе, достойнѣйшіе изъ священниковъ. Но вѣдь они по образованію—такіе же, какъ и прочіе: окончили курсъ въ семинаріи, живутъ въ такой же жизненной обстановкѣ, какъ и прочіе, такъ же имъ нужно заботиться о дѣлахъ по приходу, по хозяйству и т. п. Какъ же они могутъ стать выше своихъ подчиненныхъ по убѣжденіямъ, стремленіямъ и по всей вообще своей дѣятельности?.. По нашему мнѣнію, на должность эту нужно привлекать лицъ съ высшимъ академическимъ образованіемъ.

А для того, чтобы привлечь такихъ лицъ на должность благочинныхъ, нужно опредѣлить достаточное содержаніе — по крайней мѣрѣ, не менѣе 1500 руб. въ годъ; лучше пусть будетъ меньшее количество благочинныхъ (теперь ихъ бываетъ 3 или 4 на уѣздъ, — можно ограничиться *однимъ съ помощникомъ* изъ приходскихъ священниковъ). Благочинные эти должны быть *безприходными* (нельзя ли соединить должности благочиннаго съ должностью уѣзднаго наблюдателя?) и должны вѣдать только лишь одно свое дѣло — наблюденіе за духовенствомъ и приходскою жизнью¹⁾.

Нельзя не обратить также вниманія и на слѣдующее обстоятельство. Жалованье и вообще вознагражденіе за свой трудъ благочинные въ настоящее время получаютъ очень небольшое. Этого мало, — получаютъ его нынѣшніе благочинные съ тѣхъ же самыхъ лицъ, которыхъ они пріѣзжаютъ ревизовать, и даже при самой этой ревизіи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ положено двѣ части жалованья получать изъ церковныхъ суммъ, а одну треть — изъ причтовыхъ; большую же частію опредѣленнаго жалованья не назначается, а благочинные получаютъ *благодарность* за трудъ по усмотрѣнію священниковъ. — Такой способъ полученія вознагражденія совершенно не нормаленъ.

Во время производства ревизіи благочинные всегда обыкновенно останавливаются въ домахъ причтовъ, которыхъ они должны ревизовать. Ктиторы и причты стараются, разумѣется, принять ихъ какъ только можно лучше (конечно — на церковный счетъ). При такомъ порядкѣ вещей — могутъ ли благочинные вполнѣ безпристрастно производить ревизію?..

И выходитъ, что, собственно говоря, *настоящаго* контроля надъ приходами теперь нѣтъ и не можетъ быть. А чтобы такой контроль былъ, нужно измѣнить положеніе самихъ благочинныхъ...

¹⁾ Подоробиѣ обо всемъ этомъ см. статью свящ. П. Малинина въ № 48-мъ журнала за 1903 г.

Въ настоящее время благочинные сами власти почти никакой не имѣютъ, — они только служатъ посредниками между епархіальнымъ начальствомъ и приходами. А много есть такихъ дѣлъ, которые можно и гораздо удобнѣе было бы предоставить рѣшать самимъ благочиннымъ, напр. — часто бываютъ ошибки въ метрическихъ книгахъ или даже пропуски родившихся и т. п. Всѣ подобныя дѣла, при нынѣшнихъ порядкахъ, восходятъ до епархіальнаго начальства, вслѣдствіе чего безъ всякой нужды теряется слишкомъ много времени, ведется слишкомъ много переписки, а между тѣмъ обстоятельства часто требуютъ безотлагательнаго рѣшенія того или другого дѣла. *Новые* благочинные и могли бы все это сдѣлать на мѣстѣ, собственною властію, произведши надлежащее дознаніе даже при самой ревизіи церквей. При такомъ порядкѣ вещей было бы легче и населенію да и самому епархіальному начальству, которое теперь обременено массою „дѣлъ“. Особенно подобныя дѣла могли бы быть рѣшаемы на благочинническихъ совѣтахъ, которые теперь есть почти вездѣ. Членамъ совѣта, какъ лицамъ, живущимъ на мѣстѣ, виднѣе и удобнѣе рѣшать ихъ — и притомъ лично, а не путемъ переписки, какъ практикуется это теперь, когда подаются прошенія епархіальному начальству.

Такъ какъ сборы съ церквей очень многочисленны, что слишкомъ осложняетъ дѣятельность благочинныхъ, то можно предоставить эти сборы и представленіе денегъ или особенно избраннымъ священникамъ, или же помощникамъ благочинныхъ; а благочинные бы вѣдали только дѣла болѣе важныя, болѣе существенныя, вносили бы *благочиніе* въ приходскую жизнь, а не были бы *сборщиками*.

Подведемъ, въ заключеніе, итоги всему сказанному нами о желательномъ преобразованіи института благочинныхъ:

1) Нужно измѣнить положеніе о благочинныхъ, — того требуетъ самая жизнь.

2) Нужно по возможности на должности благочинныхъ привлекать лицъ съ высшимъ образованіемъ.

3) Благочинные должны быть безприходными.

4) Содержаніе имъ должно быть увеличено, при чемъ долженъ быть измѣненъ и самый способъ полученія его.

5) Должна быть расширена власть ихъ.

6) Нужно благочинныхъ избавить отъ сбора денегъ, который предоставить особеннымъ сборщикамъ.

7) Нужно исклопотать, предъ кѣмъ слѣдуетъ, чтобы благочинные имѣли право при ревизіи пользоваться земскими лошадьми.

Свящ. В. Дроздовъ.

Справедливо ли мнѣніе о книгѣ Требникъ, какъ о собраніи суевѣрій?

„Не презирай заклинанія“.

(Св. Григорій Богословъ).

Враги Церкви Христовой употребляютъ всѣ усилія для того, чтобы запятнать ея свѣтлый образъ, набросятъ тѣнь на ея непорочность. Поводомъ для ихъ нападокъ не разъ служила одна изъ самыхъ употребительныхъ книгъ въ церковно-богослужебной практикѣ пастыря, именуемая Требникомъ. Требникъ, какъ извѣстно, содержитъ въ себѣ чинѣ послѣдованія и молитвы на всѣ случаи въ жизни христіанина. И вотъ, тѣ самыя возвышенныя молитвы, которыми Церковь сопровождаетъ своихъ чадъ отъ рожденія до могилы, люди невѣрующіе называютъ не чѣмъ инымъ, какъ суевѣрными заклинаніями, приуроченными ко всѣмъ возможнымъ обстоятельствамъ въ жизни человѣка. Это тѣ же приемы колдовства, по ихъ мнѣнію, которые практикуются такъ называемыми знахарями въ

невѣжественной народной массѣ. „Для того,—съ сарказмомъ заявляютъ они,—чтобы родильница перестала быть нечистою, чтобы избавиться отъ какого-нибудь несчастія, напр., засухи, градобитія и т. п., нужно произнести извѣстныя заклинанія изъ Требника: чтобы облегчить участь человѣка по смерти, нужно также произносить заклинанія, сопровождая ихъ различными обрядами. Такимъ образомъ,—по ихъ взгляду,—Церковь не только поддерживаеъ, но и распространяеъ грубое суевѣріе среди христіанъ“.—Таково тяжкое обвиненіе, возводимое на Церковь по поводу содержанія Требника.

Къ сожалѣнію, эти взгляды иногда встрѣчаютъ себѣ сочувствіе и среди такихъ лицъ, которыя признаютъ ученіе Христа, изложенное въ Евангеліяхъ, не рѣдко съ уваженіемъ относятся къ святоотеческимъ твореніямъ и къ богослуженію православному. Что болѣе всего смущаеъ такихъ лицъ?—Такъ называемыя *заклинательныя* молитвы. Но заклинательныя молитвы имѣютъ свое основаніе въ Евангеліяхъ, въ которыхъ неоднократно указывается на то, что злые демоны вселяются въ людей. Изъ гадаринскаго бѣсноватаго Христомъ былъ изгнанъ цѣлый легионъ бѣсовъ (Лук. 8, 30); изъ Маріи Магдалины—семь бѣсовъ (Лук. 8, 2). Многіе бѣсноватые исцѣлены были Спасителемъ предъ учениками Іоанна (Лук. 7, 21) и въ Капернаумѣ (Лук. 4, 4). Эту власть изгонять духовъ нечистыхъ Іисусъ Христосъ передалъ апостоламъ, а черезъ нихъ и ихъ преемникамъ—іерархическимъ лицамъ въ Церкви. Онъ говорилъ Своимъ ученикамъ: *бъсы изгоняйте* (Мѣ. 10, 8). *Се даю вамъ власть наступати на змію и скорпію и на всю силу вражію: и ничесоже вамъ вредитъ* (Лук. 10, 19). И апостолы пользовались этою властію: именемъ Христа они изгоняли демоновъ (Дѣян. 5, 16; 8, 7), даже ихъ убрусы исцѣляли бѣсноватыхъ (19, 12). Власть надъ духами злобы перешла отъ апостоловъ къ ихъ преемникамъ—пастырямъ Церкви. „Демоны, —говоритъ Тертуліанъ,—боясь Христа и Бога въ Христѣ, покараются служителямъ Бога и Христа“.—При изгнаніи духовъ злобы изъ одержимыхъ ими еще въ вѣкъ

апостольскій произносились заклинанія, что видно изъ формулы, которую употребляли, хотя и не имѣя на то власти, сыновья первосвященника Скевы: *заклинаемъ вы Иисусомъ, Ею же Павелъ прсповѣдуетъ* (Дѣян. 19, 13). Въ древней Церкви существовала даже особая должность въ клирѣ—*экзорцистовъ*, или заклинателей; они произносили заклинанія надъ одержимыми бѣсомъ, о чемъ свидѣтельствуесть Оригенъ: „если сила вражія нападетъ на чье-либо тѣло, смущаетъ и обольщаетъ умъ, то христіане прибѣгаютъ къ частымъ молитвамъ, постамъ и призываніямъ заклинателей“. Экзорцисты также произносили заклинанія надъ оглашаемыми, потому что невѣрующіе, по словамъ апостола Павла, *ходятъ по князю власти воздушныя* (Ефес. 2, 2).

Православная Церковь, вѣрная ученію Св. Писанія и Свящ. Преданія, сохранила и до настоящаго времени заклинательныя молитвы: четыре въ чинѣ крещенія, согласно ученію ап. Павла, 6 молитвъ свв. Василия Великаго и Іоанна Златоустаго „къ страждущимъ отъ демоновъ и на всякую немощь“ и заклинаніе св. муч. Трифона въ „чинѣ, бываемомъ на нивахъ, или виноградѣ, или вертоградѣ, аще случится вредитися имъ отъ гадовъ, или иныхъ видовъ“. Возможно ли послѣ всего указаннаго утверждать, что заклинательныя молитвы противорѣчатъ христіанскому ученію и заключаютъ въ себѣ суевѣріе, не признавъ предварительно, что и сами Евангелія, посланія апостольскія и творенія отцовъ и учителей Церкви наполнены также суевѣрными баснями? Возможно ли сравнивать заклинательныя молитвы Церкви съ заговорами, какіе употребляютъ наши знахари?—Вотъ образчикъ знахарскаго заговора: „На морѣ, на окіанѣ, на островѣ Буяніи стоитъ соборная апостольская церковь. Въ той соборной апостольской церкви стоитъ мать Пресвятая Богородица и преподобный Антоній, зубной исцѣлитель. Онъ проситъ и молитъ угодниковъ Божіихъ о рабѣ Божіемъ (имярекъ). Какъ у васъ, угодники Божіи, зубы не болѣли, такъ бы у раба Божія (имярекъ) зубы не болѣли. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Аминь".—Какъ сравнить съ подобной безсмыслицей вдохновенныя молитвы, составленныя свв. Василиемъ Великимъ, Иоанномъ Златоустымъ и другими святыми мужами?.

Что касается отдѣльныхъ выраженій, на которыя указываютъ, какъ на заключающія въ себѣ суевѣріе, то оказывается, что, при правильномъ пониманіи ихъ, они не противорѣчатъ христіанскому ученію. Чаще всего подвергаются возраженіямъ слова: „соблуди, Господи, отъ очесъ призора“, находящіяся во второй молитвѣ жепѣ-родильницѣ. Эти слова многими объясняются въ томъ смыслѣ, что „Церковь здѣсь раздѣляетъ народное повѣрье въ „лихой глазъ“, или „сглаживанье“. По этому поводу представлено много объясненій, но лучшими изъ нихъ являются тѣ, которыя опираются на словахъ св. Василія Великаго. Въ словѣ „О зависти“ онъ говоритъ: „о завистливыхъ иные думаютъ, что они наносятъ вредъ однимъ взоромъ, такъ что отъ ихъ завистливаго взгляда начинаютъ чахнуть тѣла крѣпкаго сложенія, по юности возраста цвѣтушія всею красотою. Вся полнота ихъ исчезаетъ, какъ будто изъ завистливыхъ глазъ льется какой-то губительный, вредоносный и истребительный потокъ. Я отвергаю такое разсужденіе, потому что оно простонародно и старыми женщинами поддерживается въ женскихъ теремахъ“. Такимъ образомъ, св. Василій Великій, который признается однимъ изъ лучшихъ выразителей церковнаго ученія, считаетъ народное вѣрованіе въ „лихой глазъ“ басней. Но онъ далѣе указываетъ на то, что глазами, поскольку они служатъ выраженіемъ злыхъ пожеланій души, можетъ пользоваться діаволь и, по поущенію Божію, наносить вредъ людямъ. Объ избавленіи отъ этого вреда и можетъ молиться Церковь, такъ какъ она вѣритъ, что врагъ рода человѣческаго можетъ пользоваться многоразличными средствами ¹⁾.

¹⁾ Въ Требникѣ Петра Могилы выраженіе: отъ „очесъ призора“ передается словами: отъ „очеснаго негодованія“. Если эта редакція болѣе точно выражаетъ мысль подлинника, то возраженіе падаетъ само собою.

Особенно много нападокъ дѣлается на молитву, приписываемую св. муч. Трифону въ „чинѣ, бываемомъ на нивахъ, или виноградѣ, или вертоградѣ, аще случится имъ вредитися отъ гадовъ, или иныхъ видовъ“. „Это заклинаніе не мученика Трифона, — говоритъ Гооаръ, ученый изслѣдователь литургическихъ памятниковъ, — но, можетъ быть, неизвѣстнаго имени и извѣстной простоты мужа; оно подложно, фальшиво и совершенно достойно осужденія“. Приговоръ рѣзкій, но едва ли справедливый. Не безъ основанія это заклинаніе молитва соединяется съ именемъ муч. Трифона. Въ греческихъ евхологіонахъ разсказывается, что однажды селеніе Камисадъ посѣтилъ гнѣвъ Божій. Всякую растительность пожирала въ несмѣтномъ количествѣ появившіеся насѣкомыя и гады. Неизбѣженъ былъ голодъ. Тогда св. Трифонъ обратился къ Богу съ горячею молитвою, при чемъ произнесъ и заклинаніе. Богъ услышалъ угодника: вредные насѣкомыя и гады исчезли. Церковь, вѣруя, что св. Трифонъ и по блаженномъ успеніи не перестаетъ ходатайствовать предъ Богомъ за людей, и соединяетъ молитву объ избавленіи полей отъ вредныхъ насѣкомыхъ и гадовъ съ его именемъ. — Переходя къ содержанію, мы должны отмѣтить два мѣста, которыя могутъ смущать и заставляютъ нѣкоторыхъ признавать молитву апокрифическою. Это, во-первыхъ, то мѣсто, гдѣ св. Трифонъ заклинаетъ насѣкомыхъ и гадовъ „многочитыми херувимами и шестикрылатыми серафимами и всѣми безплотными силами воинства небеснаго“, и то, гдѣ онъ заклинаетъ „великимъ именемъ, на камени написанномъ, и не посившимъ, по разсѣдшемся, яко воскъ отъ лица огня“. Эти мѣста будто бы сближаютъ молитву съ заговорами, въ которыхъ болѣзни заклинаются не только именами святыхъ лицъ, но и предметами міра вещественнаго. — Но при внимательномъ сопоставленіи между заговорами и указанными мѣстами заклинанія св. Трифона оказывается существенное различіе. Въ заклинаніи св. Трифона оба мѣста выражаютъ мысль о величій имени Божія, которымъ и св. отцы Церкви заповѣдали за-

клинять демоновъ. Первое мѣсто указываетъ на служебное значеніе херувимовъ и серафимовъ, стоящихъ окрестъ престола Божія, а второе — напоминаетъ, вѣроятно, о какомъ-нибудь чудѣ, совершенномъ св. Трифономъ силою имени Божія, что вполне допустимо, такъ какъ св. Трифонъ, какъ извѣстно изъ его житія, былъ великимъ чудотворцемъ и съ дѣтства имѣлъ даръ чудотворенія. Такимъ образомъ, между заклинаніемъ св. Трифона и ученіемъ Церкви, которая заповѣдуетъ заклинять именемъ Бога, творящаго чудеса и славимаго херувимами и серафимами, нѣтъ противорѣчія, а потому и строгія осужденія этой молитвы-заклинанія не справедливы (Вольнск. еп. в., 1903 г., № 33).

Замѣчательный случай изъ жизни пастыря.

Въ „Яросл. епарх. вѣд.“ помѣщенъ некрологъ свящ. А. Заозерскаго, гдѣ, между прочимъ, разсказывается слѣдующее.

19 августа 1841 г. о. Александръ совершалъ литургію. Въ 10 часовъ утра, въ половинѣ литургіи, загорѣлся одинъ изъ окружающихъ храмъ домовъ. Пожаръ быстро сталъ распространяться. Въ храмъ вбѣгаетъ вѣстникъ и говоритъ о. Александру: „Батюшка! твой домъ загорѣлся!“ Выслушавъ это извѣстіе, о. Александръ спокойно сказалъ: „Поди, скажи попадѣ, чтобы она берегла себя, а теперь я не могу оставить храма“—и продолжалъ литургію. Между тѣмъ, пожаръ разрослся и сталъ угрожать церкви. На сѣверной сторонѣ главнаго купола загорѣлась рама, и огонь могъ спуститься на высокій иконостасъ. Руководствуясь наставленіемъ „Учительнаго извѣстія“, о. Александръ вынесъ изъ храма св. Дары и антиминсъ и на одной изъ могильныхъ плитъ кладбища окончилъ литургію. Въ это время одинъ изъ находящихся въ храмѣ — ловкій смѣльчакъ, съ топоромъ въ рукѣ, сумѣлъ подняться по иконостасу до купола и вышибъ горящую раму, чѣмъ и предупредилъ пожаръ внутри храма,—ничто внутри

его не пострадало. Въ селѣ сгорѣло 18 большихъ домовъ, у о. Александра сгорѣло все имущество, даже небольшой запасъ хлѣба и сѣна. Испытаніе было перенесено мужественно. Благодаря рѣдкому участию добрыхъ людей, въ теченіе 1842—44 гг. причтъ и прочіе погорѣльцы выстроились вновь, хотя далеко не въ прежнемъ видѣ; исправлены были и всѣ поврежденія храма. Въ особенности ободряющимъ для пострадавшихъ было слѣдующее обстоятельство. Вскорѣ послѣ пожара на квартиру о. Александра, въ его отсутствіе, подана была неизвѣстнымъ мальчикомъ записка на клочкѣ бумаги такого содержанія: „Осмотрите кружку у церкви; въ нее вложенъ билетъ на церковь и погорѣльцевъ“. По осмотрѣ кружки въ ней былъ найденъ ломбардный билетъ въ 5000 руб. Кто былъ этотъ скрывшій свое имя жертвователь, осталось совершенно неизвѣстнымъ, не смотря на самые тщательные розыски.

За редактора, помощникъ редактора Г. О. Булашевъ.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется Кіевъ, 3 января 1904 г.

Цензоръ, священникъ *Θ. Титовъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 2.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, января 11-го.

Содержаніе: Богоявленское водоосвященіе.—Какія службы и какъ могутъ быть отправляемы діакономъ безъ іереевъ?—Священникъ на должности псаломщика.—Къ вопросу о церковномъ почитаніи отечественныхъ святыхъ.

Богоявленское водоосвященіе.

Вопросъ о богоявленскомъ водоосвященіи принадлежитъ къ числу тѣхъ многочисленныхъ литургическихъ вопросовъ, которые всегда, — и теперь и прежде, — возбуждали къ себѣ самый живой интересъ, но не получали надлежащаго разрѣшенія за недостаткомъ необходимаго научнаго матеріала. Извѣстно, что богослуженіе Православной Греко-Восточной Церкви слагалось и развивалось въ теченіе весьма долгаго времени и насчитываетъ почти уже *два* тысячи лѣтъ своего существованія. Не только главныя годовыя и суточные службы, но положительно каждый богослужебный чинъ, всякое церковное послѣдованіе имѣютъ за собою длинную и интересную исторію. Не зная ея, не возможно составить вѣрнаго,

соотвѣтствующаго существу дѣла и полнаго взгляда на смыслъ и значеніе различныхъ богослужебныхъ обрядовъ. Къ сожалѣнію, изслѣдованіе православнаго богослуженія только за послѣдніе двѣ—три десятка лѣтъ поставлено на твердую почву. Только съ недавняго, сравнительно, времени пришли къ мысли, что изучать богослуженіе нельзя, не имѣя въ распоряженіи данныхъ къ тому, т. е. не познакомившись основательно съ тѣми древними богослужебными памятниками, которые воспроизводятъ службы, чины и послѣдованія, практиковавшіеся въ церквахъ православнаго греческаго Востока и нашихъ русскихъ, и которые болѣе или менѣе тщательно сохраняются отъ уничтоженія въ старинныхъ и знаменитыхъ библіотекахъ Востока, Запада и Россіи. Страхнувъ многовѣковую пыль съ почернѣвшихъ и пожелтѣвшихъ отъ времени греческихъ и славянскихъ рукописей, изслѣдователи православнаго богослуженія начали изучать содержащійся въ нихъ литургическій матеріалъ и на основаніи его приступили къ научному объясненію особенностей нашего церковнаго чина. Литургической наукѣ пока еще далеко, конечно, до созданія полной исторіи богослуженія въ Церкви Греческой и Русской,—для этого еще много и много надо потрудиться литургистамъ, и — не одного, а нѣсколькихъ поколѣній; но все-таки за послѣднее время уже стали появляться въ свѣтъ отдѣльныя монографіи, составленныя на основаніи изученія древнихъ памятниковъ богослуженія, полныя свѣжихъ и новыхъ мыслей, и можно надѣяться, что дѣло научной разработки такой въ высшей степени интересной области религіознаго творчества, какъ богослуженіе, въ недалекомъ будущемъ пойдетъ гораздо быстрѣе и успѣшнѣе, чѣмъ оно шло до сихъ поръ. Намъ кажется, что подъемъ религіознаго духа, который несомнѣнно теперь начался въ жизни русскаго общества, заставитъ самихъ пастырей обратить вниманіе на эту такъ долго оставшуюся въ пренебреженіи широкую область литургическихъ предметовъ. Уже русскій человѣкъ не довольствуется однимъ, если можно такъ выразиться — внѣшнимъ присутствіемъ при

богослуженіи. Для него богослуженіе становится и не одною потребностью религіозно - настроеннаго сердца; онъ хочетъ вникнуть въ смыслъ того, что видитъ и слышитъ въ церкви, хочетъ участвовать въ богослуженіи не одною виѣшностью и не однимъ сердцемъ, но и умомъ, и всѣми силами и способностями своего духа. На эти законныя потребности и добрыя желанія религіозно настроенныхъ людей нашего времени Церковь, въ лицѣ пастырей, не можетъ иначе отвѣтить, какъ только обративши пытливый ихъ взоръ назадъ, въ даль прошлаго, и указавъ источникъ разумѣнія нашего богослуженія въ изслѣдованіи такъ теперь часто издаваемыхъ древнихъ литургическихъ памятниковъ. Эти памятники проливаютъ свѣтъ на всѣ современные богослужебныя наши порядки, они же указываютъ и лучшій выходъ изъ тѣхъ затрудненій, которыя не могутъ не возникать въ богослужебной практикѣ, разъ мы не хотимъ считаться съ исторіей богослуженія.

Просимъ извиненія у читателей за это отступленіе отъ прямо поставленной темы.

Интересъ къ разгадкѣ богоявленскаго обряда великаго водоосвященія у насъ въ Россіи возникъ, можно сказать, съ началомъ всего сложнаго, окончившагося столь печально для Церкви, дѣла книжнаго исправленія. Уже въ вѣкъ Максима Грека сталъ горячо обсуждаться вопросъ о томъ, сколько разъ слѣдуетъ совершать освященіе воды въ праздникъ Богоявленія—однажды ли, въ канунъ Богоявленія, или еще и на другой день, въ самый праздникъ Богоявленія. Практика двукратнаго водоосвященія въ XV вѣкѣ была новостью для русскихъ. При господствѣ такъ называемаго „Студійскаго“ церковнаго устава (точнѣе — Алексѣевскаго), Русская Церковь совершала только одно освященіе воды, именно—въ навечеріе Богоявленія (рпк. Моск. Синод. б., № 330—380, л. 125), и если русскіе знали о томъ, что, кромѣ навечерія, въ нѣкоторыхъ греческихъ церквахъ великое водоосвященіе совершается еще и въ праздникъ Богоявленія, то знали это по однимъ переводнымъ богослужебнымъ книгамъ, которыя появлялись

тогда на Руси, благодаря живымъ сношеніямъ Россіи съ Византіей. Греки, по праву духовнаго родства съ русскими и старшинства надъ ними, усердно знакомили русскихъ, чрезъ посредство сербовъ и болгаръ, съ своими богослужебными порядками и старались насаждать ихъ среди русскихъ. Обычай дважды совершать водоосвященіе утвердился уже въ Греціи гораздо раньше XV в.; но русскіе до появленія въ своей богослужебной практикѣ Іерусалимскаго устава все еще соблюдали тотъ порядокъ, который былъ у нихъ раньше. И только когда правительственная церковная власть, въ лицѣ митрополитовъ, распространявшихъ въ Россіи греческое вліяніе, выразилась за преобладаніе въ богослужебной практикѣ Іерусалимскаго устава, тогда и въ чинѣ богоявленскаго водоосвященія произошли измѣненія согласно съ порядками, утвердившимися по всей Греціи. Освящать воду съ XV в. начали *два* раза: въ канунъ и въ самый праздникъ. Новый порядокъ вызвалъ среди русскихъ недоумѣніе. Казалось, что нѣтъ надобности править одинъ и тотъ же чинъ два раза въ сущности въ *одинъ* богослужебный день. Авторитетъ Греческой Церкви былъ всегда силенъ въ Россіи, и поэтому, лишь только явилось недоумѣніе относительно необходимости совершать освященіе воды въ день Богоявленія дважды, русскіе обращаются за разрѣшеніемъ вопроса къ знатокамъ греческаго богослуженія и хотятъ знать отъ нихъ, прежде всего, дѣйствительно ли въ Греціи совершаютъ теперь два раза освященіе воды; а если совершаютъ, то какой смыслъ соединяется съ каждымъ изъ этихъ освященій, и въ чемъ состоитъ разница между первымъ—наканунѣ водоосвященіемъ и вторымъ—въ „заутрени“? Среди знатоковъ греческаго богослуженія едва ли не первое мѣсто занималъ тогда Максимъ Грекъ. Дѣятельность его въ Россіи падаетъ преимущественно на первую четверть XVI столѣтія; къ этому же времени, или нѣсколько позже, слѣдуетъ отнести его посланіе къ нѣкому „благочестивому“ мужу, спрашивавшему о богоявленскомъ водоосвященіи, подъ заглавіемъ: „О освященіи“

ніе водѣ на заутріи святыхъ Богоявленій“, въ каковомъ посланіи Максимъ Грекъ, на основаніи какъ личныхъ наблюденій, сдѣланныхъ имъ въ различныхъ обителяхъ св. Аѳонской горы, такъ и на основаніи толкованій Вальсамона къ церковнымъ правиламъ, старается выяснить, „откуда начало пріять сицевый чинъ (водоосвященія) и коея ради вины второе бываетъ освященіе воды на рѣкѣ въ заутріе Богоявленія“. Максимъ Грекъ указываетъ, что вторичное водоосвященіе стоитъ въ связи съ обычаемъ, издавна практикуемымъ въ Греческой Церкви, освящать воду въ первый день каждаго мѣсяца. Обычай ежемѣсячнаго водоосвященія строго соблюдается,—говоритъ онъ,—въ обителяхъ святой Горы, и чинъ освященія воды совершается тамъ очень торжественно; освященною водою кропятъ на Аѳонѣ не только монастырь съ его постройками, но выходятъ со св. водою и за монастырскія стѣны, въ огородъ, окропляя „вся въ немъ саженая зеля, и сице соблюдаютъ невредима отъ червей и гусеницъ“. Не вдаваясь въ подробный разборъ всего, сказаннаго по этому поводу Максимомъ Грекомъ, отмѣтимъ только, что, очевидно, Максимъ Грекъ, говоря объ освященіи воды въ праздникъ Богоявленія и поставляя это освященіе въ связь съ обычными въ Греціи новомѣсячными водоосвященіями, разумѣетъ не *великое* и особое *богоявленское* водоосвященіе, но то, которое, въ отличіе отъ него, называется *малымъ*. По мысли Максима Грека, одно водоосвященіе не исключается другимъ, потому что въ навечеріе праздника этотъ обрядъ совершается въ воспоминаніе крещенія Господня во Іорданѣ, а въ праздникъ— вмѣсто перваго числа января мѣсяца: съ перваго числа освященіе переносится на шестое какъ бы для того, чтобы торжественною церковною процессіей на рѣку усугубить величіе свѣтлаго праздника Богоявленія ¹⁾.

Но русскихъ интересовало не столько это—*малое* водоосвященіе, сколько другое—*великое*, о которомъ они и хотѣли

¹⁾ Сочиненія пресп. Максима Грека, изданныя при Казанской духовной Академіи, ч. 3, с. 118—122.

имѣть вѣрныя свѣдѣнія. Максимъ Грекъ въ этомъ случаѣ не удовлетворилъ ихъ. Въ 1651 г. извѣстный старецъ Арсеній Сухановъ, посланный на Востокъ съ цѣлью ближайшаго ознакомленія съ греческими богослужебными порядками, а также и для пріобрѣтенія древнихъ греческихъ рукописей, въ бесѣдѣ съ александрійскимъ патріархомъ Іоанніемъ (въ Каирѣ) по поводу различныхъ недоумѣній въ церковно-богослужебной практикѣ, спросилъ патріарха, между прочимъ, и о томъ, „можно-ль воду святить великимъ освященіемъ крещенскимъ въ навечеріи въ церкви, и на самый праздникъ на рѣкѣ въ другой (т. е. разъ)? Патріархъ отвѣтилъ: „мощно; и здѣ“, прибавилъ, „въ Египтѣ, егда христіанство было, хаживали на рѣку Ниль на утро предъ службою, и тамъ въ другой святили богоявленскимъ же освященіемъ“¹⁾. Какъ въ вышеприведенныхъ словахъ Максима Грека, такъ и въ отвѣтѣ александр. патріарха Іоаннікія обращаютъ на себя вниманіе выраженія: „заутріе“ и „утро предъ службою“, которыми опредѣляется время совершенія чина водоосвященія въ праздникъ Богоявленія. Очевидно, въ XVI и XVII вв. этотъ обрядъ былъ пріуроченъ не къ концу литургіи, какъ теперь, но занималъ другое мѣсто въ порядкѣ праздничныхъ службъ, именно: онъ отпиривлялся *рано утромъ*, въ промежуткѣ службъ утрени и литургіи. Эту особенность слѣдуетъ отмѣтить, такъ какъ она, какъ увидимъ ниже, имѣетъ немаловажное значеніе при выясненіи вопроса о первоначальномъ происхожденіи чина богоявленскаго водоосвященія.

На Московскомъ соборѣ 1666—1667 гг. вопросъ о богоявленскомъ водоосвященіи разсматривается уже официально представителями Греческой Церкви—патріархами Паисіемъ александрійскимъ и Макаріемъ антїохійскимъ, прибывшими въ Россію для суда надъ патріархомъ Никономъ. Увлека-

¹⁾ Проскинитарій. Хожденіе строителя старца Арсенія Суханова въ 7157 (1649) году. Казань. 1870, с. 55.

ющійся поборникъ чистоты богослужебнаго обряда и врагъ нововведеній, не понятый тогдашними приверженцами русской старины, — на ихъ взглядъ глубокой, но на самомъ дѣлѣ очень недавней, — патр. Никонъ, когда находился еще у власти, отмѣнилъ вторичное водоосвященіе и оставилъ одно только освященіе воды въ навечеріе прѣзднака: „зане“, какъ выразился патріархъ, „едино крещеніе по апостолу, а не два, и древній чинъ святыя Восточныя Церкви точію въ навечеріе Богоявленія водоосвященіе творити повелѣваетъ“. Дѣлая такое распоряженіе, патр. Никонъ возвращалъ, конечно, богоявленскую практику къ древности, къ временамъ господства Алексѣевского устава, но этимъ же естественно возбуждалъ противъ себя недовольство тѣхъ, кто уже сжилъ съ другими, позднѣйшими порядками Іерусалимскаго устава, или — кто дорожилъ въ богослужебной практикѣ вѣншею связью съ Греческою Церковью, которая руководилась тогда тоже Іерусалимскимъ уставомъ. Недовольство патр. Никономъ усилилось еще болѣе отъ того, что энергичный владыка полагалъ *отлученіе* всѣмъ, кто не хотѣлъ подчиниться его волѣ. Соборъ, осудившій вообще патріарха Никона, и въ этомъ случаѣ не сталъ на его сторону. Онъ разрѣшилъ отъ клятвы преданныхъ ей патр. Никономъ и постановилъ относительно богоявленской практики руководиться впредѣ дѣйствующимъ Іерусалимскимъ уставомъ: „повелѣнія и клятву, — сказали отцы собора 1666—1667 гг., — уже неразумно положи Никонъ патріархъ бывшій о дѣйствѣ освященныя воды по святыхъ богоявленій, еже дѣйствовати единости (точію въ навечеріи) разрѣшаемъ и въ ничтоже вмѣняемъ. Повелѣваемъ же и благословляемъ творити по древнему обычаю святыя Восточныя Церкви и по преданію святыхъ и богоносныхъ отецъ, въ навечеріи дѣйствовать освященію святыхъ водъ въ церквахъ, а поутри на рѣкѣ, якоже повелѣвають и вси церковные уставы, тѣ же молитвы глаголати и дѣйствовати“¹⁾. Такъ дѣйствовали восточные патріархи

¹⁾ Дополн. къ историч. актамъ, т. VI, с. 472.

сами въ 1667 г., такъ постановили они дѣйствовать на Богоявленіе и впредь. „О водоосвященіи богоявленскомъ,—читаемъ въ дѣяніяхъ собора,—быти тако, како въ нынѣшнемъ 175-мъ (1667) году дѣйствовали вселенскіе патріархи: въ навечеріи въ церкви, а на праздникъ Богоявленія Господня на іордани; а воду святили въ навечеріи и на самый праздникъ богоявленскимъ освященіемъ“²⁾. Это опредѣленіе собора 1666—1667 гг. сохраняетъ полную силу и до настоящаго времени.

Итакъ, почти *четыреста* лѣтъ тому назадъ въ Россіи возникли вопросы, касающіеся чина богоявленскаго водоосвященія. Каково же, въ самомъ дѣлѣ, происхожденіе обряда богоявленскаго водоосвященія? какая была первоначальная цѣль его и какая осталась теперь? почему въ праздникъ Богоявленія водоосвященіе совершается у насъ дважды? на чемъ основано *особенно* благоговѣйное отношеніе вѣрующихъ къ богоявленской святой водѣ (агіазмѣ)? — вотъ вопросы, которые, можно сказать, даже и до сихъ поръ, какъ прежде, еще не находятъ себѣ яснаго и полнаго отвѣта.

Попытаемся приблизиться къ ихъ разрѣшенію, пользуясь извѣстными намъ данными современной литургической науки.

Н. Пальмовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

²⁾ Матер. для ист. раскола, т. I, ч. II, с. 362.

Какія службы и какъ могутъ быть отправляемы діакономъ безъ іерея?

Когда говорятъ о вліяніи богослуженія на духовную жизнь христіанъ, то обыкновенно это вліяніе разсматривается съ одной психологической стороны, притомъ понимаемой въ весьма узкомъ смыслѣ. Все значеніе нашего богослуженія при такомъ пониманіи сводится къ тому, что оно възгрѣваетъ, во-первыхъ, молитвенный даръ человѣка, а во-вторыхъ, воспитываетъ въ немъ добрыя чувства къ ближнему.

Правда, истинная молитва и чувство любви составляютъ, можно сказать, зерно нравственной жизни, изъ котораго потомъ вырастаетъ могучее дерево. Но вѣдь каждый человѣкъ знаетъ, что послѣднее можетъ развиваться только тогда, когда въ немъ есть жизненная сила, которая одухотворитъ мертвый самъ по себѣ растительный организмъ. Если же этой силы нѣтъ, то жизнь дерева естественно должна прекратиться. Нѣкоторую аналогію этого явленія мы можемъ наблюдать въ духовномъ мірѣ, въ нравственной жизни человѣка. Наши добрыя мысли, чувства и дѣла обязаны своимъ бытіемъ не столько намъ, носителямъ ихъ, сколько той жизненной силѣ, которую мы называемъ благодатію Божіею, и которая подается намъ ради крестной смерти Спасителя. Но чтобы быть достойными пріятія этой благодати, необходимо усвоить себѣ крестныя заслуги Сына Божія, а это возможно только при отреченіи отъ грѣховной воли, которая выражается во внѣ, какъ добродѣтель послушанія и подчиненія Богомъ поставленному авторитету.

Богослуженіе Православной Церкви въ извѣстной мѣрѣ преслѣдуетъ именно и эти *дѣла* цѣли, т. е. оно, во-первыхъ, напоминая о крестной смерти Спасителя, старается сдѣлать ее для насъ жизненнымъ фактомъ, а во-вторыхъ, дисциплинируетъ нашу грѣховною волю.

Такимъ образомъ, церковная служба, чтобы имѣть все свое значеніе, должна такъ или иначе относиться къ намѣченнымъ нами главнымъ моментамъ духовной жизни человѣка.

Въ дѣйствительности такъ это и есть. Въ литургіи—этомъ сосредоточіи богослуженія—предъ нашими глазами проходятъ всѣ главнѣйшіе факты изъ жизни Спасителя, отъ рожденія до смерти; а самымъ важнымъ моментомъ ея, какъ извѣстно, является пресуществленіе св. Даровъ.

Если мы посмотримъ на таинство св. причащенія съ канонической точки зрѣнія и установимъ, что оно можетъ быть совершаемо только епископомъ или по благословенію отъ него іереемъ, то, понятно, литургія; чтобы сохранить все свое значеніе и смыслъ, можетъ отправляться только ими и ни въ какомъ случаѣ—лицами, ниже ихъ стоящими на іерархической лѣстницѣ, хотя бы пастояла самая крайняя нужда въ совершеніи евхаристіи. А потому, въ дальнѣйшемъ изложеніи своихъ соображеній и выводовъ относительно того, какія службы могутъ быть совершаемы безъ іерея, мы совсѣмъ не будемъ касаться литургіи.

Выше мы сказали, что богослуженіе Православной Церкви дисциплинируетъ нашу, грѣховную волю. Эта мысль требуетъ нѣкотораго поясненія.

Въ основаніи всякаго грѣховнаго настроенія и всякой грѣховной дѣятельности лежитъ самолюбіе, которое всегда стремится къ самоутвержденію, выражающемуся въ желаніи поставить себя на первомъ мѣстѣ сравнительно съ другими. Очевидно, что съ нравственной точки зрѣнія такое желаніе и такое стремленіе не законны, не нормальны; слѣдовательно, по отношенію къ богослуженію это достигается чрезъ установленіе въ Церкви іерархіи, которая, въ качествѣ Богомъ установленнаго порядка, одна только призвана *строить тайны Божіи* и совершать церковныя службы. Поэтому, послѣднія, по выраженію богослужебныхъ книгъ, могутъ быть начаты и продолжаемы только „по еже благословити священнику“ или

„славословившу священнику“. Но, съ другой стороны, послушаніе какому-либо священному лицу ради воспитанія воли въ цѣляхъ нравственнаго совершенства можетъ быть только тогда, когда представитель божественнаго порядка на землѣ имѣется на лицо; когда же его нѣтъ, а между тѣмъ чувствуется „огнеопальное“ желаніе, является необходимая потребность отправить какую-либо священную свужбу, — словомъ, когда вѣрующіе находятся въ крайней нуждѣ, тогда можетъ быть допущено „премѣненіе“ общаго закона относительно совершенія богослуженія, и такимъ образомъ вступаетъ въ силу „обдержный“ случай, по которому церковная служба можетъ быть совершена и міряниномъ или діакономъ, если таковой есть на лицо. Такимъ образомъ, безъ іерея могутъ быть совершены слѣдующія церковныя службы: вечерня, повечеріе—великое и малое, полунощница—вседневная, субботняя и воскресная, утреня, часы съ изобразительными и молебны *безъ водосвятія*.

Но если можно отправлять нѣкоторыя церковныя службы лицамъ, не имѣющимъ священнаго сана, то невольно возникаетъ вопросъ: какимъ же образомъ въ данномъ случаѣ можетъ быть достигнуто воспитаніе грѣховной воли,—воспитаніе, необходимое всегда и достигаемое чрезъ подчиненіе авторитету?

Правда, хотя въ то время, когда богослуженіе отправляется діакономъ или міряниномъ, нѣтъ на лицо іерея, который бы полагалъ предѣлы ихъ самоутверженію, однако дисциплинированіе воли можетъ быть достигнуто и въ этомъ случаѣ:—съ одной стороны, сознаниемъ отправляющихъ службу, что они обязаны въ данное время руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ церковнымъ уставомъ, а съ другой — чувствомъ единенія со вселенской Церковію. Каноническія постановленія нашей Церкви направлены не вообще противъ всякихъ собраній мірянъ во имя религіозныхъ цѣлей, а только тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ выражается *противленіе* Церкви и ея іерархи (5 и 6 пр. Галгск. соб.).

Какъ же могутъ быть отправляемы безъ іерея діакономъ или міряниномъ службы? Частнѣе: 1) можетъ ли діако́нъ облачаться при этотъ въ свои священныя одежды? 2) какое нужно дѣлать начало? 3) можетъ ли діако́нъ кадить? 4) возглашать ектеніи? 5) кропить? 6) читать Евангеліе, молитву преп. Ефрема Сирина? наконецъ 7) какой долженъ дѣлать отпустъ?

Священныя одежды.

По уставу Православной Церкви, богослуженіе православное должно быть отправляемо въ особыхъ священныхъ одеждахъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ соотвѣтствующее знаменованіе. Можетъ ли діако́нъ облачаться въ стихарь и орарь въ томъ случаѣ, когда онъ отправляетъ одну изъ указанныхъ нами выше службъ безъ іерея?

Все въ храмѣ совершается по благословенію отъ священника. Это общее правило не имѣетъ для себя исключенія и въ „облаченіи“ діакона въ священныя одежды. Во *второй* главѣ Типикона говорится: „взѣмъ діако́нъ стихарій свой и орарій, емлетъ отъ священника благословеніе, и, цѣловавъ десницу его, облачится въ стихарь обычно“. То же самое читаемъ и въ *Чинѣ священныя и божественныя литургіи*: „приходитъ ко священнику діако́нъ, держа въ десной рудѣ стихарь съ ораремъ, и подклонивъ ему главу, глаголетъ: благослови, владыко, стихарь съ ораремъ“. Отсюда ясно, что діако́нъ можетъ облачаться въ священныя одежды для совершенія богослуженія только по благословенію отъ священника; слѣдовательно, если послѣдняго нѣтъ, то онъ долженъ приступать къ отправленію церковныхъ службъ въ своемъ обычномъ одѣяніи.

„Начало“ службъ, отправляемыхъ безъ іерея.

Священникъ во время совершенія службъ является представителемъ божественнаго начала на землѣ. Сознывая это, онъ дерзновенно приступаетъ къ отправленію ихъ, полагая

„начало“ въ такихъ словахъ: „Благословенъ Богъ нашъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“; или такъ: „Слава Святѣй, Единосущнѣй, Животворящей и Нераздѣльнѣй Троицѣ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“. Эти возгласы, какъ начало церковныхъ службъ, приличествуютъ только іерею (или епископу) и не могутъ быть произносимы діакономъ, а тѣмъ болѣе міряниномъ. Послѣдніе, приступая къ совершенію службъ, очевидно, должны выразить въ „началѣ“ прежде всего свое подчиненное положеніе, которое, въ отсутствіи предстоятеля, можетъ быть высказано исповѣданіемъ общенія съ Церковью земною и небесною. „Начало“ это, по Учебному Часослову (изд. 1898 г.), таково: „Молитвами святыхъ отецъ нашихъ, Господи Иисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ“. „Если службы и молитвословія,—говоритъ прот. Никольскій въ статьѣ своей—*О часовняхъ*,—начинаетъ *несвященный* (Прав. къ Божественному причащенію, изд. въ Кіевѣ въ 1873, 105), г. е. *не іерей* (Канонн., изд. въ Кіевѣ въ 1854 г., л. 72), то онъ въ началѣ ихъ произноситъ не *Благословенъ Богъ нашъ*, а *Молитвами св. отецъ нашихъ, Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ* (Канонн., л. 71), или: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, молитвъ ради Пречистыя Твоея Матере и осъхъ святыхъ помилуй насъ* (Канонн., л. 1; Правило, л. 105)“. Въ Часословѣ, изданномъ въ Москвѣ въ 1652 г., читаемъ: „аще ли инокъ наединѣ въ келліи (начинаетъ), то сотворитъ начало по обычаю: *Боже милостивъ буди мнѣ грѣшному*, съ поклоны. По симъ глаголемъ съ умиленіемъ и сокрушеніемъ сердца: *За молитвъ святыхъ отецъ нашихъ, Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя, грѣшнаго. Аминь.* Сей стихъ и во всякомъ началѣ глаголется, аще нѣсть священника“.

Кажденіе храма и предстоящихъ.

За вечерней на „Господи воззвахъ“, на утрени во время чтенія псалмовъ: „Услышитъ тя Господь въ день печали“ и „Господи, силою Твоею возвеселится царь“, на „Хвалите“ и

„Честнѣйшую“ и, наконецъ, въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, напр.—на великомъ повечеріи Рождества Христова и Богоявленія, по уставу, положено, чтобы діаконъ кадилъ алтарь, весь храмъ и предстоящихъ. Можетъ ли онъ дѣлать это и въ томъ случаѣ, когда отправляетъ церковныя службы безъ іерея?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть данъ только отрицательный, потому что кажденіе бываетъ только съ благословенія священника. Такъ, въ *девятой* главѣ Типикона читаемъ: священникъ „вшедь въ алтарь, вложивъ ѳиміамъ въ кадилницу, и благословляя е, глаголетъ и обычную молитву кадила“ (л. 17; ср. Типикон., гл. 2, л. 2 об.; Послѣд. понед. 1 седм., л. 409). Здѣсь содержится общее правило—благословлять кадило; относительно же того, что діаконъ долженъ брать благословеніе на кажденіе, въ приведенной цитатѣ не сказано. Какъ бы въ восполненіе этого, въ Служебникѣ, изданномъ въ С.-Петербургѣ въ 1890 г., говорится: „пріемъ діаконъ кадилницу, и ѳиміамъ вложивъ, приходитъ ко священнику и, пріемъ благословеніе отъ него, кадитъ святую трапезу окрестъ, и алтарь весь и священника“ (л. 125). Кажденіе, упоминаемое здѣсь, относится къ херувимской пѣсни, но, очевидно, оно должно быть таковымъ всегда, т. е. всегда должно совершаться съ благословенія священника. Можно еще сослаться и на слѣдующее замѣчаніе въ чинѣ проскомидіи: „діаконъ, пріемъ кадилницу и ѳиміамъ вложивъ въ ню, глаголетъ ко священнику: *благослови, владыко, кадило*“ (л. 87). Такимъ образомъ, діаконъ, отправляя безъ іерея какую-либо церковною службу, на которой, по уставу, полагается кажденіе, не долженъ дѣлать этого.—Впрочемъ, здѣсь необходимо оговориться, что это общее правило относится къ кажденію, понимаемому въ обыкновенномъ, буквальномъ смыслѣ, а не ко всякому вскуренію ѳиміама; послѣднее можетъ быть допущено за богослуженіемъ, отправляемымъ и безъ священника, что, дѣйствительно, иногда и наблюдается на практикѣ (хотя преимущественно у нашихъ раскольниковъ-

безпоповцевъ). Нѣкоторое основаніе для такого воскресенія еиміама мы можемъ найти въ Типиконѣ, въ *Послѣдованіи Святыхъ седмицъ*, гдѣ говорится слѣдующее: паракклизіархъ, „вшедь въ храмъ, вжигаетъ свѣщи вся, и кадила, устрояетъ же сосуды два со угліемъ горящимъ, и влагаетъ въ нихъ еиміама много благовоннаго, и поставляетъ единъ сосудъ среди церкви, другой же во святомъ алтарѣ: яко да исполнится церковь вся благовоніа“ (л. 42).

Е к т е н і и.

Во время отправленія церковныхъ службъ діаконовъ является помощникомъ священника, и эта помощь для внѣшняго наблюденія главнымъ образомъ сказывается въ возглашеніи ектеній, занимающихъ въ нѣкоторыхъ службахъ весьма видное мѣсто. Можетъ ли діаконовъ возглашать ектеніи въ томъ случаѣ, когда онъ отправляетъ богослуженіе безъ іерея?

Прот. Никольскій въ своемъ „Пособіи къ изученію устава богослуженія“ и въ статьѣ—„О часовняхъ“—отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно. Основаніемъ для такого отвѣта служитъ у него слѣдующее соображеніе. Ектеніи находятся въ самой тѣсной связи съ тѣми возгласами священника, которые непосредственно слѣдуютъ за ними. Если первыя будутъ произнесены, а вторыя нѣтъ (*возгласы* не могутъ быть произносимы діакономъ или міряниномъ), то въ службѣ получится что-то неполное, недокоѣченное. Возьмемъ, для разъясненія этой послѣдней мысли, хотя бы „Чинъ погребенія мірскихъ человѣкъ“, изложенный въ Требникѣ. Тамъ послѣ обычныхъ ектеній, въ которыхъ испрашивается усопшему прощеніе грѣховъ и царство небесное, священникъ читаетъ молитву и возгласъ, содержащіе тѣ же самыя мысли. „Боже духовъ,—читаетъ онъ въ молитвѣ...—упокой душу усопшаго раба Твоего въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ злачнѣ, въ мѣстѣ покойнѣ... всякое согрѣшеніе содѣянное имъ словомъ или дѣломъ или помышленіемъ, яко благій человѣколюбецъ Богъ

прости“. Возгласъ, слѣдующій за этой молитвой: „яко Ты еси воскресеніе и животъ, и покой усопшаго раба“, какъ видно, находится съ нею даже въ самой тѣсной грамматической связи. Очевидно, какъ въ указанномъ, такъ и въ другихъ подобныхъ ему мѣстахъ отдѣлять ектеніи отъ слѣдующаго за ними возгласа нѣтъ никакихъ основаній. Вотъ почему въ келейныхъ книгахъ,—какъ, напр., въ Канонникѣ, въ чинѣ *Молебнаго пнтя*,—ектеніи не напечатаны, какъ бы это слѣдовало при иномъ пониманіи разбираемаго вопроса; въ Часословѣ же 1652 г. на великомъ повечеріи пропущена ектенія: „Помолимся о Благочестивѣйшемъ“, а указано прямо читать молитву: „Ненавидящихъ и обидящихъ“. Само собою понятно, этотъ пропускъ—не случайность, а ясное указаніе на то, что безъ іерея не должны быть произносимы ектеніи, тѣмъ болѣе, что въ указанномъ мѣстѣ Часослова прямо сказано: „по семь вмѣсто ектеніи глаголетъ молитву сію: *Ненавидящихъ и обидящихъ*“.—Подтвержденіе нашей мысли мы находимъ и въ Псалтири, изданной въ Москвѣ въ 1649 году. Въ *Постыдованіи за усопшихъ* послѣ 3-ей и 6-ой пѣсни канона здѣсь ектеній не положено, а послѣ 9-ой замѣчено: „аще іерей глаголетъ ектенію заупокойную... *Помилуй насъ, Боже...* Аще ли инокъ и мірянинъ, то глаголетъ *Господи помилуй* 40 разъ...“

Но можно ли установленное нами положеніе возвести въ общее правило?—Принимая во вниманіе то обстоятельство, что оно основывается на вполне ясныхъ и достаточныхъ свидѣтельствахъ богослужебныхъ книгъ, которыя въ данномъ случаѣ являются авторитетомъ, намъ думается, что не только можно, но даже и должно. Помимо приведенныхъ уже основаній, это вытекаетъ и изъ основной точки зрѣнія на священника, какъ предстоятеля, а на діакона, какъ подчиненное ему лицо, дѣлающее все въ храмѣ только съ благословенія іерейскаго. Правда, діаконъ не беретъ у священника предъ каждой изъ ектеній благословенія, какъ это бываетъ съ обрядомъ кажденія, но онъ непременно все-таки дѣлаетъ въ дан-

номъ случаѣ поклонъ, каковой имѣеть одинаковое значеніе съ испрашиваніемъ благословенія.

Впрочемъ, практика, какъ это часто бываетъ, отступила въ данномъ случаѣ отъ законной нормы. Когда въ селахъ приходится одному діакону безъ іерея отправлять литію, то онъ возглашаетъ и положенныя на ней ектеніи. Обыкновенно порядокъ послѣдней получается такой: послѣ начала „Молитвами святыхъ отецъ нашихъ“ поются обычные тропари; по окончаніи послѣдняго изъ нихъ—„Едина чистая“, діаконъ возглашаетъ ектенію: „Помилуй насъ, Боже“, и т. д., а потомъ—„Во блаженномъ успеніи“...

Чтеніе Апостола и Евангелія; молитва прен. Ефрема Сирина.

Порядокъ церковныхъ службъ, отправляемыхъ безъ священника, не носитъ такого характера торжественности, который по существу свойственъ имъ. Эта простота, кромѣ указанныхъ отличій въ ектеніяхъ, кажденіи, началѣ и свящ. одеждахъ, зависитъ и отъ того отчасти, что на нихъ или совсѣмъ не читаются Апостоль и Евангеліе, или если и читаются, то своеобразно. Въ службѣ, совершаемой іереемъ, съ Апостоломъ и Евангеліемъ связаны прокимень, *аллилуія* и возгласы: „Возьмемъ! Премудрость!“ „Премудрость, прости услышимъ святаго Евангелія“, „И о сподобитися намъ слышанію святаго Евангелія Господа Бога молимъ“, „Слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ“. Когда же богослуженіе отправляется діакономъ или міряниномъ, то ни прокимна, ни *аллилуія*, ни указанныхъ возгласовъ не полагается (см. назначенную для домашняго употребленія книгу: „Правило“; въ ней въ чинѣ *обѣдницы* перечисленныхъ выше отличій не положено). Но что Апостоль и Евангеліе могутъ читаться на службахъ, отправляемыхъ безъ іерея, на это мы находимъ указаніе въ „Правилѣ“, и именно въ слѣдующихъ словахъ: „иноку внушается, что ему на утрени и на первомъ часѣ можно чести въ келліи, кто что соизволить или отъ Евангелія и Апостола, или Псалтири, или кій акаѳистъ съ канонами“ (изд. 1863 г., л. 109).

Правило это относительно чтенія Евангелія и Апостола, конечно, можно расширить, т. е. приложить, напр., къ чину царскихъ часовъ, отправляемыхъ въ понедѣльникъ, вторникъ и среду Страстной седмицы, на которыхъ, по уставу, положено чтеніе изъ Евангелія.

Представленныя соображенія о чтеніи Св. Писанія на службахъ, отправляемыхъ безъ іерея, принадлежатъ протоіерею Никольскому. Если бы насъ спросили: согласны ли мы съ ними?—мы затруднились бы дать на поставленный вопросъ вполне опредѣленный отвѣтъ по той причинѣ, что о. Никольскій говоритъ относительно общественнаго, богослуженія или, во всякомъ случаѣ, предполагаетъ его, между тѣмъ беретъ доказательства изъ келейной практики. А это далеко не одно и то же, чего никто, думаемъ, не станетъ оспаривать. Если богослуженіе Православной Церкви имѣетъ, между прочимъ, и дисциплинарное значеніе, и если это значеніе мыслимо прежде всего и болѣе всего тогда, когда церковная служба является общественной; то, очевидно, запрещать читать Евангеліе или Апостолъ *въ келіи* нѣтъ никакихъ основаній. Но, съ другой стороны, также несомнѣнно, что это частное положеніе нельзя расширять до общаго закона.

Та же поспѣшность заключенія видна и въ разсужденіяхъ о. Никольскаго относительно чтенія молитвы преп. Ефрема Сирина. На вопросъ: можетъ ли читать ее не-іерей?—онъ даетъ утвердительный отвѣтъ, и въ доказательство ссылается на слѣдующее мѣсто Устава: „мы глаголемъ *Небесный Црю*, по семь, воздѣвше рудѣ, станемъ молящися въ себѣ, глаголюще молитву преподобнаго отца нашего Ефрема“ (Посл. понед. перв. седм. Велик. поста). Также: „возведше рудѣ, молимся въ своей мысли, глаголюще въ себѣ молитву св. Ефрема: *Господи и Владыко живота моего*“ (Послѣд. вечерни въ среду Сырной педѣли). Но изъ этихъ цитатъ вытекаетъ только то, что мірянамъ не воспрещается или вѣрнѣе—совѣтуется читать „въ себѣ“, „въ своей мысли“ молитву преп. Ефрема Сирина; о томъ же, что она можетъ быть произно-

сима кѣмъ - либо изъ мірянъ вслухъ церковнаго собранія здѣсь совсѣмъ нѣтъ рѣчи, слѣдовательно, доводъ о. Никольскаго не можетъ быть признанъ состоятельнымъ.

Кропленіе св. водою; отпустъ.

Выше мы говорили, что діаконъ или мірянинъ не могутъ совершать водосвятнаго молебна. Это положеніе можетъ быть понято только при догматической точкѣ зрѣнія на него.

По чину водосвященія, благословляемая въ немъ вода подаетъ благодать освященія всѣмъ „черплющимъ и емлющимъ ее“. Но право подавать благодать освященія принадлежитъ лицамъ, стоящимъ на іерархической лѣстницѣ въ санѣ не ниже священника. Если же мы примемъ во вниманіе то обстоятельство, что священныя дѣйствія должны имѣть и внѣшнее выраженіе, то, понятно, видимые акты этихъ дѣйствій должны принадлежать священнику. На этомъ ученіи основывается вся практика Православной Церкви относительно таинствъ и обрядовъ благословенія и кропленія святою водою. Впрочемъ, что касается послѣдняго обряда, то относительно его въ дѣйствительности существуетъ не совсѣмъ законное отступленіе; по крайней мѣрѣ, по смыслу опредѣленія собора 1667 г., діаконъ можетъ кропить только въ исключительныхъ случаяхъ.

Что касается „отпуста“, то послѣдній, по нашему мнѣнію, вполне походитъ на „начало“. Какъ „начало“ видоизмѣняется, когда богослуженіе отправляется безъ священника, такъ и „отпустъ“, а главное—въ одномъ и томъ же духѣ, какъ это видно изъ нижеслѣдующаго: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій,—читаемъ мы въ отпустѣ молитвъ на сонъ грядущимъ,—молитвъ ради пречистыя Твоея Матере и преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ и всѣхъ святыхъ, спаси мя грѣшнаго“ (Канон., л. 141). Приводя въ подтвержденіе своего мнѣнія выдержку изъ книги, назначенной для келейнаго употребленія, мы не боимся впасть въ ту же самую ошибку, какую указали выше у о. Никольскаго, такъ какъ въ данномъ

случаѣ Канонникъ вполне согласенъ съ книгами, изданными для отправления общественнаго богослуженія.

Заканчивая настоящій свой очеркъ, не можемъ не указать того, что на разсмотрѣнный нами вопросъ существуетъ и противоположный взглядъ, изложенный въ статьѣ: „О діаконѣхъ“ („Церк. Вѣд.“, 1892 г., № 43), которая принадлежитъ перу профессора Московской дух. академіи Заозерскаго. Но мы однако не можемъ согласиться съ почтеннымъ профессоромъ, такъ какъ доводы, приводимые имъ въ защиту своихъ положеній, кажутся намъ иногда не убѣдительными, а иногда—не обнимающими возможныхъ случаевъ практики во всей ихъ полнотѣ. Напр., проф. Заозерскій въ защиту той мысли, что священникъ не можетъ позволять діакону совершать церковныя службы, ссылается на такія церковныя постановленія, какъ 14 правило VII вселенскаго собора, которое запрещаетъ пресвитеру производить кого-либо въ чинъ чтеца, оставляя такое право за хорепископами. Намъ думается, что сопоставленные случаи не совсѣмъ однородны: если первый говоритъ только о частномъ, отдѣльномъ фактѣ, вызываемомъ нуждой, то второй свидѣтельствуетъ уже объ извѣстномъ превышеніи власти, которое, какъ проявленіе гордости, не можетъ быть терпимо въ Церкви, какъ воплощеніи смиренія и любви. Впрочемъ, мы далеки отъ того, чтобы отрицать все значеніе статьи г. Заозерскаго; напротивъ, его общія разсужденія о положеніи діакона въ чинѣ церковномъ мы считаемъ весьма цѣнными, вѣрными и строго научными.

С. А. Г.

Священникъ на должности псаломщика.

(Законъ и жизнь).

Въ ст. 176 Уст. дух. конс. (изд. 1900 г.), въ которой идетъ рѣчь о мѣрахъ взыскаія и исправленія, *третье* мѣсто

(по нисход. степени) въ ряду этихъ мѣръ занимаетъ „временное запрещеніе въ священнослуженіи съ отрѣшеніемъ отъ должности и съ опредѣленіемъ въ причетники“. Слѣдующими (по легкости) мѣрами являются — 4) „временное запрещеніе въ священнослуженіи безъ отрѣшенія отъ мѣста, по съ возложеніемъ эпитиміи въ монастырѣ или на мѣстѣ“ и 5) „временное испытаніе въ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ“ и т. д. Всѣхъ мѣръ взысканія числомъ 12.

Мы не имѣемъ въ виду настоящей разъ касаться всѣхъ мѣръ взысканія, ихъ взаимнаго отношенія. Мы обратимъ вниманіе только на 3-ю мѣру и посмотримъ на эту мѣру съ канонической и жизненно-практической точекъ зрѣнія.

Высота іерейскаго служенія, несомнѣнно, требуетъ и соотвѣтственной строгости наказаній за небреженіе къ дѣлу Божію. Въ древней Церкви, въ періодъ образованія канона, особенно часто практиковалось „изверженіе“ изъ клира, изъ свящ. чина (Ап. пр. 27, 42, 44; то же находимъ въ опредѣленіяхъ пом. и всел. собор. См. „Правила св. апост., св. соб. всел. и пом. съ толк., изд. Моск. общ. любит. дух. просв. М. 1876 г.); слѣдующей мѣрой являлось временное запрещеніе священнослуженія и особенностей іерейскаго сана съ оставленіемъ за виновнымъ чести пресвитерства (см., напр., 26 пр. 6 всел. соб.), Но вмѣстѣ съ тѣмъ во всѣхъ правилахъ—апостольскихъ и соборныхъ — мы не нашли ни одного случая низведенія священника на должность псаломщика. Напр., по 9-му прав. Неокес. соб., „пресвитеръ, сотворившій блудъ, да не священнодѣйствуетъ, сохраняя прочія преимущества“; а по 10-му правилу того же собора—„діаконъ, аще впадетъ въ тотъ же грѣхъ, низведенъ будетъ въ чинъ простого служителя церкви“¹⁾. Такимъ образомъ, тѣ же отцы и за одинъ и тотъ же проступокъ судятъ такъ, что честь пресвитера не оскорбляется низведеніемъ въ чинъ простого церковнослужителя. Это же подтверждается— нужно, впрочемъ,

¹⁾ Это правило вовсе не относится къ пресвитерамъ.

сказать, посредствующимъ образомъ — и изъ 29 пр. 4 всел. соб., которое гласитъ: „епископа низводитъ на пресвитерскій степень есть святотатство“. Если для епископа быть пресвитеромъ является святотатствомъ, то для пресвитера, еще не лишеннаго навсегда сана, служеніе на должности псаломщика, несомѣнно, является безчестіемъ и во всякомъ случаѣ наказаніемъ, противнымъ канонамъ.

Какимъ же образомъ эта мѣра принята въ наше дѣйствующее законодательство?

Если мы обратимся къ исторіи особенныхъ церковныхъ наказаній въ Русской Церкви, то узнаемъ слѣдующее.

Уже съ давняго времени въ Россіи по отношенію къ духовнымъ лицамъ примѣнялись: 1) денежные взысканія, 2) тѣлесныя наказанія и 3) запрещеніе съ такими или иными ограниченіями. Но „не ранѣе начала XVIII столѣтія входить въ обычай соединять запрещеніе священнослуженія съ низведеніемъ на причетническую должность“: по даннымъ, въ первый разъ въ 1721 г. Св. Синодъ опредѣлилъ двумъ священникамъ, оговореннымъ въ расколѣ, ради лучшаго исправленія, быть по указу въ Москвѣ при церквахъ церковниками... и не священнодѣйствовать до указа ¹⁾).

Видимъ, далѣе, эту мѣру и въ указѣ отъ 30-го іюня 1821 г., и въ Высочайше утвер. 22 дек. 1821 г. „правилахъ для искорененія преступленій“. Форму выраженія, близкую къ формѣ послѣдовавшихъ затѣмъ законовъ 28 іюня 1833 г., 17 мая 1835 г. и, наконецъ, самого Уст. дук. конс., эта мѣра нашла у Московскаго святителя Филарета. Въ „Правилахъ“ его въ 1832 г. читаемъ: „священнослужители по преступленіямъ противъ церковныхъ правилъ, по неблагочиннымъ поступкамъ и порокамъ, нетерпимые въ семъ санѣ, но не подвергшіе себя уголовному суду, по лишеніи сана опредѣляются по духовному же вѣдомству на нижнія должности—

¹⁾ Н. Суворовъ. О церк. наказаніяхъ. Стр. 290 Спб. 1876.

дьячковъ, пономарей, звонарей, сторожей, служителей при монастыряхъ..., смотря по тому, (гдѣ) могутъ быть терпимы, по важности вины и по качествамъ своимъ“. Это общая мѣра, имѣющая въ виду священниковъ (и діаконовъ), лишаемыхъ сана навсегда. Для священниковъ же, только временно запрещаемыхъ, примѣнялась мѣра опредѣленія именно въ причетники ¹⁾).

Прежде чѣмъ говорить о томъ, какое впечатлѣніе производитъ эта мѣра въ жизни, мы не можемъ не остановиться на двухъ донесеніяхъ Св. Синоду: въ январѣ 1875 г. преосвящ. Самарскаго и (въ январѣ²⁾) 1876 г. высокопреосвященнаго митрополита Московскаго. Преосв. Самарскій, объясняя о неудобствахъ „въ настоящее время“ посылать на причетническія мѣста священнослужителей, присуждаемыхъ за разныя преступленія къ низведенію въ причетники, просилъ разрѣшенія о томъ, какимъ образомъ приводить въ исполненіе рѣшенія, коими священнослужители присуждаются къ низведенію на причетническія мѣста, въ томъ случаѣ, если таковыхъ должностей не будетъ имѣться въ виду праздными, и не можно ли при этомъ замѣнять низведеніе священнослужителя на причетническую должность посылкою въ одинъ изъ монастырей... Св. Синодъ указомъ отъ 17 декабря 1875 г. предоставилъ преосвящ. Самарскому замѣнить низведеніе священнослужителей посылкою ихъ въ одинъ изъ монастырей съ тѣмъ, однакоже, чтобы эта замѣна наказанія употреблялась только въ случаяхъ крайней нужды, при неимѣніи праздныхъ причетническихъ мѣстъ, и чтобы при этомъ епархіальнымъ начальствомъ были принимаемы мѣры къ обезпеченію семействъ такихъ священнослужителей, на время состоянія ихъ въ монастырѣ. На донесеніе же митрополита Московскаго Св. Синодъ, опредѣленіемъ отъ 23 янв. — 25 февраля 1876 г., кромѣ этого, предоставилъ еще, вмѣсто низведенія, впредь до исправленія поведенія оставлять таковыхъ священнослужите-

¹⁾ См. у Г. Несмѣлова. „О церковн. наказ. по соч. м. Филарета“, стр. 53, 55.

лей на занимаемыхъ ими мѣстахъ, но съ запрещеніемъ священнослуженія и подъ надзоромъ благочиннаго, съ выдачей изъ доходовъ причетнической части. Объ этомъ опредѣленіи были поставлены въ извѣстность всѣ епархіальные преосвященные для руководства въ потребныхъ случаяхъ.

Нельзя не видѣть въ этомъ опредѣленіи рѣшительнаго шага къ смягченію и, можетъ быть, устраненію названной тяжелой мѣры взысканій. Можно было бы ждать дальнѣйшихъ разъясненій соотвѣтственно нуждамъ послѣдующаго времени, но этихъ „разъясненій“ или измѣненій устава не послѣдовало, и „законъ“ дѣйствуетъ во всей силѣ. Предупреждаемъ, мы не говоримъ объ ослабленіи взысканій, но лишь желаемъ, чтобы они были каноничны, цѣлесообразны и не унижали великаго сана священства.

На чемъ держится авторитетъ священника среди прихожанъ?—Думаемъ, что не на учительной и нравственной только сторонахъ его жизни, но на признаніи — можетъ быть, даже не ясномъ и, такъ сказать, мистическомъ—высоты его, какъ особеннаго служителя Бога. Съ этой стороны низведеніе священника на должность псаломщика и отправленіе въ приходъ кажется въ высшей степени соблазнительнымъ и недоумѣннымъ. Для прихожанъ совершенно не понятно, почему человѣкъ, вчера бывшій священникомъ, сегодня долженъ исполнять въ приходѣ всѣ обязанности псаломщика, а завтра, можетъ быть, опять будетъ священникомъ? Какимъ образомъ человѣкъ, совершавшій небесное на землѣ служеніе, вдругъ оказывается настолько приниженнымъ, что не извѣстно, какъ его называть: батюшкой или еще какъ? Намъ пришлось въ самое недавнее время видѣть нѣсколько священниковъ въ такомъ положеніи и слышать недоумѣнные вопросы прихожанъ... У самого наказуемаго создается тяжелое до трагизма внутреннее настроеніе. Онъ думаетъ не о тяжести проступка и исправленіи, а о томъ позорѣ, который давитъ его, охватывая всю его душу, когда онъ видитъ вопросительные или пренебрежительные взоры прихожанъ...

Нельзя, далѣе, забывать, что преступность противъ правилъ благоповеденія и благоприличія въ нашемъ духовенствѣ относительна, и часто случается, что іерей, низведенный во псаломщика, лишь немногимъ хуже своего настоятеля. Въ служебныхъ отношеніяхъ все усложняется и путается. Говорить ли о тяжести матеріальной и о томъ, приносящемъ тяжелое до болѣзненности страданіе, униженіе, которое испытываетъ неповинная семья виновнаго?—Мы увѣрены, что при практикующейся мѣрѣ сумма страданій, переживаемыхъ виновнымъ и связанными съ нимъ невинными, безусловно превосходить, напр., хотя бы проступки неблагоповеденія въ состояніи нетрезвости. Тяжелый русскій недугъ... Но не такъ бы его нужно врачевать.

Можно быть увѣреннымъ, что перспектива монастыря и въ особенности наблюденія при епископскомъ домѣ никому изъ священниковъ не покажется легче, чѣмъ должность псаломщика. Но зато останется неблаженъ ихъ санъ, и не будутъ терпѣть всей силы униженія и бѣдствовать ихъ семьи: онѣ могутъ пользоваться половиной дохода въ періодъ пребыванія главы въ монастырѣ, а потомъ, въ случаѣ исправленія — вѣдь и теперь низведеніе признается лишь временной мѣрой въ цѣляхъ исправленія, послѣдуетъ переводъ на другое мѣсто службы и, можетъ быть, новая жизнь...

Въ настоящее время, въ виду того положенія, какое занимаетъ духовенство, и отношенія къ нему другихъ классовъ, а также въ виду общей нервности и во избѣжаніе опасныхъ послѣдствій, напр., тяжелаго нервнаго расстройства—примѣры чего уже были, — нужно озаботиться устраненіемъ позорнаго и неправильнаго низведенія священника на должность псаломщика („Церк. Вѣстн.“, 1903 г., № 44).

Къ вопросу о церковномъ почитаніи отечественныхъ святыхъ.

Въ настоящее время, при общемъ оживленіи исторической науки, разрабатывается и вопросъ *агіологическій*. Имена высокопреосвященнѣйшихъ Сергія и Димитрія, также профессоровъ Ключевского и Голубинскаго и цѣлаго ряда другихъ тружениковъ науки останутся навсегда приснопамятными.

Но изученіе агіологическаго матеріала пойдетъ гораздо успѣшнѣе, если въ этомъ дѣлѣ примутъ живое и дѣятельное участіе священники тѣхъ приходовъ, а равно и настоятели тѣхъ монастырей, гдѣ почиваютъ мощи того или другого святого. Какъ ни грустно, но надобно сознаться, что мы мало цѣнимъ свои святыни, и весьма часто въ той мѣстности, гдѣ почиваютъ мощи того или другого святого, о немъ знаютъ менѣе, нежели въ мѣстностяхъ отдаленныхъ. Причиною забвенія памяти отечественныхъ святыхъ было, между прочимъ, произведенное имп. Екатериною II-ю, въ половинѣ XVIII вѣка, современное дѣленіе Россіи на губерніи. Географическіе предѣлы губерній, вслѣдствіе этого, передвинулись, и нѣкоторые святые оказались не въ тѣхъ губерніяхъ, въ какихъ они оставались извѣстными для ученыхъ. Географическія данныя не провѣрялись, и происходило то, что *одного* и того же святого ученые иногда считали вполнѣдствіи за *двухъ* совершенно различныхъ, а *двухъ* совершенно различныхъ, наоборотъ, сливали въ *одно* лицо. По однимъ сочиненіямъ въ данной епархіи назывались одни святые, по другимъ—другіе. Справлялись, въ случаѣ надобности, о *мѣстномъ святомъ* въ ученомъ сочиненіи, при чемъ часто оказывалось, что тезоименный есть, но въ другой епархіи и подъ другимъ названіемъ, и заключали: „это не нашъ“.

Съ другой стороны, не мало грустнаго недоразумѣнія вызывало и вызываетъ и то обстоятельство, что имена многихъ угодниковъ, причтепныхъ къ лику святыхъ, въ мѣсяцесловахъ однако не помѣщаются. Причины этого кроются также въ неразработанности агіологическаго матеріала. Бываетъ и такъ, что часто издаются брошюрки, гдѣ называются *преподобными* лица, которыхъ на самомъ дѣлѣ такъ называть нѣтъ основаній.

Главная задача—научная и практическая, осуществленію которой мы обязаны послужить въ отношеніи памяти отечественныхъ святыхъ—должна состоять въ томъ, чтобы научно выяснить: кто изъ русскихъ подвижниковъ благочестія

и когда именно причтенъ къ лику святыхъ, и кто пѣтъ. Выясненіе этого дастъ возможность опредѣлить: кого изъ нихъ мы *должны чтить*, какъ друга Божія—нашего предстателя на небесахъ, и за кого мы *должны молиться Богу*, какъ за нашего благодѣтеля, принесшаго своею жизнію пользу отечеству. Тогда явится возможность составить *полныя святыи отечественныхъ святыхъ и динтихъ подвижниковъ благочестія*, чтимыхъ панихидами. Тогда же можно будетъ избѣжать и того разногласія, какое царитъ у насъ теперь въ литературѣ, гдѣ причтенные къ лику святыхъ не называются *преподобными*, а непричтенные называются (въ Исторіи митр. Макарія, напр., *Теодоритъ*, просвѣтитель лопарей, называется *преподобнымъ*, между тѣмъ какъ онъ не причтенъ къ лику святыхъ).

Послужить этому дѣлу весьма много могутъ, какъ мы уже сказали, приходскіе священники и настоятели обителей, гдѣ почиваютъ мощи святыхъ. Сдѣлать это лучше всего будетъ, по нашему мнѣнію, на страницахъ енархіальныхъ вѣдомостей по слѣдующей приблизительно программѣ:

1) Свѣдѣнія, находящіяся на мѣстѣ, о жизни св. угодника, именно: о рожденіи, родителяхъ, мѣстѣ родины, обстоятельствахъ дальнѣйшей его жизни, подвигахъ, кончинѣ, мѣстѣ погребенія, вещественныхъ памятникахъ, находящихся на мѣстѣ: мѣстности, упоминающіяся въ житіи, вещи, бывшія въ распоряженіи и употребленіи св. угодника.

2) Объ устроенной св. угодникомъ обители: объ обстоятельствахъ возникновенія ея (преданія, сказанія), сотрудникахъ св. угодника, сохранившихся до настоящаго времени вещественныхъ памятникахъ (самое лучшее—сообщать все это въ дословныхъ выпискахъ изъ документовъ: актовъ церковныхъ, монастырскихъ, земельныхъ описей, житія святого, купчихъ, приходо-расходныхъ книгъ и всѣхъ вообще сохранившихся бумагъ).

3) Свѣдѣнія о церковномъ почитаніи св. угодниковъ, какъ-то: сказанія о кончинѣ, погребеніи, написаніи перваго образа его и объ устройствѣ первой раки надъ мощами, съ какого времени стали служить молебны вмѣсто панихидъ; описаніе вида святого по иконѣ,—его лица, бороды, одѣянія, что находится въ рукахъ, что изображено около него, сказанія о чудесахъ (выписки); самое подробное описаніе современной раки.

Сообщеніе всѣхъ этихъ свѣдѣній, изложенныхъ притомъ дословно изъ актовъ, принесетъ громадную пользу наукѣ о

святыхъ нашихъ: этимъ приходскіе священники и настоятели монастырей помогутъ осуществленію церковнаго дѣла великой важности и значенія—составленія *Мѣсяцеслова русскихъ святыхъ*. Тогда-то и можно будетъ воздать должное почтеніе имъ—нашимъ молитвенникамъ, свѣточамъ православія, строителямъ нашего отечества. Тогда не будетъ уже того забвенія ихъ, какое мы видимъ нынѣ. Тогда можно и должно уже будетъ внести въ церковные мѣсяцесловы имена *всѣхъ* нашихъ святыхъ отечественныхъ. Всѣмъ ли, не всѣмъ ли будетъ установлено общецерковное чествованіе—это дѣло Св. Синода; но что имена *всѣхъ* канонизованныхъ святыхъ должны будутъ войти въ святцы—это безусловно необходимо, и несомнѣнно будетъ сдѣлано.

Русь могуче идетъ впередъ и впередъ, народы Запада и Востока все болѣе и болѣе проникаются интересомъ къ русской жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ. Настанетъ время, когда будутъ интересоваться и вашими святынями. Православнымъ же народамъ славянскимъ русскія святыни должны быть особенно близкими. Быть можетъ, близокъ и тотъ день, когда православныя славянскія церкви, собравшись во-едино, составятъ одинъ *общеславянскій мѣсяцесловъ*, въ который войдутъ всѣ канонизованныя русскіе, сербскіе, болгарскіе, чешскіе и греческіе святые. Жизнь нашихъ святыхъ мужей будетъ чтиться по всему Востоку, равно и мы—какъ прежде, такъ и теперь—будемъ чтить сродныхъ намъ славянскихъ святыхъ. Къ этому мы идемъ, и въ этомъ будетъ лишь одно изъ проявленій славянскаго нашего единенія.

Вотъ святое великое дѣло, для котораго мы должны всѣ потрудиться по мѣрѣ своихъ силъ и умѣнья, кто чѣмъ и какъ можетъ. Дай только Богъ, чтобы это настало поскорѣе. Въ то же время этотъ трудъ доставитъ работающему не мало и душевнаго утѣшенія и отрады.

Архимандритъ *Никодимъ*.

За редактора, помощникъ редактора Г. О. Булашевъ.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется Кіевъ, 7 января 1904 г.

Цензорь, священникъ *Ө. Титовъ*.

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 3.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, января 18-го.

Содержаніе: Причины религіознаго сомнѣнія.—Правда ли, что успѣхъ па-
стырскаго служенія преимущественно обусловливается матеріаль-
нымъ обезпеченіемъ духовенства.—По поводу недозволенія вѣнчать
нѣсколько браковъ вмѣстѣ.—Старый обычай.

Причины религіознаго сомнѣнія.

Религіозное сомнѣніе — болѣзнь общечеловѣческая. На
протяженіи цѣлаго ряда вѣковъ не изъ однихъ устъ можно
слышать то самоувѣренно-хвастливый вызовъ, то болѣзненно-
мучительный стонъ:

Молиться я хочу; но тяжкое сомнѣнье
Святые помыслы души моей мрачить;
И вѣрю я и вновь не смѣю вѣрить;
Боюсь довѣриться чарующей мечтѣ;
Передъ самимъ собой боюсь я лицемѣрить;
Разсудокъ бѣдный мой блуждаетъ въ пустотѣ.

(Полонскій).

Религіозное сомніє—болѣзнь духа, и притомъ болѣзнь ужасная, мучительная какъ сама по себѣ, такъ и по тѣмъ послѣдствіямъ, которыми она сопровождается. Съ ней нужно бороться, ее нужно лѣчить. Но лѣчение возможно только при правильно поставленномъ діагнозѣ, при изслѣдованіи тѣхъ причинъ, которыми болѣзнь вызывается.

Можно различить *два* вида религіознаго сомніія: 1) сомніє чисто - теоретическое и 2) сомніє практическое. Оба вида сомніія существенно различаются одинъ отъ другого и вытекаютъ изъ разныхъ причинъ.

Причиной религіознаго сомніія *перваго* рода является безкорыстно искреннее желаніе познать истину. Оно вытекаетъ изъ природы нашего ограниченнаго познанія. Если бы чело-вѣку было доступно абсолютное познаніе, то онъ не могъ бы сомнѣваться. Но чело-вѣкъ пріобрѣтаетъ знанія постепенно, и притомъ большинство истинъ принимаетъ на вѣру. Почти всѣ знанія свои дитя покушаетъ цѣною вѣры. Чистымъ сердцемъ, непосредственнымъ чувствомъ оно воспринимаетъ въ готовомъ видѣ религіозныя истины и живетъ съ ними, вполне признавая непререкаемую истинность ихъ и авторитетъ научившихъ его. Вѣритъ и взрослый чело-вѣкъ, если его умъ подчиненъ простотѣ сердца. Но вотъ, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ жизни, пробуждается въ чело-вѣкѣ самостоятельная критическая мысль, и для него начинается мучительная работа ума, стремящагося *познать* истину. Онъ начинаетъ переживать кризисъ своего прежняго міропониманія, прежнихъ взглядовъ и возрѣній, создавшихся на почвѣ вѣры. Онъ стремится самостоятельною дѣятельностью ума создать *свое* міропониманіе, выработать *свои* убѣжденія. Онъ желаетъ не просто вѣрить, но и знать, что вѣра открываетъ ему дѣйствительный путь къ достиженію истины. Этотъ кризисъ убѣжденій мыслящій чело-вѣкъ переживаетъ въ разные эпохи своей жизни; но чаще всего онъ совпадаетъ съ бурными годами юности. Съ расцвѣтомъ физическихъ и умственныхъ силъ узы авторитета, посторонняго вліянія, ско-

вывавшія юношу, ослабѣвають. Онъ начинаетъ, прежде всего, пересоздавать или повѣрять прочность зданія своей внутренней жизни — идей, понятій, вѣрованій и идеаловъ. Пробуждается строго-критическое отношеніе къ жизни и себѣ, и возникаютъ въ умѣ вѣчные, неразрѣшимые вопросы. Невольно приходится „задуматься глубоко надъ неразгаданнымъ вопросомъ бытія“ (Надсонъ). Человѣкъ невольно спрашиваетъ себя:

Зачѣмъ ты призванъ въ міръ? къ чему твои страданья,
Любовь и ненависть, сомнѣнья и мечты

Въ безгрѣшно-правильной машинѣ мірозданья

И въ подавляющей огромности толпы?!...

(Надсонъ).

Человѣкъ стремится построить свою жизнь на разумныхъ началахъ, внести въ нее свѣтъ правды и добра:

Живя, я жить хочу не въ жалкомъ опьяненіи,

Боюсь себя „зачѣмъ“? пытливо спросить;

А такъ чтобъ въ каждомъ днѣ, и въ часѣ, и въ мгновеньи

Таился вѣчный смыслъ, дающій право жить

(Надсонъ).

Религія, ограничивающая полеты мысли авторитетомъ и догматомъ, не удовлетворяетъ самостоятельнаго или желающаго быть самостоятельнымъ искателя истины; онъ стремится выйти изъ-подъ опеки вѣры и, чувствуя внутреннюю мощь, старается разрѣшить всѣ мучительныя недоумѣнія и жгучіе вопросы силою своего ума. Умъ его требуетъ вездѣ доказательствъ, строго-логическаго убѣжденія въ истинѣ. Ясность, очевидность, доказательность являются для него мѣриломъ истины. Съ этимъ критеріемъ истины онъ подходитъ и къ религіи, начинаетъ повѣрять и ея истины и искать рѣшенія тревожащихъ его вопросовъ. Но религіозныя истины не могутъ быть доказаны съ логической очевидностью и ясностью, — религія хранитъ тайны, которыя нужно принимать на вѣру. Для желающаго *своимъ умомъ* познать Бога открывается широкое поле для сомнѣнія. И червь религіознаго сомнѣнія,

подтачивая покой и миръ души, незамѣтно закрадывается въ душу человѣка, стремящагося силою *одного ума* разрѣшить основные вопросы жизни.

Минутами, утомленный тщетными поисками истины и измученный сомнѣніями, человѣкъ готовъ снова возвратиться въ лоно вѣры и отдаться всецѣло ея руководству. Но вспыхиваетъ огонь желанія самостоятельно найти истину, зарождается мучительная жажда *своимъ умомъ* увѣриться и убѣдиться въ ней, — и червь религіознаго сомнѣнія вновь начинаетъ тревожно шевелиться въ томящейся въ усиленныхъ поискахъ за истиной, больной душѣ. Пытливый умъ увлекается различными философскими ученіями. То ему кажется, что онъ нашелъ истину въ ученіи матеріалистовъ, которое довольно просто разрѣшаетъ вопросы мірозданья, смысла и назначенія жизни и для человѣка чувственнаго, съ сильно развитыми страстями, открываетъ привлекательныя перспективы жизни; — но умъ, искренно жаждущій истины, не можетъ удовлетвориться грубымъ ученіемъ матеріализма и снова готовъ вѣрить. То ему кажется истиннымъ и все разрѣшающимъ ученіе пантеистовъ съ ихъ строго-последовательной въ своемъ развитіи философіей; — но полное уничтоженіе или отрицаніе личности, которое стоитъ въ принципѣ пантеизма, не можетъ долго привлекать къ себѣ живую, не уставшую стремиться къ единой истинѣ, мысль человѣка.

Человѣкъ, не потерявшій чувства истины, не можетъ долго останавливаться на одномъ, опредѣленномъ философскомъ ученіи; онъ будетъ продолжать свои исканія дальше — будетъ сомнѣваться. Въ своемъ исканіи истины религіозно-сомнѣвающимся человѣкъ дѣлается подобнымъ ладѣ, порывами вѣтра бросаемой изъ стороны въ сторону по безбрежному океану: внутренняя неудовлетворенность, ненахождение истины въ философскихъ ученіяхъ, недостижимость ея творческой работой мысли заставляютъ умъ человѣка колебаться и устремляться въ разныя стороны по широкому пути ея

исканія. Умъ тщетно старается разорвать сковывающія его оковы тайнъ, и человекъ еще болѣе мучится и страдаетъ:

Есть страданья ужаснѣй, чѣмъ пытка сама,—
 Это—муки бессонныхъ ночей,
 Муки сильныхъ, но тщетныхъ порывовъ ума
 На свободу изъ тяжкихъ цѣпей.
 Страшны эти минуты душевной грозы:
 Мысль нѣмѣетъ отъ долгой борьбы,
 А въ груди—ни одной примиренной слезы,
 Ни одной благодатной мольбы!..
 Тайна, вѣчная, грозная тайна томить
 Утомленный работою умъ,
 И мучительной пыткою душу щемить
 Вся ничтожность догадокъ и думъ (Шадсонъ).

Вѣра и отрицаніе поочередно смѣняются въ душѣ человека, и одно сомнѣніе, какъ властный деспотъ, не покидаетъ своего сѣдалища, заставляя болѣе и болѣе чувствовать внутреннюю пустоту отсутствія истины и побуждая къ новымъ исканіямъ ея. А религія, какъ свѣтлый маякъ, стоитъ въ отдаленіи отъ него; и онъ — то удаляется отъ нея, надѣясь еще найти свой якорь спасенія, то приближается, готовый отказаться отъ тщетныхъ попытокъ, готовый раздавить въ себѣ червя сомнѣнья и вѣровать всему, чему учитъ религія.

Но и вступивъ подъ кровъ религіи, онъ не перестаетъ еще сомнѣваться. Онъ ищетъ вѣры сознательной, разумной. Онъ желаетъ вѣровать такъ, чтобы всегда быть въ состояніи дать отчетъ въ своей вѣрѣ; онъ хочетъ раскрыть, уяснить себѣ истину вѣры Христовой и отдѣлить все чуждое ей и принесенное совнѣ блуждающимъ во мракѣ умомъ. Часто истина христіанства облекается въ устахъ, жизни и дѣятельности ея исповѣдниковъ въ несвойственныя ей одежды лжи, обмана, грубаго насилия; часто она смѣшивается и скрывается среди заблужденій ума человеческого; часто грубый, расчетливый эгоизмъ стремится плотнѣе закутаться въ тогу ея славы

и достоинства. Необходима и здѣсь критическая работа мысли. И здѣсь часто приходится человѣку, жаждущему истиннаго знанія и разумной вѣры, впадать въ сомнѣнье, чтобы, не различивъ лжи, обмана отъ правды и истины, не впасть въ грубыя заблужденія суевѣрія и фанатизма.

Такъ путемъ часто длиннаго и мучительнаго процесса сомнѣнія человѣкъ снова приходитъ къ познанію истины въ религіи при посредствѣ вѣры. Муками сомнѣнія человѣкъ убѣждается, что истина вѣры Христовой безмѣрно возвышается надъ ученіями слабаго ума человѣческаго; при вѣрѣ въ нее, сливаясь съ ней и сердцемъ и волею, человѣкъ еще болѣе утверждаетъ въ томъ, что она такова по самой своей природѣ, по самому существу своему — безотносительно ко всѣмъ построеніямъ, выводамъ и умозаключеніямъ логики. Въ мукахъ сомнѣнія для искренняго и безкорыстнаго искателя истины рождается она во всемъ величїи, окруженная лучезарнымъ блескомъ своего достоинства, силы и власти, и человѣкъ, закаливъ свою вѣру въ горнилѣ сомнѣній, успокоивается, нашедши желанную пристань отъ бурныхъ тревогъ своей души.

Таково религіозное сомнѣніе *перваго* рода. Оно, какъ можно видѣть, не заключаетъ въ себѣ ничего грѣховнаго, антирелигіознаго или антиторальнаго, — эта болѣзнь не къ смерти, такъ сказать, а къ познанію истины. Таково было, напр., сомнѣніе св. ап. Тома, желавшаго точнѣе увѣриться и утвердиться въ истинности воскресенія Христова — этого краеугольнаго камня христіанской религіи. Прежде чѣмъ увѣровать въ Божественное достоинство Спасителя сердцемъ горячо, искренно и крѣпко, ап. Тома сомнѣвается умомъ. Его умъ ищетъ основаній для своей увѣренности, чтобы вѣровать разумно и сознательно: „если не увижу на рукахъ Его ранъ отъ гвоздей, и не вложу перста моего въ раны отъ гвоздей, и не вложу руки моей въ ребра Его; не повѣрю“ (Іоанн. 20, 25). И послѣ, когда воскресшій Господь вложилъ перстъ и руку Тома въ Свои раны и ребра,

Ома горячо и убѣжденно восклицаетъ: „Господь мой и Богъ мой!“.—Этого рода сомнѣніе дѣлаетъ христіанскую вѣру разумной и болѣе твердой и устойчивой; оно служитъ лучшей гарантіей для охраненія истинной вѣры отъ мрака суевѣрій и другихъ заблужденій. Искусившись въ горниль сомнѣнія, истина вѣры является для человѣка въ большей силѣ, въ большемъ величіи и болѣе дѣйственно вліяетъ на его жизнь и дѣятельность. И сама вѣра (религія) для людей съ сильно развитой разсудочной дѣятельностью, живущихъ болѣе умомъ, является окруженною уже болѣе яркимъ ореоломъ истинности и спасительности.

Теоретическое сомнѣніе переживаетъ собственно каждый мыслящій человѣкъ, особенно въ годы юности. У однихъ оно бываетъ болѣе продолжительно и глубоко, у другихъ менѣе продолжительно и не такъ глубоко. Какъ фактическое подтвержденіе переживанія человѣкомъ этого рода (теоретическаго) сомнѣнія, можно привести примѣръ недавно скончавшагося философа В. С. Соловьева. Въ юныхъ годахъ онъ много и сильно сомнѣвался въ религіозныхъ истинахъ, и это сомнѣніе привело его къ искренней и глубоко-разумной христіанской вѣрѣ, такъ что вмѣстѣ съ именемъ философа онъ приобрѣлъ и имя выдающагося богослова. Онъ оставилъ изумительные по высотѣ мыслей и глубинѣ пониманія христіанской вѣры научно богословскіе труды, которые всегда могутъ произвести сильное и благотворное вліяніе на невѣрующую или сомнѣвающуюся душу и привести ее къ искренно-разумной вѣрѣ.

Побужденій къ теоретическому сомнѣнію можетъ быть много. Оно можетъ быть вызвано, напр., несовершенствомъ окружающей христіанской жизни, несогласіями и внѣшнимъ нестроеніемъ въ самой Церкви и т. п. Но чѣмъ бы сомнѣніе это ни вызывалось, въ основѣ его всегда будетъ лежать одна основная причина — искреннее желаніе самостоятельно познать, понять и раскрыть себѣ истину, представить ее во всемъ блескѣ и величіи.

Практическое сомнѣніе не ограничивается областью одного разсудка, но распространяется на сердце и волю чловѣка, и если сомнѣніе теоретическое ведетъ большею частью къ познанію истины, сомнѣніе практическое стремится скорѣе, наоборотъ, подорвать ея значеніе.

Теоретическое сомнѣніе легко переходитъ въ практическое, когда къ разсудочной дѣятельности присоединяется *гордость* ума, которая, конечно, исходитъ отъ сердца (Мѳ. 15, 19). Въ этомъ случаѣ быстро перемѣщается центръ тяжести, и причиной религіознаго сомнѣнія является уже не стремленіе самостоятельно познать истину, а гордость помысловъ. Она проявляется различно, но одинаково во всѣхъ случаяхъ незамѣтно ведетъ къ религіозному сомнѣнію.

Прежде всего, эта гордость проявляется тогда, когда чловѣкъ начинаетъ жить и руководиться однимъ разсудкомъ. Онъ дѣлается склоннымъ все разбирать, анализировать до мельчайшихъ подробностей и беспощадно критиковать. Свой разсудокъ онъ ставитъ критеріемъ всего существующаго и его только показаніямъ придаетъ цѣнность и значеніе.

Не вини меня, мой другъ, — я сынъ нашихъ дней,
Сынъ раздумья, тревогъ и сомнѣній;
Я не знаю въ груди беззавѣтныхъ страстей,
Безотчетныхъ и смутныхъ волненій.
Какъ хирургъ, довѣряющій только ножу,
Я лишь мысли одной довѣряю, —
Я съ вопросомъ и къ самой любви подхожу
И пытливо ее разлагаю (Надсонъ).

Такъ изображаетъ поэтъ внутреннее состояніе чловѣка, довѣряющагося одной только мысли... Чловѣкъ превращается въ какой-то механизмъ, въ которомъ проходитъ своимъ путемъ система мыслей. Всѣ другія силы души постепенно атрофируются подъ тлетворнымъ дыханіемъ все анализирующей мысли. Исключительная дѣятельность разсудка ничего не оставляетъ на долю другихъ душевныхъ силъ — сердца и воли,

глубокими запросами которыхъ онъ легкомысленно пренебрегаетъ. И какъ грозное, мстительное нашествіе дикаго варварскаго народа оставляетъ по себѣ однѣ печальныя развалины, такъ и все анализирующій разумъ оставляетъ за собой одну пустоту. Онъ болѣе склоненъ только отрицать, разрушать, но не созидать; поэтому, онъ незамѣтно приводитъ человѣка къ абсолютному скептицизму и заставляетъ его говорить: „не знаю, не знаю, не знаю“ (Г. Сенкевичъ: „Безъ догмата“).

Само собою понятно, что абсолютный скептицизмъ необходимо сопровождается и религіознымъ сомнѣніемъ. Подъ вліяніемъ исключительно умственно-разсудочной дѣятельности сердце человѣка постепенно черствѣетъ и дѣлается бесплоднымъ и невоспримчивымъ къ религіознымъ истинамъ. „Я,—говоритъ герой романа Сенкевича—„Безъ догмата“,—ставилъ знаки и философствовалъ тамъ, гдѣ другіе только любятъ. И, въ концѣ концовъ, я не выфилософовалъ себѣ ничего и свое сердце обезплодилъ“. Вѣра, какъ проявленіе, главнымъ образомъ, сердечной дѣятельности, постепенно ослабѣваетъ съ замираніемъ жизни сердца. Она начинаетъ казаться для него дѣломъ непонятнымъ, наивнымъ, свойственнымъ только людямъ необразованнымъ, простымъ, неразвитымъ. Но съ пробужденіемъ, хотя бы минутнымъ, полной жизни сердца, пробуждается въ скептикѣ и религіозное чувство, является вѣра. Таковъ, напр., скептикъ Плошевскій въ томъ же романѣ Сенкевича—„Безъ догмата“. Онъ мучится, страдаетъ, терзаясь въ своемъ сомнѣніи; но отказаться отъ результатовъ разсудочной дѣятельности и повѣрить не можетъ, потому что слишкомъ гордъ для этого. Но вотъ на мгновеніе въ немъ пробуждается жизнь сердца,—и скептикъ идетъ служить молебень. Такого же рода скептикъ представленъ и въ романѣ Эдуарда Рода — „Вопросы жизни“. „Я согласенъ,—говоритъ онъ,—даже отказаться отъ моихъ метафизическихъ исканій и потребностей, рѣшаюсь даже не знать, существуетъ ли Богъ: если Онъ существуетъ, то Онъ такъ высокъ, такъ далекъ и

такъ недостаточенъ для нашей природы, и ничто не доказываетъ, чтобы Онъ вступалъ съ нами въ какія-либо сношенія“ (стр. 27). Этотъ скептикъ не можетъ понять простосердечной вѣры своей жены и старается влить ядъ религіознаго сомнѣнія и въ ея сердце: „я говорю ей,—пишетъ онъ,—о поклоненіи истинѣ, о прелести *гордаго сознанія*, что не обманываешься никакими иллюзіями или предрасудками, — сознанія, что разумъ твой достаточно силенъ для того, чтобы разбивать всѣ эти заблужденія, но на нее это не дѣйствуетъ“ (стр. 34). Но, прельщая другихъ „прелестью *гордаго сознанія*“, онъ умиляется душой при видѣ старушки, простосердечно молящейся въ храмѣ. „Нѣсколько минутъ,—пишетъ онъ,—пламя ея свѣчи казалось мнѣ солнцемъ правды и, проходя мимо алтаря, который долженъ былъ скоро рухнуть, я *сталъ на колѣна и перекрестился*... О чудная моя старушка! ты просвѣтила меня гораздо болѣе, чѣмъ многое множество прочитанныхъ мною книгъ... ты заставила меня увидѣть пустоту, которая царитъ въ глубинѣ моей души“. Но проходятъ минуты такого душевнаго оживленія, и снова скептикъ перестаетъ сознавать пустоту своей души и въ *горделивомъ сознаніи* продолжаетъ попрежнему сомнѣваться. Такимъ образомъ, скептицизмъ—это яркое проявленіе гордости ума — необходимо порождаетъ собой и религіозное сомнѣніе.

Гордость ума можетъ проявляться также и въ томъ случаѣ, когда человѣкъ чрезмѣрно увлекается успѣхами въ области познанія, научными открытіями и изобрѣтеніями. Подъ обаяніемъ сдѣланныхъ наукой успѣховъ онъ безотчетно устремляется въ безконечную даль, надѣясь все познать, со всего снять покровъ тайны, приподнять завѣсу и освѣтить область неизвѣстнаго. Умъ человѣческій представляется ему способнымъ раскрыть и объяснить всю картину міровой жизни до мельчайшихъ подробностей. Цѣль жизни всего человечества онъ видитъ въ общемъ земномъ благополучіи и благоденствіи. Соціальное благо, какъ уничтоженіе различнаго рода внѣшнихъ страданій, бѣдствій, равномѣрное распредѣленіе зем-

ныхъ сокровищъ, ставтся идеаломъ человѣческой жизни. Всѣ заботы и усилія направляются исключительно къ тому, чтобы создать царство Божіе *на земль*—и создать, притомъ, чисто внѣшними, механическими средствами. Равенство, свобода, братство и счастье понимаются не въ духовно-правственномъ смыслѣ, а въ смыслѣ внѣшне - юридическомъ. Безсмертная душа съ своими вѣчными, никогда не умолкающими требованиями духовнаго мира, потребностями высшаго блаженства ускользаетъ изъ вниманія мыслителей, и остается одинъ внѣшній человѣкъ, по выраженію Слова Божія— „плоть“ (Іоанн. 3, 6), заслоняющая собой мысль о Богѣ, о служеніи Ему и т. д. Идеалы „посюсторонніе“, соціальныя отодвигаютъ „потусторонніе“, вѣчно юные идеалы добра, царство духовной любви и красоты.

Такое направленіе жизни человѣчества дѣлается особенно замѣтнымъ въ наше время—при цвѣтущемъ состояніи положительныхъ наукъ и всецѣломъ углубленіи въ нихъ человѣка. Обширныя завсѣванія, открытія и изобрѣтенія этихъ наукъ все сильнѣе прикрѣпляютъ мысль человѣка къ земному и заставляютъ его болѣе и болѣе вращаться въ области чувственныхъ интересовъ. Техническія улучшенія внѣшнихъ условій жизни, облегченіе труда, расширеніе области господства надъ природой—все это легко порождаетъ въ душѣ человѣка сознаніе собственной силы и мощи, горделивое самодовольство и чрезмѣрную вѣру въ собственныя силы и значеніе и еще болѣе разжигаетъ самолюбіе и гордость человѣческаго ума. Понятно, человѣку, превозносящемуся въ своемъ горделивомъ сознаніи, не трудно сдѣлать по наклонной плоскости шагъ дальше: преувеличенная и не обоснованная вѣра въ свои силы всегда способна породить конфликтъ и борьбу съ вѣрою религіозной, требующей (въ христіанствѣ, конечно), прежде всего, самоотреченія и смиренія. Вѣра въ свои силы, мало оправданная, легко возноситъ человѣка на головокружительную высоту, съ которой всегда возможно паденіе въ пропасть сомнѣнія. Образъ „міра сего“ въ сознаніи человѣка,

всѣми фибрами своего существа привязаннаго къ нему, незамѣтно удаляетъ высшій, совершеннѣйшій образъ Творца вселенной. А лишь только въ сознаниі чловѣка начинается блекнуть идея живого личнаго Бога, сомнѣніе постепенно наполняетъ его душу. Подъ вліяніемъ земныхъ, чувственныхъ интересовъ подвергается сомнѣнью осуществимость религиозныхъ вѣрованій и надеждъ, дѣйствительность будущей — безсмертной жизни и состоятельность связанныхъ съ ней идеальныхъ стремленій и порывовъ.

Къ высокому прекрасному стремиться

Житейскія дѣла мѣшаютъ намъ:

И если благъ земныхъ намъ удалось добиться,

То блага высшія относимъ мы къ мечтамъ.

Увы, теряемъ мы средь жизненныхъ волненій

И чувства лучшія и цвѣтъ своихъ стремленій.

(Гете. „Фаустъ“).

Чловѣкъ не только сомнѣвается въ благахъ высшихъ, но идетъ дальше... Религія, которая требуетъ вѣры, подчиненія авторитету, принятія безусловныхъ догматовъ, удовлетворенія нѣкоторыхъ пытливыхъ запросовъ простыми „ненаучными“ объясненіями, признается устарѣлымъ „учрежденіемъ“. Она трактуется, какъ пережитокъ, переходная ступень сознания чловѣчества, какъ нѣчто противоположное и даже враждебное наукѣ, задерживающее прогрессивное движеніе общечловѣческой жизни. Раздается проповѣдь, что религія отжила свое время, и теперь ея мѣсто должна занять наука... Говорить ли, что сомнѣніе такого рода переходитъ въ полное невѣріе?...

Въ художественной литературѣ мы находимъ не мало примѣровъ людей, зараженныхъ такимъ сомнѣніемъ. Въ литературѣ иностранной предъ нами особенно ярко выступаетъ Фаустъ въ трагедіи того же имени Гете. Нужно замѣтить, что авторъ этой всемірной трагедіи воплотилъ въ своемъ героѣ многія черты, взятая отъ себя; весьма часто устами Фау-

'ста говорить самъ геніальный творецъ трагедіи. Обладая широкими научными познаніями изъ области разнообразныхъ наукъ, онъ долго и упорно сомнѣвался въ религіозныхъ истинахъ, часто мѣнялъ свои религіозныя убѣжденія, пока не сдѣлался пантеистомъ. Сомнѣніе переживаетъ и герой его трагедіи. Онъ стремится къ обладанію всесторонними знаніями, занимается всевозможными науками, не исключая даже магіи и алхіміи. Какъ результатъ всѣхъ научныхъ изысканій, холодный позитивизмъ проглядываетъ въ словахъ Фауста:

Достаточно позналъ я этотъ свѣтъ,
 А въ міръ другой—для насъ дороги нѣтъ.
 Слѣпецъ, кто гордо носится съ мечтами,
 Кто ищетъ равныхъ намъ за облаками!
 Стань твердо здѣсь и вокругъ води свой взоръ;
 Для мудраго и этотъ міръ не вздоръ.

Вмѣстѣ съ гордымъ сознаніемъ могущества своего разума душу Фауста тревожатъ муки сомнѣнія. Навѣянная гордостью ума, онѣ лишаютъ его душевнаго мира и покоя. Но какъ только Фаустъ, смиряясь въ своей душѣ, проникается мыслию, что „мудрость вся земная нерѣдко спесь лишь пошлая, пустая“, въ немъ снова воскресаетъ вѣра въ Бога:

Душа, смири свои порывы!
 Мечта невинная, проснись!
 Утихла дикая тревога,
 И не бушуетъ въ жилахъ кровь:
 Въ душѣ воскресла вѣра въ Бога,
 Воскресла къ ближнему любовь.

Въ нашей отечественной литературѣ типичнымъ представителемъ людей, страдающихъ сомнѣніемъ вслѣдствіе гордости ума, является Иванъ Карамазовъ въ романѣ Достоевскаго: „Братья Карамазовы“. Онъ горячо вѣруеть въ „свою“ науку, въ „свою“ истину, въ силу разума и его значеніе въ жизни человѣчества на пути къ свѣтлой, счастливой будущ-

ности; ему нравится то „милое прошлое“, когда люди особенно вѣрили въ силу ума. „Я хочу въ Европу съѣздить, Алеша, говоритъ Иванъ Карамазовъ младшему своему брату:— и вѣдь я знаю, что поѣду лишь на кладбище, но на самое, на самое дорогое кладбище, вотъ что! Дорогіе тамъ лежатъ покойники, каждый камень надъ ними гласитъ о той горячей минувшей жизни, о такой страстной вѣрѣ въ свой подвигъ, въ свою истину, въ свою борьбу и въ свою науку, что я, знаю заранѣе, паду на землю и буду цѣловать эти камни и плакать надъ ними“... Иванъ Карамазовъ вѣритъ въ Бога, но не можетъ „принять“ сотвореннаго Имъ міра, полного неразрѣшимыхъ загадокъ и противорѣчій. Онъ также только при помощи ума ищетъ разрѣшенія мучающихъ его вопросовъ, хотя и сознаетъ, что не имѣетъ правъ на это; еще не хочется „подчиняться и умолкать“,—онъ ищетъ „своихъ мѣръ“ для устраненія жизненныхъ неустройствъ, страданій и мукъ.

Муки религіознаго сомнѣнія Ивана Карамазова особенно ярко изображены художникомъ—психологомъ въ главѣ: „Кошмаръ Ивана“. Вслѣдствіе душевнаго напряженія и разстрой-ства, сознаніе Ивана раздвоилось: его единое, недѣлимое „я“ какъ бы распалось на два существа—одно вѣрующее, другое отрицающее, которыя и бесѣдуютъ между собой.

— Ужъ и ты въ Бога не вѣруешь? — ненавистно усмѣхнулся Иванъ.

— То есть какъ тебѣ это сказать? Если ты только серьезно...

— Есть ли Богъ, или нѣтъ?—опять со свирѣпой настойчивостью крикнулъ Иванъ.

— А, такъ ты серьезно? Голубчикъ мой, ей-Богу, не знаю, вотъ великое слово сказалъ.

— Не знаешь, а Бога видишь? Нѣтъ, ты не самъ по себѣ, ты я, ты есть я и болѣе ничего? Ты дрянъ, ты моя фантазія!

— То есть, если хочешь, я одной съ тобой философіи, вотъ это будетъ справедливо... Je pense donc je suis (cogito, ergo

sum), это я знаю навѣрно; * остальное же все, что кругомъ меня, всѣ эти міры, Богъ и даже самъ сатана,—все это для меня не доказано, существуетъ ли оно само по себѣ, или есть только одна моя эманация, послѣдовательное развитие моего, существующаго доврѣменно и единолично... Словомъ, я быстро прерываю, потому что ты, кажется, сейчасъ драть-ся хочешь...

Такой разговоръ происходитъ у Ивана съ незнакомцемъ, котораго онъ самъ признаетъ за воплощеніе себя — „только одной, впрочемъ, стороны... мыслей и чувствъ, только самыхъ гадкихъ и глухихъ... Онъ—это я. Все мое низкое, все мое подлое и презрѣнное“, говоритъ Иванъ. Глубоко вѣрующій братъ Ивана Алеша понималъ болѣзненные муки и страданія Ивана. Это—„муки *гордаго* рѣшенья“, замѣтилъ онъ и этими словами указалъ ключъ къ отысканію причины религіознаго сомнѣнія брата: она скрывалась въ *гордости* ума Ивана.

Кромѣ литературныхъ типовъ, можно указать и на историческихъ лицъ, страдавшихъ сомнѣніемъ вслѣдствіе гордости ума. Таковъ, напр., Вольтеръ. Свои религіозныя сомнѣнія онъ излилъ въ нѣкоторыхъ литературныхъ произведеніяхъ („Задигъ или судьба“ — романъ; „Мемнонь“ — маленькая сказка).

Нужно замѣтить, что враждебное отношеніе между религіей и наукой создается только на почвѣ полуобразованности, полуучености. „Полузнаніе отвращаетъ отъ Бога“, сказалъ еще Баконъ Веруламскій, и ведетъ въ бездну сомнѣнія.

Н. Горностаевъ.

(Окончаніе будетъ).

Правда ли, что успѣхъ пастырскаго служенія преимущественно обусловливается матеріальнымъ обезпеченіемъ духовенства?

За все время существованія Русской Церкви никогда еще не предъявлялось къ духовенству столько разнообразныхъ требованій и запросовъ, идущихъ со всѣхъ сторонъ, какъ въ наши дни. Раскройте любой номеръ какого-либо духовнаго журнала,—и вездѣ вы найдете оживленныя сужденія о тѣхъ или иныхъ „задачахъ“ современнаго духовенства; поговорите съ свѣтскимъ человѣкомъ, интересующимся религіозными и церковными вопросами, — и отъ него вы непременно услышите: „да, нашему духовенству предстоитъ многое сдѣлать теперь—и въ церковной и въ общественной жизни“. Разумѣется, не всѣ требованія, предъявляемыя теперь къ духовенству, заслуживаютъ одинаковаго вниманія: проекты о томъ, чтобы сдѣлать священниковъ агрономами, статистиками, метеорологами и т. п., съ спокойною совѣстью могутъ быть оставлены безъ осуществленія, какъ не имѣющіе никакого отношенія къ пастырскому служенію. Но и за выдѣленіемъ подобныхъ проектовъ все же остается не мало такихъ запросовъ къ современному духовенству, которые касаются самыхъ существенныхъ сторонъ пастырскаго служенія—богослуженія, церковнаго и внѣцерковнаго учительства, пастырскаго вліянія на народъ и интеллигенцію и т. п.—и требуютъ, поэтому, отъ духовенства разрѣшенія и удовлетворенія.

Духовенство наше не одинаково относится къ этимъ запросамъ текущей жизни. На ряду съ пастырями, хорошо сознающими важность настоящаго момента, въ духовенствѣ есть не мало и такихъ лицъ, которыя явно тяготятся всякимъ новымъ требованіемъ къ нимъ и исполняютъ эти требованія чисто официальнымъ образомъ, не по сознанію важности дѣла,

а лишь изъ-за боязни отвѣтственности предъ начальствомъ. Въ свое оправданіе они обычно ссылаются на тѣ неудовлетворительныя матеріальныя условія, въ которыя поставлена жизнь духовенства. „Дайте намъ полное казенное содержаніе, церковныя дома,—говорятъ они (а нѣкоторые даже и пишутъ въ періодическихъ изданіяхъ), — и тогда требуйте отъ насъ и *живого слова*, и *сблжженія съ интеллигенціею*, и участія въ общественной жизни прихожанъ и всего остального. А теперь, когда мы живемъ по большей части *доброхотными приношеніями*, или, проще сказать, подаваніями отъ прихожанъ и должны угождать каждому крестьянину, не говоря уже о помѣщикахъ,—можно ли предъявлять къ намъ столько разнообразныхъ требованій?“

Такимъ образомъ, расширеніе пастырской дѣятельности поставляется здѣсь въ зависимость отъ матеріальнаго обезпеченія духовенства. Съ общежитейской точки зрѣнія это сужденіе вполнѣ основательно: во всѣхъ почти областяхъ труда матеріальное обезпеченіе работающихъ признается лучшимъ средствомъ для усиленія ихъ работоспособности и для увеличенія производительности труда. Хорошо обезпеченный труженникъ всегда исполнительъ, дорожитъ своею службою и не ищетъ постороннихъ занятій въ ущербъ своимъ прямымъ обязанностямъ; кромѣ того, чѣмъ значительнѣе вознагражденіе, тѣмъ выше въ качественномъ отношеніи можетъ быть составъ служащихъ.

Но приложима ли эта точка зрѣнія и къ пастырскому служенію?—Мы полагаемъ, что нѣтъ. Пастырство есть „искусство изъ искусствъ“; это высшая сфера человѣческой дѣятельности, не имѣющая для себя равной. Отъ ремесленника и чиновника требуется только внѣшняя исполнительность, отъ пастыря — и внутренняя настроенность, духовная ревность о славѣ Божіей. Къ первымъ никто не въ правѣ предъявить требованія, чтобы они жертвовали своимъ здоровьемъ и жизнью

для своего дѣла,—пастырю же самоотверженіе вмѣняется въ обязанность: „пастырь добрый душу свою полагаетъ за овецъ“ (Іоанн. 10, 11). Для всякаго иного дѣла отъ человѣка требуются лишь физическая и умственная трудоспособность и готовность трудиться въ извѣстной сферѣ,—а отъ священника, кромѣ того, и особыя духовныя дарованія, ниспосылаемыя благодатию Божіею. И эта благодать Божія иногда дѣйствуетъ „не тщетно“ для пастырскаго служенія тамъ, гдѣ, по человѣческимъ расчетамъ, нѣтъ никакой надежды на успѣхъ. Христіанская Церковь благоговѣнно чтитъ память многихъ доблестныхъ пастырей, которые, подобно ап. Павлу, „явили себя, какъ служители Божіи въ великомъ терпѣніи, въ бѣдствіяхъ, въ нуждахъ, въ тѣсныхъ обстоятельствахъ, подъ ударами, въ темницахъ, въ изгнаніяхъ, въ трудахъ“... (2 Кор. 6, 4 — 5). Внѣшнія бѣдствія не препятствовали имъ побѣдноно бороться противъ враговъ Церкви, обладающихъ и властью и матеріальными средствами. Еще болѣе такихъ пастырей осталось въ неизвѣстности для міра, вѣдомыхъ только Богу. Вообще, и понятіе о пастырскомъ служеніи, предлагаемое Словомъ Божіимъ и святоотеческими твореніями, и исторія Церкви ясно показываютъ, что матеріальное обезпеченіе не должно быть признаваемо за необходимое условіе для успѣха пастырскаго дѣла. Конечно, пастырь Церкви, какъ и всякій человѣкъ, не можетъ обойтись безъ пищи, одежды и крова и имѣетъ неоспоримое право на обладаніе такимъ „хлѣбомъ насущнымъ“: „или мы не имѣемъ власти ѣсть и пить?“—спрашиваетъ ап. Павелъ (1 Кор. 9, 4). Но этотъ „хлѣбъ насущный“ не создаетъ—и не можетъ создать—того пастырскаго духа, который только и обезпечиваетъ, при помощи благодати Божіей, надлежащій успѣхъ пастырскаго служенія. Приведемъ сравненіе изъ иной области. Вести войну безъ запасовъ провіанта для солдатъ—не возможно, конечно; и всякій благоразумный военачальникъ старается заблаговременно заготовить достаточнымъ количествомъ фуража для своего войска, идущаго въ походъ. Но и самые обильные запасы про-

віанта не помогутъ сами по себѣ побѣдить врага, если воины не будутъ обладать патріотическою настроенностью, храбростью до готовности умереть за отечество и надлежащею военною опытностью. Талантливые полководцы всегда сознавали важность этихъ духовныхъ качествъ войска и, умѣло воспитывая и возбуждая ихъ, часто съ малыми силами, плохо даже снабженными оружіемъ и провіантомъ, одерживали верхъ надъ многочисленнымъ врагомъ. „Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ“ — вотъ девизъ истинно христіанскаго воина, начиная съ благовѣрнаго князя—военачальника Александра Невскаго. Пастыри Церкви — тѣ же воины, притомъ передовые въ воинствующей Церкви Христовой, но ихъ брань „не противъ плоти и крови, но противъ... духовъ злобы поднебесной“ (Еф. 6, 12), и потому оружіе пастырей должно быть чисто духовное—щитъ вѣры, шлемъ спасенія и мечъ духовный, который есть слово Божіе, и всѣ вообще средства спеціально-пастырскаго воздѣйствія, предоставленныя пастырямъ Церковью. Очевидно, что въ такой борьбѣ матеріальная сторона имѣетъ несравненно еще меньше значенія, чѣмъ въ борьбѣ съ тѣлесными врагами. Самое большее, что здѣсь можетъ дать матеріальное обезпеченіе,—это освободить духовенство отъ заботъ о хлѣбѣ насущномъ, предоставить ему больше возможности заниматься приходскими дѣлами, но отнюдь не создать ту идейность, которая требуется отъ пастырей. А безъ этой идейности священникъ и свой досугъ употребитъ на свои личныя нужды, но не на расширеніе своей собственно пастырской дѣятельности.

Всѣ эти соображенія вполнѣ приложимы и къ современному положенію духовенства. Мы совершенно согласны съ тѣмъ, что матеріальное обезпеченіе духовенства и въ настоящее время еще оставляетъ возможность и право желать лучшаго, но все же теперь каждый священникъ можетъ прожить безбѣдно, не страшась нищеты ни въ теченіе своей службы, ни въ старости, по выходѣ за штатъ. О такомъ благополучіи врядъ ли и мечтали наши дѣды и прадѣды, въ

потѣ лица своего трудившіеся за сохою паравиѣ съ крестьянами-прихожанами. Но много ли шире и плодотворнѣе пастырская дѣятельность современнаго духовенства, болѣе обезпеченнаго матеріально, сравнительно съ дѣятельностью стараго духовенства, почти нищенствовавшаго?—Выключимъ изъ дѣятельности нынѣшняго духовенства все то, что дѣлается имъ исключительно по предписанію начальства, поставимъ ему въ заслугу лишь предпринимаемое имъ по личной инициативѣ,—великъ ли будетъ остатокъ?—Мы найдемъ, правда, что сравнительно съ прежнимъ теперь усилилось пастырское учительство—церковное и внѣцерковное,—значительно увеличилась церковно-школьная дѣятельность духовенства, расширилось миссіонерство; но зато теперь несравненно болѣе возрасла и нужда во всемъ этомъ, такъ что усилія современныхъ пастырей далеко не отвѣчаютъ всей полнотѣ и широтѣ идущихъ къ нимъ запросовъ. Нѣкоторыя же нужды пасомыхъ, общія во всѣ времена, гораздо лучше удовлетворялись старымъ духовенствомъ, чѣмъ нынѣшнимъ. Такъ, на примѣръ, религіозно настроенный русскій человѣкъ всегда любилъ истовое богослуженіе и „благолѣпіе“ храмовъ Божіихъ; но въ прежнее время, по общему признанію, эта любовь поддерживалась духовенствомъ, а теперь она ослабляется, особенно въ городскихъ церквахъ съ ихъ партеснымъ пѣніемъ и „учеными“ псаломщиками. Всегда, далѣе, для успѣха пастырскаго служенія имѣло важное значеніе сближеніе духовенства съ прихожанами; но и въ этомъ старое духовенство превосходитъ новое. Въ прежнее время священникъ и въ городѣ зналъ всѣхъ своихъ прихожанъ, не говоря уже о селахъ, гдѣ духовенство жило одною жизнью съ крестьянами; а теперь иной городской священникъ знаетъ въ своемъ приходѣ только болѣе или менѣе выдающихся домовладѣльцевъ и чиновниковъ, къ остальнымъ же прихожанамъ онъ заходитъ разъ-два въ годъ, и этимъ часто и ограничивается его пастырское вниманіе къ нимъ. Да и въ селахъ многіе изъ современныхъ священниковъ чуждаются простого народа изъ-за боязни „ому-

жичиться“ и ищутъ сближенія съ купцами и помѣщиками. И нужно замѣтить, что это отчужденіе, крайне вредное для пастырской дѣятельности, обычно встрѣчается тамъ, гдѣ священникъ имѣетъ значительное матеріальное обезпеченіе. Чаще всего оно замѣчается въ южныхъ губерніяхъ; но, какъ извѣстно, эти губерніи — родина и мѣсто наибольшаго развитія штундизма и иныхъ раціоналистическихъ сектъ. Въ этихъ же губерніяхъ наблюдается и другое печальное явленіе — отсутствіе кандидатовъ для занятія священническихъ мѣстъ. Напр., въ Подольской губерніи въ концѣ іюля были свободны 23 мѣста священническихъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ не заняты съ прошлаго года. Почему же не занимаются эти мѣста, не смотря даже на хорошія матеріальныя условія? — Очевидно, потому, что нынѣшніе питомцы духовной школы, не имѣя въ себѣ искренней любви къ пастырскому служенію, бѣгутъ отъ этого служенія во всѣ стороны, не прельщаясь даже и „хорошимъ матеріальнымъ обезпеченіемъ“, которое выставляется многими іереями, какъ единственное средство привлечь въ ряды духовенства „достойныхъ людей“. И это бѣгство всего больше замѣчается тамъ, гдѣ духовенство живетъ въ достаткѣ; слѣдовательно, матеріальное изобиліе въ домѣ родителей отнюдь не содѣйствуетъ воспитанію въ дѣтяхъ любви и охоты къ священству, а, напротивъ, оно побуждаетъ ихъ искать болѣе легкаго и еще болѣе обезпеченнаго труда. Получается нѣчто неожиданное: и свои бѣгутъ, и чужіе не идутъ! А въ старые годы семинаристы охотно шли и на бѣдное священническое существованіе, да и теперь священническія мѣста скорѣе замѣщаются въ болѣе бѣдныхъ губерніяхъ, чѣмъ въ богатыхъ. Это обстоятельство только подтверждаетъ нашу мысль, что не матеріальными благами обуславливается успѣхъ пастырской дѣятельности. Конечно, не грѣшное дѣло и полное казенное жалованье получать, и церковныя дома имѣть,—но нельзя и ставить этого „во главу угла“. Тяжело видѣть матеріальную скудость пастырей,—но еще тяжелѣе, еще печальнѣе смотрѣть на ихъ духовное оскудѣвіе, на

то, если они будутъ глухи и нѣмы въ то время, когда къ нимъ обращаются съ запросами со всѣхъ сторонъ и ожидаютъ отъ нихъ авторитетнаго отвѣта на недоумѣнные вопросы современной религіозной и общественной жизни. (Орл. еп. в., 1903 г., № 32).

По поводу недозволенія вѣнчать нѣсколько бра- ковъ вмѣстѣ.

„Вѣнчать по нѣсколько царь вмѣстѣ,—говорить прот. Хойнацкій въ своемъ Практическомъ руководствѣ для священнослужителей при совершеніи свят. таинствъ (о бракѣ § 66),—какъ это допускаютъ иногда нѣкоторые, особенно сельскіе священники, во всѣхъ отношеніяхъ не благопрістойно и положительно запрещается у насъ властью церковною (опред. Св. Синода 1773 г. іюня 3-го дня), а потому и виновные въ нарушеніи этого правила могутъ подвергаться отвѣтственности, какъ нарушители всякаго благочинія церковнаго“.

Нечего, разумѣется, и говорить, что каждый священникъ обязанъ безусловно и непрекословно повиноваться всѣмъ распоряженіямъ церковной власти; но власть церковная имѣетъ право измѣнять и отмѣнять свои распоряженія и постановленія, если они не имѣютъ каноническаго характера, и если ихъ измѣненіе или отмѣна вызываются обстоятельствами и нуждою.

Въ этихъ видахъ мы беремъ на себя смѣлость поставить вопросъ: почему не дозволить бы вѣнчать по нѣсколько браковъ вмѣстѣ, если это запрещеніе не имѣетъ каноническаго характера?

Указа Свят. Синода 1773 г. іюня 3-го дня у насъ подъ руками нѣтъ, и потому мы не знаемъ тѣхъ основаній, по которымъ запрещено имъ вѣнчать по нѣсколько браковъ вмѣстѣ. Но ни въ Апостольскихъ правилахъ, ни въ постановленіяхъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, ни въ каноническихъ посланіяхъ св. отцевъ по этому вопросу ничего не сказано.

Въ законоположеніяхъ Русской Церкви до 3-го іюня 1773 г. также, вѣроятно, нѣтъ по этому вопросу никакихъ разъясненій. Какъ совершались браки до этого времени у насъ на Руси, и какъ совершаются они въ настоящее время на Востоцѣ, мы не знаемъ.

Прот. Хойнацкій говоритъ, что вѣнчать по нѣсколько паръ вмѣстѣ „не благопристойно“ и является „нарушеніемъ всякаго благочинія церковнаго“. Что вѣнчать браки по нѣсколько паръ вмѣстѣ есть нарушеніе законоположенія Русской Церкви—это вѣрно, и никто не въ правѣ такъ поступать, пока существуетъ законъ, но чтобы это было „не благопристойно“ и служило „нарушеніемъ всякаго благочинія церковнаго“—съ этимъ едва ли можно согласиться. Вѣдь дозволено же крестить по нѣсколько младенцевъ за разъ—и притомъ въ одной купели, безъ перемѣны воды, — почему же это послѣднее не является и не считается „не благопристойнымъ“ и „нарушеніемъ всякаго благочинія церковнаго“? Крещеніе есть такое же таинство, какъ и бракъ. Если чрезъ крещеніе за разъ въ одной купели нѣсколькихъ младенцевъ таинство крещенія не теряетъ своей силы, то неужели таинство брака чрезъ вѣнчаніе за разъ по нѣсколько паръ потеряетъ силу?— Думаемъ, что никто не станетъ этого утверждать.

Что касается обрядовой стороны того и другого таинства, то между ними существуетъ полная аналогія. Если выполненіе обрядовой стороны не встрѣчаетъ препятствій при крещеніи нѣсколькихъ младенцевъ за разъ, то не найдется препятствій и къ выполненію съ формальной стороны брака при вѣнчаніи за разъ нѣсколькихъ паръ, смотря по количеству паръ имѣющихся въ церкви вѣнцовъ.

„Въ требникѣ патр. Іосифа,—говоритъ прот. Хойнацкій въ своемъ Руководствѣ (§ 16),—полагается: „аще случится младенца два или три крестити, или множае, глаголемъ молитвы обще всѣмъ, а не особо всякому, и все послѣдованіе крещенія, точію имя глаголемъ коемуждо свое, т. е. вездѣ тамъ, гдѣ надо произносить имя крещаемого, священникъ

вмѣсто одного долженъ произносить имена всѣхъ крещаемыхъ по порядку, а вслѣдствіе этого вообще и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ молитвахъ говорится о крещаемомъ въ единственномъ числѣ, читать во множественномъ. Только самое крещеніе, или точнѣе—погруженіе въ воду крещаемыхъ при этомъ священникъ долженъ производить надъ каждымъ крещаемымъ отдѣльно и отдѣльно же надъ каждымъ произносить „облачается рабъ Божій“ при одѣяніи въ ризу. Остальное затѣмъ опять все должно идти по указанному выше — до самаго миропомазанія, которое тоже должно быть совершено надъ каждымъ крещаемымъ отдѣльно по обычаю (указъ Св. Синода 1733 г. іюля 18 д.). Если при этомъ случится крестить дѣтей мужескаго пола и женскаго пола вмѣстѣ, то, не отдѣляя ихъ другъ отъ друга, священникъ долженъ только „для благочинія при погруженіи отдавать первенство мужескому полу предъ женскимъ. (Свят. Кипр. посл. къ Аѳанасію; Археогр. Акт., т. 1, № 253), и затѣмъ все прочее совершать, какъ указано“. Касательно совершенія таинства крещенія священники предостерегаются даже въ томъ, чего они не могутъ сдѣлать физически: имъ предписывается *крестить (погружать) каждого младенца отдѣльно*. У какого же священника найдется столько рукъ, чтобы сразу, одновременно погрузить, напр., *пятерыхъ* младенцевъ?—Понятно, и погруженіе, и все прочее совершается по очереди.

Обратимся къ совершенію браковъ: не то же ли самое выйдетъ, что и при крещеніи?—Свѣчи брачующимся давать отдѣльно каждой парѣ, а за разъ нѣсколькимъ парамъ, разумѣется, нельзя дать хотя бы уже по одному тому, что у священника только двѣ руки; перстни—по очереди; приводить къ аналою—по очереди; спрашивать о согласіи или несогласіи вступить въ бракъ—по очереди; вѣнцы надѣвать—по очереди; общую чашу подавать—по очереди; обводить вокругъ аналоя—по очереди; снимать вѣнцы—по очереди. Выходитъ все именно такъ, какъ при крещеніи. Только молитвы читаютъ

ся всѣмъ вмѣстѣ однѣ и тѣ же, какъ и при крещеніи, съ произношеніемъ отдѣльно каждаго имени брачующихся.—И что же тутъ можетъ выйти „неблагопристойное“?

Между тѣмъ, разрѣшеніе вѣнчать хотя не столькихъ паръ, сколько имѣется въ церкви вѣнцовъ, а, наир., двухъ, трехъ, было бы настоящимъ благодѣяніемъ для тѣхъ священниковъ, которымъ приходится вѣнчать въ одинъ день,—обыкновенно въ праздникъ, послѣ богослуженія 5—7 браковъ. Достанетъ ли подобающаго при совершеніи таинства сосредоточенно-благотворительнаго настроенія у священника, чтобы *семь* разъ прочитать однѣ и тѣ же молитвы? Да достанетъ ли и силъ физическихъ?—Человѣкъ—не машина, которая механически, безсознательно дѣйствуетъ по разъ заведенному порядку,—да и та „подтирается“.

Трудъ пастырей при совершеніи браковъ усугубляется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что во многихъ мѣстностяхъ существуетъ обычай вводить новобрачныхъ въ домъ въ вѣнцахъ. Когда же священникъ успѣетъ въ одинъ день, считая день съ полудня, обвѣнчать *семь* браковъ и при этомъ каждую пару новобрачныхъ проводить въ домъ, отстоящій отъ церкви на цѣлую версту? Уничтожить этотъ послѣдній обычай, существующій съ незапамятныхъ временъ, значитъ—возбудить въ прихожанахъ бурю негодованія. Установить въ совершеніи браковъ очередь, перенося ихъ на разные дни, также трудно, да, пожалуй, и не возможно, потому что совершеніе браковъ въ намѣченный родителями брачующихся день связывается съ разными условіями семейными, экономическими и т. п.

А часто бываетъ и такъ, что браки относятся родителями брачующихся къ самому послѣднему дню, въ который можно вѣнчать, такъ что дальше вѣнчанія совсѣмъ уже откладывать нельзя.

Иерей.

Старый обычай.

Кто знаетъ жизнь нашего сельскаго духовенства. тотъ не могъ не обратить вниманія на такъ называемый обычай „передачи мѣстъ“. Дѣло происходитъ такъ. Когда умираетъ священно—или церковнослужитель, у котораго есть взрослая дочь-невѣста, семейство почившаго хлопочетъ, чтобы мѣсто осталось за нимъ, и ищетъ зятя, достойнаго занять это мѣсто.

Какъ же нужно относиться къ этому обычаю?

Существуетъ два совершенно противоположныхъ мнѣнія по этому вопросу. Одни (люди свѣтскіе) называютъ наследственность мѣстъ аномаліей въ церковной жизни, требующимъ непремѣннаго устраненія зломъ. Другіе (сельское духовенство), наоборотъ, смотрятъ на него, какъ на явленіе необходимое и ничуть не вредное. Кто же правъ? Какъ разрѣшить этотъ „больной“ вопросъ? Мы называемъ этотъ вопросъ „больнымъ“ потому, что онъ все болѣе начинаетъ занимать умы нашихъ архипастырей, и такое или иное разрѣшеніе его серьезнымъ образомъ отозвѣтся въ жизни сельскаго духовенства.

Чтобы понять и оцѣнить какое-либо явленіе, необходимо всегда раньше выяснить себѣ его причины. Гдѣ же причины, породившія и поддерживающія обычай передачи мѣстъ по наследству?

Причины эти коренятся въ самомъ бытѣ духовенства, въ его матеріальной необезпеченности. Когда умираетъ священнослужитель, его семейство остается, по большей части, совершенно не обезпеченнымъ. До пенсія, при теперешнихъ срокахъ, рѣдко кто дослуживаетъ, а эмиральныя кассы только еще открываются. И вотъ, чтобы семейство умершаго не пошло по міру, изстари вошло въ обычай принимать на освободившееся мѣсто зятя для поддержанія сиротъ.

Еще преосвящ. Іоаннъ Смоленскій высказалъ (что многими и доселѣ повторяется) ту мысль, будто указанный порядокъ совершенно не нормаленъ, и что храмъ и пастырское служе-

ніе не могутъ быть передаваемы, въ качествѣ приданнаго, за дочерью священника, а должны быть замѣщаемы достойными кандидатами.—Но это возраженіе противъ вѣкового обычая нельзя признать сильнымъ. Вѣдь и на „сдаточныя“ мѣста замѣщаются лица, имѣющія полное право на священный санъ. Иное дѣло, если бы эти мѣста замѣщались какими-нибудь недоучками. Тогда подобное замѣчаніе, конечно, имѣло бы полное основаніе.

Гораздо серьезнѣе указаніе на то, что во время принсканія зятя (а это дѣлается не вдругъ) приходъ остается безъ священника, и такимъ образомъ происходитъ задержка въ церковной жизни. Но и это зло не такъ велико, какъ оно представляется. И при простомъ перемѣщеніи подобная задержка происходитъ. Значить, разница здѣсь только въ какомъ-нибудь мѣсяцѣ времени. Наконецъ, и на это время приходъ не остается совершенно безъ священника. Обычно—сосѣдніе священники совершаютъ въ праздномъ приходѣ все необходимое. Такимъ образомъ, и это возраженіе не имѣетъ особенной силы.

Указываютъ еще на то, что въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ практикуется „сдача“ приходоѡ, очень трудно молодымъ кандидатамъ добиться мѣста, и по неволѣ приходится жениться на той, на которой вовсе не желаешь.—И это опять не совсѣмъ вѣрно. „Сдаточныхъ“ мѣстъ никогда не бываетъ и половины. Съ другой стороны, и кандидатовъ священства никто не неволитъ тотчасъ же поступать на мѣсто.

Нѣкоторые, наконецъ, указываютъ на то, что теперь уже большинство священниковъ воспитываютъ своихъ дочерей въ епархіальныхъ училищахъ, и, слѣдовательно, эти послѣднія всегда могутъ найти себѣ кусокъ хлѣба въ качествѣ школьныхъ учительницъ.—Это совершенно вѣрно. И тѣмъ не менѣе передача мѣстъ можетъ имѣть основанія и въ наше время даже помимо того, что не всѣ же умирающіе священники оставляютъ лишь взрослыхъ дѣтей. Извѣстно, что каждый священнослужитель оставляетъ послѣ себя такое или иное хозяйство.

Въ этомъ и заключается, по большей части, все наслѣдство сиротъ. Съ назначеніемъ на освободившійся приходъ чужого, все это хозяйство должно пойти за безцѣнокъ, потому что вдова не въ силахъ его поддерживать,—и, такимъ образомъ, сироты лишаются послѣдняго куска хлѣба. Вотъ чтобы сберечь эти сиротскія крохи, и держится во многихъ мѣстахъ въ силѣ старыи обычай „сдачи“ мѣсть, пока бытъ духовенства не измѣнился еще къ лучшему.

М. Л.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Кирилль.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 15 января 1904 г.

Цензоръ, священникъ *Θ. Титовъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 4.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, января 25-го.

Содержаніе: Взглядъ св. Іоанна Златоустаго на пастыря, какъ лицо священнодѣйствующее, и на отношеніе пасомыхъ къ священнослуженію пастыря. — Причины религіознаго сомнѣнія (окончаніе). — Наблюденія и замѣтки сельскаго священника. — Что дѣлать священнику въ случаѣ чьихъ-либо попытокъ завладѣть частью церковной земли?

Взглядъ св. Іоанна Златоустаго на пастыря, какъ лицо священнодѣйствующее, и на отношеніе пасомыхъ къ священнослуженію пастыря.

Пастырь, прежде всего, есть служитель алтаря, лицо священнодѣйствующее, совершающее божественныя и страшныя таинства. Право священнодѣйствовать дано пастырямъ Церкви Самимъ Божественнымъ Учителемъ, Господомъ Іисусомъ Христомъ. „Священнослуженіе, говоритъ св. Златоустъ, хотя и совершается на землѣ, но — по чиноположенію небесному. Такъ и должно быть. Ибо не человѣкъ, не ангель, не архангель и не другой кто-либо изъ сотворенныхъ, но Самъ Утѣшитель учредилъ это служеніе и людей, еще облечен-

ныхъ плотію, содѣлалъ представителями ангеловъ“¹⁾. Мало этого,—св. отецъ часто и усиленно настаиваетъ на томъ, что вся дѣятельность священника, какъ тайносовершителя, производится не самимъ священникомъ, его наличными силами, а благодатію Св. Духа, силою Божіею, такъ что священникъ произноситъ только слова, а дѣйствуетъ сила и Божія благодать²⁾: онъ, по выраженію св. Златоуста, только „ссужаетъ свой языкъ и простираетъ свою руку, а все устрояетъ Отецъ и Сынъ, и Святой Духъ“³⁾. Такимъ образомъ, по мнѣнію св. Златоуста, не только начало, но и продолженіе священства, не говоря о его дѣйственности, зависитъ отъ Бога, и само священнослуженіе есть дѣло не человѣческое (хотя въ немъ и участвуетъ человѣкъ), а Божіе.

Священнослуженіе было и въ Ветхомъ Завѣтѣ, носило на себѣ печать таинственности, отличалось большою внѣшней пышностію и имѣло весьма важное значеніе въ религіозно-правственной жизни іудейскаго народа.

Но несравненно важнѣе по своему значенію для спасенія христіанъ и гораздо таинственнѣе по своимъ внѣшнимъ принадлежностямъ и внутреннему смыслу священство Ново-завѣтной Церкви. Превосходство этого служенія открывается изъ того уже одного, что священникъ христіанской Церкви совершаетъ величайшее и спасительнѣйшее таинство—евхаристію, возноситъ своими руками Самого Спасителя, какъ жертву, и находится въ эти страшныя и таинственныя минуты среди сонма ангеловъ и архангеловъ, „которые, облаченные въ свѣтлыя одежды, окружаютъ жертвенникъ точно такъ, какъ бы воины, стоящіе въ присутствіи царя“⁴⁾. Въ умиленномъ восторгѣ св. Златоустъ такъ живописуетъ этотъ

¹⁾ Слова о священствѣ въ перев. прот. І. Колоколова, Спб. 1836 г., стр. 56; ср. Бесѣд. на 2 посл. къ Тимоѳ., б. II, стр. 26. Спб. 1859 г.

²⁾ Слова и бесѣд. на разн. случ., т. II, б. о предат. Іуды, стр. 91. Спб. 1865 г.

³⁾ Бес. на Іоанн. ч. II, б. 86. стр. 527. Спб. 1855 и 1862 гг.

⁴⁾ Слова о свящ., стр. 177.

торжественнѣйшій моментъ христіанскаго богослуженія: „когда видишь Господа, закланнаго и предложеннаго въ жертву,—священника, предстоящаго сей Жертвѣ и возносящаго молитвы, народъ же весь, окропляемый драгоценною Ея Кровію, еще ли думаешь, что ты находишься среди людей и стоишь на землѣ, что ты не перенесся мгновенно на небеса и, отвергнувъ всѣ плотскія помышленія души, обнаженнымъ отъ всего земного духомъ и чистымъ умомъ не созерцаешь небснаго? О чудо! о человѣколюбіе Божіе! Сѣдящій въ горнихъ Отецъ въ сей часъ объемлетъ руками всѣхъ, даетъ Себя осязать и ощущать всѣмъ, кто только желаетъ, и всѣ тогда могутъ зрѣть Его очами вѣры“¹⁾). Чтобы яснѣе показать превосходство и величіе христіанской Жертвы предъ жертвой іудейской, а отсюда и превосходство новозавѣтнаго священства предъ ветхозавѣтнымъ, св. Златоустъ обращаетъ вниманіе своего друга Василія (къ которому написаны *слова о священствѣ*) на обстановку того жертвоприношенія, которое совершалъ прор. Ілія въ присутствіи царя Ахава и жрецовъ Ваала и на обстановку приношенія Жертвы христіанской и путемъ такого сравненія показываетъ превосходство послѣдней надъ первою. „Представь предъ очи св. Ілію,—говоритъ св. отецъ,—представь, что его окружаетъ безчисленный народъ, жертва возлежитъ на камняхъ, всѣ другіе соблюдаютъ тишину и глубокое молчаніе, одинъ только пророкъ возсылаетъ молитву, и что послѣ того пламень мгновенно ниспадаетъ съ неба на жертву. Все сіе приводитъ въ удивленіе и благоговѣйный страхъ. Теперь перейди къ жертвоприношенію нашему и увидишь, что оно не только удивительно, но и превосходитъ всякое удивленіе. Предстоитъ священникъ, низводи не огонь, а св. Духа, возноситъ усердную молитву не о томъ, чтобы огонь ниспалъ съ неба и попалъ на предложенную ему снѣдь, но дабы благодать, нисшедши на жертву, возгла души людей и содѣлала свѣтлѣйшими чистаго сребра“²⁾). Въ

¹⁾ Слова о свящ., стр. 57—58.

²⁾ Слова о свящ., стр. 58—59.

это время „священникъ,—по выраженію св. Златоуста,—стоитъ, „нося образъ Христа“¹⁾. А насколько важно и велико таинство евхаристіи въ глазахъ св. отца, можно видѣть изъ того, что милостыню, которую онъ ставитъ выше самаго дѣвства²⁾ и называетъ „матерью любви, отличающей христіанство“³⁾,—милостыню и именно—чашу студеной воды и кусокъ хлѣба, поданные единому изъ меньшей братіи, онъ сравниваетъ съ „чашей Тѣла и Крови Христа, которую одинъ только священникъ имѣетъ право предлагать“⁴⁾, и желаетъ этимъ сравненіемъ показать величіе и спасительность самой милостыни. Кромѣ этого, священникъ совершаетъ еще таинство крещенія, т. е. такое священнодѣйствіе, въ которомъ человѣкъ возрождается духовно и очищается тѣлесно, облекается во Христа, соединяется съ Сыномъ Божиимъ и дѣлается членомъ „блаженныя оцыя Главы“, т. е., Иисуса Христа. Такимъ образомъ, пастыри Церкви являются вторыми нашими родителями, но только болѣе почтенными и достойными большаго уваженія и благорасположенія⁵⁾, чѣмъ родители плотскіе: эти послѣдніе родили насъ, говоритъ Златоустъ, отъ крови и похотѣнія плоти, а тѣ рожаютъ отъ Бога, даруютъ намъ святое пакибытіе, истинную свободу и благодатное усыновленіе⁶⁾; одни рожаютъ насъ для земной жизни, другіе—для небесной⁷⁾. Отсюда св. Златоустъ называетъ священниковъ „духовными отцами“⁸⁾ и „духовными родителями“⁹⁾ въ отличіе отъ родителей плотскихъ. Почтеніе къ священникамъ тѣмъ болѣе необходимо, что, по словамъ св. Златоуста, честь,

¹⁾ Сл. и бес. на разн. случ., т. II, б. о пред. Іуды, стр. 91.

²⁾ Бес. на Матѣ., б. XLVI, стр. 299. Ч. I—III, М. 1864 г., изд. 5-е.

³⁾ Бес. на посл. къ Титу, б. VI, стр. 83. Спб. 1859 г.

⁴⁾ Бес. на Матѣ., ч. II, б. XLV, стр. 284.

⁵⁾ Бес. на разн. случ., т. I, б. противъ аном., стр. 454. Спб. 1864 г.

⁶⁾ Слова о свящ., стр. 61.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 63.

⁸⁾ Бес. на разн. мѣст. свящ. пис., т. II, стр. 457. Спб. 1862 г.; ср. бес. на 2 Тим., б. II, стр. 25.

⁹⁾ Бес. на разн. случ., т. I, б. VI, стр. 451.

воздаваемая служителямъ Божиимъ, относится къ Богу; отсюда—чѣмъ болѣе почитаются служители Божіи, тѣмъ болѣе воздается почтенія Самому Богу, и наоборотъ—чѣмъ больше презираютъ и осуждаютъ священниковъ, хотя бы и справедливо, тѣмъ больше оскорбляютъ величіе Божіе ¹⁾). „Зная это,—говоритъ св. отецъ,—никогда не будемъ пренебрегать служеніемъ іереевъ Божіихъ“ ²⁾).—Въ Ветхомъ Завѣтѣ іудейскіе священники могли совершать только внѣшнее очищеніе, тѣлесное; священники же Новаго Завѣта имѣютъ власть очищать не проказу тѣла, но скверну души; слѣдовательно настолько же превосходятъ іудейскихъ священниковъ, насколько душа превосходитъ тѣло ³⁾). И не только пастыри христіанской Церкви могутъ „очищать скверну души“, — нѣтъ, имъ дано еще Спасителемъ право (власть) „вязать и рѣшить“ грѣхи людей, имъ ввѣрены и подчинены самыя души людей, „ибо сказано: *елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси: и елика аще разрѣшите... будутъ разрѣшена* (Мѡ. 18, 18). И далѣе: *имже отпустите грѣхи, отпустятся...: и имже держите, держатся*“ (Іоанн. 20, 23) ⁴⁾). „Какая власть можетъ быть дана болѣе сей?“—спрашиваетъ св. Златоустъ. — Да, пастырямъ Церкви дана самая высшая власть надъ людьми, потому что ихъ власть простирается на души насомыхъ. Если сравнить съ этою властью власть родительскую, то послѣдняя окажется несравненно меньше первой, потому что плотскіе родители не могутъ защитить своихъ дѣтей ни отъ болѣзни тѣла, ни тѣмъ болѣе отъ смерти тѣлесной, между тѣмъ какъ священники „часто спасали болѣзненныя души, долженствовавшія погибнуть,—то подвергая ихъ кроткому наказанію, то удерживая при самомъ началѣ отъ

¹⁾ Бес. на посл. 2 Тимоѡ., б. II, стр. 25—26.

²⁾ Бес. на кн. Быт., ч. III, б. 65, стр. 434—435. Сиб. 1853 г.

³⁾ Слова о свящ., стр. 61—62.

⁴⁾ Слова о свящ., стр. 59—60; ср. Бес. на Іоанн., ч. II, б. 86, стр. 524—525; Бес. на разн. м. Св. Пис., т. I, стр. 245 и стр. 254—255. Сиб. 1861 г.

паденія не только ученіемъ и наставленіемъ, но и помощію молитвъ;—поелику они не только возрождаютъ насъ (крещеніемъ), но имѣютъ власть разрѣшать отъ грѣховъ, содѣланныхъ послѣ сего возрожденія. Ибо сказано: *болитъ ли кто въ васъ; да призоветъ пресвитеры церковныя, и да молитву сотворятъ надъ нимъ, помазавше его елеемъ, во имя Господне. И молитва вѣры спасетъ болящаго, и воздвигнетъ его Господь: и аще грѣхи сотворилъ есть, отпустятся ему* (Іак. 5, 14—15). Кромѣ того, плотскіе родители никакой не могутъ оказать помощи дѣтямъ своимъ, когда эти послѣднія оскорбятъ какого-нибудь знаменитаго и сильнаго человѣка, но священники примиряютъ духовныхъ чадъ своихъ не съ вельможами, не съ царями, а съ Самимъ Богомъ¹⁾. „Священникъ—предстательствуетъ за своихъ пасомыхъ предъ Богомъ“, „молится за нихъ“, „подаетъ имъ духовный даръ“; да и вообще „руками священника совершается все, чрезъ нихъ отверзаются и врата небесныя“²⁾. Превосходство пастырской власти столь велико, что съ ней не можетъ равняться даже власть царская. Вотъ какъ объ этомъ разсуждаетъ св. Златоустъ. „Священство, говоритъ онъ, важнѣе самой царской власти. Не говори мнѣ о багряницѣ, о діадемѣ и золотыхъ одеждахъ, — все это тѣнь и маловажнѣе весеннихъ цвѣтовъ. Всяка слава человѣча, говоритъ пророкъ, яко цвѣтъ травный, хотя бы ты указалъ на самую славу царскую (Ис. XL, 6). Не говори мнѣ объ этомъ, но если хочешь видѣть различіе между священникомъ и царемъ, изслѣдуй мѣру власти, данной каждому изъ нихъ, и увидишь, что священникъ сидитъ гораздо выше царя. Хотя царскій престоль кажется намъ важнымъ по прикрѣпленнымъ къ нему камнямъ и облекающему его золоту, но царь получилъ власть распоряжаться дѣлами земными и больше этой власти не имѣетъ ничего; а престоль священства утвержденъ на небесахъ, и священнику

¹⁾ Слова о свящ., стр. 63—64.

²⁾ Бес. на 1 посл. къ Солун., б. X, стр. 162. Спб. 1859 г.

вѣрено устроить тамошнія дѣла. *Елика еще свяжете на земли, будутъ связана на небеси: и елика еще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесахъ* (Мѡ. 18, 18). Что можетъ сравниться съ такою честію? Небо получаетъ начало суда съ земли. Судія сидитъ на землѣ, а Владыка слѣдуетъ за работъ, и что послѣдній присуждаетъ внизу, то Онъ утверждаетъ горѣ“¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ о томъ же предметѣ св. Златоустъ говоритъ такимъ образомъ: „иные предѣлы царской власти, и иные священства; послѣднее больше первой... Царю вѣрено здѣшнее, а священнику небесное. Царю вѣрены тѣла, а священнику души; царь прощаетъ недоимки денежные, а священникъ грѣховныя; тотъ заставляеть, этотъ убѣждаетъ; тотъ дѣйствуетъ повелѣніемъ, этотъ совѣтомъ; тотъ имѣеть оружіе чувственное, этотъ духовное оружіе; тотъ ведетъ войну съ варварами, а этотъ съ бѣсами. Послѣдняя власть больше“²⁾. Даже „и въ земныхъ дѣлахъ священникъ имѣеть больше значенія, чѣмъ царь, потому что получившій священство есть болѣе властный блюститель надъ землею и надъ совершающимся на землѣ, нежели носящій багряницу, и что надобно не уменьшать величіе этой власти, но скорѣе отказываться отъ жизни, нежели отъ правъ, которыя свыше далъ Богъ этой власти“³⁾. „Посему, Богъ преклоняеть и самую царскую главу подъ руку священника, научая насъ, что послѣдній по власти больше перваго, ибо низшій благословляется отъ высшаго“⁴⁾. И однако этимъ не исчерпывается величіе и важность священническаго служенія. Пастыръ является посредникомъ не только между своими пасомыми и Богомъ, но и посредникомъ между Богомъ и всѣмъ міромъ (вселенной); онъ „совершаетъ общественныя молитвы за всю вселенную“⁵⁾, умилоствуетъ Бога за грѣхи всѣхъ людей—

¹⁾ Бесѣд. на разн. мѣста Св. Пис., б. V, стр. 254—255, ч. I.

²⁾ Бесѣд. на разн. мѣста Св. Пис., т. I, б. IV, стр. 245—246.

³⁾ Сл. и бес. на разн. случ., т. I, б. о Вавилѣ, стр. 165.

⁴⁾ Бес. на разн. м. Св. Пис., т. I, б. V, стр. 255.

⁵⁾ Слова т. III, сл. 3-е против. иудеевъ, стр. 514.

не только живыхъ, но и умершихъ; онъ умоляетъ Бога объ избавленіи отъ огня, меча, о прекращеніи междоусобныхъ браней, просить мира, плодородія, скорого всѣмъ избавленія отъ всѣхъ тяготящихъ и угрожающихъ бѣдствій — частныхъ и общественныхъ. Однимъ словомъ, пастырь Церкви, по словамъ св. Златоуста, „такъ приступаетъ къ Богу, какъ бы ему вѣренъ былъ весь міръ, и онъ былъ общій всѣмъ отецъ ¹⁾), отецъ цѣлой вселенной“ ²⁾. „Священникъ стоитъ посредникомъ между Богомъ и родомъ человѣческимъ, низводя на насъ оттуда благодѣянія и возводя туда наши прошенія, примиряя со всѣмъ родомъ нашимъ разгнѣваннаго Бога и насъ, разгнѣвавшихъ Его, избавляя отъ рукъ Его“ ³⁾. — Ходатайство священника за людей предъ Богомъ не ограничивается настоящей земной жизнью, но простирается и въ міръ загробный, можетъ приносить пользу всѣмъ и послѣ смерти священника, лишь бы только священникъ при жизни „не уменьшалъ величіе своей власти“ и охранялъ святость своего сана отъ внѣшнихъ притязаній (т. е. отъ притязаній свѣтской власти) ⁴⁾.

Доказывая превосходство новозавѣтнаго священства предъ ветхозавѣтнымъ, св. Златоустъ вмѣстѣ съ ап. Павломъ называетъ его небеснымъ, т. е. духовнымъ. „Оно, хотя совершается на землѣ, достойно небесъ. Когда Господь нашъ Іисусъ Христосъ предложитъ закланнымъ агнцемъ, когда нисходитъ Духъ Святой, когда Сѣдящій одесную Отца присутствуетъ здѣсь, когда вѣрующіе посредствомъ Купели крещенія дѣлаются сынами (Божіими) и гражданами небесными, когда мы находимъ тамъ свое отечество, городъ и домъ, когда для здѣшняго становимся чужими; то не есть ли все это небесное? Развѣ наши пѣснопѣнія не небесныя? Развѣ не то, что поютъ горѣ божественные лики безплотныхъ силъ, согласно съ ними

¹⁾ Слова о свящ., стр. 176

²⁾ Бес. на 1 посл. къ Тиме., б. VI, стр. 82.

³⁾ Бес. на разн. м. Св. Пис., б. V, стр. 255.

⁴⁾ Сл. и бес. на разн. случ., т. I, б. о Вавилѣ, стр. 165.

воспѣваемъ и мы здѣсь долу? Развѣ и жертвенникъ нашъ не небесный? Нѣтъ на немъ ничего плотского, все подлежащее духовно, не превращается въ пепель, дымъ и смрадъ наша жертва, но дѣлаетъ все подлежащее чистымъ и свѣтлымъ. Развѣ не небесны эти священнодѣйствія, когда ихъ совершители имѣютъ и ключи неба¹⁾?

Если отъ полномочій, какими священникъ облеченъ свыше, мы обратимся къ именамъ, которыя ему усвоятся св. Златоустымъ на основаніи Свящ. Писанія, то увидимъ, что и въ этомъ отношеніи священникъ преимуществуетъ предъ всѣми титулованными особами, потому что имя „ангела“, „бога“, „служителя Божія“ усвояется священнику, какъ его обыкновенное имя, принадлежащее ему по праву. Св. Златоустъ говоритъ: „Писаніе обыкновенно называетъ священника и ангеломъ и богомъ; то оно говоритъ: *боговъ да не злословиши, и князю людей твоихъ да не речеши зла* (Исх., 20, 28); то: *устны іеревовъ сохраняютъ разумъ и закона възвущутъ отъ устъ его: яко ангелъ Господа Вседержителя есть*“ (Мал. 2, 7)²⁾. Послѣ этого совершенно естественнымъ и понятнымъ становится такое восклицаніе св. Златоуста: „великое дѣло, возлюбленные, великое дѣло предстояние въ Церкви“, „подлинно великое достоинство священниковъ“³⁾! Достоинство священниковъ столь велико, что, въ случаѣ ихъ согрѣшеній, св. отецъ требуетъ для нихъ наказанія или очищенія гораздо большаго, чѣмъ какое нужно для обыкновенныхъ людей за тотъ же грѣхъ. Напр., „ежели кто сдѣлалъ блудъ будучи священникомъ, то сей самый санъ увеличиваетъ жестокость

¹⁾ Бес. на посл. къ Евр., б. XIV, стр. 241--242; ср. б. XIV, стр. 243; б. XVI, стр. 273. Подробно о превосходствѣ н.-з. священства и богослуж. св. отецъ говоритъ въ слѣд. гл. этихъ бесѣдъ: 13, 14, 15, 16—18 и др. и въ слов. противъ іудеевъ. Сиб. 1859 г.

²⁾ Бес. на псалмы, т. II, стр. 283—284. Сиб. 1860 г., ср. т. I, стр. 440 и дал., ср. Бес. на Кн. Быт., ч. III, стр. 434--435; Бес. на 2 Тиме. стр. 26.

³⁾ Бес. на Ев. Іоани., б. 60, стр. 165, ч. I; б. 86, стр. 224, ч. II.

его наказанія“¹⁾; „а ежели сдѣлалъ блудъ какой-либо священникъ нынѣ, это особенно уже есть верхъ всѣхъ золь“²⁾. Дочери священниковъ въ ветхомъ завѣтѣ въ силу того, что онѣ—дочери священниковъ, наказывались гораздо строже, чѣмъ обыкновенныя дѣвицы, за тотъ же грѣхъ. Тѣмъ болѣе это должно быть въ отношеніи къ самимъ священникамъ³⁾, потому что священники облечены высокимъ саномъ и высшею властью. А кому много дано, съ того много и взыщется⁴⁾.

Если такъ важны, высоки и отвѣтственны обязанности священника, какъ служителя алтаря, какъ посредника между Богомъ и людьми въ дѣлахъ вѣры и спасенія, то само собою понятно, что и самъ священникъ долженъ обладать преимущественными качествами и выдающимися способностями, чтобы отвѣчать своему великому и святому званію и призванію. Св. Златоустъ не вдается въ подробное перечисленіе всѣхъ качествъ, достоинствъ и способностей, какими долженъ обладать священникъ, какъ служитель алтаря,—онъ больше обращаетъ вниманіе на святость и величіе того служенія, котораго удостоивается принявшій священство, и въ этомъ видитъ сильнѣйшее побужденіе къ достойному и незорному прохожденію пастырскаго служенія. Это и понятно. Коль скоро пастырь сознаетъ высоту и важность своего служенія, онъ употребитъ всѣ усилія и средства къ тому, чтобы быть вѣрнымъ своему призванію и чистымъ предъ судомъ Бога и людей; и наоборотъ, если принявшій священство смотритъ на себя, какъ на наемника, то никакія перечисленія пастырскихъ добродѣтелей и качествъ священника не побудятъ его быть истиннымъ служителемъ Церкви Христовой. Впрочемъ, св. отецъ указываетъ и на самыя качества, необходимыя для пастыря, какъ совершителя таинствъ.

¹⁾ Бес. на Мѡ., ч. III, б. LXXV, стр. 386.

²⁾ Тамъ же, стр. 387—388.

³⁾ Бес. на Мѡ., ч. III, стр. 386—388; ср. Слова о свящ., стр. 193, 194, 195 и др. стр.

⁴⁾ Тамъ же, ч. I, стр. 549; ср. Сл. п б. на разн. случ., т. II, стр. 221—222.

И прежде всего, священникъ, по словамъ св. Златоуста, долженъ обладать чистотой внутренней и внѣшней. „Священникъ долженъ, говорить онъ, имѣть душу, свѣтлѣйшую самыхъ лучей солнечныхъ, чтобы никогда не оставлялъ его Духъ Святой, обильная благодать Божія“, „безъ которой священнику быть не возможно, и чтобы онъ могъ сказать: *живу не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20). Обязанности пастыря требуютъ отъ (него ангельскаго совершенства; онъ имѣетъ нужду въ большей чистотѣ, нежели пустынный“. „Душа пастыря должна сіять подобно свѣту, освѣщающему вселенную“¹⁾. То правда, что имѣть чистоту необходимо каждому истинному христіанину, потому что она служить къ славѣ Божіей; но священнику слѣдуетъ о ней заботиться въ особенности. Это потому, что священникъ, какъ совершитель таинъ Божіихъ и молитвенникъ за родъ человѣческій, стоитъ на такой высотѣ, на которой ему никакъ не возможно скрыть малѣйшихъ своихъ недостатковъ; а разъ пасомые замѣтятъ ихъ, они соблазнятся и погубятъ свои души²⁾. Между тѣмъ, за соблазнъ меньшей братіи не только священнику, а и всякому старшему брату Господь угрожаетъ геенной, огнемъ неугасимымъ. Съ другой стороны, „ничто такъ не раздражаетъ Бога, какъ священнослуженіе недостойное“³⁾. Въ силу этого, священникъ постоянно долженъ слѣдить за теченіемъ своей внутренней духовной дѣятельности и стараться о томъ, чтобы ничто и никогда (по возможности) не возмущало его душу и не нарушало нормальнаго состоянія его душевной жизни. Только подъ условіемъ такой чистоты и можетъ пастырь преподавать „миръ всѣмъ“, принимать и низводить благодать Св. Духа и молиться за всю вселенную; только подъ этимъ условіемъ священникъ и можетъ быть достойнымъ посредникомъ между Богомъ и людьми.

¹⁾ Слова о свящ., стр. 67 и 64; 170—171; 178, 176, 180.

²⁾ Тамъ же, стр. 80—81; ср. Бес. на 1 п. къ Тимѣ., б. X, стр. 131.

³⁾ Бес. на Ев. Мѣ., ч. II, XI, стр. 205—206.

Внѣшнее поведеніе священника должно соотвѣтствовать его внутренней чистотѣ и отражать послѣднюю въ себѣ. Это соотвѣтствіе должно выражаться во всѣхъ жестахъ, во всей его фигурѣ и походкѣ, особенно въ выраженіи его лица, во взорѣ, который не безъ основанія признается зеркаломъ души. Руки и языкъ у пастыря особенно должны быть чисты, такъ какъ эти орудія больше другихъ членовъ человѣческаго тѣла служатъ человѣку при отправленіи имъ своей дѣятельности: руками священникъ касается Самого Христа и преподаетъ благословеніе, а языкомъ призываетъ великое имя Бога и благодать Св. Духа ¹⁾. Отсюда—не прилично и грѣшно священнику поднимать руку на ближняго своего, брать чужую собственность и, вообще, совершать ею (рукою) что-нибудь нечистое, роняющее достоинство священнаго сана; отсюда—не слѣдуетъ священнику говорить лишнихъ словъ и вести пустой разговоръ.

Кромѣ внѣшней и внутренней чистоты, священникъ долженъ еще имѣть постоянный „благоговѣйный страхъ, взирая на великость своей власти“ ²⁾ и важность своего сана, долженъ всегда опасаться, какъ бы не переступить границы данной ему власти и тѣмъ не нарушить своего долга. Это тѣмъ необходимѣе для священника, что онъ, по свойственной ему, какъ человѣку, слабости, всегда склоненъ забывать заповѣди Христовы, а иногда и совсѣмъ не исполнять ихъ и впадать даже въ тяжкіе грѣхи ³⁾. Желая сильнѣе подѣйствовать на друга своего Василия, а въ лицѣ его и на каждого священника вообще, св. Златоустъ обращаетъ вниманіе Василія на ап. Павла, который, не смотря на то, что былъ избраннѣйшимъ сосудомъ благодати Божіей и удостоился зрѣть Славу Божію, бывъ восхищенъ до третьяго неба,—однако

¹⁾ Слова о священствѣ, стр. 176.

²⁾ Тамъ же, стр. 65.

³⁾ Слов. и бес. на разн. случ. т. II, стр. 221; ср. Бес. на разн. мѣст. свещ. Пис., т. II, стр. 414; Бес. на посл. Галат., б. VI, стр. 173.

страшился и трепеталъ предъ величіемъ своей власти ¹⁾. И такимъ страхомъ священникъ долженъ исполняться во все время своего священническаго служенія, а въ особенности въ моментъ совершенія божественныхъ и страшныхъ таинствъ, потому что въ это время онъ бываетъ окруженъ небеснымъ воинствомъ ²⁾ и дѣйствуетъ, какъ посредникъ между Богомъ и человѣкомъ, „нося образъ Самаго Христа“ ³⁾. Такой страхъ и благоговѣніе удержатъ его отъ многаго дурного и послужатъ сильнымъ побужденіемъ къ жизни совершенной и вполне соответствующей священному сану.

Благоговѣя предъ величіемъ своего служенія, священникъ уже въ силу одного этого долженъ тщательно охранять свои права отъ всякихъ постороннихъ посягновеній и нарушеній. Было бы великимъ съ его стороны униженіемъ поступаться своими правами въ пользу непривланныхъ лицъ и поступать по внушенію и распоряженію этихъ послѣднихъ: священникъ долженъ быть главою въ своей церкви и самостоятельно распоряжаться въ предѣлахъ данной ему власти, особенно тамъ, гдѣ дѣло касается алтаря и таинствъ. Болѣе всего неприлично священнику, по словамъ св. Златоуста, подчиняться вліянію женскаго пола, которому ап. Павелъ запретилъ не только учить въ церкви, но даже и говорить ⁴⁾: подобное подчиненіе вредно и для Церкви и для самого священника. Поэтому, всякій разъ, какъ только священникъ замѣтитъ въ комъ-либо изъ женскаго пола желаніе распоряжаться дѣлами церковными, долженъ остановить такое дерзновеніе и указать на противозаконность подобнаго желанія. Если такое дерзновеніе обнаружитъ человѣкъ, облеченный свѣтскою властію, или даже самъ царь, то и тогда священникъ со всею рѣшительностію долженъ обличить его (дерзно-

¹⁾ Слова о свящ., стр. 65

²⁾ Тамъ же, стр. 176—177.

³⁾ Сл. и бес. на рази. случ., т. II, б. о пред. Іуд., стр. 91.

⁴⁾ Слова о свящ., стр. 70.

веніе), каковы бы ни были послѣдствія такого обличенія. Въ этомъ случаѣ священнику слѣдуетъ руководиться примѣромъ священника Азаріи, обличившаго царя Озію, когда послѣдній вздумалъ совершить кажденіе во святилищѣ, возгордившись своимъ благочестіемъ. Азарія не посмотрѣлъ на то, что Озія былъ царь и царь, притомъ, благочестивый, которому, повидимому, слѣдовало бы оказать снисхожденіе,—но не допустилъ, и рѣшительно и быстро сказалъ царю, что кажденіе дѣло священника, и что Господь можетъ покарать царя за его дерзновеніе. И св. Златоустъ восхваляетъ такой смѣлый поступокъ Азаріи, указывая на него, какъ на примѣръ, достойный подражанія каждаго истиннаго служителя Христовой Церкви. Но только такое обличеніе священникъ, по словамъ св. Златоуста, долженъ совершать хотя и быстро и рѣшительно, однако—кратко, безъ запальчивости, безъ гнѣва и рѣзкихъ выраженій. И въ этомъ отношеніи священнику Христовой Церкви слѣдуетъ подражать Азаріи. Послѣдній, удерживая и обличая царя Озію, „не сказалъ: *о нечестивый и пренечестивый, ты все низвертилъ и испровернулъ, ты дошелъ до крайней степени нечестія*, и не распространился въ продолжительныхъ обличеніяхъ, но какъ отсѣкающіе дѣлаютъ это быстро, чтобы скоростію сѣченія уменьшить чувство боли, такъ и онъ краткостію обличенія умѣрилъ пламенный гнѣвъ царя¹⁾. Да и вообще, въ подобныхъ случаяхъ „дѣло священника только обличать и показывать дерзновеніе, а не употреблять оружіе, не братья за щиты, не потрясать копьемъ, не натягивать лукъ, не бросать стрѣлу, но только обличать и показывать дерзновеніе“²⁾. Значить, и въ такихъ случаяхъ, когда священнику весьма естественно вознегодовать, онъ долженъ сдерживаться и не ронять своего сана, но поступать сообразно съ своимъ достоинствомъ и съ высотой того дѣла, за святость и неприкосновенность котораго онъ

¹⁾ Бес. на разн. мѣст. Св. Пис., т. I, б. V, стр. 258.

²⁾ Тамъ же, б. IV, стр. 247—248.

ратуеть. Въ крайнемъ случаѣ, если обличеніе не подѣйствуетъ, онъ долженъ обращаться съ молитвой къ Богу, призывая руку Божию на нечестивца ¹⁾).

Но, благоговѣя предъ величіемъ священнаго сана и охраняя свои законныя права отъ постороннихъ посягательствъ, пастырѣ долженъ быть чуждъ пристрастія къ этому сану, собственно къ той власти, которая соединяется съ нимъ, и не долженъ стараться сохранять его во что бы то ни стало. Это потому, что такое пристрастіе можетъ послужить для него источникомъ многихъ предосудительныхъ поступковъ, — можетъ, напр., склонить къ лести, къ рабскому и низкому поступку, къ челоуѣкоугодничеству и пр. Тогда какъ „кто не желаетъ имѣть власти сей, тотъ не боится и лишиться оной; а небожційся все сдѣлаеть съ приличною христіанамъ свободою, не оскорбляя ни Бога, ни людей ²⁾“. По мнѣнію св. Златоуста, должно благоговѣть предъ священнымъ саномъ и, благоговѣя, удаляться отъ него, но не удерживать за собою власть священника, когда заслуживашь низверженія, какъ недостойный ³⁾. Если священникъ впадетъ въ грѣхъ, влекуцій за собою изверженіе изъ сана, то, по словамъ св. отца, самъ долженъ сложить съ себя священный санъ, не дожидаясь, пока это совершатъ власть имѣющіе. Изверженія или снятія сана въ такихъ случаяхъ бояться не должно. „Какъ на полѣ брани храбрые воины и сражаются неустрашимо и падаютъ мужественно, такъ и вступившіе на поприще священнаго служенія должны и священствовать и въ случаѣ низверженія нисходить со степени священства съ такимъ расположеніемъ Духа, какъ прилично христіанамъ, зная, что такое низверженіе не меньшій заслуживаетъ вѣнецъ, какъ и исправленіе

¹⁾ Бес. на разн. м. Св. Пис., т. I, б. IV, стр. 249. Подробнѣе объ этомъ говорится въ бесѣдахъ св. Златоуста, изъясняющихъ извѣстный текстъ пр. Исаин: „и видѣлъ я Бога“.

²⁾ Слова о свящ., стр. 74.

³⁾ Тамъ же, стр. 73.

обязанности¹⁾. Даже и тогда не слѣдуетъ унывать священнику, когда „онъ подвергается низверженію съ этой власти, не сдѣлавъ ничего такого, что было бы противно сану и не достойно онаго, потому что несправедливымъ судіямъ будетъ за это наказаніе, а ему награда, по слову Спасителя (Мѡ. 5, 11—12)²⁾.—Чтобы съ такимъ достоинствомъ и мужествомъ охранять свои права и относиться къ низверженію, священнику необходимо обладать твердымъ характеромъ и большой силой воли. И св. Златоустъ въ числѣ разныхъ душевныхъ качествъ священника неоднократно упоминаетъ о твердости его характера. До какой степени священнику необходимо имѣть это качество, можно видѣть изъ того, что о слабохарактерныхъ священникахъ св. отецъ не можетъ безъ стыда и говорить³⁾.

Итакъ, внутренняя и внѣшняя чистота, страхъ при сознаніи своей духовной власти и благоговѣніе предъ величіемъ священнаго сана, или постоянная благочестивая настроенность, наконецъ, твердость характера и сильная воля—вотъ тѣ качества, какія желательно видѣть св. отцу въ каждомъ истинномъ пастырѣ Церкви Христовой.

Это, такъ сказать, положительные качества служителя Церкви, или то, что *должно быть* въ священникѣ. Но св. Златоустъ говоритъ и о томъ, чего *не должно быть* въ священникѣ. Какъ пастырѣ въ высшей степени опытный, св. Златоустъ зналъ, что священники, высоко смотрящіе на свой санъ и служеніе, могли довести такой взглядъ на священство до крайности, — могли, напр., впасть въ гордость или тщеславіе, тѣмъ болѣе, что „власть сама по себѣ побуждаетъ дѣлать многое, Богу не угодное, и надо имѣть душу самую мужественную, чтобы пользоваться ею (властію), какъ слѣдуетъ“⁴⁾. Въ первомъ случаѣ они могли слишкомъ гордо

¹⁾ Тамъ же, стр. 74.

²⁾ Слова о свящ., стр. 75.

³⁾ Тамъ же, стр. 69—70.

⁴⁾ Бес. на Ев. Мѡ., ч. II, б. XI, стр. 205—206.

обращаться съ своими пасомыми и клириками, а во второмъ— могли допускать тѣмъ и другимъ поблажки,—чтобы заслужить отъ нихъ похвалу и расположеніе. Сознывая весь вредъ, могущій произойти отъ этого, св. Златоустъ убѣждаетъ священниковъ удаляться отъ этихъ пороковъ и особенно отъ тщеславія, какъ порока, наиболѣе опаснаго, заключающаго въ себѣ много другихъ пороковъ. Чтобы сильнѣе подѣйствовать на сознаніе священниковъ, онъ пречисляетъ, какія именно „чудовища гнѣздятся въ скалѣ тщеславія“. „Это — гнѣвъ, уныніе, зависть, вражда, клевета, осужденіе, обманъ, лицемеріе, коварство, негодованіе на людей, совершенно невиныхъ; удовольствіе при видѣ безпорядковъ церковныхъ со стороны сослужителей, печаль при видѣ ихъ благосостоянія; это есть любленіе похвалъ, желаніе славы (оно болѣе всего снѣдаетъ душу человѣческую), ученіе, предлагаемое въ угожденіе, принужденное ласкательство, низкое человѣкоугодіе, презрѣніе бѣдныхъ, услужливость богатымъ, почести неприличныя и вредныя; дары, пагубныя какъ для приносящихъ, такъ и для приемяющихъ; страхъ рабскій, приличный только презрѣніемъ невольникамъ; недостатокъ дерзновенія до послѣдней мѣры, строжайшій видъ смиренномудрія, въ которомъ, однако, нѣтъ нисколько истины; величайшая робость на подвигъ обличеній и наказаній, или лучше—обремененіе незначительныхъ людей всею тяжестью оныхъ, а предъ сильными вельможами несмѣлость такая, что не позволяеть и слова вымолвить предъ ними“¹⁾. — Какъ вѣстнику мира и любви, священнику особенно должно остерегаться гнѣва и раздражительности, потемняющихъ ясность души человѣка, столь необходимую священнослужителю. Какъ можно преподавать „миръ всѣмъ“, когда душа кипитъ гнѣвомъ?.. А между тѣмъ, если о чемъ особенно, то именно о мирѣ слѣдуетъ имѣть всегдашнее попеченіе священнику²⁾.

К. Б.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Слова о священствѣ, стр. 68—69.

²⁾ Слова, т. III, третье слово противъ іудеевъ, стр. 512—513.

Причины религіознаго сомнѣнія ¹⁾.

Затѣмъ, одною изъ существенныхъ причинъ религіознаго сомнѣнія является также испорченность сердца, которая обнаруживается въ практическомъ материализмѣ, чувственной, себялюбивой жизни.

Чтобы быть истиннымъ христіаниномъ, нужно не только вѣрить въ Бога, въ божественное достоинство Христа, но и жить по вѣрѣ. Къ Богу приближаютъ—съ одной стороны, смиреніе, какъ отрицательно выраженное начало христіанской жизни, какъ побѣда надъ эгоизмомъ; съ другой—любовь, какъ положительное содержаніе обновленной во Христѣ жизни человечества. Только тотъ, кто пребываетъ въ любви, пребываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ пребываетъ (1 Иоанн. 4, 16). Въ познаніи Бога—этой высочайшей Истины—особенно примѣнимъ психологическій законъ: подобное познается подобнымъ. Чтобы познать Бога—высочайшую Святость и совершеннѣйшую Любовь, нужно заботиться о своей святости и чистотѣ. Для храненія въ своей душѣ христіанскаго смиренія и любви нужна великая сила духа, нравственная мощь и самообладаніе. Но если грѣхъ побѣждаетъ человѣка, то онъ постепенно теряетъ способность богопознанія. Зараженное грѣхомъ сердце постепенно теряетъ доблести духа и въ корнѣ извращаетъ истинныя стремленія души: „изъ сердца—по слову Спасителя—исходятъ злые помыслы“ (Мѡ. 15, 19). Въ душѣ человѣка на мѣсто смиренія порождается гордость, и на мѣсто любви—холодный эгоизмъ. Подъ вліяніемъ чувственной жизни въ человѣкѣ теряетъ свою ясность и напряженность чувство истины, правды и добра; въ немъ омрачаются внутреннія непосредственныя представленія Божества,—мысль о Богѣ-Любви затемняется, и остается одна безотрадная идея грознаго Судіи и виновности за свою себялюбивую чувственную жизнь. Подъ давленіемъ

¹⁾ См. № 3 „Р. д. с. п.“ за тек. годъ.

ніемъ тяжелаго сознанія своей виновности человѣкъ старается какъ бы то ни было оправдаться въ собственныхъ глазахъ съ тѣмъ, чтобы спокойно отдаваться прежнимъ увлеченіямъ и наслажденіямъ. Подъ вліяніемъ такого настроенія человѣкъ начинаетъ сомнѣваться въ религіозныхъ истинахъ, которыя служатъ основаніемъ для нравственности. Если Богъ не существуетъ и религія есть ложь и выдумка заинтересованныхъ въ этомъ лицъ, въ такомъ случаѣ падаетъ отвѣтственность за грѣхи, тогда нечего смущаться и беспокоиться. Религіозное сомнѣніе такъ естественно и такъ необходимо возникаетъ въ сердцѣ, увлеченномъ землею жизнью, что, если бы математическія истины стояли въ связи съ нравственностью, то человѣкъ и въ нихъ сталъ бы сомнѣваться.

Но религіозное сомнѣніе, возникающее на почвѣ практически-матеріалистической жизни, не бываетъ глубоко. Человѣкъ сомнѣвается, но не страдаетъ; сомнѣніе не тревожитъ его душу, не угнетаетъ тяжелыми пытками, а скользитъ, такъ сказать, по поверхности души, доставляя, съ извѣстной стороны, успокоеніе. Это и понятно почему: въ обыкновенное время человѣкъ всецѣло бываетъ поглощенъ жизнію съ ея наслажденіями; ему чуждо самоуглубленіе, которое можетъ способствовать проясненію и подъему религіознаго чувства, вопросы высшаго порядка не тревожатъ и не волнуютъ его; а если ему неизбѣжно приходится становиться лицомъ къ лицу съ этими вопросами, онъ скептически спрашиваетъ словами Пилата: „что есть истина“? (Іоанн. 18, 38).

Примѣромъ такого рода сомнѣнія служитъ религіозное сомнѣніе языческаго міра предъ пришествіемъ на землю Христа. Страсти всецѣло охватили разлагавшійся организмъ язычествовавшего человѣчества. Исключительно чувственные наслажденія и удовольствія заполняли все время господствовавшего сословія. И что же?—Искренняя вѣра въ раньше благоговѣнно чтимыя божества изсякла въ сердцахъ язычниковъ. Религія съ своимъ богослужебнымъ культомъ была предоставлена исключительно людямъ необразованнымъ. Римскій

пантеонъ служилъ главнымъ образомъ музеемъ для статуи языческихъ божествъ. Религіозное сомнѣніе, какъ предутренній сумракъ, охватило собой образованные классы, во многихъ мѣстахъ, впрочемъ, распространившись и на простой, необразованный людъ. И когда возшло солнце христіанской истины, языческой міръ, ослѣпленный ея свѣтомъ, въ большинствѣ скептически же отнесся къ проповѣди апостоловъ о воскресшемъ Христвѣ. Наконецъ, причину религіознаго сомнѣнія должно искать въ ненормальности волевой жизни человѣка. Слабость воли, отсутствіе внутренняго нравственнаго подвига самоусовершенствованія порождаетъ собой и религіозное сомнѣніе.

Слабость воли, прежде всего, влечетъ за собой безхарактерность и безпринципность: человѣку все равно, какъ бы ни жить, чѣмъ бы ни руководиться. Человѣкъ слабовольный — это сынъ времени; онъ живетъ чужими мыслями и идеалами, какъ бы заимствуя ихъ напрокатъ, и часто, поэтому, мѣняетъ ихъ, слѣдуя моднымъ теченіямъ и вѣяніямъ мысли. Въ жизни такого человѣка нѣтъ ничего положительнаго. онъ сегодня отвергаетъ и опровергаетъ то, предъ чѣмъ вчера поклонялся и во что горячо вѣровалъ. Подъ вліаніемъ общей непостоянной настроенности у него создается такое же неустойчивое отношеніе и къ религіи,—онъ вѣритъ и не вѣритъ. Его вѣра не тверда и не постоянна: сомнѣніе, какъ дамокловъ мечъ, всегда виситъ надъ ней, готовый пресѣчь и разрушить ее. Можно сказать, что человѣкъ слабовольный и безхарактерный ни во что не вѣритъ и ни въ чемъ не сомнѣвается,—въ то же время—во все вѣритъ и во всемъ сомнѣвается.

Но сомнѣніе всегда ближе бываетъ къ общей настроенности слабовольнаго, безпринципнаго и бездѣтельнаго человѣка, потому что ему болѣе, чѣмъ кому другому, чужды подвигъ нравственнаго самоусовершенствованія,—а отсутствіе этого подвига неизбѣжно приводитъ къ религіозному сомнѣнію. Сомнѣніе болѣе всего обрекаетъ человѣка на бездѣтельность. Сомнѣваться—значитъ разрушать,—а это легче, чѣмъ

вѣровать—созидать и утверждать. Если человекъ вѣруетъ во что-либо, то онъ долженъ проводить въ жизнь свои вѣрованія, жить согласно съ ними. Если вѣровать во Христа, то нужно и жить по-христіански, нуженъ постоянный нравственный подвигъ самоусовершенствованія. Но это тяжело и трудно для человека слабовольнаго, не привыкшаго бороться съ низменными страстями и склонностями. Естественно, что такой человекъ внутренно отчуждается отъ вѣры Христовой и охладѣваетъ къ ея ученію и наставленіямъ. Онъ начинаетъ свободно относиться къ ея догматамъ, нравственности и обрядамъ, измѣняя и перетолковывая ихъ по своему усмотрѣнію. Онъ становится чуждымъ по духу Церкви Христовой и постепенно отсѣкается отъ ея духовнаго тѣла. Онъ удаляется отъ Церкви—этого свѣтлаго маяка, напоминающаго намъ среди грѣховнаго міра о лучшей, совершеннѣйшей жизни. вмѣстѣ съ удаленіемъ отъ Церкви въ человекѣ ослабѣваетъ религіозное чувство, и онъ падаетъ въ пропасть сомнѣнія.

Мало этого,—среди бурнаго, исполненнаго всякихъ бѣдствій и волненій, непостояннаго плаванья по житейскому морю, Церковь Христова является для человека благодатною цѣлительницею, утѣшительницею и помощницею, облегчая его бремя, воодушевляя, вливая въ его сердце бодрость и энергію, утѣшая и помогая продолжать жизненное шествіе. Наоборотъ, человекъ, удалившійся изъ ограды св. Церкви и не желающій подчиняться ея спасительному руководству, ближе всего стоитъ къ возможности религіознаго сомнѣнія. Когда его жизнь складывается хорошо, и онъ увѣренно идетъ по жизненному пути, то вѣритъ; но какъ только терніи бѣдствій и несчастій преграждаютъ ему путь, онъ, подобно ап. Петру (Мѡ. 14, 28—31), начинаетъ колебаться въ истинахъ вѣры и начинаетъ тонуть въ волнахъ сомнѣнія. Такъ, нежеланіе нести нравственный подвигъ самоусовершенствованія чрезъ удаленіе отъ Церкви приводитъ къ религіозному сомнѣнію.

Вотъ почему среди простыхъ, необразованныхъ людей, часто въ изнеможеніи падающихъ подъ непосильнымъ бреме-

немъ безпросвѣтнаго упорнаго труда, но всецѣло преданныхъ св. Церкви и ревниво оберегающихъ на дѣлѣ, своею жизнію ея завѣты, мало можно встрѣтить людей сомнѣвающихся. Несчастія, бѣдствія и лишенія жизни заставляютъ ихъ, наоборотъ, усерднѣе прибѣгать подъ кровъ Церкви и испрашивать благодатной помощи и утѣхи. Вѣра простолюдина въ горнилѣ страданій и несчастій еще болѣе закаляется и дѣлается глубже и сердечнѣе. Наоборотъ, среди людей, прервавшихъ внутреннюю связь съ жизнію Церкви, болѣе лицъ, религіозно сомнѣвающихся. Подъ ударами жизни ихъ слабал, какъ комнатное растеніе, не нашедшая плодотворной почвы вѣра изсыхаетъ и переходитъ въ сомнѣніе, а при исключительныхъ обстоятельствахъ жизни—и въ полное отрицаніе и отчаяніе.

Въ художественной литературѣ примѣромъ сомнѣпія, создававшегося на почвѣ безволія, можетъ служить сомнѣніе Пловескаго—героя романа Сенкевича: „Безъ догмата“. Оличительной чертой этого человѣка, которая безпрестанно тяготитъ его, является отсутствіе силы воли, безхарактерность. Онъ говоритъ, думаетъ, рассуждаетъ очень хорошо; но ему недостаетъ рѣшительности привести въ исполненіе свои мысли и думы. Поэтому, для него часто совершенно безразлично, какъ вѣрить, во что вѣрить? Онъ—„безъ догмата“, и это равнодушіе у него переходитъ въ сомнѣніе,—тогда онъ начинаетъ мучиться и внутренне сокрушаться.

Этимъ мы закончимъ разсмотрѣніе причинъ религіознаго сомнѣнія и сдѣлаемъ только еще одно небольшое замѣчаніе относительно религіознаго сомнѣнія, названнаго нами *практическимъ*. Нельзя представлять дѣла такъ, что въ каждой отдельной личности можетъ дѣйствовать и вызывать религіозное сомнѣніе одна какая-нибудь причина. Такое представленіе было бы глубоко ошибочно. Наоборотъ, указанныя причины всегда тѣсно соединяются, и переплетаются другъ съ другомъ и оказываютъ свое вліяніе на душевную жизнь человѣка въ въ строгомъ взаимодействіи. Часто нельзя бываетъ указать,

гдѣ дѣйствуетъ одна причина, гдѣ другая,—онѣ взаимно обуславливаютъ и дополняютъ другъ друга. Строгое разграниченіе указанныхъ причинъ религіознаго сомнѣнія можно сдѣлать только на бумагѣ—въ разсужденіяхъ о человѣкѣ вообще; но живой человѣкъ можетъ въ одно и то же время гордиться и превозноситься успѣхами знанія, наукъ и не быть чистымъ сердцемъ, быть абсолютнымъ скептикомъ и страдать слабостию, болѣть отсутствіемъ внутренняго подвига самоусовершенствованія. Конкретнымъ примѣромъ этому можетъ служить нѣсколько разъ уже указанный нами скептикъ Плошевскій въ романѣ Сенкевича: „Безъ догмата“.

Н. Горностаевъ.

Наблюдения и замѣтки сельскаго священника.

Во время Великаго поста, особенно на 1-й недѣлѣ; бываетъ весьма много говѣющихъ въ селахъ. Въ народѣ существуетъ повѣрье, будто только по истеченіи 6 недѣль послѣ причащенія можно ѣсть скоромное и разрѣшать *все*; оттого многіе, особенно молодые, стараются говѣть только на 1-й или на 2-й недѣлѣ, чтобы вышло къ Пасхѣ 6 недѣль послѣ причащенія св. Таинъ. Кромѣ того, говѣютъ на 1-й недѣлѣ еще и потому, что служба на этой недѣлѣ болѣе торжественная, болѣе умилительная,—именно читается и поется канонъ св. Андрея Критскаго.

При множествѣ говѣющихъ священно-церковнослужителямъ приходится испытывать очень много затрудненій, особенно во время приобщенія. Раньше я приобщалъ на амвонѣ, подлѣ рѣшетки, что было неудобно: всякому хотѣлось приобщиться прежде. Старикъ—тестъ мой посоветовалъ мнѣ, на основаніи многолѣтняго личнаго опыта, приобщать не на амвонѣ, а въ царскихъ вратахъ. Обыкновенно дѣлается такъ: становятся два человѣка подлѣ одной дверки рѣшетки и проускаютъ по нѣсколько человѣкъ за рѣшетку; приобщаются

эти, тогда пропускаются повые,—и такимъ образомъ никакой толкотни и давки не бываетъ.

Когда много приобщающихся, то бываетъ задержка въ запиваніи, при чемъ происходитъ неизбежная давка. Для устраненія беспорядка, лучше всего заранѣе распорядиться, чтобы запиваніе послѣ причащенія производилось въ *двухъ* мѣстахъ—близъ южныхъ и сѣверныхъ дверей алтаря, или же изъ двухъ-трехъ ковшиковъ, и чтобы теплота наливалась не однимъ псаломщикомъ, а нѣсколькими лицами.

Въ большинствѣ сель одновременно съ взрослыми приобщаются и дѣти, особенно грудныя. Приобщеніе грудныхъ дѣтей въ такихъ случаяхъ производитъ невозможный безпорядокъ: дѣти плачутъ, кричатъ, матери ихъ громко успокаиваютъ и т. д. Въ прошломъ году я рѣшительно объявилъ, что дѣтей въ субботу не буду приобщать, а въ воскресенье, кромѣ трудно больныхъ. И дѣло вышло много лучше: не такъ было трудно приобщать, и не было такого безпорядка, какъ прежде. Жалѣю, что раньше не додумался до этого.

Прежде также въ нашей церкви не принято было подавать свѣчи при исповѣди, а во многихъ церквахъ и теперь нѣтъ этого обычая. Слѣдуетъ устанавливать, чтобы прихожане приносили по свѣчѣ на исповѣдь: 1) по количеству свѣчей можно съ точностью установить количество говѣющихъ; 2) этимъ увеличится доходъ церкви, что, при настоящемъ обремененіи церковей сборами, далеко не лишне. Кромѣ того, у насъ свѣчи, принесенныя на исповѣдь, поступаютъ въ церковь за половинную цѣну противъ покупки ихъ на заводѣ,—а это опять доходъ для церкви; деньги, вырученныя за свѣчи, по соглашенію съ ктитормъ, идутъ на попечительство, которое имѣетъ цѣлю помогать бѣднымъ въ приходѣ и содержать школы.

При говѣнии прихожанъ нужно обращать вниманіе на господствующіе въ приходѣ пороки, напр.: скотоложничество, воровство и т. п. Скотоложничество развито между сельскою молодежью, которая въ полѣ и на лугахъ пасетъ скотъ.

Многіе даже не знаютъ, что это — великій и тяжкій грѣхъ, а иные стыдятся открываться въ этомъ грѣхѣ. Воровство также очень развито между подростками и молодыми парнями: крадутъ птицу, плоды и т. п., а иногда забираются и въ амбары. Въ большомъ ходу между молодежью еще кулачные бои и вообще драки. Сельская молодежь часто не знаетъ даже другого развлеченія, какъ заводить разнаго рода „бои“... Горе намъ, пастырямъ духовнымъ, что у нашихъ пасомыхъ такіе тяжкіе грѣхи и такіе жестокіе обычаи! Говѣніе же самое удобное время для исправленія прихожанъ, тѣмъ болѣе, что въ другое время молодежь и въ церкви рѣдко бываетъ. Можно при этомъ читать и готовыя поученія, но гораздо лучше — вести отеческія простыя бесѣды — импровизаціи о томъ, какъ тяжело согрѣшаютъ люди, когда предаются такимъ порокамъ, какъ воровство, драки, особенно же скотоложничество; что за послѣдній грѣхъ Церковь даже не дозволяетъ допускать до св. причастія...

Великій постъ — время хожденія по домамъ съ молитвою. Нѣкоторые священники ходятъ два раза съ молитвою въ Великій постъ, но большею частію — одинъ разъ. Иные, когда ходятъ одинъ разъ, читаютъ молитвы *на благословеніе брашна и на благословеніе сыра и яицъ*; иные же читаютъ молитвы „въ началѣ поста“: *Надѣяніе вѣсьмъ концемъ и проч.* Такъ какъ съ каждаго дома на Пасху приносятся куличи, брашна, сыръ и яйца, и читаются тогда молитвы на освященіе ихъ, то зачѣмъ читать тѣ же молитвы по домамъ, особенно если приходится *молитвить* не на послѣдней недѣлѣ Великаго поста, когда неумѣстно упоминать о брашнахъ и проч.? Больше смысла читать молитвы, „при началѣ поста“, чтобы Господь сподобилъ всѣхъ *въ чистотѣ теченіе постное прейти* и пр.

По прочтеніи въ домѣ священникъ обыкновенно просить хозяевъ вынести „за труды“, что положено, и идетъ затѣмъ въ другой домъ. — Конечно, и одно чтеніе молитвы имѣть

важное значеніе для поддержанія религіозности въ прихожанъ, потому что здѣсь дается вмѣсто *земныхъ небесное, вмѣсто тлѣнныхъ нетлѣнное* и т. д. Но ограничиваться въ данномъ случаѣ однимъ исполненіемъ обряда не слѣдовало бы, — нужно такъ сказать, и „отплатить“ прихожанамъ за тѣ приношенія, которыя мы отъ нихъ получаемъ. Скажутъ: приношенія эти не велики. — Да, въ частности — не велики, но въ общемъ — и не малы, особенно если взять во вниманіе бѣдность нашихъ сельскихъ жителей, для которыхъ пожертвованное „батьшкѣ“ яйцо имѣетъ цѣнность.

Что же мы можемъ дать прихожанамъ во время молитвы и вообще во время посѣщенія ихъ домовъ?

Хорошо было бы объяснять во всѣхъ подобныхъ случаяхъ въ каждомъ домѣ, хотя въ краткихъ, общихъ чертахъ сущность молитвы, чего мы просимъ этою молитвою у Бога. Но на такое объясненіе нужно время, которымъ могутъ располагать только священники въ малыхъ приходахъ; въ большихъ же приходахъ это очень затруднительно. Тѣмъ не менѣе, нужно хотя что-либо сказать для блага домохозяевъ — и не для одного только духовнаго блага, но и для матеріальнаго.

И прежде всего, мы, пастыри духовные, мало заботимся о томъ, чтобы прививать культурность въ народѣ. Между тѣмъ, это мы можемъ сдѣлать, да это — и нашъ долгъ. Многому, очень многому можно научить во время хожденія съ молитвою. Напр., знаемъ мы, что въ известной семьѣ царить разладъ, — нужно посоветовать жить въ мирѣ и добромъ согласіи, особенно женщинамъ, изъ - за которыхъ чаще всего бываютъ раздѣлы. Увидимъ дѣтей дома, — нужно спросить, почему они не въ школѣ; можно поговорить о значеніи грамотности и т. п.; особенно нужно советовать, чтобы учили грамотѣ дѣвочекъ. Увидимъ ли книги, — хорошо спросить, какія это книги, откуда взяты; можно посоветовать, чтобы выписывали въ складчину журналы и газеты и т. п. Увидимъ ли больного, — можно разспросить о болѣзни, посоветовать лѣкарство; поговорить о томъ, что нужно беречь здоровье,

не протруживаться, что болѣзни происходятъ отъ нашей неосторожности и т. д. Богатымъ людямъ, близъ которыхъ живутъ бѣдняки, особенно вдовы и сироты, посоветовать помогать послѣднимъ и попросить домохозяевъ хлѣбъ или что другое, назначаемое для священника, передать бѣднымъ, или самимъ сдѣлать это, чтобы тѣмъ пріучать прихожанъ къ благотворительности своимъ односельцамъ, а то часто крестьяне много жертвуютъ „на Аѳонъ“ или разнымъ проходимцамъ, а сосѣдямъ, находящимся въ крайней бѣдности, не помогаютъ. Нужно направить на истинный путь такихъ людей. Увидимъ въ домѣ порядокъ и чистоту,—можно похвалить хозяевъ за стараніе о чистотѣ въ полной увѣренности, что они скажутъ сосѣдямъ о похвалѣ „батюшки“, и сосѣдки постараются, по мѣрѣ возможности, прибирать и въ своихъ избахъ и соблюдать чистоту, особенно въ ожиданіи священника. Въ такихъ домахъ, гдѣ замѣтимъ особенную грязь, можно поговорить о значеніи чистоплотности, о которой крестьяне въ большинствѣ мало заботятся, и оттого часто болѣютъ такими, напр., болѣзнями, какъ чесотка и т. п.: если мы не скажемъ своимъ прихожанамъ, что нечистоплотность и т. п. вредны, то кто же скажетъ имъ о томъ?... Можно спросить, всѣ ли говѣли, почему не ходятъ всѣ въ церковь и т. п. Въ семьяхъ, гдѣ есть, напр., завѣдомые алкоголики, можно посоветовать лѣчить такихъ людей у врачей, читать книжки о вредѣ пьянства, дать подходящія книжки, если есть (кстати, очень полезнымъ въ этомъ случаѣ можетъ быть журналъ— „Вѣстникъ трезвости“, стоящій всего лишь 1 руб. въ годъ. Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Гороховая, № 32). Проходя по двору въ сопровожденіи домохозяина и увидѣвши допотопную соху, можно поговорить о томъ, что теперь есть усовершенствованныя плужки, которыми пахать гораздо удобнѣе, при чемъ и урожай хлѣба бываютъ лучше; а для большей наглядности и убѣдительности намъ самимъ нужно заводить усовершенствованныя сельско-хозяйственные орудія: пора сдѣлать такъ, чтобы не намъ у прихожанъ учиться, а чтобы

они учились у насъ. Чѣмъ больше вращаешься среди народа, тѣмъ больше приходится убѣждаться въ томъ, что напрасно оставлено преподаваніе въ нашихъ семинаріяхъ сельскаго хозяйства и медицины: между *нашею* наукою и жизнію—великая пропасть... При видѣ сырой хаты можно поговорить о томъ, что нужно вставлять на зиму вторыя окна, а также устраивать грубочки. Замѣчательно, что крестьяне, даже и состоятельные, не вставляютъ на зиму двойныхъ рамъ, и оттого окна у нихъ совершенно обмерзають, и появляется сырость. И вообще, очень и очень негигіентично крестьяне строятъ свои хаты, при чемъ всѣ вообще постройки располагають невозможно въ пожарномъ отношеніи, говоря: „если Богъ грѣхамъ потерпитъ, то не будетъ пожара“...

Однимъ словомъ, много полезнаго можно сообщить прихожанамъ во время посѣщенія ихъ домовъ. Такимъ путемъ можно заслужить ихъ расположеніе къ себѣ и тѣмъ болѣе побудить щедрѣе вознаграждать насъ за наши труды, безъ всякаго „вымогательства“, которое очень не желательно.

Благодареніе Богу и нашему Благочестивѣйшему Государю Императору Николаю Александровичу, издавшему манифестъ отъ 26 февраля 1903-го года, мы, надо полагать, будемъ поставлены въ гораздо лучшія отношенія къ прихожанамъ и получимъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ возможность безпрепятственно дѣлать свое дѣло. Дай Богъ, чтобы скорѣе настало это время! — А пока что, нужно вознести сердечныя молитвы къ Господу Богу о благоденствіи Государя, обратившаго милостивое вниманіе на наше положеніе, и постараться оправдать довѣріе къ намъ Верховной Власти, именно — *полагать душу свою за овцы своя и для овецъ своихъ, чтобы явиться добрыми пастырями*. Само собою понятно, что для этого послѣдняго мало одной матеріальной обеспеченности, а нужно еще искреннее горячее стремленіе послужить для блага пасомыхъ, *нужна искра Божія*, что да пошлетъ всѣмъ намъ Пастыреначальникъ нашъ Господь Іисусъ Христосъ.

Случилось въ приходѣ очень прискорбное обстоятельство. Одному крестьянину возили лѣсъ на избу. Какъ всегда обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, хозяинъ „поставилъ“ обильную выпивку. И вотъ два крестьянина заспорили, кто больше выпьетъ. Пили, пили,—и одинъ скоропостижно умеръ отъ водки.—Во время перваго же вѣббогослужебнаго собесѣдованія пришлось сказать прихожанамъ приблизительно слѣдующее:

„Тяжело, очень тяжело мнѣ, вашему пастырю, что одинъ изъ васъ умеръ скоропостижно отъ водки, да еще и въ Великій постъ. Господь взыщетъ съ меня за мое нерадѣніе о васъ, что я не сумѣлъ сберечь свою духовную овцу. Горе, горе мнѣ!.. Хотя я вамъ часто говорилъ, что нужно беречься водки,—говорилъ, что можно умереть отъ излишняго употребленія ея, но, надо полагать, не умѣлъ говорить, какъ слѣдуетъ, какъ должно. Пусть же настоящій случай будетъ урокомъ и мнѣ и вамъ: мнѣ — больше, усердиѣе учить васъ; а вамъ — внимательнѣе слушать меня и исполнять то, что я совѣтую. Не пейте водки! Когда возьмете стаканъ въ руки, вспоминайте всегда несчастнаго опившагося, такъ какъ и съ каждымъ изъ васъ можетъ случиться то же... Господи! помоги намъ въ дѣлѣ отрезвленія всѣхъ!“

.... Думаю, что это Господь наказалъ меня. Читалъ я, что одинъ священникъ открылъ общество трезвости въ одну изъ субботъ Великаго поста, послѣ пріобщенія прихожанъ св. Таинъ. Дѣйствительно, это самое благоприятное время для того. Хотѣлъ и я было открыть такое же общество во время истекшаго Великаго поста, да такъ и не открылъ.—Врагъ силенъ,—онъ, должно быть, отклонилъ меня отъ этого святаго дѣла. Помню, я твердо рѣшилъ было открыть общество; но тутъ же думалось, что и безъ того дѣла много, что приходъ большой, что здоровье мое слабое и т. п. Такъ и отложилъ... А если бы я открылъ во время общество трезвости, можетъ быть, и не произошло бы такого прискорбнаго обстоятельства, какъ смерть прихожанина отъ водки.. Какъ тяжело на душѣ!..

Такъ какъ на первыхъ недѣляхъ Великаго поста приходится исповѣдывать до 900 и болѣе говѣющихъ, то при исповѣди предлагаешь обыкновенно не много вопросовъ, именно—спрашиваешь о такихъ грѣхахъ, которые болѣе распространены между прихожанами.—Желательно было бы, чтобы собратья - священники сельскіе подѣлились, какіе вопросы они предлагаютъ. Удобнѣе всего, конечно, это можно было бы сдѣлать на страницахъ журнала „Руководство для сельскихъ Пастырей“. Я мужчинамъ предлагаю такіе вопросы: не божился ли? не оскорблялъ ли родителей, жену, дѣтей? не билъ ли ихъ и не ругалъ ли? не билъ ли вообще кого-либо? не бралъ ли чего чужого — хлѣба, лѣса, денегъ? не билъ ли жестоко и безъ нужды скота? не упивался ли виномъ? не ругался ли дурными словами? не согрѣшалъ ли съ своею женою въ посты, подѣ праздники? не согрѣшалъ ли съ чужою женою? со скотомъ? и т. п. Въ заключеніе: не знаетъ ли еще какихъ-либо за собою грѣховъ?—Женщинамъ же предлагаю такіе вопросы: не божилась ли напрасно? не ворожила ли? не гадала ли? не кляла ли мужа, или дѣтей, или еще кого? не ругалась ли? не брала ли чего чужого или (особенно) изъ дома? не ругала ли и не била ли скота? не грубила ли родителямъ? не согрѣшала ли съ чужимъ мужемъ? и т. п. Въ заключеніе: не знаетъ ли еще какихъ грѣховъ за собою? — Дѣтей, конечно, приходится иначе исповѣдывать. У нихъ спрашиваю: не бралъ ли чужого? не дрался ли? не билъ ли скота? не оскорблялъ ли старшихъ? и т. п.

Хорошо совѣтовать грамотнымъ представлять записочки о своихъ грѣхахъ: кто представитъ записочки, тотъ, значитъ, думалъ о своихъ грѣхахъ, что прежде всего и нужно при исповѣди.

Трудное и великое дѣло исповѣдь! Намъ, пастырямъ, нужно помогать другъ другу въ этомъ дѣлѣ. Будемъ же *другъ друга тяготы носить,—и тако исполнимъ законъ Христовъ.*

Свящ. В. Дроздовъ.

Что дѣлать священнику въ случаѣ чьихъ-либо попытокъ завладѣть частью церковной земли?

Весьма значительная часть церквей не имѣетъ крѣпостныхъ документовъ на тѣ земли, которыя, состоя въ собственности ихъ служить источникомъ содержанія причтовъ. Такія земли иногда значатся въ крѣпостныхъ документахъ сосѣдей—землевладѣльцевъ, и это даетъ послѣднимъ поводъ заявлять свое притязаніе на церковныя земли, при чемъ эти притязанія съ ихъ стороны иногда сопровождаются самоуправнымъ завладѣніемъ.

Въ случаѣ самоуправнаго завладѣнія съ чьей-либо стороны частью церковной земли, причтъ и церковный староста сами непосредственно, а всего удобнѣе уполномочивъ кого-либо изъ своей среды, должны обратиться къ мѣстному земскому начальнику съ просьбою „о возстановленіи нарушеннаго владѣнія церкви и о взысканіи убытковъ, причиненныхъ самовольнымъ завладѣніемъ“. Искъ этотъ долженъ быть предъявленъ въ теченіе 6 мѣсяцевъ со времени завладѣнія спорною землею земскому начальнику¹⁾, а въ случаѣ пропуска этого срока, съ подобнымъ искомъ должно обратиться въ окружный судъ. Должно замѣтить, что въ этомъ случаѣ, на основаніи 1313 ст. Уст. гражд. суд., не требуется приложенія указа консисторіи съ уполномочіемъ на веденіе дѣла. Такіе указы требуются судомъ лишь при разсмотрѣніи дѣлъ „о правѣ собственности“.

Искъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія имѣетъ своимъ основаніемъ 531 ст. т. X, части 1 (изд. 1887 г.), которая читается такъ: „Всякое даже и незаконное владѣніе охраняется Правительствомъ отъ насилія и самоуправства дотолѣ, пока имущество не будетъ присуждено другому, и сдѣланы подлежащія по закону о передачѣ онаго распоряженія“.

¹⁾ Отъ прошеній, подаваемыхъ земскимъ начальникамъ, не требуется той формы, по какой прошеніе подается окружному суду.

Задача защиты церковнаго имущества въ этомъ случаѣ облегчается тѣмъ, что судъ не входитъ въ разсмотрѣніе документовъ, удостовѣряющихъ право собственности на недвижимое имѣніе, но лишь возстановляетъ нарушенное владѣніе. Достаточно представить суду нѣсколькихъ свидѣтелей, которые могутъ объяснить, что подвергшійся завладѣнію со стороны посторонняго лица участокъ земли до завладѣнія состоялъ въ пользованіи причта церкви, предъявившаго искъ. Ссылка противника на имѣющіеся у него крѣпостные документы въ глазахъ суда не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ въ искѣ о нарушенномъ владѣніи не разсматриваются права собственности. Но все же лицо, принявшее на себя защиту церковной недвижимости, можетъ указать и доказать суду, что церковь пріобрѣла на спорный участокъ право собственности, такъ какъ онъ находился въ ея безспорномъ и спокойномъ владѣніи въ теченіе земской давности, т. е. 10 лѣтъ. Для доказательства этого положенія достаточно указать двухъ или трехъ свидѣтелей.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что причтамъ и церковнымъ старостамъ надлежитъ озаботиться пріобрѣтеніемъ крѣпостныхъ документовъ на церковныя земли и обмежеваніемъ ихъ чрезъ казенныхъ землеѣровъ, дабы разъ и навсегда обезпечить церковную землю отъ захватовъ посторонними лицами. (Орл. еп. вѣд., 1903 г., № 47).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Кирилль.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатанъ дозволяется. Кіевъ, 17 января 1904 г.

Цензоръ, священникъ *Θ. Титовъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акд. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

УЧЕБНОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 5.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, февраля 1-го.

Содержаніе: Совмѣстимо ли пастырство съ занятіями сельскимъ хозяй-
ствомъ? — Къ вопросу объ общественной молитвѣ православныхъ
пастырей за умершихъ иновѣрцевъ. — „Блудный сынъ“ (Разсказъ). —
О метрической записи крещаемыхъ младенцевъ. — Мѣры къ воздѣй-
ствію на раскольниковъ.

Совмѣстимо ли пастырство съ занятіями сельскимъ хозяйствомъ?

При каждой сельской церкви, какъ извѣстно, есть такое или иное количество (обыкновенно не менѣе 33 десят.) руж-
ной земли, которою пользуется причтъ. Прежде эти земли
были, можно сказать, главнѣйшимъ источникомъ содержанія
для духовенства. Въ то „доброе“, какъ его принято не сов-
сѣмъ правильно называть, старое время сельское духовенство
почти ничѣмъ въ своемъ быту не отличалось отъ крестьянъ
пасомыхъ; жило оно, правда, нѣсколько зажиточнѣе рядовыхъ
крестьянъ, но такъ же, какъ и эти послѣдніе, пахало, сѣяло,
жало, косило и молотило. Въ настоящее время обезпеченіе
сельскаго духовенства мало-по-малу улучшается. Оно уже

почти нигдѣ само не обрабатываетъ землю, а или сдаетъ „со снопа“, или въ аренду, или же обрабатываетъ наемными руками. Тѣмъ не менѣе, и при теперешнемъ матеріальномъ обеспеченіи духовенства, ружная земля продолжаетъ служить важнымъ подспорьемъ въ его содержаніи. И съ этой стороны существованіе ружныхъ земель при церквахъ имѣетъ смыслъ,—но вовсе, по нашему мнѣнію, не тотъ, какой придавался ему раньше, въ 60—70-хъ годахъ, когда въ духовныхъ семинаріяхъ стали даже вводить преподаваніе сельскаго хозяйства, какъ особой науки, и думали, что духовенство явится піонеромъ рациональнаго хозяйства среди крестьянскаго населенія... Тщетная надежда! Само духовенство почти вездѣ пользуется тѣми же первобытными способами веденія сельскаго хозяйства, что и крестьяне.

Но если существованіе ружныхъ земель при церквахъ имѣетъ *теперь* свой *raison d'être*, то это лишь пока, и его можно только *терпѣть*, какъ неизбежное зло.

Конечно, если смотрѣть на священника, какъ на чиновника, который, отправивъ свои непосредственныя обязанности по совершенію богослуженія и требъ, можетъ успокоиться, то занятіе имъ сельскимъ хозяйствомъ на полѣ и можетъ быть разсматриваемо, даже какъ средство для полезнаго времяпровожденія. Но подобный взглядъ на пастырство совершенно не долженъ имѣть мѣста. Священникъ—духовный отецъ народа, его учитель, его руководитель и освятитель; и, какъ хорошій отецъ, онъ долженъ всю жизнь свою посвятить воспитанію этого порученнаго ему Господомъ стада, *дондеже достигнутъ въ мѣру возраста совершенна*. Вотъ его цѣль, вотъ его задача. На пути къ исполненію этой цѣли у него стоитъ хозяйство. „Никто, сказалъ Спаситель, не можетъ служить двумъ господамъ (Богу и мамонѣ); ибо или одного будетъ ненавидѣть, а другого любить, или одному станетъ усердствовать, а о другомъ нерадѣть“ (Мѡ. 6, 24). И священникъ не можетъ быть въ одно и то же время безукоризненныхъ *добрымъ пастыремъ* и рачительнымъ *сельскимъ хозяи-*

номъ. Слѣдующіе факты могутъ лучше всего иллюстрировать это наше положеніе.

Церковныя ружныя земли всегда соприкасаются съ крестьянскими. Въ сосѣдствѣ неизбѣжны столкновенія. Нечаянно ли и неумышленно, или же злонамѣренно крестьяне травятъ своимъ скотомъ лугъ и поле священника. И это не разъ и не два. Что долженъ дѣлать въ такихъ случаяхъ священникъ?—Какъ *хозяинъ*, онъ не можетъ не сердиться на крестьянъ, не можетъ при этомъ не ссориться, а подчасъ и не судиться даже съ ними; какъ *священникъ*, онъ не долженъ не только судиться, но и просто гнѣваться. Какъ примирить такое раздвоеніе?—На практикѣ обычно 'берутъ' перевѣсъ то одни, то другіе интересы, по большей же части—интересы хозяйственные. Отсюда—частыя ссоры и процессы духовенства съ крестьянами. Развѣ это нормально? Добрый ли это примѣръ для прихожанъ?

Другой фактъ, взятый также непосредственно изъ жизни.—Извѣстно, что русскій мужичокъ охотнѣе пойдетъ работать за стаканъ водки, чѣмъ за деньги. Разсчетливые сельскіе хозяева пользуются этою его слабостью; пользуется ею — нѣгдѣ грѣха таить—и наше духовенство. Во многихъ губерніяхъ рѣдкій священникъ не собираетъ такъ называемыхъ „толокъ“, или „помочей“. Нужно ли косить сѣно, грестъ его, возить или жать рожь,—все это дѣлается за водку. Какой же характеръ, послѣ этого, получаютъ всѣ общества трезвости, основываемыя тѣми же священниками? какъ послѣ этого проповѣдывать имъ съ церковной кафедры противъ пьянства? Не значить ли это—разрушать одной рукой то, что дѣлается другой?.. И подобныхъ неудобствъ для духовенства при владѣніи ими ружной церковной землей очень много.

Вышеприведенные примѣры ясно показываютъ, какую шаткую почву имѣетъ подъ собою общераспространенное мнѣніе, что занятіе сельскимъ хозяйствомъ сближаетъ духовенство съ народомъ къ обоюдной ихъ пользѣ; изъ нихъ же можно видѣть и то, *какого рода* это сближеніе: со стороны духовенства—

въ указанныхъ нами случаяхъ—совершенно эгоистическое, вынужденное экономическою бѣдностью, потаканіе грубымъ привычкамъ; со стороны крестьянъ—стремленіе выпить лишнюю рюмку водки,—вотъ основы этого сближенія.—

Но не такого сближенія требуетъ идея пастырства. И этому-то *духовному* сближенію препятствуютъ хозяйственныя заботы, поглащающія вниманіе духовенства, по крайней мѣрѣ добрую половину года. Между тѣмъ, у священника, по-настоящему, не должно быть и минуты, свободной отъ своего прямого служенія,—кромѣ, разумѣется, необходимаго отдыха,—если только онъ вполне добросовѣстно будетъ относиться къ своимъ обязанностямъ—истоваго, благоговѣйнаго, а не сокращеннаго до послѣдней возможности и крайне спѣшнаго совершенія богослуженія, ученія и управленія. Въ настоящее время священники, въ большинствѣ случаевъ, ограничиваются тѣмъ, что, по принужденію или изъ матеріальнаго расчета преподаютъ Законъ Божій въ школахъ, при чемъ преподаваніе это очень часто возбуждаетъ жалобы съ ихъ стороны на недостатокъ времени, и обременительность для нихъ законоучительной обязанности, а остальная паства остается такою же почти „темною“, какъ и во времена монгольскаго ига. Между тѣмъ, прямая обязанность священника—неустанно учить *всю* паству, такъ чтобы не оставалось ни одного пасомаго, который бы не могъ дать отвѣта *вопросающему о упованіи*. Правда, это дѣло не легкое. Но вѣдь не напрасно же пастырство отцами Церкви считалось самымъ труднымъ изъ всѣхъ служеній (Златоустъ)...

Что же, спросятъ насъ, сдѣлать съ церковными ружными землями? отобрать ихъ отъ церквей?—Да, отобрать! Само собою понятно при этомъ, что для сельскаго духовенства необходимы огородъ, садъ для отдыха и удовольствія, и усадьба для лошади, безъ которой ему нельзя обойтись на случай поѣздокъ по приходу. На все это достаточно *четыре* десятины для священника и псаломщика. Остальную землю съ удобствомъ можно продать сосѣднимъ крестьянамъ, а на

вырученный капиталъ, съ присоединеніемъ *новой ассигновки отъ казны*, вознаградить духовенство за *эту секуляризацию* увеличеніемъ жалованья, по меньшей мѣрѣ, рублей до 900 священнику и т. д.

М. Л.

Къ вопросу объ общественной молитвѣ православныхъ пастырей за умершихъ иновѣрцевъ.

Всякій разъ, когда служители Церкви Православной отказываются совершать моленія объ умершихъ иновѣрцахъ, по просьбѣ ихъ родственниковъ, со стороны этихъ послѣднихъ слышится укоръ православному священнику въ духѣ нетерпимости, въ нарушеніи правилъ любви христіанской, объемлющей даже враговъ, въ противорѣчій, въ которое будто бы впадаетъ сама Церковь Православная, вознося моленіе о мирѣ всего міра, о соединеніи всѣхъ, и съ другой стороны отказывая въ молитвенномъ утѣшеніи родственникамъ умершаго иновѣрца.

Такой именно упрекъ привелось выслушать автору сего по поводу его отказа совершить панихиду по умершемъ иновѣрцѣ—лютеранинѣ въ его квартирѣ, при его мертвомъ тѣлѣ, и чинъ погребенія его,—упрекъ, съ добавленіемъ со стороны одной изъ обвинительницъ, православной, что она не знаетъ религіи, отличающейся большимъ духомъ негерпимости, чѣмъ православіе. Послѣдній упрекъ показался мнѣ особенно горькимъ и до крайности непристойнымъ, тѣмъ болѣе, что выходилъ изъ устъ православной дѣвицы, которая по положенію своему должна бы болѣе, чѣмъ другіе, быть знакома съ истиннымъ духомъ православія. И тогда же я рѣшилъ указать въ письменномъ изложеніи всѣ основанія, которыя, по моему крайнему разумѣнію, можетъ и долженъ приводить православный пастырь въ отвѣтъ на упреки Церкви, служителемъ которой онъ состоитъ, въ духѣ нетерпимости, въ нарушеніи заповѣди о любви, въ противорѣчій себѣ и т. п.

Какія же это основанія?

Это прежде всего, конечно, самое положеніе Церкви, какъ общества. Всякое благоустроенное общество имѣетъ обыкновенно уставъ, которымъ какъ опредѣляются права и обязанности членовъ его, такъ и обусловливается самое существованіе его и достиженіе имъ предположенныхъ цѣлей. И если бы какое-либо общество надѣляло правами, принадлежащими членамъ его, такихъ людей, которые не хотятъ соблюдать обязанностей, налагаемыхъ этими правами, то такое явное нарушеніе имъ своего устава несомнѣнно сопровождалось бы ущербомъ, вредомъ для прямыхъ цѣлей его существованія и даже могло бы повести къ разстройству самого общества. А не состоя членомъ извѣстнаго общества, нельзя заявлять и претензій на права, принадлежащія только членамъ его. Никакое, напр., военное общество никогда не допустило бы, чтобы, по просьбѣ родственниковъ, умершему члену, не имѣющему никакого отношенія къ военному сословію, оказывались при погребеніи воинскія почести. Въ противномъ случаѣ оно оказалось бы нарушителемъ своего устава, своей дисциплины. Почему же за всякимъ благоустроеннымъ обществомъ человѣческимъ считаютъ необходимо нужнымъ признавать право строгаго выполненія своего устава, строгаго соблюденія своей дисциплины, а благоустроеннѣйшее общество Божественное—Церковь хотятъ лишить этого права? Почему требуютъ, чтобы оно нарушало свой божественный уставъ всякій разъ, когда начальствующихъ членовъ его просятъ объ этомъ люди, посторонніе ему? По какой логикѣ осуждаютъ его въ нетерпимости, когда оно, пользуясь своимъ законнѣйшимъ правомъ, отказываетъ въ своихъ благахъ тѣмъ, кто при жизни своей не только не хотѣлъ пользоваться ими, но, можетъ быть, даже и съ насмѣшкою издѣвался надъ ними?

Но, скажутъ, это общество, Церковь Православная, призвано къ цѣли умиротворенія людей, къ распространенію

царства Божія на землѣ, которое есть, по апостолу, *правда и миръ и радость о Дусѣ Святѣ* (Рим. 14, 17).

Да, церковное общество, какъ Богомъ устроенное, имѣеть и цѣли очень высокія, превосходящія своей высотой цѣли всякаго другого, земного общества; цѣли его — *да вси едино будутъ: якоже Ты, Отче, во мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тѣи въ насъ едино будутъ* (Іоан. 17, 21), И вотъ именно въ силу этой-то высочайшей цѣли, для обыкновенныхъ обществъ недосяжимой, Церковь и не можетъ молиться объ умершихъ людяхъ, не принадлежавшихъ при жизни къ числу членовъ ея. Нравственное единеніе вѣрующихъ въ Церкви Христовой, достигаемое ихъ вѣрою и любовію, при содѣйствіи благодати Божественной, простирается до такой глубины духа, что у членовъ Церкви можетъ и должно быть *одно сердце и одна душа* (Дѣян. 4, 32). Въ этомъ духовномъ единеніи вѣрующихъ, или въ этомъ, по словамъ преосвященнаго Антонія, претвореніи нашего себялюбиваго и раздѣленнаго естества въ естество церковное, въ этомъ воссоединеніи человѣческой личности со Христомъ и ближними (Церковью) во едино естество Церкви и заключается основаніе для молитвы другъ за друга и *особенно за умершихъ*, для молитвы за насъ святыхъ праведниковъ и для крещенія младенцевъ по вѣрѣ воспріемниковъ (Сочиненія, т. 2, стр. 22). Такое именно поиманіе единенія церковнаго, при которомъ изъ него безусловно исключаются всѣ иновѣрцы, представляетъ, кажется, вполне достаточное и резонное основаніе къ отказу молиться за *умершихъ* иновѣрцевъ. Такая молитва являлась бы молатвой о томъ, что, по нравственному состоянію умершаго иновѣрца, оказывается совершенною невозможностью, т. е. объ его единеніи съ Церковью, только по смерти. Разъ человѣкъ при жизни своей не выработалъ въ себѣ зачатковъ этого единенія съ Церковью, съ тѣломъ Христовымъ, то откуда возьмутся у него эти зачатки по смерти? Вѣдь не напрасно же апостоломъ сказано: *еже бо аще стѣтъ чловѣкъ, тожде и пожнетъ* (Гал. 6, 7)? Не напрасно и другой апостоль пишетъ:

есть урѣкъ къ смерти: не о томъ глаголю, да молится (Іоан. 5, 16)? А въ искренности и глубинѣ безграничной любви къ ближнимъ и ко Христу этого возлюбленнѣйшаго ученика Его, этого апостола любви, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Не напрасно же и самъ Богъ говоритъ ветхозавѣтному пророку: *ты же не молися о людѣхъ сихъ, не услышу бо тя* (Іерем. XI, 14)? Очевидно, могутъ быть люди въ такихъ нравственныхъ состояніяхъ, которыми исключается самая возможность молитвъ за нихъ со стороны членовъ Церкви, ибо такая молитва была бы своего рода *искушеніемъ Бога* (Второз. 6, 16), прошеніемъ о нарушеніи Имъ же установленнаго порядка нравственнаго совершенствованія человѣка и достиженія имъ вѣчнаго блаженства не иначе, какъ при условіи тѣснѣйшаго союза со Христомъ и Его тѣломъ—Церковью (Іоан. 15, 5, 6; Матѹ. 18, 16.).

Но какъ же Церковь молится объ обращеніи заблудшихъ, о мирѣ всего міра, о соединеніи всѣхъ?

Да, молится, но только до тѣхъ поръ, пока для этихъ заблудшихъ, для этихъ „всѣхъ“ не пресѣклась возможность усвоить себѣ плоды молитвы ближнихъ при условіи покаянія, при условіи вѣры. Св. Церковь, вѣрная завѣту своего Господа и Главы: *шедите научите вся языки* (Матѹ. 28, 19), и проповѣдуетъ всѣмъ народамъ и объемлетъ молитвой вѣры и любви весь живущій родъ человѣческій — *да будетъ едино стадо и единъ пастырь* (Іоан. 10, 16); и если молитвы ея отменяются многими, какъ бесполезныя, то она, по смерти ихъ, и предоставляетъ ихъ праведному суду Божию, не считая возможнымъ возносить о нихъ и молитву. Возможно еще надѣяться на спасеніе утопающаго въ морѣ черезъ принятіе его на плывущій въ виду его корабль, но только до того времени, пока утопающій держится еще на поверхности воды: но разъ онъ уже утонулъ въ пучинѣ морской, бесполезно было бы бросать спасательные снаряды, за которые онъ уже не можетъ ухватиться. Подобно этому, и плавающіе въ кораблѣ церковномъ считаютъ возможнымъ принимать въ него

всѣхъ погибающихъ, предлагая имъ спасительныя средства, доколѣ они могутъ ими воспользоваться, доколѣ они могутъ быть приняты на бортъ сего корабля. Но разъ эти спасительныя средства отметаются погибающими, и они не хотятъ ни приблизиться къ кораблю св. Церкви, ни войти въ него, и въ такомъ состояніи умирають, то Церковь не считаетъ уже возможнымъ оживить ихъ своими спасительными средствами и не безъ основанія отказывается прилагать таковыя по отношенію къ нимъ. И напрасно упрекають въ такихъ случаяхъ пастырей св. Церкви въ нетерпимости, въ жестокости: въ нихъ они нимало неповинны, какъ неповиненъ въ жестокости тотъ врачъ, который отказывается лѣчить неизлѣчимо-больного. Правда, для успокоенія родственниковъ такого больного, онъ могъ бы, допуская сознательный обманъ, и лѣчить его, но требовать подобнаго сознательнаго обмана отъ служителей истины нельзя, тѣмъ болѣе нельзя имъ самимъ, не отрекаясь отъ своего званія, допускать такой сознательный обманъ: это недостойно ихъ.

А что, дѣйствительно, представляла бы наша молитва объ умершихъ инновѣрцахъ, по просьбѣ ихъ родственниковъ, завѣдомо отрицательно относящихся къ нашей Церкви, къ нашимъ молитвамъ, какъ не сознательный обманъ Бога и людей? Мы бы молились безъ надежды на исполненіе нашей молитвы или съ сомнѣніемъ, т. е. поступали бы какъ разъ противно заповѣди Христа о молитвѣ, ибо Онъ сказалъ: *вся елика аще молящеся просите, вѣруйте, яко приимете: и будетъ вамъ* (Мрк. 11, 24). Далѣе, мы бы одаряли врученными намъ Христомъ духовными благами людей (и умирающаго и его родственниковъ), завѣдомо попирающихъ Его заповѣдь о Церкви и о союзѣ съ Нимъ, завѣдомо не признающихъ дѣйствительной цѣны и силы сихъ благъ для умершаго, завѣдомо считающихъ ихъ пустою формальностью, если и имѣющею значеніе, то только для пѣкотораго утоленія печали ихъ самихъ и не *печали по Бозъ, а печали міра сего* (2 Кор. 7, 10). Наконецъ, мы одаряли бы сими благами людей, ко-

торыя обращаются къ намъ только въ силу необходимости, а не свободно, и для того, чтобы, воспользовавшись ими по своему, снова уйти отъ насъ, чтобы не знать болѣе насъ, нашей св. Церкви совсѣмъ или до слѣдующаго подобнаго случая. Не означало ли бы все это сознательнаго умаленія съ нашей стороны безмѣрно-высокой цѣны и достоинства тѣхъ духовныхъ благъ, которыя имѣются въ нашей св. Церкви въ видѣ молитвъ за умершихъ членовъ ея, отъ которыхъ, *по нашему и ихъ вѣрованію*, бываетъ имъ превеликая польза? Не означало ли бы это нарушенія нами того запрещенія, которое такъ ясно и опредѣленно выражено въ словахъ Христовыхъ: *не дадите святая псомъ, ни пометайте бисеръ вашихъ предъ свиніями* (Мѡ. 7, 6)? Не означало ли бы это также забвенія нами другихъ словъ Христовыхъ, которыя мы должны напоминать обращающимся къ намъ, не свободно, а въ силу необходимости, иновѣрцамъ: *что мя зоветъ: Господи, Господи, и не творите яже глаголю* (Лук. 6, 46)?

Итакъ, въ силу того нравственнаго единенія, какимъ проникаются члены тѣла Христова — Церкви между собою и со Христомъ, Церковь не можетъ насильно привлекать къ нему людей, отвергающихъ сіе единеніе, и при жизни ихъ и тѣмъ болѣе по смерти, не можетъ и молиться за нихъ по смерти, отказываетъ имъ въ благахъ своихъ, которыя сообщаются ею только своимъ, приснымъ по вѣрѣ.

Представляется намъ въ словахъ Самого І. Христа и примѣръ подобнаго отказа въ благахъ Его царства людямъ, именно вслѣдствіе неподготовленности ихъ къ симъ благамъ, вслѣдствіе, такъ сказать, пропуску срока вступленія ихъ въ Его царство. Припомнимъ притчу о десяти дѣвахъ и приложимъ ее къ настоящему случаю, и мы еще болѣе утвердимся въ справедливости своего отказа молиться за умершихъ иновѣрцевъ.

Тогда восташа вся двѣ тыя, и украсиша свѣтильники своя. Юродивыя же мудрымъ рѣша: дадите намъ отъ елея вашего, яко свѣтильницы наши угасаютъ. Отвѣщаша

же мудрыя, глаголюще: еда како не достанетъ намъ и вамъ, идите же паче къ продающимъ, и купите себѣ. Идущимъ же имъ купити, прииде женихъ: и готовыя внидоша съ нимъ на браки, и затворены быша двери. Послѣди же приидоша и прочія дѣвы, глаголюще: Господи, Господи, отверзи намъ. Онъ же отвѣщаеъ, рече имъ: аминь, глаголю вамъ, не вѣмъ васъ (Мтѣ. 25, 1—12).

Мудрыя дѣвы отказываютъ юродивымъ въ исполненіи ихъ просьбы о помощи; Христосъ отказываетъ опоздавшимъ въ принятіи въ брачный чертогъ. А, кажется, было и желаніе вступить въ него, были свѣтильники, было у опоздавшихъ, значить, нѣкоторое право на вступленіе въ брачный чертогъ— въ Царство Небесное, по все же онѣ не вошли въ него, имъ отказано: *не вѣмъ васъ*. Св. Іоаннъ Златоустъ въ объясненіе этого говоритъ: „юродивыя онѣ потому, что надѣялись достать елей у мудрыхъ дѣвъ и искали его не во время, хотя эти дѣвы и были въ высшей степени человѣколюбивы, чѣмъ онѣ особенно и прославились. Да и просятъ юродивыя у нихъ не всего, — *дадите намъ*, говорятъ онѣ, *отъ елея вашего*, — и указываютъ на крайнюю необходимость, говоря: *свѣтильницы наши угасаютъ*.

Но не смотря на все это, получили отказъ, и ни человѣколюбіе тѣхъ, у которыхъ онѣ просили, ни удобоисполнимость просьбы, ни необходимость и нужда просимаго не помогли имъ получить просимое. Чему это научаетъ насъ? Тому, что если измѣнить намъ собственныя наши дѣла, то никто не будетъ въ состояніи помочь намъ, и. не потому, что *не хочетъ*, а потому, что *не можетъ*. И дѣвы ссылаются на невозможность (Толков. на Еванг. Матѣ. бес. 78, т. VII, стр. 785—786). И мы, отказывая въ церковно-общественной молитвѣ за умершихъ иновѣрцевъ, ссылаемся не на нежеланіе помочь имъ этой молитвой, а на невозможность помочь. Христосъ, отвѣчая на просьбу юродивыхъ дѣвъ, говоритъ: *не вѣмъ васъ*. И мы можемъ, по примѣру Его, отвѣтить на просьбу

иновѣрцевъ: не знаемъ васъ, не признаемъ за своихъ, какъ и вы не признаете и не думаете признавать насъ за своихъ.

Правда, эта притча Христа говорить о второмъ пришествіи Христовомъ и о вступленіи послѣ него въ царство славы праведниковъ, и объ отверженіи отъ него грѣшниковъ. Но притчи Господни открываютъ намъ естественную, лежащую въ самой сущности предметовъ, связь между духовнымъ и вещественнымъ міромъ, между видимымъ и невидимымъ, между земнымъ и небеснымъ (Прот. П. Смирновъ. Слова и рѣчи, ч. 2, стр. 100). А если такъ, то значить, онѣ даютъ намъ право, какъ по земному и видимому судить о небесномъ и невидимомъ, такъ и о должномъ порядкѣ видимаго и земного заключать по невидимому, небесному, духовному. Не даромъ и въ молитвѣ Господней намъ заповѣдано просить: *да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли.*

Итакъ, на основаніи притчи Христовой о десяти дѣвахъ, мы выводимъ заключеніе о невозможности для насъ, согласно волѣ Христа: *не вѣмъ васъ*, молиться за умершихъ иновѣрцевъ, по смерти ихъ. Пропущено ими время вступленія въ Церковь Христову при жизни ихъ,—не могутъ они быть въ числѣ благодѣтельствуемыхъ ею и по смерти своей.

И не только этими словами Христа мы можемъ оправдывать свой отказъ въ молитвѣ за умершихъ иновѣрцевъ. Отъ насъ, служителей Христовыхъ, требуютъ, чтобы мы молились за всѣхъ, и своихъ присныхъ по вѣрѣ и чужихъ, какъ при жизни ихъ, такъ и по смерти. Но вѣдь нашъ Пастыреначальникъ, Господь Иисусъ Христосъ, въ нѣкоторыхъ, и особенно важныхъ случаяхъ, ограничилъ свою молитву, дѣлая предметомъ ея только вѣрующихъ въ Него. Нѣтъ молитвы Христовой болѣе возвышенной по смыслу, болѣе важной по времени ея произнесенія, чѣмъ Его первосвященническая молитва. И кому не извѣстно, что предметомъ ея были въ особенности апостолы и ихъ будущіе вѣрные послѣдователи! Вотъ слова этой молитвы: *Азъ о силѣ молю, не о всемъ мѣртъ молю, но о тѣхъ, ихъ же далъ еси мнѣ... Отче Святый, со-*

блюда ихъ во имя Твое, ихъ же далъ еси Мнѣ, да будутъ едино, якоже и мы... Святи ихъ во истину Твою: слово Твое истина есть... И за нихъ Азъ свящу Себе, да и тѣмъ будутъ священи во истину... Не о сихъ же молю токмо, но и о вѣрующихъ словесе ихъ ради въ Мл: да вси едино будутъ: якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тѣмъ въ Насъ едино будутъ. (Іоан. 17, 9, 11, 17, 19, 20, 21.). Извѣстный толковникъ Евангелія объясняетъ эти слова Христа (ст. 9) такъ: „Они (апостолы) достойны Твоей отеческой любви и охраненія особенно, не какъ міръ, не принявшій ученія Моего и Твоего и не увѣровавшій въ Меня—Мессію! И этотъ невѣрующій міръ не исключается совершенно изъ молитвы Господа, но только выставляются преимущества учениковъ предъ міромъ, по которымъ они достойны особенно попеченія о нихъ Отца небеснаго *Я теперь только о тѣхъ* молю, которые дѣйствительно достойны просимой мною благодати. Господь Самъ повелѣлъ молиться за этотъ міръ и Самъ молился за него, но не въ томъ смыслѣ, въ какомъ Онъ молится теперь за учениковъ, какъ достойныхъ особеннаго покровительства Божія“. И далѣе, въ объясненіе стиха 20: „предметъ этой молитвы—*вся Церковь Христова* въ ся шествіи отъ славы въ славу, отъ вѣры къ единенію съ Богомъ и отъ сего и въ семъ—къ славѣ Сына и Бога“ (Еп. Михаилъ. Толков. Еванг. на Іоанна, стр. 539 и 546).

Если же нашъ Пастыреначальникъ Христосъ въ важнѣйшій моментъ Своей земной жизни—въ моментъ отшествія ко Отцу Своему—находилъ нужнымъ молиться только о Церкви и о сохраненіи ея въ святости, то почему насъ, служителей Его, укоряють въ жестокости, въ духѣ нетерпимости, когда мы, молясь объ особенныхъ благахъ духовныхъ для тѣхъ, *ихъ же* Онъ далъ есть намъ, т. е. для нашихъ пасомыхъ, отказываемъ въ молитвѣ о сихъ благахъ тѣмъ изъ людей, которые не суть наши, которые при жизни своей не хотѣли войти въ безопасную ограду нашего двора овчаго, т. е. нашей св. Церкви? Тѣмъ болѣе отказываемъ, что мы не

знаемъ блага духовнаго выше сего блага—упокоенія въ царствѣ небесномъ.

Пусть же не укоряютъ ни насъ, пастырей, ни нашей матери, св. Церкви Православной, въ духѣ нетерпимости, въ противорѣчїи себѣ, когда мы на вынуждаемую силою обстоятельствъ, а не свободную просьбу иновѣрцевъ помолиться объ умершихъ ихъ сродникахъ такъ же, какъ мы молимся о своихъ присныхъ по вѣрѣ, отвѣчаемъ отказомъ. Пусть не укоряютъ въ особенности потому, что *общей* молитвы къ Богу объ ихъ *помилованїи* мы не отказываемся возносить: мы поемъ, провожая ихъ къ могилѣ, трисвятую пѣснь, потому что въ иновѣрныхъ христіанахъ мы признаемъ христіанъ же, только отлично отъ насъ исповѣдующихъ свою вѣру во Христа.

Ни одинъ протестантскій пастырь, ни тѣмъ болѣе католическїй ксендзъ не сочтетъ для себя возможнымъ совершить подобную молитву надъ умершимъ православнымъ, по просьбѣ родственниковъ его, а ксендзъ исполненіе подобной просьбы сочтетъ для себя даже за великій грѣхъ предъ Богомъ. А если бы, паче чаянїя, и счелъ возможнымъ исполнить ее, то власть духовная, католическая, извергла бы его изъ сана, да пожалуй отлучила бы и отъ церкви, какъ недостойнаго члена, какъ сообщника схизматиковъ.

Этого одного достаточно, чтобы обличить великое заблужденіе тѣхъ, которые въ совершенномъ невѣдѣнїи православїя, обвиняютъ его болѣе, чѣмъ всякое другое вѣроисповѣданіе христіанское, или даже всякую другую религію, въ духѣ нетерпимости. А всего вышеизложеннаго, полагаемъ, достаточно для выясненїя тѣхъ основанїй, въ силу которыхъ наша св. Церковь отказываетъ въ молитвахъ своихъ умершимъ иновѣрцамъ. (Православно-Русское Слово, 1903 г., № 18).

„Блудный сынъ“.

Разсказъ.

Было морозное утро. Деревья, лошади, извозчики бѣлѣли отъ инея. Солнце сіяло ослѣпительно. Подъ ногами звонко скрипѣлъ снѣгъ. Молодой фабричный Игнатъ уже цѣлый часъ шелъ безъ цѣли по городу, угрюмо опустивъ голову. Ему нездоровилось: вчера онъ получилъ недѣльный заработокъ и слишкомъ засидѣлся въ трактирѣ съ пріятелями. Нестерпимо болѣла голова, и ныло все тѣло. Къ этому присоединялось еще жгучее чувство раскаянія. Игнату давно уже противна его пьяная, грязная жизнь. Онъ не разъ собирался покончить и съ трактиромъ, и съ водкой, и съ веселой компаніей собутыльниковъ. Но... слабъ Игнатъ, не достаетъ ему рѣшимости. И вчера не хотѣлъ онъ „идти“, да соблазнили пріятели.

А на дняхъ Игнату пришло письмо съ далекой родины, изъ деревни. Писала мать, вдова-старушка. Жаловалась на нищету, болѣзнь снохи — жены Игната, безпризорность малютокъ-внучатъ, просила денегъ, звала къ себѣ. „Приходи, голубчикъ Игнаша, писала мать: за что ты покинулъ насъ, горькихъ сиротъ? Не такой ты былъ, соколикъ, раньше. Смирный былъ, ласковый, работающій. Крѣпко надѣялась я на тебя. Кормильцемъ называла. Любила, лелѣяла тебя. И теперь люблю, Игнаша. Приходи къ старухѣ, къ семьѣ. Затосковались мы по тебѣ. Дай хоть посмотрѣть на тебя, родной“.

Три года не былъ Игнатъ дома и не видѣлся съ родными. Вѣчно пьяный, онъ какъ-то забывалъ о нихъ, даже не писалъ имъ. Стыдно и больно было Игнату вспоминать теперь объ этомъ. Онъ хорошо понималъ, что дома — тяжелая нужда, постоянныя слезы. Тамъ съ часу на часъ ждуть, что вотъ-вотъ Игнатъ остепенится и станетъ трезвымъ работникомъ и честнымъ семьяниномъ, какимъ былъ прежде.

Раздался ударъ колокола. За нимъ другой, и третій... Было воскресенье, и звонили къ обѣднѣ.

— „Приди ты, немощный, приди ты, радостный“, — припомнилось Игнату. Онъ въ свое время учился въ школѣ. Батюшка и учитель всегда хвалили его за прилежаніе, и онъ былъ радостью для матери, которая утѣшалась его успѣхами. И теперь у Игната осталось кое-что отъ прежнихъ знаній. Немного, впрочемъ. — „Забывается“, говорилъ онъ самъ: — если бы читать!“ ...

— „Приди ты, немощный“, — продолжалъ думать Игнатъ: — и меня зовутъ въ храмъ. Дай зайду. Давно не бывалъ. Можетъ, и полегчаетъ на душѣ.

И онъ зашелъ въ ближайшую церковь.

Церковь была полна народу. Солнце косыми лучами прорѣзывало волны кадилаго дыма и красивыми блестками играло по золоту иконостаса, церковныхъ облаченій и утвари. Съ хоръ несло стройное пѣніе.

— „Блажени кротцыи“... пѣли на хорахъ: „Блажени алчущіи и жаждущіи правды... Блажени чистіи сердцемъ“... „Кроткіе... алчущіе... чистые“, — бессознательно повторялъ Игнатъ: — а я?

И представились ему всѣ гнусныя, отвратительныя картины его пьяной жизни...

— „Нѣтъ! Должно быть, не мѣсто мнѣ въ Божьемъ храмѣ, сказалъ Игнатъ: — не для меня онъ, отсталъ я отъ него. А въ былое время и я умѣлъ молиться. Сладко мнѣ бывало въ церкви. Радость и покой я здѣсь находилъ“ ...

* * *

Діаконъ вынесъ на амвонъ Евангеліе. Игнатъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и сталъ вслушиваться въ чтеніе. Раньше онъ всего больше любилъ слушать Евангеліе. Діаконъ читалъ о блудномъ сынѣ.

Счастливо жилъ сынъ въ родительскомъ домѣ. Ни въ чемъ не имѣлъ недостатка. Все нужное и полезное было у

него. Отецъ любилъ его и всячески заботился о немъ. Но подростъ сынъ, и тѣсно ему стало подъ одной кровлей съ отцомъ. Захотѣлось воли и свободы. Онъ беретъ у отца свою долю имѣнія и отправляется въ чужую, незнакомую страну. Здѣсь, вдали отъ отца, начинаетъ веселую разгульную „блудную“ жизнь. Но скоро расточаетъ взятая у отца богатства и впадаетъ въ крайнюю нищету. Пришлось приняться за грязную, непривычную работу и питаться вмѣстѣ съ свиньями, чтобы только не умереть съ голоду. И вспомнилъ блудный сынъ въ своихъ невзгодахъ о прежнемъ довольствѣ и счастьѣ подъ кровомъ любящаго отца. Горько ему стало. Понялъ онъ, что не нужно было уходить изъ отцовскаго дома. Не разумно поступилъ неопытный юноша: увлекся, заблудился... И вотъ въ душѣ его зарождается сначала несмѣлое желаніе, а затѣмъ созрѣваетъ твердая рѣшимость вернуться къ покинутому отцу, съ раскаяніемъ броситься къ его ногамъ, осудить себя на участь наемника... И блудный сынъ спѣшитъ къ отцу и такъ говоритъ ему:

„Отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою, и уже нѣсмь достоинъ нарецися сынъ твой: сотвори мя яко единого отъ наемникъ твоихъ“. Обрадовался отецъ возвращенію сына. Глубоко тронуло его искреннее раскаяніе блуднаго, и онъ немедленно приказываетъ рабамъ: изнесите одежду первую, и облецыте его, и дадите перстень на руку его и сапоги на носъ: и приведше телець упитанный заколите, и ядше веселимся: яко сынъ мой сей мертвъ бѣ, и оживе; и изгибль бѣ, и обрѣтесе. И начаша веселитися“.

Игнату давно знакома притча о блудномъ сынѣ, но теперь онъ слушалъ эту притчу какъ будто въ первый разъ. Теперь онъ ближе понималъ ее,—находилъ въ ней самого себя. Онъ самъ былъ блуднымъ сыномъ. Оставилъ бѣдную мать, любящую жену, крошекъ-дѣтей... Они голодаютъ, холодаютъ, а онъ пьянствуетъ, развратничаетъ... Богъ, церковь забыты... Совѣсть засыпаетъ... Крѣпче задумался Игнатъ надъ своею жизнью. Сильнѣе потянуло его къ прежней, хорошей

жизни, къ жизни разумной, трудовой, чистой. Вернуться бы вновь къ этой жизни!.. Вѣдь можно же было сдѣлать это блудному сыну?..

Обѣдня кончалась. „Приступите къ Нему и просвѣтите-ся, и лица ваша не постыдятся, слышались слова псалма: сей пищій воззва, и Господь услыша и, и отъ всѣхъ скорбей спасе и... Блаженъ мужъ, иже уповаеть на Нь... Взыскающіи Господа не лишатся всякаго блага. Приидите чада, послушайте мене, страху Господню научу васъ... Уклонися отъ зла, и сотвори благо“ ..

Съ глубокимъ вниманіемъ слушалъ Игнатъ, и благодатный призывъ псалмопѣвца находилъ откликъ въ его душѣ. Онъ стоялъ на колѣняхъ и глазами, полными сокрушенія и надежды, взиралъ на образъ Спасителя. „Азь упокою вы“, читалъ онъ на свиткѣ въ рукѣ Христа. Уста Игната шептали слова молитвы.

Священникъ вышелъ сдѣлать отпустъ. Игнатъ поднялся и подошелъ ко кресту. Ласковымъ, участливымъ взглядомъ посмотрѣлъ на фабричнаго старичекъ-священникъ. Онъ словно провидѣлъ думы Игната и его настроеніе.

— Зайду къ батюшкѣ,—рѣшилъ Игнатъ,—побесѣдую. Онъ, видно, добрый: посоветуетъ что - нибудь, поддержитъ меня, слабого.

* * *

— Да! Отъ грѣха подальше, говорилъ Игнату батюшка о. Аѣнногенъ, сидя въ своей скромной столовой за стаканомъ чаю:—и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Къ грѣху легко относиться нѣльзя. Онъ—что лѣсная трясина: смотришь на трясину,—цвѣтами покрыта, нарядная такая, красивая; а ступилъ на нее, и конецъ,—засосеть тина. Какъ можно скорѣе нужно броситься назадъ, а чѣмъ дальше идти, тѣмъ будетъ хуже и хуже. Грѣховная дорога гладка только сначала, а тамъ—ключки да острый камень... По-доброму, по-христіанскому хочешь ты сдѣлать, братъ. Бросай, бросай пьянство. Разумъ и со-

вѣсть—начальники въ нашей душѣ. Разъ они говорятъ, что жизнь твоя дурна, нужно ихъ послушаться. Нужно перемѣнить жизнь, исправить, улучшить.

— Я хорошо понимаю это, перервалъ Игнатъ: да, вѣдь, трудно передѣлать-то себя.

— Трудно? Но такъ и должно быть, отвѣчалъ батюшка. Отъ плоти нашей бываетъ трудно-то. Удовольствія, иѣги хочеть плоть наша. Противны ей воздержаніе и трезвость. Но, вѣдь, кромѣ плоти, въ тебѣ еще и духъ есть. Нельзя, значить, во всемъ повиноваться и слѣдовать влеченіямъ одной плоти. Вотъ и приходится бороться съ нею. *Сначала* тяжело это, потомъ— все легче да легче, а подъ конецъ плоть и совсѣмъ подчинится духу, будетъ у него въ послушаніи, и вся твоя жизнь пойдетъ по разуму да по совѣсти. Вѣдь, и святые не безъ борьбы достигали совершенства. Они уходили въ пустыни, молились, совершали тяжелые подвиги—и все для того, чтобы подавить плотскія страсти, закалить волю, воспитать и возвысить духъ. И намъ необходимо бороться съ грѣховными наклонностями и привычками. Таковъ законъ природы нашей: плоть хочеть одного, а духъ—другого. Нужно ихъ примирить. А такъ какъ духъ для насъ неизмѣримо дороже плоти, то и выходитъ, что плотскія желанія нужно ослаблять. Черезъ это будутъ усиливаться духовныя... Да! Безъ труда да безъ борьбы въ спасеніи души не обойтись. Ни къ чему доброму безъ нихъ не прійдешь. Вотъ, ты теперь на поворотѣ къ трезвой жизни. Ты *самъ*, на *собственномъ* опытѣ извѣдалъ гибельность пьянства. Чего-жъ лучше? Сейчасъ же и бросай прежнее пьянство. Не пей. Захочется выпить—крѣпись. Не иди въ трактиръ. Разъ навсегда забудь о немъ. Будутъ соблазнять пріятеля—стой на своемъ. *Ни на минуту не забывай*, что ты *самъ* понялъ вредъ водки и твердо *порѣшилъ* не пить больше. Имѣй предъ глазами примѣръ блуднаго сына. Онъ не заглушалъ въ себѣ добраго намѣренія исправиться, но поспѣшно „воставъ иде ко отцу“. Онъ не колебался и не медлил. Будь твердъ и ты. А станешь колебаться—призывай

помощь Божию. Молись. Воспоминай жизнь св. угодниковъ. У нихъ поучайся терпѣнію въ добродѣтели. Смотри, какъ они трудились надъ своимъ духовнымъ совершенствованіемъ. Я, вотъ, недавно былъ въ Кіевѣ. Тамъ въ пещерахъ есть мощи преп. Іоанна. „Многострадальнымъ“ онъ называется. Преп. Іоаннъ всю свою жизнь боролся со страстями и похотями плоти. Чтобы ослабить ихъ, онъ много и долго подвизался; наконецъ, всего себя по самую грудь закопалъ въ землю да такъ и остался въ ней до смерти. И до сихъ поръ нетлѣнное тѣло многострадальнаго подвижника стоитъ въ землѣ; только глава да руки видны изъ-подъ нея. Смотрѣлъ я на мощи преп. Іоанна и дивился. Вотъ гдѣ, думалось мнѣ, живой и вѣчный урокъ всѣмъ намъ, немощнымъ и лѣнностямъ! Вотъ какъ нужно укрѣплять волю и развивать духовную жизнь!... И сколько такихъ уроковъ можно найти въ жизни святыхъ!... Ты, вотъ, грамотный. Читай житія угодниковъ Божіихъ. Умудряйся ихъ великимъ опытомъ. Легче будетъ тебѣ тогда повернуть на правильную дорогу жизни и настойчивѣе будешь стремиться къ своей благой цѣли—исправиться и стать трезвымъ. Рѣже назадъ будешь оглядываться. Какъ часовая стрѣлка, пойдешь все впередъ и впередъ... Думаю, что будешь памятовать мои слова,—закончилъ свои наставленія о. Аѳиногенъ и тотчасъ же добавилъ:

— Не подумай, что непременно нужно истязать или умерщвлять свою плоть. Совсѣмъ нѣтъ! И не то я хотѣлъ сказать. Не нужно только, говорю я, давать плоти силу надъ духомъ, не нужно разнуздывать ее. Пусть она никогда не выходитъ изъ-подъ господства духа, изъ-подъ опеки разума и совѣсти...

Глубоко въ душу Игната запала простая, сердечная рѣчь старика-батюшки. Онъ пошелъ изъ квартиры о. Аѳиногена къ себѣ на фабрику словно перерожденный. На сердцѣ у него было легко, покойно, свѣтло. Какъ-то иначе, чѣмъ утромъ, смотрѣлъ Игнатъ и на все кругомъ. Городовые, торговцы, прохожіе, уличные мальчики казались ему такими хорошими, добрыми, счастливыми. Игнату хотѣлось сказать

каждому изъ нихъ что-нибудь радостное-радостное... Когда-то прежде Игнатъ чувствовалъ себя такимъ въ Свѣтлый праздникъ...

Прошло три съ половиной мѣсяца. Пріятели не узнаютъ Игната. Никакими средствами не заманишь его въ трактиръ. Не помогаютъ и насмѣшки. „Какъ дубъ“,—отзываются объ Игнатѣ товарищи. Въ будни Игнатъ за двоихъ работаетъ, а въ праздники ходитъ въ церковь, а потомъ на религіозныя чтенія. Читаетъ душеспасительныя и полезныя книжки. Еще на Святой послалъ домой письмо и 40 рублей денегъ, а къ лѣту и совсѣмъ уходитъ въ деревню. *Ник. К—овъ.*

О метрической записи крещаемых младенцевъ.

Метрическая запись, по существу своему, имѣетъ весьма важное значеніе, какъ свидѣтельство о правахъ гражданскаго состоянія, необходимое для каждаго въ разнообразныхъ условіяхъ его личнаго, семейнаго и общественнаго быта. Запись о рожденіи младенца въ метрическія книги заносится при крещеніи его обыкновенно со словъ воспріемниковъ. При крещеніи дѣтей прихожанъ метрическія записи крещаемыхъ не представляютъ затрудненій: если бы показанія воспріемниковъ о родителяхъ младенца показались почему-либо сомнительными, они легко могутъ быть провѣрены по исповѣднымъ росписямъ. Но могутъ быть случаи, когда къ священнику обратятся съ просьбою окрестить младенца проѣзжающіе, у которыхъ нѣтъ при себѣ никакихъ документовъ; или принесутъ окрестить подкидыша, родители котораго не извѣстны, или воспріемники, принесшіе младенца для крещенія, откажутся объявить имена родителей. Какъ тутъ быть, что тутъ дѣлать священнику?

По совѣту извѣстнаго канониста прот. Чижевскаго (ст.: „По вопросу о метрической записи крещаемыхъ младенцевъ“,

„Рук. для сел. паст“. 1900 г., № 43, стр. 187), въ такихъ случаяхъ священникъ „долженъ сообщать полиціи и просить послѣднюю сдѣлать дознаніе о личности родителей младенца, и полиція никогда въ этомъ не отказываетъ“. Въ подстрочномъ примѣчаніи къ статьѣ прот. Чижевскій объясняетъ: „для полиціи такое дознаніе сдѣлать легко, допросивши воспріемниковъ или лицъ, принесшихъ младенца для крещенія. Также точно священникъ проситъ полицію истребовать документы родителей младенца, если они или воспріемники не представили этихъ документовъ, — что полиція также всегда удовлетворяетъ“.

Когда же крестить младенца—до собранія полиціей свѣдѣній о личности родителей или послѣ? Если не крестить до собранія свѣдѣній,—для чего, понятно, потребуется не мало времени, — то младенецъ въ это время можетъ умереть безъ крещенія, въ особенности, если онъ подметный и пролежалъ на улицѣ, быть можетъ, цѣлую ночь. Тогда кто будетъ виновать?—Разумѣется священникъ.

„Въ случаѣ опасной слабости младенца (а кто, кромѣ врача, можетъ опредѣлить состояніе его здоровья?), буде священника нѣтъ, можетъ и мірянинъ окрестить, то есть, погрузивъ въ водѣ, выговорить формулу: *крещается рабъ (или раба) Божій во имя Отца* и проч. Міряниномъ однакоже учиненное такое крещеніе, если не умретъ младенецъ, долженъ пресвитеръ совершить молитвами и прочими обрядами, до крещенія принадлежащими“. („О должн. пресвит. пр. § 84). Такъ важно крещеніе младенца, что, въ случаѣ нужды, не только можетъ, но и долженъ совершить его даже мірянинъ, и не только безъ соблюденія юридическихъ формальностей, а и съ опущеніемъ чина крещенія. Иначе — „чимъ-бо нерадѣніемъ младенецъ не крещень умретъ, того правило 68 Номоканона отлучаетъ отъ причастія на три лѣта съ поклонами на всякъ день по 200 и постомъ въ понедѣльникъ, среду и пяткъ во всякую седмицу“ (тамъ же). И это относится и къ мірянину, допустившему младенца умереть безъ крещенія.

„Подметныхъ дѣтей, если достовѣрнаго извѣстія нѣтъ, крещены-ль, или ни, хотя-бъ и хартія при нихъ нашлась, свидѣтельствующая, что крещены: однакъ безъимянная и не именующая священника, который крестилъ, безъ сумнѣнія надлежитъ крестить, по правиламъ собора Кароагенскаго 73, Вселенскаго шестаго 85. Петръ Могила митрополитъ Кіевскій въ Требникѣ своемъ поучаетъ: „Не безприлично такового крестя, при самой формѣ прибавить такимъ образомъ: крещается рабъ Божій, аще не крещенъ есть, во имя Отца и проч“. (тамъ же, § 86).

„Священникъ, по нерадѣнію допустившій умереть младенца безъ крещенія, отрѣшается отъ мѣста и опредѣляется въ причетники“ (Уст. дух. конс., § 183). Священника, не крестившаго младенца неизвѣстныхъ родителей, развѣ не могутъ обвинять въ нерадѣніи, въ случаѣ смерти младенца до крещенія? Развѣ не могутъ доказывать и доказать, что младенецъ былъ крайне слабъ, и что священникъ, и, хотя бы и съ цѣлію исполненія формальностей, не обратилъ на это должнаго вниманія? Что же тогда выйдетъ? — Судъ и дѣло. И если по суду будетъ доказано, что священникъ дѣйствительно по нерадѣнію не обратилъ должнаго вниманія на слабость младенца, тогда онъ понесетъ кару, опредѣленную въ вышеизложенномъ § Уст. дух. конс.—и только лишь изъ-за соблюденія одной формальности. Что же лучше допустить—несоблюденіе формальности и неправильную запись въ метричѣ, или смерть младенца безъ крещенія? — Дѣло ясно само по себѣ: за первое полагается замѣчаніе, выговоръ, штрафъ, за второе—отрѣшеніе отъ мѣста, низведеніе въ причетники.

Допустимъ, что священникъ оправдается.—Но чего стоитъ состоять подъ чисто уголовнымъ судомъ и долгое, быть можетъ, время ожидать себѣ возможной грозной кары?... А сознаніе своей виновности предъ совѣстью, предъ Богомъ и предъ самимъ младенцемъ, которому онъ, изъ-за исполненія формальности, затворилъ двери царства небснаго?...

Если же крестить младенца до получения полицейскихъ свѣдѣній о родителяхъ младенца, то для чего тогда и свѣдѣнія собирать?—Ясно, для того, чтобы внести ихъ въ метрическія книги, чтобы запись была точная, опредѣленная и вѣрная. Но въ такомъ случаѣ запись придется вносить въ метрики чрезъ нѣсколько дней, недѣль, а, можетъ быть, и мѣсяцевъ послѣ совершенія крещенія, что будетъ совершенно противозаконно. Въ § 41 Благочиннической инструкции предписывается, чтобы „исправленная треба (крещеніе и погребеніе) тотчасъ записана была въ метрическую книгу, и тому лицу, у котораго исправлена была треба, выдано было свидѣтельство за подписомъ членовъ причта и приложеніемъ церковной печати“. „За означеніе родившихся, сочетавшихся бракомъ и умершихъ въ метрическихъ книгахъ не непосредственно послѣ исправленія относящихся къ каждому случаю духовныхъ требъ, какъ сіе предписано въ законахъ о состояніяхъ (кн. 11, разр. 1, § 1), а по протеченіи времени болѣе или менѣе продолжительнаго, на память, или по показаніямъ семействъ, или по какимъ-либо отдѣльнымъ запискамъ, виновные священно-и церковно—служители подвергаются наказаніямъ, или взысканіямъ, опредѣленнымъ за сіе въ уставѣ дух. консисторій“ (Практ. рук. для священнослуж. о крещеніи, прим. къ § 84. Хойнацкаго).

Да и какъ, подъ какимъ числомъ того или иного мѣсяца и подъ какимъ № записывать? Подъ тѣмъ ли числомъ, когда дѣйствительно крещень младенецъ? или подъ тѣмъ, когда получены полицейскія свѣдѣнія о родителяхъ младенца?—Но въ первомъ случаѣ въ метрическихъ книгахъ выйдетъ путаница и неисправность, потому что послѣ крещенія такого младенца могло быть совершено и записано въ метрику нѣсколько другихъ крещеній, вслѣдствіе чего число крещенія того младенца, а равно и № по порядку, остались позади. Во второмъ случаѣ выйдетъ подлогъ. А если полиція почему-либо вовсе не доставитъ требуемыхъ свѣдѣній, то въ метригѣ

окажется пропускъ записи крещенія младенца, что выйдетъ хуже неправильной записи.

Но какъ же записывать при крещеніи младенцевъ, имена родителей которыхъ не извѣстны?— „Нѣкоторые изъ священниковъ,—говорить прот. Хойнацкій въ своемъ Практическомъ руководствѣ для пастырей, — недоумѣваютъ иногда, какъ записывать въ метрическихъ книгахъ о крещеніи подкидышей или найденыхъ, а также дѣтей, крещенныхъ въ случаяхъ надобности повивальными бабками и т. п. Чтобы, по возможности, правильнѣе дѣлать это, для сего при записи о крещеніи найденыхъ или подкидышей всего лучше наблюдать примѣрно слѣдующую форму: въ графахъ о днѣ и мѣсяцѣ рожденія, если при подкинутомъ или найденномъ младенцѣ не было никакой записки, означить время его рожденія приблизительно, принимая во вниманіе его ростъ и величину, по обыкновенному соображенію; конечно, если при этомъ случится записка, то можно обозначить время рожденія и по этой запискѣ; затѣмъ въ графѣ о званіи, имени и фамиліи родителей и пр. можно писать такъ: „изъ подкинутыхъ (или найденныхъ), а потому родители его (или ея), ни ихъ званіе и вѣроисповѣданіе не извѣстны“. Въ остальныхъ графахъ все должно быть записываемо по обычаю“ (§ 56). Конечно, въ гражданскомъ правовомъ отношеніи такая запись крещенному ничего не принесетъ: онъ остается выдѣленнымъ изъ всѣхъ званій и состояній; но что же дѣлать? — Вина въ этомъ лежитъ не на священникѣ, а на самихъ родителяхъ, бросившихъ своего ребенка на произволь судбы.

Священникъ, по словамъ прот. Чижевскаго, не есть только учитель православныхъ христіанъ, совершитель богослуженія, таинствъ и мірскихъ требъ, но является вмѣстѣ съ тѣмъ и гражданскимъ чиновникомъ, котораго епархіальное начальство за неисправное веденіе метрическихъ книгъ подвергаетъ взысканіямъ, опредѣленнымъ въ 192 и 193 ст. Устава дух. консисторій; а потому онъ совѣтуетъ священнику быть осторожнымъ при записи въ метрическую книгу

событій рожденія и крещенія, чтобы не подпасть взысканіямъ, опредѣленнымъ въ вышеозначенныхъ статьяхъ Уст. дух. конс. Что же сказано въ этихъ статьяхъ?—Въ ст. 192 говорится: „Неисправное веденіе приходорасходныхъ книгъ священнослужителями и причетниками наказывается выговоромъ, или денежною ценою, смотря по степени неисправности“. Очевидно, здѣсь и рѣчи нѣтъ о веденіи метрическихъ книгъ. Въ ст. 193 сказано: „Тому же наказанію подвергаются священнослужители и причетники за неисправное веденіе метрическихъ книгъ, исповѣдныхъ росписей и обыскныхъ книгъ. Впрочемъ неоднократно замѣченная въ семъ неисправность, соединенная съ явнымъ нерадѣніемъ или неблагонамѣренностью, подвергаетъ виновныхъ священниковъ отрѣшенію отъ мѣста и опредѣленію на мѣста причетническія“. Но развѣ окрестить младенца, званіе и имя родителей котораго неизвѣстны, составляетъ преступленіе?—А запись крещенаго въ формѣ, указанной прот. Хойнацкимъ, составляетъ неисправность, соединенную съ явнымъ нерадѣніемъ или неблагонамѣренностью? Очевидно, тутъ нѣтъ никакой неисправности, тѣмъ болѣе —соединенной съ нерадѣніемъ или неблагонамѣренностью, и наказывать священника за такую запись нѣтъ никакого основанія, тѣмъ болѣе, что вопросъ о записи приносимыхъ для крещенія младенцевъ, родители которыхъ неизвѣстны, по сознанію самаго прот. Чижевскаго, не разъясненъ. „Желательно, говоритъ онъ, чтобы вопросъ этотъ разъясненъ былъ Св. Синодомъ, и самое разъясненіе было напечатано ко всеобщему свѣдѣнію и руководству въ оффиціальной части журнала „*Церковныя Вѣдомости*“.

„Что (касается) до записыванья дѣтей, крещеныхъ повивальными бабками, говоритъ прот. Хойнацкій, то на это есть старинное правило въ постановленіяхъ Большого Московскаго собора 1666—67 годовъ, который, предписывая завести при церквахъ метрическія книги, между прочимъ указываетъ слѣдующее: „аще отроча въ дому, належащія ради смертныя бѣды, крещено будетъ, тогда да написано бу-

дѣть: Крестила (по причинѣ смертной опасности) истинно во благоговѣніи извѣстная баба... имя рекъ"... Это, очевидно, такая форма, лучше которой нельзя придумать; священникамъ остается только, въ случаѣ восполненія оставленныхъ обрядовъ крещенія надъ младенцемъ выздоровѣвшимъ, присоединить къ этому: „по случаю же выздоровленія младенца—миропомазаль его, съ восполненіемъ прочихъ обрядовъ крещенія по чину, священникъ NN“.

Іерей.

Мѣры къ воздѣйствию на раскольниковъ.

Комиссія по дѣламъ раскола въ Архангельской епархіи рекомендуетъ причтамъ раскольническихъ приходовъ слѣдующее: а) совершать поминовеніе умершихъ въ православіи прихожанъ въ дни воскресные и праздничные и за годовыми литургіями въ продолженіе цѣлаго года, если гдѣ таковыя поминовенія не введены; б) въ дни 9, 20 и 40 со дня смерти православнаго прихожанина, если не совершаются заказныя литургіи въ тѣ дни, вводить въ обычай совершеніе панихидъ по таковомъ умершемъ, предваряя оныя панихиды благовѣстомъ на колокольнѣ съ трезвономъ въ обычное время для извѣщенія всѣмъ вообще прихожанамъ о совершающемся въ церкви богомоленіи. О введеніи такового обычая священники обязаны разъяснить прихожанамъ заблаговременно; в) совершать по возможности литургіи съ цѣлью поминовенія умершихъ и въ субботніе дни въ продолженіе цѣлаго года; г) не уклоняться отъ служенія панихидъ по покойникамъ на дому, когда о томъ просятъ родственники ихъ. Принудительныя какія-либо мѣры со стороны причта при этомъ дѣлѣ не позволительны; д) причты обязательно должны провожать тѣло умершаго изъ церкви на кладбище, а также, гдѣ возможно и удобно по разстоянію, и изъ дома въ церковь, и е) наконецъ, священники должны имѣть неослабное попеченіе о тѣхъ

болящихъ и престарѣлыхъ православныхъ прихожанахъ, которые живутъ среди раскола, и которымъ можетъ грозить наибольшая опасность совращенія въ расколъ со стороны раскольствующихъ родственниковъ. Вышеозначенныхъ своихъ прихожанъ пастырь церкви долженъ имѣть постоянно въ виду и посѣщать ихъ какъ можно чаще, для уясненія себѣ религіознаго ихъ положенія, а также для напутствованія ихъ св. тайнами. Эта заботливость со стороны пастыря о своихъ немощныхъ насомыхъ высоко подниметъ авторитетъ священника въ глазахъ прихожанъ, а раскольническіе „наставники“ и „отцы“, которые также пользуются случаями болѣзни для своего дѣла—совращенія православныхъ въ расколъ, потеряютъ всякое значеніе и сами перестанутъ посѣщать въ данномъ случаѣ таковыхъ лицъ. (Кормчій) 1903 г., № 49).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Кирилль.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 27 января 1904 г.

Цензоръ, священникъ *Ѳ. Титовъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 6

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, февраля 8-го.

Содержаніе: Взглядъ св. Іоанна Златоустаго на пастыря, какъ лицо священнодѣйствующее, и на отношеніе пасомыхъ къ священнослуженію пастыря (окончаніе).—Отчего гаснутъ свѣтильники?—По поводу современныхъ стремленій членовъ сельскихъ причтовъ просить себѣ мѣста при городскихъ церквахъ.—Наблюденія и замѣтки сельскаго священника.

Взглядъ св. Іоанна Златоустаго на пастыря, какъ лицо священнодѣйствующее, и на отношеніе пасомыхъ къ священнослуженію пастыря¹⁾.

Дѣятельность пастыря, какъ тайносовершителя, имѣть цѣлю—низводить на вѣрующихъ благодатные дары, безъ которыхъ не возможно ни начало, ни послѣдующій ростъ христіанской жизни. Всѣ священнодѣйствія и молитвословія христіанскаго богослуженія, вся видимая сторона послѣдняго отвѣчаетъ этой великой и важной цѣли; но она имѣетъ еще и другое назначеніе. Необходимымъ условіемъ дѣйственности

¹⁾ См. № 4 с. г.

таинствъ или того, чтобы благодать Св. Духа воздѣйствовала на вѣрующаго, является молитвенное настроеніе послѣдняго. Это настроеніе столь важно, что безъ него таинство, при всей своей дѣйствительности, можетъ быть не дѣйственнымъ въ отношеніи приступающаго къ нему человѣка. Христіанское богослуженіе, будучи видимымъ знакомъ таинственнаго воздѣйствія на человѣка благодати Божіей, служитъ еще объективнымъ средствомъ, или условіемъ, для возбужденія въ вѣрующихъ молитвеннаго настроенія, какъ субъективнаго состоянія; къ этому приспособлены всѣ священнодѣйствія и молитвословія христіанскаго богослуженія, и съ этой точки зрѣнія они имѣютъ глубокой—не только религіозный, но и психологическій смыслъ. Отсюда — самый храмъ является школой христіанскаго образованія и воспитанія, училищемъ благочестія. Пастырь, являющійся при совершеніи христіанскаго богослуженія самымъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, можетъ или понижать, или повышать указанное значеніе христіанскаго храма и совершаемыхъ въ немъ таинодѣйствій. Это зависитъ отъ того расположенія и настроенія, съ какими самъ пастырь будетъ совершать богослуженіе. Вдохновленный пастырь, весь проникнутый благоговѣніемъ къ таинодѣйствіямъ, совершаетъ богослуженіе съ чувствомъ религіознаго одушевленія и въ силу этого производитъ на вѣрующихъ неотразимое впечатлѣніе. Присутствующіе невольно увлекаются такимъ пастыремъ и сами проникаются молитвеннымъ настроеніемъ. Напротивъ, пастырь, безучастно относящійся къ совершаемому имъ богослуженію, сообщаетъ вялость своего настроенія и вѣрующимъ. Такой пастырь дѣйствуетъ на присутствующихъ за богослуженіемъ подобно усыпляющему средству, и нужно много молитвеннаго огня, и главное — вниманія къ самымъ священнодѣйствіямъ, чтобы не поддаться такому вліянію со стороны пастыря. Вотъ почему весьма важное значеніе придается (и придавалось) личности пастыря, и при его избраніи заповѣдуются обращать большое вниманіе на его благочестивую настроенность, или благоговѣніе. По этому же са-

тому и св. Златоустъ требуетъ отъ священника особенныхъ качествъ и именно—такихъ, которыя, обнаруживаясь при богослуженіи, способствуютъ возбужденію молитвеннаго настроенія въ сердцахъ вѣрующихъ. Но съ какимъ бы благоговѣніемъ и воодушевленіемъ ни исполнялъ священникъ свои обязанности тайносовершителя, какъ бы поведеніе его ни располагало къ молитвенному настроенію, послѣднее не зависитъ исключительно отъ него. Это настроеніе, какъ субъективное (и даже субъективнѣйшее) состояніе, создается и питается не одними внѣшними, хотя бы и духовными, средствами, но едва ли не болѣе всего—собственными усиліями чело-вѣка. Если чело-вѣкъ не желаетъ проникнуться молитвеннымъ настроеніемъ, если онъ занятъ совѣмъ иными мыслями и чувствами и, находясь при тайнодѣйствіяхъ, мыслями и сердцемъ блуждаетъ далеко за стѣнами святаго мѣста, то его не тронетъ и благоговѣннѣйшій служитель алтара, потому что вниманіе такого чело-вѣка будетъ закрыто для впечатлѣній, идущихъ со стороны священника. Поэтому, каждый вѣрующій долженъ желать молитвеннаго настроенія, долженъ свободно открывать свою душу и сердце для тѣхъ теченій, которыя идутъ и отъ тайнодѣйствій, и отъ храма со всею его обстановкой, и отъ благоговѣнно настроенной личности священника, совершающаго богослуженіе. Вниманіе его должно быть сосредоточено именно на этихъ ближайшихъ предметахъ—и только. Внѣшнему воздѣйствію долженъ отвѣчать внутренній духовный актъ воли. Если для того, чтобы услышать какой-либо звукъ, нужно въ его сторону обратить ухо и сосредоточить свое вниманіе, то еще большая энергія требуется со стороны чело-вѣка въ дѣлѣ духовныхъ воспріятій, когда нужно приготовить мѣсто для Самого Христа или св. Духа, потому что таинственное дѣйствіе благодати Божіей совершается не внѣшнимъ, механическимъ способомъ, а чисто внутреннимъ, духовнымъ, въ горнилѣ совѣсти и подъ непремѣннымъ условіемъ свободнаго произволенія чело-вѣка, его искренней готовности принять это таинственное посѣщеніе.

Итакъ, въ силу того, что необходимымъ условіемъ воздѣйствія на вѣрующаго благодати Божіей является молитвенное настроеніе самого вѣрующаго, которое, какъ субъективное состояніе, создается, главнымъ образомъ, самимъ вѣрующимъ при помощи христіанскаго богослуженія и примѣра священника, — дѣятельность послѣдняго, какъ тайносовершителя, можетъ быть плодотворной только подъ условіемъ искренняго и активнаго отношенія къ ней самихъ пасомыхъ.

Св. Златоустъ, высоко цѣнившій эту дѣятельность пастыря Церкви и считавшій ее особенно спасительною для вѣрующихъ, много говорилъ о томъ настроеніи, которое ему желательно было видѣть среди присутствующихъ за богослуженіемъ, и которое было такъ необходимо для таинственнаго воздѣйствія благодати Божіей на душу вѣрующаго. Самъ глубоко вѣрующій и искреннѣйшій человѣкъ, готовый всею душою отдаться всякому возвышенному чувству, онъ къ тому же побуждалъ и своихъ слушателей. Въ своихъ побужденіяхъ къ этому онъ былъ неистощимъ и производилъ на слушателей сильное впечатлѣніе. Не будемъ перечислять всего того, что св. отецъ предлагалъ своимъ слушателямъ въ качествѣ побужденій къ сосредоточенному молитвенному настроенію, потому что эта область слишкомъ обширна и потребовала бы много времени и мѣста для своего полного изслѣдованія, хотя въ сущности по содержанію своему не представляетъ чего-либо оригинальнаго. Тутъ встрѣчаются всѣ обычныя побужденія, заимствованныя и отъ святости мѣста и величія таинодѣйствій, и отъ спасительности и необходимости благодати и т. д. Но, обычныя по своему содержанію (или предмету), побужденія этого рода (т. е. направленные къ возбужденію въ вѣрующихъ молитвеннаго настроенія) проникнуты одной идеей и запечатлѣны однимъ духомъ. Всѣ они говорятъ объ одномъ и томъ же, всѣ они сосредоточиваютъ сознаніе слушателя и читателя на одной мысли — что христіанскій храмъ со всѣми его принадлежностями и совершаемымъ въ немъ богослуженіемъ есть особое, необычайное

мѣсто, есть иной, высшій міръ, спасительный для христіанской души. Если въ „мірѣ семь“ на каждомъ шагу можно встрѣтить соблазнъ для души, то въ храмѣ Божіемъ возможно одно только назиданіе; если тамъ все говоритъ о жизни внѣшней, плотской и низшей, то въ храмѣ слышится призывъ исключительно къ жизни внутренней, духовной и высшей. Этотъ „иной міръ“ на грѣшной землѣ такъ устроенъ, что, кромѣ спасительнаго, другого значенія для человѣка имѣть не можетъ. Не говоря о таинствахъ и вообще о внутренней сторонѣ богослуженія, въ христіанскомъ храмѣ всякая принадлежность — повидимому, даже незначительная — имѣетъ, однако, по словамъ св. Златоуста, важное значеніе, такъ какъ или напоминаетъ, или знаменуетъ какое-либо событіе изъ христіанской исторіи. Если кто захочетъ искать примѣровъ для поддержанія, то въ этомъ отношеніи христіанскій храмъ представляетъ цѣлый сонмъ великихъ мужей, представителей всякихъ добродѣтелей и въ самыя разныя времена человѣческой жизни, при всевозможныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ ея. Никто, поэтому, не можетъ пожаловаться, что для него нѣтъ посильнаго и подходящаго примѣра; пусть только каждый искренно пожелаетъ подвизаться въ добродѣтели, а примѣръ ему найдется.

Итакъ, христіанскій храмъ со всеѣмъ своимъ содержаніемъ носитъ, по мнѣнію св. Златоуста, печать высшей жизни и есть до нѣкоторой степени предверіе жизни небесной. Отсюда яснымъ становится, почему св. отецъ, говоря о христіанскомъ храмѣ и богослуженіи, съ особенной силой подчеркивалъ мысль о храмѣ, какъ особомъ мірѣ, отличномъ отъ „міра сего“. Во-первыхъ, эта глубокая мысль, воспринятая сознаниемъ слушателей, не могла остаться мертвою, но, естественно, послужила бы основаніемъ и источникомъ возвышеннаго взгляда на богослужебную сторону христіанской вѣры, что, въ свою очередь, благотворно повліяло бы на установленіе нормальныхъ отношеній къ дѣятельности пастыря, какъ тайносовершителя, со стороны пасомыхъ. Въ сознаниі вѣ-

рующихъ эта мысль была бы, такимъ образомъ, сильнѣйшимъ побужденіемъ для серьезнаго отношенія къ христіанскому богослуженію, и что особенно хорошо—это отношеніе создалось бы въ вѣрующихъ совершенно свободно, путемъ самостоятельнаго духовнаго процесса, и потому было бы прочно. Съ другой стороны, всякія завѣщанія и наставленія св. Златоуста, направленные къ воспитанію въ вѣрующихъ любви къ храму и богослуженію, отъ этой мысли получали твердое обоснованіе и могли оказаться безплодными только въ отношеніи къ закоренѣлому человѣку, не желавшему при сужденіи о храмѣ стать на указанную точку зрѣнія. Но зато для другихъ, особенно тѣхъ, которые, утомляясь житейской суетою, жаждали душевнаго успокоенія и сердечной улады, мысль о христіанскомъ храмѣ, какъ „особомъ мірѣ“, была (по крайней мѣрѣ, могла и можетъ быть) весьма отрадной.

Развивая эту мысль о храмѣ, св. Златоустъ, кромѣ того, давалъ и частныя наставленія о поведеніи христіанъ въ домѣ Божіемъ. Во всѣхъ этихъ наставленіяхъ слышится, въ сущности, одинъ призывъ—призывъ къ духовной самособранности и сосредоточенности на предметахъ божественныхъ тайнодѣйствій. Каждый вѣрующій долженъ всецѣло погружаться въ этотъ своеобразный міръ христіанской жизни и проникаться его религіозно-мистическимъ духомъ,—таковъ смыслъ всѣхъ разсужденій св. отца о поведеніи въ храмѣ. Нечего, конечно, говорить о томъ, что онъ желалъ видѣть своихъ пасомыхъ постоянными посѣтителями храма,—это само собою понятно,—нѣтъ онъ желалъ отъ своихъ слушателей гораздо большаго. Св. Златоустъ сознавалъ, что ему одному трудно и даже не возможно вліять на каждаго изъ пасомыхъ отдѣльно и одного изъ нихъ призывать къ постоянному или, по крайней мѣрѣ, частому посѣщенію церковныхъ собраній, другого—къ приличному поведенію въ храмѣ и т. п. Между тѣмъ, нужно было заботиться о спасеніи всякой души, потому что за каждаго надлежало дать отчетъ предъ Господомъ. Единственный выходъ изъ столь труднаго положенія онъ ви-

дѣль въ помощи себѣ со стороны пасомыхъ, наиболѣе исправныхъ посѣтителей церковныхъ собраний. Поэтому, св. Златоустъ всегда обращался къ нимъ и горячо убѣждалъ вліять на тѣхъ изъ своихъ ближнихъ, которые или совсѣмъ не посѣщали церковныхъ собраний, или же, посѣщая ихъ, вели себя разсѣянно, разговаривали, смѣялись, вообще вели себя неблагопристойно и только другимъ мѣшали пребывать въ молитвенномъ настроеніи ¹⁾). Не всѣ, конечно, рѣшились брать на себя эту довольно щекотливую обязанность, — многіе и даже очень многіе—уклонялись отъ нея, и св. Златоустъ сильно обличалъ этихъ послѣднихъ. Указывая, по своему обыкновенію, массу побужденій для такой дѣятельности пасомыхъ въ отношеніи своихъ слабыхъ ближнихъ, св. отецъ въ заключеніе разсужденій слагалъ съ себя отвѣтственность за погибель этихъ душъ на тѣхъ, которые не внимали его увѣщаніямъ и не радѣли о своихъ ближнихъ. Оправданіе для себя онъ находилъ въ томъ, что въ христіанской церковной общинѣ, какъ и въ человѣческомъ организмѣ, между членами должна быть постоянная взаимопомощь и круговая порука, въ силу чего отвѣтственными за здоровье организма (и его членовъ) являются всѣ члены организма, а не одна голова ²⁾).

Заботясь о непрестанномъ посѣщеніи пасомыми церковныхъ собраний и о благоговѣйномъ поведеніи присутствующихъ за богослуженіемъ, св. Златоустъ не ограничивалъ эти заботы предѣлами храма, но простиралъ свою пастырскую ревность и за его предѣлы. Онъ готовъ былъ возвратить золотое время христіанской эры—время Іерусалимской общины, когда дома христіанъ были храмами, и глубоко скорбѣлъ,

¹⁾ Бес. на Кн. Дѣяній, ч. I, б. 24, стр. 440—444. Спб. 1856 г.

²⁾ Бес. на Дѣян., ч. II, стр. 144—148; Спб. 1857 г.; Слова, т. II, стр. 511—512; Бес. на I Кор. ч. I, стр. 175—179. Спб. 1858 г., ч. II, стр. 49—56; 152—160; 172—174; Бес. на Гал., стр. 168—170; М. 1842 г., Бес. на 2 Кор., стр. 388—393, М. 1843 г., Бес. на Ефес., стр. 168—178; 229—230; Спб. 1858 г. Бес. на Ев. Іоан, ч. II, стр. 444—448; Слов., т. III, стр. 142—144; 470—481, и мн. др.

что въ его время наблюдалось обратное явленіе—самый храмъ обращался въ мѣсто купли—продажи¹⁾.

Это благочестивое желаніе св. отца имѣло далеко не мало важное основаніе. Какъ ни полезно посѣщать храмъ Божій, но одни эти посѣщенія недостаточны для удовлетворенія религіозныхъ потребностей и для воспитанія прочнаго молитвеннаго настроенія, потому что посѣщенія эти непродолжительны и впечатлѣнія отъ нихъ могутъ быть не настолько глубоки, чтобы сообщать человѣку молитвенное (благоговѣйное) настроеніе на цѣлый день, тѣмъ болѣе, что за стѣнами храма на человѣка устремляется бурная волна житейской суеты. Между тѣмъ, въ цѣляхъ религіознаго воспитанія желательно наиболѣе продолжительное дѣйствіе на человѣка христіанскаго храма и богослуженія. И св. отецъ желалъ, чтобы такое дѣйствіе простиралось на вѣрующихъ и дома. Само собою понятно, что священнику это дѣло было не совсѣмъ по силамъ: съ него было вполнѣ достаточно и тѣхъ трудовъ, которые онъ совершалъ въ стѣнахъ храма; продолженіе благотворнаго воздѣйствія храма на душу вѣрующихъ внѣ его должно было лежать, по мысли св. отца, на обязанности самихъ уже пасомыхъ. Вслѣдствіе этого, св. Златоустъ очень часто рисовалъ предъ своими слушателями картину жизни благочестиваго христіанина, который, помолившись въ храмѣ Божіемъ и пришедши домой, отдыхаетъ, а потомъ вмѣстѣ съ своими домашними и сосѣдями занимается или благочестивыми разговорами о лицахъ и событіяхъ христіанской Церкви, или же чтеніемъ божественныхъ и духовно-нравственныхъ книгъ. Онъ желалъ видѣть подобную картину въ каждой христіанской семьѣ и былъ увѣренъ, что такое проведеніе времени послѣ присутствія за богослуженіемъ можетъ не только поддерживать въ христіанинѣ молитвенное настроеніе, полученное въ храмѣ, но и усиливать его.

¹⁾ Бес. на 1 Кор., стр. 289 и до конца; Бес. на Дѣян., ч. I, стр. 440—444 и др.

Итакъ, св. Златоустъ, предъявляя строгія требованія къ священнику, какъ тайносовершителю, не освобождаетъ отъ трудовъ и пасомыхъ; онъ желалъ видѣть послѣднихъ не только исполнительными посѣтителями храма, но главное—искренними любителями христіанскаго богослуженія и носителями церковности; онъ желалъ, чтобы церковность христіанъ не была простымъ и временнымъ обрядовымъ благочестіемъ, а соединялась съ глубокимъ религіознымъ чувствомъ и покоилась на искренней душевной настроенности, т. е. имѣла психологическую основу и была постоянною. Стало быть, на церковность св. отецъ смотрѣлъ, какъ на стихію, необходимую для роста христіанской жизни, корящейся въ совѣсти чловѣка и обнаруживающей во виѣшнихъ поступкахъ и поведеніи. Поэтому-то, онъ и хотѣлъ, чтобы эта стихія пребывала не въ одномъ храмѣ, а и въ домѣ, и чтобы она была обычной атмосферой, потребной для жизни христіанскаго духа. Послѣднее же возможно только при постоянной и искренней самодѣятельности христіанъ. Вотъ причина, по которой св. отецъ въ пасомыхъ хотѣлъ видѣть усердныхъ помощниковъ священника, какъ тайносовершителя. Въ развитіи этой мысли онъ остался вѣрнымъ своему основному взгляду на пастырство (вообще), какъ на такое дѣло, которое можетъ быть плодотворнымъ только при взаимодействіи пастыря и пасомыхъ¹⁾.

К. Б.

¹⁾ О посѣщеніи церк. собраній и о поведеніи въ нихъ христіанъ св. Златоустъ подробно говоритъ въ слѣд. мѣстахъ своихъ твореній: Бес. на Ев. Іоанн., ч. I, стр. 731—3; ч. II, стр. 53; 235—6; Слов., т. III, стр. 493—9; 514—516; Бес. къ Ант. нар., т. I, Сиб. 1848 г., стр. 224—5; 381—8; 399—400; Бес. на равн. м. Св. Пис., т. I, стр. 190—206; 422—7; 557—561; 579—581; Бес. на Дѣян., ч. II, стр. 23—26; на Пс., т. I, стр. 165—6; т. II, стр. 49, 284; Бес. къ Ант. нар., т. II, Сиб. 1849 г., стр. 361, 409, 559, 561, 579—582; Бес. на кв. Быт., ч. I, стр. 4—5; на 1 Кор., ч. II, бес. 36 (съ пол. и до конца); 2 Солун., стр. 44. 46—48; на Евр., стр. 265—267; на разн. м. Св. Пис., т. II, стр. 387—403.

Отчего гаснуть свѣтильники?

„Семинарія должна воспитать и приготовить будущаго пастыря къ идейному служенію въ приходѣ, должна вдохнуть въ него душу живую; влить въ него огненную ревность о Богѣ и Его народѣ; всѣмъ своимъ строемъ громко и неустанно будить въ немъ наилучшія чувства и порывы, чтобы въ концѣ концовъ вывести его на жизненную арену въ полной боевой готовности апостола любви и подвижника долга. Это—святая обязанность всѣхъ, стоящихъ у семинарскаго образованія, на нихъ мы не лишены права возложить значительную (если не наибольшую) часть отвѣтственности за то, если ихъ питомецъ, выйдя на дѣланіе Христово, поторопится съ легкою душою надѣсть на себя унижительное одѣяніе лукаваго и лѣниваго наемника“ ¹⁾...

Прочитавъ эти слова, мы невольно задумались... Какія прямая, вѣрная, горячія и... жестокія слова! И намъ, какъ и автору ихъ, стало больно и грустно.

Уже не въ первый разъ и не случайно, а часто и какъ бы систематически, особенно въ послѣднее время, раздаются такія обвиненія по адресу стоящихъ у дѣла семинарскаго образованія. Они же молчатъ, потому что привыкли слушать и переносить. И молча несутъ они тяжелый, изнурительно тяжелый трудъ образованія будущихъ пастырей церкви; и только иногда изъ измученнаго сердца вырвется вопль: „доколѣ, Господи, доколѣ!“

Пастыри плохи: они не горятъ яркимъ свѣтильникомъ на свѣщницѣ своего прихода, „а питаютъ своею дѣятельностью только судебную консисторскую литературу“: они „тусклы и чадаютъ вмѣсто того, чтобы свѣтить и грѣть“ ²⁾: отчего же примеркаютъ и гаснутъ свѣтильники? Нечѣмъ ихъ запра-

¹⁾ Курсивъ нашъ. Руководство для сельск. пастырей, № 11-й, стр. 318. Изъ дневника священника.

²⁾ Тамъ же, стр. 317.

вить или не отъ чего зажечь? На стоящихъ ли у семипарскаго образованія должна быть возложена отвѣтственность за то, что они гаснутъ? — Нѣтъ! говоримъ мы: на нихъ менѣе, чѣмъ на кого-либо, падаетъ тяжелая отвѣтственность. Не изсякло масло и не угасъ огонь въ свѣтильникахъ семинаріи: и по интеллектуальному развитію, и по энергіи, и по любви къ труду они стоятъ не ниже своихъ сотоварищей—свѣтскихъ педагоговъ¹⁾. Объ ихъ же преданности своему дѣлу краснорѣчиво, страшно краснорѣчиво говоритъ статистика безвременныхъ смертей отъ туберкулезныхъ заболѣваній, нервныхъ и психическихъ разстройствъ.

Они воодушевлены, особенно въ первые годы своей дѣятельности, горячимъ желаніемъ послужить всѣми силами своей души тому дѣлу, которому посвятили себя; многіе до конца жизни остаются неисправимыми идеалистами, хотя ихъ путь—*via dolorosa*. Идеалы сохранились, не погасла въ педагогѣ и святая ревность, которая можетъ „будить наилучшія чувства и порывы“ въ воспитанникахъ. Свѣтильники горятъ, хотя жизненная невзгода гаситъ ихъ. Отчего же гаснутъ свѣтильники, зажигаемые отъ нихъ? Оттого, думается намъ, что они плохо заправлены... но не въ школѣ, а раньше... Причина, думается намъ, этого печальнаго явленія кроется въ слабости, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ полномъ отсутствіи воспитательнаго воздѣйствія на питомцевъ духовно-учебныхъ заведеній со стороны семьи, откуда они поступаютъ въ школу и куда возвращаются изъ школы. Не подлежитъ сомнѣнію, что семья является однимъ изъ главныхъ, если не главнымъ факторомъ воспитанія. Самыя раннія, сильныя впечатлѣнія и воздѣйствія, опредѣляющія характеръ, душа ребенка получаетъ въ семьѣ и отъ семьи. Въ семьѣ же воспитанникъ духовнаго учебнаго заведенія проводитъ рождественскія, пасхальныя и лѣтнія каникулы; съ нею онъ связанъ любовію,

¹⁾ Это утверждаетъ и авторъ статьи въ Русской Мысли, на котораго мы ссылаемся для большей объективности.

довѣріемъ, всѣми фибрами своего существа, связанъ органически, всегда крѣпче и живѣе, чѣмъ съ учебнымъ заведеніемъ. Воздѣйствіе семьи *conditio, sine qua non* воспитанія. Вліяніе и воздѣйствіе семьи всегда имѣетъ и будетъ имѣть преобладающее значеніе въ сознаніи жизненастроенія будущихъ пастырей Церкви. Каково же въ дѣйствительности это воздѣйствіе?—Нужно сознаться, хотя и горько сознаться, что воспитательное воздѣйствіе семьи въ смыслѣ образованія въ младшихъ членахъ ея пастырскаго настроенія крайне слабо, а иногда и совсѣмъ отсутствуетъ. Сознательно въ этомъ отношеніи очень мало или почти ничего не дѣлается.—Въ ранніе годы жизни ребенка семья, если это добрая семья, вліяетъ бессознательно—нравственною атмосферою, добрыми обычаями, всѣмъ укладомъ семейной жизни. Если же семейная атмосфера душна и нездорова, то, конечно, получается обратное воздѣйствіе... Съ пробужденіемъ же и развитіемъ сознательной жизни, съ появленіемъ анализа, критицизма бессознательные импульсы семейной жизни и обстановки теряютъ опредѣляющее значеніе. Юноша старается освободиться отъ нихъ, но съ этого момента воспитательное воздѣйствіе семьи ослабляется и сводится до *minimum*. Словомъ, вліяніе воздѣйствія семьи обратно пропорціонально физическому и духовному росту: въ самый же критическій моментъ образованія міровоззрѣнія, формированія жизненастроенія юноша остается безъ воспитательнаго воздѣйствія со стороны семьи.—Для иллюстраціи достаточно напомнить хорошо знакомыя картинки праздничныхъ или лѣтнихъ капикулъ. Учащаяся молодежь пріѣзжаетъ въ родныя палестины и предается давно желанному отдыху. Отцу, конечно, некогда наблюдать за міровоззрѣніемъ сына: онъ часто бываетъ занятъ своими многосложными обязанностями. Мать же „читаетъ и грубитъ“ сына и на этомъ сосредоточиваетъ всю силу своей материнской любви къ нему, котораго тамъ истомили уроками, изнурили плохою пищею, недоѣданіемъ, недосыпаніемъ и прочими ужасами, которые рисуетъ ей настроенное разказами воображеніе. Оба

родители совсѣмъ не интересуются внутреннею, подчасъ кипучею, работою и внутреннимъ міромъ своихъ дѣтей, не слѣдятъ и за внѣшнимъ проявленіемъ послѣдняго, слѣдуя многовыразительному русскому девизу: „ученаго учить—только портить“. Учебные неусиѣхи, ненормальности характера, несоотвѣтствующее направленіе воли, замѣчаемые и отмѣчаемые педагогическимъ пачальствомъ, обычно приписываются строгости или невнимательности, а иногда прямо несправедливости и придирчивости самихъ педагоговъ.— Праздникъ престольный, оживленная компанія сосѣдей-гостей сидитъ за обѣденнымъ или чайнымъ столомъ... или же въ тихій, теплый лѣтній вечеръ собрался свой родной кружокъ... О чемъ такъ шумновесело разговариваютъ въ праздничномъ обществѣ и интимномъ кружкѣ? — О семинаріи и преподавателяхъ. Слышатся остроты, шутки, мѣткія и плоскія слова, воспроизводятся сценки съ комическими персонажами-педагогами. Былое перемѣшивается съ настоящимъ. „Отцы“ солидарны съ „дѣтьми“. Предъ вашимъ сознаніемъ возстаетъ *sui generis* картинная галлерей типовъ-карикатуръ, и невольно думается, что семинарія такое заведеніе, которое доставляетъ богатый матеріалъ для юмористическихъ журналовъ. Свѣтлый, положительный типъ, кажется,—одинокій лучъ въ темномъ царствѣ, рѣзче отбѣняющій мрачный фонъ картины. Въ незначительныхъ, повидимому, фактахъ сказывается общая и старая тенденція, мѣтко характеризующая отношеніе отцовъ, а за ними дѣтей, къ своей *alma mater*. Отцы иногда не только *не учатъ*, но и портятъ своихъ дѣтей, потому что, сами не воспитывая, парализуютъ воспитательное воздѣйствіе учебнаго заведенія. Семья является уже не равнодѣйствующею, а противодѣйствующею школьному воспитанію силою.

Намъ скажутъ: наше духовенство бѣдно, забито, завалено работою: оно не можетъ оказывать воспитательнаго воздѣйствія¹⁾. Поэтому оно въ правѣ возложить все воспита-

¹⁾ См. Русское слово, № 85, отъ 27-го мар. Письма въ Редакцію.

ніе своихъ дѣтей на учебное заведеніе, а отвѣтственность за него на стоящихъ у дѣла воспитанія. Не споримъ: пусть будетъ такъ... Но не мѣшайте же, по крайней мѣрѣ, великому и трудному дѣлу воспитанія, содѣйствуйте всѣми силами и средствами, какія Богъ послалъ, а не противодѣйствуйте: „Не кляните, а благословите“.

Развяжите руки тѣмъ, которые стоятъ у дѣла воспитанія, дайте имъ средства выполнить дѣло, которое они желаютъ дѣлать. — Мы не закрываемъ глаза и не въ розовомъ свѣтѣ представляемъ современное положеніе и строй нашихъ духовно-учебныхъ заведеній. Но стоящіе у семинарскаго образованія лучше, чѣмъ кто-либо иной, сознають ненормальность положенія; они больше, чѣмъ другіе, страдаютъ, мучаются, „если ихъ питомецъ, выйдя на дѣланіе Христово, поторонится съ легкою душою надѣтъ унизительное одѣяніе лукаваго наемника“... Но что же, скажите, они могутъ сдѣлать? Въдъ ихъ, непосредственно стоящихъ у дѣла воспитанія, *только пять шесть человѣкъ*. Пять-шесть воспитателей... на 500-600 человѣкъ!.. Цифра ироническая... Въ кадетскихъ корпусахъ на 30 человѣкъ полагается воспитатель, и воспитательныя силы признають недостаточными. Пять-шесть воспитателей на 500-600 человѣкъ, это въ сущности тоже, что одинъ или ни одного...

Въ семинаріи есть, конечно преподаватели, которые, по идеѣ, д. б. воспитателями. Но положеніе ихъ не менѣе печально и безпомощно. Въ семинаріяхъ нѣтъ института воспитателей—изъ преподавательской корпораціи: внѣ своихъ учебныхъ часовъ преподаватель не имѣетъ возможности воздѣйствовать на учениковъ. Но и въ урочные часы онъ положительно лишень этой возможности: въ классѣ 40 - 50 человѣкъ; у преподавателя нѣскольکو классовъ или параллельныхъ отдѣленій съ количествомъ 150-200 учащихся—съ индивидуальными особенностями: различными способностями, развитіемъ, интересами. Преподаватель, какъ и воспитатель, не имѣетъ ни физическихъ, ни психическихъ силъ изучить всѣ

эти индивидуальныя различія, чтобы соотвѣтственно послѣднимъ воздѣйствовать на учащихся; онъ не въ силахъ даже вести преподаваніе согласно правиламъ педагогики. Ему едва-едва хватаетъ времени на разъясненія и спрашиваніе уроковъ. А тутъ пужда, вѣчно стоящія предъ сознаниемъ вопросы о завтрашнемъ днѣ, семьѣ заставляютъ его бѣгать по урокамъ или искать иныхъ побочныхъ занятій, обезпечивающихъ кусокъ хлѣба. Этотъ вѣчно висящій надъ головою дамокловъ мечъ заставляетъ преподавателя работать какъ почтовая лошадь, работать до изнеможенія, до отупѣнія, и убиваетъ въ немъ *живую душу!* Идеалы тусклѣютъ и ревность не та... Орелъ не повиненъ въ томъ, что не можетъ парить въ небесахъ, когда крылья связаны. Развяжите крылья орлу — и онъ взлетитъ въ родныя небеса.

Въ послѣднее время общественное сознание невольно останавливается на стоящемъ на очереди больномъ вопросѣ приходской жизни — матеріальной необезпеченности духовенства; вмѣстѣ съ нимъ необходимо поставить на очередь вопросъ о матеріальномъ положеніи педагогическаго персонала духовно-учебныхъ заведеній. Пужно теперь же снять съ педагоговъ тяжелый гнетъ матеріальной нужды, убивающей живую душу. Нужно поставить личность педагога на должную высоту, освободить ее отъ всѣхъ стѣсняющихъ ея дѣятельность условій. Это важный и неотложный вопросъ, который требуетъ неотложнаго разрѣшенія. Пора же, наконецъ, сознать, что никакія реформы, никакія самыя идеальныя программы ¹⁾ горю не помогутъ, пока душа воспитательнаго дѣла — живая личность педагога будетъ стѣснена въ своей самодѣятельности и парализована.

Печальное матеріальное положеніе нашего духовенства извѣстно всѣмъ, кто намѣренно не закрываетъ глаза. Но будемъ говорить откровенно: духовенство не все дѣлаетъ, что оно могло бы сдѣлать для воспитанія будущихъ пастырей, и

¹⁾ Церковный Вѣстникъ № 6. Русское Слово № 85.

совѣмъ мало дѣлаетъ собственно для педагоговъ. Просьбы о пособіи, квартирный и пр. вопросы, предлагаемые на Епархіальныхъ сѣздахъ, всегда встрѣчаютъ дружную оппозицію и отклоняются „за неимѣніемъ средствъ“, потому что эти вопросы всегда ставятся на послѣдній планъ. Очевидно, для него alma mater нелюбимая мачеха. Эта - то недоброжелательная тенденція, это равнодушіе къ нуждамъ воспитательнаго дѣла, въ связи съ слабымъ воспитательнымъ воздѣйствіемъ семьи, являются главнымъ тормазомъ для дѣла воспитанія будущихъ пастырей церкви. — „Послѣдняя горше первыхъ“. Мы стараемся все свалить на учебное заведеніе, ненормальный его строй и преподавателей: мы обманываемъ себя. Это страшный гипнозъ, это убаюкивающее совѣсть пѣніе сирены, которое влечетъ въ бездну... Это грѣхъ не одного только духовенства; нѣтъ, это тяжкій грѣхъ всего русскаго общества, это страшная болѣзнь современной русскаго жизни, которая уноситъ тысячи молодыхъ жертвъ. Пора встряхнуться и взяться за дѣло, пора сознать печальное положеніе воспитательнаго дѣла, открыто и мужественно взглянуть въ глаза опасности и всѣми силами и средствами приняться за великое дѣло воспитанія. Пастыри церкви должны первыми приняться за это великое дѣло, потому что они должны быть руководителями жизни, потому что они призваны къ нему Пастыреначальникомъ: „блюдите, говоритъ Онъ, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ“ (Мѡ. 18, 10) Св. апостоль заповѣдуетъ: „подобаетъ убо епископу (пастырю) быти... свой домъ добрѣ правящу, чада имущу въ послушаніи со всякою чистотою: аще же кто своего дому не умѣетъ правити, како о церкви Божіей прилежати возможетъ“. (1 Тим. 3, 2. 4—5).

Когда эти великія и вѣчныя слова стануть постояннымъ жизненнымъ правиломъ каждаго пастыря и служителя церкви, тогда свѣтильники, теперь гаснущіе, вспыхнутъ на свѣщницѣ и будутъ горѣть яркимъ не меркнущимъ свѣтомъ Христовымъ. Сіе и буди, буди.

Ан. Макаковъ.

По поводу современныхъ стремленій членовъ сельскихъ причтовъ просить себѣ мѣста при городскихъ церквахъ.

Стало весьма замѣтнымъ въ послѣднее время стремленіе членовъ сельскихъ причтовъ попасть въ городъ на мѣста священно-церковнослужительскія при городскихъ церквахъ.

Въ разговорѣ съ собратіями, послужившими на сельскомъ приходѣ довольно многолюдномъ, слѣдовательно, и доходномъ всего 5—8 мѣсяцевъ, приходится отъ нѣкоторыхъ слышать неудовлетворенность положеніемъ сельскаго священника и желаніе при первомъ удобномъ случаѣ бѣжать въ городъ; о семейныхъ же священникахъ и причетникахъ, равно какъ и о тѣхъ, которые нуждаются часто въ медицинскомъ пособіи, ужъ и говорить нечего: для такихъ мысль и стремленіе попасть на городское мѣсто составляютъ въ большинствѣ случаевъ чуть не главную преобладающую цѣль жизни.

Намъ хотѣлось бы разобраться въ этомъ знаменательномъ явленіи современной жизни приходскаго духовенства и указать: во—1-хъ, причины его; во—2-хъ, вникнувъ въ сущность и основаніе этихъ причинъ, попытаться выяснить, насколько онѣ состоятельны и оправдываются наличной дѣйствительностію.

Причины эти весьма разнообразны и многочисленны, однакоже могутъ быть подраздѣлены на общія и частныя. Къ первымъ относятся: 1) оцутительно обнаружившіяся ненормальности во внутренней жизни нашихъ селъ относительно порядка ихъ устройства и управленія; 2) бѣдность и невѣжество сельскихъ жителей, —борьба съ этими вѣковыми недостатками пасомыхъ не подь силу одному священнику, при полномъ отсутствіи лицъ, могущихъ быть въ этомъ отношеніи союзниками сего послѣдняго, и 3) причина, вытекающая изъ первыхъ 2-хъ, трудность, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ рѣшительная невозможность для священниковъ установить добрыя,

хоть сколько-нибудь правильныя отношенія къ сельскимъ прихожанамъ.

Изъ частныхъ же причинъ слѣдуетъ упомянуть: 1) (и самая важная) желаніе многосемейныхъ членовъ причта имѣть дѣтей при себѣ и облегчить дѣло воспитанія и опредѣленія ихъ въ учебныя (чаще свѣтскія) заведенія. Сюда же должны быть отнесены: 2) необходимость для нѣкоторыхъ священниковъ и причетниковъ обращаться часто къ медицинской помощи,—въ городахъ нужда эта, конечно, легче удовлетворима; далѣе, — 3) нѣкоторыхъ побуждаетъ стремиться въ городъ неумѣнье сколько-нибудь сносно и прибыльно вести сельское хозяйство и получать пользу отъ ружной земли, съ которою въ городѣ не приходится имѣть дѣла; 4) другимъ нравится городская жизнь, какъ болѣе пригодная и способствующая личному самообразованію; 5) найдутся, быть можетъ, наконецъ, и такіе, что пошли бы на городскія мѣста съ цѣлію получить себѣ дѣло—въ церковно-школьномъ ли управленіи, или должность члена училищнаго правленія, какого-нибудь комитета и т. п.

Изложенныя частныя причины, побуждающія священниковъ просить себѣ мѣста при городскихъ церквахъ, слишкомъ ясны и очевидны, чтобы на нихъ долго останавливаться и прибавлять что-либо къ ихъ уясненію. Другое дѣло—указанныя общія причины; на нихъ мы считаемъ нужнымъ остановиться подробнѣе хотя уже по одному тому, что общественное мнѣніе, особенно по выходѣ въ свѣтъ Высочайшаго Манифеста 26 февраля, теперь много занимается вопросомъ о „сельскомъ благоустройствѣ“, о „сближеніи общественнаго управленія съ дѣятельностью приходскихъ попечительствъ при православныхъ церквахъ“.

Едва ли, кажется, нужно доказывать и говорить много о томъ, какъ мало заключается въ современной приходской жизни нашихъ селъ порядка и благоустроенности. Если успѣли въ какомъ-нибудь селѣ выстроить или обновить церковь, то школьное дѣло, за отсутствіемъ хорошаго помѣщенія, сильно

хромаеть; будетъ устроена школа, найдутся другія, требующія немедленнаго удовлетворенія, нужды прихода, какъ-то, наприм.: устройство иконостаса, причтовыхъ помѣщеній и т. д. Здѣсь, во всѣхъ этихъ дѣлахъ, конечно, священникъ, какъ всегда обыкновенно и бываетъ, долженъ быть душою, главнымъ иниціаторомъ, двигателемъ, а подчасъ и прямымъ исполнителемъ всякаго рода благихъ начинаній для прихода. Не будемъ брать во вниманіе тѣхъ сельскихъ приходо́въ, гдѣ, благодаря сильному вліянію и самому близкому участию, а нерѣдко—и собственнымъ богатымъ жертвамъ мѣстнаго помѣщика или же земскаго начальника, приходъ сталъ вполнѣ благоустроенъ: въ немъ и церковь нова, и школа устроена, есть прекрасный хоръ пѣвчихъ, есть даже благотворительныя учрежденія и подобное тому. Такіе приходы, какъ равно и такіе благовліятельные помѣщики, теперь на Руси—счастливая рѣдкость, чтобы не сказать прямо—исключеніе. Беремъ во вниманіе заура́дныя села; обратимся къ современной дѣйствительности и посмотримъ, какова она.

Укажемъ факты изъ обыденной жизни, въ справедливости которыхъ, надѣмся, едва ли кто усумнится, такъ какъ факты эти, къ сожалѣнію, стали обычными и случаются теперь чуть не сплошь и рядомъ.

Явился молодой священникъ на приходъ въ село,—явился полнымъ жажды работать и трудиться, устроить и сѣять святое, разумное, доброе, прекрасное и полезное для блага своихъ пасомыхъ.

Церковь, недавно устроенная, крѣпка, вмѣстительна и благолѣпна; при ней имѣется церковный капиталъ въ 4000 руб.—результатъ сбереженій нѣсколькихъ годовъ изъ арендной платы за принадлежащую собственно церкви землю въ количествѣ 30 десят. Помѣстился священникъ съ своей женой и ея матерью въ плохенькомъ крестьянскомъ о 2-хъ комнатахъ домикѣ, такъ какъ его предшественникъ, вышедшій за-штатъ (за неумѣнье устроить въ приходѣ своемъ церковную школу), живетъ въ собственномъ довольно удобномъ

домѣ. Молодой священникъ понравился всѣмъ очень за умѣнье быть добрымъ, не гордымъ и обходительнымъ съ прихожанами, а еще больше за то, что прекрасно, отчетливо и громко служить въ церкви.—„Слава Богу, долго ожидали, наконецъ—дождались и мы хорошаго батюшки“, говорятъ между собою прихожане. Священникъ чуть не съ перваго дня своего поступленія на приходъ начинаетъ говорить о необходимости имѣть пригодное помѣщеніе для церковной школы, такъ какъ послѣдняя перекочевывала изъ одной избы въ другую. Слушаютъ пасомые со вниманіемъ священника, и онъ склоненъ думать, что его сердечное, ясное слово касается добрыхъ сердець сельскихъ простецовъ; радуется, доволейтъ онъ.... Но проходитъ годъ,—школы въ приходѣ нѣтъ; а въ частныхъ бесѣдахъ, къ ужасу своему, узнаетъ священникъ, что его прихожане далеки отъ рѣшимости приводить въ исполненіе его совѣты и указанія относительно устройства школьнаго помѣщенія. Нѣсколько разъ просилъ батюшка своихъ прихожанъ собраться всѣмъ приходомъ, чтобы побесѣдовать о томъ же предметѣ, но никакъ приходскій сходъ не могъ состояться: каждый разъ, лишь только прихожане узнавали, зачѣмъ ихъ приглашаютъ на сходъ, не хотѣли туда собираться.

Кой-какъ удалось батюшкѣ, благодаря содѣйствію полицейскаго урядника и волостного старшины (а этихъ властей, къ сожалѣнію, сельскіе жители слушаютъ больше и скорѣе, чѣмъ священника), созвать приходскій сельскій сходъ. Является сюда священникъ; заявляютъ ему, что между собравшимися нѣтъ двухъ человѣкъ — заправиль - кулаковъ... Батюшка, однако, горячо и убѣдительно начинаетъ разъяснять цѣль собранія, а дальше говорить о нуждѣ имѣть въ приходѣ хорошее зданіе для школы... Вотъ подходитъ одинъ изъ отсутствовавшихъ заправиль и, поздоровавшись со стоявшими позади, громко спрашиваетъ ихъ: „що це вінъ (т. е. священникъ) вамъ тутъ казавъ?“...

— Кажетъ—школу строить..

— Яку школу?!... На які гроши?!.. какъ бы ничего не знала, кричить сельскій воротило и, не дождавшись отвѣта, протискивается въ толпѣ и подходит близко къ священнику.

— Батюшка! авторитетно и громко начинается онъ:—до котораго часу мы любимъ и уважаемъ васъ, ни якъ собі тилько не уразуміемъ; чого це вы заходились себе безпокоить съ тією школою... навіщо вона вамъ здалась?.. дальше—за які гроши мы іи будемъ строить?...

— Развѣ вамъ, господа, не извѣстно,—отвѣчаетъ священникъ, что еще 2 года назадъ, по просьбѣ моего предмѣстника, преосвященный разрѣшилъ употребить изъ церковныхъ суммъ для устройства школы 700 р.?...

— Э, батюшка, да буде вамъ звѣсно, що мы изъ церковныхъ грошей не хочемъ брать и мідной копійки: старосты (церковны) сбѣрали їхъ не для школы вашої, а для церкви...

— Но вѣдь деньги церковныя могутъ,—да и должны быть,—употреблены для валей, братіе, общей пользы; распоряженіе архіерея все-таки должно быть выполнено... пробуетъ убѣждать дальше священникъ.

Но никого онъ этимъ не убѣдилъ...

— Не желаемъ мы школы строить,—продолжалъ тотъ же крикунъ:—стройте собі съ старостою (церковный староста былъ пока на сторонѣ благомыслящихъ), а до насъ не тилько не касайтесь, а просемо—и не обзывайтесь!.. А-же правду, господа громада, я говорю?.

— Правду! правду!... Не хочемъ строить школы: мы люды бідни, на свои гроши не построємо, а церковныхъ не дозволемо тратыть; прійдетца церковь красыть, або що-небудь поправить, тоді буде одно тилько здырство (распологъ)...

— Ходимъ до дому; сю пісню мы давно уже чулы; нехай самъ (священникъ) строить...

Расходятся одинъ по одному прихожане; остался * батюшка на порогѣ сборной избы; какъ громомъ пораженъ онъ.

Вѣроятно, всего ожидалъ, но такого грубо-равнодушнаго отношенія къ себѣ и къ своему слову онъ никакъ не предвидѣлъ.

— „Что же это такое?!.. думаетъ себѣ онъ:—мое желаніе имъ добра, душевнаго блага такъ презрительно и притомъ такъ рѣшительно и безповоротно отвергается ими, казавшимися мнѣ такими хорошими и добрыми прихожанами?!“.

Разстроенный, съ невыразимой горечью на сердцѣ, возвратился священникъ домой. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, по совѣту нѣкоторыхъ своихъ знакомыхъ, рѣшается онъ испробовать еще одно средство къ осуществленію задуманнаго дѣла, именно: обратиться къ мѣстному земскому начальнику, тѣмъ болѣе, что въ одномъ (послѣднемъ) изъ многихъ распоряженій духовной консисторіи послѣдняя именно рекомендуетъ обратиться для исполненія распоряженія преосвященнаго къ содѣйствию г. земскаго начальника. Явившись къ нему, батюшка подробно рассказываетъ исторію своего дѣла: архіерейской резолюціей, данной еще 2 года назадъ, въ Н.кѣ должна быть устроена школа преимущественно на церковную сумму; изъ этой суммы разрѣшено употребить на указанный предметъ 700 руб., а недостающее можетъ быть пополнено пособіемъ изъ суммъ епархіальнаго училищнаго совѣта, благотворителей и т. д.; но мѣстные прихожане тормазятъ, даже противятся доброму дѣлу...

Со вниманіемъ слушалъ г. земскій начальникъ священника; движеніями головы, доказывавшими явную солидарность и полное согласіе съ священникомъ, начальникъ поднялъ упавшій духъ сего послѣдняго, и у него явилось желаніе все въ подробности рассказать, подѣлиться всѣмъ, что было на сердцѣ... Каковъ же былъ ужасъ батюшки, когда на заключительныя свои слова: „я усерднѣйше просилъ бы васъ, г. земскій начальникъ, принять зависящія отъ васъ мѣры къ побужденію прихожанъ не только не препятствовать мнѣ въ благомъ и для нихъ необходимомъ дѣлѣ, а принять въ немъ живое участіе“, онъ услышалъ: „Вы бы ихъ, батюшка, по-

усердиѣе громили проповѣдями... этакъ почаще проповѣдями съ церковной каеедры; это у васъ, знаете ли, огромная сила. Что же касается меня, то я, видите ли, плохой въ этомъ отношеніи пособникъ вамъ, такъ какъ лично вашимъ церковнымъ школамъ не сочувствую“. Слѣдуетъ дальше томительное съ обѣихъ сторонъ молчаніе: у священника—отъ тяжелаго чувства безпомощности и разочарованія, особенно при мысли, что пропала уже послѣдняя надежда на лучшій исходъ его дѣла,—а у начальника—отъ видимаго желанія поскорѣе раздѣлаться съ несноснымъ визитеромъ—просителемъ.

Невѣроятныхъ усилій (о которыхъ не будемъ здѣсь распространяться) потребовало отъ священника дѣло устройства школьнаго зданія въ Н-кѣ. Школа была устроена, но дорого пришлось заплатить священнику за успѣхъ своего дѣла. Пасомые не пропускали случая метить своему батюшкѣ за его „самоволіе“: то подъ сильную метель и 20 градусный морозъ и вѣтеръ *водили* его 6 января „на Іорданъ“ освящать воду за 3 версты отъ церкви, не взирая на его мольбы пойти, въ виду его слабаго здоровья, къ ближайшему мѣсту или колодцу; то съ угрозами предъявляли незаконное требованіе выдать имъ (заимообразно) на 3 года безъ надлежащаго разрѣшенія 300 рублей изъ церкви на расходы въ судебномъ процессѣ съ помѣщикомъ сосѣдняго села; то предъявляли такія же незаконныя требованія при исполненіи имъ тѣхъ или другихъ требъ; то, наконецъ, строго воспретили церковному старостѣ выдавать вторично разрѣшенные пресвященнымъ 500 рублей церковныхъ денегъ на расширеніе и ремонтровку того дома, въ которомъ ему пришлось обитать съ своимъ семействомъ,—и староста, несмотря на строгія и неоднократныя предписанія епархіальнаго начальства, подчинился голосу „громады“, на одной изъ сходовъ объявившей: „якъ выдасы гроши, то заплатыся своимъ имуществомъ“...

Измучившись въ конецъ, священникъ вынужденъ былъ уйти отъ такихъ прихожанъ.

Вышеизложенное—все подлинно, точно и справедливо списано съ живой дѣйствительности.

Едва ли кто-нибудь будетъ послѣ этого спорить, что положеніе священника въ селѣ при теперешней неурядицѣ и неустройствѣ сего послѣдняго стало невыносимо тяжелымъ—до *pes plus ultra*. Сравнивая другія должности, положенія и обязанности, невольно приходишь къ печальному выводу, что трудно и представить что-либо тяжелѣе положенія сельскаго священника. Съ одной стороны—предписанія начальства (особенно въ школьномъ дѣлѣ), о которыхъ если бы священникъ и забылъ, то ему напомнить о нихъ, да еще какъ чувствительно напомнить; съ другой—полное равнодушіе общества не только къ личности священника, но и къ тѣмъ благимъ его начинаніямъ, которыми преслѣдуется общая польза; далѣе,—неприглядность обыденныхъ жизненныхъ условій, забота о воспитаніи дѣтей, при отсутствіи на то средствъ; полная матеріальная зависимость отъ прихода, толкающая священника на невыгодные въ нравственномъ отношеніи компромиссы и уступки, заставляющая его мирволить сильнымъ (чаще—не душою, а мошною) міра сего, идти на сдѣлки съ своей совѣстью, въ противномъ же случаѣ подвергаться возможности нажить себѣ враговъ, а далѣе поднасть подъ „формальное“ слѣдствіе и судъ,—вотъ все (хоть, быть можетъ, не вполнѣ—все), чѣмъ богата современная дѣйствительность въ жизни сельскаго священника... И о, если бы эта тяжелая дѣйствительность, дающая мѣсто печальнымъ фактамъ—въ родѣ вышеуказанныхъ—въ приходской жизни нашихъ селъ, измѣнилась къ лучшему! Духовенство,—преимущественно, конечно, сельское,—воспрянуло духомъ со времени изданія Высочайшаго Манифеста 26-го февраля, уповая, что въ недалекомъ будущемъ начнется, быть можетъ, лучшая пора въ его жизни. Слова Манифеста, повелѣвающія: „поставить задачей дальнѣйшаго упорядоченія мѣстнаго быта сближеніе общественнаго управленія съ дѣятельностію приходскихъ попечительствъ при православныхъ церквахъ тамъ, гдѣ это представится возмож-

нымъ“, даютъ надежду на то, что въ жизнь и дѣятельность приходскихъ попечительствъ будетъ внесена новая струя широкой и благотворно-живительной дѣятельности, а посему, рано или поздно настанетъ время, когда приходскій священникъ не будетъ оставаться на нивѣ пастырскаго дѣланія всегда одинокимъ, всюду беззащитнымъ и безпомощнымъ,—какъ это сплошь и рядомъ бываетъ теперь,—а найдетъ себѣ добрыхъ союзниковъ и энергичныхъ помощниковъ въ проведеніи въ народную жизнь всего хорошаго и полезнаго.

Между тѣмъ, въ конецъ измучившись въ современной тяжелой дѣйствительности, нѣкоторые изъ сельскихъ священниковъ (а таковыхъ теперь стало много и очень много) имѣютъ намѣреніе уйти отъ нея... Но является серьезный трудно разрѣшимый вопросъ: куда уйти?.. Вѣдь люди, за малымъ различіемъ, вездѣ одни, съ одинаковыми положительными качествами, съ одинаковыми же и недостатками. Будетъ данъ многолюдный сельскій приходъ,—но онъ потребуетъ отъ священника больше дѣла и соединенныхъ съ послѣднимъ хлопотъ и огорченій, особенно въ томъ случаѣ, если онъ будетъ не благоустроенъ, въ смыслѣ отсутствія въ немъ церковно-приходской школы или причтовыхъ помѣщеній и под. тому. При такомъ недоумѣніи много помогаютъ совѣтъ и внушенія товарищей и знакомыхъ — „можно бы проситься въ городъ“: тамъ и прихожане, казалось бы, нѣсколько культурнѣе; тамъ и церкви богаче и обезпеченнѣе; тамъ, говорятъ, и приходы благоустроеннѣе—и школы есть, и помѣщеніе легче отыскать. Одно можетъ удерживать только — это дорого стоящая городская жизнь; но и это приходится игнорировать священнику многосемейному въ надеждѣ на возможность имѣть дѣтей при себѣ и при воспитаніи ихъ въ учебныхъ заведеніяхъ вести сравнительно незначительные расходы.

И вотъ является въ епархіи слишкомъ внушительное по своимъ размѣрамъ количество охотниковъ на городскія мѣста. Примѣръ слишкомъ заразителенъ: успѣхъ одного соблазняюще дѣйствуетъ на другого...

Не будемъ останавливаться на томъ (не признавая дальнѣйшаго входящимъ въ предѣлы замѣтки этой), что городскихъ, особенно священническихъ, мѣстъ въ епархіи очень мало; что въ дѣйствительности получаетъ назначеніе на эти мѣста самый ничтожный $\%$ просителей и искателей; что и на городскихъ мѣстахъ нѣкоторые священники чувствуютъ себя гораздо хуже, чѣмъ другіе въ селахъ—сколько благодаря матеріальной нуждѣ, столько же—неумѣнью понять своихъ пасомыхъ (а эти, въ свою очередь, часто сначала не понимаютъ, а дальше бываютъ не довольны священниками), и что, наконецъ, частые переходы съ одного мѣста на другое, эта погоня за кажущимся земнымъ счастіемъ есть не что иное, какъ указанная древнимъ Соломономъ *vanitas vanitatum et omnia vanitas*, дающая въ концѣ челоуѣку ущербъ его здоровью и томленіе духа..... Однакоже, фактъ весьма замѣтнаго стремленія членовъ сельскихъ причтовъ получить городское мѣсто остается во всей его силѣ; мы хотѣли бы только обратить вниманіе на этотъ фактъ и своими мыслями и впечатлѣніями подѣлиться съ читателями ¹⁾).

Свящ. М. Варвинскій.

¹⁾ Полтавск. еп. в., 1903 г., № 27.

Наблюденія и замѣтки сельскаго священника.

Обыкновенно въ селахъ носятъ покойниковъ въ церковь и на кладбище на *носилкахъ*, т. е. на *слегахъ*, которыя употребляются во время молотбы. *Носилки* для этой цѣли перепутываются или веревками, или холстомъ. Въ иныхъ приходахъ на этихъ носилкахъ гробъ вносятъ въ церковь и вмѣстѣ съ ними опускаютъ его прямо на полъ; при самомъ отправленіи погребенія около гроба совсѣмъ не ставятъ подсвѣчниковъ. Присутствовавшая въ одной сельской церкви во время отпѣванія покойника городская женщина замѣтила священнику: „вы, батюшка, точно звѣря какого, хотите бить этими палками (т. е. носилками) покойника“. Тогда священникъ этотъ началъ дѣлать такъ: гробъ ставится на два табурета,

¹⁾ Полтавск. еп. в., 1903 г., № 27.

впереди гроба ставится аналой, на которомъ полагается евангеліе, крестъ и икона, приносимая съ покойникомъ; предъ аналоемъ ставится подсвѣчникъ, по обѣимъ сторонамъ гроба—также по подсвѣчнику. Носилки на время отпѣванія выносятся изъ церкви. Такъ какъ гробъ, стоящій на табуретахъ, бываетъ значительно приподнятъ, вслѣдствіе чего не удобно прощаться съ покойникомъ, особенно дѣтямъ, то на время прощанія гробъ опускается на полъ.

При погребеніяхъ, равно какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, нашъ простой народъ соблюдаетъ много суевѣрныхъ обычаевъ, напр. — въ могилу бросаютъ какую-либо монету и т. п. Былъ такой обычай и въ нашемъ приходѣ, но теперь уже онъ совершенно оставленъ. Наша священная обязанность—всячески стараться уничтожить суевѣрные обычаи. Къ сожалѣнію, мы, обыкновенно, мало обращаемъ вниманія на суевѣрія своихъ прихожанъ, и недаромъ обвиняютъ насъ въ томъ, что простой народъ нашъ и по сію пору остается какимъ-то полу-язычникомъ, хотя прошло уже около тысячи лѣтъ со времени принятія имъ вѣры Христовой.

Въ самомъ дѣлѣ, не остаткомъ ли язычества является хотя бы, напр., обычай на праздникъ Рождества Христова, послѣ утрени, жечь среди двора навозъ, „чтобы тепло было покойникамъ“?—Нѣкоторые просятъ „батушку“ вывести послѣ вѣчанія молодыхъ изъ церкви въ боковыя церковныя двери, чтобы тѣмъ *сбить съ толку* недоброжелателей, которые могли заблаговременно наговорить *злое* молодымъ, въ увѣренности, что они, какъ это принято, будутъ выходить изъ церкви западными дверями и т. п. Правда, многіе и сами не знаютъ, для чего они выполняютъ тотъ или иной суевѣрный обычай: „такъ дѣлали наши дѣды и отцы“, говорятъ они въ свое оправданіе. При всемъ томъ, намъ грѣшно смотрѣть на все это сквозь пальцы.

Само собою понятно, что успѣхъ борьбы съ суевѣріями главнымъ образомъ будетъ зависѣть отъ распространенія просвѣщенія среди нашего простонародья, особенно среди женщинъ. Многое уже въ этомъ отношеніи сдѣлано и дѣлается, но впереди предстоитъ сдѣлать еще больше: слишкомъ ужъ мало расходуетъ у насъ денегъ на народное образованіе. Весьма хорошо было бы также, если бы приходскіе священники собирали свѣдѣнія о суевѣріяхъ и сообщали о нихъ въ такомъ нашемъ общемъ органѣ, какъ, напр., „Руководство для сельскихъ пастырей“, а также сообщали бы, какія мѣры они принимаютъ для искорененія тѣхъ или иныхъ суевѣрій.

Еще больше принесли бы пользы дѣлу пастырства во всѣхъ отношеніяхъ періодическіе *всероссійскіе съѣзды духовенства*. Если считаютъ настоятельно необходимымъ устраивать такіе съѣзды дѣятели на многоразличныхъ другихъ поприщахъ, то тѣмъ болѣе необходимы *всероссійскіе съѣзды духовенства*. Много нашлось бы важныхъ вопросовъ, которые могли бы быть рѣшаемы на этихъ съѣздахъ. Наше духовенство въ настоящее время живетъ совершенно разобщенною жизнію. Между тѣмъ въ древности, какъ извѣстно, довольно часто собирались *соборы*: — отчего бы имъ не собираться и теперь? Въ нашей Японской миссіи ежегодно бывають *соборы* — и не одного только духовенства, а и выборныхъ изъ прихождовъ (см. „Церк. Вѣд.“): — отчего бы не устраивать и у насъ подобныхъ соборовъ съ цѣлю обсужденія не однихъ только матеріальныхъ вопросовъ, какъ это теперь бываетъ на нашихъ *създахъ*, но и общихъ вопросовъ, касающихся пастырской дѣятельности?..

. . . Пришлось купить недавно *малый требникъ* Московскаго изданія. Въ этомъ требникѣ, оказывается, нѣтъ молитвы „на Рождество Христово“, а также и „на освященіе домовъ“, т. е. нѣтъ такихъ молитвъ, которыя очень нужны для духовенства; между тѣмъ есть молитвы, которыя не особенно нужны, напр., „на освященіе пчель“ и т. п. Очевидно, *требникъ* этотъ изданъ людьми, мало знакомыми съ пастырскою дѣятельностію.

Свящ. В. Дроздовъ.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Кирилль.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 17 января 1904 г.

Цензоръ, священникъ Ѡ. Титовъ.

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

УКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 7.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, февраля 15-го.

Содержаніе: „Божескій призывъ“.—Имѣеть ли право діаконъ безъ священника поднять покойника и проводить его до кладбища?—Наши культуртрегеры.—Въ какихъ случаяхъ употребляется въ Православной Церкви присяга?—Порядокъ стоянія при соборномъ служеніи.

„Божескій призывъ“.

Свершилось!... Долго собиравшіяся на Дальнемъ Востокѣ черныя политическія тучи неожиданно разразились, наконецъ, страшною грозою, заставившею перекреститься русскаго челоуѣка и дрогнуть сердце его до послѣднихъ изгибовъ! Миротлюбивѣйшій и гуманнѣйшій изъ Вѣнценосцевъ, такъ недавно еще созвавшій Гаагскую конференцію съ цѣлію всеобщаго разоруженія и водворенія благодатнаго мира въ всемъ мірѣ, оказался вынужденнымъ „извлечь мечъ“ для самѣобороны противъ коварнаго врага и обратиться къ Своему возлюбленному народу съ слѣдующими знаменательными словами: „Мы съ непоколебимой вѣрой въ помощь Всевышняго и въ твердомъ упованіи на единодушную готовность всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ стать вмѣстѣ съ Нами на защиту Отечества, призываемъ благословеніе Божіе на доблестныя наши

войска арміи и флота“ (Высочайшій манифестъ). Со стороны Государя Императора нашего были приняты всѣ мѣры и средства къ тому, чтобы избѣжать вооруженнаго столкновенія съ Японіей. На задорныя, а нѣкоторыя и прямо вздорныя требованія и претензіи Японіи наше Правительство отвѣчало въ самомъ миролюбивомъ тонѣ, соглашалось на многія весьма существенныя въ пользу ея уступки, такъ какъ всѣ отеческія заботы Русскаго Вѣнценосца, всѣ его задушевные помыслы и великіе труды обращены были исключительно на дѣло внутренняго развитія и процвѣтанія Россіи. Но оказалось, что переговоры и дипломатическія ноты Японскаго правительства были одною лишь хитроумной маской съ цѣлю усыпить нашу бдительность и прикрыть снѣшныя усиленные военныя приготовления. Когда же приготовления эти были закончены, Японія тотчасъ же раскрыла свои карты: не дождавшись даже послѣдней ноты Русскаго Правительства, она прекратила съ нами дипломатическія сношенія, отозвала изъ С.-Петербурга своего посланника и *безъ объявленія войны* предательски атаковала своими миноносками нашу эскадру, стоящую не вѣшнемъ рейдѣ крѣпости Портъ-Артура. Японія поступила въ этомъ случаѣ, не какъ цивилизованное государство, какимъ выдаетъ себя, и какимъ имѣло неосторожность считать его до тѣхъ поръ наше Правительство, а совершенно по-варварски, вопреки самымъ элементарнымъ требованіямъ международнаго права и даже простой порядочности. Этого мало. Извѣстная американская газета „New-York Herald“, со словъ японскаго консула въ Чифу, опубликовала, что консулъ этотъ, пользуясь предоставленнымъ ему нашими властями правомъ вывезти изъ Портъ-Артура жившихъ тамъ японцевъ, привезъ съ собою, въ качествѣ якобы простаго слуги, переодѣтаго виднаго японскаго морского офицера, который по дорогѣ былъ встрѣченъ японской эскадрой и сообщилъ ей всѣ свѣдѣнія о расположеніи нашего флота, не ожидавшаго никакого нападенія. „Военное шпіонство,—совершенно справедливо замѣчаетъ по этому поводу *Кіевлянинъ* (№ 32),— есть одна изъ принадлежностей

войны; но *консуль, перевозящій шіона* (курсивъ нашъ),—это азіатская насмѣшка“ —и насмѣшка, добавимъ отъ себя, крайне дерзкая—„надъ воззрѣніями и обычаями цивилизаціи“!..

Возмутительное нападеніе Японіи, такъ сказать, изъ-за угла сразу же сдѣлало начинающуюся войну весьма популярною и вызвало всеобщее сочувствіе къ намъ европейскихъ образованныхъ націй. Всѣ полтора ста милліоновъ русскихъ сердець забились, какъ одно; изъ всѣхъ полутора ста милліоновъ русскихъ грудей вырвалось единодушное, могучее „ура“, требовавшее справедливаго и должнаго отмщенія поправшему всѣ законы Божескіе и человѣческіе врагу. Нужно было лично видѣть тѣ манифестаціи, которыя устраивались *самимъ народомъ* на улицахъ и площадяхъ городовъ, а въ послѣдніе дни и въ захолустныхъ селахъ, чтобы понять, что *съ такимъ народомъ* никому борьба не по силамъ. Это было пѣчто грозное, стихійное, но вмѣстѣ и въ высшей степени трогательное и умилительное. Въ многотысячной толпѣ рядомъ шли сѣрые люди и высокопоставленные лица, и русскіе и представители разныхъ подвластныхъ намъ народностей. Всѣ охвачены были однимъ высоко-патріотическимъ чувствомъ и, съ непокрытыми головами, многіе съ національными флагами въ рукахъ, то мощно пѣли народный гимнъ, то молитвенно изливались въ тронарѣ: „Спаси, Господи, люди Твоя“, то потрясали воздухъ дружнымъ, долго не смолкавшимъ и грозно раскатывавшимся, подобно грому, „ура“. Офицеровъ носили на рукахъ съ криками: „да здравствуетъ русская армія!“ Отовсюду поступаютъ непрерывнымъ потокомъ пожертвованія „на Красный Крестъ“, „на приобрѣтеніе военныхъ судовъ“, „на призрѣніе семействъ павшихъ въ битвѣ воиновъ“, „на военныя нужды“. Жертвуютъ копѣйками, рублями, тысячами, даже милліонами. Жертвуютъ отдѣльныя лица, жертвуютъ церкви и монастыри, общественныя учрежденія, корпораціи, города и села. Жертвуютъ православныя, евреи и сектанты. Такъ изъ далекаго Благовѣщенска по телеграфу сообщаютъ, что „мѣстная молканская община, отслуживъ моленіе о здравіи Государя Им-

ператора и о дарованіи побѣдъ, пожертвовала въ пользу семей мѣстныхъ запасныхъ чиновъ 1100 рублей“. А можно ли не умилиться при чтеніи такого, напр., телеграфнаго сообщенія изъ Полтавы: „прибывшій изъ Миргородскаго у. старикъ-крестьянинъ лично вручилъ губернатору свои 1000 руб. съ просьбой *передать Царю-Батюшкѣ на нужды войны?*“... Добровольцами же и сестрами милосердія записывается такъ много, что громадному большинству приходится отказываться...

Не много моментовъ такого подъема народнаго духа можетъ указать исторія...

Да, если мы были *не готовы* въ роковую ночь съ 26-го на 27-ое января, то вполнѣ готовы теперь, и никто намъ не страшень! На начинающаго Бога! Мы всѣ мѣры употребили для избѣжанія кровопролитія и беремъ за оружіе лишь для самозащиты; а такая война—не только законная, но священная, — это, по мѣткому выраженію *Московскихъ Вѣдомостей* (№ 29), „Божескій призывъ“. И еще только открылись военныя дѣйствія, какъ у насъ уже нашлись Степановы и Рудневы, необыкновенный героизмъ которыхъ поразилъ весь свѣтъ и является вѣрнымъ залогомъ того, что, „въ искушеньяхъ долгой кары претерпѣвъ судебъ удары, окрѣпшая,—по словамъ великаго поэта нашего А. С. Пушкина,—Русь“ никому не дастъ себя въ обиду и сумѣетъ съ честью и достоинствомъ постоять за себя.

Но при этомъ не нужно самообольщаться. Японцы—не такой врагъ, котораго можно „шапками закидать“. Японскій флотъ пока значительно сильнѣе нашего Тихоокеанскаго; японская армія—первоклассная. Мы имѣемъ дѣло съ врагомъ очень сильнымъ, а главное—необыкновенно хитрымъ и крайне коварнымъ. Японцы ни передъ чѣмъ не останавливались, не останавливаются и не остановятся, такъ какъ легкомысленно затѣянная и предательски начатая ими война теперь является для нихъ вопросомъ жизни и смерти. Телеграфъ, напр., сообщаетъ, что, „по свѣдѣніямъ изъ Пекина, Японія вывезла въ Манчжурію массу матеріаловъ для *поддѣлки русскихъ*

кредитныхъ билетовъ, чтобы нанести вредъ русской казнѣ". Нѣмецкіе же корреспонденты передаютъ изъ Токіо, что „Японское правительство наблюдаетъ за движеніемъ русской арміи черезъ японцевъ, обитающихъ въ Манчжуріи. *Каждый шагъ извѣстенъ въ Токіо. Нѣкоторымъ солдатамъ вѣльно попасть въ плѣнъ, чтобы шпионить*". Притомъ же, Японія начала войну, побуждаемая къ этому Англіей и Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами, при помощи англійскихъ и американскихъ капиталовъ. И Англія теперь уже даже не скрываетъ не только своего злорадства по поводу нашихъ первыхъ неудачъ, но и прямо вызывающаго образа дѣйствій по отношенію къ Россіи противозаконнымъ занятіемъ своими войсками Тибета, несмотря на рѣшительный и энергичный протестъ нашего Правительства. А потому, не говоря о крайне нежелательныхъ и неблагоприятныхъ для насъ въ самые послѣдніе дни осложненій также и на Ближнемъ Востокѣ, намъ грозитъ еще, быть можетъ, одновременно и война съ Англіей, при чемъ, по сообщеніямъ телеграфа, въ Лондонѣ уже „организовался огромный биржевой синдикатъ съ цѣлью обезцѣпчиванія русскихъ бумагъ". Такимъ образомъ, нашему дорогому Отечеству предстоитъ великое испытаніе, которое потребуетъ отъ него большого напряженія если и не всѣхъ, то, во всякомъ случаѣ, громадиѣйшихъ народныхъ силъ.

„Врагъ“ нашъ „извѣдалъ“ отъ насъ, говоря словами А. С. Пушкина, пока еще мало. Но иначе и быть не могло. По заявленію *Правительственнаго Вѣстника*, „все русское общество съ понятнымъ нетерпѣніемъ желаетъ скорого возмездія и съ лихорадочнымъ чувствомъ ждетъ извѣстія съ Дальняго Востока. Единеніе и мощь русскаго народа наврядъ ли позволяютъ кому-либо на свѣтѣ сомнѣваться въ томъ, что Японія понесетъ достойную кару за свое вѣроломство и за нарушение мира, сохраненіе котораго для всѣхъ народовъ являлось всегдашнимъ желаніемъ нашего возлюбленнаго Монарха. Но вся обстановка войны заставляетъ насъ терпѣливо ожидать извѣстій объ успѣхахъ нашего оружія, которые могутъ ока-

заться не ранѣ начала рѣшительныхъ дѣйствій русской арміи. Нападеніе на самую отдаленную часть нашей территоріи, отстоящую отъ центра государства на многія тысячи верстъ, и искреннее желаніе нашего Правительства сохранить миръ, что дѣлало невозможною заблаговременную подготовку къ войнѣ, заставляютъ насъ употребить не мало времени для того, чтобы начать наносить Японіи такіе удары, которые соотвѣтствовали бы могуществу Россіи и, при наименьшемъ пролитіи дорогой русской крови, были бы достойнымъ возмездіемъ націи, дерзко вызвавшей насъ на бой. Пусть же русское общество *терпѣливо ожидаетъ* грядущихъ событій, вполне увѣренное, что наша армія заставитъ сторицею заплатить за брошенный намъ вызовъ. *Серьезныя операціи на сушѣ начнутся еще не скоро, и мы не должны—и не можемъ—ожидать быстрыхъ извѣстій о нашихъ дѣйствіяхъ на театрѣ войны.* Напрасно проливать русскую кровь для быстрой отплаты нашимъ врагамъ было бы не достойно величія и мощи Россіи“.

Будемъ же, въ полномъ сознаніи правоты и святости своего дѣла, твердо вѣрить, что Русь, своею „кровію испутившая“ въ тяжелую, но блестящую годину Отечественной войны „Европы вольность, честь и миръ“ (Пушкинъ), выйдетъ и изъ новаго испытанія; испосланнаго ей Богомъ, со славою, которая всегда являлась неотъемлемымъ и заслуженнымъ ореоломъ доблестнаго русскаго оружія! „Умѣетъ Русь миръ хранить, но умѣетъ и врага отразить. Грудью крѣпкою станетъ она вся, какъ одинъ человѣкъ, за Царя своего, за Церковь свою святую и за Отчизну дорогую. Видѣла она времена Самозванщины и Лихолѣтья, пережила напоръ шведовъ и натискъ Наполеоновскихъ войнъ. Но Господь былъ ея поборникомъ и крѣпкимъ защитникомъ. Враги разсѣялись, какъ дымъ. А Русь Святая изъ браней вышла въ блескѣ величія, возросла, расширилась по лицу земли, и стала крѣпкая, сильная, могучая, непобѣдимая“ (Всеподданнѣйшее письмо высокопреосв. Антонія, митроп. С.-Петербургскаго, отъ 28-го янв.

1904-го года). Первосвятители Русской Церкви пожертвовали на нужды войны свое жалованье, а высокопреосвященнѣйшій Антоній, митрополитъ С.-Петербургскій, кромѣ того, во „Всепопданнѣйшемъ письмѣ“ своему Государю Императору съ святою и непоколебимою твердостью заявилъ: „нужно будетъ—церкви и монастыри вынесутъ драгоцѣнныя украшенія святыхъ своихъ на алтарь Отечества“. Отъ насъ, разумѣется, такихъ большихъ жертвъ никто не потребуетъ, но и наша посильная лента найдетъ должное примѣненіе и явится какъ нельзя болѣе благовременною...

Оо. приходскіе пастыри! Въ вашихъ честныхъ рукахъ „живая душа народная“. Возгрѣвайте же въ особенности въ настоящее трудное время эту „живую душу народную“ частыми молебными пѣніями о здравіи и долготѣи Благочестивѣйшаго Государя Императора и о дарованіи Ему „на враги побѣды и одолѣнія“; поддерживайте въ народѣ „духъ бодръ“ собственнымъ примѣромъ и церковнымъ пастырскимъ словомъ. Въ послѣднемъ случаѣ обратите также вниманіе народа и на то, что настоящая война, помимо всего, есть война свѣта ученія Христова противъ тьмы языческой, война евангельской истины противъ заблужденій и зловѣрія буддизма и синтоизма, война креста Христова противъ бездушныхъ идоловъ и фетишей...

„Дерзайте убо, дерзайте, людіе Божіи: ибо Той побѣдитъ враги, яко всесилентъ“.

„Съ нами Богъ, разумѣйте, языцы, и покоряйтесь, яко съ нами Богъ“.

„Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ!..“

Г. Булашевъ.

Имѣеть ли право діаконъ безъ священника поднять покойника и проводить его до кладбища? ¹⁾.

Въ помѣщавшихся въ Руководствѣ для Сельскихъ Пастырей за истекшій годъ наблюденіяхъ и замѣткахъ Сельскаго Священника послѣдній, между прочимъ, высказалъ: „Не хорошо что въ иныхъ приходахъ выносятъ покойниковъ изъ дома и изъ церкви на кладбища одни только діаконы, особенно когда плата за погребеніе полностью поступаетъ на весь причтъ“. И въ доказательство этого продолжаетъ: „Прежде всего діаконы безъ священника одни не могутъ отправлять какія-либо требы. Далѣе, несправедливо это и по отношенію къ прихожанамъ: они вѣдь обыкновенно платятъ за погребеніе, а потому нужно, чтобы погребеніе совершалось по чину и благообразно всѣмъ причтомъ, а не однимъ лицомъ. Наконецъ, это несправедливо и по отношенію къ діакону: за что онъ единолично несетъ трудъ, за который получаетъ вознагражденіе другой? На діаконѣ и безъ того возложено много,—я разумѣю преподаваніе въ школѣ. Не слѣдуетъ допускать этого, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда діакону за выносъ покойниковъ дается прихожанами особое вознагражденіе“. (№ 45; стр. 280).

Съ такимъ сужденіемъ мы, въ виду нѣкоторыхъ данныхъ и соображеній, согласиться не можемъ. Не находимъ, прежде всего, ничего нехорошаго въ поднятіи и проводѣ покойника до церкви однимъ діакonomъ. Несравненно хуже было бы, если бы священникъ, не имѣя никакой возможности самъ поднять покойника, не соизволилъ на сіе и діакону. Этимъ онъ причинилъ бы немалую скорбь и печаль сродникамъ почившаго, и

¹⁾ На предложенный вопросъ всегда отвѣчаютъ отрицательно; но почему діаконъ безъ священника не можетъ поднять и проводить покойника, разъясненія на это не приходилось встрѣчать. Нисколько не придавая рѣшающаго значенія своимъ сужденіямъ по этому вопросу, настоящею замѣткою мы имѣемъ въ виду лишь вызвать на обсужденіе его другихъ болѣе знающихъ и компетентныхъ лицъ.

себя поставилъ бы въ нежелательное отношеніе къ прихожанамъ. А случаевъ невозможности самому поднять покойника у священника можетъ встрѣтиться не мало. Онъ, напр., собрался ѣхать поднимать покойника, а за нимъ пріѣхали и просятъ ѣхать за семь и болѣе верстъ напутствовать опасно больного-умирающаго, или окрестить младенца, котораго по слабости нельзя привезти въ церковь. Могутъ быть два покойника: одинъ—въ деревнѣ, отстоящей отъ церкви на восточной сторонѣ въ пяти верстахъ, другой—въ деревнѣ на южной сторонѣ въ осьми верстахъ. Если того и другого покойника будетъ поднимать самъ священникъ, то онъ, выѣхавъ изъ дома въ шесть часовъ утра,—а раньше-то для поднятiя и выѣхать нельзя, особенно въ осеннюю и зимнюю пору,—долженъ будетъ начать литургію не ранѣе 12 час. И съ этимъ еще можно бы мириться. Но дѣло въ томъ, что онъ, безъ стѣсненiя для себя, не можетъ заставлять ожидать такъ долго литургіи родственниковъ поднятаго уже покойника, тѣмъ паче—пришедшихъ изъ деревень сотни прихожанъ. Это легко можетъ случиться, какъ и случилось въ одномъ селѣ въ Дмитріеву субботу. Скажутъ: отложить въ такомъ случаѣ поднятiе и похороны одного покойника до другого дня. Но это легко сказать, и не такъ легко сдѣлать, да едва ли и священникъ имѣетъ на это право, не говоря уже о непріятности, какую откладываніемъ онъ неизбѣжно причинитъ тѣмъ, у которыхъ и такъ много горя. Не слѣдуетъ забывать и того, что священникъ тоже можетъ утомляться и ослабѣть, особенно въ непогоду, до того, что не въ состоянiи будетъ съ должнымъ вниманіемъ и спокойствіемъ приступить къ совершенію литургіи. Во избѣжаніе подобныхъ неудобствъ и для себя и для другихъ, полагаемъ, ничего не будетъ нехорошаго, если священникъ, отправившись поднимать одного покойника, или напутствовать умирающаго, или крестить новорожденнаго, діакону предложить и благословить поднять другого.

Но „діаконъ“, говоритъ Священникъ, „не могутъ управлять одни безъ священника какія либо требы“. А почему?

ничего въ запискахъ не сказано. Самовольно, безъ разрѣшенія священника, правда, діаконъ не могутъ единоличнымъ служеніемъ удовлетворить какой-либо религіозной потребности прихожанъ. Діаконъ, безъ благословенія священника, не можетъ облачиться въ свящ. одежды. Но сказать, что діаконъ, и съ разрѣшенія и благословенія священника не можетъ совершить безъ него извѣстнаго обрядоваго священнодѣйствія, не будетъ ли слишкомъ много? Въ ставленной грамматѣ сказано, что діаконъ, 1) обязанъ при Божественной Литургіи и при иныхъ таинствахъ, совершаемыхъ отъ іерея, и при прочихъ священнодѣйства служеніяхъ и чинѣхъ служить со страхомъ Божиимъ и многимъ вниманіемъ и говѣніемъ къ самаго Господа славѣ вся приличная діакономъ служенія совершати; во 2-хъ, діаконъ долженъ повиноваться іерею своему, споспѣшествуя и труждався во всемъ во благое, и, не сущу іерею, учить люди отъ Божественныхъ писаній Божественнымъ заповѣдямъ и жителству Христіанскаго закона. Вище же сего, ничтоже творити дерзати *іереємъ подобающихъ, ниже проскомисати, ниже прежде іереевъ причащатися Тѣла и Крови Христовой и иныхъ Святынь касатися: ниже самому себе самаго или иного кого причастити когда, ниже присущу іерею учить, ниже іерея предсѣдати*“. Высокопреосвященнѣйшій Филаретъ, при обозначеніи правъ лицъ іерархическихъ, говоритъ: Епископъ преподаетъ благодать и право другимъ на совершеніе таинствъ; священникъ совершаетъ таинства;—діаконъ служитъ при таинствахъ. Изъ этихъ двухъ цитатъ видно, что діаконъ не имѣетъ никакого права совершить какое-либо таинство, (исключая, понятно, крещенія въ случаѣ смертномъ); право на это исключительно принадлежитъ священнику. Но ничего яснаго и опредѣленнаго не сказано о томъ, чтобы онъ, съ разрѣшенія и благословенія священника, не могъ совершить какого либо обрядоваго священнодѣйствія, не относящаго къ таинству: а напротивъ, говорится, что онъ долженъ повиноваться іерею своему, и со страхомъ Божиимъ... вся приличная діакону слу-

женія совершать¹⁾, споспѣшествуя и труждаясь во всѣмъ во благое. Не безъ удивленія поэтому прихожанинъ выслушаетъ отказъ поднять покойника діакону, на котораго онъ смотритъ, какъ на лицо священное, каковъ онъ и есть въ дѣйствительности; котораго видитъ въ церкви предстоящаго вмѣстѣ съ священникомъ предъ престоломъ Божиимъ, возбуждающаго христіанъ къ молитвѣ и возносящаго молитву, проповѣдующаго слово Божіе и прочая священная дѣйствующаго. Недоумѣніе его удвоится, когда онъ, съ одной стороны, видитъ при гробѣ псаломщика, —лицо непринадлежащее къ іерархіи— читающаго псалтирь, послѣ каждой каѳизмы произносящаго трисвятое, тропарь, — „Со святыми упокой“ и молитву объ упокоеніи души усопшаго; а съ другой стороны услышитъ, что діаконъ, лицо освященное, іерархическое, не въ правѣ поднять и проводить покойника съ разрѣшенія и благословенія священника, хотя бы только съ пѣніемъ: „Святой Боже“; когда и раскольникамъ дозволено, при проходахъ умершаго на кладбище, твореніе молитвы по принятымъ у нихъ обрядамъ.

Далѣе въ запискахъ говорится, что поднятіе и проводъ покойника діакonomъ не справедливо по отношенію къ прихожанамъ: они вѣдь обыкновенно платятъ за погребеніе; а потому и нужно, чтобы погребеніе совершалось по чину и благообразно всѣмъ причтомъ, и не однимъ лицомъ“. Дѣйствительно, въ Церкви Божіей должно быть все благообразно и по чину. И если бы діаконъ дозволилъ себѣ совершить погребеніе полностью безъ священника, тогда онъ учинилъ бы дѣяніе безобразное и безчинное, на каковое ему не въ правѣ дать разрѣшеніе и благословеніе ни одинъ священникъ; такъ какъ погребеніе, по чиноположенію, есть одно изъ важныхъ священнодѣйствій, только іереемъ подлежащее, и которое другому, „за

¹⁾ За болѣзнію священника, напр., прославить Христа въ день Рождества Христова; пропѣть въ храмовой праздникъ въ домѣ прихожанина тропарь и кондакъ; пройти въ день Богоявленія со святою водою, поднять покойника и пр.

молитвы св. отецъ“, совершить нельзя. Но поднимая покойника и провожая его до храма для совершенія надъ нимъ уставнаго погребенія, діаконъ учиняетъ только предваряющее, обрядовое дѣяніе, безъ котораго нерѣдко и обходятся, и чинъ погребенія отъ этого нисколько не нарушается; и потому поднятiе съ погребеніемъ смѣшивать нельзя, какъ нельзя смѣшивать, напр., съ литургіею читаемое діакономъ для причастниковъ послѣдованіе ко св. причащенію. Первое (поднятiе) совершается священникомъ въ епитрахили, а второе (погребеніе) непременно въ фелонѣ; и по возгласѣ отъ священника начинается съ псалма: *Живый въ помощи Вышняго*, что можно усматривать изъ чина погребенія младенческаго и изъ того, что нерѣдко поднятiе и выносъ тѣла бываетъ наканунѣ дня погребенія и всегда предъ литургіею, послѣ которой съ особымъ началомъ и совершается погребеніе. Что либо одно изъ двухъ: или діаконъ въ правѣ безъ священника читать послѣдованіе ко св. причащенію; тогда онъ въправѣ, съ благословенія священника, и покойника поднять и проводить на кладбище. Если же онъ не въ правѣ дѣлать послѣдняго, тогда онъ не въ правѣ и послѣдованіе читать одинъ, а долженъ при немъ находиться священникъ и произносить, гдѣ нужно, возгласы.

Нельзя согласиться и съ тѣмъ, что прихожане платятъ и за поднятiе покойника и за погребеніе, какъ за одно дѣйствіе. Первое можетъ быть, но можетъ и не быть, особенно при заразительныхъ болѣзняхъ и увеличеніи смертности; исполненіе второго составляетъ обязанность священника, и безъ него не хоронится умершій. Хорошо разграничиваютъ то и другое прихожане, и признавая поднятiе покойника отдѣльнымъ отъ погребенія трудомъ, отдѣльно о платятъ за то и другое. Такъ какъ не всѣ имѣютъ возможность вознаграждать причтъ за поднятiе покойника; то чтобы не лишить ихъ религіознаго утѣшенія, особенно при удрученномъ ихъ положеніи, священникъ и благословляетъ діакона поднять и проводить покойника безъ всякаго за то вознагражденія, за что премного остаются благодарными прихожане. И въ этомъ, повторимъ,

нѣтъ ничего безобразнаго и безчиннаго; напротивъ, какъ проявленіе заботливости и попеченія священника облегчить скорбь дѣтей своихъ духовныхъ, придти къ нимъ съ утѣшеніемъ, похвально, и, какъ таковое, должно быть позволительно. Отказъ причинилъ бы не малую скорбь прихожанину съ родственниками, а въ народѣ породилъ бы ропотъ на священника.

„Наконецъ, несправедливо поднятіе покойника, по словамъ Священника, однимъ діакономъ и по отношенію къ послѣднему, несущему трудъ, за который получаетъ вознагражденіе другой; тѣмъ болѣе, что на діаконѣ и безъ того возложено много ¹⁾ я разумѣю преподаваніе въ школахъ“. Когда священникъ свободенъ и посылаетъ діакона поднимать покойника, пожалуй, онъ несправедливо поступаетъ, но не безусловно виноватъ въ этомъ; потому что не всегда безопасно ему, готовящемуся литургисать, самому ѣхать въ непогоду и морозъ за семь и болѣе верстъ, и послѣ совершать литургію. Къ тому же не мало священниковъ болящихъ, — старцевъ, удрученныхъ лѣтами и трудами, съ трудомъ доходящихъ до церкви и едва обрѣтающихъ въ себѣ силу совершать литургію и нерѣдко въ храмѣ холодномъ. Городскимъ священникамъ, пожалуй, умѣстно указать на это; но сельскимъ священникамъ ставить въ вину нельзя, если они, будучи свободными, посылаютъ діакона поднять покойника; и тѣмъ паче нельзя наказывать ихъ за это. Хорошо и легко разсуждать и предписывать въ кабинетѣ; но не легко, а иногда и не возможно и при желаніи исполнить предписываемое. Прежде чѣмъ рѣшать въ отрицательномъ смыслѣ извѣстный вопросъ, надо предварительно подумать, возможно ли осуществленіе его въ жизни въ смыслѣ положительномъ ²⁾. Что касается того, что на діаконѣ

¹⁾ И много же дано имъ изъ доходнаго рубля: столько, сколько никогда не получали они отъ самаго основанія Церкви Россійской.

²⁾ Во всѣхъ вѣдомствахъ есть запасные агенты службы, которыхъ начальство и посылаетъ на мѣсто заболѣвшаго штатнаго служащаго. У насъ таковыхъ нѣтъ, и священникъ какъ бы лишенъ права болѣть. Жалко бываетъ смотрѣть на матушку, которая ѣздитъ по епархіи, отыскивая священника послужить за болящаго ея мужа. Еще жалче болящаго свя-

новъ и такъ возложено много дѣла по обученію въ школь, то по этому поводу можно бы многое сказать; ограничимся утвержденіемъ, что ни одинъ священникъ не дозволить себѣ отвлекать къ требоисправленію діакона, занимающагося въ школь,—и самъ по себѣ, и по распоряженію начальства, освобождающему діаконовъ отъ участія въ служеніи во дни учебные. Къ сожалѣнію, у насъ образовался типъ діаконовъ, которые только и годятся, чтобы поднимать покойниковъ съ пѣніемъ „Святый Боже“, и въ учительствѣ не сильны. Съ послѣднимъ указаніемъ составителя записокъ, что не слѣдуетъ допускать поднятіе діакономъ покойника, хотя бы ему за выносъ давали особое вознагражденіе, нельзя не согласиться; такъ какъ подобное допущеніе не можетъ не породить недовольства у другихъ членовъ причта и не повести къ инымъ злоупотребленіямъ еще большимъ.

Вотъ тѣ доводы и основанія, по которымъ, по нашему понятію, нельзя считать нехорошимъ, незаконнымъ, безчиннымъ допущеніе діаконовъ къ поднятію и проводу покойниковъ. Основанія эти взяты изъ давней и едва ли не повсюдной практики церковной и изъ того благосклоннаго взгляда, какой имѣли на это архинастыри, и по которому не только поднятіе покойника, а и совершеніе утрени и обѣдницы съ часами „за молитвы святыхъ отецъ“ широко практиковалось особенно въ приходдахъ, въ которыхъ не мало землевладѣль-

щенника, который, страдая отъ болѣзни тѣломъ, еще больше страдаетъ душою, когда видитъ, что религіозныя потребности прихожанъ за болѣзнію его не удовлетворяются. Оттого нерѣдко, что священникъ заболѣвшій, напругая послѣднія силы, идетъ служить, и тѣмъ еще болѣе ухудшаетъ свое положеніе. Нелшше поэтому было бы имѣть одного на уѣздъ запаснаго священника, хотя бы на діаконской вакансіи. Это необходимо и для предупрежденія охлажденія прихожанъ ко храму и богослуженію, такъ какъ отъ прекращенія богослуженія въ храмѣ за болѣзнію священника прихожане незамѣтно отвыкаютъ отъ посѣщенія храма. Разъ, другой пріѣхаль въ храмъ, нашель его запертымъ,—въ третій онъ уже не ѣдетъ, не поѣдетъ и послѣ и считаетъ себя правымъ. Допущенное по обстоятельствамъ обращается въ привычку, и прихожанивъ отвыкаеть отъ храма.

цевъ, имѣвшихъ благочестивый обычай подѣ особенные праздники отправлять на дому всенощныя богослуженія. Пишущій пережилъ въ своей епархіи восемь епископовъ; всѣ они знали о поднятїи покойниковъ діаконами, и никто изъ нихъ никогда не только не запрещалъ этого, а напротивъ, въ случаѣ болѣзни священника разрѣшалъ діакону съ псаломщиками на Пасху ходить со святыми иконами по домамъ прихожанъ, съ пѣніемъ Пасхальнаго канона; а въ числѣ ихъ были точные канонисты, напр: высокопреосвященнѣйшій Григорій II, строгій ревнитель и охранитель устава, ни подѣ какимъ видомъ, напр., не разрѣшавшій въ седмичные дни поста совершенія заупокойной литургіи Златоустовой. Предпоследній же епископъ, преосвященный Макарій, посвящая псаломщика въ санъ діакона на псаломщицкой вакансіи, прямо заявлялъ священнику, что онъ дѣлаетъ это въ помощь ему, говоря: „покойника онъ тебѣ подниметъ и проводитъ его до кладбища“. Даже въ городахъ, гдѣ бы не должно было допускать этого, архипастыри, какъ напр., высокопреосвященнѣйшій Филаретъ, митрополитъ Московскій, и послѣ него бывшіе до митрополита Сергія, не налагали запрещенія на это; слѣдовательно считали это дозволеннымъ и непротивнымъ уставу. Къ этому убѣжденію приводитъ насъ и недавно встрѣченная нами переписка одного высокопоставленнаго лица съ покойнымъ архимандритомъ Павломъ Прусскимъ. Последній, если не обманываетъ насъ память, на вопросъ перваго, на основаніи Устава находилъ нисколько не противнымъ ему, если какой-либо мірянинъ грамотный въ селеніи своемъ, отстоящемъ отъ церкви на далекомъ разстояніи, вслѣдствіе чего насельники онаго не всегда находятъ удобнымъ и возможнымъ быть въ церкви въ воскресные и праздничные дни, да соберетъ ихъ въ одинъ домъ и прочитаетъ имъ по часослову извѣстную службу¹⁾. Какъ же послѣ этого не дозво-

¹⁾ Къ сожалѣнію, не приводимъ подлиннаго отвѣта, такъ какъ не могли отыскать переписки, а потому не ручаемся за вѣрность отвѣта по памяти.

лить діакону въ случаѣ нужды, съ благословенія священника, поднять и проводить покойника, съ пѣніемъ: „Святый Боже“? Очень, повторяемъ, желательно встрѣтить разъясненіе этого вопроса.

Заштат. свящ. *И. Малининъ.*

Наши культуртрегеры.

Горожане одного уѣзднаго города Воронежской губ. соорудили театр, стоимостію въ 30 тысячъ руб. Печальныя думы наводитъ на каждыя здравомыслящаго человѣка такая трата денегъ, когда кругомъ—вопіющая нужда: городская церковь, напр., вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ, за недостаткомъ средствъ, стоитъ недостроенной; много бѣднаго люда нуждается въ средствахъ къ жизни и въ школахъ; ощущается большой недостатокъ медицинскаго персонала и медицинскихъ средствъ; плохи санитарныя условія города: на улицахъ, за отсутствіемъ мостовыхъ, невылазная грязь. Между тѣмъ, наши провинціальныя культуртрегеры, въ неразумной погонѣ за столичными и губернскими, послѣдніе городскіе гроши затрачиваютъ на предметы роскоши и удовольствій!.. Не интересы вѣры и Церкви ихъ занимаютъ, не нужды бѣдствующаго населенія, а ложный „прогрессъ“, желаніе не отстать отъ современныхъ псевдо-просвѣтителей народа, которые самоувѣренно заявляютъ, что религія уже отжила будто бы свой вѣкъ, и ее должна замѣнить наука и искусство; что не храмы Божіи просвѣщаютъ и облагораживаютъ человѣка, а театры. И вотъ, по всему лицу земли Русской кипитъ лихорадочная дѣятельность культуртрегеровъ: все русское, православное, національное уничтожается, а западно-европейское, „культурное“, чуждое вѣрѣ и русской народности, насаждается. Храмы Божіи у нихъ въ полномъ забвеніи,—пусть ихъ строятъ народная „масса“, „чернь“, на добротныя подаенія, а они городскія суммы тратятъ на храмы Ваалу—на театры. Имъ желательны города и села безъ церквей, но съ театрами, народъ—безъ вѣры, пастыри—безъ паствы, школы—безъ пре-

подаванія Закона Божія. Идеаломъ ихъ „просвѣтительной“ дѣятельности являются, повидимому, дѣянія современныхъ гонителей христіанства во Франціи. Идя этимъ, давно уже намѣченнымъ ими, путемъ „прогресса“, они съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе подтачиваютъ здоровый организмъ Православія и народности. Подавая народу, за его же трудовую, облитую потомъ и омоченную слезами конѣйку, вмѣсто хлѣба насущнаго—камень, вмѣсто живой воды—отравляющее питье, они со временемъ достигнутъ своей цѣли: навязжутъ народу западную культуру, отдаливъ его отъ вѣры и Церкви; привьютъ ему чувственно-животные инстинкты, подавивъ въ немъ живую вѣру въ Бога.... Да избавитъ Господь Церковь Свою святую и православный народъ русскій отъ такого бѣдствія, которое страшнѣе всѣхъ стихійныхъ бѣдствій: пожара, наводненія, засухи, эпидемическихъ болѣзней и т. п. Стихійныя бѣдствія, посылаемыя Богомъ человечеству, располагаютъ нашъ религіозный народъ къ покаянію и исправленію жизни, а лишеніе вѣры и благочестія сдѣлаетъ его звѣремъ, „скотомъ несмысленнымъ“, готовымъ на всякія преступленія.

При такомъ „прогрессѣ“, при такихъ двигателяхъ просвѣщенія народнаго, печальная перспектива предвидится для народа въ будущемъ. Если навстрѣчу этого „культурнаго“ движенія не выступятъ ревностные борцы за православіе, то не пройдетъ и полувѣка, какъ весь русскій нашъ народъ будетъ поглощенъ „культурой“ и отвращенъ отъ вѣры и Церкви.

Но кто эти борцы? Увы!... Одни только пастыри Церкви! Озираясь *стмо и овамо*, іереи не видятъ въ кругу свѣтской интеллигенціи помощниковъ себѣ въ своей пастырской дѣятельности. Какъ будто мы живемъ въ древнія времена христіанства и окружены людмы, чуждыми христіанской вѣры!.. Однако же эта истина—неоспорима: мы, пастыри Церкви, одиноки. Но да не смущается сердце наше!.. Храни, іерей Божій, вѣчные животворные завѣты Христа, воплощай ихъ въ жизни твоей и не страшись тогда никакой враждебной тебѣ

силы: Богъ твой помощникъ и покровитель и Его божественная благодать.

Порадѣмъ же, добрые пастыри, о нашемъ духовномъ дѣланіи на нивѣ Христовой. Почва на этой нивѣ пока еще благодарна, хотя и засорена терніями ересей и раскола и волчцами религіознаго индифферентизма. *Изыдемъ на дѣло свое святое и на дѣланіе съ утра и даже до вечера* нашего житія! Поработаемъ Господу со страхомъ, свое и своей паствы спасеніе *содѣвающе!* Поработаемъ, пока еще *есть день: придетъ ночь, егда никто же можетъ дѣлати!* Не далеко то время, когда наша духовная нива будетъ, быть можетъ, бесплодна, когда духовный нашъ вертоградъ преданъ будетъ инымъ дѣлателямъ не для созиданія уже, а для поруганія и разоренія. Нужно намъ вооружиться терпѣніемъ Іовлевымъ, ревностію Илиною, мужествомъ Моисея, кротостію Давида и трудолюбіемъ Павла, чтобы не ослабѣть въ своей дѣятельности. Пусть насъ укоряють интеллигенты въ мнимои отсталости и невѣжествѣ,—воздадимъ имъ добромъ за зло; пусть хулять насъ и ругають,—будемъ искать утѣшенія въ молитвѣ и чтеніи Слова Божія. Кто же дерзнетъ хулить святое имя Божіе, тому не смолчимъ, но да заградимъ уста его мечемъ духовнымъ, *иже есть глаголь Божій...* Ужели будемъ стыдиться предъ „культуртрегерами“ за свое исповѣданіе и проповѣданіе вѣры святой? Каждому дадимъ посильный отвѣтъ *о нашемъ упованіи (вѣрѣ)!* Въ минуты же унынія и сомнѣнія припомнимъ грозный гласъ Пастыреначальника Господа: *Иже постыдится Мене и Моихъ словесъ въ родъ семъ прелюбодѣйнымъ и грѣшнымъ, и Сынъ человѣческій постыдится его, егда придетъ во славу Отца Своего со ангелы святыми* (Марк. 8, 38), и съ новою бодростію станемъ работать во славу Божію, дабы каждый изъ насъ въ невечернѣмъ дни Царствія Христова, въ праведное воздаяніе трудовъ его, сподобился услышать оный *вожделенный гласъ: добръ, рабе благодій и вѣрный... вниди въ радость Господа твоего* (Матѣ. 25, 23).

Въ какихъ случаяхъ употребляется въ Православной Церкви присяга? ¹⁾

Жизнь часто ставитъ совершенно неожиданные вопросы, — такіе, которые давно разсмотрѣны, рѣшены, и, казалось бы, относительно ихъ не остается ничего сказать новаго. Таковъ, напр., вопросъ о присягѣ. Канонисты давно сказали свое вѣское слово о религіозномъ, социальномъ и государственномъ значеніи присяги, употребляемой въ Православной Церкви.

Русскій народъ знаетъ присягу, давно установился народный взглядъ на нее, какъ на самый священный, страшный и отвѣтственный шагъ въ жизни всякаго православнаго христіанина, на который онъ рѣшается только въ крайнемъ случаѣ; особенно это нужно сказать о нашемъ простомъ народѣ, преимущественно деревенскомъ жителѣ. — Люди, которыхъ коснулась городская культура своимъ наиболѣе вреднымъ вліяніемъ, подрывающимъ искреннюю вѣру, пожалуй, легко могутъ приступать къ присягѣ, считая ее извѣстной формой закона или даже, по недоразумѣнію, церковнымъ обрядомъ; но не таковъ взглядъ глубоко вѣрующихъ, искреннихъ, простыхъ деревенскихъ крестьянъ. Здѣсь трепеть и ужасъ предъ лицемъ Всевидящаго Бога, — тамъ нѣкоторая развязность, бойкость, смѣлость. Сравните, напр., крестьянъ, принимающихъ въ Церкви присягу на вѣрноподданство Государю Императору, или сельскую полицію, присягающую тамъ же, — и свидѣтелей горожанъ, положимъ, въ окрестномъ судѣ, — и вы наглядно увидите всю разность душевнаго ихъ состоянія. Правда, я беру разные, извѣстные мнѣ, случаи; но отъ этого дѣло мало измѣняется. А что дорого для народа, съ тѣмъ и необходимо наиболѣе осторожно обращаться, чтобы не профанировать религіозныхъ чувствъ народа.

¹⁾ Екатеринбург. еп. в., 1903 г., № 33.

Между тѣмъ, въ послѣднее время стали приводить къ присягѣ, по требованію акцизныхъ чиновниковъ, сидѣльцевъ казенныхъ винныхъ лавокъ, притомъ — по той самой формѣ, по которой приводятся на вѣрнопопданство. Выходитъ, что продажа водки есть, какъ будто бы, такое важное государственное дѣло, на которомъ зиждется благосостояніе всего народа. Интересы казны обязанъ соблюдать всякій гражданинъ, о чемъ онъ даетъ присягу, принимая подданство, и нѣтъ нужды — по крайней мѣрѣ въ данномъ случаѣ — снова повторять то же самое. Да и самые „интересы“, „ущербы“, „убытки“, упоминаемые въ присяжной формѣ, необходимо понимать въ болѣе широкомъ смыслѣ, какъ духовныя требованія отъ всѣхъ подданныхъ повиноваться Верховной власти не столько „за страхъ“, сколько „за совѣсть“ и сохранять ея прерогативы. Понимая иначе, пришлось бы всѣхъ подрядчиковъ отъ казны приводить къ присягѣ — и, прежде всего, желѣзно - дорожниковъ, какъ наиболѣе частыхъ и крупныхъ контрагентовъ казны; однако мы этого не видимъ. Казна соблюдаетъ свои матеріальные интересы судомъ, какъ частныя лица. Церковь какъ бы поступаетъ своими святыми правами въ угоду матеріальныхъ расчетовъ казны, если предположить, что приводъ къ присягѣ сидѣльцевъ имѣетъ въ виду казенные „ущербы“, убытки, понимаемые въ буквальномъ смыслѣ. Церковь имѣетъ свои вѣчные законы, свои правила, которые она должна охранять стойко, крѣпко. Русскій народъ, особенно высшій его классъ, такъ отвыкъ отъ подчиненія правиламъ св. Церкви, что даже такое справедливое дѣяніе высшей церковной власти, какъ отлученіе отъ Церкви графа Толстого, вызвало въ обществѣ и печати цѣлую бурю толковъ, мнѣній, неудовольствій, такъ что, кажется, если бы возможно было, то потребовали бы извиненія за справедливый судъ Церкви. Это ужъ, при столь частомъ проповѣдываніи свободы совѣсти, совершенно пахнетъ крѣпостничествомъ Церкви и духовенства. Да оно такъ и бываетъ въ жизни. Прислушайтесь къ толкамъ въ обществѣ: одному не нравится

продолжительность церковныхъ службъ; другому — славянскій языкъ богослуженія, строгость постовъ и пр...; третій не просить, а требуетъ отъ священника, чтобы его сейчасъ же удовлетворили, такъ какъ онъ — „не мужикъ“, а повыше рангомъ, а мужики, явившіеся раньше, могутъ ожидать. Можно бы указать массу жизненныхъ фактовъ, гдѣ предъявляются къ Церкви и духовенству иногда невозможныя, дикія требованія въ грубой формѣ,—и Церковь и духовенство смиренно переносятъ все. Церкви проповѣдуетъ вѣчныя истины, а потому должна быть чужда какихъ-либо матеріальныхъ выгодъ или убытковъ. Освящать продажу питей такимъ актомъ, какъ присяга, значить, — потакать злу, санкціонировать то, что правительство само признаетъ за зло. Правда, говорятъ обыкновенно, что сидѣльцы принимаютъ присягу для того, чтобы соблюдать свято, ненарушимо правила торговли. — Въ государствѣ много различныхъ должностей, для каждой изъ нихъ существуютъ извѣстныя правила, а вѣдь не всѣ же лица, обязанныя подчиняться этимъ правиламъ, принимаютъ особую, нарочитую присягу? Напр., народныя учителя, — они окутаны правилами, на нихъ покоится вся судьба Россіи; это тѣ люди, которые могутъ принести великую пользу и неисчерпаемый вредъ; однакоже, имъ довѣряютъ, хотя и въ смыслѣ надзора за ихъ дѣятельностію они поставлены въ гораздо худшія условія, чѣмъ сидѣльцы, у которыхъ чрезъ двѣ недѣли ѣдетъ начальство: то сборщикъ, то акцизный чиновникъ, то контролеръ; тутъ, кажется, некогда думать о нарушеніи правилъ торговли. Скажутъ, пожалуй, еще: „здѣсь преслѣдуется нравственная цѣль“.—Нѣтъ. Нравственности нельзя насадить никакими казенными правилами, все одно, какъ нельзя приказать кому-либо быть честнымъ, справедливымъ; скорѣе наоборотъ: можно подорвать ее въ самомъ святомъ для русскаго народа дѣлѣ. Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ русскій народъ смотрѣлъ на присягу, какъ на важный религіозный актъ въ государствѣ, на коемъ покоится благоденствіе всего народа, съ трепетомъ въ душѣ приступалъ

къ присягѣ, — и вдругъ онъ постепенно станеть приучаться къ тому, что присяга ужъ не такъ страшна, что это дѣло обыкновенное, житейское, примѣняемое даже при торговлѣ водкой; да и питье водки не великое преступленіе, не грѣхъ, разъ такъ усердно регламентируются правила ея употребленія, продажи, да еще для большей силы подкрѣпляютъ почему-то присягой. Не даромъ въ народѣ за короткое время вошла въ обычай поговорка: „кто водки не пьетъ, — казнѣ добра не мыслить“! Это, разумѣется, шутка пока еще, но очень мѣткая, характерная, какъ и все, переживаемое народомъ. Можно предположить еще, что агенты винной монополіи боятся, какъ бы Церковь своей проповѣдію о трезвости не нанесла матеріальныхъ убытковъ казнѣ, какъ бы не стала слишкомъ усердно братья за дѣло отрезвленія народа въ ущербъ казеннымъ интересамъ. — Боязнь совершенно напрасная: Церковь всегда была въ союзѣ съ государствомъ, всегда въ теченіе 19 вѣковъ призывала христіанъ къ трезвости; были въ средѣ ея замѣчательные витіи, ораторы, которые „глаголомъ жгли сердца людей“, а зло не прекращалось, — оно на время могло утихнуть, но не искорениться. Можетъ быть, тутъ имѣютъ большое вліяніе историческія, бытовыя, нравственныя условія? Измѣнятся эти условія, — исчезнетъ и само зло.

Церковь же, какъ вѣчное учрежденіе, не должна приравниваться ко времени: въ этомъ ея основаніе, ея преимущество предъ чисто человѣческими учрежденіями. Притомъ, необходимо принять во вниманіе наше время — время индифферентизма къ вѣрѣ въ нашемъ свѣтскомъ обществѣ, распространенія всевозможныхъ сектъ среди простого народа. Сектанты, конечно, не замедлятъ выставить противъ Православной Церкви обвиненіе въ томъ, что она не только не старается искоренить зло среди своихъ чадъ, а, напротивъ, какъ бы освящаетъ его своимъ авторитетомъ, — а вѣдь, Церковь, по слову св. апостола, должна быть *чиста, непорочна*.

Когда меня зовутъ приводить сидѣльца казенной винной лавки къ присягѣ, я иду и думаю: что же это за должность

такая особая, и въ чемъ состоитъ ея служеніе государству и обществу?!... И напередъ знаю, что сидѣлецъ—бывшій учитель, прослужившій въ этой должности 18 лѣтъ; мнѣ хочется сказать ему въ этотъ важный моментъ его жизни что-либо пріятное, но я не нахожу словъ. Я ничего не сказалъ ему, а только спросилъ его: „вы, кажется, бывшій учитель,—а не помните, вы не принимали присяги, когда поступали учителемъ въ народную школу?“—„Нѣтъ“, отвѣтилъ онъ. Мы вошли въ церковь, я тотчасъ привелъ къ присягѣ, а послѣ подписали присяжный листъ: я, бывшій учитель и акцизный чиновникъ. Все, — скажутъ, — такъ просто, естественно, но все это невольно наводитъ на грустные думы.

Свящ. *Романъ Петровъ.*

Порядокъ стоянія при соборномъ служеніи.

При соборномъ служеніи іерей безусловно долженъ уступить мѣсто протоіерею, затѣмъ, неимѣющей набедренника—священнику, награжденному имъ, и т. д. до скуфьи, камилавки, синодальнаго наперснаго креста и пр. Кромѣ этихъ іерархическихъ условій, есть условія служебныя, въ силу которыхъ благочинные изъ священниковъ уступаютъ мѣсто только протоіереямъ, а въ остальныхъ случаяхъ только первенствуютъ, хотя бы находились священники болѣе заслуженные, такъ какъ священники должны оказывать благочинному всякое почтеніе (Инстр. бл., 61). Точно также первенствуютъ и окружные духовники, какъ отцы духовные, избранные самими же священниками. Кромѣ этого, въ нашей Церкви искони существуютъ отличія ученія, на основаніи которыхъ священникъ, окончившій курсъ академіи, первенствуетъ предъ священниками изъ семинаристовъ, точно также и протоіерей академикъ предъ протоіереемъ изъ семинаристовъ, хотя бы эти священники и протоіерей-семинаристы были награждены набедренниками, скуфьями и т. д., а тѣ нѣтъ. Настоятель

мѣстной церкви съ семинарскимъ образованіемъ, состоящей въ священномъ санѣ уже много лѣтъ и даже награжденный наперснымъ крестомъ, имѣеть всѣ права на старшинство при соборномъ служеніи передъ молодымъ священникомъ съ кандидатскимъ крестомъ (Ц. В., 1888, № 6). Если настоятель извѣстной церкви изъ неокончившихъ курсъ, а служащіе съ нимъ священники хотя и моложе его, но окончили полный семинарскій курсъ, то изъ нихъ долженъ первенствовать въ священнослуженіи, настоятель мѣстной церкви. Въ данномъ случаѣ право старшинства обусловливается не степенью школьнаго образованія, а служебнымъ положеніемъ священнослужителей (Ц. В. 1880, № 21). Если же служатъ лица равной іерархической или служебной степени и ученаго положенія, то первенствуетъ раньше рукоположенный или раньше получившій протоіерейство, камилавку и т. п. Впрочемъ, пастыри всячески должны избѣгать у престола Господня споровъ о мѣстѣ, помня заповѣдь Спасителя, чтобы *болій* между ними былъ, *яко мній, и старій, яко служай*, тѣмъ болѣе, что первенство ничего не прибавляетъ къ достоинствамъ пастыря и, напротивъ, *смиреніе* его нисколько не унижаетъ (Рук. д. с. н. 1885 г., № 36. Сборн. С. В. Булгакова, стр. 471).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Кирилль.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 16 февраля 1904 г.

Цензорь, священникъ *Ө. Титовъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 8.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, февраля 22-го.

Содержаніе: Роль духовенства въ церковно-приходскихъ попечительствахъ.—Россія и Японія.—Достопамятный юбилей просвѣтитель-
ной дѣятельности обители преподобнаго Сергія на пользу русскаго
православнаго народа.

Роль духовенства въ церковно-приходскихъ по- печительствахъ.

Вопросъ о церковно - приходскихъ попечительствахъ въ настоящее время является однимъ изъ самыхъ жизненныхъ вопросовъ. Онъ обсуждается за послѣдніе годы довольно часто на страницахъ и духовныхъ и свѣтскихъ періодическихъ изданій, пишутся по поводу его обширныя статьи. Иначе и быть, впрочемъ, не можетъ. Высочайшимъ манифестомъ отъ 26 февр. 1903 г. церковно - приходскія попечительства при-
зываются къ жизни дѣятельной, къ энергичному участию въ обще-государственной работѣ. Имъ предстоитъ, такимъ образомъ, въ ближайшемъ будущемъ весьма видная роль въ жизни при-
хода. Чтобы попечительства сумѣли стать на подобающую имъ

высоту и тѣмъ оправдать Царскія надежды и довѣріе, Правила о церковно-приходскихъ попечительствахъ, какъ говорятъ, будутъ скоро въ св. Синодѣ пересматриваться вновь. Но если гдѣ, то въ особенности въ данномъ случаѣ необходимо примѣнить пословицу: „семь разъ отмѣрь, — однажды отрѣжь“. Новый уставъ о попечительствахъ долженъ быть особенно тщательно выработанъ, и только потомъ уже представленъ на Высочайшее утвержденіе. Послѣ исправлять ошибки будетъ не такъ-то легко и удобно. Нагляднымъ доказательствомъ этого служить то, что духовенство и по настоящее время пользуется уставомъ 60-хъ годовъ. А потому, кто изъ близко стоящихъ къ дѣлу лицъ имѣетъ что-либо заявить, долженъ сдѣлать это заблаговременно, пока еще не поздно. Съ своей стороны мы считаемъ необходимымъ сказать кое-что о той роли, которая должна принадлежать въ церковно-приходскомъ попечительствѣ представителямъ Церкви—мѣстному духовенству.

Статья 3-ья дѣйствующаго пока „Положенія о приходскихъ попечительствахъ при православныхъ церквахъ“ читается такъ: „Предсѣдатель попечительства избирается общимъ собраніемъ прихожанъ, по большинству голосовъ, изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ, не исключая и мѣстнаго приходскаго священника, который (по ст. 2) есть, во всякомъ случаѣ, непремѣнный членъ попечительства. Предсѣдателю попечительства присвоивается званіе попечителя прихода. Въ случаѣ отсутствія попечителя, вмѣсто него въ попечительствѣ предсѣдательствуетъ священникъ—настоятель приходской церкви“. Объ остальныхъ членахъ причта въ „Положеніи“ совсѣмъ не упоминается: очевидно, что общее собраніе прихожанъ можетъ ихъ, простымъ неизбраніемъ въ члены, совершенно отстранить отъ всякаго участія въ дѣлахъ попечительства.

Будетъ ли измѣнена вышеприведенная 3-ья статья и какъ, — пока вопросъ открытый. По нашему же глубокому убѣжденію, она должна быть признана устарѣвшей.

Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли: попечительство является руководителемъ церковно-общественной и религіозно-нравственной жизни прихода, — и во главѣ его стоитъ не священникъ?... Да кто же долженъ стоять на стражѣ духовной жизни паствы, какъ не самъ пастырь ея? Кто долженъ быть главнымъ духовнымъ руководителемъ въ приходѣ, какъ не духовный отецъ?... Помѣщикъ? земскій начальникъ? почетный прихожанинъ? кулакъ деревенскій — мѣстный міроѣдъ—и т. п. лица?...

А отчего бы, скажутъ иные, и не такъ? Вѣдь священникъ—и безъ того вліятельное лицо въ приходѣ, и такъ онъ имѣетъ возможность постоянно руководить духовною жизнью прихожанъ, какъ церковный проповѣдникъ и какъ духовный отецъ. — Все это такъ. Но какая же нужда ставить еще и иного рода руководителя во главѣ попечительства (а въ томъ числѣ и самого мѣстнаго духовенства) — свѣтское лицо? Въ надеждѣ на совмѣстную дружную работу — не такъ-ли?— Нѣтъ,—тутъ-то ея именно и трудно ожидать. *Свѣтскій предсѣдатель, особенно изъ либераловъ, а тѣмъ болѣе—изъ тайныхъ сектантовъ,* будетъ, быть можетъ, стремиться къ разрушенію того, надъ чѣмъ священникъ энергично трудится. Станетъ ли содѣйствовать ему послѣдній?—Ясное дѣло, что нѣтъ!.. Нечего удивляться, поэтому, если есть священники, уклоняющіеся отъ открытія въ своихъ приходахъ церковныхъ попечительствъ главнымъ образомъ изъ опасенія, что въ предсѣдатели попечительства на сходѣ можетъ совершенно неожиданно быть избраннымъ такое лицо, которое станетъ не содѣйствовать, а лишь тормозить многія добрыя начинанія священника. А вѣдь подобныхъ личностей найдется не мало чуть ли не въ каждомъ приходѣ.

При выходѣ въ свѣтъ дѣйствующаго въ настоящее время положенія о церковно-приходскихъ попечительствахъ условія церковно-общественной, религіозно-нравственной и политическо-гражданской жизни были далеко не тѣ, какія достались въ удѣлъ XX-му вѣку. Тогда, въ 60-хъ годахъ, во-первыхъ,

народъ русскій былъ еще очень религіозенъ, да и интеллигенція модными западными идеями еще не была увлечена такъ, какъ теперь, и уставами Церкви дорожила, почему при выборѣ предсѣдателя попечительствъ особенно большихъ общинъ не могло быть. Кромѣ того, въ самомъ включеніи должности предсѣдателя церковно - приходскихъ попечительствъ въ число выборныхъ должностей видна особенная мудрость законодателя: онъ хотѣлъ, быть можетъ, чтобы только - что обиженные освобожденіемъ крѣпостныхъ крестьянъ помещики и дворяне постарались войти въ добрыя, хотя бы то и покровительственныя, отношенія съ освобожденнымъ простымъ народомъ и могли быть нѣсколько удовлетворены черезъ избраніе ихъ въ „попечители прихода“ и черезъ поставленіе, такимъ образомъ, почти во главу его. Главнымъ же образомъ самому - то освобожденному народу было наглядно показано, что онъ теперь вполнѣ свободенъ—имѣетъ право выбирать по своему личному усмотрѣнію своихъ представителей, руководителей, такъ называемыхъ „попечителей“. При всемъ томъ, и въ дѣйствующемъ пока „Положеніи“ уже замѣтно сильное тяготѣніе въ пользу предсѣдательства священника. Это ясно изъ того, что *лицо „замѣняющее предсѣдателя“*, по „Положенію“, не избирается, а *опредѣленно указывается* слѣдующими словами: „Въ случаѣ отсутствія попечителя, вмѣсто него въ попечительствѣ предсѣдательствуетъ священникъ—*настоятель приходской церкви*“. (Изъ ст. 3-й „Полож. о прих. попеч. при прав. Церквахъ“). А что самого предсѣдателя нашли тогда возможнымъ избирать, такъ это вполнѣ естественно... Вѣдь тогда, въ 60-хъ годахъ, было иное время, иные нравы, иныя условія, иные запросы и требованія жизни, рѣзко отличающіеся отъ тѣхъ, которые настали чрезъ 40 лѣтъ послѣ. Тогда народъ еще очень дорожилъ старинными, традиціонными истинно - православными обычаями и завѣтами предковъ, искалъ истины и свѣта въ религіи, рвался къ Церкви, свято чтить ея обряды, уважалъ авторитетъ духовенства. Но вотъ, вскорѣ послѣ того, въ тѣхъ же 60-хъ годахъ,

съ начавшаго уже разлагаться духовно запада модное невѣріе, подъ вліяніемъ извѣстнаго направленія литературы и ея представителей прорвалось и къ намъ бурнымъ потокомъ. Этотъ тлетворный духъ, съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе заражая воздухъ, породилъ полный атеизмъ, анархизмъ и многочисленныхъ видовъ сектантство. До какой степени заражены иныя мѣстности указанными язвами, говорить излишне, такъ какъ это извѣстно болѣе или менѣе всякому, хотя сколько-нибудь слѣдующему за духовною литературой, не говоря уже о читателяхъ специальныхъ миссіонерскихъ журналовъ.

Само собою понятно, что въ приходсахъ, сильно зараженныхъ расколомъ и сектантствомъ, *раскольничья или сектантская партіи будутъ искусно и настойчиво агитировать въ пользу избранія председателемъ попечительства кого-либо если и не изъ явныхъ, то изъ тайныхъ своихъ единомышленниковъ.* Въ члены же попечительства раскольники и сектанты, безъ всякаго сомнѣнія, сумѣютъ и постараются провести не мало лицъ, отпадшихъ отъ Церкви. Если же при нѣсколькихъ членахъ попечительства, принадлежащихъ къ явнымъ и тайнымъ врагамъ Церкви, и председатель будетъ тоже раскольникъ или сектантъ, то что можетъ сдѣлать мѣстный священникъ, когда онъ будетъ лишь простымъ членомъ попечительства, теряющимся въ массѣ остальныхъ, равноправныхъ ему, членовъ? Голосъ его будетъ умышленно затираться противной партіей, и никакія благія намѣренія и начинанія его не будутъ достигать своей цѣли. Для обстоятельнаго разсмотрѣнія его докладовъ и заявленій не будетъ даже удѣляться достаточно времени. Председатель станетъ тактично покровительствовать своей партіи, враждебной православію, и вся дѣятельность попечительства будетъ сводиться — если не прямо, то косвенно — вмѣсто блага, ко вреду Церкви...

Въ тѣхъ же приходсахъ, гдѣ есть разные высокопоставленные лица или только считающія себя таковыми, смотря-

щія на прочихъ прихожанъ свысока, ясное дѣло, многія изъ нихъ будутъ добиваться чести стать „попечителями прихода“, т. е. предсѣдателями попечительства. Тутъ станутъ пускаться въ ходъ при выборахъ и власть, и авторитетъ, и связи, и всякаго рода уловки. Но полезно ли для Церкви Божіей и для того дѣла, которому попечительства призываются служить, если множество подобныхъ лицъ, добившихся *предсѣдательства въ религіозно-нравственныхъ собраніяхъ, будутъ принадлежать къ такимъ, которыя религіозными вопросами обыкновенно вовсе не интересуются и интересы Церкви совершенно игнорируютъ?*

Разумѣется, среди свѣтскихъ людей въ каждомъ приходѣ есть достаточно истинныхъ сыновъ Церкви Православной, лицъ, могущихъ съ честью нести знамя православія. И мы даже лично знаемъ попечительство, гдѣ предсѣдателемъ состоитъ чиновное лицо, однако дѣла идутъ у попечительства такъ, что можно сотнямъ другихъ попечительствъ брать примѣръ съ него. Но это—исключеніе. Тутъ и г. предсѣдатель—искренне преданный дѣлу человекъ, и священникъ въ этомъ приходѣ пользуется громаднымъ авторитетомъ; онъ умѣетъ привлечь всѣхъ нужныхъ лицъ къ самой живой и плодотворной дѣятельности, и доволенъ и предсѣдателемъ, и членами, и всѣми прихожанами, а они, въ свою очередь, довольны имъ.—Къ сожалѣнію, такихъ попечительствъ не много.

Къ тому же, можно ли поручиться, что въ предсѣдатели будутъ избраны именно лица, преданныя Церкви? Да и не могутъ ли эти лица съ большею пользою для дѣла быть лишь простыми членами попечительства?—Намъ, по крайней мѣрѣ, кажется, что они тутъ даже болѣе желательны. Въ такихъ членахъ священникъ-предсѣдатель будетъ находить себѣ главную опору и поддержку. Они помогутъ ему постепенно сблизить дѣятельность церковно-проходскихъ попечительствъ съ дѣятельностью общественнаго управленія.

При этомъ самъ собою возникаетъ вопросъ: *можетъ ли получиться общая удовлетворенность отъ избранія того или*

иного частного лица въ председатели? — Въ приходѣ, гдѣ есть нѣсколько интеллигентозъ, — наир: два-три помѣщика, управляющій заводомъ, земскій начальникъ, врачъ и т. п.— кого избрать? *Будетъ избранъ одинъ,—останутся въ обидѣ прочіе.* Большинство изъ нихъ не стануть, пожалуй, даже посѣщать собраній попечительства, хотя и будутъ состоять въ числѣ „членовъ“, чтобы не унизить своего достоинства сидніемъ „на сторонѣ“... То же самое весьма возможно и въ селахъ, гдѣ интеллигентныхъ лицъ совсѣмъ нѣтъ. Если будутъ председательствовать кто-либо изъ крестьянъ, возможно нѣе всего — изъ числа „мѣстныхъ кулаковъ“, — зависть станетъ мучить остальныхъ „міроѣдовъ“. А вѣдь деревенскіе кулаки — односельцы и безъ того обыкновенно питають другъ къ другу скрытую неприязнь. И вотъ начнутся подкобы и „подвохи“ подъ г. председателя. Дѣятельность его будетъ высмѣваться и выпучиваться и его врагами и его прежними пріятелями...

Необходимо все это устранить, что такъ легко сдѣлать. *Надо самимъ „Положеніемъ“ во главѣ попечительства поставить обязательно священника.* Иначе и быть не должно. Но чтобы среди священниковъ не могло быть неудовольствія и разногласія изъ-за чести быть избранными въ председатели попечительства, тамъ, гдѣ при церкви не одинъ, а два или нѣсколько штатовъ, *не надо должность председателя попечительства дѣлать выборной, а прямо закрѣпить ее за настоятелемъ храма.* Это—единственный и самый вѣрный путь къ устраненію происковъ и злоупотребленій при выборахъ и неудовольствій и вражды послѣ выборовъ. *Когда всякій будетъ знать ясно и опредѣленно, что председатель попечительства не избирается, а по самому Высочайше утвержденному уставу состоитъ таковымъ настоятель храма, тогда никому, хотя бы то и высокопоставленному лицу, не придетъ въ голову считать для себя униженіемъ быть въ попечительство простымъ членомъ.* Тогда не только помѣщики и земскіе начальники, но и князья, и графы, и

губернаторы, и генералы легко поймутъ сами, что въ храмѣ (гдѣ большею частію и происходятъ собранія попечительства) первыя лица — не титулованныя свѣтскія особы, а мѣстные священники, изъ которыхъ главный—*настоятель храма*. Онъ при служеніи *предстоятельству*, а въ собраніи *прихожанъ* *предсѣдательствуетъ*. Всѣ остальные священники, если церковь не одноштатная, *должны писаться товарищами предсѣдателя* и занимать въ собраніи прихожанъ мѣста рядомъ съ предсѣдателемъ. Этого требуетъ высота ихъ сана и положеніе въ приходѣ. Свѣтскія лица и въ товарищи предсѣдателя избираться не должны, хотя бы опять таки во избѣжаніе партійности при выборѣ. *Всѣ остальные члены причта*,—*оо. діаконы и псаломщики* *должны быть непремѣнными членами попечительства, равно какъ и церковный староста*. По дѣйствующему пока „Положенію“, діаконы и псаломщики въ числѣ непремѣнныхъ членовъ попечительства не состоятъ. Выходитъ, что если они собраніемъ прихожанъ почему-либо не будутъ избраны въ члены попечительства, то и въ дѣлахъ его не должны принимать участія. — Но это, какъ для всякаго очевидно, въ настоящее время является совершенно не нормальнымъ. 40 лѣтъ тому назадъ, правда, сословіе „дьячковъ и пономарей“ не пользовалось не только почетомъ, но даже часто и уваженіемъ. Теперь не то. Нынѣшніе псаломщики, за рѣдкими исключеніями, люди интеллигентные. Нынѣ среди псаломщиковъ много будущихъ священниковъ и не мало лицъ, имѣющихъ право и возможность занять хорошія свѣтскія должности, чтѣ не рѣдко и бываетъ. Вотъ почему нѣкоторые священники и теперь обязательно приглашаютъ на собранія попечительства всѣхъ членовъ причта, считая себя не въ правѣ обижать послѣднихъ неприглашеніемъ. Руководствуются они въ данномъ случаѣ тѣмъ, что „попечительства могутъ приглашать въ засѣданія свои, кромѣ ихъ членовъ, другихъ лицъ, по своему усмотрѣнію“ (§ 4 Положенія). Оно и естественно: вѣдь попечительская кружка высчитывается при ежемѣсячной вышкѣ церковныхъ суммъ,

и весь причтъ своею подписью свидѣтельствуеть подѣ мѣсячными итогами правильность записи прихода и расхода суммъ церковно-приходскаго попечительства.

Да и не должны ли быть члены причта одними изъ ближайшихъ сотрудниковъ и соработниковъ священника въ приходѣ? Они лучше постороннихъ лицъ знакомы и съ церковными и со школьными нуждами. Они же, часто вмѣстѣ съ священникомъ посѣщая дома всѣхъ прихожанъ, сообщая съ нимъ непосредственно видятъ и народную жизнь— пороки и недостатки, подлежащіе искорененію, народную нужду, ожидающую матеріальной помощи и т. д. Кромѣ того, діаконы и псаломщики во множествѣ случаевъ и сами—будущіе священники; а потому, ихъ участіе въ дѣлахъ попечительства на правахъ членовъ сообщить имъ извѣстнаго рода практической навѣкъ въ веденіи важнаго попечительскаго дѣла и избавить ихъ въ свое время, когда они будутъ, быть можетъ, сами предсѣдателями попечительствъ, отъ многихъ промаховъ и ошибокъ, давъ имъ возможность стать сразу на вѣрную дорогу, что и для нихъ, и для общаго дѣла будетъ весьма полезно. Съ этимъ нельзя не считаться.

Если гдѣ, паче чаянія, окажутся *важныя лица*, которыя не пожелаютъ, по гордости своей, посѣщать собраній попечительства потому лишь, что будутъ считать для себя униженіемъ занимать въ собраніи прихожанъ мѣсто ниже священника, то изъ-за нихъ волноваться не приходится. Богъ съ ними! Пусть не принимаютъ участія въ дѣлахъ попечительства. Такіе люди въ попечительствѣ—даже и не желательный элементъ. Они—не истинные христіане. Что и за паства, что и за пасомые, если они смотрятъ свысока на своего пастыря!.. *Видѣвъ въ ихъ присутственныхъ мѣстахъ и свѣтскихъ собраніяхъ священникъ и не думаетъ искать себѣ предсѣдательства, а смиренно занимаетъ доставшееся ему скромное мѣстечко,—не странно ли, по меньшей мѣрѣ, съ ихъ стороны добиваться въ храмъ мѣста, которое по всемъ правамъ принадлежитъ и должно принадлежать одному только священнику?...*

Въ настоящее время епархіальныя начальства, утверждая составы церковно-приходскихъ попечительствъ, въ должности ихъ предсѣдателей утверждаютъ часто свѣтскихъ интеллигентныхъ лицъ, а то и прямо простыхъ крестьянъ. Епархіальное начальство, конечно, не можетъ во многихъ случаяхъ не видѣть, что составъ попечительства нѣсколько надо бы измѣнить, но привуждено утверждать избраніе „общаго собранія прихожанъ“ извѣстной церкви, такъ какъ выборы произведены, съ формальной стороны, согласно дѣйствующему пока „Положенію“, правильно, такъ сказать— „законно“... Будемъ же утѣшаться тѣмъ, что попечительствамъ этимъ остается функціонировать, вѣроятно, уже не долго. Съ выходомъ новаго „Положенія о церковно-приходскихъ попечительствахъ“, по всеобщемъ распубликованіи его, конечно, должны произойти и новые выборы членовъ. „Непремѣнные члены“, по должности и по своему положенію въ обществѣ, будутъ, разумѣется, въ новомъ уставѣ указаны. Станемъ надѣяться, что и оо. діаконы и гг. псаломщики не будутъ забыты, и будутъ включены въ число „непремѣнныхъ членовъ“ попечительства. Станемъ съ увѣренностью ожидать, что предсѣдателемъ попечительства будетъ не выборное лицо, а ясно и опредѣленно укажется въ таковыя о. настоятель храма, при которомъ попечительство открывается. Остальные же его сослуживцы — оо. протоіереи и іереи — будутъ именоваться „товарищами предсѣдателя“... Иначе, по нашему мнѣнію, и быть не должно...

Свящ. М. Троицкій.

Россія и Японія.

Спаси, Господи, люди Твоя!

Съ напряженнымъ и трепетнымъ вниманіемъ вся многомилліонная православная Россія, какъ одинъ человекъ, слѣдитъ за судьбою своихъ кровныхъ сыновъ и братьевъ, этихъ беззавѣтно храбрыхъ воиновъ, которые такъ мужественно

теперь бьются далеко, на Востокѣ, съ сильнымъ врагомъ за честь и славу родины. Съ горячею молитвою къ верховному Владыкѣ міра и къ всемогущей Заступницѣ рода христіанскаго, обливаясь горькими слезами, отправляютъ Русь въ далекую землю новые и новые воинскіе отряды, напутствуютъ ихъ благословеніемъ и, по разлукѣ, ни на одно мгновеніе не перестаютъ духовно жить вмѣстѣ съ ушедшими, терзаться ихъ скорбями, радоваться ихъ радостями. У насъ цѣтъ иныхъ крѣпкихъ думъ и сердечныхъ заботъ, какъ только о нашихъ родныхъ въ въ Японіи. Все прочее забыто, или—на второмъ планѣ; главное и существенное сосредоточивается на Дальнемъ Востокѣ, около поселеній загадочной „желтой расы“.

Но не одна Россія обращаетъ туда напряженное вниманіе. Безусловно весь цивилизованный міръ съ глубочайшимъ интересомъ выжидаетъ исхода кровопролитной войны двухъ великихъ державъ, изъ которыхъ каждая, всѣмъ своимъ внутреннимъ и внѣшнимъ обликомъ, представляетъ что-то особенное, не укладывающееся въ обыденныя рамки и выработанный Западомъ опредѣленный государственный шаблонъ. Думается, что всеобщій интересъ къ нынѣшней войнѣ вызывается не одними корыстными соображеніями относительно того, кому изъ европейскихъ державъ владѣтъ побережьемъ восточныхъ морей и островами Японіи, или, по крайней мѣрѣ, кому господствовать своимъ политическимъ вліяніемъ на Дальнемъ Востокѣ. Помимо этихъ вопросовъ, въ умѣ всѣхъ заинтересованныхъ войной народовъ необходимо должны возникать вопросы *высшаго порядка*, такъ какъ въ современной войнѣ нельзя не чувствовать *идейно*—серьезной подкладки.

Въ самомъ дѣлѣ, Россія не искала войны съ Японіей. Напротивъ, она, вслѣдъ за миролюбивымъ своимъ Царемъ, напрягала всѣ усилія къ тому, чтобы отстранить отъ себя кровь и ужасы войны. Шагъ за шагомъ, во время дипломатическихъ переговоровъ по маньчжурскимъ и корейскимъ дѣламъ, Россія склонялась на уступки въ пользу Японіи, но ничто не помогло тамъ, гдѣ ожесточеніе и ненависть достигли крайняго

предѣла. Не дождавшись конца переговоровъ, Японія, какъ дикій, разъяренный звѣрь, бросилась на Россію, желая, повидимому, однимъ ударомъ смять ее... Рѣшительно нельзя понять, чѣмъ такъ ожесточила Японію Россія противъ себя. Остается предположить, что въ этой враждѣ, которую возымѣли противъ русскихъ японцы, нашло себѣ мѣсто нѣчто выходящее за предѣлы столь частыхъ между сосѣдними государствами политическихъ столкновеній изъ-за такихъ, или иныхъ „стяжаній“. Отъ „стяжаній“ Россія въ данномъ случаѣ отказывалась, но отказъ не спасъ ее отъ войны. Да, при томъ, „стяжаніе“ и захватъ чужихъ земель сами по себѣ вѣдь не задача русской политики. Во все продолженіе своей исторіи Россія не этимъ жила. Наоборотъ, она тутъ-то и терпѣла обычно неудачи, такъ какъ никогда не обнаружила умѣнья во время наложить руку на соблазнительный кусокъ чужой земли и овладѣть имъ прежде, чѣмъ успѣютъ сдѣлать это другіе. Вспомнимъ минувшую войну 1877—78 гг., когда изъ-за освобожденія славянъ мы пролили столько крови. Мы имѣли тогда полное право на внѣшнее вознагражденіе за свою жертву. Но что получила Россія? Не воспользовались ли ея стараніями и успѣхами иностранныя державы и не обратили ли ихъ въ свою пользу? Такъ и всегда бывало съ Россіей. Россія не умѣетъ получать выгоду даже отъ давно пріобрѣтенныхъ и—дорогою цѣною владѣній (напр., на Кавказѣ), которыя въ рукахъ любого изъ западныхъ народовъ были бы источникомъ громаднхъ доходовъ и предметомъ самой беззастѣнливой эксплуатаціи. Гнетъ побѣжденныхъ и выжимаеье изъ нихъ всѣхъ соковъ съ цѣлью наживы не въ характерѣ русскихъ. Русскіе привыкли къ бѣдности и цѣнить чужой трудъ настолько высоко, что не позволяютъ себѣ тунеядствовать на счетъ другихъ, какъ это въ сущности дѣлаютъ западные.

Не на этой почвѣ сталкивается Японія съ Россіей. На какой же?—Мы думаемъ, что въ переживаемой нами войнѣ, можетъ быть, и не замѣтно, особенно по началу, вступили въ борьбу христіанство и язычество. Христіанство не западное,

извращенное человѣческимъ суемудріемъ и связанное съ политикою, а христіанство истинное, православное, не омраченное и не приниженное горделивымъ разумомъ, далекое отъ политическихъ видовъ. Съ нимъ вступаетъ въ жестокую брань японское язычество, въ высшемъ его проявленіи буддизма и конфуціанства, ставшее давно въ Японіи такою же національною вѣрою, какъ у насъ православіе. Для русскаго человѣка православіе и національность неотдѣлимы другъ отъ друга; неотдѣлимы и для японца его національность и язычество, его національная религія. Мы вѣруемъ, что наша государственная сила тверда и мощь обезпечена, если чиста, крѣпка и сердечна наша православная вѣра; японцы также думаютъ, что разъ измѣнится ихъ національная религія, не замедлитъ за этимъ пасть и самая японская національность, а далѣе и— государство. Такимъ образомъ, видимъ, два *отрующихся* народа столкнулись: закоренѣлый язычникъ и народъ, воспитанный и выросшій въ христіанствѣ. Что-то выйдетъ изъ этой борьбы?!..

Мы живемъ событіями, до нѣкоторой степени напоминающими первыя времена христіанства. И теперь, какъ тогда, язычество первое бросается защищать себя отъ побѣждающей силы христіанства. Какъ тогда древніе языческіе политики видѣли въ разлившейся волнѣ *новаго ученія* гибель государству, созданному древней національной религіей, такъ думаютъ и современные японскіе политики. Какъ тогда, въ древности, требовали для спасенія государства искорененія „зловредной секты“, такъ теперь японскіе націоналисты вспоминаютъ эдиктъ 1639 года, по которому заключались въ омбору (государственную тюрьму) и распространители христіанства и носящіе „позорное имя“ послѣдователей Христа (ст. 5 императ. эдикта губернаторамъ г. Нагасаки). Въ націонализмъ древній міръ, столкнувшійся съ христіанствомъ, думалъ найти свое спасеніе, въ немъ же ищетъ спасенія и Японія.

Долгую историческую жизнь прошли японцы. Они создали свою особую культуру, у нихъ собственная и, на ихъ взглядъ, совершенная старинная религія. Ни въ комъ и ни

въ чемъ они, повидимому, не нуждаются,—тѣмъ болѣе не желаютъ чувствовать надъ собою сторонней опеки... Но вотъ, за послѣднее особенно время, на японцевъ надвинулись европейцы. Они предлагаютъ свои услуги по части насажденія и распространенія западной культуры, и дѣйствительно они добросовѣстно знакомятъ японцевъ съ нею и передаютъ имъ усовершенствованія повѣйшей техники. Въ нынѣшнее время, разсуждаютъ японцы, ни одному государству нельзя обходиться безъ тѣхъ усовершенствованій, особенно военныхъ, какія показали намъ европейцы, безъ этихъ минъ Уайтхеда, пулеметовъ Максима, угля Кардифа, пироксилина и пр. и пр. Но, съ другой стороны, вѣдь европейцы не просто только знакомятъ насъ съ своей культурой и передаютъ намъ все свои изобрѣтенія. Нѣтъ, они добиваются и здѣсь, на нашемъ Востокѣ, въ нашихъ исконныхъ владѣнїяхъ и на нашихъ моряхъ, гдѣ столько времени мы были почти единственными и всеильными владыками, господства себѣ. Эти миссіонеры—проповѣдники христіанства, европейской религіи,—самые злые враги Японіи. Они больше, чѣмъ другіе европейцы, вредятъ намъ. Они подрываютъ вѣру въ нашу государственную религію и государственные устои. Они поселяютъ среди насъ смуты и раздоръ, подготовляя ими гибель государству. Миссіонеры искусные слуги своихъ правительствъ. Они помогаютъ правительствамъ осуществлять ихъ тайные завоевательныя цѣли. Никому такъ не удается хорошо достигать этого, какъ миссіонерамъ. Ихъ слѣдуетъ ненавидѣть всякому патріоту японцу. Миссіонеры самое страшное зло, которое только можетъ представляться для Японіи. Надо поторопиться пресѣчь его, иначе—гибель Японіи.

Интересно исторически прослѣдить, какъ японцы дошли до ненависти къ христіанству и какіе поводы имѣютъ они считать христіанскихъ миссіонеровъ хитрыми, своекорыстными людьми и политическими интриганамн.

На основаніи документальныхъ данныхъ извѣстно, что первыми проповѣдниками христіанства среди японцевъ были католики—португальцы, которымъ принадлежитъ и честь от-

крытія Японіи въ половинѣ XVI вѣка (1542 г.¹). Виднымъ миссіонеромъ тамъ былъ Францискъ Ксавье, ближайшій другъ и единомышленникъ знаменитаго Игн. Лойолы. Ф. Ксавье проповѣдывалъ христіанство сначала въ Индіи, а затѣмъ прибылъ въ Японію и остановился въ г. Макао. Не зная туземнаго языка, онъ пользовался при проповѣди услугами обращеннаго въ христіанство японца Анзиро, который перевелъ на японскій языкъ евангеліе отъ Матѳея. Ксавье проповѣдывалъ въ Бунго, Нагато и Кёото. Насколько успѣшна была христіанская проповѣдь съ самаго начала, о томъ свидѣлствуютъ большія цифры основанныхъ храмовъ и число христіанъ. Въ 1581 г. церквей было 200, а христіанъ 150 тысячъ. Христіанство распространяется не только среди народной массы, но привлекаетъ къ себѣ знатныхъ вельможъ, князей, офицеровъ, чиновниковъ. Въ 1583 г. христіанскіе владѣтельные князья (даймію) мѣстности Кіу-Шіу отправляютъ отъ себя посольство къ римскому папѣ съ просьбою принять ихъ въ вассалы папскаго престола. Съ этого времени христіанская миссія развивается среди японцевъ еще успѣшнѣе. Въ Японію являются, на подмогу существующему духовенству, іезуиты, францисканцы, доминиканцы и августинцы. Успѣхъ христіанства долженъ былъ бы быть полный. Но тутъ-то обнаруживается несостоятельность католичества тамъ, гдѣ оно къ возвышеннымъ, идеальнымъ цѣлямъ примѣшиваетъ цѣли земныя и низменныя... Между наѣхавшими въ Японію католическими монахами скоро начались споры, свары, взаимныя порицанія, подкапыванья другъ противъ друга,—все это изъ-за желанія добиться преобладанія среди собратій, занять господствующее положеніе въ Японіи и даже подчинить своему вліянію политику государства. Появляются затѣмъ протестанты, голландцы и англичане и возбуждаютъ ненависть японцевъ папистовъ. Послѣдніе въ этомъ не отстаютъ и оплачиваютъ про-

¹) Историческія данныя заимствуемъ изъ брошюры Griffis'a „Христіанство въ Японіи“. Пересказъ съ англійскаго В. Селезнева. Спб. 1904 г.

тестантамъ тою же монетой. Между европейцами начинаются интриги, влекущія за собою вооруженныя столкновенія. Что могли думать о такихъ христіанахъ-европейцахъ японцы, особенно, когда съ ясностью увидѣли, что европейцы безбожно эксплуатируютъ ихъ страну и не стѣсняются тысячами продавать и отвозить на корабляхъ въ Китай и на Филиппинскіе острова японцевъ въ качествѣ рабовъ?... Понятно, почему японцы, когда опредѣлили настоящую цѣль наплыва къ себѣ европейцевъ, возненавидѣли и ихъ, и проповѣдуемое ими христіанство. Христіанство, какъ выражается англичанинъ Griffis, было поражено язвою въ собственномъ же домѣ... 1611 годъ былъ особенно несчастенъ для христіанства. Въ этотъ годъ, подъ вліяніемъ европейцевъ, происходитъ небывалое въ Японіи возстаніе крестьянъ-обращенцевъ противъ правительства. Цѣль возстанія—довести Японію до утраты политической самостоятельности. Военный диктаторъ на Кіу-Шіу Іеясу убѣждается, что возстаніе дѣло европейцевъ, и жестоко расплачивается съ бунтовщиками. Въ 1615 г. онъ изгоняетъ изъ Японіи монаховъ-иностранцевъ, а въ 1624 г. и всѣхъ вообще иностранцевъ, кромѣ голландцевъ и китайцевъ.

Итакъ, 80 лѣтъ испытывали на себѣ японцы вліяніе католическаго христіанства и могли вынести то представленіе о немъ, что оно есть больше политическая доктрина, чѣмъ вѣра, и что въ своей миссіи католичество преслѣдуетъ прежде всего политическія задачи, именно добивается вліянія европейцевъ на Дальнемъ Востокѣ... Правда, со второй четверти XVII столѣтія христіанство не заглохло въ Японіи, но это благодаря жизненности христіанства самого по себѣ. Само христіанство давало своимъ послѣдователямъ-японцамъ и силу свидѣтельствовать свою вѣру удивительными подвигами *мученичества*. Но опять, это не католическое, а тѣмъ-болѣе не протестантское христіанство, не отдѣляющія себя въ Японіи отъ политики, а христіанство, какъ спасительная и благодатная *Христова вѣра*. Чѣмъ выразились видимые результаты столѣтняго существованія христіанства въ Японіи съ начала

XVI в. по XVII? Задаваясь этимъ вопросомъ, Griffis констатируетъ слѣдующіе факты, изъ которыхъ многіе не могутъ не вызывать печальныхъ думъ. За 100 лѣтъ знакомства съ христіанской религіей и европейской культурой японцы приняли отъ европейцевъ порохъ и огнестрѣльное оружіе; научились употреблять табакъ, ввели въ туземный языкъ иностранныя слова, усвоили новыя формы наказаній, изъ которыхъ самымъ ужаснымъ считаютъ кнутъ, и заразились неизвѣстными дотолѣ среди японскаго населенія губительными болѣзнями (стр. 18). Послѣ довольно долгаго перерыва, въ XIX в. христіанскія миссіи снова получаютъ доступъ въ Японію и начинаютъ снова тамъ работать. Кромѣ римскихъ миссіонеровъ, въ Японіи проповѣдуютъ теперь протестанты, англикане и православные. Протестантская миссія не замедлила принести сюда свой рационализмъ, который заразилъ умы японцевъ скептицизмомъ въ вопросахъ религіи. Наиболѣе послѣдователей имѣютъ, конечно, какъ и вездѣ, католики. Въ 1890 г. японцевъ католиковъ было 50 тысячъ; протестантовъ 34 т., и православныхъ 17 т.

Обзоръ историческихъ судебъ христіанства въ Японіи показываетъ прежде всего, что японцы познакомились исключительно почти только съ христіанствомъ западнымъ и совѣмъ мало знаютъ христіанство православное; затѣмъ, что въ теченіе довольно долгой исторической жизни западное христіанство всегда сильно возбуждало противъ себя японцевъ-націоналистовъ и именно тѣмъ, что къ проповѣди о Христѣ примѣшивало непременно политику. Ничего нѣтъ удивительнаго, что, ратуя теперь за политическую самостоятельность, японцы обращаютъ ненависть свою и противъ европейцевъ и противъ христіанства, которые въ ихъ представленіи неотдѣлимы другъ отъ друга. По неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ японцы обращаютъ ударъ свой не противъ дѣйствительнаго своего врага, а противъ ни въ чемъ неповинной Россіи, того государства, которое изъ всѣхъ европейскихъ державъ наиболѣе дорожить въ своей жизни и политикѣ идеальными цѣлями и

не мѣняетъ ихъ, какъ Западъ, на золото. Какъ не усмотрѣть въ нынѣшнемъ столкловеніи Японіи и Россіи намѣренія всеблага Промысла Божія привести языческую страну къ познанію правой Христовой вѣры, исповѣдуемой во всей ея чистотѣ Россіей? Вѣдь исторія Японіи показала, что японцы совсѣмъ не противъ христіанства, какъ религіи. Христіанство начало могуче развиваться среди японцевъ и принесло даже обильные плоды, особенно обнаружившіеся во времена преслѣдованій японскихъ христіанъ. Аизиро, самъ японецъ и человѣкъ, хорошо постигшій душу своего народа, выражалъ Ксавье свою увѣренность, что японцы всѣ придутъ къ Христу; но только, прибавлялъ онъ, японскій народъ не тотчасъ согласится съ тѣмъ, чему его стануть учить,—онъ потребуеть подробнѣйшаго объясненія всего, касающагося новой религіи, предложитъ массу вопросовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, будетъ внимательно наблюдать, согласуется ли ученіе христіанское съ поведеніемъ его послѣдователей. Потребуеть,—другими словами, доказательствъ, что христіанство есть религія истинной жизни и спасенія.

О, если бы Японія, какъ и вся „желтая раса“, ближе узнала Россію, постигла ея народную душу, идеаль жизни не для земли, не для приобрѣтеній и не для услажденія жизнью земною, а для *спасенія*,—такой идеаль, какого не вѣдаетъ западъ! Она не сказала бы, что Россія угрожаетъ ея политической самостоятельности... Уповаемъ, что къ познанію православной Руси съ этой стороны и ведутъ Японію настоящія политическія событія. Произойдетъ ли *теперь* знакомство желтой расы съ Россіей, съ русскимъ православіемъ, или теперь полагается пока только начало этому знакомству, а болѣе тѣсное общеніе откладывается промышленіемъ Божиимъ на будущее время; во всякомъ случаѣ, знакомство новыхъ народовъ Дальняго Востока съ Россією, именно—съ ея вѣрою и идеаломъ жизни, должно состояться рано или поздно. Новымъ народамъ принадлежитъ новая жизнь по началамъ Царства Христова...

Вѣчная память вамъ, дорогіе наши братья, которые тамъ, далеко, легли за вѣру, Царя и отечество. Вашсю кровью орошена та нива, гдѣ, мы вѣримъ, со временемъ пышно расцвѣтетъ христіанство. Во вѣки незабвенны ваши геройскіе подвиги, и изъ рода въ родъ будутъ передаваться ваши славныя имена.

Спаси, Господи, вся люди Твоя и даруй Благовѣрному Императору нашему Николаю Александровичу побѣды на супостаты, во славу православной нашей Церкви, юже стяжалъ еси честною Твоею кровію.

Н. Пальмовъ.

Достопамятный юбилей просвѣдительной дѣятельности обители преподобнаго Сергія на пользу русскаго православнаго народа.

1 февраля сего года исполнилось двадцатипятилѣтіе издательской просвѣдительной дѣятельности Св.-Троицкой Сергіевой Лавры подъ Москвою. Было бы весьма прискорбно, если бы и этотъ юбилей, какъ и многіе другіе подобные замѣчательные моменты въ жизни и дѣятельности церковныхъ учреждений и духовныхъ лицъ, прошелъ незамѣтно и безслѣдно. Рѣшаемся сказать свое краткое посильное слово для того, чтобы въ сознаніи пастырей церкви, просвѣдителей нашего народа, оживить прошедшую исторію и показать величайшее значеніе просвѣдительной дѣятельности Св. Троицкой Сергіевой Лавры. Эта просвѣдительная издательская дѣятельность обители Преподобнаго Сергія имѣла и имѣетъ въ виду единственно только *благо нашего православнаго русскаго народа, интересы котораго такъ близки и такъ дороги нашему духовенству и въ особенности сельскому духовенству.* Эта просвѣдительная издательская дѣятельность обители преподобнаго Сергія *совершалась и совершается въ помощь нашему духовенству,* которое, по самому званію своему, должно заботиться о просвѣщеніи народа. Наши пастыри сами прекрасно знаютъ, какъ отвѣтственна, трудна и сложна эта задача просвѣдительной дѣятельности ихъ. Они поймутъ, поэтому, какъ должна быть

дорога для нихъ всякая помощь въ этой дѣятельности. *На-
конецъ, въ настоящее время просвѣтительная дѣятельность
обители преподобнаго Сергія получаетъ особенно важное значе-
ніе.* Ни для кого не тайна, что въ настоящее время особенно
умножились всевозможные непризванные учителя народа рус-
скаго. Наши села теперь наводняются вредными изданіями,
направленными противъ религіи, духовенства, общественнаго
строя, противъ нравственности и т. п. А между тѣмъ нашъ
народъ почти съ благовѣніемъ относится ко всякому печатному
слову...

Среди народа нашего въ настоящее время широко рас-
пространяется грамотность. Не за горами, быть можетъ, то
время, когда у насъ будетъ всеобщая грамотность, когда вся-
кій мужичекъ будетъ въ состояніи самостоятельно, безъ по-
сторонней помощи, прочесть всякую книжку, всякій ли-
стокъ, какой попадется ему подъ руки. Тогда народъ нашъ
станетъ устроить всю свою жизнь сообразно тому, что онъ
будетъ читать.

Намъ, пастырямъ, необходимо имѣть это въ виду. Намъ
должно считаться съ тѣмъ прискорбнымъ фактомъ, что у на-
шего духовенства хотятъ отнять руководство жизнію и дѣ-
ятельностію народа другіе учителя и просвѣтители этого по-
слѣдняго. Страшно и подумать, что станется съ нашимъ наро-
домъ, когда школы, въ которыхъ обучаются дѣти его, народные
дома и чайныя, въ которыхъ просвѣщается и „отрезвляется“
самъ народъ, книги и листки, которые будетъ читать грамот-
ный народъ,—когда все это будетъ отобрано отъ духовенства
и передано въ руки другихъ дѣятелей. Съ другой стороны,
ужась беретъ, когда только представишь себѣ, къ чему тогда
сведется руководительная дѣятельность духовенства въ отно-
шеніи къ нашему народу. Примѣръ тверскихъ земскихъ
школъ и тверскихъ земскихъ просвѣтителей народа показыва-
етъ весьма краснорѣчиво, что значитъ земская народная шко-
ла, отъ участія въ которой устранено духовенство, и къ
чему ведутъ нашъ народъ разные непризванные земскіе про-
свѣтители народа. Школьное преподаваніе, по словамъ пра-

вительственнаго офіціального сообщенія, обратилось въ тверскомъ земствѣ „въ орудіе“ пропаганды не только противъ существующихъ государственнаго и общественнаго строя, но и противъ религіи. *При чтеніяхъ* по естествовѣдѣнію развивалась мысль, что нѣтъ Божества, и что въ мірѣ наблюдается только дѣйствіе силъ природы и т. п. Между прочимъ, въ квартирѣ одного *изъ народныхъ учителей* найденъ складъ революціонныхъ изданій, причемъ выяснено, что эти изданія распространялись *народными учителями* среди учениковъ, а чрезъ посредство ихъ и въ средѣ взрослога населенія. Обнаружено, что *учителя* читали ученикамъ литературныя произведенія, рассчитанныя на возбужденіе умовъ противъ правительства и Церкви, а чтенія произведеній, дозволенныхъ къ обращенію въ школахъ, сопровождались объясненіями, направленными къ утвержденію въ умахъ слушателей противогосударственныхъ возрѣній и къ колебанію началъ вѣры и нравственности; напримѣръ, чтеніе „Капитанской дочки“ Пушкина сопровождалось туманными картинами, изображавшими повѣшеніе дворянъ мятежною чернью и соотвѣтственными поясненіями. Насколько настойчиво проводилось подобное тлетворное направленіе преподаванія, видно изъ того, что во многихъ учебныхъ тетрадяхъ учениковъ народныхъ училищъ, въ изложеніи прочитаннаго ими на урокахъ, усмотрѣны *возмутительныя и дерзко-кощунственныя сужденія о церкви и духовенствѣ*.

Вотъ какія могутъ быть народныя школы! Вотъ какіе просвѣтители бываютъ иногда у нашего народа! Вотъ чему учать и что внушаютъ нашему народу эти просвѣтители его, какую духовную пищу и какое просвѣщеніе они даютъ нашему народу! Мы даже и не воображали, что все это можетъ быть на св. Руси въ настоящее уже время, когда нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ писали на страницахъ сего же органа о безусловной необходимости дополненія церковной проповѣди пастырей въ видѣ изданія и распространенія въ народѣ книжекъ и листовъ религіозно нравственнаго содержанія, какъ

положительной духовной пищи для народа, и вмѣстѣ противо-
ядія противъ тѣхъ вредныхъ книжекъ и листовъ, какіе теперь
въ такомъ множествѣ распространяются среди нашего народа.
Мы думали, что все это будетъ возможно у насъ только въ
болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. А вотъ печальная
дѣйствительность показала, что все это уже есть у насъ.

Намъ, пастырямъ, нужно объединиться, сплотиться для
совмѣстной, единой, одушевленной работы на пользу
правильнаго, истиннаго просвѣщенія народа въ духѣ право-
славной вѣры. Намъ необходимо дорожить и высоко цѣнить
и тѣхъ добрыхъ дѣятелей, которые помогаютъ намъ въ сози-
даніи царства Божія на землѣ, въ распространеніи истиннаго
просвѣщенія среди народа въ духѣ православной вѣры.

Обитель преподобнаго Сергія уже 25 лѣтъ непрерывно
трудится и трудится весьма плодотворно на этомъ великомъ и
святомъ поприщѣ. Кому изъ насъ, пастырей, кому изъ истин-
но русскихъ православныхъ людей не извѣстны *Троицкіе лист-
ки*? Печатаніемъ сихъ листовъ и началась, строго говоря, изда-
тельская дѣятельность обители преподобнаго Сергія. Мысль
издавать листки для бесплатной раздачи богомольцамъ, при-
ходящимъ на поклоненіе преподобному Сергію, явилась въ
1878 году. Она была одобрена въ Бозѣ почившимъ святите-
лемъ Московскимъ митрополитомъ Иннокентіемъ. Первый Трои-
цкій листокъ, подъ заглавіемъ: „Истинный счастливецъ“, съ
его благословенія, вышелъ 1 февраля 1879 года. Для сего из-
данія не было составлено никакой программы: листки имѣли
цѣлю дать въ доступной занимательной формѣ такое духов-
но-нравственное чтеніе для народа, которое не было бы су-
химъ, безжизненнымъ, скучнымъ разглагольствіемъ, а дохо-
дило бы до сердца, находило бы отзывъ въ его душѣ. Богъ
благословилъ это дѣло добрымъ успѣхомъ. Многіе стали про-
сить листки сотнями и тысячами, желая принять участіе въ
ихъ распространеніи. Поэтому, листки были пущены и въ
продажу, причемъ вся выручаемая сумма шла на печатаніе
тѣхъ же листовъ, на изданіе книгъ въ томъ же духѣ, какъ

и самые листки, а въ послѣдніе годы—на устройство и содержаніе типографіи при Лаврѣ, гдѣ теперь печатаются всѣ ея изданія. Нѣкоторые листки печатаются еще и въ форматѣ копѣчныхъ книжекъ, коихъ вышло болѣе 400 названій. Листковъ же выпущено съ начала изданія по сіе время, въ теченіе 25 лѣтъ, до 1200 №№, или названій, въ количествѣ, считая и книжки, 114,500,000 оттисковъ. Содержаніе ихъ самое разнообразное. Къ нимъ имѣется систематическій указатель (къ первымъ 800 листкамъ общій) по отдѣламъ: указатель въ порядкѣ дней мѣсяцевъ, указатель святыхъ въ алфавитномъ порядкѣ, указатели въ порядкѣ тріодей постной и цвѣтной и всѣхъ недѣль по пятидесятницѣ, указатель предметный по алфавиту, указатель авторовъ и изданій, откуда взяты листки, и указатель рисунковъ. Всѣ листки, въ общемъ собраніи, составляютъ 6 томовъ, по 200 №№ въ каждомъ, или 30 выпусковъ, по 40 №№ въ каждомъ. Къ каждому тому приложенъ еще особый указатель въ порядкѣ православнаго катихизиса. Многіе листки переводились на иностранные языки финнскій, латышскій, сербскій, болгарскій и даже японскій. Не ограничиваясь листками, обитель преподобнаго Сергія нашла возможность, особенно съ открытіемъ собственной типографіи, печатать: 1) небольшія книжки для болѣе образованныхъ читателей, подъ названіемъ „Троицкіе цвѣтки“, какихъ вышло до 46 №№; 2) книжки, подъ названіемъ: „Троицкая народная бесѣда“, по содержанію своему представляющія или подборъ однородныхъ листковъ: „Всѣмъ пьющимъ и непьющимъ“, „Всѣмъ скорбящимъ во утѣшеніе“, „Троицкій подарокъ для русскихъ дѣтей“ и под., или же самостоятельныя статьи, не могущія по размѣрамъ войти въ листокъ; такихъ вышло до 25 №№.

Болѣе капитальныя сочиненія, достойныя вниманія православныхъ русскихъ читателей, печатались подъ общимъ названіемъ „Троицкой Библіотеки“, особыми томами; такихъ томовъ по сіе время вышло шесть.

Съ развитіемъ церковно-школьнаго дѣла редакціей „Троицкихъ листковъ“ предпринято изданіе педагогическаго жур-

нала для народныхъ школъ, подъ названіемъ „*Божія Нива*“ съ приложеніемъ чтенія для дѣтей, подъ названіемъ „*Зернышки Божіей Нивы*“. Это, по заявленію самой Редакціи, есть посильная иноческа я лепта на святое дѣло народнаго просвѣщенія въ духѣ родной православной церкви.

Такова просвѣтительная дѣятельность Св. Троицкой Сергіевой Лавры, продолжающаяся непрерывно 25 лѣтъ. Трудно даже и приблизительно опредѣлить ту великую пользу, какую принесла нашему народу эта святая дѣятельность. Съ другой стороны, какъ должны быть благодарны святой обители наши пастыри за ту высокоплодотворную помощь, какую она оказала имъ этою своею дѣятельностію. Наше свѣтское общество чтитъ заслуги представителей разныхъ отраслей человѣческой умственной, нравственной и практической дѣятельности. Оно съ необыкновеннымъ иногда торжествомъ отмѣчаетъ 50-лѣтніе, 35-лѣтніе, 25-лѣтніе и часто даже 10-лѣтніе юбилеи ученыхъ, поэтовъ, писателей, собирателей гѣсенъ, художниковъ, артистовъ и т. д. и т. д. Неужели же мы, пастыри, забудемъ исполнившееся 1 февраля сего года, 25-лѣтіе рѣдкой, исключительной просвѣтительной дѣятельности обители преподобнаго Сергія? Да не будетъ сего! И сами помянемъ еѣ и добрымъ словомъ и—главное—молитвою предъ Богомъ о дальнѣйшемъ ея преуспѣяніи. Не забудемъ и народу, на пользу котораго она исключительно совершалась и совершается, разъяснить великое значеніе этой просвѣтительной дѣятельности, напр., во время внѣбогослужебнаго чтенія или бесѣды и т. п. Не забудемъ при этомъ и того, кто является незамѣтнымъ, скромнымъ, но главнымъ руководителемъ просвѣтительной издательской дѣятельности обители преподобнаго Сергія. Помолимся предъ престоломъ Божіимъ о дарованіи силъ и крѣпости на многіе годы редактору „Троицкихъ листковъ“ и другихъ изданій обители преподобнаго Сергія—извѣстному по всему нашему отечеству архимандриту Никону. Мы увѣрены, что это будетъ высшею наградою для скромнаго инока обители преподобнаго Сергія, неутомимо труждающагося въ теченіе 25 лѣтъ во благо и для спасенія многихъ миллионъ русскихъ православныхъ людей.

Свящ. *Θ. Титовъ.*

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Кириллъ

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 21 февраля 1904 г.

Цензоръ, священникъ *Θ. Титовъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 9.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, февраля 29-го.

Содержаніе: Предъ лицомъ войны тяжелой. — „Свѣтъ Христовъ просвѣ-
щаетъ всѣхъ“.—Дѣйствіе живого слова пастыря на пасомыхъ.

Предъ лицомъ войны тяжелой.

Чась воли Божіей насталь... Русскому народу брошень
вызовъ на смертнй бой, и брань смертоубійственная нача-
лась... Врагъ, совершенно чуждый намъ по вѣрѣ и крови,
только что вчера принявшій виѣшній обликъ образованнаго
народа, дерзко, самонадѣянно, коварно началъ съ Русью войну.

И всколыхнулось море русское, всколыхнулось на всемъ
своемъ необъятномъ пространствѣ, отъ одного края до дру-
гого. И пробѣжалъ по всей землѣ Русской какой-то необъ-
яснимый, въ словахъ невыразимый, но всѣми ощущаемый,
для всѣхъ понятнй, живительный, но грозный, нервнй
токъ,—пробѣжалъ по всему могучему тѣлу Русской Державы.
Чувствуется всѣми, что предъ святою Русью встало нѣчто ве-
λικое, существенно-важное для ея дальнѣйшаго бытія, для всей
ея будущности. Чувствуется, что не мимолетнй вихрь, гдѣ-то
сорвавшійся, налетѣлъ на русскую твердыню; а встаетъ и дви-
жется на Русскую землю грозная буря, идутъ на нее вѣтры буй-

ные и злые, ополчились на нее враги сильные и всегдашніе. Уже слышатся изъ многихъ угловъ вселенной злорадство, злоба, зависть, — слышится шипѣніе, готовность всегдашняя воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы остановить ростъ Русской земли, движеніе ея къ цѣлямъ жизненнымъ, не выдуманнѣмъ, а предначертаннымъ всею предшествовавшею жизнію. Этимъ—и только этимъ—нужно объяснять, почему искреннія стремленія Русскаго Правительства, самыя правдивыя и настойчивыя исканія имъ мира и мирнаго выхода въ залутанныхъ злобнымъ хитросплетніемъ враговъ вопросахъ не привели къ желанной цѣли. Война стала неизбѣжной потому, что, по ложному мнѣнію всѣхъ явныхъ и тайныхъ враговъ Россіи, насталь будто бы удобный моментъ остановить Русь, ужъ близко-близко подошедшую къ осуществленію важнѣйшихъ народныхъ цѣлей, уже недалеко вставшую отъ источника своего матеріальнаго благополучія и спокойнаго пользованія плодами многолѣтнихъ тяжкихъ трудовъ...

Русскому народу данъ тяжелый и славный жребій. Съ первыхъ минутъ своей исторической жизни онъ несетъ этотъ жребій и, всегда вѣрный самому себѣ и избранному пути, стойко, самоотверженно и успѣшно служить дѣлу всей своей жизни. На широкомъ, чрезмѣрно широкомъ пространствѣ равнинной земли разбросались въ первыя времена своей европейской жизни многочисленныя близко-родственныя восточно-славянскія племена; раздѣленные непроходимыми лѣсками болотъ, лѣсовъ, въ дѣвственныхъ пущахъ которыхъ скрывалось великое множество дикихъ звѣрей, восточные славяне должны были употребить много времени, много трудовъ, чтобы въ невѣдомыхъ до ихъ пришествія земляхъ проложить пути и тропинки, и чтобы по этимъ путямъ проложить затѣмъ широкія и торныя дороги для самообъединенія, для того, чтобы стать единою, могучею и грозною Русью. Явившись въ Европу послѣдними изъ народовъ индоевропейскаго корня, славяне осѣли на границѣ Европы и Азіи, встали сплошною могучею стѣною между Востокомъ и Запа-

домъ и должны были принять на себя всѣ удары дикой, многонародной и всегда непокойной Азіи, въ теченіе многихъ вѣковъ высылавшей на Русь свои дикія орды. Авары, козары, печенѣги, половцы, татары—всѣ шли на Русь, всѣ участвовали въ ея разореніи, въ особенности послѣдніе,—чтобы стереть ее съ лица земли, чтобы на мѣстѣ русско-славянскихъ поселеній водворить свои кочевья, на мѣстѣ русской рѣчи—монгольскую, чтобы потомъ на мѣстѣ храмовъ православныхъ поставить мечети магометанскія. Но Русь, бѣдная, раздробленная, во многихъ отношеніяхъ не упорядоченная, устояла противъ несмѣтныхъ враговъ, спасла себя. Мало этого,—спасая себя, грудью своею, силою своею, жертвами своими она защищала въ теченіе многихъ вѣковъ и всю Западную Европу. Въ то время, когда въ непрестанной, безъ всякаго почти отдыха продолжавшейся, борьбѣ съ врагами-азіатами, со всѣми этими „погаными“ и „бусурманами“ Русь иногда изнемогала, Западъ за ея спиною устраивалъ свое благополучіе,—устроялъ не рѣдко на счетъ Руси же. Но выросла Русь, хотя и подъ „тяжкимъ млатомъ“, окрѣпла и пошла впередъ твердо своею жизненною историческою тропною, объединяя разрозненныя части свои, возвращая въ свои нѣдра отторгнутое отъ нея въ ея безвременье. Западъ, унаслѣдовавшій отъ древняго греко-римскаго міра большую часть его богатаго наслѣдія, успѣвшій ко времени освобожденія Руси отъ монголовъ подойти къ предѣламъ новыхъ временъ, сначала гордо и презрительно, а потомъ со страхомъ и завистію отнесся къ становившемуся сильнымъ Московскому княжеству. Преисполненная многихъ высокихъ дарованій, великаго творческаго духа, постоянно жаждавшая свѣта Русь, едва избавившаяся отъ тяжкаго ига, обратилась къ Западу за свѣтомъ, за тѣмъ свѣтомъ, который былъ заимствованъ этимъ Западомъ отъ другихъ,—и встрѣтила не только упорное нежеланіе быть помощникомъ ея въ исканіи добра, но и самую страстную борьбу. Потребовалось много времени, труда, силъ матеріальныхъ и духовныхъ, чтобы Руси дойти до моря

Варяжскаго-Русскаго, а нынѣ Балтійскаго, чтобы твердою ногою стать тамъ, гдѣ еще во времена Владиміра Святого и Ярослава Мудраго слышалась русская рѣчь, строились русскіе города. Возстановливая свои прадѣдовскія права на западѣ, русской народъ въ то же время долженъ былъ вести нескончаемую борьбу на востокѣ, — борьбу и вооруженную, и мирную, просвѣтительную съ различными инородцами, стоявшими и стоящими до сего дня на пути его неотвратимаго движенія на востокъ, вносить въ ихъ среду свѣтъ христіанскаго ученія, высшей гражданской жизни. И русскія границы постепенно, въ силу непреодолимаго влеченія, перешли Кавказъ, степи и пустыни Туркестана, тайгу, тундры и горы Сибири и подошли во многихъ мѣстахъ къ естественнымъ, какъ говорится, преградамъ. Тамъ, на отдаленномъ юго-востокѣ, предъ русскими полками стоитъ малодоступный Памиръ, на дальнемъ Востокѣ—волны Тихаго океана омываютъ русскіе предѣлы. Тяжело это движеніе къ предопредѣленнымъ границамъ,—тяжело потому, что пріобрѣтеніе новыхъ земель ничего не давало, кромѣ новыхъ народовъ, нуждавшихся и нуждающихся въ самыхъ основныхъ началахъ просвѣщенія,—тяжело потому, что пріобщеніе всѣхъ этихъ народовъ къ русской жизни, къ русскому дѣлу всегда требовало и будетъ требовать самыхъ широкихъ затратъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ со стороны русскаго народа.

Въ то время, какъ росла Русь, какъ она медленно, но прочно сливала съ своею жизнію толпы дикихъ и полудикихъ народовъ, Западъ богатѣлъ матеріально и духовно. Росли здѣсь города, села, фабрики, заводы; покрывались земли густою сѣтью желѣзныхъ и иныхъ дорогъ; все выше и выше поднималось знамя науки: все рѣзче и опредѣленнѣе ставились вопросы объ улучшеніи общественной жизни. Въ то же время, вслѣдствіе различныхъ условій своей осложнившейся до крайности жизни, начались массовыя выселенія изъ Европы и такія же массовыя образованія европейскихъ поселеній въ Индіи, Америкѣ, Африкѣ, Австраліи и Восточной Азіи.

Крупные и мелкие народы всѣхъ этихъ земель и странъ, почувствовали могучую длань просвѣщенной Европы, и должны были склонить предъ нею свою выю.

Что же несла, несетъ, и что принесла Европа въ среду этихъ новыхъ народовъ?—Произведенія своихъ фабрикъ и заводовъ, разнаго рода усовершенствованія въ области матеріальнаго быта. Какъ все это принесено? — Принесено на штыкахъ усовершенствованнаго ружья, распространено усовершенствованными разрывными снарядами, укрѣплено на трупахъ сотенъ тысячъ людей. Славная своею широкою производительностію и матеріальными благами, Европа ради этихъ благъ не щадила и не пощадитъ ни себя, ни другихъ. Не щадила она Китая, которому нужно было навязать индійскій опиумъ; не пощадила буровъ, у которыхъ оказалось не мало золота; подъ свое покровительство взяла насильственно древнюю богатую страну отжившихъ давнымъ - давно свое время фараоновъ. Въ такомъ исключительномъ одностороннемъ паправленіи просвѣтительнаго воздѣйствія Европы на внѣ-европейскія страны всѣ высшія и лучшія стороны западно-европейскаго просвѣщенія были почти забыты, и просвѣщаемые народы хотя и слышали ученіе Христа изъ устъ различныхъ проповѣдниковъ, но только, какъ говорятъ, мимоходомъ или въ извращенномъ видѣ, во славу того же односторонне понимаемаго просвѣщенія.

Во имя этого просвѣщенія, понимаемаго исключительно съ точки зрѣнія матеріальныхъ благъ, коммерческихъ выгодъ и преимуществъ, не только создано множество странныхъ вопросовъ, въ родѣ восточнаго или въ родѣ *европейскаго равновѣсія*, но и вся Европа буквально съ ногъ до головы вооружилась, поставила и малыхъ и старыхъ своихъ подъ ружье, одѣла всѣ подходящія мѣста въ стальную броню, покрыла моря и рѣки кораблями—чудовищами, стремится заставить и воздухъ и подводное царство служить тому же своему излюбленному идолу — войнѣ и вооруженію. И сколько ушло ума и энергіи, чтобы только придумать наилучшія сред-

ства истребленія людей людьми же! А сколько зависти, чело-вѣконенавистничества, — не одиночнаго притомъ, а массо-вого,—развила въ себѣ просвѣщенная Европа, стоящая подъ ружьемъ! Сколько политической нервности, искусственно воз-бужденной „политической чуткости“ развила она въ своихъ политическихъ дѣятеляхъ! Сколько извращенія внесено за по-слѣднее время въ самыя, повидимому, безспорныя истины!

Въ одномъ изъ благословенныхъ южныхъ угловъ Европы давно уже свилъ себѣ гнѣздо исконный врагъ славянства и Православной Церкви,—свилъ себѣ онъ гнѣздо и превратилъ этотъ чудный уголь Европы въ адъ, въ мѣсто страданій и всѣхъ видовъ нравственнаго паденія для живущаго здѣсь народонаселенія. Въ своемъ неудержимомъ шествіи съ Сѣвера на югъ Русь подошла къ берегамъ моря, охраняемаго когда-то грозною, а теперь разложившеюся Турціей. Испытавшая на себѣ весь ужасъ монгольскаго ига, она подняла и при-няла на себя самоотверженнѣйшую изъ задачъ своей историче-ской жизни—освободить народы, гибнувшіе въ пятисотъ-лѣт-немъ рабствѣ, очистить отъ заражающаго все трупa чудный уголь Европы и дать по морю свободному свободное движе-ніе своей торговлѣ, своей промышленности. И что же?—Вся Европа, какъ одинъ чело-вѣкъ, приложила и продолжаетъ прилагать неимо-вѣрныя усилія, чтобы дѣло Россіи не осуществилось, чтобы, иначе говоря, рабы оставались рабами или полурабами, чтобы милліоны славянскихъ и другихъ народ-ностей продолжали жить въ атмосферѣ все разлагающаго исламизма и турецкаго варварства. Почему? Почему христіан-ская, просвѣщенная Европа увидѣла и видитъ свое призваніе въ охранѣ для всѣхъ очевиднаго зла, въ охранѣ всею своею вооруженною силою мертваго тѣла среди юной, свѣжей жизни?—Потому, что Россія, за спиной которой и вдали отъ вражескихъ нашествій окрѣпла и развилась Европа, растетъ быстро, становится якобы *опасной* для Запада и можетъ на-рушить *Европейское равновѣсіе*.

И этотъ ростъ Русскаго государства, его внутренняя несокрушимая жизнь, начавшая пугать западную Европу еще съ XVIII вѣка, продолжаютъ до сего дня быть почти единственными двигателями, вдохновителями всюду проливающейся вражды къ Россіи. Мы видимъ эту вражду и ея ничѣмъ неприкрываемыя усилія и въ дебряхъ Кавказа, когда полудикіе горцы, гроза Грузіи и христіанскаго Закавказья, въ теченіе полувѣковой борьбы съ Россіей пользовались усиленнымъ покровительствомъ и помощью нѣкоторыхъ изъ западныхъ державъ; видимъ ее и въ Хивѣ съ Бухарой, и на необозримой равнинѣ Среднеазиатскихъ степей, когда дикіе кочевники, эти бывшіе разбойники, эти враги цивилизованной жизни, эти насадители возмутительнѣйшаго рабства—нашли въ своей неравной борьбѣ съ Русью самыхъ ревностныхъ защитниковъ на Западѣ; видимъ дѣйствующими тѣ же вражду, зависть и боязнь и среди родственнаго намъ славянскаго племени, когда оно, ослѣвленное гибелью своей политической самостоятельной жизни, дѣлавшее отчаянныя попытки вернуть утраченную самостоятельность, стремилось искать себѣ защитниковъ тамъ, гдѣ были дѣйствительные виновники гибели его политической жизни, гдѣ всегда жили—и, вѣроятно, долго еще будутъ жить — враги единства славянскаго, друзья распрей славянскихъ; видимъ тѣ же чувства Европы и на поляхъ Болгаріи и Сербіи, обогранныхъ русскою кровію и являвшихся уже не разъ свидѣтелями не только неблагодарности освобожденныхъ къ освободителямъ, но и прямой вражды къ послѣднимъ, — вражды, настолько иной разъ сильной, что, ослѣвленные ею и зараженные европейскою ненавистью къ Россіи, иные дѣятели балканскіе готовы лучше отдать себя и свои народы въ слуги нѣмцамъ, итальянцамъ, англичанамъ и друг., лишь бы только не быть въ единомысліи съ Россіей.

Эта вражда къ Россіи, эта тщательно скрываемая завистливая боязнь ея, внѣ всякаго сомнѣнія, создала и дальній восточный вопросъ. Стремясь къ матеріальному порабо-

щенію всѣхъ не европейскихъ народовъ, скупясь постоянно на дарованіе этимъ народамъ высшихъ духовныхъ благъ, разжигая своекорыстіемъ своимъ народныя страсти, возбуждалъ къ себѣ ненависть и озлобленіе насильственно просвѣщенныхъ народовъ, Европа неоднократно вызвала возстанія и въ Китаѣ и въ Японіи, вызвала и послѣднее антиевропейское движеніе боксеровъ, вызвала Японско - Китайскую войну и, какъ слѣдствіе всего этого, послѣднюю войну Японско - Русскую. Вызвала она вмѣстѣ съ тѣмъ и воспитала въ народахъ всего міра, съ одной стороны, постоянное опасеніе за свою самостоятельность предъ лицомъ могучей и алчной Европы, а съ другой — ту же алчность, то же стремленіе всюду забирать и подчинять себѣ слабыхъ. Послушная ученица Запада, особенно той его части, которая, какъ неугомонный сыщикъ, всюду слѣдуетъ за Россіей и каждый ея шагъ заподозрѣваетъ и разсматриваетъ, какъ ударъ, направленный противъ интересовъ всюду заинтересованныхъ державъ, Японія возмнила, что Россія, всегда искавшая безусловно необходимаго для себя выхода въ открытое море и, наконецъ, подошедшая къ нему, стала смертельнымъ врагомъ ея, способнымъ погубить ея еще перасцвѣтшую жизнь. Мало того, — этотъ новый врагъ, опять таки наученный болѣе всего чужими рѣчами, самъ себя поставилъ во главѣ всей многомилліонной, будто бы обижаемой Россіей, желтой расы и, такимъ образомъ, поднятую имъ на Россію брань съ первыхъ же ея шаговъ поставилъ грозно и опасно. И вотъ предъ русскимъ народомъ опять, спустя почти семьсотъ лѣтъ, встали тѣ же враги — монголы и требуютъ отъ нея опять кровавыхъ жертвъ, — требуютъ все одного и того же — остановки въ жизни, остановки неизбежнаго роста и отказа отъ плодовъ долговременнаго труда, отъ плодовъ многихъ и великихъ жертвъ, встали тѣ же монголы, но только къ дикости, ярости и коварству своему присоединившіе уже все то, чѣмъ успѣла наградить ихъ Европа, вплоть до удушающихъ вредными газами разрывныхъ снарядовъ.

Что же сдѣлала Россія, чтобы на нее нужно было итти съ огнемъ и мечемъ?—Пусть отвѣтятъ на этотъ вопросъ всѣ тѣ народы, которыхъ Россія, якобы, „поглотила“, лишила свободы и ввела въ русло своей широкой исторической жизни. Придутъ, встанутъ со временемъ предъ нелицепріятнымъ судомъ исторіи всѣ эти народы и народцы, всѣ эти кавказцы, турмены, татары, киргизы, калмыки, буряты, чукчи, камчадалы, китайцы, и пр.,—придутъ и скажутъ, что они отъ русскаго народа никогда не видѣли злой обиды, а, напротивъ, воспользовались и пользуются отъ него только благами просвѣщенной жизни, насаждаемыми мирно, съ великимъ трудомъ и жертвами. На Кавказѣ мало-по-малу водворяются миръ и гражданственность безъ потери даже мелкими народностями ихъ самобытности въ языкѣ и вѣрѣ; пустыни средней Азіи, когда-то бывшія цвѣтущимъ садомъ и ставшія пустынями только во время и послѣ монгольскихъ погромовъ, въ настоящее время вновь превращаются трудами и жертвами русскихъ въ роскошныя поля, дающія нескончаемый просторъ, трудолюбію и предпріимчивости недавнихъ разбойниковъ, а теперь мирныхъ туземныхъ жителей; чрезъ всю широкую, безграничную Сибирь и Манчурію протянуты русскими руками, русскимъ умомъ, русскими деньгами рельсовые нити, связавшія просвѣщеннѣйшія страны другъ съ другомъ и съ странами непросвѣщенными, но богатыми своими силами, богатыми опытомъ неизвѣданной еще въ Европѣ жизни; вдоль этихъ нитей возникаютъ города, села, заводы; по этимъ нитямъ во всѣ страны движутся дары богатой, но не щедрой природы: вдоль этихъ нитей, несмотря на недавность ихъ, забила уже ключемъ международная жизнь, принимать участіе въ которой всякъ воленъ; дары благъ житейскихъ особенно щедро даны опять-таки тѣмъ же поглощеннымъ и поглощаемымъ, якобы, инородцамъ и народамъ. Всюду любовью русскою смягчаются сердца дикарей и полудикарей, кровью русскою облагораживается кровь инородцевъ, свѣтомъ вѣчной и правой жизни по заповѣдямъ Христа освѣщалась

и освѣщается жизнь тѣхъ, которые до русскихъ не вѣдали, что они—люди. То же самое должны будутъ сказать исторіи и тѣ изъ единоплеменниковъ и не единоплеменниковъ нашихъ, которые, по волѣ неисповѣдимыхъ судьбъ, вошли въ составъ Русской земли, которымъ, несмотря на всѣ недоразумѣнія исторической жизни, всегда жилось подъ кровомъ крыльевъ Русскаго Орла несравненно лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Гдѣ же причина такой мягкости, всѣхъ этихъ необычныхъ для западно - европейскихъ просвѣтителей отношеній между мнимыми поработителями и мнимыми поработенными?— Несомнѣнно, въ томъ присущемъ русскому человѣку чувству любви къ своимъ и чужимъ, которое заставляетъ его быть больше всего безкорыстнымъ, которое чаще всего вело и ведетъ его только къ жертвамъ,—въ томъ, что Европой не признается за политическую мудрость, за просвѣтительную силу, и что постоянно разсматривается, какъ недостатокъ историческаго бытія и дѣятельности русскихъ. Это великое созидательное чувство любви воспитано многовѣковой и многострадальною русскою жизнію, внесено въ душу русскую ученіемъ и преисполненною любви и мира дѣятельностію Православной Церкви, поддерживается искреннею и беззавѣтною преданностію народа своимъ Царямъ и такую же вѣрою въ свое призваніе, въ свою мощь. Въ этомъ чувствѣ заключается причина успѣховъ Руси въ ея строеніи и развертываніи своего государственнаго быта. И такое отношеніе къ друзьямъ и врагамъ положило особый отпечатокъ на всю исторію Россіи.

Шествуя спокойно, увѣренно и безъ ненужныхъ насилій надъ сосѣдами, шествуя къ своимъ жизненнымъ цѣлямъ, русской народъ, вслѣдствіе уже однѣхъ особенностей своей жизни, рѣдко былъ понимаемъ западными сосѣдами своими. Привыкшіе все разсматривать только съ точки зрѣнія своихъ эгоистическихъ интересовъ, эти сосѣди никакъ не могли и не могутъ понять ни безкорыстія въ политическихъ предпрі-

ятіяхъ Россіи, ни неизбѣжности нѣкоторыхъ изъ этихъ предпріятій. Въ этомъ и коренится главная причина всѣхъ тяжелыхъ недоразумѣній между Россіей и Западомъ, а равно и тѣхъ разочарованій, которыя не разъ постигали Русь. Съ вѣрою въ свое дѣло и съ полнымъ сознаниемъ безкорыстія она всегда шла и идетъ на дѣло, ей предстоящее, и не готовитъ заранѣе камня за пазухой. Съ такою же вѣрою она взираетъ всегда на своихъ друзей и враговъ, и потому обыкновенно въ столкновеніяхъ съ послѣдними оказывается неподготовленною ни къ немедленному началу дѣйствій военныхъ, ни къ завершенію ихъ въ сонмѣ благожелательныхъ державъ. Такъ и теперь. Только-что закончилось усмиреніе неожиданно возставшаго противъ европейцевъ Китая, еще не успѣли надлежащимъ образомъ омытъ ранъ русскихъ героевъ, шедшихъ, по обыкновенію, впереди, какъ возникъ вопросъ Дальняго Востока. Быстро, неудержимо быстро развивался этотъ вопросъ, Западъ европейскій волновался, Англія поспѣшила заключить союзъ съ недавно-явленной представительницей желтой расы—Японіей, производились спѣшныя вооруженія этой послѣдней, и начались переговоры съ Россіей. Вялые вначалѣ, они быстро развивались, и въ тотъ моментъ, когда изъ Россіи посланъ уже былъ успокаивающій возбужденную искусственно націю отвѣтъ, совершился разрывъ сношеній и немедленно же, безъ объявленія войны, коварный набѣгъ на неожиданнѣйшаго этого набѣга русскій флотъ. Война нежданно для Россіи началась, и уже принесены ей тяжелыя жертвы. И только послѣ этого Россія начала собираться съ силами для борьбы,—но для чего и съ кѣмъ?

Обширнѣйшее въ мірѣ континентальное государство не можетъ жить безъ открытаго моря. Прилегающія къ Россіи моря почти всѣ закрыты или могутъ быть закрыты. Обширнѣйшая часть Россіи—Сибирь и прилегающая къ ней средняя Азія особенно чувствовали на себѣ неблагоприятныя условія своей континентальности. Стало особенно нужно для Россіи это море открытое, когда желѣзнымъ кольцомъ начали ее за-

тягивать богатые, промышленные европейскіе народы. И Россія пошла къ этому морю, не щадя жертвъ, но и не вредя никому. Въ этомъ естественномъ и неотвратимомъ движеніи Россіи, ясно сознающей свое историческое призваніе, всѣ уже ставшія на чужой землѣ твердою ногою государства увидѣли *опасность*. Нужно остановить движеніе Россіи, нужно ее ослабить, нужно отвлечь вниманіе и заботы Россіи отъ другихъ мѣстъ,—нужнымъ все это оказалось, и война была предрѣшена.

Противъ могущественнѣйшей въ мірѣ державы выступила за свои, будто бы, жизненные интересы маленькая, но хорошо подготовленная Японія. Смѣло до дерзости она бросила вызовъ. Но одна ли она стоитъ противъ Россіи? Нѣтъ ли за ея спиной другихъ государствъ, которыя всегда начинали свое дѣло за чужою спиною и выступали открыто только тогда, когда воюющіе уже истощатся и обезсилѣютъ?—Дай Богъ, чтобы врагомъ Россіи былъ только объявившійся врагъ. Опасенъ и онъ, но опасность возрастетъ въ неизмѣримой степени, если за этимъ врагомъ окажутся другіе... Все можетъ быть, и ко всему нужно готовиться...

Но не будемъ бояться за конечный исходъ начавшейся тяжелой войны, какія бы осложненія ни произошли. Русь испытала на себѣ и вынесла на своихъ могучихъ плечахъ гораздо болѣе тяжкія испытанія. Въ то же время, воспитываемые своею общеою матерію-Церковію Православною въ заповѣдяхъ мира и любви къ ближнимъ, будемъ молить Господа Бога о дарованіи нашей дорогой родинѣ благъ скорого мира, а до наступленія этихъ желанныхъ дней, движимые чувствомъ любви къ братьямъ своимъ, принесемъ для облегченія ихъ трудовъ, ихъ болѣзней и страданій все, что можемъ. Было время, когда на защиту чести, славы и неприкосновенности нашего дорогого Отечества должны были итти всѣ сыны его. Теперь идутъ на это великое дѣло только избранные, только во имя долга, любви къ родинѣ отдавшіеся самоотверженному ратному служенію. Тамъ, на далекомъ Востоцѣ, среди тысячи

опасностей, страданій, лишеній наши братья, самоотверженные слуги Отечества, встали предъ лицомъ врага и смерти. Они знаютъ, что ихъ ожидаетъ, они твердо рѣшились исполнить свой высокій подвигъ до конца; не оглядываясь назадъ, гдѣ остались близкіе родные, горькими слезами оплакивающіе милыхъ сердцу своему кормильцевъ и утѣшителей, они идутъ только впередъ,—туда, куда зоветъ ихъ долгъ и вѣрность русскому имени. А мы, живущіе здѣсь, въ полной безопасности не слыша грома пушекъ и стоновъ раненыхъ, не видя крови и увѣчій, что мы будемъ дѣлать?—Мы полетимъ сердцемъ, окрыляемымъ любовію, туда, на поля битвъ, въ больницы, на перевязочные пункты,—туда, гдѣ раздаются стоны страдальцевъ, и принесемъ все, что можемъ, къ ногамъ ихъ. Соберемъ все, что можемъ, для облегченія вдовъ и сиротъ, поилыцы и кормилицы которыхъ останутся на широкихъ поляхъ далекой страны или покроются пучиною морскою. Пусть въ каждомъ извѣстїи, славномъ или скорбномъ, кромѣ славы и скорби гражданской, слышатся для насъ стонъ раненаго, предсмертный вздохъ умирающаго на полѣ брани, плачь сироты, слезы вдовы,—и тогда мы всѣ будемъ участниками великаго дѣла—защиты Отечества—если не съ оружіемъ въ рукахъ, то съ дѣлами любви и благотворенія. Пусть никто не стѣсняется размѣромъ жертвъ: на великой Руси свыше ста сорока миліоновъ сыновъ ея, и копѣйка cadaго будетъ имѣть великое значеніе, такъ какъ изъ этихъ копѣекъ составятся милліоны рублей. Да здравствуетъ наше доблестное воинство! да даруетъ Господь Богъ ему побѣды и одолѣніе на враговъ невѣрныхъ, а намъ—неизсякаемое чувство любви къ родинѣ и страждущимъ за нее!...

Въ минуты скорби великой, во времена тяжелыхъ испытаній всякій русскій, православный человекъ привыкъ искать и находить ободреніе и утѣшеніе для себя на груди матери своей—Церкви Православной. Она воспитала въ немъ чувства добрыя; она укрѣпила въ немъ лучшія начала жизни семейной, общественной и государственной; она своимъ твер-

дымъ руководственнымъ вліяніемъ скрѣпила тѣсными узами любви всѣ части великаго и разносоставнаго нашего Отечества. Откуда слышалъ истинно-русскій человѣкъ всю душу поднимающій призывъ въ минуты испытаній, какъ не отъ Церкви, какъ не отъ ея вѣрныхъ служителей? Сомкнемся же крѣпко вокругъ Церкви Православной, забудемъ всѣ наши домашніе споры и раздоры, послушаемся безпрекословно велѣній ея и съ вѣрою въ Бога, съ искреннею любовію къ Царю и Отечеству всѣ до единаго будемъ работать на благо нашей родины, на благо и утѣшеніе всѣхъ тѣхъ, которые теперь стоятъ лицомъ къ лицу со всевозможными лишеніями и самою смертію! Сплотимся всѣ у неизсякаемаго источника нашей народной жизни,—и никакой врагъ, какъ бы онъ ни былъ силенъ, не будетъ страшенъ, какъ не были страшны и непреоборимы враги во всѣ времена былой нашей жизни!...

М. Гн.

„Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ“.

Этотъ возгласъ произносится на вечернѣ преждеосвященной литургіи, между первой и второй пареміями, и сопровождается извѣстными дѣйствіями священнослужителя. Если вникнуть въ послѣдованіе преждеосвященной литургіи, то нельзя не признать, что возгласъ „Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ“ не стоитъ въ связи ни съ предыдущемъ, ни съ послѣдующимъ содержаніемъ литургіи. Онъ какъ бы случайно врѣзывается въ послѣдованіе службы и, нарушая естественное, логическое, такъ сказать, ея теченіе, является въ этомъ отношеніи совсѣмъ неожиданнымъ для слушателей.

Въ виду сказаннаго, интересно опредѣлить истинный смыслъ и значеніе этого возгласа, а также надлежащимъ образомъ уяснить сопровождающія его символическія дѣйствія. При исполненіи намѣченной задачи будемъ пользоваться исключительно археологическимъ матеріаломъ и на основаніи

только его строить болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія и умозаключенія.

Прежде всего—о происхожденіи возгласа „Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ“ со стороны формы, или словеснаго выраженія. По этому вопросу въ началѣ 70-хъ годовъ прошедшаго XIX столѣтія высказался въ Трудахъ Кіевск. д. академіи извѣстный изслѣдователь христіанскихъ церковныхъ древностей, бывшій настоятель русской миссіи въ Іерусалимѣ, архимандритъ Антонинъ Капустинъ¹⁾. Обращая вниманіе на слишкомъ краткое и необычно составленное глашеніе „Φῶς Χριστοῦ φαίνει πᾶσι“, архим. Антонинъ склонялся признать еще дохристіанское происхожденіе этого возгласа и предполагалъ, „что изреченіе это взято готовымъ въ Церковь Христову изъ предварявшихъ ее какихъ нибудь вѣровыхъ мистерій“ и именно, скорѣе всего, изъ іудейскихъ. Высказывая свою догадку, о. Антонинъ основывался на нѣкоторыхъ вещественныхъ памятникахъ, отнесенныхъ имъ къ дохристіанской эпохѣ. Это—глиняные (терракотовые) свѣтильники—ночники, найденные около Іерусалима въ древне-еврейскихъ гробницахъ будто бы греческаго и римскаго періода исторіи. На нихъ въ первый разъ можно прочесть надпись: Φῶς Χριστοῦ φαίνει πᾶσι. Три экземпляра такихъ свѣтильниковъ архим. Антонинъ пожертвовалъ въ церковно-археологическій музей при кіевской дух. академіи, гдѣ они хранятся подъ №№ 3224, 3225, и 15668. Свѣтильники—по размѣрамъ небольшіе, округленные сзади и постепенно вытянутые съ передней стороны, т. е. съ той, гдѣ отверстіе для свѣтильни. Посрединѣ каждаго изъ свѣтильниковъ есть еще другое—значительное отверстіе съ слѣдами закрывавшей его крышки; чрезъ него вливалось въ свѣтильникъ масло для горѣнія. Свѣтильники безъ ручекъ, и въ конструкціи ихъ вѣтъ намековъ на то, чтобы они подвѣшивались къ чему нибудь цѣпочками. Очевидно, свѣтильники назначены были стоять неподвижно на какомъ нибудь устой-

¹⁾ Изъ записокъ синайскаго богомольца. Труды К. дух. Ак. 1873 г. т. I, с. 420—421, примѣч.

чивомъ возвышеніи, вродѣ стола. планки карниза, и т. п. ¹⁾. Интересующая насъ греческая надпись оттиснута на верхней сторонѣ свѣтильниковъ, въ видѣ бордюра, по обѣимъ сторонамъ отверстія для масла. Надо сознаться, что прочесть эту греческую надпись—трудъ весьма нелегкій. Первое, впрочемъ, слово $\varphi\omega\varsigma$ вполне поддается опредѣленію. Второе—написано сокращенно и въ № 15668 стоитъ подъ титломъ. Его составляютъ двѣ буквы, изъ которыхъ первая „хи“ (X) не возбуждаетъ сомнѣній, а вторая—очень большія. Въ № 15668 она похожа на букву „ни“ (ν) малую, или на „ипсилонъ“ (Υ) большую; въ №№ 3224 и 3225 эта буква будетъ „ипсилономъ“ или „ни“ въ томъ случаѣ, если допустить, что она почему-то поставлена не правильно, а обратно, въ верхъ ногами,—иначе это будетъ другая буква, скорѣе всего „лямбда“ (λ или Λ). О. Антонинъ выбиралъ только между „ни“ и „ипсилономъ“ и, послѣ нѣкоторыхъ филологическихъ соображеній, призналъ, что вторая таинственная буква въ сокращенномъ второмъ словѣ надписи есть „ипсилонъ“. Такимъ образомъ, обѣ буквы „хи“ и „ипсилонъ“ сокращенно и подъ титломъ обозначаютъ слово $\chi\rho\iota\sigma\tau\omicron\upsilon$. Третье слово должно быть $\varphi\alpha\iota\nu\epsilon\iota$. Оно и есть на нашихъ экземплярахъ, но написано грамматически невѣрно: вмѣсто α вездѣ поставленъ ϵ и вмѣсто ϵ на концѣ—въ № 15668 „ита“ (η); кромѣ того, въ №№ 3224 и 3225 совсѣмъ нѣтъ конечныхъ гласныхъ, и слово обрывается на буквѣ ν , т. е. имѣется только $\varphi\epsilon\nu$. Четвертое слово опредѣляется ясно $\pi\tilde{\alpha}\sigma\iota\nu$ и не вызываетъ относительно себя сомнѣній.

Такимъ образомъ, въ соединеніи, рассмотрѣнныя слова образуютъ фразу: $\Phi\omega\varsigma \chi\rho\iota\sigma\tau\omicron\upsilon \varphi\alpha\iota\nu\epsilon\iota \pi\tilde{\alpha}\sigma\iota\nu$ —Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ. Настоящій переводъ принимаетъ и архим.

¹⁾ У *Мартини*, въ его *Dictionnaire des antiquités chrétiennes*, Paris 1877, нѣтъ рисунка такихъ свѣтильниковъ, v. p. 405—408 et p. 426, хотя объ одномъ свѣтильничкѣ, повидимому, этой же категоріи, вывезенномъ съ Сіона, онъ упоминаетъ; v. p. 439.

Антонинъ, соединяя его съ своею мыслью о дохристіанскомъ происхожденіи глашенія такъ, что въ немъ, говоритъ онъ, видно пророчество, или указаніе на Христа—Мессію „еще ожидаемаго“. „Древнее употребленіе въ христіанской Церкви сихъ словъ“, прибавляетъ о. Антонинъ, „именно въ въ срединѣ пророчества, при свѣтильникѣ, не наводитъ ли на эту мысль?“—Было бы открытіемъ большой важности найти въ древнихъ религіозныхъ мистеріяхъ слѣды ясно и опредѣленно выраженнаго чаянія Мессіи—Свѣта языковъ и—хотя бы въ этомъ торжественномъ возгласѣ „Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ“; но для доказательства дохристіанскаго происхожденія нашего возгласа не достаточно одного, при томъ еще не бесспорнаго, основанія, приводимаго архим. Антониномъ, что свѣтильники найдены въ еврейскихъ гробницахъ *дохристіанской* эпохи. Другихъ фактическихъ основаній предположеніе о. Антонина не имѣетъ. Напротивъ, рядъ слѣдующихъ данныхъ какъ разъ говоритъ противъ этого и заставляетъ думать, что мы имѣемъ дѣло не съ какими-либо иными, а съ *христіанскими* памятниками церковнаго (или домашняго) быта, и что надпись на нихъ тоже не иного, а христіанскаго происхожденія. Рядъ этихъ данныхъ, согласно говорящихъ одно и то же о предметѣ, подрываетъ цѣльность единственнаго основанія, взятаго о. Антониномъ для своей теоріи, и поселяетъ сомнѣніе относительно того, *дѣйствительно ли изъ дохристіанскихъ гробницъ извлечены наши свѣтильники*. Не суть ли это гробницы первыхъ христіанъ изъ іудеевъ, которые могли находить себѣ мѣсто на одномъ кладбищѣ съ древними дохристіанскими евреями, такъ какъ іерусалимская церковь въ первомъ вѣкѣ, какъ извѣстно, не сразу окончательно и во всѣхъ отношеніяхъ обособилась отъ древняго іудейства?

Кромѣ четырехъ вышеуказанныхъ словъ, въ концѣ греческой надписи на свѣтильникахъ есть еще *пятое* слово, о которомъ о. Антонинъ отозвался, что оно „не поддается никакому истолкованію“. Дѣйствительно, *пятое* слово въ надписи представляетъ большую загадку, и особенно въ свѣтиль-

никахъ подѣ №№ 3224 и 3225, гдѣ оно, при томъ, порядочно стерлось. Но въ № 15668, кажется, это слово можно будетъ возстановить. Прежде всего, обратимъ вниманіе на то, что предыдущее, четвертое слово $\pi\tilde{\alpha}\sigma\iota\nu$ оканчивается буквою ν , а какъ извѣстно, эта буква приставляется къ гласной дательнаго падежа множественнаго числа въ томъ случаѣ, если слѣдующее за дательнымъ падежомъ на σ слово начинается тоже съ гласной. Въ грамматикахъ это ν называется $\epsilon\pi\epsilon\lambda\chi\omega\sigma\tau\iota\kappa\acute{o}\nu$ — привлеченное, присоединенное, приставное. Изъ того, что четвертое слово оканчивается ν , слѣдуетъ, что пятое должно начинаться съ гласной буквы. Дѣйствительно, на всѣхъ свѣтильникахъ можно ясно различить іоту, которая стоитъ впереди другихъ буквъ. Въ №№ 3224 и 3225 она связана съ какими-то еще буквами, разобрать которыя никакъ нельзя, а въ № 15668 за нею слѣдуетъ ясно „сигма“, и обѣ онѣ — „іота“ и „сигма“ покрываются титломъ. Что это? Не ясно ли, что подѣ титломъ послѣднихъ двухъ буквъ скрыто слово $\Upsilon\eta\sigma\omicron\upsilon\varsigma$ подобно тому, какъ на томъ же свѣтильникѣ (№ 15668), въ первой половинѣ текста, сокращеніе „хи“ и „ицилонъ“ скрываетъ слово $\chi\rho\iota\sigma\tau\omicron\upsilon\varsigma$? Именно *скрываетъ*, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и отмѣчаетъ эти слова, выдѣляя ихъ титлами изъ ряда прочихъ. Очевидно, отъ кого-то и почему-то надо было скрывать имя того Лица, Которое обозначено здѣсь буквами подѣ титломъ. Но надо было съ тѣмъ вмѣстѣ выдѣлить это имя и указать на него тѣмъ, кому оно было дорого... Теперь спросимъ, когда же и отъ кого надо было скрывать имя Христа Иисуса и кому? Отвѣтъ ясенъ: имя Христа Иисуса надо было скрывать древнимъ христіанамъ отъ язычниковъ въ эпоху гоненій. Не священному въ тайны христіанства язычнику трудно было, смотря на свѣтильникъ въ рукахъ, напримѣръ, продавца, догадаться, что тотъ, предлагая ему купить особый свѣтильникъ, хочетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и спросить, не христіанинъ ли онъ. А христіанинъ, при первомъ взглядѣ на представляющійся ему свѣтильникъ, могъ безошибочно опредѣлить, что

онъ имѣть дѣло съ произведеніемъ, вышедшимъ изъ рукъ христіанина-мастера, а не язычника.

Можно недоумѣвать относительно того, почему *Иисусъ* и *Христосъ* отдѣлены другъ отъ друга и стоятъ на разныхъ сторонахъ надписи—бордюра, а не соединены вмѣстѣ? Вѣроятно это сдѣлано тоже не безъ цѣли и, кажется, для того, чтобы не возбуждать въ непосвященныхъ излишнихъ вопросовъ, что значать два рядомъ стоящія слова, и какъ понимать сокращеніе словъ, изображаемое буквами. А можетъ быть, христіанинъ изъ іудеевъ, знавшій греческій языкъ (онъ тогда былъ обще—распространеннымъ), читалъ эту надпись по еврейскому способу, отъ правой руки къ лѣвой. такъ что у него выходило: „Иисусъ всѣмъ являетъ свѣтъ Христа?“ Въ устахъ христіанина изъ іудеевъ эта фраза выражала вѣру, что Иисусъ Назарянинъ, о которомъ столь многіе соблазняются, есть истинный Мессія—Христосъ, Сынъ Божій, пришедшій на землю просвѣтить чело-вѣчество Своимъ ученіемъ въ униженіи, въ зракѣ раба, а не въ славѣ земнаго царя и обладателя вселенной, какимъ Его хотѣли видѣть почти всѣ въ Израилѣ...

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ въ надписи на свѣтильникѣ подъ № 15668 мы видимъ одинъ изъ образцовъ древне—христіанской криптографіи имени Иисуса Христа. Къ той же криптографіи слѣдуетъ отнести и измѣненное положеніе буквы „ицилонъ“ слова *Χριστοῦ* въ аналогичной надписи на свѣтильникахъ №№ 3224 и 3225. Буква „ицилонъ“ поставлена послѣ „хи“ вверхъ ногами для того, чтобы сбить, такъ сказать, съ толку ячычника или невѣрующаго и предоставить ему свободу подыскивать къ слову *Φῶς* подходящее опредѣлительное, начинающееся съ *χλ*; (такимъ будетъ напр., *χλ:χρόν* теплый, согрѣвающій)... Только знающій чело-вѣкъ могъ догадаться, что здѣсь надо прочесть особеннымъ образомъ, и что двѣ странно поставленныя буквы указываютъ на слово *Χριστοῦ*. Въ виду обычности употребленія криптограммъ въ произведеніяхъ искусства древнихъ христіанъ, нельзя думать, что неправильная постановка буквъ въ надписи на свѣтиль-

никахъ есть дѣло случайное и зависеть отъ неискусства мастера.

Все вышесказанное позволяетъ допустить, съ перевѣсомъ вѣроятности, *христіанское* происхожденіе свѣтильниковъ о. Антонина и вмѣстѣ—интересной надписи на нихъ. Но кромѣ этого, въ украшеніи свѣтильниковъ есть одна очень важная особенность, выпущенная изъ вниманія архим. Антониномъ, которая сама по себѣ рѣшительно могла бы говорить за христіанское происхожденіе свѣтильниковъ и именно—отъ эпохи гоненій. Это—пальмовая вѣтвь, протянутая по удлинненной сторонѣ свѣтильниковъ, отъ большого отверстія до малаго. Пальмовая вѣтвь извѣстна какъ эмблема побѣды и находится на гробницахъ христіанскихъ мучениковъ, въ свидѣтельство одержанной ими побѣды надъ мучителями ¹⁾. Присутствіе здѣсь, на свѣтильникахъ, эмблемы мучениковъ доказываетъ, что свѣтильники были въ рукахъ тѣхъ христіанъ, которымъ могли всегда грозить мученія гонителей.

Наконецъ, намъ представляется, что даже фигура свѣтильниковъ (они въ видѣ удлинненныхъ сосудовъ) можетъ говорить за христіанское ихъ происхожденіе. Сколько мы ни пересмотрѣли языческихъ лампочекъ въ томъ же музеѣ при Кіев. академіи, всѣ онѣ имѣютъ круглую форму. А въ христіанскихъ эта форма измѣняется. Антониновскіе свѣтильники, а также нѣкоторые другіе,—изъ которыхъ особенно замѣчательнъ одинъ свѣтильникъ съ неразборчивою латинскою надписью на лицевой сторонѣ и съ изображеніемъ цѣлой сцены, видимо около огня, на исподней сторонѣ,—имѣютъ удлинненіе съ одного конца. Среди рисунковъ у Мартиньи встрѣчаются образцы свѣтильниковъ съ удлинненіемъ уже не одного, а обоихъ концовъ, такъ что такіе свѣтильники принимаютъ форму *кораблей*, доходящую въ исполненіи иногда до наличности мелкихъ подробностей корабля, какъ носъ, корма, мачта,

¹⁾ Dictionnaire des antiquités chrétiennes, p. 567.

парусъ. 1) Очевидно, въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ идеею корабля—Церкви Христовой, каковая идея пользовалась широкою распространенностью въ древнемъ христіанскомъ искусствѣ. Если въ Антониновскихъ свѣтильникахъ идея корабля (или ладіи) не нашла еще полного выраженія, и изъ фигуры корабля сюда взята одна передняя часть—носъ, а корма не додѣлана, то это значить, что наши лампочки въ древне-христіанскомъ искусствѣ стоятъ на томъ рубежѣ эпохъ, откуда начинается рѣшительный поворотъ отъ язычества къ христіанству. Въ художественномъ представленіи христіанскихъ мастеровъ идея корабля—Церкви еще не сформировалась въ окончательный образъ, но воображенію ихъ она уже предносилась и нашла даже себѣ частичное воплощеніе, за которымъ не замедлило потомъ явиться, какъ дальнѣйшая стадія въ развитіи христіанскаго искусства, полное ея выраженіе въ произведеніяхъ, подобныхъ отмѣченному у Мартиньи.

Если наше наблюденіе правильно, то и отсюда слѣдуетъ еще разъ заключить о христіанскомъ происхожденіи Антониновскихъ свѣтильниковъ и отнести время появленія ихъ къ эпохѣ первоначальныхъ гоненій на христіанъ, т. е. къ I—II вв.

Къ сказанному остается прибавить, что Мартиньи извѣстную ему лампочку съ Сіона, имѣющую надпись: $\varphi\omega\varsigma$ Христой $\varphi\alpha\iota\tau\epsilon\iota$ $\pi\lambda\acute{\alpha}\sigma\iota\upsilon$, также относитъ къ христіанской эпохѣ. 2) Къ этой же эпохѣ свѣтильники о. Антонина отнесены и въ музеѣ при Кіев. д. академіи, гдѣ они нынѣ хранятся 3).

О чемъ же говорить древній символическій свѣтильникъ съ надписью на немъ: „свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ“?—Прежде всего, онъ переноситъ умъ христіанина отъ видимаго свѣта, этой тонкой земной стихіи, къ Свѣту невидимому и духовному, къ Богу, высшему Виновнику міра. Истинный свѣтъ,

1) Dict. d. ant. chr. p. 407.

2) Ibid. p. 439.

3) *Н. И. Петрова*—Указатель Церковно-Археологическаго Музея при Кіевской духовной Академіи, 2 изд. К. 1897 г. 90 и с. 231.

какъ свѣтъ вѣры и жизни, есть Христосъ Исусъ—сіяніе славы Отчей и образъ свѣтлой Отчей Ипостаси. Самъ истинный Свѣтъ, Христосъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и единый податель свѣта, или источникъ свѣта, всему міру (πᾶσι). Кто принялъ учение Христово и сдѣлалъ его руководственнымъ началомъ жизни, тотъ безбоязненно можетъ пускаться въ трудный для многихъ путь плаванія по бурному житейскому морю. Скрывшись въ спасительномъ кораблѣ Церкви Христовой ¹⁾, онъ можетъ чувствовать себя въ полной безопасности и не страшиться этой кругомъ облегающей мглы язычества, яростно готоваго стереть съ лица земли ненавистныхъ ему послѣдователей Свѣтодавца Христа ²⁾. Никакіе житейскіе страхи не должны смущать учениковъ Христовыхъ. Они должны быть увѣрены, что побѣда надъ языческимъ и грѣховнымъ міромъ принадлежитъ имъ...

Такъ, по нашему мнѣнію, надо истолковать надпись „Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ“, на Антониновскихъ свѣтильникахъ, вмѣстѣ съ прочими на нихъ символами. Но какой смыслъ и какое значеніе дать этому возгласу въ послѣдованіи преждеосвященной литургіи? Н. Пальмовъ.

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ Конечно, не настаиваемъ, что фигура нашихъ свѣтильниковъ бесспорно напоминаетъ устройство корабля; высказываемъ это какъ личное впечатлѣніе.

²⁾ Интересно, что на свѣтильникѣ съ латинской надписью, о которомъ мы выше упомянули, между прочимъ изображенъ около огня оцѣтившійся *зетръ*, готовый броситься на добычу. Можетъ быть, это и есть образъ враждебно настроеннаго по отношенію къ христіанству язычества?

Дѣйствиѣ живого слова пастыря на пасомыхъ.

Недавно мнѣ, еще очень молодому и неопытному, пришлось на дѣлѣ убѣдиться, какъ много значить живое и задушевное слово пастыря къ пасомымъ, сказанное къ дѣлу и подѣ свѣжимъ впечатлѣніемъ.

¹⁾ Конечно, не настаиваемъ, что фигура нашихъ свѣтильниковъ бесспорно напоминаетъ устройство корабля; высказываемъ это какъ личное впечатлѣніе.

²⁾ Интересно, что на свѣтильникѣ съ латинской надписью, о которомъ мы выше упомянули, между прочимъ изображенъ около огня ощеннившійся *зѣбрь*, готовый броситься на добычу. Можетъ быть, это и есть образъ враждебно настроеннаго по отношенію къ христіанству язычества?

25-го января настоящаго года одинъ изъ нашихъ прихожанъ, крестьянинъ В—евъ, звѣрски истязалъ свою жену за то, что она не угодила разбушевавшемуся пьяницѣ-мужу. Было воскресенье. Едва только отошла утренняя, какъ священника о. Д—ва пригласили напутствовать св. Тайнами эту избитую женщину, привезенную въ церковную сторожку. Священникъ пригласилъ съ собою и меня. Когда мы вошли въ сторожку, глазамъ нашимъ представилась ужасная картина: на скамьѣ лежала несчастная съ перебитыми ногами и руками, вмѣсто лица былъ сплошной синякъ. Это, очевидно, была не *помощница* мужу, данная ему Богомъ для раздѣленія радости и горя, для воспитанія малютокъ дѣтей, которую мужъ долженъ хранить и беречь, какъ самого себя, любить, какъ свое тѣло,—а жалкая, безправная *раба*, отданная точно за какое-то невѣдомое ужасное преступленіе, совершенное ею, не человѣку, а звѣрю для истязанія и пытокъ. Видъ ея и у твердаго человѣка невольно вызывалъ слезы на глазахъ и чувство гадливости къ звѣрю-мужу.

Несчастную страданицу видѣли всѣ, кто только былъ у утрени, и вотъ, по окончаніи обѣдни, священникъ обратился къ прихожанамъ приблизительно съ слѣдующими словами: „Мнѣ часто приходится слышать отъ васъ упреки за то, что я заступаюсь съ церковной каѳедры за несчастныхъ женщинъ. Судите сами: какъ же не заступаться? Во-первыхъ, обязанность моя заставляетъ заступаться за слабого и угнетеннаго, а во-вторыхъ, если бы и не заставляла меня обязанность дѣлать это, то и тогда я все же сталъ бы заступаться. Всѣ вы—свидѣтели звѣрскаго поступка, происшедшаго у васъ на глазахъ. Лучше бы вы обидѣли меня, нежели допустили смотрѣть на подобное несчастіе, происшедшее среди васъ—и притомъ въ праздничный день! Сѣтуйте на меня, но я долженъ сказать, что не хорошо, стыдно и грѣшно обижать своихъ женъ. Неужели не возможно обойтись безъ драки? Если бы вы больше слушались своего пастыря, и меньше пили, то, увѣряю васъ, мы не были бы свидѣтелями подобныхъ

явленій. Вы обижаетесь за то, что ваши жены идутъ ко мнѣ и жалуются на ваши буйства и безобразія.—Птицы прячутся отъ хищнаго коршуна въ безопасное мѣсто: гдѣ же искать защиты отъ вашихъ безобразій и побоевъ подобнымъ той несчастной, которую только-что увезли отсюда?—Я думаю, что приличнѣе всего у духовнаго отца. У дикарей нѣтъ такого звѣрства, какое подчасъ наблюдаю я среди васъ. Одумайтесь, учите дѣтей вашихъ не буйству, а смиренію и страху Божію и останавливайте другъ друга“.

Не припомню всего, что было говорено, но знаю, что все у о. Д—ва выливалось изъ сильно наболѣвшаго сердца и говорилось отъ души. И что же?—Никогда я не видалъ того, что увидѣлъ теперь: крестьяне, которыхъ всѣ мы привыкли считать грубыми и неразвитыми, плакали почти навзрыдь...

По выходѣ изъ церкви мнѣ пришлось бесѣдовать съ одною группою крестьянъ, и когда я заговорилъ о происшедшемъ, то замѣтилъ, что всѣ они чувствовали себя сконфуженно и неловко,—чувствовали себя неловко совершенно чужіе несчастной люди. Какъ же чувствовалъ себя звѣрмужъ избитой жены?!... Я увѣренъ, что, благодаря живому слову пастыря, многіе и многіе изъ прихожанъ призадумались надъ происшедшимъ, и это раздумье не замедлитъ принести добрые плоды.

Пишу все это, такъ какъ глубоко былъ возмущенъ дикою расправой и твердо вѣрю, что пастырь живымъ словомъ своимъ всегда можетъ если и не искоренить совѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени ослабить исконное зло въ нашемъ семейномъ крестьянскомъ быту.

Діаконъ Иванъ Мясищевъ.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Кирилль.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 16 февраля 1904 г.

Цензоръ, священникъ *Θ. Титовъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПASTыРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 10.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, марта 7-го.

Содержаніе: Книжный голодь.—Полунощница повседневная.—Изъ дневника приходскаго священника (продолженіе).—Наблюденія и замѣтки сельскаго священника.

Книжный голодь.

Даждь дождь земли жаждущей, Спасе!

Мы ужасаемся, когда въ наше сознаніе стучитъ страшный призракъ стихійнаго бѣдствія въ видѣ бездождія вещественнаго. Молимся мы и просимъ дождя съ небесъ... Но вотъ передъ нами во всемъ безотрадномъ ужасѣ не призракъ, а фактъ духовнаго бездождія. Что дѣлать?...

Только что прочитана нами статья г. Смирнова въ „Русской Мысли“ (1903, июль) подъ заглавіемъ: „Что читаютъ въ деревнѣ?“ Въ ней данными статистики рисуется безнадежная картина книжнаго голода владимірской деревни. Картина, разумѣется, типическая, подъ которой можетъ стоять подпись любой русской деревни, исключая, пожалуй, фабричныхъ сель и деревень подгороднихъ. Грамотная деревня рвется къ книгѣ, ищетъ ее, впивается въ каждую печатную бумагу, жаждетъ

росы небесной и... пѣть чаще всего вредную муть бездарной и злокачественной лубочной литературы. Таковъ смыслъ статьи. Тема не новая. Данныя безспорно правдивыя. Опровергать ихъ было бы странно. Растуть школы, растеть грамотность, растеть потребность въ чтеніи. Что можетъ быть, поэтому, естественнѣе подобныхъ, напр., свѣдѣній: „даже въ трактирѣ собираются цѣлыми кружками, чтобы послушать какого-нибудь чтеца“, „по случаю ученой молодежи (выраженіе корреспондента г. Смирнова) зачитываются до помѣшательства (!)“. читають иногда до тѣхъ поръ, „пока не зарябитъ въ глазахъ, и не закружится голова“... Ослабьте эту, конечно, исключительную мѣру увлеченія книгою до возможнаго предѣла, ограничьте, такъ сказать, его пространственныя рамки, мысленно обнимите всѣ разбросанныя по широкому лицу Россіи группы читателей-крестьянъ, и предъ вами на первый взглядъ пріятная картина плодовъ школьнаго образованія. Жажущія души тянутся къ свѣту, просятъ пищи. Но какъ удовлетворяются эти запросы? Г. Смирновъ не даетъ новыхъ сообщеній сравнительно съ тѣмъ, что настойчиво говорили по этому поводу и раньше. „Много книгъ приносится въ деревню отхожими промышленниками, везущими съ собою изъ Москвы, Питера, Одессы и другихъ городовъ въ гостиницы какую-нибудь книженку, захваченную съ толкучки или съ пыльных лавокъ услужливыхъ букинистовъ“. Покупаются книги на базарахъ и у проѣзжихъ торговцовъ—офеней. „Эти торговцы продають, что для нихъ выгодно, а мужикъ покупаетъ, что увидить глазами,—всякія лубочныя чепухи (sic)“. Сами же офени очень рѣдко читають свои книги. Посылая заказъ книготорговцамъ Никольскаго рынѣа, они даже не знаютъ, что имъ будетъ выслано: берутъ, что пришлютъ. „Торговцы же сбываютъ все, присылають плохія книги“, лишь бы сбыть залежавшійся хламъ. Этотъ хламъ и расходится по крестьянамъ. И крестьяне читають: „Страшный кладъ, или татарская плѣнница“. „Ночь у сатаны“, „Босфорская змѣя“, „Кровавая мѣсть“, „Убіиство на днѣ моря“ и т. п. въ этомъ же родѣ. Рѣдко читаются „извѣстные писатели“, рѣдко

попадаютъ полезныя сельско-хозяйственныя брошюры и книги. Что же значать страницы „народныхъ изданій“, пестряція каталоги всевозможныхъ издательскихъ фирмъ? Для кого предназначается хорошая книга?—Ее читають, оказывается, счастливыя грамотеи—городскіе жители, фабричныя и крестьяне крупныхъ селъ. Все та же обидная правда: центры сытно питаются, безбрежное же захолустье усыхаетъ и замираетъ отъ духовнаго истощенія. А вѣдь эта захолустная масса—великая народная сила, наша плоть и кровь, наше будущее, наша исторія, на которой покоятся всѣ наши гордыя національныя упованія. Эту силу богатырскую мы склонны въ тиши кабинетовъ, въ усладительныя минуты національной самооцѣнки, выгодно противопоставлять другой иноземной силѣ—матеріальной культурѣ, и съ высотъ академическаго обсужденія жизни не прочь смѣлыми до рискованности штрихами разрисовывать, какъ силу, богатую всякими откровеніями въ будущемъ, предназначенную удивить міръ новымъ словомъ христіанственной правды... Вѣримъ, что *сіе будетъ*, желаемъ: *да будетъ*. А пока что, эта только потенціальная духовная энергія, дремлющая мощь, всею тяжестью своей величины, всею своею наличною реальною бѣдственностью и связанностью ложится на наше сознаніе, какъ великая укоризна нашей совѣсти. Къ кому идетъ прежде всего эта укоризна?.. Всѣ грѣшны понемногу,—всѣ и отвѣтственны... И не съ цѣлью говорить упреки кому бы то ни было пишутся эти бѣглыя строки. Хочется еще разъ обратить вниманіе и вновь призадуматься надъ слѣдующимъ—тоже реальнымъ и выразительнымъ—фактомъ.

Какъ и въ другихъ давно извѣстныхъ статистикахъ книжнаго дѣла, такъ и у г. Смирнова начитывается такая справка: запросъ на книги религіозно-нравственнаго содержанія поразительно великъ. „По вопросу о томъ, какія книги находятъ полезными и желательными сами деревенскіе читатели, мы, говоритъ г. Смирновъ, имѣемъ 283 отвѣта корреспондентовъ статистическаго отдѣленія Владимірской губернской земской управы: изъ нихъ: о *божественныхъ* книгахъ указываютъ 60, 8%“,

самый высшій % другихъ книгъ 17,9 (сельско-хозяйственныхъ), потомъ 11,5%—историческихъ, далѣе въ нисходящемъ порядкѣ: повѣсти и рассказы 3,6%, сказки 2,2%... Цифры говорятъ за суть дѣла: вѣрующее сердце ищетъ соответственнаго питательнаго матеріала... *Вторая* справка—не менѣе серьезная. Параллельнымъ сличеніемъ книгъ, читаемыхъ въ земледѣльческихъ и фабричныхъ уѣздахъ, устанавливается ростъ въ уѣздахъ фабричныхъ беллетристики на счетъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія. Процентное распределеніе книгъ здѣсь даетъ такую картину: въ земледѣльческихъ уѣздахъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія найдено 62,6%; беллетристики 11,4%; въ фабричныхъ: первыхъ 52%, вторыхъ (уже) 22,1%¹⁾.

Сопоставляя обѣ справки, мы получаемъ безспорно правильное наблюденіе: а) беллетристика количественно вступаетъ въ небезусышное соперничество съ религіозно-назидательною литературой въ читательской аудиторіи; б) это беллетристическое возобладаніе идетъ, видимо, *помимо* живой потребности читателей, которая по отношенію къ беллетристикѣ зарегистрирована въ первой справкѣ лишь 3,6%. Т. е. сталкиваются, какъ очевидно, два теченія: къ народу „идетъ беллетристика“, мало имъ желаемая; народъ же самъ *желаетъ* „божественнаго“ преимущественно. Понять смыслъ этого явленія и усмотрѣть въ немъ нѣкоторые тревожные симптомы не трудно, а поставить его въ полную ясность необходимо...

То, что, какъ наблюденіе, записано о Владимірской губерніи, мы съ полнымъ правомъ можемъ распространить

¹⁾ Справку эту можно еще нагляднѣе иллюстрировать слѣдующими данными, почерпнутыми изъ „Текущей школьной статистики Курскаго губернскаго Земства“ (за 1902—1903 уч. г.); изъ Суджанской народной бібліотеки-читальни за отчетный годъ взято прочими (кромя учениковъ школь) читателями:

по беллетристикѣ	4066	} въ прошломъ году 4036 съ дѣтскими.
дѣтскихъ	1343	
религіозныхъ	511	въ прошломъ году 787.

на всю Россію. Но тогда самъ собою возникаетъ вопросъ: шестіе художественной литературы въ народъ обезпечено ли въ своемъ прогрессирующемъ движеніи, или на него нужно смотрѣть, какъ на явленіе, не имѣющее прочнаго и возрастающаго постоянства?—Трудно, думается, не согласиться съ положительнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Продуктивность въ дѣлѣ изданія произведеній народной изящной литературы если когда, то теперь особенно замѣтна. Съ каждымъ годомъ на полки книжнаго рынка выбрасывается великое множество прекрасно изданныхъ и главное—удивительно подчасъ дешевыхъ (отъ 1—1½ коп.) повѣстей и рассказовъ „извѣстныхъ“ (включая сюда и Горькаго) и мало извѣстныхъ авторовъ. Нарождаются солидныя издательскія фирмы, составляются каталоги народныхъ книгъ съ подраздѣленіемъ на разнообразныя отдѣлы; работаютъ въ этомъ дѣлѣ крупныя литературныя таланты. Денежныя средства издательскихъ свѣтскихъ фирмъ крѣпки. Словомъ, будущее этого дѣла завидно прочно. Надо ли этому радоваться?—И надо и не надо. Разсуждая безотносительно—кто же можетъ серьезно возражать противъ пользы эстетическаго воспитанія народа? Дать простому человѣку минуты художественнаго наслажденія, нѣкоторый пріятный роздыхъ отъ прозаически унылой дѣйствительности—великое, святое дѣло. Но не слѣдуетъ забывать и другой стороны вопроса. Не говоримъ уже о качественномъ достоинствѣ выходящихъ въ продажу читающую публику беллетристическихъ книгъ,—о томъ, сколько среди нихъ есть произведеній сомнительной художественности и завѣдомо тенденціозныхъ. Вредъ послѣднихъ для народа—выше сомнѣнія; между тѣмъ, читающій крестьянинъ, пробавляющійся книгою случайнаго приобрѣтенія, совсѣмъ отъ него не защищенъ, такъ какъ книги эти, не пропущенныя чрезъ цензурный фильтръ для школьныхъ библиотекъ и народныхъ читаленъ, благополучно и невозбранно распродаются въ безцензурныхъ базарныхъ книжныхъ лавочкахъ и изъ тюковъ книгоношъ, гдѣ онѣ въ послѣднее время (приходилось наблюдать) лежатъ въ сосѣдствѣ съ произведеніями

Никольскаго рынка. — Дѣло важно съ принципіальной стороны. Тутъ мы у серьезнаго пункта. Слышатся уже торжествующія завѣренія, будто грамотный крестьянинъ нашихъ дней успѣлъ охладѣть—или основательно охладѣваетъ—къ религіозно-нравственной книгѣ; будто онъ только „первое время считаетъ какъ бы своимъ нравственнымъ долгомъ почитать что-нибудь божественное, пока не познакомится съ другими свѣтскими книгами, а затѣмъ свѣтскія книги быстро оттѣсняють духовныя на задній планъ“ („Русск. Мысль“, 1903 г., мартъ, статья Рубакина: „Книжный потокъ“). Разумѣется, подобныя завѣренія пока болѣе торопливы и притязательны, чѣмъ основательны. Но надо бояться, чтобы это опережающее время пророчество объ омірщеніи народнаго читательскаго вкуса со временемъ не оправдалось на самомъ дѣлѣ. А къ тому дѣло съ свѣтскимъ издательствомъ и направляется. Мечтають (какъ это осязательно чувствуется изъ названной статьи Рубакина), что не такъ уже далеко время, когда свѣтскія изданія и въ количественномъ отношеніи сравниваются съ изданіями духовными...

Между тѣмъ, твердо организованному дѣлу свѣтскаго художественнаго (и иного) образованія народа что ставить рядомъ теперь можетъ и въ будущемъ противопоставить съ своей стороны книжная дѣятельность, работающая надъ изданіемъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія? Наличный издательскій матеріаль такого рода вполне ли отвѣчаетъ серьезности текущей потребности?—Есть основаніе держаться по этому поводу слегка пессимистическаго взгляда. Наша назидательная литература, будемъ говорить правду, и не обильна и мало упорядочена. По количеству экземпляровъ, выходящихъ въ свѣтъ, правда, изданія религіозно-нравственныя въ настоящее время занимають первое мѣсто и съ каждымъ годомъ увеличиваются сравнительно съ предшествующими годами, въ нѣсколько разъ (см. ту же статью Рубакина). Но этотъ количественный ростъ не служитъ, къ сожалѣнію, показателемъ возрастающей авторской производительности въ

области литературнаго религіозно-нравственнаго творчества. Статистика удостовѣряетъ, что вновь и вновь издаются и переиздаются для народа духовныя произведенія старыя, часто хорошія, нерѣдко весьма посредственныя, а подчасъ и совсѣмъ небрежно составленныя. Новыя изданія выходятъ туго и не всегда составляютъ удовлетворительно и по содержанію и по изложенію. Не замѣтно особеннаго улучшенія и въ способахъ распространенія книгъ духовныхъ среди читающей публики. Что же предпринять?

Не имѣя намѣренія указать всѣхъ путей къ возможному выходу изъ представляющагося небезопаснымъ положенія, ограничиваемъ задачу нашей краткой замѣтки изложеніемъ слѣдующихъ общихъ соображеній (предоставляя интересующимся и болѣе свѣдущимъ сказать свое слово): дѣлу издательства народныхъ назидательныхъ произведеній надо, очевидно, дать правильную организацію. Какъ это сдѣлать?—Всего естественнѣе желать, чтобы нити издательскаго дѣла всѣ завязаны были около одного центра, около одного центрального издательскаго комитета. Комитетъ этотъ долженъ:

- 1) привлечь къ себѣ достаточное число опытныхъ сотрудниковъ—какъ авторовъ самостоятельныхъ религіозно-нравственныхъ произведеній, такъ и составителей назидательныхъ рассказовъ и повѣстей по имѣющимся богатымъ источникамъ житійныхъ сказаній и церковно-историческимъ памятникамъ;
- 2) выработать подробную программу изданій съ подраздѣленіемъ на отдѣлы: а) изданія по православно-христіанскому вѣроученію, съ подотдѣломъ—изданій противосектантскихъ, б) изданіе по нравоученію: живыя и краткія назиданія въ духѣ золотыхъ словъ Теофана-Затворника, церковно-историческіе рассказы, повѣсти бытовья, какъ иллюстраціи къ истинамъ нравственнаго ученія. Не менѣе естественно желать, чтобы это издательство, слившись съ издательскою комиссіей Училищнаго при Святѣйшемъ Синодѣ Совѣта, направило бы свои изданія въ народъ по тому же руслу, какимъ идетъ у насъ духовное просвѣщеніе народа, т. е. чрезъ церковно-при-

ходскія школы. Устройство книжныхъ складовъ при епархіальныхъ училищныхъ совѣтахъ и ихъ отдѣленіяхъ, оборудованіе книжныхъ лавокъ неподвижныхъ и переносныхъ, устройство летучихъ бібліотекъ и читаленъ есть дѣло уже подробностей, въ которыя мы не входимъ. Затруднительна, конечно, тутъ матеріальная сторона дѣла. Но и здѣсь, кажется, можно питать болѣе или менѣе вѣрныя надежды—во-первыхъ, на государственную субсидію; во-вторыхъ, на поддержку монастырей, выпускающихъ для народа листки и брошюры (издательскій комитетъ предлагаетъ свой матеріалъ; монастыри, оплачивая расходы по составленію и печати, даютъ средства на изданіе съ правомъ льготнаго пользованія изданіями комитета и съ участіемъ въ прибыляхъ отъ продажи изданій); наконецъ, на частную благотворительность. Все это—трудъ, знаемъ, не легкій. Но если этотъ трудъ, какъ по всему видно, есть дѣло спасенія души народной отъ «хлада чуждыхъ стихій», то онъ долженъ быть совершенъ именемъ и благословеніемъ Божиимъ.

Свящ. *Евгеній Капраловъ.*

Полунощница повседневная.

Христіанская Церковь, установивъ въ кругъ вседневнаго богослуженія *девять* церковныхъ службъ, сообщила каждой изъ нихъ особый смыслъ и цѣль, сообразно съ тѣмъ временемъ, въ какое эти службы совершаются. Поэтому, даже такая церковная служба, какъ повседневная полунощница, послѣдованіе которой занимаетъ, повидимому, низшее мѣсто въ христіанскомъ богослуженіи, имѣетъ свою строго опредѣленную цѣль, стоящую въ тѣсной зависимости отъ того времени, въ какое совершается ея послѣдованіе.

Временемъ совершенія полунощницы, какъ видно изъ самаго названія ея, является полночь, или же, по ветхозавѣтному дѣленію сутокъ, первое утро, соответствующее у насъ

послѣднему періоду ночи предъ самымъ началомъ утра. Такъ какъ въ полночь, по общему вѣрованію древнихъ христіанъ, нѣкогда произойдетъ второе пришествіе Господа нашего Іисуса Христа и его праведный страшный судъ надъ всѣми, то св. Церковь, не зная точно *дне ни часа, въ онъже Сынъ Человѣческій придетъ* (Матѳ. 25, 13), и установила совершать эту службу въ каждую полночь, чтобы напоминать пребывающимъ въ живыхъ чадамъ своимъ о будущемъ славномъ пришествіи Господа Іисуса Христа и приготовить какъ ихъ, такъ и умершихъ уже ихъ собратій къ достойному срѣтенію Господа и Его страшному суду. Такая нѣжная материнская заботливость св. Церкви о вѣрующихъ въ ихъ отношеніи ко второму пришествію Христову, естественно, не можетъ ограничиваться только полночью, такъ какъ христіанинъ въ теченіе всей своей жизни долженъ быть *работъ бдящимъ*, готовымъ ко встрѣчѣ своего Господа; поэтому, въ установленіи полунощницы св. Церковь преслѣдовала и другую цѣль—содѣйствовать вообще своими молитвами постоянному нравственному преуспѣянію своихъ чадъ, какъ членовъ Царства Божія.

Этими двумя цѣлями повсѣдневной полунощницы вполне опредѣляется ея смыслъ и содержаніе.

Прежде всего, приготовляя какъ живыхъ, такъ и умершихъ чадъ своихъ къ страшному суду Божію, св. Церковь, вслѣдствіе различнаго положенія этихъ двухъ разрядовъ ея чадъ по отношенію къ своему спасенію, заботится отдѣльно о каждомъ изъ этихъ разрядовъ и дѣлать, поэтому, полунощницу на *два* части. Смыслъ *первой* части полунощницы состоитъ въ словесномъ выраженіи тѣхъ мыслей, чувствованій и желаній, какія возбуждаются въ душѣ христіанина при представленіи имъ страшнаго суда Божія. Помышляя объ этомъ судѣ, христіанинъ, естественно, обращаетъ свое вниманіе прежде всего на собственные грѣхи, которые только и дѣлаютъ судъ Божій для него страшнымъ. Грѣхи эти, сопутствуя человѣку въ теченіе всей его жизни, начинаются въ немъ съ самаго рожденія его, вслѣдствіе паденія прародителей, такъ

что даже зачатіе человѣка происходитъ уже въ беззаконіяхъ (Пс. 50, 7). Сознаніе христіаниномъ такой своей грѣховности (Пс. 50, 5) побуждаетъ его, конечно, къ покаянію и усиленной молитвѣ къ Богу о прощеніи ему грѣховъ и беззаконій: онъ проситъ Господа не только помиловать его (Пс. 50, 1), но и окропить иссопомъ и омыть (Пс. 50, 9), т. е. изгладить въ немъ даже ничтожные остатки грѣховности, какъ бы позабыть его беззаконія (Пс. 50, 11), и потомъ сердце его сдѣлать вполне чистымъ (Пс. 50, 12), способнымъ ко встрѣчѣ праведнаго Судіи. Выраженіемъ такого настроенія кающагося христіанина служитъ покаянный *пятидесятый* псаломъ, читаемый на полунощницѣ вслѣдъ за начальными, также покаянными, молитвами. Покаявшись, такимъ образомъ, въ своихъ грѣхахъ, человѣкъ, вслѣдствіе вложеннаго въ его богоподобную духовную природу стремленія къ безконечному совершенствованію, не ограничивается такимъ отрицательнымъ приготовленіемъ ко второму пришествію Христову: онъ желаетъ быть вполне непорочнымъ и ходящимъ въ законъ Господнемъ (Пс. 118, 1), чтобы, подобно разумнымъ дѣвамъ, встрѣтить *Жениха, грядущаго въ полунощи*, съ возженнымъ, а не погасшимъ свѣтильникомъ. Свѣтильникомъ такимъ для человѣка является законъ Божій (Пс. 118, 105), оживляющій всю природу молящагося христіанина (Пс. 118, ст. 25, 37). Поэтому, христіанинъ на полунощницѣ въ возвышенномъ по своему содержанію 118-мъ псалмѣ устами царя и пророка Давида прославляетъ этотъ законъ, называя его въ восхищеніи самыми разнообразными именами: *свидѣніями* (ст. 2, 14, 22, 24, и др.), *заповѣдями* (ст. 4, 6, 10, 15, 19, 21 и др.), *оправданіями* (ст. 5, 8, 12, 16, 23, 24 и др.), *словесами* (ст. 9, 11, 16, 17 и др.), *путями Господними* (ст. 3, 59, 151) и т. д., и ублажаетъ (Пс. 118, 1) всѣхъ тѣхъ, кто осуществляетъ въ своей жизни истинныя (ст. 86) и праведныя (ст. 137) требованія этого закона. Въ очищенномъ сознаніи христіанина теперь ясно представляется вся прелесть и сладость (ст. 103) закона Божія: послѣдній для христіанина является такимъ сокрови-

щемъ, которое драгоценнѣе *тысящъ злата и сребра* (ст. 72) и *топазія* (ст. 127); поэтому, молящійся даже въ ночное время не можетъ удержать въ себѣ радостныхъ чувствованій (ст. 162), волнующихъ его душу при сознаніи драгоценности закона Божія, и прославляетъ Господа за поразительныя судьбы правды (62 ст.) Его. Чувствуя себя, однако, безсильнымъ исполнѣ постигнуть всю сущность закона Божія и бороться при исполненіи его съ нападающими на него (ст. 23, 86, 87) врагами, вѣрующій неоднократно проситъ Самого Господа какъ научить его Своимъ оправданіямъ (ст. 12, 26, 64, 68, 124, 135), *дабы исправились путіе* (ст. 5) его, такъ и отогнать отъ него путь неправды (ст. 29), отвратить глаза его отъ суеты (37 ст.) и наставить на стезю Своихъ заповѣдей (35 ст.) для сохраненія закона Божія *выну, въ вѣкъ и въ вѣкъ вѣка* (44 ст.). Зная изъ посланія св. ап. Іакова (1, 6), что всякая молитва человѣка будетъ услышана Богомъ подъ условіемъ живой и сердечной вѣры въ Него со стороны молящагося, такъ какъ сомнѣвающійся человѣкъ *да не мытѣ...*, *яко приметѣ что отъ Бога* (Іак. 1, 7), св. Церковь влагаетъ въ уста христіанина исповѣданіе вѣры, какъ подкрѣпленіе его полуночной молитвы къ Богу. Эта вѣра христіанина въ Бога, какъ Творца и Промыслителя міра, приводитъ молящагося къ надеждѣ на милосердіе и долготерпѣніе Божіе, а также на ходатайство Пресв. Богородицы, Которая является необоримой стѣной и утвержденіемъ нашего спасенія. Словеснымъ выраженіемъ этой надежды служатъ тропари: „Се женихъ грядетъ въ полунощи“..., „День оный страшный помышляючи“, богородичень: „Тебе, Необоримую Стѣну“, и дальнѣйшія молитвы („Иже на всякое время“, „Владыко Боже“..., „Господи Вседержителю“... и „Тя благословимъ“), оканчивающія *первую* часть повседневной полунощницы.

Приготовивъ, такимъ образомъ, живыхъ своихъ чадъ къ срѣтенію страшнаго Судіи, Св. Церковь, какъ нѣжная и любящая мать, заботится далѣе о томъ, чтобы и скончавшіеся уже ея члены также были готовы къ страшному суду Божію.

Такъ какъ умершія чада Церкви не имѣютъ возможности, подобно живымъ своимъ братьямъ во Христѣ, сами принести покаяніе въ своихъ грѣхахъ и выразить готовность къ исполненію закона Божія, то, поэтому, смыслъ *второй* части полунощницы заключается только въ молитвенномъ ходатайствѣ Церкви за нихъ предъ Богомъ, чтобы Господь простилъ имъ всѣ грѣхи, совершенные ими въ теченіе земной жизни, и упокоилъ ихъ тамъ, *идъже нсть болъзнь, ни печаль, ни въздыханіе, но жизнь безконечная* (конд. зауп. на повседн. полунощницѣ). Поэтому, въ составъ *второй* части полунощницы входятъ, главнымъ образомъ, заупокійные тропари: „Помяни, Господи, яко Благъ“, „Глубиною мудрости“, кондакъ: „Со святыми упокой“, и молитва за усопшихъ: „Помяни Господи въ надежди воскресенія“. Такое свое молитвенное ходатайство св. Церковь подкрѣпляетъ исповѣданіемъ вѣры въ промысленіе Божіе о всѣхъ людяхъ, дающее ей право надѣяться на милосердіе Господа по отношенію къ умершимъ христіанамъ. Эту вѣру въ постоянный недремлющій Промыслъ Божій, *предупреждающій притомъ всякія прошенія чловѣка*, св. Церковь соединяетъ съ прославленіемъ Господа за Его попеченіе о насъ и выражаетъ въ псалмахъ 120-мъ и 133-мъ, которые и читаются, поэтому, на полунощницѣ раньше молитвъ за умершихъ.

Таковы общій смыслъ и возвышенное содержаніе вседневной полунощницы. Изъ содержанія ея мы видимъ, что св. Церковь здѣсь наилучшимъ образомъ выражаетъ свою матернюю любовь къ намъ, ходатайствуя предъ Богомъ даже ночью не только за живыхъ, но и за умершихъ чадъ своихъ и приготовляя всѣхъ насъ къ будущей вѣчной жизни. Такою своею любовью она, естественно, побуждаетъ и насъ питать къ ней соотвѣтствующія сыновнія отношенія и искать только въ ней своего спасенія. Было бы, поэтому, очень желательно чтобы и сельскіе священники *хотя изрѣдка* отправляли эту службу, побуждая чрезъ это своихъ пасомыхъ къ возможному подражанію тѣмъ, едва ли возвратимымъ уже на землѣ, золо-

тымъ днямъ существованія Церкви Христовой, когда жизнь христіанина была *всецѣло* запечатлѣна и проникнута заботой о величайшемъ изъ благъ—своемъ спасеніи.

Изъ дневника приходскаго священника ¹⁾.

4-го января. Наступившее новолѣтіе внесло отраду какъ въ мою жизнь, такъ и въ жизнь всего моего прихода. Я живу въ мѣстечкѣ, переполненномъ еврейскимъ населеніемъ. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, если вся торговля и промышленность находится въ рукахъ евреевъ, „не сѣющихъ, не жнущихъ и въ житницы не собирающихъ“, а живущихъ исключительно обираніемъ темнаго люда посредствомъ разнаго рода дозволенныхъ и недозволенныхъ „гешефтовъ“. Но, обирая темный людъ, евреи, кромѣ того, посягаютъ и на религіозно-нравственное состояніе моей паствы. Такъ, строго соблюдая субботній и праздничный покой, посвящая такіе дни исключительно на служеніе Богу, они въ дни праздниковъ христіанскихъ предаются самой лихорадочной дѣятельности на поприщѣ торговли и промышленности, привлекая къ этому и сыновъ Церкви Православной. Соблазнъ великій: простой человѣкъ не можетъ устоять противъ искушенія и вмѣсто храма съ утра бредетъ на базаръ, гдѣ вполне дается суетѣ мірской, увлекаясь пьянствомъ и другими пороками; храмы пустуютъ, паства остается безъ назиданія и глубоко падаетъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Если указанное печальное явленіе замѣчается свѣтскими лицами, ратующими въ здравомыслящихъ органахъ печати о прекращеніи торговли въ праздничное время, то какъ все это переносить паству, на глазахъ котораго происходятъ подобнаго рода безобразія! Тяжело у него на душѣ, глубоко скорбитъ онъ сердцемъ и всѣми силами старается помочь своимъ.

¹⁾ Смотри № 21-й „Рук. для сельск. паст.“ за 1903-й г.

пасомымъ, при всякомъ удобномъ случаѣ предостерегая ихъ отъ чрезмѣрнаго увлеченія земною суетою; но, къ сожалѣнiю, во многихъ случаяхъ онъ бываетъ безсиленъ. — Прискорбно сознаться въ этомъ, но такъ выходить на дѣлѣ. Чтобы слово пастыря было въ этомъ случаѣ вполнѣ жизненно и дѣйственно, необходимо содѣйствiе всѣхъ лицъ, стоящихъ во главѣ народнаго управленiя, такъ какъ только дружнымъ участiемъ возможно поборотъ указанное зло и дать возможность восторжествовать добру. Всѣмъ извѣстно, что „одинъ въ полѣ не воинъ“.

Во всякомъ случаѣ, мнѣ доставляетъ большое удовольствiе отмѣтить на страницахъ своего дневника, что паства моя пришла, наконецъ, къ признанiю ненормальности торговли во дни воскресные и праздничные.

Въ одномъ изъ декабрьскихъ засѣданiй церковно-приходскаго попечительства, собраннаго мною для совѣщанiя по вопросу объ изысканiи средствъ на содержанiе церковно-приходской школы, старшимъ членомъ попечительства, къ не малому моему удовольствию, былъ поднятъ вопросъ о томъ, нельзя ли закрыть въ нашемъ мѣстечкѣ торговлю въ праздничные дни. Означенный членъ весьма резонно и убѣдительно указалъ весь вредъ и разлагающiя начала, которыя вносятъ въ жизнь народа праздничная торговля, а остальные члены поддержали его. Такое единодушiе передовыхъ членовъ приходскаго общества натолкнуло меня на мысль воспользоваться выпавшимъ удобнымъ случаемъ и поскорѣе привести въ исполненiе эту давнишнюю завѣтную мечту мою. Въ этомъ же засѣданiи рѣшено было въ возможной скорости созвать сходъ, которому и предложить проектъ попечительства. — Сказано — сдѣлано. — Я снесся съ священникомъ сосѣдней церкви ¹⁾ о времени назначенiя схода, и черезъ три дня сходъ былъ собранъ.

¹⁾ Въ мѣстѣ жительства моего двѣ церкви и два прихода.

Когда мы съ отцомъ - сосѣдомъ прибыли въ волостное правленіе, болѣе 400 душъ народу изъ обоихъ приходоу встрѣтили насъ съ сіяющими лицами, что было достаточнымъ ручательствомъ за успѣхъ благого начинанія. И мы не ошиблись въ своемъ расчетѣ. — „А что, братцы, знаете, для чего собрали васъ?“ спросилъ я. — „Знаемъ!“ какъ одинъ человѣкъ, громко отвѣтила толпа. — „Ну, что же, вы согласны?“ — „Даже очень благодарны за починъ въ хорошемъ дѣлѣ“, послышались голоса. — „Давно бы слѣдовало это сдѣлать“, замѣтили другіе. — „Еще имѣемъ одну просьбу!“ заявилъ одинъ старикъ, выходя изъ толпы. — „Какую?“ спросилъ я. — „Да вотъ насчетъ *вечернишъ*, посидѣлокъ,—нельзя ли ихъ сничтожить?.. а то баловство да *распуста* одна отъ нихъ“. Остальные старика поддержали. — „А я имѣю вотъ что предложить сходу“, замѣтилъ одинъ крестьянинъ среднихъ лѣтъ. — „А что?“ спросилъ я. — „Нельзя ли сократить свадебныя торжества, а то отъ нихъ разоръ одинъ да развратъ“¹⁾. — „И это дѣло хорошее“, послышалось разомъ нѣсколько голосовъ...

Тотчасъ же составлены были *три* приговора: 1) объ уничтоженіи посидѣлокъ, 2) объ ограниченіи свадебныхъ пиршествъ однимъ днемъ послѣ совершенія брака и 3) о перенесеніи торговыхъ дней съ праздниковъ на будни. Первые два приговора имѣли законную силу безъ санкціи высшей власти, а послѣдній — долженъ былъ быть посланъ на утвержденіе губернатору.

Неожиданная удача повліяла на меня самымъ благотѣльнымъ образомъ. Я понялъ, что какъ ни грубъ и какъ ни невѣжественъ сѣрый людъ, но онъ близко принимаетъ къ

¹⁾ Въ приходѣ моемъ свадебныя торжества продолжаются цѣлую недѣлю. Такое продолжительное брачное торжество обходится бѣдняку до 100 рублей, а крестьянину побогаче — и болѣе, такъ что послѣ свадьбы нѣсколько лѣтъ онъ не можетъ разсчитаться съ долгами. Всѣ эти деньги идутъ главнымъ образомъ на водку, которой во время свадьбы выпивается иногда болѣе 12 ведеръ. Пьянство и разгулъ при этомъ царятъ невообразимые.

сердцу все, что касается его непосредственной пользы, вслѣдствіе чего сѣмена, посѣянные и на невоздѣланной почвѣ, могутъ принести иногда обильный плодъ въ свое время. Нужно только заботиться о томъ, чтобы не давать заглухнуть этой почвѣ; сознание же народное хотя и находится въ зачаточномъ пока состояніи, однако, не дремлетъ и въ извѣстной степени воспринимаетъ и усваиваетъ добрыя начала. Въ этомъ отношеніи слова первоверховнаго апостола Павла къ Тимоѳею: *проповѣдуй слово, настой благовременнѣе и безвременнѣе, обличи, запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ* воочію убѣждаютъ насъ въ своей непреложной истинѣ и въ томъ важномъ значеніи, которое они могутъ имѣть въ дѣлѣ пастырскаго служенія.

12-го февраля. Сегодня велъ рѣчь съ однимъ изъ собратовъ о томъ, слѣдуетъ ли священнику водить знакомство съ лицами свѣтскими, принимать ихъ у себя въ домъ и бывать въ ихъ обществѣ? Собрать мой держится того мнѣнія, что бывать священнику въ свѣтскомъ обществѣ не слѣдуетъ, кромѣ случаевъ настоятельной надобности — для исполненія требъ, такъ какъ священникъ можетъ натолкнуться тамъ на непріятности и подвергнуться осмѣянію. Я не согласенъ съ этимъ, — мой взглядъ на этотъ предметъ совсѣмъ иной. Я не нахожу ничего предосудительнаго въ томъ, если священникъ ведетъ знакомство съ лицами свѣтскими. Возьмемъ глухое село, гдѣ изъ лицъ образованныхъ нѣтъ никого, кромѣ священника и помѣщика. Естественно, что между этими двумя лицами должна быть если не полная дружба, то полная солидарность, доброе знакомство. Это вполне въ порядкѣ вещей. Человѣкъ образованный нуждается въ такомъ же для того, чтобы въ свободное время отвести душу: потолковать о текущихъ дѣлахъ, о литературѣ, политикѣ, подѣлиться своими воззрѣніями на жизнь, выслушать сужденія о томъ же предметѣ другого лица, какъ это и должно быть между хорошими знакомыми, стоящими болѣе или менѣе на одинаковомъ уровнѣ умственнаго развитія. При этомъ нужно заботиться о томъ, чтобы

пріобрѣсть если не уваженіе къ себѣ, то, по крайней мѣрѣ, хорошее мнѣніе. Къ этому призываетъ cadaго изъ насъ долгъ духовника и то святое дѣло, служить которому мы призваны. Особенно же тѣ лица должны быть предметомъ пастырской попечительности, которыя „хромають“ въ религіозно-правственномъ отношеніи. Съ такими лицами нужно по возможности поддерживать постоянныя сношенія, убѣждая и располагая ихъ обратиться на путь истинный. Тѣ изъ пастырей, которые считаютъ для себя низкимъ вести знакомство съ людьми порочными, жестоко заблуждаются. Въ этомъ наглядно убѣждаетъ насъ примѣръ Пастыреначальника Господа нашего Иисуса Христа, Который прежде всего обращалъ вниманіе на лицъ, стоящихъ на низкой степени нравственности, и приводилъ ихъ къ покаянію и исправленію. Не велика заслуга пастыря будетъ, если онъ приведетъ ко спасенію праведника; иное дѣло, если онъ грѣшника направитъ на путь покаянія. Тѣ изъ пастырей, которые боятся быть осмѣянными въ свѣтскомъ обществѣ, пусть не опасаются этого, если они, разумѣется, сами не подадутъ къ тому повода...

26-го марта. Было младенческое погребеніе. Во все время шествія съ гробомъ изъ дому на кладбище мать усопшаго заливалась истеричными рыданіями. Впечатлѣніе было самое удручающее. Входя въ положеніе несчастной матери, хоронившей уже *пятого* ребенка, и самъ испытываешь невольную скорбь и тоску, въ особенности при сознаніи, что ничѣмъ существеннымъ не можешь помочь, кромѣ ласковаго слова, сказаннаго ксати. Въ этомъ отношеніи на долю пастыря выпала благодарная роль: скажи нѣсколько теплыхъ словъ утѣшенія роднымъ и назиданія присутствующимъ, — и ты пріобрѣтешь большое расположеніе со стороны своихъ прихожанъ. Краткая надгробная рѣчь—весьма удобный моментъ для пастыря возвыситься въ глазахъ своихъ пасомыхъ и пріобрѣсть довѣріе ихъ. Простой человекъ сразу пойметъ, что пастырь входитъ въ положеніе удрученнаго горемъ, и при

удобномъ случаѣ помянетъ его добрымъ словомъ. Но меня вотъ что крайне удивило: въ то время, какъ мать ребенка предавалась безутѣшному горю, другія спутницы, сопровождавшія гробъ, преспокойно толковали между собою довольно громко о различныхъ злобахъ дня. Это такъ смутило меня, что я тутъ же обратился къ псаломщику съ просьбою передать разговаривающимъ, чтобы онѣ замолчали. Говоръ было на время затихъ, но чрезъ нѣсколько минутъ возобновился съ новою силою. Это меня уже крайне огорчило, такъ какъ въ храмѣ я нѣсколько разъ избиралъ предметомъ поученія тему: „о благоприличномъ поведеніи во время крестныхъ ходовъ“.

Остановившись среди пути, я обратился къ разговаривавшимъ съ слѣдующими словами: „Сколько разъ я толковалъ вамъ въ церкви, чтобы вы вели себя надлежащимъ образомъ во время крестныхъ ходовъ, но вы, какъ видно, не вняли гласу моему, и въ то время, какъ неутѣшная мать заливается горькими слезами объ утерѣ дорогого сына, громко разговариваете о такихъ пустякахъ, о которыхъ говорить и не мѣсто и не время. вмѣсто того, чтобы раздѣлить съ убитою горемъ матерью скорбь души ея, вы неумѣстными разговорами будто даже насмѣхаетесь надъ ея горемъ. Стыдно и грѣшно. Не забывайте, что каждую изъ васъ можетъ постигнуть такое же несчастье. Поставьте себя на мѣсто рыдающей матери, и вы сами почувствуете, какъ будетъ больно вамъ слышать смѣхъ и непристойныя шутки подругъ, когда васъ снѣдаютъ печаль и горе. Имѣйте всегда это въ виду и на будущее время старайтесь вести себя въ подобныхъ случаяхъ вполне благопристойно“.

Во все время моей краткой рѣчи царило глубокое молчаніе. Никто не ожидалъ ничего подобнаго, а потому всякій съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ меня, боясь проронить хоть одно слово. И это слово, сказанное, правда, рѣзко, но со властію, произвело желанное дѣйствіе: до самаго кладбища и до окончанія погребенія никто уже не проронилъ ни од-

ного слова, и лишь только изрѣдка молитвенные вздохи вылетали изъ груди сопровождавшихъ. Пришли на кладбище. Я окропиль яму св. водою. Дали усопшему послѣднее цѣлованіе, и начали опускать гробъ въ могилу. Вниманіе мое было привлечено тѣмъ, что гробикъ опускали въ яму вмѣстѣ съ „покрываломъ“¹⁾. — „А покрывало зачѣмъ же опускаете въ могилу?“ спросилъ я. — „Такъ годыщя!“ лаконически отвѣтила мнѣ одна изъ бабъ. — „Это—сущія выдумки, замѣтилъ я: снимите холстъ“. Тогда мать ребенка слезно начала умолять меня, чтобы погребли покойника вмѣстѣ съ покрываломъ, говоря, что мнѣ дадутъ другой кусокъ холста, который не лежалъ на гробѣ. Не зная, въ чемъ дѣло, и въ то же время досадуя на то, что меня не такъ поняли, я не противодѣйствовалъ болѣе, хотя и подозрѣвалъ, что тутъ кроется какое-то грубое суевѣріе.

Окончивъ отпѣваніе, я направился домой. Навстрѣчу мнѣ попался одинъ разсудительный и довольно грамотный крестьянинъ, отъ котораго я узналъ, что у бабъ существуетъ повѣрье, въ силу котораго стоитъ только зарыть хотя бы одного ребенка въ могилу вмѣстѣ съ покрываломъ, какъ въ томъ домѣ, гдѣ умираютъ часто дѣти, смертность прекратится. Я очень досадовалъ на себя за то, что позволилъ зарыть гробикъ ребенка вмѣстѣ съ покрываломъ, чѣмъ самъ потворствовалъ утвержденію суевѣрія въ своей наствѣ, и на будущее время рѣшилъ не допускать ничего подобнаго, разъяснивъ по возможности всю несостоятельность этого суевѣрнаго взгляда.

12-го апрѣля. Погребальъ прихожанина, старѣйшаго изъ всѣхъ мѣшихъ пасомыхъ, прожившаго 105 лѣтъ. Во время шествія съ погребальною процессіею порядокъ былъ образцовый. Никто не нарушалъ торжественности минуты; не было не только непристойныхъ разговоровъ, чтѣ замѣчалось раньше

¹⁾ „Покрывало“—кусокъ холста или скатерть, которою покрывается гробъ. По окончаніи отпѣванія „покрывало“ поступаетъ въ число доходовъ священника.

при проводахъ покойниковъ, но даже родные усопшаго, число которыхъ доходило до *сорока* человекъ, сдерживались въ рыданіяхъ и причитаніяхъ. Очевидно, что мое замѣчаніе, сдѣланное раньше, было передано изъ устъ въ уста и облетѣло весь приходъ. Я былъ весьма доволенъ тѣмъ, что слова мои возымѣли столь благодѣтельное дѣйствіе на прихожанъ и на будущее время рѣшилъ всегда пользоваться удобнымъ случаемъ для того, чтобы дѣлать надлежащія наставленія по поводу замѣченныхъ беспорядковъ. Когда подошли къ могилѣ, я совершенно машинально заглянулъ въ яму и, къ немалому своему удивленію, на днѣ ея замѣтилъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ. — „Зачѣмъ эти деньги?“ спросилъ я. — „Такъ годицца!“ отвѣтили мнѣ. Этотъ отвѣтъ нисколько не удовлетворилъ меня, при чемъ я заявилъ, что до тѣхъ поръ не буду оканчивать отпѣванія, пока не вынутъ денегъ изъ могилы. Тогда всѣ родные стали просить меня, чтобы деньги остались въ ямѣ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, покойники будутъ „пугать“ ихъ по ночамъ. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ выяснилось, что во время рытья могилы были выкопаны кости погребеннаго раньше на томъ же мѣстѣ покойника; а чтобы этотъ усопшій не беспокоилъ родственниковъ новаго покойника по ночамъ, такъ они желаютъ задобрить его деньгами, откупиться. Столь странное понятіе о загробной жизни усопшихъ вынудило меня сдѣлать надлежащее разъясненіе по этому предмету. Въ концѣ концовъ я настоялъ, чтобы деньги были вынуты изъ могилы, и успокоилъ родныхъ тѣмъ, что если только ихъ кто-либо будетъ беспокоить ночью, пусть дадутъ знать мнѣ, и я совершу имъ освященіе дома. Для того же, чтобы въ мое отсутствіе не могли бросить денегъ снова въ могилу, я обождалъ, пока она не была закрыта до уровня почвы.

16-го октября. Каждому сельскому священнику изъ личнаго опыта въ достаточной степени извѣстно, съ какою обыкновенно торопливостью и поспѣшностью крестьяне стараются похоронить умершихъ. Для того, чтобы покойникъ про-

лежалъ въ хатѣ узаконенное время, священнику - законнику необходимо бываетъ выдерживать большую оппозицію со стороны прихожанъ. Пожалуй, у крестьянъ расчетъ здѣсь прямой: чѣмъ дольше пролежитъ покойникъ въ хатѣ, тѣмъ больше нужно бываетъ понести расхода на угощеніе приходящихъ, такъ какъ, по укоренившемуся обычаю, всякаго приходящаго въ этомъ случаѣ въ домъ нужно угостить. Чтобы посѣщенія односельцевъ поскорѣе прекратились, родственники усопшаго и торопятся съ похоронами.

Я не разъ, будучи призванъ для отпѣванія, сомнѣвался въ дѣйствительности смерти покойника; да и сами прихожане выражали недоумѣніе: живъ ли онъ, или же всѣ счеты съ жизнію уже покончены у него? При всемъ томъ, въ большинствѣ случаевъ приходилось уступать настойчивымъ просьбамъ прихожанъ и погребать. Что остается дѣлать въ такихъ случаяхъ приходскому священнику?—Отложить на нѣкоторое время похороны значить—вызвать неудовольствіе и недоброежелательство со стороны своихъ пасомыхъ, которые, не имѣя понятія о летаргическомъ снѣ, требуютъ преданія тѣла землѣ; похоронить — совѣсть вѣчно будетъ терзаться сомнѣніемъ: а что, если предалъ землѣ человѣка живого, чувствовавшаго все происходившее вокругъ него, но только не могшаго подать признаковъ жизни?... Держать покойника въ церкви въ продолженіе извѣстнаго времени не всегда бываетъ удобно и возможно... Положеніе самое тяжелое и невыносимое!... По моему мнѣнію, въ этомъ случаѣ можетъ быть единственный только исходъ — отнестъ сомнительнаго покойника на кладбище и оставить его безъ преданія землѣ въ кладбищенской часовнѣ (гдѣ она есть, а гдѣ нѣтъ—необходимо устроить) до тѣхъ поръ, пока не обнаружатся явные признаки смерти...

Свящ. *Серапіонъ Брояковскій.*

(Продолженіе будетъ).

Наблюденія и замѣтки сельскаго священника.

Обыкновенно принято служить молебенъ передъ совершеніемъ вѣнчанія, при чемъ почти вездѣ служится въ селахъ молебенъ Спасителю и Божіей Матери. Одному священнику, по совершеніи предбрачнаго молебна, прихожанинъ замѣтилъ, что слѣдуетъ служить молебенъ въ такихъ случаяхъ свв. Гурію, Самону и Авиву.

И дѣйствительно, слѣдуетъ къ молебну Спасителя и Божіей Матери присоединять молебенъ и этимъ святымъ мученикамъ, считающимся покровителями супружеской жизни. Извѣстно, что Гурію, Самону и Авиву служится молебенъ и тогда, когда браки бываютъ несчастливы. Но мало того, что предъ совершеніемъ вѣнчанія нужно служить молебенъ этимъ св. мученикамъ,—нужно еще объяснять житіе ихъ какъ въ школахъ, такъ и въ храмѣ. И вообще, предъ браками слѣдуетъ внушать брачующимся, чтобы они жили мирно и любовно, а главное—совѣтовать мужьямъ не быть жестокими въ обращеніи съ своими женами. Какъ извѣстно, женщина въ крестьянствѣ—это раба; тяжело ей живется. Пришлось какъ-то разговориться съ однимъ старикомъ. Онъ высказалъ ту мысль, что женщины потому прежде „кричали на годоса“, что ихъ били. Конечно, теперь ихъ не бьютъ такъ, какъ прежде били, но все же и теперь еще бьютъ достаточно. На комъ же прежде всего и болѣе всего лежитъ обязанность постоять за *униженныхъ и обиженныхъ*? И гдѣ и когда приличнѣе всего и удобнѣе сдѣлать это, какъ не при вѣнчаніи?

Пришлось недавно прочесть объ японцахъ, что тамъ мужъ можетъ убить жену безнаказанно („Сельск. Вѣстн.“). Недалеко и мы ушли отъ японцевъ. Намъ, священникамъ сельскимъ, приходится хоронить не рѣдко женщинъ, которыя, хотя и не были убиты въ одинъ разъ, но умерли отъ частыхъ побоевъ мужей и другихъ лицъ въ семьѣ. Часто бываетъ, что чуть не съ перваго же дня не влюбить молодую жену мужъ или свекровь,—и начинаютъ мучить и терзать несчаст-

ную женщину до тѣхъ поръ, пока не загонять ее въ гробъ. И не падеть ли часть вины въ этой преждевременной смерти и на насъ, пастырей духовныхъ? Вѣдь правда, какъ объ этомъ напечатано было въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ въ прошломъ году, что мы совершенно забываемъ про тѣ наставленія, которыя положено дѣлать по совершеніи Таинствъ, и которыя находятся въ нашихъ требникахъ. Горе намъ, что мы ограничиваемся только совершеніемъ обряда,—какъ говорится— „отзвонили, да и съ колокольни долой!“ Не ходимъ ли мы при этомъ на тѣхъ священника и левита, которые прошли и не оказали помощи *впадшему въ разбойники*? А женщины въ селахъ—это именно *впадшіе въ руки разбойниковъ*.

Желательно было бы, чтобы духовенство обратило особенное вниманіе на тяжелое положеніе женщины въ селахъ—да и не въ однихъ селахъ.

Изъ числа многихъ мѣръ къ уничтоженію жестокаго обращенія мужей съ женами можетъ служить то, что практикуется однимъ священникомъ. Онъ какъ только узнаетъ о подобномъ случаѣ, тотчасъ же говоритъ объ этомъ въ церкви во время вѣбогослужебныхъ собесѣдованій, не указывая на личности, конечно.

Слѣдуетъ начинать дѣло защиты угнетенной нашей многострадальной женщины съ школы: школьникамъ нужно внушать, чтобы они не пріучались драться. Понятно отсюда, какъ не хорошо дѣлаютъ педагоги, даже законоучители, которые дозволяютъ себѣ бить учениковъ? Они бьютъ не однихъ учениковъ, но бьютъ тѣмъ самымъ беззащитныхъ женщинъ. Школьники, которыхъ били въ школѣ, биль притомъ же и самъ батюшка, понятно, будутъ жестокими людьми и прежде всего и болѣе всего—по отношенію къ своей семьѣ. Очень полезно было бы, также побольше распространять листковъ противъ жестокаго обращенія мужей съ женами и вообще противъ жестокости. Въ этомъ случаѣ на помощь пастырямъ обязательно должна придти наша духовная литература.

Много у насъ печатается балласта совершенно не нужнаго, а мало того, что нужно; особенно это приходится сказать относительно епархіальныхъ вѣдомостей. Слѣдовало бы при нихъ издавать отдѣльные листки *спеціально для народа*. Вѣдь деньги-то получаютъ на изданіе епархіальныхъ вѣдомостей съ народа,—нужно же хотя что-либо и дѣлать для народа.

Хорошо, что при монастыряхъ стали раздавать листки; отчего бы не раздавать ихъ и при всѣхъ церквахъ? Если нельзя раздавать вездѣ бесплатно, то слѣдуетъ установить обязательную продажу листовъ при всѣхъ церквахъ. Хорошо почаще напоминать прихожанамъ слова св. Предтечи: *никогоже обидите... уже и съкира при корни древа лежитъ и т. д.*

Будемъ же, отцы и братія, не говорить только часто: *миръ всѣмъ*, но и дѣлать такъ, чтобы этотъ миръ былъ со всѣми нашими прихожанами и со всѣми нами.

Свящ. В. Дроздовъ.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Кирилль.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 29 февраля 1904 г.

Цензоръ, священникъ *Ѡ. Титовъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 11.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, марта 14-го.

Содержаніе: О русской религіозной и церковной скульптурѣ.—Причины безуспѣшности церковной проповѣди, по ученію св. Іоанна Златоуста. — Изъ записокъ приходскаго священника (продолженіе).— Можетъ ли чѣмъ-нибудь грозить духовенству сотрудничество въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ.

О русской религіозной и церковной скульптурѣ.

Скульптурою называется искусство рѣзбы. Принадлежитъ къ кругу пластическихъ, или изобразительныхъ искусствъ, скульптура занимаетъ среднее мѣсто между ваяніемъ и живописью и наравнѣ съ ними воспроизводитъ пространственные предметы. Если рѣзба производится изъ дерева, кости, камня и другихъ матеріаловъ, то являются статуи; а если она производится на этихъ матеріалахъ, то бываетъ скульптура барельефовъ. Оба эти вида скульптуры примѣнялись и применяются къ религіозному и церковному искусству въ христіанскомъ мірѣ, хотя и не въ одинаковой мѣрѣ.

Русская религіозная и церковная скульптура стоитъ въ тѣсной связи и въ близкомъ родствѣ съ древне христіанскою

скульптурою, получившею свое начало еще въ первые вѣка исторіи христіанской Церкви.

Христіанство зародилось въ нѣдрахъ Семитическаго народа еврейскаго, которому воспрещены были изобразительныя искусства въ религіозной области. Во Второзаконіи предается проклятію „сътворившій изваяніе и сліяніе (гл. 27, ст. 15). Но, распространившись по всѣмъ концамъ тогдашней всемірной Римской имперіи и покоряя себѣ различныя народы, входившіе въ составъ этой имперіи, христіанство волей-неволей воспринимало этнографическую окраску этихъ народовъ и въ большей или меньшей мѣрѣ подчинялось ихъ исторически выработанной культурѣ. Особенно важное значеніе въ этомъ отношеніи имѣли греки и римляне со своимъ высокоразвитымъ художественнымъ гениемъ. Подъ вліяніемъ этого художественнаго генія христіане еще въ первые вѣка христіанства, во время тяжкихъ гоненій на нихъ со стороны язычниковъ, скрываясь въ подземельяхъ (катакомбахъ) и пещерахъ, устраивали здѣсь на гробахъ мучениковъ алтари, украшали стѣны пещеръ и саркофаги фресковыми и рѣзными изображениями символическаго и аллегорическаго характера и вообще придавали мѣстамъ своего общественнаго и частнаго богослуженія соотвѣтственную благолѣпную обстановку. Съ торжествомъ христіанства при Константинѣ Великомъ и его преемникахъ, всѣ почти виды древняго античнаго искусства призваны были на служеніе Церкви и ея украшеніе, какъ-то: архитектура, ваяніе, скульптура, живопись, музыка вокальная, поэзія и проч. Настала блестящій періодъ развитія внѣшней стороны и обрядности христіанской Церкви.

Но не всѣ отрасли древняго античнаго искусства въ одинаковой мѣрѣ нашли примѣненіе себѣ въ практикѣ древней христіанской Церкви. Послѣдняя, соотвѣтственно основному существенному характеру своему, предпочитала одухотворенныя, такъ сказать, искусства болѣе вещественнымъ, матеріальнымъ. Поэтому, античная скульптура, хотя первоначально и перенесена была на христіанскую почву и выразилась въ

рядъ статуй Спасителя и христіанскихъ святыхъ¹⁾, однако вскорѣ стала постепенно вытѣсняться болѣе одухотвореннымъ искусствомъ—живописью. „Упадокъ античной скульптуры съ ея пластическими роскошными формами, говоритъ профессор Н. В. Покровскій, замѣтенъ уже въ эпоху древне-христіанскаго искусства, и онъ усиливается съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе, по мѣрѣ удаленія христіанскаго искусства отъ эпохи расцвѣта античной скульптуры. Въ эпоху Константина Великаго и даже Юстиніана встрѣчались еще статуарныя изображенія; но видно уже, что искусство живописи, какъ болѣе соответствующее духу христіанской религіи, беретъ перевѣсъ надъ скульптурою. Христіане помнятъ религіозное значеніе скульптуры въ культѣ греко-римскомъ и оставляютъ это искусство на второмъ планѣ. Но, относясь съ нѣкоторымъ недобѣріемъ къ скульптурѣ въ видѣ статуй, христіанскіе художники и представители Церкви благосклонно относились къ скульптурѣ барельефовъ, занимающей средину между скульптурою статуй и живописью. А потому, и памятниковъ этого рода дошло до насъ не мало. Древнѣйшіе изъ нихъ и стоящіе отчасти на рубежѣ, отдѣляющемъ византійское искусство отъ древне-христіанскаго, находятся въ Равеннѣ; это именно скульптура Равеннскихъ саркофаговъ... Скульптура эта стоитъ въ тѣсномъ родствѣ съ скульптурою восточной половины христіанства, какъ это можно видѣть изъ ея сравненія съ памятниками Константинополя“²⁾.

Еще большій ударъ нанесенъ былъ не только ваянію и скульптурѣ, но и вообще религіознымъ изобразительнымъ искусствамъ въ восточной Римской, или Византійской имперіи, когда на всемірно-историческое поприще выступилъ новый народъ семитическаго происхожденія—арабы, или Измаильтяне

¹⁾ См. критич. статью Д. Айполова въ IX томѣ „Византійскаго Временника“, № 2, за 1902 г., и особый оттискъ, ст. 43—45.

²⁾ Очеркъ памятниковъ православной иконографіи и искусства“ Н. В. Покровскаго, вып. 2, С.-Петербургъ, 1894 г., стр. 215.

и, распространяя свою новую—магометанскую религію, вступилъ въ непосредственное соприкосновеніе съ Византійской имперіей. Отторгая у Византіи область за областію, пока, наконецъ, въ XV столѣтіи всецѣло не покорили ее себѣ, магометане несомнѣнно имѣли отрицательное вліяніе и на религіозно-художественные вкусы византійцевъ. Въ высшихъ правительственныхъ сферахъ Византіи возникаетъ иконоборческая ересь, представители которой, вслѣдъ за магометанами, соблазнялись нагляднымъ выраженіемъ человѣческой тѣлесности и красоты въ религіозной области, тѣмъ болѣе, что оно дѣйствительно подавало иногда неразвитымъ людямъ поводъ къ грубо-чувственному пониманію и чтванію священныхъ изваяній и изображеній.

Какъ извѣстно, православная восточная Церковь вышла побѣдительницею изъ борьбы своей съ иконоборческою ересью; но вмѣстѣ съ тѣмъ она сдѣлала и нѣкоторыя видоизмѣненія въ характерѣ и направленіи религіознаго христіанскаго искусства и въ частности въ области религіозной скульптуры. Пято-шестой вселенскій соборъ въ Трулль запретилъ представленіе Иисуса Христа въ образѣ агнца и постановилъ, чтобы онъ не иначе былъ изображаемъ, какъ въ человѣческомъ видѣ¹⁾. Тотъ же пято-шестой, или Трульскій Соборъ, по толкованію Вальсамона, перечисляя виды крестовъ, начертанныхъ или написанныхъ на землѣ, жерновомъ камнѣ и мраморѣ, не запрещаетъ ихъ, а только возбраняетъ полагать ихъ на землѣ, во избѣжаніе попиранія ногами и оскверненія святыни²⁾. Седьмой вселенскій Соборъ (787 г.), возстановляя иконопочитаніе, опредѣлилъ: „подобно изображенію честнаго и животворящаго креста, полагать во святыхъ Божіихъ Церквахъ, на священныхъ сосудахъ и одеждахъ, на стѣнахъ и на

¹⁾ Правила святыхъ апостолъ, святыхъ соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и святыхъ отецъ съ толкованіями“. Выпускъ III, ч. 2, Москва, 1877 г., стр. 638—9.

²⁾ Тамъ же стр. 616 „О придорожныхъ крестахъ“, И. И. Малышевскаго въ „Трудахъ Кіевской Дух. Академіи“, ноябрь, 1865 г., стр. 396.

доскахъ, въ домахъ и на путѣхъ, честныя и святяя иконы, написанныя красками и изъ дробныхъ камней и изъ *другаго способнаго къ тому вещества* устрояемыя, яко же иконы Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, непорочныя Владычицы нашея святяя Богородицы, а также и честныхъ ангеловъ и всѣхъ святыхъ и преподобныхъ мужей; ибо честь, воздаваемая образу, къ первообразному восходить, и поклоняющійся иконѣ покланяется существу изображеннаго на ней ¹⁾).

Нѣкоторые понимаютъ это опредѣленіе седьмого вселенскаго Собора въ смыслѣ рѣшительнаго запрещенія имѣть христіанамъ рѣзныя изображенія, какъ соблазнъ и камень преткновенія для душъ непросвѣщенныхъ, „просыхъ“ ²⁾. Но такому пониманію противорѣчатъ какъ сопоставленіе этого соборнаго опредѣленія съ предыдущимъ, допускающимъ рѣзныя кресты, такъ и прямой его смыслъ, который не только не воспрещаетъ скульптурныхъ изображеній, но и предполагаетъ ихъ подъ названіемъ иконъ, устрояемыхъ и *другими способами*, кромѣ красокъ и дробныхъ камней (т. е. мозаики). Если же отсутствіе въ соборномъ опредѣленіи точнаго указанія на дозволенность скульптурныхъ священныхъ изображеній необходимо понимать въ смыслѣ косвеннаго ограниченія этихъ изображеній въ церковной практикѣ, то нужно понимать его такъ, какъ понималъ его „Св. Синодъ Россійскія Церкви“ въ опредѣленіи своемъ 21 мая 1722 года. Св. Синодъ находилъ, что въ русскихъ „храмахъ усматривается многая неисправность, и даже обрѣтается противное Самому Богу, а именно: рѣзныя, или истесанныя, издолбленныя, изваянныя иконы, которыя *еще и не суть просто противны благочестію*, обаче за недостатки искуснаго мастерства весьма *церковному*

¹⁾ „Древне-христіанская иконографія, какъ выраженіе древняго церковнаго вѣросознанія, архим. Христофора, Москва, 1887 г., стр. 38.

²⁾ „Древности Россійскаго Государства, издав. по Высочайшему повелѣнію“, Москва, 1849 г., отд. I, стр. 54; „Житіе и чудеса св. Николая Чудотворца и слава его въ Россіи“, А. Вознесенскаго и О. Гусева, С.-Петербургъ, 1899 г., стр. 202.

благоутію противны. И когда бы къ дѣланію иконъ сицевыхъ даровалъ намъ Богъ Оліова и Веселіла, каковыхъ древле Самъ избралъ было на украшеніе скиніи Своея, не было бы нужды возбранять ихъ; но у насъ нѣтъ такихъ..., а дерзають истесовати ихъ сами неотесанные невѣжды и вмѣсто сообразныхъ святыхъ и благообразными лицами образовъ безобразныхъ, на которыя смотрѣти гадко, болваны и шуды поставляютъ,—принуждепъ есть Св. Синодъ запретить сіе¹⁾. Слѣдовательно, ограниченіе скульптурныхъ священныхъ изображеній вызывалось и обусловливалось унадомъ самой скульптуры, какъ одного изъ изящныхъ искусствъ.

Съ другой стороны, въ опредѣленіи седьмого вселенскаго собора относительно иконописанія преимущественно имѣются въ виду иконы, предназначаемыя для религіознаго чествованія и поклоненія, но не регламентируются изображенія орнаментальнаго и декоративнаго характера, которыя получили особенное развитіе въ эпоху иконоборчества и непосредственно послѣ нея²⁾. Кругъ этихъ орнаментальныхъ и декоративныхъ изображеній былъ весьма широкъ и обнималъ собою не только священные предметы, но и живыхъ людей и даже цирковыя игры, какъ, напр., на фресковыхъ изображеніяхъ по стѣнамъ лѣстницъ на хоры въ Кіево-Софійскомъ соборѣ³⁾. И въ области ваянія и скульптуры мы видимъ въ Византійской православной Церкви, въ эпоху иконоборчества и по восстановленіи иконопочитаія, цѣлый рядъ не только барельефовъ, но и настоящихъ статуй, имѣющихъ притомъ не столько религіозно-общественное, сколько орнаментальное и декора-

¹⁾ „Синодальный художникъ Алексѣй Антроповъ“, Н. В. Покровскаго, въ „Христіанскомъ Чтеніи“ за 1887 го ъ, и особыми оттисками стр. 5.

²⁾ „Византійскія церкви и памятники Константинополя“, Н. П. Кондакова, Одесса, 1887 г., стр. 53 и 61.

³⁾ „О фрескахъ лѣстницы Кіево-Соф. Собора“, Н. П. Кондакова, С.-Петербургъ, 1888 г.; „Кіево-Соф. Соборъ“, Д. Айшалова и Е. Рѣдина,—С. П. Бургъ, 1889 г., стр. 102 и слѣд.

тивное значеніе. Куполь Константинопольскаго храма всѣхъ святыхъ, построеннаго императоромъ Львомъ Философомъ (886—911 г.г.), украшенъ былъ бронзовой группой архангела Михаила и императора Михаила, подносящаго архистратигу модель столицы. По свидѣтельствѣ Константина Багрянороднаго, во Влахернскомъ храмѣ, въ XII вѣкѣ, было вырѣзанное на мраморѣ (декоративное) изображеніе Пресв. Богородицы, которая изъ Своихъ святыхъ рукъ льетъ священный источникъ. Въ монастырѣ Девяти небесныхъ силъ, основанномъ въ Константиноплѣ въ XI вѣкѣ Θεодорою Порфирородною, въ „палатѣ правовѣрнаго царя Константина“ находилась статуя Христа Спасителя, которую видѣлъ и кратко описалъ въ половинѣ XIV вѣка русскій паломникъ Стефанъ Новгородецъ¹⁾.

Впрочемъ, мы все-таки должны признать, что послѣ эпохи иконоборчества, сравнительно весьма не много извѣстно византійскихъ статуй въ полномъ смыслѣ этого слова, и что преобладающими формами религіозной византійской пластики какъ фундаментальной, такъ и орнаментальной и декоративной, были въ это время барельефы и рѣзба на камнѣ, кости и деревѣ, какъ, напр., настѣнные барельефы²⁾, саркофаги или гробницы³⁾, рѣзные двери⁴⁾, рѣзные складни и иконостасы на кости и деревѣ⁵⁾, диптихи, или синодики и отдѣльные таблетки на слоновой кости⁶⁾. Къ послѣднему разряду памятниковъ относится рѣзной на слоновой кости образокъ Богородицы Влахернской, IX вѣка, изъ Амалфи, въ

¹⁾ „Византійскія церкви и памятники Константинополя“, Н. П. Кондакова, стр. 18—21, 68 и 70.

²⁾ Тамъ же, стр. 223.

³⁾ Тамъ же, стр. 22, 69, 212, 222.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 221.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 224. См. о рѣзбѣ на деревѣ „Эллинистическія основы византійскаго искусства“, Д. Айвалова, С. П. Бургъ, 1900 г., стр. 211 и 212.

⁶⁾ Тамъ же; см. „Выставка VIII археологич. съѣзда въ Москвѣ въ 1890 году“, Д. В. Айвалова, С. П. Бургъ, 1890 г., стр. 109.

коллекціи покойнаго А. Н. Муравьева ¹⁾. Относительно этихъ и подобныхъ издѣлій справедливо говорятъ, что иконоборчество не измѣнило, а только задержало искусство въ его развитіи, не повліяло положительно на его содержаніе, а подѣйствовало отрицательно, вызвавъ отчасти то быстрое закрѣпощеніе формъ и духовнаго содержанія, которое совершилось уже къ концу X вѣка ²⁾.

Иначе дѣло обстоило въ Западной Римской Церкви. Она *весьма многое* изъ религіознаго и церковнаго искусства заимствовала и усвоила отъ Византіи, но не соприкасалась такъ близко и непосредственно съ мусульманскимъ міромъ, какъ Византія, не видѣла въ нѣдрахъ своихъ развитія иконоборческой ереси, и потому не имѣла особыхъ побужденій исключать изъ своей сферы какое-либо религіозное искусство, напр.—ваяніе и скульптуру, или задерживать дальнѣйшее ихъ развитіе въ принятомъ разѣ направленіи. Напротивъ, попытки византійскихъ иконоборцевъ въ VIII вѣкѣ (въ 726 г.) воспретить иконопочитаніе и въ Италіи произвели здѣсь возмущеніе и содѣйствовали прекращенію всякихъ связей Римской Церкви съ Константинополемъ ³⁾. Но зато Западное искусство уклонилось въ другую сторону, къ искусству свѣтскому. „Церковное искусство на Западѣ,—писалъ покойный академикъ Буслаевъ,—было только явленіемъ временнымъ, переходнымъ для того, чтобы уступить мѣсто искусству свѣтскому, живописи исторической, жанру, ландшафту“ ⁴⁾.] Уже въ XIII вѣкѣ „на Западѣ уничтожена граница между иконографіею церковною и свѣтскою; въ той и другой одинаково господствуетъ индивидуальная мысль и вдохновеніе

¹⁾ „Указатель Церковно-Археологич. Музея при Кіевской Дух. Академіи“, Кіевъ, 1897 г., № 2499, стр. 46.

²⁾ „Византійскія церкви и памятники Константинополя“, Н. П. Кондакова, стр. 61.

³⁾ „Исторія итальянской литературы“, А. Гаспарі, Москва, 1895 г., т. I, стр. 3.

⁴⁾ „Ө. И. Буслаевъ. Обзоръ трудовъ его по исторіи и археологіи искусства“, Е. К. Рѣдина, Харьковъ, 1898 г., стр. 22.

художника, не сдерживаемыя никакой традиціею; въ иконографію церковную вводятся совершенно новыя формы, и ихъ достоинства опредѣляются при помощи того же критерія, который прилагается къ искусству свѣтскому: икона, предназначенная для храма, трактуется, какъ любая картина, предназначенная для салона. Такая картина можетъ увлекать чувство и воображеніе, можетъ вызвать чувство и восторженнаго умиленія, и горькій плачь, но она не соотвѣтствуетъ восточно-православному возрѣнію на икону, какъ на одно изъ учительныхъ средствъ и предметъ религіознаго почитанія¹⁾. Въ параллель съ живописью и въ томъ же духѣ развивались въ Западной Церкви и ваяніе и скульптура и получили такое широкое распространеніе, что иногда совершенно подавляли своею численностію религіозную живопись въ отдѣльныхъ римскихъ церквахъ, или костелахъ. Въ XV и слѣдующихъ вѣкахъ церковное и вообще религіозное искусство западное подчинилось вліянію возрожденія древнеклассическихъ искусствъ и въ техническомъ отношеніи оказало нѣкоторое вліяніе и на скульптуру Православной Восточной Церкви чрезъ Аѳонъ, Іерусалимъ и другіе центры художественнаго производства на Востокѣ.

Что же касается Русской Православной Церкви, то она въ отношеніи религіозной скульптуры почти не проявила своей самостоятельности и подчинилась стороннимъ вліяніямъ византійскому и западному, хотя и далеко не въ одинаковой мѣрѣ. Главный тонъ и направленіе всегда давала византійская скульптура.

Проф. *Н. Петровъ.*

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ „Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, преимущественно византійскихъ и русскихъ“, П. В. Покровскаго, С.-Петербургъ, 1892 г., стр. 5.

Причины безуспѣшности церковной проповѣди, по ученію св. Іоанна Златоуста.

Въ наше время наступило какъ бы нѣкое „пресыщеніе небесной пищей“, оскудѣла и умалилась жажда слушанія церковныхъ бесѣдъ и поученій. Впрочемъ, то же самое наблюдалось и во времена св. Златоуста. Проповѣдь Слова Божія тогда раздавалась очень часто, а относительно св. Златоуста извѣстно, что онъ проповѣдывалъ чуть не ежедневно; несмотря на это, и въ то время проповѣдь не всегда производила должное впечатлѣніе, и проповѣднику очень рѣдко удавалось отклонить своихъ слушателей отъ укоренившихся среди нихъ дурныхъ наклонностей.

Это ставили, между прочимъ, въ вину и св. Златоусту. Многіе говорили ему: „когда бываемъ здѣсь (въ храмѣ) и слышанное принимаемъ къ сердцу, тогда приходимъ въ себя, а лишь только удаляемся отсюда, становимся опять другими, и огонь ревности въ насъ угасаетъ“¹⁾. Отчего же, спрашивается св. Златоустъ, происходитъ такая переменна? „Въ каждомъ собраніи мы представляемъ вамъ учителями и пророковъ, и апостоловъ, и патріарховъ, и всѣхъ праведныхъ, и при всемъ томъ нѣтъ никакой пользы“²⁾? Отчего Слово Божіе не всегда дѣйствуетъ на сердце слушателя?

Изъ твореній св. Златоуста мы видимъ, что причинъ безуспѣшности церковной проповѣди очень много, и зависятъ онѣ, въ большинствѣ случаевъ, отъ самихъ же слушателей. На однихъ, напр., проповѣдь потому не дѣйствуетъ, что они преждевременно уходятъ изъ храма. Явленіе это, къ сожалѣнію, имѣетъ мѣсто и въ наше время. Лишь только проповѣдникъ появляется на кафедрѣ, какъ многіе оставляютъ храмъ. Это ясно говоритъ о нежеланіи слушать проповѣдника, который отъ имени Бога вышелъ сказать „яже

¹⁾ Творен. св. Злат., т. VII, кн. I, бес. V, стр. 51.

²⁾ Бес. VII, стр. 119.

къ животу“,—не по прихоти своей вышелъ, а по святому долгу, за неисполненіе котораго долженъ дать отвѣтъ Богу на страшномъ Его судѣ.

Уклоняющіеся отъ слушанія церковной проповѣди своимъ нежеланіемъ слушать Слово Божіе оскорбляютъ Самого Спасителя, сказавшаго: „слушающій васъ Меня слушаетъ, а отвращающійся васъ Меня отвращается“. „Мы, говоритъ Златоустъ, часто собираемъ васъ сюда, чтобы вы получили и какіе-нибудь плоды отъ пребыванія здѣсь. Если же вы будете выходить отсюда, то хотя бы всегда ходили сюда, ваше хожденіе и присутствіе ничего не будетъ значить“¹⁾.

То же самое происходитъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣдко приходится слушать слово Божіе. Оно и попятно: разъ человѣкъ перестаетъ неопустительно ходить въ храмъ Божій, слышимое имъ здѣсь поученіе онъ не можетъ уже привести въ связь съ преждесказаннымъ проповѣдникомъ, оттого — то и надлежащей пользы отъ поученія получиться уже не можетъ. Чтобы этого не было, говоритъ св. Златоустъ, „поставимъ непремѣннымъ закономъ—это одинъ день въ недѣлѣ посвящать слушанію и припоминанію того, что мы слышали. Въ такомъ случаѣ будемъ сюда приходиться съ большею готовностію принимать, что будетъ говорено. И для насъ будетъ меньше труда, и для васъ больше пользы, когда станете слушать дальнѣйшее, содержа въ памяти прежде сказанное“²⁾.

Впрочемъ, и частое хожденіе въ храмъ Божій, частое слушаніе церковныхъ поученій не всегда бываетъ плодотворно, если выслушиваются они невнимательно и неохотно. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ необходимо силою принуждать себя къ выслушиванію церковныхъ поученій. Вначалѣ все дѣлается безъ охоты, иногда и не отъ души; но стоитъ разъ, два, десять разъ преодолѣть себя, и охота явится, потому что сердце постепенно пріобрѣтаетъ навыкъ въ святомъ и

¹⁾ Бес. VII, стр. 119.

²⁾ Бес. VII, стр. 51—53.

добромъ дѣлѣ. Только тогда и можно будетъ надѣяться, что выслушиваемое въ церкви поученіе не останется безплоднымъ; въ противномъ же случаѣ, т. е. когда поученіе выслушивается невнимательно и разсѣянно, проповѣднику, по мнѣнію Златоуста, лучше и не говорить. „Когда видимъ, что кто-нибудь слушаетъ насъ разсѣянно и при всѣхъ убѣжденіяхъ нашихъ остается невнимательнымъ, наконецъ, перестаемъ говорить, потому что, если мы будемъ настаивать, то безпечность его еще болѣе усилится. Напротивъ, кто съ ревностію слушаетъ поученіе наше, того мы увлекаемъ въ разговоръ и многое ему сообщаемъ“ ¹⁾.

Но и одного внимательнаго выслушиванія поученій не всегда бываетъ достаточно. Случается, напр., и очень не рѣдко, что проповѣдника слушаютъ, повидимому, внимательно, нѣкоторые, быть можетъ, и умиляются, вздыхаютъ, плачутъ и соглашаются съ проповѣдникомъ; но, по выходѣ изъ храма, забываютъ его слово и не исполняютъ того, что слышали. Это происходитъ оттого, что, по выходѣ изъ храма, почти всѣ тотчасъ же предаются мірскимъ занятіямъ и среди заботъ и житейскихъ разговоровъ совершенно забываютъ о томъ, что слышали въ храмѣ. Чтобы этого не было, необходимо, по взгляду св. Златоуста, по приходѣ изъ храма, приводить на память то, что тамъ было выслушано. „По выходѣ изъ церкви, говоритъ онъ, не надлежало бы намъ приниматься за дѣла, непристойныя церкви; но, пришедши домой, надобно было бы сейчасъ же взять книгу и вмѣстѣ съ женой и дѣтьми привести на память, что было говорено, потомъ уже приступать къ дѣламъ житейскимъ. Если, вышедши изъ бани, ты предпочитаешь не ходить на рынокъ, чтобы тамъ въ хлопотахъ не лишиться пользы отъ бани, то тѣмъ болѣе ты долженъ поступать такъ по выходѣ изъ церкви. А мы поступаемъ напротивъ, и оттого теряемъ все. Еще не утвердился въ насъ совершенно то, что было полезно въ сказанномъ,

¹⁾ Бес. XLV, стр. 476.

какъ сильный потокъ житейскихъ дѣлъ, устремляясь на насъ, уноситъ его съ собою и оставляетъ пустоту“¹⁾. Оно и понятно: привязанность къ земнымъ дѣламъ, по выходѣ изъ храма, лишаетъ слушателей возможности основательно усвоить слышанную ими проповѣдь, и послѣдняя не можетъ уже про- извести на нихъ должнаго вліянія, потому что не проникла въ глубину души ихъ, и достаточно легкаго повода ко грѣху, какъ поученіе забывается, и исправленіе жизни пріостанавливается. Бываетъ же это обыкновенно оттого, что мы слишкомъ привязываемся къ земнымъ суетнымъ благамъ, такъ что заботы о нуждахъ и удовольствіяхъ плоти поглощаютъ все наше вниманіе, всѣ силы, все время. Поученіе, по взгляду Златоуста, только тогда можетъ быть плодотворно, когда слушатели будутъ „не только усердно внимать ученію“, но и „безпрестанно имѣть его въ своей памяти“²⁾. „По выходѣ изъ церкви, говоритъ Златоустъ, почитай нужнымъ для себя дѣломъ имѣть въ памяти то, что было тебѣ сказано..., иначе не будетъ для насъ никакой пользы ходить сюда, потому что, не прилагая никакого попеченія о соблюденіи сказаннаго намъ, какое показываемъ въ сбереженіи золота и серебра, каждый день будемъ черпать въ разбитый сосудъ. Пріобрѣтшіи нѣсколько динаріевъ спрячуть ихъ въ мѣшокъ, а мы, принявши ученіе, которое много цѣннѣе и золота и дорогихъ камней, пріобрѣтши сокровища духа, не скрываемъ ихъ въ хранилищѣ души и съ крайнею небрежностію даемъ имъ вытекать изъ нашего сердца. Кто же послѣ этого пожалѣетъ о насъ, когда сами себѣ причиняемъ вредъ и ввергаемъ себя въ такую бѣдность“³⁾.

Но и одного постояннаго памятованія о слышанномъ въ послѣднемъ поученіи не исполнивъ достаточно,—необходимо помнить и о томъ, что говорилось въ поученіяхъ прежнихъ.

¹⁾ т. VII, кн. I, бес. V, стр. 51—53.

²⁾ т. VII, стр. 467.

³⁾ Тамъ же, стр. 51—53.

„Такъ какъ не возможно высказать всего въ одинъ день, то старайтесь, говорить Златоустъ, сохранять въ памяти, что вамъ предлагается въ разные дни, составляйте изъ этого какъ бы одну цѣпь, чтобы, такимъ образомъ, вышло цѣлое тѣло Писаній“ 1).

Нѣкоторые изъ слушателей св. Златоуста указывали на рѣзкія и суровыя его рѣчи и въ нихъ видѣли причину бесплодности церковныхъ поученій. Въ дѣйствительности же, какъ и самъ Златоустъ объясняетъ въ своихъ бесѣдахъ, рѣзкая обличительная рѣчь, когда въ ней есть нужда, не можетъ служить препятствіемъ къ благотворному дѣйствию на слушателей церковныхъ поученій. Обличенія необходимы; они, по мнѣнію св. Златоуста, способны бывають породить въ слушателяхъ истинную печаль и сокрушеніе о своихъ грѣхахъ. „Знаю, говоритъ онъ: что тяжело и непріятно вамъ слышать отъ меня такія слова; но что мнѣ дѣлать? Я не желалъ бы говорить объ этомъ, я радъ бы былъ и въ самомъ себѣ и во всѣхъ васъ сознать добродѣтель. Но когда почти всѣ мы живемъ во грѣхахъ, то даруй, Боже, чтобы я могъ породить въ васъ истинную печаль и коснуться самаго сердца своихъ слушателей! Тогда я былъ бы спокоенъ и пересталъ бы говорить объ этомъ. А теперь я страшусь, чтобы нѣкоторые изъ васъ не пренебрегли словами моими и за пренебреженіе и невнимательность не подверглись бы большому наказанію“ 2).

Итакъ, вотъ нѣкоторыя главнѣйшія изъ причинъ, вредящихъ, по мнѣнію св. Златоуста, успѣху церковной проповѣди.

Свящ. *Іоаннъ Добронравовъ.*

1) Тамъ же, стр. 53.

2) Бес. XLIV, стр. 459.

Изъ записокъ приходскаго священника ¹⁾.

19-го октября. Вычиталь въ одной свѣтской газетѣ ²⁾ жалобу и сѣтованіе на уменьшеніе браковъ церковныхъ и увеличеніе браковъ гражданскихъ. Причину столь нежела- тельнаго явленія авторъ статьи усматриваетъ въ томъ, что духовенство слишкомъ строго слѣдитъ за выполненіемъ фор- мальностей, которыя требуются брачнымъ обыскомъ, тогда какъ брачующіеся иногда не имѣютъ возможности раздобыть нужныхъ документовъ и просятъ вѣнчать ихъ по паспорту, на которомъ всегда означено о женихѣ — холостъ онъ, или женатъ, а о невѣстѣ—дѣвица она, или замужня. Получивъ паспорта, въ которыхъ имѣются такія отмѣтки, духовенство обязано будто бы сдѣлать въ церкви троекратное оглашеніе и, взявши собственноручныя подписки поручителей, можетъ безотвѣтственно вѣнчать.

Если при соблюденіи *всѣхъ* формальностей и доставленіи *всѣхъ* надлежащихъ документовъ ни одинъ священникъ не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что бракъ совершенъ имъ вполне законно, и что онъ застрахованъ отъ суда, то что остается сказать о вѣнчаніи браковъ по однимъ только па- спортамъ? Разъ по слѣдствію окажется, что священникъ сдѣ- лалъ хотя незначительное отступленіе отъ установленной формы, онъ будетъ подвергнутъ взысканію. А кому это мо- жетъ быть пріятно и желательно?—И нѣтъ ничего удивитель- наго, если многіе священники (что съ ихъ стороны весьма похвально), боясь отвѣтственности, стараются такъ или иначе уклониться отъ совершенія сомнительныхъ браковъ. Правда, что такими своими дѣйствіями они вызываютъ ропотъ и не- удовольствіе со стороны несвѣдущихъ людей, зато совѣсть ихъ вполне спокойна. Сама же газета говорить, что она видитъ примѣры незинно страдающаго духовенства изъ-за

¹⁾ См. № 10 с. г.

²⁾ „Кіевск. Слово“.

того, что многие были введены въ обманъ при совершеиіи браковъ. Чего же еще нужно болѣе? Священникъ не рѣшается вѣнчать извѣстныхъ лицъ, значитъ — онъ имѣетъ на то свои резонныя причины и ни больше, ни меньше, какъ только добросовѣстно исполняетъ свой долгъ, прямое требованіе закона. Правда, не легко чувствуется священнику, когда приходится отказывать въ совершеиіи брака, что, какъ онъ доподлинно знаетъ, повлечетъ за собою въ данномъ случаѣ незаконное сожительство.—Какъ же выйти изъ этого затруднительнаго положенія?

Принимая все высказанное нами выше въ соображеніе, газета говоритъ, что при этомъ должно страдать не духовенство, какъ совершившее то, что лежитъ на его прямой обязанности, а скорѣе сами обманщики должны подлежать строгой отвѣтственности предъ закономъ и судомъ. При этомъ она рекомендуетъ вмѣсто всякихъ документовъ приводить поручителей къ присягѣ, послѣ чего каждый изъ нихъ долженъ подписаться въ метрической книгѣ. Тогда брачующіеся брали бы въ поручители тѣхъ людей, которые дѣйствительно съ давнихъ временъ ихъ знаютъ, и только такіе поручители и рѣшались бы идти подъ присягу, зная, какая отвѣтственность на нихъ лежитъ; священникъ же не былъ бы отвѣтственнымъ лицомъ и всегда бы удовлетворялъ просящихъ совершеиіи брака.

Въ этихъ словахъ есть своя доля правды. Развѣ мало мы знаемъ случаевъ, когда священники, при соблюденіи всѣхъ формальностей, тѣмъ не менѣе попадали подъ судъ вслѣдствіе того, что вѣнчали брачующихся,—какъ оказывалось потомъ,—по подложнымъ документамъ? Ничего подобнаго не могло бы быть при вѣнчаніи браковъ за присягою какъ самихъ брачующихся, такъ и поручителей, а главное—съ духовенства было бы снято часто совершенно незаслуженное нареканіе за излишнюю требовательность относительно разныхъ предбрачныхъ формальностей и представленія брачующимися пужныхъ документовъ. Во всякомъ случаѣ, духовен-

ству нужно быть насторожѣ и всячески избѣгать вѣнчанія сомнительныхъ браковъ. Конечно, изъ-за этого можно имѣть непріятности, но съ этими непріятностями гораздо легче примириться, чѣмъ съ тѣми, которыя ожидаютъ священника, повѣнчавшаго бракъ безъ соблюденія надлежащихъ формальностей. Я знаю одного престарѣлаго и заслуженнаго пастыря. Онъ всего болѣе боялся вѣнчать такіе браки, при которыхъ наблюдается какое-либо родство, хотя бы даже и дальнее. Въ подобныхъ случаяхъ онъ всегда убѣждалъ родителей брачущихся не совершать таинства св. брака надъ дѣтьми, находящимися въ родствѣ, такъ какъ на это-де не будетъ благословенія Божія, и они будутъ несчастны въ своей суружеской жизни. Пасомые, послушные гласу своего пастыря, сами избѣгали совершенія подобнаго рода браковъ.

Меня крайне удивляетъ только то, какъ нѣкоторые сосраты легко относятся къ совершенію столь важнаго таинства, какъ бракъ. Не рѣдко случается, что осмотрительный священникъ не рѣшается вѣнчать не принадлежащихъ къ опредѣленному приходу пришельцевъ, обращающихся къ нему за совершеніемъ таинства и не представляющихъ надлежащихъ документовъ. Но находятся и такіе, которые *ничтоже сумняся* рѣшаются вѣнчать подобнаго рода браки. Что же изъ этого выходитъ?—Очевидный подрывъ пастырскаго авторитета -- и къѣмъ же? — Самими пастырями. Я знаю случай такого рода. Къ одному священнику обратился молодой фабричный крестьянинъ, прося обвѣнчать его. Такъ какъ онъ не могъ представить всѣхъ нужныхъ документовъ, то означенный священникъ отказалъ въ повѣнчаніи. Тогда онъ обратился къ сосѣднему священнику, который, долго не разсуждая, совершилъ бракосочетаніе. Впослѣдствіи оказалось, что невѣста доводится сводною сестрою жениху. Дошло это до свѣдѣнія епархіальнаго начальства, и теперь надъ неосторожнымъ священникомъ производится слѣдствіе, результатомъ котораго будетъ самое меньшее—монастырь и отрѣшеніе отъ прихода. Фактъ прискорбный и весьма поучительный.

30-го ноября. Девятьсотъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ русскій народъ принялъ христіанство отъ грековъ, однако прежнія языческія заблужденія и вѣрованія крѣпко держатся еще среди сѣраго люда. День св. ап. Андрея Первозваннаго въ Малороссіи — это праздникъ молодежи, самый желанный, веселый и *важный* изъ всѣхъ праздниковъ въ году; для молодежи онъ *важные* даже Свѣтлаго Христова Воскресенія. Особенно „Андрей“ имѣетъ громадное значеніе для дѣвушекъ. Еще недѣли за двѣ до этого дня у молодежи только и рѣчи, что о предполагаемомъ празднованіи св. Андрея; начинаются сборы и приготовленія къ празднику. Вотъ и 30-ое ноября. Съ каждаго участвующаго „въ Андреѣ“ взимается извѣстная сумма — коп. 30—40, и за эти деньги въ ближайшемъ городѣ или мѣстечкѣ покупается все нужное къ празднику. Съ наступленіемъ вечера дѣвушки спѣшатъ въ домъ, куда обыкновенно ходятъ „на досвитки“.

„Досвитки“ — это мѣсто и время любовныхъ свиданій, ухаживаній и самой, такъ сказать, любви. Чуть наступятъ сумерки, сбѣгаются дѣвушки съ „кужелями“ въ рукахъ со всей околицы въ одинъ домъ¹⁾; туда же приходятъ и парни и приносятъ дѣвушкамъ *гостинцы*—конфекты, орѣхи, изюмъ и проч. Съ вечера обыкновенно „шалаятъ“, веселятся—однимъ словомъ, „дурачатся“, какъ они говорятъ: поютъ пѣсни, рассказываютъ сказки, задаютъ загадки, играютъ въ разныя игры и т. д... Съ первыми пѣтухами дѣвушки встаютъ, усердно и спѣшно прядутъ, чтобы наверстать потерянное съ вечера время и принести домой „пряжу“: домашніе, такимъ образомъ, видятъ, что дѣвушка недаромъ ходитъ „на досвитки“. И хотя почти цѣлыя ночи сельская молодежь „на досвиткахъ“ проводитъ безъ сна, но съ наступленіемъ каждаго слѣдующаго вечера и парни и дѣвушки вновь охотно бѣгутъ „на досвитки“.

¹⁾ „Досвитки“ обыкновенно собираются въ домахъ вдовъ или же женщинъ „легкаго“ поведенія.

Въ день св. ап. Андрея дѣвушки совсѣмъ не берутъ съ собою „кужелей“ и, по случаю праздника, не прядутъ. Зато каждая приноситъ съ собой изъ домашней провизіи—кто что и сколько можетъ: одна муки, другая крупъ, третья ишена и т. п. Парни приносятъ выпивку и сласти. Часто парни нанимаютъ музыку (и это въ Филипповъ постъ!), которая играетъ всю ночь. Собравшись, дѣвушки дружно принимаются за *работу*: одна тѣсто мѣситъ, другая стряпаетъ, третья пироги лѣпитъ,—всѣ заняты приготовленіемъ ужина. Но главная забота дѣвушекъ—это „калыта“¹⁾. Безъ „калыты“ не бываетъ „Андрея“. Когда ужинъ готовъ, дѣвушки умываются, прихорашиваются и ждутъ парней, которые обыкновенно стараются прійти уже къ тому времени, когда все готово. По приходѣ парней, всѣ садятся ужинать, при чемъ гостями являются парни, а хозяйками — дѣвушки. Во время ужина воздають обильныя возліянія Бахусу не только парни, но и дѣвушки. Послѣ ужина веселятся, играютъ во всевозможныя игры, а самое главное — „ѣдятъ калыту кусаты“. „Калыта“ вѣшается на поясъ или на веревкѣ такъ, чтобы она висѣла въ ростъ человѣка отъ земли. Одного парня—какого-нибудь остряка и шутника—общество выбираетъ „писаремъ“. Его усаживаютъ возлѣ „калыты“ и даютъ ему въ руки „квачъ“—обмотанную паклей небольшую палку. Этотъ „квачъ“ изображаетъ собою перо. Передъ „писаремъ“ ставятъ разведенную сажу — чернила. Затѣмъ всѣ присутствующіе—кто на кочергѣ, кто на ухватѣ — „ѣдутъ калыту кусаты“. Между „пріѣхавшими“ и „писаремъ“ происходитъ обыкновенно слѣдующій разговоръ: — „Иду - иду калыты кусаты“. — „А я буду по зубамъ пысаты“. — „А я укушу“. — „А я выпшу“ — „А що везешь“. — „Михъ“. — „А въ миху що?“ — „Смихъ“. — „Засмійся!“ — „Не хочу“. „Писарь“ разными шуточками-прибауточками старается размѣшить „пріѣхавшаго кусаты калыту“. Если „пріѣхавшій“ не выдержитъ и раз-

¹⁾ „Калыта“—коржъ съ макомъ и медомъ.

смѣется, то получаетъ отъ „писаря“ „квачемъ“, обмакнутымъ въ разведенную сажу, „по зубамъ“ и, при общемъ хохотѣ присутствующихъ, сконфуженный, „отъѣзжаетъ“; а если выдержать искусь и не разсмѣется, то „кусаетъ“ висящую „калыту“, не придерживая ее руками, а лишь одними зубами, и тоже „отъѣзжаетъ“. Такъ по порядку, одинъ за другимъ, „ѣздить“ вся присутствующая въ хатѣ молодежь, каждый по нѣсколько разъ. Наичаще и наибольше „достается квачемъ“ отъ „писаря“ смѣшливымъ дѣвушкамъ, которыхъ разсмѣшить очень легко. Когда такимъ образомъ съѣдятъ „калыту“, затѣваютъ разныя игры. Послѣ того дѣвушки выпроваживаютъ своихъ гостей—парней, чтобы не мѣшали, а сами принимаются гадать.

Способовъ гаданья у дѣвушекъ безчисленное множество; но болѣе извѣстный и чаще практикуемый слѣдующій. Во время приготовленія ужина дѣвушки дѣлаютъ небольшія „пампушечки“ и по двѣ, попарно, слѣпливаютъ ихъ вмѣстѣ. Каждой парѣ „пампушекъ“ даютъ имена любящихся между собою парня и дѣвушки. По уходѣ парней дѣвушки ставятъ среди хаты стулъ, покрываютъ его скатертью и кладутъ на немъ въ рядъ эти „пампушки“. Затѣмъ въ хату впускаютъ собаку, и по *обращенію* собаки съ „пампушками“ дѣлаютъ свои заключенія о томъ, въ какомъ порядкѣ влюбленные парочки, именами которыхъ названы „пампушки“, одна послѣ другой сочтаются законнымъ бракомъ; если же собака съѣстъ только одну „пампушку“, а другую нѣтъ, то парень или дѣвушка, именемъ которыхъ названа съѣденная „пампушка“, сочтается бракомъ, а та особа, „пампушка“ которой осталась несъѣденной, нѣтъ. Если собака подержитъ „пампушку въ зубахъ да и броситъ—примется за другую,—это значить, что изображающая ихъ парочка только будетъ любиться, быть можетъ — и посватаются, но не сочтается бракомъ и т. д. Съ какимъ вниманіемъ, интересомъ, просто замираніемъ сердца дѣвушки слѣдятъ за собакой! Сколько

радости или горя бываетъ у суевѣрныхъ дѣвушекъ въ томъ или другомъ случаѣ!...

Кромѣ этого способа гаданья, еще есть много другихъ. Считаютъ колья въ заборѣ: „вдовець, или молодець?“ Если на послѣднемъ колѣ выйдетъ слово „молодецъ“, быть дѣвушкѣ замужемъ за холостякомъ, въ противномъ случаѣ—за вдовцомъ. Приноситъ каждая по охапкѣ дровъ и считаютъ: четное число полѣньевъ—быть замужемъ, нечетное—не быть. Точно такимъ же образомъ таскаютъ и считаютъ солому изъ крыши.

На другой день послѣ „Андрея“ молодежь совершенно такъ же празднуетъ „Поандрейныка“.

До „Андрея“ обыкновенно дѣвушки ходятъ „на досвитки“, послѣ же него „досвитки“ прекращаются.

Не легкую приходится вести борьбу пастырю для того, чтобы искоренить это!...

Свящ. С. Брояковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Можетъ ли чѣмъ-нибудь грозить духовенству сотрудничество въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ?

Ни для кого, конечно, не секретъ, что большинство епархіальныхъ вѣдомостей наполняется или оффиціальными отчетами, ¹⁾ или же статьями общецерковнаго и церковно-

¹⁾ Мы не отрицаемъ, что есть отчеты, имѣющіе общепархіальный интересъ, печатаніе которыхъ въ епарх. вѣдомостяхъ желательно. Но на ряду съ ними въ редакціи не рѣдко поступаютъ и отчеты такихъ обществъ, дѣятельность которыхъ интересна только для двухъ-трехъ десятковъ ихъ членовъ и обыкновенно настолько значительна, что 10—20 строкъ совершенно достаточно, чтобы вполне ее характеризовать. Но маленькія общества бываютъ съ большими претензіями и 10—20 строками не довольствуются, а посылаютъ въ редакціи многорѣчивые отчеты, на 10—20 листахъ. Въ трехъ четвертяхъ такого отчета обыкновенно съ обстоятельностью трактуется не только то, кто изъ членовъ сколько внесъ

историческаго содержанія. Мѣстная же церковная жизнь обыкновенно отражается совсѣмъ мало. Измѣнить подобный порядокъ возможно только привлеченіемъ къ сотрудничеству сельскаго духовенства. Съ этою цѣлю редакціи епархіальныхъ вѣдомостей и приглашаютъ духовенство сотрудничать. Но всѣ подобнаго рода приглашенія увѣнчиваются весьма малымъ успѣхомъ. Секретъ такого упорнаго молчанія разъясняетъ на страницахъ „Олонецкихъ епархіальныхъ вѣдомостей“ одинъ священникъ. Вотъ что онъ пишетъ: „Кромѣ, такъ сказать, отрицательныхъ причинъ (не умѣю, не свободенъ...), есть и положительныя. Изъ послѣднихъ приходилось слышать слѣдующія три: 1) боязнь осужденія, 2) чувство неувѣренности въ своихъ силахъ и 3) опасеніе тѣхъ послѣдствій, коимъ иногда (какъ не рѣдко сообщаютъ газеты) подвергаются корреспонденты. „NN напечаталъ статью; ишь, задумалъ обратить на себя вниманіе, выставиться!“ — такъ нѣкоторые разсуждаютъ въ свое оправданіе, почему они ничего не пишутъ и не печатаютъ. Быть можетъ, — по пословицѣ: „у страха глаза велики“, — никто и не сказалъ бы этого; но боязнь подобныхъ сужденій о своихъ „твореніяхъ“ многимъ, дѣйствительно, препятствуетъ взяться за перо, и они, вздохнувъ, вспоминаютъ въ утѣшеніе себѣ слова Спасителя, что Отецъ Небесный „видяй втайнѣ, воздастъ (имъ) явѣ“ за труды, и отлагаютъ появившееся на минуту желаніе подѣлиться съ читателями „вѣдомостей“ своею опытностью и своими знаніями, и даже сочтутъ это желаніе грѣховнымъ — честолюбивымъ и славолубивымъ, порождающимъ гордость. — Неувѣренность въ своихъ силахъ тоже играетъ видную роль. — „А вдругъ, какъ не напечатаютъ? И труды и пересылка пропадутъ зря“, — появляется у иного начинающаго

денегъ, но и подъ какими №№ взносы эти записаны въ приходо-расходной книгѣ. Вотъ этого-то рода произведенія, хотя они и присылаются съ требованіемъ напечатать ихъ непременно „въ ближайшемъ №“, намъ кажется, и нужно бы совсѣмъ не печатать или же печатать только въ выдержкахъ.

литератора тревожный вопросъ. Подумавъ нѣсколько надъ его разрѣшеніемъ, онъ, не увѣренный въ себѣ, оставитъ всякую мысль о „своей“ литературѣ и начнетъ читать „чужую“, а тамъ—смотришь—у него уже и желанія не появится трудиться на литературномъ поприщѣ, или — что то же—онъ дѣлается неспособнымъ „гнуть дуги“.—Третья причина едва ли не изъ самыхъ существенныхъ.—„Мало ли какія могутъ произойти непредвидѣнныя непріятности? Всѣмъ не угодишь... Если писать, то надо писать правду, а это не всегда бываетъ всѣмъ пріятно... Нѣтъ, лучше не писать!“.. Безъ сомнѣнія, есть у духовенства много недоумѣнныхъ вопросовъ и сомнѣній, касающихся ихъ приходскаго дѣла; но они боятся высказаться о нихъ печатно, публично, дабы, съ одной стороны, не обвинили ихъ въ незнакомствѣ съ существующими инструкціями и разъясненіями, а съ другой—не сочли бы за людей безпокойныхъ. Много бы было у нихъ и „поучительныхъ впечатлѣній“, какъ скорбныхъ, такъ и радостныхъ, и обличающихъ и назидающихъ; но здѣсь для авторовъ возникаетъ еще большая опасность—впасть, по своей неопытности въ дѣлѣ изложенія впечатлѣній, въ неловкое положеніе. Съ удовольствіемъ подѣлились бы другіе пастыри своею опытностью и своимъ знаніемъ, повѣдали бы свои труды и успѣхи и ошибки съ ихъ горькими послѣдствіями, высказали бы свои благія желанія и намѣренія, попросили бы, наконецъ, совѣта, вразумленія; но... никто не желаетъ взять на себя починъ этого дѣла, боятся несуществующихъ еще непріятностей, обличенія, осужденія и недоброжелательства“.

Нельзя не сказать, что всѣ изложенныя соображенія обнаруживаютъ въ духовенствѣ лишь малую освѣдомленность въ редакціонномъ дѣлѣ. Отъ сотрудниковъ и корреспондентовъ не требуется ни литературнаго изложенія, ни обработаннаго стиля. Нужны только мысли и факты, которымъ редакція, пользуясь своимъ неотъемлемымъ правомъ дѣлать въ статьяхъ нужныя измѣненія и сокращенія, всегда найдетъ

возможность придать стройный и удобочитаемый видъ. Равнымъ образомъ, не основательно опасеніе „непредвидѣнныхъ непріятностей“. Авторъ можетъ заявить редакціи о своемъ желаніи скрыть свое авторство, и если редакція дорожить статьей, то, не разоблачая имени автора, напечатаетъ ее за собственною отвѣтственностію (Ирк. Еп. вѣд., 1903 г.).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Кирилль.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 3 марта 1904 г.

Цензоръ, священникъ *Θ. Титовъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

УКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 12.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, марта 21-го.

Содержаніе: Горькія слезы ап. Петра и раскаяніе Іуды: — Послѣдованіе св. страстей Господнихъ въ древней Іерусалимской церкви. — Чинъ умовенія погъ, совершаемый нынѣ въ Іерусалимѣ и на о. Патмосѣ — „Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ“ (окончаніе). Что такое красоту?

Горькія слезы ап. Петра и раскаяніе Іуды.

*И помню Петръ слово Господне, якоже рече ему, яко прежде даже пѣтель не возласитъ, отвержешися мене трикраты. И изидеъ вонъ плакася горько. Лк. 22, 61—62
Тогда видѣвъ Іуда предавый Его, яко осудилъа Его, раскаявся возврати тридесять сребреники архіереемъ и старцемъ, малоля: согрѣшихъ, предавъ кровь неповинную... И повергъ сребреники въ церкви, отгиде: и шедъ удавися (Мѣ. 27, 3—5).*

Насколько истинно прекрасно и привлекательно показаніе ап. Петра, насколько трогательны и глубоко-поучительны его горькія слезы, настолько подлинно безобразно и отвра-

тительно раскаяніе Іуды, настолько жалко и презрѣнно его малодушіе, его отчаяніе, приведшее его къ самоубійству.

„*Помяну Петръ слово Господне*“... Воспоминаніе предостереженія Господня производитъ въ апостолѣ сознаніе своего грѣха отреченія, сознаніе чистосердечное и искреннее, которое влечетъ его вонъ со двора архіереева и исторгаетъ горькія слёзы изъ его очей. Должно быть, много горечи заключалось для ап. Петра въ этомъ его сознаніи, если оно сразу же вызвало у него потоки слёзъ. Можно предполагать, что предъ его умственнымъ взоромъ пронеслась вся печальная исторія его паденія съ ея горестными подробностями. Онъ могъ вспомнить, какъ вмѣстѣ съ другими апостолами онъ уснулъ въ саду Геѳсиманскомъ, „не возмогъ и единого часа побдѣти“ съ Господомъ (Мрк. 14, 37), когда, между тѣмъ, божественный Учитель обращался къ нему съ тихимъ, но глубоко-сердечнымъ, призывомъ къ бодрствованію, — и это воспоминаніе не могло не причинить его душѣ глубокой скорби. Онъ могъ припомнить, что вопреки своему завѣренію: „Господи! съ Тобою я готовъ и въ темницу и на смерть идти“ (Лук. 22, 33), онъ бѣжалъ, какъ бѣжали всѣ, когда Учитель былъ взятъ воинами... Онъ могъ припомнить и, естественно, съ болью въ душѣ вспомнилъ, какъ онъ, влекомый желаніемъ „видѣть кончину“ суда надъ Господомъ, проникъ во дворъ архіереевъ, какъ обступили его здѣсь, сначала дверница, а потомъ другія лица изъ толпы слугъ архіереевыхъ, и всѣ въ одинъ голосъ троекратно спрашивали его, не галилеянинъ ли онъ, не изъ учениковъ ли Подсудимаго, а онъ, „какъ бы умеревъ отъ страха“, по словамъ св. Іанна Златоуста, отрекался отъ своего Учителя, сначала робко, а потомъ болѣе настойчиво, въ третій же разъ сталъ увѣрять и божиться всѣми возможными клятвами, что онъ совсѣмъ не знаетъ сего чловѣка... Пропѣлъ уже и пѣтухъ во второй разъ, а апостоль еще не чувствовалъ лжи, которую произносили уста его, можетъ быть, безъ участія въ ней сердца, трепетавшаго отъ страха, и безъ участія сознанія, помраченнаго страхомъ.

Тутъ невольно удивляться надо обольстительной силѣ грѣха: онъ такъ незамѣтно подкрадывается къ человѣку и такъ тонко уязвляетъ его душу, что и самая чистая душа долго не замѣчаетъ его тлетворнаго прикосновенія къ себѣ, бессознательно отдаваясь въ его власть.. Въ несознательности своего отреченія ап. Петръ пребывалъ, пока Господь, выведенный изъ палаты Каиафы на дворъ, не устремилъ здѣсь Своего проницательнаго взора на отрекающагося ученика. И ученикъ понималъ всё... Этотъ нѣмой взоръ Господа сразу же раскрылъ предъ его сознаниемъ его вину, обнажилъ предъ нимъ ея тяжесть и глубину паденія съ силою, которую мы напрасно пытались бы изобразить своимъ словомъ. Встрепенулась душа отрекшагося ученика. Уныніе, безвременный сонъ, страхъ, наконецъ, самое отреченіе—всѣ грѣхи, которымъ онъ далъ свободу приразиться къ своей душѣ, всѣ возстали предъ его сознаниемъ и казались ему тѣмъ безобразнѣе, чѣмъ болѣе гнушалась ихъ теперь его встрепенувшаяся и снова Христовой любовью воспламенившаяся душа. Всѣ, до сихъ поръ таившееся подъ множествомъ и разнообразіемъ ощущеній, горе души всплыло, раскрылось и охватило апостола. „*И изшедъ вонъ, плакася горько*“... Онъ выходилъ вонъ со двора архіереева съ тяжелымъ и мучительнымъ сознаниемъ тяжести своего грѣха, который лишилъ его апостольскаго достоинства и дѣлалъ отверженцемъ своего Господа. Уходилъ, сознавая свое недостоинство присутствовать теперь вблизи Господа, несмотря на весь пламень проникшей его взоромъ Господнимъ любви, несмотря на неудержимое желаніе видѣть кончину Господню. „И уже не встрѣчается болѣе въ исторіи страданій, смерти и погребенія Господа обыкновенно столь частое имя Петра. Гдѣ онъ былъ—неизвѣстно. Онъ лишилъ себя и безцѣннаго утѣшенія оплакать послѣдній вздохъ Господа, не былъ и тогда, когда живоносное тѣло Его снимали со креста и погребали чужія руки... Что онъ дѣлалъ? „*Плакася горько*“!... Уже былъ третій день послѣ того, какъ уста его произнесли бѣдственный приговоръ его апостольству,—онъ всё продол-

жалъ плакать и рыдать (Мр. 16, 10). Покаянное чувство томило его смертельными безутѣшными муками, такъ что благовѣстникъ Христова воскресенія—ангелъ счелъ нужнымъ особеннымъ образомъ и поскорѣе утѣшить его, сказавъ женамъ: „идите—рцйте ученикомъ Его и *Петрови*, яко варяеть вы въ Галилеи (Мрк. 16, 7)“¹⁾.

Поразительна сила и искренность покаянія Петрова! Онъ сознаеть свой грѣхъ во всей его наготѣ, сознаеть, не подыскивалъ себѣ извиненій въ немъ—по обычаю, къ которому такъ часто прибѣгаетъ лукавая совѣсть человѣческая, уличаемая въ грѣхѣ. А онъ могъ бы найти такія извиненія хотя бы, напр., въ свойственной ему, какъ человѣку слабости. Онъ могъ бы указать, въ извиненіе своего грѣха, на свое тѣлесное изнеможеніе вслѣдствіе безпокойно и почти безъ сна проведенной ночи, которое и помѣшало ему внимательно сосредоточиться на движеніяхъ своего сердца,—на то, что подавленъ онъ былъ горемъ печальныхъ предреченій Учителя о разлукѣ, тяжелымъ предчувствіемъ угрожающей Ему бѣды и заботою о своемъ сиротствѣ; могъ бы указать, что палъ подъ гнѣтомъ и тѣлесныхъ страданій и скорбныхъ впечатлѣній, тяжести котораго не вынесла его душа, невольно поддавшаяся унынію, невольно поколебавшаяся въ вѣрѣ,—палъ невольно, несознательно и, падая, всё же принадлежалъ Господу, всецѣло и неотступно слѣди за Его участіемъ.. Но всё это мы можемъ привести въ объясненіе и извиненіе паденія ап. Петра; самъ же онъ ничѣмъ не оправдывалъ себя, самъ онъ чисто-сердечно раскаивался въ своемъ грѣхѣ, содрогался, представляя его наготу въ подробностяхъ паденія, сокрушался о немъ и горько плакалъ.

Уже и въ созваніи грѣха сказывается величіе кающейся души, потому что искреннее признаніе грѣха требуетъ душевнаго подъема; но восчувствовать мерзость грѣха до исторже-

¹⁾ Изъ пропов в.-пресов. Иннокентія Херсонскаго.

нія слёзъ и слёзъ горькихъ—это подвигъ, доступный не многимъ. Обратимъ вниманіе на Іуду. Повидимому, и онъ созналъ свой грѣхъ съ достаточною глубиною: „согрѣшихъ, предавъ кровь неповинную“, произноситъ онъ въ состояніи раскаянія. Но какое это признаніе? Холодное, безчувственное признаніе неудачи своего преступленія, бесплодное и безнадежное раскаяніе въ немъ! Св. евангелистъ Матѳеѣй отмѣчаетъ исходное начало раскаянія Іуды, когда говоритъ: „тогда видѣвъ Іуда, предавый Его, яко осудиша Его“ архіереи на смерть, „раскаяся“. Іуду устрасилъ такой ужасный оборотъ дѣла. Онъ, можетъ быть, предполагалъ, что оно окончится не болѣе, какъ изгнаніемъ Іисуса изъ Іерусалима и Іудеи. Но осужденіе на смерть и его холодному, загроубѣлому въ сребролюбивой страсти сердцу показалось карою, для понесенія которой у Христа не было вины. Это онъ и высказываетъ въ своихъ словахъ къ архіереямъ: „согрѣшихъ, предавъ кровь неповинную“... Его смущаетъ „кровь неповинная“, которая прольется по его винѣ, по винѣ предательства его,—не грѣхъ преданія Господа самъ по себѣ, а неожиданно ужасныя послѣдствія этого грѣха, ужасающіе размѣры, которые онъ принимаетъ; онъ не прощаетъ себѣ ошибочности сдѣланнаго расчета, непредусмотрительности въ отношеніи послѣдствій затѣяннаго преступленія. Его уязвляетъ стыдъ за свою оплошность, досада обманутой гордости на свое посрамленіе. Онъ судитъ о величіи своего грѣха по размѣрамъ его неудачи, по совершенному уничтоженію вложеннаго въ него плана. Это не полное признаніе грѣха въ его существѣ, это даже не раскаяніе, потому что проистекаетъ изъ горделивой досады на себя за непредусмотрѣнную ошибку!...

Совершенно иной источникъ сокрушенія ап. Петра о своемъ грѣхѣ. Конечно, и ему больно было почувствовать, что отреченіемъ отъ Господа онъ измѣнилъ своему завѣренію въ преданности Ему. Но не то, главнымъ образомъ, печалило его: источникомъ его горькихъ слёзъ было сознаніе и вмѣстѣ чувство, что грѣхомъ своимъ онъ глубоко преогорчилъ Госпо-

да. Прежде чѣмъ заплакать, онъ, сказано о немъ въ евангеліи, „*помяну слово Господне*“. Вспоминая это слово, т. е. предостереженіе отъ паденія, апостоль думаль о Господѣ, любви Котораго онъ не виаль, объ Учителѣ, Который проявляль къ нему столько пѣжной понечительности, сдѣлаль его однимъ изъ наиболѣе приближенныхъ учениковъ Своихъ, удостоиль его быть свидѣтелемъ сокровеннѣйшихъ явленій Своего Богочеловѣчества, показаль ему славу Свою на горѣ Преображенія, ему первому изрекъ блаженное обѣтованіе царства небеснаго (Мѡ. 16, 17—19), молитвенно заботилься о неоскуднѣніи въ немъ вѣры (Лк. 22, 32),—Который еще такъ недавно почтиль его порученіемъ сдѣлать необходимыя распоряженія о приуготовленіи горницы для послѣдней насхальной вечерни.. Возлюбленный ученикъ отвѣчалъ любвеобильному Учителю на любовь любовію, упреждалъ другихъ апостоловъ усердіемъ въ служеніи Ему, исповѣданіемъ вѣры въ Него, какъ Сына Божія, одинъ изъ среды апостоловъ имѣль дерзновеніе говорить съ нимъ свободно и дружественно,—но тѣмъ горше ему было сознавать, что онъ не соблюль этой любви до конца и огорчилъ своего Учителя, отвергнувъ Его любовь отреченіемъ отъ Него, какъ именно своего Учителя и Господа, оскорбилъ вмѣстѣ и самый священный предметъ своего сердца, самую дорогую и завѣтную святыню своей души. Не любовію къ себѣ и благамъ своей личной жизни жилъ онъ раньше, не своя слава, не свое благополучіе были предметомъ его помысловъ. Могъ ли онъ терзаться досаднымъ сознаніемъ собственнаго своего посрамленія въ грѣхонаденіи, какъ измѣны своему слову, какъ невѣрности себѣ? Нѣтъ, онъ не о себѣ думаль, въ своемъ раскаяніи онъ идетъ дальше и выше себя. Онъ жилъ любовію къ Господу, и ему горько, до слезъ горько чувствовать нанесенное имъ оскорбленіе этой любви. „Въ немъ возвысилься надъ бурнымъ волненіемъ его духа голосъ совѣти, по его собственному выраженію,—„*благой*“ (1 Петр. 3, 16), какъ вѣрной выразительницы воодуше-

влявшей его любви“, ¹⁾—и онъ оплакиваетъ свою грѣховную измѣну ей..

Душа человѣческая не можетъ не возмущаться и не трепетать, когда оскорбленъ основной законъ ея жизни, когда потрясено всё, что было въ ней самаго лучшаго и уважающаго для нея, съ чѣмъ привыкъ свѣрять человѣкъ движенія своего сердца, къ чему сводилъ всё свои помысленія, чѣмъ освѣщалъ каждый свой поступокъ, что было для него мѣркою въ оцѣнкѣ дѣйствій и другихъ лицъ. Въ каждомъ человѣкѣ есть такое дорогое ему сокровище, на которомъ сосредоточиваются его мысли и чувства, имъ приводятся въ движенія, изъ него выходятъ и къ нему возвращаются. Блаженными были бы люди, если бы этимъ сокровищемъ ихъ души всегда и для всѣхъ былъ Богъ и Его нравственный законъ. Тогда совѣсть безошибочно указывала бы каждому малѣйшія нарушенія имъ нравственнаго закона; каждый тогда судилъ бы себя за грѣхи по понятію о величій и святости Законодателя—Бога и горько сокрушался бы о нихъ, потому что, подобно ап. Петру, видѣлъ бы въ нихъ оскорбленіе святости Божіей. Только въ такомъ раскаяніи, гдѣ первою является мысль и чувство объ оскорбленіи Бога, только тамъ возможны полное признаніе грѣха, сокрушеніе о немъ и истинно-покаянной плачь.

Но, къ сожалѣнію и несчастію, далеко не всѣ люди сокровище своего сердца полагаютъ въ Богѣ. Вотъ, напр., Іуда. Сокровищемъ для него были деньги. Это былъ идолъ, которому онъ поклонялся и служилъ съ рабскою ревностью. Сухая расчётливость была началомъ, изъ котораго онъ выходилъ во всѣхъ своихъ сужденіяхъ и поступкахъ. За шесть дней до пасхи онъ выказалъ себя въ первый разъ тѣмъ Іудею, отъ котораго теперь отвращается всякая христіанская душа. Признательная къ Иисусу Христу за Его благодѣянія сестра Лазарева Марія, на одной вечери въ домѣ Симона прокаженнаго,

¹⁾ Изъ проп. в.-преосв. Иннокентія.

принесла „алавастръ муро нарднаго пистикіа многоцѣнна“ (Мрк. 14, 3) и, разбивъ сосудъ, возивала муро на главу Господа и мазала имъ ноги Его. Великодушный порывъ благодарнаго сердца наименѣе былъ понятенъ Іудѣ. „Чесо ради муро сіе не продано бысть на трехъ стѣхъ пѣнязь, и дано нищимъ“? (Іоан. 12, 5), сказалъ онъ; но „не яко о нищихъ печашеся, но яко тать бѣ, и ковчежець имѣаше, и вметаема пошаше“ (ст. 6). И исполнилось на немъ непреложное слово Писанія: „корень всѣмъ злымъ сребролюбіе есть: егоже нѣдци желающе заблудша отъ вѣры, и себе пригвоздиша болѣзнемъ многимъ“ (1 Тим. 6, 10). „Въ Іудѣ этотъ корень убилъ всѣ благородные порывы души и водворилъ въ ней адскую злобу. Сребролюбіе сдѣлало его татемъ, татьба сдѣлала лжецомъ, ложь—лицемѣромъ, лицемѣріе сдѣлало безсердечнымъ, безсердечіе—немилосерднымъ, немилосердіе—предателемъ, предательство—безумцемъ, и онъ „заблудилъ отъ вѣры“, къ которой былъ призванъ любовію Христа“¹⁾. Собирая сокровища для себя, а не въ Бога богатѣя (Лк. 12, 21), онъ предаеть своего Учителя и Господа за тридесять сребренниковъ, руководясь холоднымъ расчётомъ, что то страданіе, которое постигнетъ Учителя, отозвавшись, возможно, и въ немъ упреками совѣсти, съ избыткомъ вознаградится тѣмъ удовольствіемъ, которое онъ почерпнетъ въ утоленіи своей сребролюбивой страсти. Но расчётъ предателя не оправдался. Наказаніе, постигшее Господа, оказалось, противъ ожиданія Іудею, слишкомъ великимъ и ужаснымъ и слишкомъ больно уязвило его сознаниемъ допущенной опрометчивости. Всю жизнь свою вѣрившій въ себя и полагавшійся на свой умъ, гдѣ онъ будетъ искать себѣ опоры, когда такъ горько разочаровался въ себѣ и силѣ своего ума? Онъ ищетъ спасенія себѣ у людей такихъ же дурныхъ, какъ и онъ самъ,—идеть къ первосвященникамъ и отъ нихъ ждетъ слышать отзывъ о своемъ поступкѣ, втайнѣ, быть можетъ, питая надежду,

¹⁾ Изъ пропов. в.-преосв. Иннокентія Херсонскаго.

что преступленіе его не окажется по суду людскому такимъ низкимъ и гадкимъ, какимъ представляется ему, и не повлечетъ за собою всеобщаго осужденія и презрѣнія къ его безумію. Тщетная надежда! Первосвященники встрѣчаютъ его словами презрительнаго безучастія: „Что намъ до того? Смотри самъ“ (Мѡ. 27, 4). Слова ихъ были слишкомъ горькими для Іуды; они могли не уврачевать, а только еще болѣе растравить раскрывшіяся раны растерзаннаго его сердца. „Смотри самъ“... Но что же онъ могъ усмотрѣть самъ, когда уже и раньше не находилъ въ себѣ, въ глубинѣ своей души, никакой нравственной опоры для себя? Иное дѣло, если бы онъ жилъ раньше вѣрою въ Іисуса Христа,—тогда „онъ могъ бы еще усмотрѣть,—всѣ, что можетъ ожидать отъ Нехотящаго смерти грѣшника раскалвшійся грѣшникъ. Еще и Господь не былъ осужденъ окончательно, еще игемонъ имѣлъ власть „распяти“ Его и „пустити“. Еще Іуда могъ найти случай припасть къ Человѣколюбцу и заплатить за злодѣяніе подвигомъ любви и самоотверженія“¹⁾. Словомъ, еще онъ могъ бы узрѣть свое спасеніе, если бы имѣлъ въ себѣ искру вѣры и любви къ Спасителю. Но онъ этой вѣры не имѣлъ и ни въ кого не вѣрилъ, кромѣ себя. „Смотри самъ“... Самъ онъ могъ усмотрѣть для себя однѣ только бѣды и муки, имѣющія преслѣдовать его неизбѣжно, безсмѣнно, безповоротно. Представленіе ужаса этихъ бѣдствій и мукъ должно было холодить его душу. Его вѣчно будетъ терзать сознаніе, что онъ предалъ на смерть Сына Божія, „ибо онъ зналъ, что Богъ былъ съ Іисусомъ Христомъ, только не вѣрилъ онъ въ Его божество,—что онъ наложилъ руку на невиннаго, на святого, на Учителя и Благодѣтеля, наложилъ безсовѣстно, безжалостно, безбожно“²⁾... Его вѣчно будетъ преслѣдовать людское презрѣніе и другія бѣдствія, которыя трудно и предначертать, но, въ виду которыхъ, сказано о немъ: „добро бы

¹⁾ Оттуда же.

²⁾ См. тамъ же.

было ему, аще не бы родился человекъ той“ (Мѡ. 26, 24). „Страшная тоска овладѣваетъ несчастнымъ при представленіи ужасовъ его бѣдственной жизни. Послѣдній лучъ человѣческаго сознанія освѣщаетъ предъ нимъ еще разъ всю омерзительность его преступленія, и онъ повергнувъ сребренники въ церкви—эти жалкіе сребренники, которые теперь жгли его сердце, какъ раскаленные уголья. Первый притокъ вѣчной несвѣтимой тьмы помрачилъ предъ нимъ всѣ радости жизни, и онъ „отъиде, и шедъ удавился“¹⁾. Столь ужасенъ исходъ раскаянія, которое порождается стыдомъ за свою ошибку, досадой посрамленной гордости, скорбью, проистекающею отъ сознанія грѣха, но чуждою мысли о Богѣ и вѣры въ Него! Оно кончается не обращеніемъ грѣшника къ Богу, а вѣчной погибелю его.

Всякій заключить отсюда, какъ важно и спасительно умѣть вѣровать, чтобы имѣть возможность и способность истинно покаяться, и выводъ этотъ есть выводъ безспорный и истинный. Въ этомъ убѣждаетъ примѣръ ап. Петра. Его скорбь объ огорченіи имъ своимъ грѣхомъ Господа, выливаясь въ слезахъ, облегчавшихъ собою потрясенную его душу, производитъ въ немъ стремительное движеніе загладить свою вину. Но какъ и чѣмъ можетъ загладить еѣ грѣшникъ, желающій избѣжать гнѣва Божія? Не инымъ чѣмъ, какъ припадениемъ къ стопамъ Его—Человѣколюбиваго. „Хочешь ты избѣжать гнѣва Божія, говоритъ учитель церкви, блажен. Августинъ: бѣги бросься въ Его объятія“. Такъ поступаетъ ап. Петръ. Орошая лицо свое горькими слезами, онъ уходитъ со двора архіерейскаго, но не затѣмъ, чтобы скрыться отъ лица Божія совѣмъ: онъ уноситъ въ своей душѣ навсегда запечатлѣвшійся взоръ Христовъ на себя и въ этомъ взорѣ одновременно и строгое осужденіе Господомъ его грѣха и любовь Его къ нему, готовую простить его. Никуда не скроется апостоль отъ этого взора. Произженный имъ въ самое сердце, онъ про-

¹⁾ См. тамъ же.

никается сознаниемъ своего недостойнства присутствовать вблизи Господа и, чѣмъ больше смиряется предъ Нимъ, тѣмъ глубже исполняется благоговѣйной любви къ Нему—Безгрѣшному, и къ добру, которое любить Онъ; чѣмъ сильнѣе ненавидитъ свой грѣхъ, тѣмъ горячѣе припадаетъ стремленіемъ броситься въ объятія Господа за получениемъ прощенія, тѣмъ пламеннѣе возгорается готовностью больше не грѣшить и быть вѣрнымъ послѣдователемъ Господа. Если бы не такъ, развѣ возликовалъ бы ап. Петръ, услышавъ вѣсть о воскресеніи Господа, такъ сильно, что забылъ и скорбь, и стыдъ, и страхъ, забылъ и повелѣніе ангела—идти въ Галилею для встрѣчи Воскресшаго, по „возставъ, тече ко гробу“ Его (Лк. 24, 12)? Если бы не такъ, развѣ онъ былъ бы возстановленъ въ достоинствѣ апостола на созиданіе и спасеніе Христовой Церкви,—развѣ помнилъ бы о своемъ паденіи въ теченіе всей своей послѣдующей жизни, почерпая въ этомъ воспоминаніи предостереженіе отъ новыхъ грѣховъ и побужденіе къ неизмѣнно-доброй жизни? Слѣзы его не были, какъ у обыкновенныхъ смертныхъ, слезами скоро высыхающими. По свидѣтельству св. Климента, ученика ап. Петра, онъ во всю свою жизнь, при полуночномъ пѣніи пѣтуха, становился на колѣни и, обливаясь слезами, каялся въ своемъ отреченіи и просилъ прощенія, хотя оно и было дано ему Господомъ вскорѣ по воскресеніи. По сказанію другого церковнаго историка, глаза св. ап. Петра постоянно казались красными отъ частаго и горькаго плача. Такъ, истинное покаяніе, состоящее въ искреннемъ, чистосердечномъ признаніи грѣха, въ сокрушеніи о немъ, какъ оскорбленіи святости и величія Божія, сопровождается желаніемъ прощенія и рѣшимостью исправленія. Каяться въ существѣ дѣла значитъ перемѣнить жизнь, „и истинное покаяніе утверждаетъ грѣшника въ этой рѣшимости тѣмъ, что оставляетъ болѣзненное жало въ его сердцѣ, какъ бы для того чтобы постоянно напоминать ему, чѣмъ онъ былъ, когда Господу было угодно спасти его“¹⁾.

¹⁾ Архіеп. Иннокентій.

Не нужно быть пастыремъ—свидѣтелемъ человѣческой совѣсти, чтобы сказать, что наше время не изобилуетъ примѣрами чистосердечнаго, искренняго покаянія, покаянія съ мыслью о Богѣ, съ рѣшимостью избѣгать Его гнѣва обращеніемъ къ Нему—обращеніемъ полнымъ, полной готовностью благоугождать Ему въ своей жизни,—того покаянія, прекраснымъ образцомъ котораго является раскаяніе ап. Петра. Одновременно замѣтно учащаются печальные случаи насильственного пресѣченія личной жизни подъ впечатлѣніемъ постигшей человѣка неудачи, между прочимъ и вслѣдствіе обнаруженія сдѣланной имъ той или другой ошибки, простить себѣ которую и терпѣливо пережить онъ не находитъ у себя силъ.

Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что разгадка этого печальнаго явленія кроется, говоря вообще, въ утратѣ современными людьми живой вѣры въ Бога. Человѣкъ страшится еще тѣхъ постыдныхъ и преступныхъ дѣяній, за которыя можетъ обрушиться на него осужденіе всѣхъ окружающихъ его *людей*; онъ боится общественнаго приговора, дрожитъ подъ угрозой этого стыда, висящаго надъ его головой. Бываютъ случаи, когда не выносятъ общественнаго позора и лишаютъ себя жизни. Это Иудино раскаяніе, отъ него же, молится Церковь, избави, Боже, души наши! „Раскаяніе не есть тотъ стыдъ, который производитъ въ насъ мысль, что насъ будутъ судить другіе, и что въ одно мгновеніе можетъ обезславиться наше доброе имя. Нѣтъ, всё это мірское дѣло. Раскаяніе находится только въ сердцѣ, которое, не думая о людяхъ, но, взирая на Бога, и чувствуя, что имъ преогорченъ Богъ, повергается предъ Нимъ съ плачемъ о прощеніи и полною рѣшимостью объ исправленіи“¹⁾).

Вотъ эту истину съ особенною силою напечатлѣваетъ въ нашемъ сознаніи раскаяніе ап. Петра. Не предъ судомъ людской, часто погрѣшительной, совѣсти, по примѣру Иуды,

¹⁾ Берсье, бес. о раскаяніи.

слѣдуетъ христіанину испытывать свое душевное состояніе, а предъ лицомъ Господа Бога, Который испытуетъ теперь сердца человѣческія въ таинствѣ покаянія и будетъ испытывать ихъ въ послѣдній день на страшномъ судѣ Своемъ, когда не утаится отъ Него ни одинъ вздохъ грѣшника, ни „одна капля слезная, ниже капли часть иѣкая“.

А. Волгинъ.

Послѣдованіе святыхъ страстей Господнихъ въ древней Іерусалимской церкви.

(Общій очеркъ).

„Въ первый часъ ночи соберемся всѣ въ церковь, что на Елеонѣ, потому что сегодня, въ эту ночь, предстоитъ намъ великій трудъ“. Съ такими словами обращается архидіаконъ къ богомольцамъ при отпустѣ литургіи въ великій четвертокъ въ іерусалимскомъ храмѣ надъ Голгоѳою. И „каждый“, по окончаніи обѣдни,—а оно бывало часу въ девятомъ, или, по нашему счету, въ третьемъ дня,—„каждый спѣшитъ возвратиться въ свой домъ, чтобы вкусить пищу, потому что послѣ пищи всѣ идутъ на Елеонъ, въ ту церковь, гдѣ находится пещера, въ которой былъ въ этотъ день Господь съ апостолами“.

Этими замѣчаніями *предваряется*, такъ сказать, повѣствованіе о святыхъ страстяхъ Господнихъ въ древнѣйшемъ памятникѣ этого богослуженія Іерусалимской церкви „Паломничествѣ по святымъ мѣстамъ“ Сильвіи аквитанской, знатной западной путешественницы IV вѣка¹⁾. „Паломничество“

¹⁾ Peregrinatio ad loca sancta *Сильвіи аквитанской* издано въ подлинномъ латинскомъ текстѣ, съ русскимъ переводомъ и примѣчаніями акад. *И. В. Помяловскаго*, Правосл. Палестин. Обществомъ въ Сборникѣ т. VII, вып. второй, Сиб. 1889. Интересующая насъ служба изложена здѣсь на стр. 55—57 латинск. подлинника и 156—158 рус. перевода.

указываетъ начало всенощной службы подѣ Великую пятницу въ одной изъ двухъ церквей на горѣ Елеонской (расположенной къ востоку отъ Іерусалима) и именно—той *базиликѣ дивной красоты*, которая была воздвигнута св. царицею Еленою, матерью Константина Великаго, надъ пещерою, гдѣ Іисусъ Христосъ часто любилъ бесѣдовать съ учениками и гдѣ, въ общеніи съ ними, преподавая тайны, касающіяся исполненія временъ, онъ, согласно съ древнимъ вѣрованіемъ Іерусалимской церкви, провелъ нѣкоторое время и въ ночь Своихъ страданій предъ отходомъ на уединенную молитву о чашѣ въ Геосиманскій садъ. Здѣсь, въ базиликѣ св. Елены, и начиналась всенощная служба страстей Господнихъ, по указанію Сильвіи аквитанской. Но такъ было въ IV вѣкѣ; позднѣе IV вѣка служба начиналась не тамъ. Не такъ давно открытый памятникъ Богослуженія страстной и пасхальной седмицъ въ Іерусалимѣ, воспроизводящій богослужебную практику Іерусалимской церкви IX—X вѣка, указываетъ начало службы на *Сіонѣ*, въ церкви, построенной надъ тою *сіонскою горницею*, которая ознаменована была многими священными событіями изъ послѣднихъ дней земной жизни Господа Спасителя и первыхъ временъ христіанской церкви въ Іерусалимѣ, *матери* всѣхъ позднѣйшихъ христіанскихъ церквей¹⁾. По памятнику IX—X в., начало службы полагалось въ этомъ Сіонскомъ храмѣ очевидно въ воспоминаніе тайной вечери Христа съ учениками и умовенія ногъ. Служба страстей на Сіонѣ начиналась собственно послѣ шестопсалмія. Пѣвцы пѣли „аллилуія“, „Гда славни“, діаконъ произносилъ ектеню, а за нею патріархъ читалъ *первое*

¹⁾ Названный памятникъ издавъ дважды, — въ первый разъ А. А. Дмитріевскимъ съ переводомъ на рус. языкъ и весьма цѣнными научными примѣчаніями (Богослуженіе страстной и пасхальной седмицъ во св. Іерусалимѣ IX—X в. Казань, 1894), а во второй разъ, но болѣе исправному греческ. подлиннику, А. Пападопуло-Керамевсомъ (Прав. Палест. Сборникъ, т. II, Спб. 1894). Послѣдованіе службы страстей у перваго на стр.

евангеліе отъ Іоанна, въ которомъ изложена прощальная бесѣда Господа съ учениками, начатая Имъ еще въ сіонской горницѣ, — потомъ продолженная по пути въ Геосиманскій садъ и оконченная, какъ предполагаютъ, въ пещерѣ на Елеонской горѣ. По окончаніи евангелія, изъ сіонской церкви двигается торжественная процессія священнослужителей и народа по направленію къ Елеону. Величественное шествіе народа къ востоку отъ Сіона на Елеонскую гору, чрезъ потокъ Кедронскій, по долинѣ Іосафатовой, сквозь маслячныя рощи, ютившіяся по склонамъ Елеонской горы, сопровождается всю дорогу пѣніемъ литаніи, въ которую входятъ три антифона, съ начальною пѣснью: „Князи людстѣи собрашася“. Въ пѣсняхъ антифоновъ находятъ себѣ превосходное выраженіе мысли и чувства вѣрующихъ, переносящихся молитвеннымъ духомъ къ созерцанію всѣхъ подробностей послѣднихъ, такъ сказать, мигу жизни Спасителя на землѣ и отдавшихъ благоговѣнно—умиленному воспоминанію Его мучительныхъ страданій за спасеніе міра... Нельзя не видѣть, что по позднѣйшей практикѣ Іерусалимская церковь совершала послѣдованіе страстей Господнихъ еще болѣе торжественно, чѣмъ въ древности, присоединивъ къ этой службѣ торжественную литанію во время длиннаго пути съ Сіона на Елеонъ, каковой литаніи древность не знала¹⁾. Сильвія аквитанская ясно говоритъ, что первая часть службы идетъ въ одной елеонской базиликѣ и продолжается здѣсь значительное время, именно—съ перваго (по нашему—съ шестого) часа ночи (по нашему—вечера) „приблизительно до шестого“, т. е. до полуночи. Проходитъ она въ пѣніи антифоновъ, приличествующихъ, какъ выражается Сильвія, дню и мѣсту, и въ чтеніи тѣхъ евангелій, „въ которыхъ Господь бесѣдовалъ съ учениками въ этотъ день, сидя въ той пещерѣ, которая находится въ церкви“. Разумѣется, выражаясь такъ о составѣ службы, Сильвія

¹⁾ О вѣроятной причинѣ этого послѣдняго см. у *А. А. Дмитріевскаго*, стр. 356, примѣч. 2.

только *приблизительно*, но не точно отмѣчаетъ богослужебный матеріалъ, входившій въ составъ древнѣйшей службы страстей Господнихъ и, такъ обр., не даетъ возможности возстановить послѣднюю въ ея полнотѣ. Несомнѣнно, что со стороны пѣсеннаго содержанія она не могла быть такъ богато развита, какъ послѣ, въ вѣкъ великихъ пѣснотворцевъ, какимъ, напр., былъ Косма Маюмскій, но все таки и при Сильвіи аквитанской Іерусалимская церковь имѣла достаточно пѣсеннѣй въ своемъ церковномъ употребленіи.

Недочетъ въ повѣствованіи Сильвіи относительно состава службы на Елеонѣ восполняется памятникомъ IX—X в., который обстоятельно передаетъ все, даже мелкія подробности отдѣльныхъ литаній въ ночь страстей Господнихъ, и относительно дальнѣйшаго порядка службы указываетъ, что послѣ трехъ антифоновъ и *спѣвальна* за ними „На вечера ученики питал“, во время котораго богомольцы, вѣроятно, приготовлялись къ слушанію слѣдующаго за нимъ евангелія, читается отъ Іоанна *второе* евангеліе о взятіи Іисуса Христа римскою стражею въ саду Геосиманскомъ и о страданіяхъ Его въ домъ первосвященника Анны. Послѣ евангелія, „спускаемся“, говоритъ памятникъ IX—X в., „съ святой горы на мѣсто *поклоненія* (моленія)“, т. е. къ тому храму, который стоялъ на мѣстѣ моленія Христа о *чаши*. Въ этомъ случаѣ памятникъ XI—X в. нѣсколько расходится съ указаніями Сильвіи аквитанской. По ея описанію, изъ церкви надъ пещерою, гдѣ Христосъ бесѣдовалъ съ своими учениками, богомольцы поднимаются еще вверхъ, къ такъ называемому *Имвомону*, или храму на мѣстѣ вознесенія Спасителя на небо, а уже отсюда спускаются въ Геосиманію, къ мѣсту, гдѣ, опредѣляетъ Сильвія, молился Господь, какъ писано въ евангеліи: „и самъ отступи отъ нихъ, яко верженіемъ камене и моляшеса“. „На этомъ мѣстѣ“, прибавляетъ Сильвія, „есть изящная церковь; въ нее входитъ епископъ и весь народъ; произносится тутъ молитва, приличествующая мѣсту и дню, поется еще одна пѣснь, и читается соотвѣт-

ствующее мѣсто изъ евангелія, гдѣ сказали ученикамъ своимъ: „бдите, да не внидите въ напасть“.

Не упоминая о восхожденіи къ Ивмону, памятникъ IX—X в. соглашается однако съ Сильвіей въ указаніи литаніи при спускѣ съ Елеонской горы на мѣсто моленія Христа о чашѣ и, перечисляя исполнявшіяся при этомъ пѣсни трехъ слѣдующихъ антифоновъ и сѣдальна „Кій ты образъ, Іудо“, прибавляетъ, что здѣсь, на мѣстѣ моленія Спасителя о чашѣ, читалось *третье* евангеліе отъ Матѳея о страданіяхъ Спасителя у первосвященника Каіаѳы и объ отреченіи отъ Господа ап. Петра.

Въ Геѳсиманіи было еще священное для христіанъ то мѣсто, гдѣ Христосъ былъ взятъ воинами и слугами, пришедшими „отъ архіерей и фарисей“. Оно—нѣскольکو къ сѣверу отъ мѣста моленія и не въ далекомъ разстояніи отъ него; русскій паломникъ XII в. игуменъ Даніиль измѣряетъ это разстояніе „яко довержетъ челоуѣкъ каменемъ малымъ“. Въ десяти саженьяхъ отъ мѣста преданія, къ западу, уже выйдя изъ сада Геѳсиманскаго, хотя только въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него,—гробница Богоматери¹⁾. Сюда то, къ страшному мѣсту *преданія* Спасителя Іудою, въ началѣ Геѳсиманскаго сада, направляется процессія богомольцевъ. „Вслѣдствіе“, сообщаетъ Сильвія, „столь большого количества толпы, утомленія отъ бдѣній и изнуренія отъ ежедневныхъ постовъ, будучи принуждены спускаться съ столь высокой горы, идутъ въ Геѳсиманію при пѣснопѣніяхъ очень медленно“. При этомъ Сильвія добавляетъ, что въ Геѳсиманіи „бываетъ приготовлено множество свѣтильниковъ для свѣта всему народу“. Эти свѣтильники, очевидно, должны были напоминать о тѣхъ *свѣтилахъ* и *свѣщахъ*, которые принесли съ собою воины и слуги архіерейскіе и фарисейскіе, пришедши съ Іудою взять подъ

¹⁾ Правосл. Палест. Сборникъ т. I, вып. третій, Сиб. 1883, с. 36—37. С. А. Терновскаго—Очерки изъ церк.-исторической географіи, вып. I, Каз. 1899, с. 83.

стражу Иисуса Христа. „И когда придуть въ Геосиманію“, продолжаетъ Сильвія, „снова произносится приличествующая молитва, затѣмъ поется пѣснь и читается то мѣсто изъ евангелія, гдѣ взять Господь“. „Когда читается это мѣсто, то весь народъ съ плачемъ поднимаетъ такой крикъ и стонъ, что, можетъ быть, этотъ стонъ всего народа слышенъ въ городѣ“...

По памятнику IX—X в., въ геосиманскомъ храмѣ читается *четвертое* евангеліе отъ Іоанна о страданіяхъ Господа на судѣ у Пилата, и затѣмъ отсюда процессія направляется обратно къ городу, остановившись предварительно у храма св. Петра надъ пещерою, гдѣ апостоль горько оплакивалъ свое троекратное отреченіе отъ Христа. Этотъ храмъ св. Петра былъ въ виду Геосиманскаго сада, внѣ городской стѣны, восточнѣе Сіона и недалеко отъ него. Сюда медленно подвигается процессія усталыхъ богомольцевъ; дорогою поются шестый, одиннадцатый и двѣнадцатый антифоны и, по сѣдальнѣ „Егда предсталъ еси Каіафѣ, Боже“, въ храмѣ св. Петра читается *пятое* евангеліе отъ Матѳея объ отчаяннѣ предателя, о новыхъ страданіяхъ Христа у П. Пилата и объ осужденіи Господа на пропятіе. Сильвія ничего не сообщаетъ о литаніи къ храму св. Петра, равно какъ не говоритъ и о слѣдующей литаніи на *лиоостротонъ*. По ея описанію, изъ Геосиманіи богомольцы идутъ прямо къ городскимъ воротамъ и отъ нихъ, улицами города, направляются къ церкви Креста на Голгоѣ, гдѣ оканчивается остальное послѣдованіе службы. Но по памятнику IX—X в., прежде, чѣмъ притти на Голгоѣ, богомольцы заходятъ на *лиоостротонъ*, въ храмъ св. Софіи, построенный тамъ имп. Юстиніаномъ, и совершаютъ въ немъ литанію. Мѣстонахожденіе теперь храма св. Софіи, разрушеннаго, какъ извѣстно, арабами и обращеннаго съ VIII в. въ мусульманскую мечеть, составляетъ предметъ споровъ между изслѣдователями. Одни изъ нихъ видятъ остатки св. Софіи среди построекъ къ востоку отъ гроба Господня, тамъ, гдѣ арка „Ессе homo“, принадле-

жащая католикамъ. Другіе оспариваютъ это предположеніе и указываютъ св. Софію въ юго-восточномъ углу современнаго Іерусалима, на мѣстѣ турецкой мечети Ель-Акса¹⁾. Несомнѣнно одно, что св. Софія была построена на лиоостротонѣ—судилищномъ мѣстѣ, откуда П. Пилать изрекъ и смертный приговоръ Христу, — а судилище помѣщалось въ преторіи, внутри двора предъ дворцомъ, который былъ избранъ резиденціей П. Пилата, какъ правителя Іудеи, прибывшаго въ Іерусалимъ по случаю іудейскихъ праздниковъ. Но—открытый вопросъ, въ какомъ изъ трехъ тогдашнихъ дворцовъ въ Іерусалимѣ жилъ П. Пилать: въ дворцѣ ли Ирода В., въ крѣпости ли Антонія, или въ крѣпости Маккавеевъ... Въ IX—X в. христіане, конечно, не могли уже ходить къ св. Софіи на лиоостротонѣ, такъ какъ она перестала быть христіанскимъ храмомъ, но нашъ памятникъ содержитъ и эту, отмѣненную, вѣроятно, литанію, которая соединялась прежде съ храмомъ Софіи и совершалась по пути сюда отъ храма св. Петра. Послѣ антифоновъ и сѣдальна „Искупилъ ны еси отъ клятвы законныя“, въ Софіи читалось *шестое* евангеліе отъ Марка о веденіи Христа на Голгоѳу и о крестныхъ Его тамъ страданіяхъ. Послѣ евангелія процессія направлялась къ *Голоѳу*.

Въ вѣкъ Сильвіи аквитанской Голгоѳа съ примыкающими къ ней священными для христіанъ мѣстами, какъ гробница Іосифа Аримаѳейскаго, въ которой было положено тѣло Іисуса Христа, гробница Никодима, пустая цистерна, куда былъ брошенъ крестъ Христа,—эти всѣ св. мѣста были уже застроены цѣлымъ рядомъ грандіозныхъ сооруженій, принадлежавшихъ благочестивому усердію имп. Константина В. и матери его св. Елены. Сильвія отмѣчаетъ здѣсь храмъ Воскресенія на мѣстѣ гроба Господня, храмъ Креста—на мѣстѣ обрѣтенія животворящаго креста и Мартиріумъ—на мѣстѣ гол-

¹⁾ А. А. Дмитіревскаю — Богослуженіе страстной и пасх. седмиць... с. 364—390.

гоѣскихъ страданій Господа. По памятнику IX—X в., богомольцы, прежде голгоѣскихъ храмовъ, сначала посѣщаютъ „центръ земли“, находящійся, по указанію памятника, „въ срединѣ святого сада“. Сильвія точно опредѣляетъ положеніе „святого сада“. По ея словамъ, св. садъ находится между храмами Креста и Воскресенія, какъ бы отдѣля ихъ другъ отъ друга. Мѣсто св. сада „не покрыто и представляетъ какъ бы весьма обширный и красивый дворъ“¹⁾; какъ видно, пѣ-когда здѣсь былъ дѣйствительно садъ. На литаніи въ „центрѣ земли“—такъ называлось это мѣсто у іерусалимлянъ—пѣлись стихиры „Силенъ еси Ты, Господи, и истина Твоя окрестъ Тебе“ и блаженны. Здѣсь же читалось *седьмое* евангеліе отъ Матѳея о страданіяхъ Господа на крестѣ и дивныхъ знаменіяхъ, сопровождавшихъ Его смерть.

Отъ „центра земли“ идутъ къ *Краніеву мѣсту* (а по Сильвіи къ Кресту), гдѣ былъ распятъ Христосъ. Краніево мѣсто находится совсѣмъ близко отъ „центра земли“. Игуменъ Давидъ измѣряетъ разстояніе между ними въ двѣнадцать саженой²⁾. Такъ какъ это разстояніе весьма небольшое, то на литаніи къ Краніеву мѣсту поютъ только двѣ стихиры и прокимень „Раздѣлиша ризы“. Затѣмъ—*восьмое* евангеліе отъ Луки о молитвѣ Христа на крестѣ за враговъ и о раскаяніи одного изъ распятыхъ съ Нимъ разбойниковъ; далѣе псаломъ 50, „Спаси, Боже, люди Твоя“ и трипѣснецъ. Послѣ трипѣснца первый эксаностиларій „Разбойника благоразумнаго“, второй—„Зряци Ты повѣшена на крестѣ“ и—*девятое* евангеліе отъ Іоанна о словахъ Господа съ креста, обращенныхъ къ Богородицѣ и возлюбленному ученику ап. Іоанну, и о смерти Спасителя. Дальнѣйшее послѣдованіе службы страстей совершается на томъ же Краніевомъ мѣстѣ, которое какъ бы всецѣло теперь овладѣваетъ вниманіемъ богомольцевъ и приковываетъ ихъ къ себѣ. Поются стихиры не хвалитѣхъ и

¹⁾ Peregrinatio, p. 58 и с. 159.

²⁾ Прав. Пал. Сб. I, 3, с. 19.

великое славословіе; за славословіемъ слѣдуетъ *десятое* евангеліе отъ Марка о снятіи съ креста тѣла Иисусова и, послѣ нѣсколькихъ стихирь, читается послѣднее, *одиннадцатое* евангеліе отъ Марка о снятіи съ креста тѣла Иисусова и положеніи его въ новомъ гробѣ Іосифа Аримаѳейскаго ¹⁾). Одиннадцатымъ евангеліемъ, краткими молитвословіями и ектеней, собственно говоря, должна бы была оканчиваться служба страстей. Сильвія упоминаетъ только о *речи* епископа предъ отпускомъ, обращенной къ богомольцамъ касательно того, чтобы они не ослабѣвали въ ревности посѣщать и присутствовать за богослуженіями, „но имѣли надежду на Господа, Который за этотъ трудъ воздастъ большую награду“. Памятникъ IX—X в. указываетъ еще литанію къ *темницѣ*, гдѣ былъ заключенъ Господь, и къ „*ангельскому побѣдному*“ мѣсту. Темница и „ангельское побѣдное“ были въ атриумѣ храма Воскресенія, а „ангельское побѣдное“ служило скевофиликіей этого храма. Внутри темницы входятъ только патріархъ и архидіаконъ, чтобы совершить интересный обрядъ, имѣющей цѣлью паноминать бичеваніе Иисуса Христа въ темницѣ и несеніе Имъ креста на Голгоѳу. „Патріархъ съ архидіакономъ“, читаемъ въ памятникѣ IX — X в., входятъ въ „ангельское побѣдное“, сзади Краніева мѣста; беретъ (патріархъ) честный крестъ оттуда и несетъ его привязаннымъ на плечахъ своихъ. Архидіаконъ обвязываетъ ораремъ выю его и влечетъ его во святую темницу, и остается въ ней патріархъ. Сюда, въ св. темницу, совершается литія при пѣніи стихирь „Господи, осуди на Тя Іудей на смерть“ и гл. 6 „Днесь Владыка и Господь предстоить Пилату“. Мы предъ патріархомъ поемъ тропарь „Распеньшуся Тебѣ, Христе,“ прок.

¹⁾ Двѣнадцатое евангеліе по содержанию относится къ службѣ Великой субботы. Вотъ почему въ древнихъ типиконахъ оно и полагается въ Великую субботу, а на службѣ страстей читается только одиннадцать евангелій. Предполагаютъ, что въ послѣдованіи страстей двѣнадцатое евангеліе вошло просто „для округленія счета“. А. А. Дмитріевскій—Богослуж. стр. и пасх. седм. с. 392—393.

„Боже въ помощь мою“... Пророч. Захаріина чтеніе: „Тако глаголетъ Господь, прииму жезлъ мой добрый“, конецъ—„И вложихъ ихъ въ храмъ Господень въ горнило, якоже запо-вѣда ми Господь“. Затѣмъ ектенія и отпустъ.

Только съ наступленіемъ утра, хотя до восхода солнца (Сильвія), оканчивалась въ древнемъ Іерусалимѣ страстная служба въ ночь на в. пятокъ. Утомленный бдѣніемъ и длинными переходами народъ нуждается въ отдыхѣ. Но отдыхъ дается ему кратковременный. „Идите пока каждый въ свой домъ“, говоритъ епископъ народу послѣ окончанія службы: „посидите немного, и около *второго* (по нашему—седьмого) часа дня (утра) будьте готовы здѣсь, чтобы быть въ состояніи съ этого часа до шестого (по нашему—двѣнадцатаго) узрѣть святое древо Креста, вѣря каждый, что оно поможетъ его спасенію. Съ шестого же часа необходимо намъ всеѣмъ собраться въ этомъ мѣстѣ, т. е. предъ Крестомъ, чтобы потрудиться въ чтеніяхъ и молитвахъ до ночи“. Такъ передаетъ Сильвія; и изъ ея словъ видно, что все утро и начало дня въ в. пятокъ древніе іерусалимскіе христіане посвящали поклоненію святыни животворящаго Креста Господня¹⁾. Служба въ храмѣ начиналась тогда только въ 12-мъ часу дня. Этотъ же порядокъ распредѣленія дня в. пятка наблюдается и въ IX—X в. Въ шестомъ часу дня (по нашему—двѣнадцатомъ) начиналось, въ IX—X в., на Голгоѣѣ „Послѣдованіе съ Богомъ часовъ“...

Торжественно и трогательно, въ бдѣніи и непрестанной молитвѣ, проводила древняя Іерусалимская церковь ночь страданій Господа. Шагъ за шагомъ водила она богомольцевъ по мѣстамъ, освященнымъ стопами Господа въ послѣдніе часы Его земной страдальческой жизни, и глубоко назидаетъ

¹⁾ Интересно замѣтить, что въ древней Константинопольской церкви утромъ въ Великій пятокъ также совершалось поклоненіе святыни, именно *св. копыю*, которымъ Спаситель прободенъ былъ въ ребра на крестѣ. Св. копые было передано въ Константинополь изъ Іерусалима въ 614 году.

тельными при этомъ службами—литаніями старалась сильнѣе запечатлѣть спасительныя событія въ душѣ вѣрующихъ. Она создала дивный, превосходный и по содержанію и по религіозно-поэтической формѣ, чинъ страстей Господнихъ, воспроизводящій всѣ подробности ночи мученій Господа. Теперь Іерусалимская церковь, поднавши гнету турецкаго ига, оставила, конечно, свои древніи литаніи по св. мѣстамъ, но она сохранила однако, неприкосновеннымъ чинъ страстей Господнихъ и торжественно совершаетъ его въ святогробскихъ храмахъ... Мы, живя вдали отъ Іерусалима, не имѣемъ счастья присутствовать лично у св. мѣсть въ знаменательные дни Страстной седмицы. Но владѣя богослужебнымъ сокровищемъ послѣдованій, полученныхъ Русскою церковью изъ Іерусалима, мы имѣемъ полную возможность, находясь въ храмѣ, переноситься благоговѣйною душою къ святымъ мѣстамъ Іерусалима и мысленно сопутствовать Господу на его страстномъ пути.

Н. Пальмовъ.

Чинъ умовенія ногъ, совершаемый нынѣ въ Иерусалимѣ и на островѣ Патмосѣ.

Въ службѣ Великаго четверга страстной Седмицы „чинъ умовенія ногъ“, совершаемый у насъ въ Россіи архіереями почти во всѣхъ кафедральныхъ соборахъ, привлекаетъ всегда множество богомольцевъ и производитъ на нихъ глубокое и умиленное впечатлѣніе. Гораздо болѣе сильное впечатлѣніе этотъ обрядъ производитъ на тысячи разноплеменныхъ паломниковъ въ самомъ Иерусалимѣ, такъ сказать, на мѣстѣ своего установленія, чему въ значительной степени содѣйствуютъ тѣ любопытныя подробности этого чина, которыми обставлено здѣсь совершеніе его, и которыя у насъ неизвѣстны.

Къ совершенію „чина умовенія ногъ“ въ Иерусалимѣ, въ виду сложности его обрядовъ и положенныхъ въ немъ многочисленныхъ монологовъ, участвующіе въ немъ іеромонахи

начинають готуватися заранѣ, чтобы незнаніємъ своихъ отвѣтовъ не производить безпорядка и замѣшательства въ стройномъ теченіи самаго чина. Каждый изъ участниковъ обряда получаетъ имя одного изъ апостоловъ.

Мѣстомъ совершенія чина умовенія ногъ служитъ открытая площадь предъ южными дверями храма Воскресенія. На этой площади устроится довольно высокій помостъ (τὸ ἀνώγειον), окруженный барьеромъ и имѣющій со стороны восточной, отъ Аврааміевскаго монастыря, входную дверь съ лѣстницею въ нѣсколько ступенекъ. Весь помостъ устилается роскошными коврами. Посрединѣ помоста ставится высокій столъ, покрытый пеленою и окруженный двѣнадцатью свѣчами, расположенными въ кругѣ около большой свѣчи, стоящей на столѣ. На столъ полагается свернутое шелковое полотенце, а подъ столъ ставится серебряная лаханъ съ умывальникомъ. Противъ входной двери за столомъ ставится золоченое кресло для патріарха, а по сторонамъ скамьи или табуреты въ количествѣ шести для участниковъ обряда—іеромонаховъ. За патріаршимъ сѣдалищемъ водружается большой запрестольный крестъ, а по сторонамъ барьера располагаются репиды. У стѣны Аврааміевскаго монастыря, на значительной высотѣ отъ полу, устроится возвышенный амвонъ для чтеца евангелія, убранный маслячними вѣтвями.

Съ ранняго утра кровли храма Воскресенія, Аврааміевскаго монастыря, геосиманскаго подворья, минареть сосѣдней мечети и вся площадь передъ храмомъ переполняются народомъ, желающимъ хотя что-нибудь видѣть изъ происходящаго на упомянутомъ помостѣ. Мѣста, удобныя для созерцанія, состоятельными богомольцами берутся прямо съ бою и за большія деньги. Многочисленныя наряды турецкаго войска едва могутъ сдерживать натиски многотысячной толпы пилигримовъ и съ большими усиліями устанавливаютъ порядокъ.

Литургію патріархъ совершаетъ въ этотъ день въ храмѣ апостола Іакова, брата Господня, въ сослуженіи двѣнадцати іеромонаховъ, назначенныхъ къ участию въ чинѣ умовенія

ногъ. По окончаніи литургіи, послѣ возгласа: „Благословеніе Господне на васъ“, пѣвцы начинаютъ пѣть 50 псаломъ, и процессія выходитъ изъ храма на площадь, гдѣ устроены возвышенный помостъ. Предъ началомъ шествія изъ храма по обѣимъ сторонамъ царскихъ дверей ставится по два подсвѣчника съ зажженными свѣчами, сюда же выходятъ изъ алтаря іеромонахи, участники обряда умовенія ногъ, и располагаются по шести на каждой сторонѣ. Патріархъ, взявши съ престола св. Евангеліе, вручаетъ его самому голосистому іеродіакону, назначенному для чтенія евангелія во время совершенія обряда.

Выходитъ изъ храма процессія въ такомъ порядкѣ: впереди расчищаютъ дорогу процессіи патріаршіе кавасы съ своими обычными булавами, за ними идутъ пѣвчіе, далѣе мальчишки въ стихаряхъ съ подсвѣчниками, на которыхъ горятъ свѣчи, затѣмъ послушники въ стихаряхъ съ репидами, потомъ діаконы съ дикиріемъ и трикиріемъ и кадильницами, затѣмъ священники—участники обряда попарно и, наконецъ, самъ патріархъ съ крестомъ въ рукахъ. Вся процессія останавливается на время близъ дверей храма Воскресенія, а епископъ, имѣя въ рукахъ кувшинъ съ розовою водою, которою омываются ноги участниковъ обряда, подходитъ къ устроенному возвышенію и останавливается близъ лѣстницы его.

Назначенный чтець евангелія восходитъ на амвонъ и оттуда громогласно возглашаетъ: „И о сподобитися намъ слышанію святаго евангелія“... Патріархъ: „Миръ всѣмъ“. Чтець: „Отъ Матѳея святаго евангелія чтеніе“. „Вонмемъ“. „Во время оно, призвавъ Іисусъ дванадесяте ученики своя, рече имъ“.

Патріархъ, обращаясь къ пресвитерамъ, участникамъ обряда умовенія, продолжаетъ: „Вѣсте, яко по двою дню пасха будетъ, и Сынъ чловѣческой преданъ будетъ на пропятіе“ (Матѳ. XXVI, 2).

Архидіаконъ читаетъ: „Прииде же день опрѣсноковъ въ онъже подобаше жрети пасху: и посла Петра и Іоанна рекъ“.

Патріархъ, обращаясь къ іеромонахамъ, носящимъ имена этихъ апостоловъ, продолжаетъ: „Шедша уготовайте намъ пасху, да ямы“.

Чтець: „Она же рекоста ему“.

Іеромонахи, представляющіе апостоловъ Петра и Іоанна, продолжаютъ: „Господи, гдѣ хочещи уготоваемъ ти ясти пасху“. (Матѳ. XXVI, 17).

Чтець: „Онъ же рече имъ“.

Патріархъ продолжаетъ, обращаясь къ Петру и Іоанну: „Идита во градъ: и срящеть васъ человекъ въ скуделницѣ воду нося: по немъ идита, и идѣже аще увидеть, рцыта господину дому, яко Учитель глаголетъ: гдѣ есть виталница, идѣже пасху со ученики мои снѣмъ: ту уготовайта памъ“ (Марк. XIV, 13—15).

Іеромонахи, изображающіе Петра и Іоанна, идутъ къ еклісіарху, стоящему у возвышенія, и говорятъ: „Учитель глаголетъ: гдѣ есть виталница, идѣже пасху снѣмъ со ученики моими (ст. 14)“?

Еклісіархъ, указывая на возвышеніе, отвѣчаетъ: „*Смце есть*“¹⁾.

Посланные возвращаются къ патріарху и говорятъ: „Господи, уже готова есть вся“.

Послѣ этого патріархъ и всѣ, участвующіе въ чинѣ умовенія ногъ, шествуютъ уже на возвышеніе: впереди идутъ несущій большой патріаршій крестъ и четыре послушника съ ренидами, которые становятся внизу по обѣимъ сторонамъ лѣстницы, ведущей на возвышеніе, далѣе діаконы съ дикиріемъ и трикиріемъ и кадильницами въ рукахъ, совершая кажденіе

¹⁾ Этого отвѣта и слѣдующаго у евангелистовъ нѣтъ. Въ евангеліи Матѳея говорится: „И сотвориша ученицы, якоже повелѣ имъ Іисусъ, и уготоваша пасху“ (XXVI, 19). Въ евангеліи Марка: „Издоста ученика его, и приидоста во градъ, и обрѣгоста, якоже рече има: и уготоваста пасху“ (XIV, 16). И вечеру бывшу прииде со обѣманадесяте“ (стр. 17).

предъ патріархомъ и, наконецъ, іеромонахи по два въ рядъ. Всѣ восходятъ на возвышеніе, при пѣніи пятой пѣсни канона съ ея тропарями. Предъ тѣмъ, какъ патріархъ и двѣнадцать іеромонаховъ займутъ свои мѣста за столомъ и начнутъ садиться, чтець евангелія возглашаетъ: „И егда бысть часъ, возлеже и обанадесяте апостоли съ нимъ. И рече къ нимъ“.

Патріархъ продолжастъ: „желаніемъ возжелѣхъ сію пасху ясти съ вами, прежде даже не прииму мукъ: глаголю бо вамъ, яко отсель не имамъ ясти отъ нея, дондеже скончуются во царствіи Божіи“ (Лук. XXII, 14—16).

Непосредственно послѣ этихъ словъ патріарха пѣвцы начинаютъ пѣть стихиры самогласныя умовенія: „Лентіемъ препоясавыйся и омывъ ноги учениковъ, Христе Боже“ и проч., положенныя въ обычномъ чинѣ умовенія. Одинъ изъ діаконовъ произноситъ великую ектенію на освященіе воды умовенія съ прибавкою прошеній о благочестивыхъ и православныхъ христіанахъ, о патріархѣ и о св. градѣ. По возгласѣ патріарха: „Яко ты еси освященіе“, читаются патріархомъ положенныя въ обычномъ чинѣ умовенія погъ молитвы: „Боже преблагій, неприступный Божествомъ“ и главопреклонная: „Господи Боже нашъ, показавый намъ мѣры смиренія“. Патріархъ и участники обряда въ это время стоятъ, а по окончаніи молитвъ снова садятся на свои мѣста.

Архидіаконъ съ амвона возглашаетъ: „И о сподобитися намъ“. Патріархъ: „Миръ всѣмъ“. Архидіаконъ: „Отъ Іоанна святаго евангелія чтеніе“, и по возглашеніи: „Вопмемъ“, читаетъ: „Во время оно, вѣдый Іисусъ, яко вся даде ему Отець въ руцѣ, и яко отъ Бога изыде, и къ Богу грядеть: воставъ отъ вечери, и положи ризы, и приемъ лентіонъ, препоясая. Потомъ влія воду во умывальницу, и начатъ умывати ноги ученикомъ, и отирати лентіемъ, имже бѣ препоясанъ (Іоан. XIII, 3—5).

При словахъ архидіакона: „Воставъ отъ вечери“, патріархъ подымается съ своего сѣдалища и начинаетъ снимать съ себя облаченіе, оставаясь только въ подризникѣ и поручахъ, а

затѣмъ, подпоясавшись шелковымъ бѣлымъ лентіемъ, беретъ изъ-подъ стола серебряный тазъ въ лѣвую руку, а въ правую умывальникъ и начинаетъ умывать ноги пресвитеровъ. Умовеніе начинается съ младшаго іеромонаха, занимающаго мѣсто по правую сторону патріаршаго сѣдалища. Омывается каждому изъ іеромонаховъ лишь одна нога, которую патріархъ, послѣ того какъ оботретъ ее лентіономъ, потомъ и цѣлуетъ. Во все это время чтець евангелія медленно и на распѣвъ повторяетъ указанныя слова евангелія отъ Іоанна. Когда патріархъ приблизится къ послѣднему изъ іеромонаховъ, изображающему Симона Петра (честь эта большею частію предоставляется нашему архимандриту и начальнику іерусалимской миссіи), чтець евангелія читаетъ: „Прииде же къ Симону Петру: и глагола ему той“.

Іеромонахъ, изображающій Симона Петра, вставъ продолжаетъ: „Господи, ты ли мои умыши нозѣ“¹⁾?

Чтець евангелія; „Отвѣща Іисусъ и рече ему“.

Патріархъ: „еже азъ творю, ты не вѣси нынѣ, уразу-мѣши же по сихъ“.

Чтець: „глагола ему Петръ“.

Іеромонахъ, изображающій Петра: „не умыши ногу моею во вѣки“.

Чтець: „отвѣща ему Іисусъ“.

Патріархъ: „аще не умыю тебе, не имаша части со мною“.

Чтець: „глагола ему Симонъ Петръ“.

Іеромонахъ, изображающій апостола Петра: „Господи, не нозѣ мои токмо, но и рудѣ и главу“.

Чтець: „глагола ему Іисусъ“.

Патріархъ: „измовенный не требуетъ, токмо нозѣ умыти, есть бо весь чистъ: и вы чисти есте, но не вси“.

¹⁾ Замѣчаніе Арсенія Суханова: „съ Петромъ никакихъ речей не говорилъ (т. е. патріархъ), якоже у насъ“ (Проскинитарій. Казань 1870, стр. 87), пужно отнести къ числу недоразумѣній или неточностей нашего путешественника.

Чтець: „вѣдѣше бо предающаго его: сего ради рече, яко не вси чисти есте“ (ст. 6—11).

Іеромонахъ, изображающій Симона Петра, садится на свое мѣсто, и патріархъ, омывъ его ногу, цѣлуетъ ее.

По окончаніи умовенія ногъ, патріархъ ставитъ тазъ съ рукойникомъ на прежнее мѣсто, кладетъ полотенце на столъ и начинаетъ облачаться въ священныя одежды, при чемъ архидіаконъ на амвонѣ возглашаетъ: „Отъ Іоанна святаго евангелія чтеніе“ и читаетъ: „Во время оно, егда умы ноги ихъ, пріять ризы своя, возлегъ паки, рече имъ“ (ст. 12).

Облачившись, патріархъ садится на свое мѣсто и, обратившись къ пресвитерамъ, говоритъ: „Вѣсте ли что сотворихъ вамъ; Вы глашаете мя Учителя и Господа: и добръ глаголете, есмь бо. Аще убо азъ умыхъ ваши носъ, Господь и Учитель, и вы должны есте другъ другу умывати носъ. Образъ бо дахъ вамъ, да, яко же азъ сотворихъ вамъ, и вы творите. Аминь, аминь глаголю вамъ: нѣсть рабъ болій господа своего ни посланникъ болій посланнаго его. Аще сія вѣсте, блажени есте, аще творите я. Не о всѣхъ васъ глаголю: азъ бо вѣмъ, ихже избрахъ: но да писаніе сбудется: ядый со мною хлѣбъ, воздвиже на мя пяту свою (ст. 13—18).

Чтець на амвонѣ возглашаетъ: „Сія рекъ Іисусъ возмутися духомъ, и свидѣтельствова, и рече“.

Патріархъ продолжаетъ: „Аминь, аминь глаголю вамъ, яко единъ отъ васъ предасть мя“.

Архидіаконъ: „Сзирахуся убо между собою ученицы недоумѣющеса, о комъ глаголетъ. Бѣ же единъ отъ ученикъ его возлежа на лонѣ Іисусовѣ, егоже любяше Іисусъ. Поману же сему Симонъ Петръ вопросити, кто бы былъ, о немже глаголетъ. Нападъ же той на перси Іисусовы, глагола ему (ст. 21—25).

Іеромонахъ, изображающій апостола Іоанна, обратившись къ патріарху, продолжаетъ: „Господи, кто есть *предай* ¹⁾ Тя“? (ст. 25).

¹⁾ Въ евангеліи нѣтъ словъ: „предай Тя“. Вообще подчеркнутыхъ словъ въ евангеліи не находимъ.

Чтець евангелія: „Глагола ему Исусъ“.

Патріархъ продолжаетъ: „Омочивый со мною въ солило руку (Матѳ. XXVI, 23). Сынъ убо челоувѣскій идетъ, яко же есть писано о немъ: горе же челоувѣку тому, имже Сынъ челоувѣскій предается“ (ст. 24).

Архидіаконъ на амвонѣ читаетъ: „*Рече же имъ Исусъ паки*“.

Патріархъ продолжаетъ: „Чадца, еще съ вами мало есмь: възыщете мене, и якоже рѣхъ Іудеомъ, яко аможе азъ иду, вы не можете пріити: и вамъ глаголю нынѣ. Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга: якоже возлюбихъ вы, да и вы любите себе. О семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою“.

Архидіаконъ читаетъ: „глагола ему Симонъ Петръ“.

Іеромонахъ, изображающій апостола Петра: „Господи, камо идеши“?

Архидіаконъ читаетъ: „Отвѣща ему Исусъ“.

Петріархъ: „Аможе азъ иду, не можеша нынѣ по миѣ ити: послѣди же по миѣ идеши“.

Архидіаконъ: „Глагола ему Петръ“.

Іеромонахъ, изображающій апостола Петра, продолжаетъ: „Господи, почто не могу нынѣ по Тебѣ ити; (нынѣ) душу мою за Тя положу“.

Архидіаконъ: „Отвѣща ему Исусъ“.

Патріархъ: „Душу ли твою за Мя положиши; аминь аминь глаголю тебѣ, не вогласитъ а лекторъ, дондеже отвержешися мене трици“ (Іоан. XIII, 33—38).

Чтець евангелія: „*Рече же имъ Исусъ паки*“.

Патріархъ: „Да не смущается сердце ваше: вѣруйте въ Бога, и въ Мя вѣруйте. Въ дому Отца моего обители многи суть: аще ли же ни, реклъ быхъ вамъ: иду уготовати мѣсто вамъ. И аще уготовлю мѣсто вамъ, паки пріиду и поиму вы къ себѣ: да идѣже есмь азъ, и вы будете: и аможе азъ иду, вѣсте, и путь вѣсте“.

Архидіаконъ: „Глагола ему Ѳома“.

Иеромонахъ, изображающій апостола Θому: „Господи, не вѣмы, камо идеши: и како можемъ путь вѣдѣти“?

Чтець евангелія: „Глагола ему Исусъ“.

Патріархъ продолжаетъ: „Азъ есть путь и истина и животъ: никтоже придетъ ко Отцу, токмо мною. Аще вы бысте знали, и Отца моего знали бысте убо: и отсель познасте его, и видѣсте его“.

Чтець евангелія: „Глагола ему Филиппъ“.

Иеромонахъ, изображающій апостола Филиппа: „Господи покажи намъ Отца, и довлѣетъ намъ“.

Чтець евангелія: „Глагола ему Исусъ“.

Патріархъ: „Толико время съ вами есмь, и не позналъ еси мене, Филиппе; видѣвый мене, видѣ Отца: и како ты глаголеши: покажи намъ Отца“ (XIV, 1—9).

Чтець съ амвона читаетъ: „*Рече же имъ Исусъ паки*“.

Патріархъ: „Аще любите мя, заповѣди моя соблюдайте (ст. 15). Еще мало, и мѣръ ктому не увидитъ мене, вы же увидите мя: яко азъ живу, и вы живи будете (ст. 19). Имѣяй заповѣди моя и соблюдаяй ихъ, той есть любяй мя: а любяй мя, возлюбленъ будетъ Отцемъ моимъ: и азъ возлюблю его, и явлюся ему самъ“.

Чтець евангелія: „Глагола ему Іуда не-Искаріотскій“.

Иеромонахъ, изображающій апостола Іуду: „Господи, и что бысть, яко намъ хоцещи явитися, а не мірови“.

Чтець евангелія: „Отвѣща Исусъ и рече ему“.

Патріархъ: „Аще кто любитъ мя, слово мое соблюдетъ: и Отець мой возлюбитъ его, и къ нему придетъ, и обитель у него сотворитъ. Не любяй мя, словесъ моихъ не соблюдетъ“ (ст. 21—24).

Чтець евангелія: „*Паки же Исусъ рече ученикомъ своимъ*“.

Патріархъ: „Все вы соблазнитесь о мнѣ въ ночь сію. Писано бо есть: поражу пастыря, и разыдутся овцы стада (Матѣ. XXVI, 31). Вмалѣ, и не видите мене: и паки вмалѣ, и узрите мя, яко Азъ иду ко Отцу моему“ (Іоан. XVI, 16).

Чтець евангелія: „*Отвѣща Матѳеѣ и глагола ко ученикомъ*“¹⁾.

Іеромонахъ, изображающій апостола Матѳея: „Что есть сіе, еже глаголетъ намъ: вмалѣ, и не видите мене: и паки вмалѣ, и узрите мя, яко азъ иду ко Отцу моему“.

Чтець: „*Тогда глагола Варѳоломей*“²⁾.

Іеромонахъ, изображающій апостола Варѳоломея, продолжаетъ: „что сіе есть, еже глаголетъ намъ, вмалѣ?“.

Чтець: „*Глагола имъ Симонъ Кананитскій*“³⁾.

Іеромонахъ, изображающій апостола Симона Кананита: „Не вѣмы, что глаголетъ“.

Чтець: „Разумѣ же Іисусъ, яко хотяху его вопрошати, и рече имъ“.

Патріархъ продолжаетъ: „О семъ ли стязаетеся между собою, яко рѣхъ: вмалѣ, и не видите мене: и паки вмалѣ, и узрите мя; Аминь аминь глаголю вамъ, яко восплачетесь и возрыдаете вы, а мѣръ возрадуется: вы же печальни будете, но печаль ваша въ радость будетъ. Жена егда рождаетъ, скорбь иматъ, яко прииде годъ ея: егда же родить отроча, ктому не помнитъ скорби за радость, яко родися человекъ въ мѣръ. И вы же печаль имате убо нынѣ: и паки же узрю вы, и возрадуется сердце ваше и радости вашей никто же возметъ отъ васъ. И въ тотъ день мене не воспросите ничего (Іоанн. XVI, 17—23). Сія въ притчахъ глаголахъ вамъ: но приидеть часъ, егда ктому въ притчахъ не глаголю вамъ, но явѣ о Отцѣ возвѣщу вамъ“ (ст. 25).

Чтець евангелія: „*Глагола ему Іаковъ Алѳеевъ*“⁴⁾.

Іеромонахъ, изображающій апостола Іакова Алѳеева, продолжаетъ: „Се нынѣ не обвинуяся глаголеши, а притчи ни коея же глаголеши“.

¹⁾ Въ евангеліи Іоанна: „Рѣша же отъ ученикъ его къ себѣ“ (ст. 17).

²⁾ Тамъ же: „Глаголаху убо“ (ст. 18).

³⁾ Въ евангеліи нѣтъ соотвѣствующихъ словъ.

⁴⁾ Въ евангеліи: „Глаголаша ему ученицы его“ (ст. 29).

Чтець евангелія: „Глагола ему Іаковъ Заведеевъ“ ¹⁾.

Іеромонахъ изображающій апостола Іакова Заведеева: „Нынѣ вѣмы, яко вѣси вся, и не требуеши, да кто тя вопрошаетъ“.

Чтець: „глагола ему Андрей“ ²⁾.

Іеромонахъ, изображающій апостола Андрея: „О семь вѣруемъ и вѣмы истинно, яко отъ Бога изшелъ еси“.

Чтець: „глагола ему Іисусъ“ ³⁾.

Патріархъ: „Нынѣ ли вѣруете; се грядетъ часъ, и нынѣ прииде, да разыдется кійждо во своя, и мене единого оставите: и нѣсмь единъ, яко Отець со мною есть. Сія глаголахъ вамъ, да во мнѣ миръ имате. Въ мѣрѣ скорбни будете, но держайте, яко азъ побѣдихъ мѣръ“ (ст. 29—33).

Чтець евангелія: „Сія глагола Іисусъ, и возведе очи свои на небо и рече“.

Патріархъ ⁴⁾, возведя очи и руки горѣ, произноситъ: „Отче, прииде часъ: прослави Сына твоего, да и Сынъ твой прославить тя (XVII, 1). Азъ прославихъ тя на земли, дѣло совершихъ, еже далъ еси мнѣ да сотворю. И нынѣ прослави мя ты, Отче, у тебе самага славою, юже имѣхъ у тебе,

¹⁾ Въ евангеліи нѣтъ этихъ словъ.

²⁾ Тоже самое.

³⁾ Въ евангеліи: „Отвѣща имъ Іисусъ“ (ст. 31).

⁴⁾ Въ чинѣ прежней редакціи положено было изображать патріарху и молящагося Спасителя въ саду Геосиманскомъ, который обыкновенно представляла бесѣдка, обставленная иконами, устроявшаяся подъ амвономъ архидіакона. „Архіерей, совершавшій обрядъ умовенія ногъ вмѣсто отсутствовавшаго патріарха, по словамъ одного русскаго инока-паломника въ 1858 году, сошелъ внизъ (съ помоста) и молился въ упомянутой пещерѣ, а въ это время трое, носившіе имена апостоловъ Петра, Іакова и Іоанна, сидѣли на нижнихъ ступеняхъ помоста“ (Душен. Чтен. 1863, Март., стр. 281), изображая, очевидно, спящихъ апостоловъ въ селеніи Геосиманскомъ. Объ этомъ моментѣ въ чинѣ умовенія ногъ въ Іерусалимѣ упоминаетъ и позднѣйшій 1881 г. паломникъ о. А. Анисимовъ въ своихъ „Путевыхъ запискахъ русскаго пастыря о священномъ Востока“ . Изюмъ 1886, стр. 297. Исключенъ былъ этотъ моментъ изъ чина въ 1885 году, по распоряженію іерусалимскаго патріарха Никодима I.

прежде міръ не бысть. Явихъ имя твое челоувѣкомъ, ихже далъ еси мнѣ отъ міра: твои бѣша, и мнѣ ихъ далъ еси: и слово твое сохраниша (стр. 4—6). Отче святой, соблюди ихъ во имя твое, ихже далъ еси мнѣ, да будутъ едино, якоже и мы. Егда бѣхъ съ ними въ мірѣ, азъ соблюдахъ ихъ во имя твое: ихже далъ еси мнѣ, сохранихъ, и никтоже отъ нихъ погibe, токмо сынъ погибельный: да сбудется писаніе (ст. 11—12). Не о сихъ же молю токмо, но и о вѣрующихъ словесе ихъ ради въ мя (ст. 20). Отче, ихже далъ еси мнѣ, хощу, да идѣже есмь азъ, и тѣи будутъ со мною: да видятъ славу мою, юже далъ еси мнѣ, яко возлюбилъ мя еси прежде сложенія міра. Отче праведный, и міръ тебе не позна, азъ же тя познахъ, и сіи познаша, яко ты мя послалъ еси. И сказахъ имъ имя твое, и скажу: да любы, еюже мя еси возлюбилъ, въ нихъ будетъ, и азъ въ нихъ“ (ст. 24—26).

Чтець на амвонѣ послѣ этого заключаетъ евангельское чтеніе: „И сіа рекъ Исусъ, изыде со ученики своими на онъ полъ потока Кедрска, идѣже бѣ вертоградъ, въ онъже вииде самъ и ученицы его“ (XVIII, 1).

Діаконъ на возвышеніи возглашаетъ: „Господу помолимся“, патріархъ читаетъ послѣднюю молитву чина умовенія ногъ: „Господи Боже нашъ, иже по мнозѣи милости твоей истощивый себе и зракъ раба пріемый“. Послѣ этой молитвы поднимается патріархъ и всѣ участники обряда съ своихъ сѣдалищъ, при чемъ патріархъ трикиріемъ благословляетъ на всѣ стороны народъ при пѣніи „Σίς πολλὰ ἔτι, δέσποτα“.

Затѣмъ, спустившись съ возвышенія, патріархъ съ площади храма Воскресенія въ полномъ облаченіи, въ сопровожденіи всего духовенства, при пѣніи антифоновъ 4 гласа, торжественно шествуетъ по улицамъ города до патріархіи и тамъ, при пѣніи многолѣтія, снимаетъ съ себя священныя облаченія. Всѣ участники торжества угощаются патріархомъ въ патріархіи.

Проф. А. Дмитріевскій.

(Продолженіе будетъ).

„Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ“¹⁾.

Еще Гоаръ въ своемъ Евхологіи приводилъ три объясненія возгласа „Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ“, хотя, впрочемъ, не указывалъ, какое изъ этихъ трехъ объясненій онъ считаетъ болѣе удовлетворительнымъ²⁾.

По одному объясненію, возгласъ „Свѣтъ Христовъ“ имѣетъ исключительно символическое и таинственное значеніе. Произнесеніе возгласа и освѣщеніе народа возжепною свѣчею замѣняетъ собою чтеніе евангелія, не положеннаго на преждеосвященной литургіи, которое читается только тогда, когда совершается освященіе Даровъ. Какъ проповѣдь Христа предшествовала Его страданію, такъ, говорятъ, и евангеліе мы слышимъ за полною литургіей предъ возношеніемъ безкровной жертвы. Возношенія жертвы на преждеосвященной литургіи не бываетъ,—естественно отсюда, не должно быть и чтенія евангелія. Въмѣсто евангелія молящіеся слышатъ „Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ“. Произнося этотъ возгласъ, священникъ тѣмъ указываетъ присутствующимъ въ храмѣ, что нынѣ они получаютъ благовѣстіе о Христѣ не изъ евангельскихъ книгъ, а болѣе того—просвѣщаются непосредственно Самимъ Христомъ, возлежащимъ на жертвенникѣ видимо, Своею пречистою Плотію и Кровію... Но, какъ справедливо замѣчалъ въ свое время о. І. Бѣлюстинъ въ письмахъ „О церковномъ Богослуженіи“³⁾, противъ этого толкованія говоритъ уже то, что если бы дѣйствительно съ возгласомъ „Свѣтъ Христовъ“ соединялась мысль о замѣнѣ имъ евангелія, то этотъ возгласъ слѣдовало бы произносить именно въ тотъ моментъ, когда по уставу должно читаться евангеліе, т. е. предъ сугубою ектеньей, но никакъ не посрединѣ паремій. А затѣмъ, такое толкованіе прямо и

¹⁾ См. № 9 „Р. д. с. п.“, за т. г.

²⁾ Εὐχολόγιον ed. 1647 ap. p. 211, n. 45.

³⁾ *И. И. Бѣлюстина* — О церковномъ Богослуженіи, изд. 3. Спб. 1865 г., письмо 14, стр. 418—419.

положительно опровергается послѣдованіемъ литургіи преждеосвященныхъ въ дни памяти великихъ святыхъ и въ храмовые праздники, когда полагается чтеніе и апостола и евангелія, но возгласъ „Свѣтъ Христовъ“ съ сопровождающими его дѣйствіями все-таки не отмѣняется; также за преждеосвященными литургіями на Страстной седмицѣ положено чтеніе евангелія, но опять-таки „Свѣтъ Христовъ“ остается и на этихъ литургіяхъ¹⁾. Справедливо отвергая исключительно символично-таинственное толкованіе возгласа, о. Вѣлюстинъ высказывалъ убѣжденіе, что разгадку возгласа слѣдуетъ искать гдѣ нибудь въ памятникахъ церковной старины, и что только археологическія изслѣдованія могутъ дать „*вѣрное, а не догадочное, и потому мало къ чему ведущее, объясненіе*“.

Два другихъ объясненія у Гоара и стоятъ, до нѣкоторой степени, на историко-археологической почвѣ. Вѣлюстинъ почему-то съ ними не считается. По первому изъ этихъ объясненій, обрядъ осѣненія свѣтильникомъ съ произнесеніемъ словъ „Свѣтъ Христовъ“ въ древности имѣлъ отношеніе къ оглашеннымъ, точнѣе къ тому классу ихъ, который назывался *φωτισόμενοι* — готовящіеся къ просвѣщенію, или крещенію. Готовясь къ крещенію, *φωτισόμενοι* имѣли право дольше прочихъ оглашенныхъ стоять въ храмѣ за богослуженіемъ и отпускались изъ храма послѣ особой надъ ними молитвы, которую они выслушивали преклонившись долу, и послѣ руковожденія и благословенія епископа или пресвитера. При этомъ, какъ думаютъ, *φωτισόμενοι* осѣнялись еще свѣтильникомъ, въ знакъ скоро ожидающаго ихъ духовнаго просвѣщенія въ таинствѣ крещенія. Представляя готовящимся къ про-

¹⁾ С. Д. Муретовъ приводитъ изъ древнихъ рукописей интересную справку относительно чтенія апостола и евангелія на преждеосвященныхъ литургіяхъ въ дни памяти вел. святыхъ и въ храмовые праздники: предъ апостоломъ и евангеліемъ полагались: *малая ектеня* и *Святый Боже*. См. Особенности литургіи преждеосвященныхъ Даровъ въ древнихъ греческихъ и славянскихъ памятникахъ—Московск. церковн. Вѣдомости за 1896 г. № 11, стр. 144, примѣч. 1.

свѣщенію, или крещенію, возженною свѣчою: благодатный свѣтъ крещенія и изображая Христа, свѣтъ истинный, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ,—формулируетъ это объясненіе С. Д. Муретовъ,—священнослужитель такимъ образомъ, по выраженію блаж. Августина (96 бес. на еванг. Іоанна), „воспалялъ въ сіе время ихъ приготовленія сильнѣйшее въ душахъ ихъ желаніе просвѣщенія“¹⁾.—Правда, въ древности возносились на великопостныхъ службахъ съ извѣстнаго времени особыя молитвы о готовящихся къ крещенію предъ выходомъ ихъ изъ храма; правда и то, что при этомъ они удостоивались руковозложенія и благословенія священнодѣйствующаго—епископа или пресвитера. Обо всемъ этомъ говорятъ древніе литургическіе памятники. Но ни изъ какихъ источниковъ не видно, чтобы возгласъ „Свѣтъ Христовъ“ и осѣненіе при этомъ свѣчою относилось именно и *только* къ просвѣщаемымъ. Напротивъ извѣстно, что, во 1-хъ, преждеосвященныя литургіи служились въ древности весь Великій постъ и даже въ среду и пятокъ сырной недѣли, и при этомъ всегда на этихъ литургіяхъ возглашалось, въ извѣстный моментъ, „Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ“. Между тѣмъ, молитвы о готовящихся къ крещенію начинались только съ среды крестопоклонной недѣли, при чемъ въ древности молитвы читались не на однѣхъ преждеосвященныхъ литургіяхъ, но и на Златоустовыхъ и на литургіяхъ Василия Великаго, во все время отъ среды крестопоклонной седмицы до среды Страстной седмицы, кромѣ субботы Лазаревой и Вербнаго воскресенья, а въ великой Константинопольской церкви—и до Великаго пятка²⁾;

Ясно, что если бы возгласъ „Свѣтъ Христовъ“ имѣлъ отношеніе къ готовящимся принять крещеніе, то онъ *не проѣзносился* бы тогда, когда не полагалось молитвъ за нихъ

¹⁾ Моск. ц. Вѣд. 1896 г., № 11.

²⁾ А. А. Дмитріевскаго — Богослуженіе Страстной и Пасхальной седмицъ во св. Іерусалимѣ IX—X в. Казань, 1894 г., с. 48 и 291—292.

(т. е. на всѣхъ преждеосвященныхъ до среды четвертой недѣли В. поста), и равно онъ произносился бы *всегда*, когда читались эти молитвы. Однако, въ послѣдованіяхъ преждеосвященныхъ службъ Страстной, напр., седмицы, по практикѣ древней Іерусалимской церкви, мы не видимъ присутствія этого возгласа, несмотря на подробное развитіе тамъ ритуала благословенія *φωτισμένων*. При томъ, если бы возгласъ „Свѣтъ Христовъ“ имѣлъ ближайшее отношеніе къ просвѣщаемымъ, то объ этомъ свидѣтельствовалъ бы прежде всего самый его текстъ. Но къ *кому* обращенъ возгласъ?—Онъ обращенъ ко *всѣмъ*, и объ оглашенныхъ нѣтъ въ немъ упоминанія: „Свѣтъ Христовъ“, сказано, „просвѣщаетъ *всѣхъ*“. Таковъ прямой и ясный смыслъ возгласа, обращеннаго ко *всѣмъ*. Если же его стали относить спеціально къ оглашеннымъ—просвѣщаемымъ—какъ это, кажется, сдѣлано въ Кристоферратскомъ списокѣ преждеосвященной литургіи, гдѣ произнесеніе его положено съ среды четвертой недѣли Великаго поста¹⁾, т. е. со времени усиленнаго подготовленія оглашенныхъ къ крещенію,—то это значить, что такъ стали поступать тогда, когда былъ забытъ первоначальный смыслъ возгласа, и утеряно было прямое значеніе его.

Гоару предносилось *истинное* толкованіе возгласа „Свѣтъ Христовъ“, хотя—настолько смутно, что, высказывая его въ ряду прочихъ толкованій, Гоаръ не даетъ ему предпочтенія предъ другими. Онъ ставитъ въ связь этотъ возгласъ съ *возженіемъ свѣтильниковъ*, полагавшимся на каждой свѣтильничной (вечерней) службѣ и, между прочимъ, на вечернѣ литургіи преждеосвященныхъ даровъ. Но почему при *этомъ только послѣднемъ* возженіи свѣтильниковъ произносились слова „Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ“, и въ чемъ состоитъ связь дѣйствія возженія свѣтильниковъ на преждеосвященной съ обрядами при произнесеніи возгласа,—изъ Гоара не видно. Приводя данное объясненіе (изъ обычая

¹⁾ Goar, p. 202, z.

возжигать свѣтильники въ извѣстный моментъ вечерни), Гоаръ, какъ кажется, основывался на словахъ блажен. Симеона Солунскаго, который говоритъ объ этомъ предметѣ, правда, довольно подробно, но не съ надлежащею, исключяющею всякіе вопросы, ясностью. У Симеона Солунскаго находимъ слѣдующее: „По окончаніи чтенія изъ Бытія (на вечернѣ преждеосвященной литургіи). іерей тотчасъ выходитъ съ свѣтильникомъ въ *царскія* врата,—всѣ *встаютъ* въ это время, — становится среди храма, дѣлаетъ кадиломъ знакъ креста, громогласно восклицая: *премудрость, прости, свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ*, и опять входитъ въ святыи алтарь. Затѣмъ чтець на амвонѣ читаетъ паремію, а въ храмѣ возжигаются обыкновенные свѣтильники“. И тутъ же Симеонъ Солунскій приводитъ объясненіе только что описаннаго: „Симъ знаменуется, что на конецъ вѣковъ возсіялъ намъ, сидящимъ во тьмѣ, чрезъ воплощеніе свѣтъ истинный—Иисусъ Христосъ и исполнилъ вселенную свѣтомъ Своей благодати. Посему-то въ концѣ всей вечерни говорится: *яко ты просвѣщеніе наше, Христе Боже нашъ*. И это (возженіе свѣтильниковъ) бываетъ послѣ чтенія изъ Бытія, предъ началомъ пареміи, потому что Бытіе повѣствуетъ о томъ, что было въ началѣ, о созданіи всего сущаго и о паденіи Адама, а паремія гадательно учитъ о Сынѣ Божіемъ и увѣщаетъ пріившихъ сыноположеніе чрезъ Него, какъ бы сыновъ... А что сей свѣтъ есть образъ свѣта истиннаго, Иисуса Христа,—явно изъ того, что діаконъ, сослужащій іерею или архіерею служащему, приходитъ къ нему и, возжигая свѣтильникъ, предъ исхожденіемъ говоритъ: *благослови, владыко, свѣтъ*. Архіерей же или іерей, благословляя свѣтъ говоритъ: *яко Ты еси просвѣщеніе наше, Христе Боже нашъ, всегда*. И тогда діаконъ выходитъ предъ паремією“ ¹⁾.

¹⁾ Писавія св. отцевъ и учителей Церкви, относящіяся къ истолкованію православнаго богослужевія. Т. II. Сиб. 1856, с. 505—506. Отвѣтъ Сим. Солунскаго на вопросы: „Для чего на вечерни во время паремій возжигаются свѣтильники, и что значать слова: „свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ?“.

Что же высказывает этими словами Симеонъ Солунскій?— Онъ говоритъ, что возгласъ „Свѣтъ Христовъ“ дѣйствительно имѣеть отношеніе къ возженію свѣтильниковъ на вечернѣ преждеосвященной литургіи, указывая на *моментъ* ихъ возженія; затѣмъ, что, помимо прямого назначенія указывать время, когда слѣдуетъ освѣтить храмъ, возгласъ, съ сопровождавшими его обрядами, имѣлъ въ виду указать молящимся еще и на свѣтъ невидимый—Христа. Это второе назначеніе будетъ понятно, если принять во вниманіе, что всѣ вечернія службы, совершавшіяся прежде или на заходѣ солнца, или послѣ захода, при свѣчахъ, имѣли (какъ и теперь отчасти еще имѣютъ) цѣлю перенести воображеніе и сердце молящихся отъ свѣтовыхъ видимыхъ явленій къ невидимымъ, благодатнымъ и къ источнику ихъ—истинному и вѣчному свѣту—Христу Спасителю. Наконецъ, не безъ цѣли, указываетъ Симеонъ Солунскій, выбранъ и самый моментъ возженія свѣтильниковъ между первою и второю пареміею: онъ выбранъ по соображенію съ таинственнымъ знаменованіемъ чтеній изъ ветхаго завѣта... Но какое участіе принимаетъ діакопъ при священникѣ въ совершеніи интересующаго насъ обряда, какъ представить себѣ въ подробностяхъ обставленный несомнѣнно большою торжественностью обрядъ возженія свѣтильниковъ, и, главное, откуда ведетъ начало этотъ торжественный обрядъ на преждеосвященной литургіи,—обо всемъ этомъ нѣтъ достаточныхъ свѣдѣній у Симеона Солунскаго.

Основную мысль Симеона Солунскаго приняли и наши ученые литургисты, пок. проф. московск. д. академіи И. Д. Мансветовъ и С. Д. Муретовъ, но, конечно, дальше общаго положенія, что первоначальную основу обряда при возгласѣ „Свѣтъ Христовъ“ надо искать *въ обычаѣ зажечь свѣчи въ храмъ при наступленіи сумерокъ*, они не пошли, такъ какъ не располагали необходимымъ для дальнѣйшихъ разъясненій литургическимъ матеріаломъ¹⁾. Въ настоящее время

¹⁾ Моск. церк. Вѣд. 1896 г., № 11. Прибавленія къ твореніямъ св. отцовъ 1880 г., кн. IV, О пѣсенномъ послѣдованіи — И. Д. Мансветова.

проф. А. А. Дмитриевскій познакомилъ литургистовъ съ открытымъ имъ древнимъ типикономъ великой константинопольской церкви (св. Софiи), по ркп. X—XI в. Дрезденской Королевск. библ. № 140, который даетъ возможность сказать уже гораздо больше объ интересующемъ насъ обрядѣ¹⁾.

Основываясь на названномъ типиконѣ великой константинопольской церкви, мы можемъ, прежде всего, признать безспорнымъ, что возгласъ „Свѣтъ Христовъ“ относился къ обряду возженія свѣтильниковъ на вечернѣ преждеосвященной литургiи именно *въ древней константинопольской вел. церкви* и указывалъ на моментъ, съ котораго долженъ былъ освѣщаться храмъ лампадами и свѣчами за этой службой, совпадавшей съ наступленiемъ сумерокъ. Затѣмъ, древнiй типиконъ великой церкви свидѣтельствуетъ, что обрядъ возженія свѣтильниковъ за вечерней преждеосвященной литургiи былъ обставленъ въ Софiи очень торжественно и отличался, если позволительно выразиться, большою эффектностью, способною произвести сильное впечатлѣнiе на присутствующихъ въ храмѣ. Наконецъ, этотъ типиконъ, по сопоставленiи его съ типикономъ древней Иерусалимской церкви позволяетъ сдѣлать весьма вѣроятное заключенiе и о константинопольскомъ *происхожденiи* разсматриваемаго обряда. Хотя текстъ возгласа „Свѣтъ Христовъ“ былъ готовъ еще съ первыхъ вѣковъ христіанства, но, насколько можно судить по сохранившимся и извѣстнымъ памятникамъ богослуженія, ни откуда не видно, чтобы этотъ возгласъ вошелъ въ церк. употребленiе гдѣ-либо раньше константинопольской Софiи. Древняя Иерусалимская церковь не имѣла его у себя въ богослужебной практикѣ²⁾. Онъ

Послѣднiй даже предполагалъ, что первоначально это же самое дѣйствиe, какое осталось теперь за вечерней преждеосвященной литургiи, „имѣло мѣсто на *каждой* вечернѣ“, с. 1018—1020.

¹⁾ Исслѣдованiе объ этомъ типиконѣ печаталось въ Трудахъ Киев. дух. Акад. съ № 12 за 1902 г. подъ заглавiемъ: „Новыя данныя для исторiи Типикона Великой Константинопольской церкви“.

²⁾ См. послѣдованiя преждеосвященныхъ литургiй въ вышеуказанной

нашелъ себѣ мѣсто *прежде всего* за богослуженіемъ въ константинопольской Софіи. Трудно сказать, откуда взяла текстъ его св. Софія, когда создавала свой типиконъ, изъ Іерусалима ли ¹⁾, гдѣ возгласъ былъ общезвѣстенъ, или за нимъ не надо было обращаться въ Іерусалимъ, такъ какъ онъ и безъ того хорошо былъ извѣстенъ Константинополю, да, вѣроятно, и всему христіанскому міру, какъ произведеніе религиозно-художественнаго творчества первыхъ христіанъ. Во всякомъ случаѣ, Константинопольская церковь раньше другихъ первая воспользовалась для богослуженія этимъ возгласомъ и первая создала около него чудный обрядъ, имѣющій цѣлью несомнѣнно, съ одной стороны, увеличить торжественность преждеосвященной службы, обычно совершаемой въ Софіи патріархомъ, а съ другой стороны—воздѣйствовать и на молящихся, и при томъ,—не на одни ихъ ви́шнія чувства, но и на умъ и на сердце, неволью заставляя ихъ, при созерцаніи величественнаго обряда, переноситься къ горнему міру, къ царству вѣчнаго свѣта Христова...

Какъ же совершался въ констант. Софіи обрядъ возженія свѣтильниковъ на вечернѣ (пѣсенной) преждеосвященныхъ литургій въ среду и пятокъ сырной седмицы и во все продолженіе Великаго поста? — Послѣ первой пареміи, сообщаетъ дрезденскій типиконъ вел. константин. церкви ²⁾, при пѣніи перваго стиха прокимна *ὁ ἄρχων ἀπὸ τῶν δεξιῶν τῷ πατριάρχῃ*, сановникъ патріаршаго двора изъ разряда стоящихъ за богослуженіемъ *по правую* сторону патріарха ³⁾, вручаетъ

книгъ А. А. Дмитріевскаго—Богослуженіе Страстной и Пасхальной седмиць во св. Іерусалимѣ IX—X в.

¹⁾ Припомнимъ, что всѣ свѣтильники съ подписью *φῶς Χριστοῦ*...—изъ Іерусалима.

²⁾ Выдержка изъ типикона по-гречески приведена въ изслѣдованіи А. А. Дмитріевскаго — Новыя данныя для исторіи типикона Великой Константинопольской церкви, Тр. Кіев. д. Акад. № 12 за 1903 г., с. 538, примѣч. 1.

³⁾ О чинахъ конст. патр. двора—Е. Е. Голубинскаго Исторія Русской Церкви, т. I, перв. пол. тома, изд. 2, М. 1901, с. 372.

архидіакону τὸ χαλκρίον—какой-то сосудъ, въ которомъ, какъ видно, сохранялся огонь для церковныхъ потребностей¹⁾. Получивъ почитательно χαλκρίον отъ архонта и взявъ кадильницу съ ѳиміамомъ, архидіаконъ, въ сопровожденіи вторствующаго діакона—своего ближайшаго помощника при богослуженіи — и другихъ двѣнадцати діаконѡвъ съ мануаліями — золотыми подсвѣчниками по одной свѣчѣ на каждомъ, незамѣтно выходитъ боковыми дверьми изъ алтаря и направляется въ притворъ. Тамъ, должно быть, діаконѡ зажигаютъ отъ архидіаконскаго χαλκρίου свои мануаліи и затѣмъ торжественно входятъ, чрезъ главныя царскія двери притвора въ церковь²⁾. Въ царскихъ дверяхъ архидіаконъ возглашаетъ: „Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ“, и торжественная процессія діаконѡвъ съ горящими мануаліями (въ неосвѣщенный до той поры храмъ³⁾ успѣлъ спуститься сумракъ) идетъ къ алтарю. Въ это же самое время въ алтарѣ „начальникъ свѣтовъ“ — ἄρχων τῶν φώτων⁴⁾ прибли-

¹⁾ Въ одной др. греч. рки. сосудъ этотъ названъ τὸ πορίον (евхол. Аѳонской Костамонитск. библ. XV в. № 29/30 въ Опис. литург. рки., хранящ. въ библ. прав. Востока, т. II, А. А. Дмитріевскаго, с. 491). А πορίον, или πορεῖον, означаетъ глиняную жаровню, или вообще то, въ чемъ поддерживается огонь. Интересно, что у др. персовъ словомъ πορεῖον обозначалось мѣсто, гдѣ сохранялся священный огонь. Можетъ быть, и χαλκρίον былъ тоже глинянымъ свѣтильникомъ порядочныхъ размѣровъ, съ ручкою, чтобы можно было его нести. Можетъ быть, на немъ тоже писалось, какъ написано на Антониповскихъ свѣтильникахъ, Φῶς Χριστοῦ... и такимъ образомъ, можетъ быть, Антониповскіе свѣтильники изъ числа тѣхъ, которые послужили прототипомъ для константинопольскихъ (τὰ χαλκρία), износимыхъ на преждеосвященныхъ службахъ въ св. Софій?.

²⁾ Ср. описаніе обряда у блаж. Симеона Сол. въ вышеприведенныхъ словахъ его.

³⁾ Говоря о входѣ патріарха и духовенства въ алтарь на вечернѣ, типиконъ замѣчаетъ, что при этомъ не бываетъ ни ѳиміама, ни свѣчей (рки л. 124). — Пользуемся случаемъ выразить искреннюю признательность проф. А. А. Дмитріевскому за доставленную имъ возможность познакомиться съ дрезд. типикономъ в копст. церкви до появленія его въ свѣтъ въ печатномъ и полномъ видѣ.

⁴⁾ Интересно и тутъ сближеніе свѣта видимаго съ свѣтомъ невидимымъ, духовнымъ и, въ частности, съ свѣтомъ крещенія. Изъ Кодина

жается съ горящей свѣтильной (αἴτρα) къ тресвѣщнику и, поклонившись патріарху, испрашиваетъ у него разрѣшенія зажечь трехсвѣчникъ: „благослови, владыко, (свѣтити свѣтъ)“ ¹⁾, говоритъ оцъ. Патріархъ благословляетъ и отвѣчаетъ: „яко Ты еси просвѣщеніе (ὁ φωτισμός) наше, Христе Боже, всегда, нынѣ и присно“. И *тогда* (εὐθέως), послѣ благословенія патріарха, въ алтарѣ и во всемъ храмѣ зажигаются свѣчи и лампы. Въ храмѣ возженіе ихъ совершаютъ иподіаконы при помощи наемныхъ церковниковъ (τῶν μιστίων), изъ которыхъ одинъ, состоящій въ штатѣ канонарей (εἴς . ἀπὸ τῶν κανοναρίων), идя сзади иподіаконовъ, водружаетъ зажженную свѣчу въ мануаліи на амвонѣ, гдѣ обычно стояли пѣвцы, чтецы и канонари ²⁾.

Скоро (за время чтенія второй пареміи) вся церковь освѣщается лампадами и свѣчами, и дальнѣйшее послѣдованіе службы совершается уже при полномъ освѣщеніи храма. Такимъ образомъ, *обиліемъ* свѣта типиконъ св. Софїи отмѣчаетъ въ данномъ случаѣ наступленіе болѣе важной и болѣе торжественной части богослуженія — *литургіи* преждеосвященныхъ Даровъ въ собственномъ смыслѣ и наглядно указываетъ различіе между нею и предварявшею ее пѣсенною вечернею.

Таковъ былъ свѣтильный обрядъ на вечернѣ преждеосвященной литургіи въ Софїи. Само собою понятно, что

видно, что ἄρχων τῶν φώτων преподавалъ ученіе вѣры желающимъ вступить въ Церковь и приготовлялъ оглашенныхъ къ крещенію. De officiis et officialibus Curiae et Ecclesiae Constantinopolitanae. Parisiis, 1648 an., p. 14, n. 37. А здѣсь мы видимъ его начальникомъ освѣщенія.

¹⁾ Дѣлаемъ добавленіе словъ — *свѣтити свѣтъ*, пользуясь указаніемъ С. Д. Муретова, что такія слова стоятъ въ одной южно-слав. ркп. изъ Хлудовской (въ Москвѣ) бібліотеки (№ 117). Моск. ц. вѣд. 1896 г., № 11. Въ дрезд. ркп. фраза „начальника свѣтовъ“, кажется, не окончена; ср. описаніе Симеона Солунскаго.

²⁾ Д. А. Вьялева—Византина, кн. II, Сиб. 1893, сс. 110, 305 и табл. X.

другіе храмы не могли обставить его торжественностью и великолѣпіемъ каедральнаго и столичнаго собора, взявъ обрядъ въ свою практику. Въ храмахъ съ небольшимъ числомъ священнослужителей, а особенно въ приходскихъ церквахъ при одномъ священникѣ, безъ діакона, и въ тѣхъ притомъ случаяхъ, когда вечерня не приурочивалась обязательно къ времени послѣ захода солнца, свѣтильничный обрядъ долженъ былъ ограничиться въ своемъ содержаніи самымъ существеннымъ. Отсюда, по исключеніи изъ него подробностей, имѣвшихъ значеніе въ храмѣ св. Софій. онъ, естественно, много потерялъ въ своей величественности и красотѣ. Но, что замѣчательно,—несмотря на сокращеніе, свѣтильничный обрядъ въ малыхъ церквахъ, относительно существенныхъ частей, такъ близко стоитъ къ софійскому обряду, что зависимость и происхожденіе одного отъ другого оказываются внѣ всякаго сомнѣнія. Вотъ нѣсколько примѣровъ, какъ совершался этотъ обрядъ въ сослуженіи священника и діакона. Въ ркн. XII в. № 1040 Синайск. б. въ чинѣ преждеосвященной литургіи подъ именемъ *Василія В.* находимъ: „Послѣ перваго чтенія (пареміи), при пѣніи прокимна, діаконъ встаетъ, беретъ въ правую руку кадилаицу, куда священникъ влагаетъ ѳиміамъ, въ лѣвую—мануалій съ горящею свѣчей, выходитъ къ св. вратамъ, крестообразно кадитъ ихъ и, по окончаніи прокимна, возглашаетъ: премудрость, прости. Затѣмъ поднимаетъ лѣвую руку, показывая народу мануалій съ горящей свѣчей и возглашаетъ громогласно: „Свѣтъ Христовъ“... Послѣ этого входитъ внутрь алтаря и кадитъ св. престолъ, а на амвонѣ продолжается чтеніе пареміи“. Или въ евхол. XIII—XIV в. № 971 Синайск. б.: „выходитъ діаконъ (въ обычное время, т. е. при пѣніи прокимна) съ двумя свѣчами (дикирій), становится сзади амвона и возглашаетъ: Свѣтъ Христовъ... вонмемъ; кадитъ народъ и входитъ въ алтарь. „Благослови, владыко, свѣтъ“, говоритъ онъ тамъ, обращаясь къ священнику. „Благословенъ еси, просвѣщаяй и освящаяй“, отвѣчаетъ священникъ“. Или, какъ кратко, въ евх. XV в. № 19/20 Аѳонской Коста-

монитск. б.: „Во время прокимна пареміи, зажигаетъ діаконь свѣчу, беретъ τὴ πορίον и, ставши сзади священника (ἐξέρχεται ἔμπροσθεν τοῦ ἱερέως), возглашаетъ: Свѣтъ Христовъ“¹⁾... Изъ древнихъ памятниковъ, откуда взяты эти выдержки, не видно, чтобы возгласъ „Свѣтъ Христовъ“ сопровождался возжеіемъ свѣтильниковъ въ храмѣ, равно какъ не видно и того, что онъ совпадалъ съ наступленіемъ сумерокъ. Въ данномъ случаѣ, мы имѣемъ, кажется, дѣло съ обрядомъ, потерявшимъ свое первоначальное значеніе и практиковавшимся исключительно съ цѣлью *назидательною*. Но все-таки основныя черты софійскаго чина здѣсь удержаны: обрядъ совершаетъ *діаконь*, и на долю священника, какъ и патріарха въ Софіи, остается благословеніе. Для произнесенія возгласа діаконь, правда, не выходитъ въ притворъ и не становится въ *царскихъ* дверяхъ: очевидно, это было признано неудобнымъ въ небольшихъ церквахъ и лишнимъ при исключительно *назидательной* цѣли въ обрядѣ,—по, во всякомъ случаѣ, діаконь не входитъ и въ св. врата, а произноситъ слова возгласа въ большемъ или меньшемъ *удаленіи* отъ св. вратъ. Зависимость отъ софійской практики сказывается въ обрядѣ даже тогда, когда онъ совершается однимъ священникомъ. Такъ, по славянск. служебнику м. Кипріяна, ркп. XIV в. № 344 Моск. синод. б., священникъ произноситъ возгласъ „на востокъ зря“ (конечно, священникъ находится въ алтарѣ и стоитъ предъ престоломъ)²⁾,—очевидно такъ потому, что діаконь, которому долженъ былъ бы принадлежать возгласъ, всегда произносилъ его, обращаясь лицомъ къ алтарю и, слѣд.,—къ востоку. Затѣмъ, знакъ креста, который нынѣ дѣлаетъ священникъ свѣчею и кадиломъ, произносимъ „Свѣтъ Христовъ“, это—*соединеніе* дѣйствій діаконыхъ (поднятіе свѣчи, возгласъ, кажденіе) и собственно священническихъ—

¹⁾ Опис. литург. ркп. т. II, сс. 135, 249 и 491. О πορίον'ѣ см. выше въ примѣч.

²⁾ Опис. слав. ркп. Моск. синод. библиот., отдѣлъ III. М. 1869, с. 16.

благословеніе,—нѣкогда раздѣленныхъ между священникомъ (патріархомъ) и діаконами.

Остается объяснить земной поклонъ и паденіе ницъ, которыя творятся теперь молящимися при словахъ „Свѣтъ Христовъ“ и осѣненіи свѣчею. Уже П. Д. Мансветовъ нашолъ, что древніе евхологіи не упоминаютъ о поклонѣ при этомъ. Только Симеонъ Солунскій отмѣчаетъ, что во время обряда всѣ *встаютъ*, и это, вѣроятно, потому, что предстоятель тогда благословлялъ народъ. Нельзя было принимать благословенія въ томъ положеніи, въ какомъ всѣ слушали первую паремію, т. е. сидя. Мансветовъ объяснял паденіе ницъ, связывая свѣтильничный обрядъ съ напутственнымъ изъ церкви благословеніемъ просвѣщаемыхъ. Тѣ падали ницъ, получая благословеніе, преклонялись вмѣстѣ съ ними и вѣрныя. Не записанный нигдѣ въ богослужебныхъ книгахъ, этотъ обычай удержался до нынѣшняго времени по преемственности преданія¹⁾. Но связь свѣтильничнаго обряда съ благословеніемъ просвѣщаемыхъ теперь должна быть уже совершенно отвергнута; первоначальное происхожденіе и дѣйствительный смыслъ обряда вполне выясняются дрезденскимъ типиковомъ вел. константиноп. церкви. Поэтому, остается искать объясненія паденію ницъ въ господствѣ того взгляда на обрядъ, по которому придается ему *исключительно символически-таинственное* значеніе. Свѣтъ свѣчи изображаетъ Солнце правды Христа, и вотъ предъ Нимъ-то, Созерцаемымъ очами вѣры, падаютъ ницъ и преклоняются всѣ, кто жаждетъ получить „богоразумія негнѣнный свѣтъ“.

Н. Пальмовъ.

¹⁾ Приб. къ твор. свв. отцевъ, 1880 г. кн. IV, с. 1019—1020.

Что такое красовуля?

(Церковно-археологическая замѣтка).

Красовулемъ, красовулей, или купой, въ нашемъ церковномъ уставѣ и другихъ богослужебныхъ книгахъ называется кружка, или чаша для вина, употребляемая въ монастыряхъ

¹⁾ Приб. къ твор. свв. отцевъ, 1880 г. кн. IV, с. 1019—1020.

греческихъ и русскихъ. Въ виду того, что объемъ этой чаши въ церковномъ уставѣ точно не опредѣленъ, а между тѣмъ уставъ разрѣшаетъ въ нѣкоторые великіе праздники испивать даже по три чаши вина, неразумные ревнители уставности по части виннаго питія склонны бывають видѣть въ церковномъ уставѣ разрѣшеніе изрядной выпивки, полагая, что красовули вмѣщала не меньше полубутылки. Такое преувеличенное представленіе о красовулѣ имѣлъ, очевидно, и составитель полнаго церковно-славянскаго словаря священникъ магистръ Григорій Дьяченко. „Красовуля,—читаемъ въ его словарѣ,—чаша, для питія употребляемая въ монастыряхъ греческихъ, которая *полфунта и болѣе (?)* вмѣститъ можетъ напитокъ (стр. 268. Москва. 1900 г.). На чемъ же основано такое представленіе объ объемѣ красовули у свящ. Григорія Дьяченко?—Правда, онъ отсылаетъ насъ смотрѣть уставъ и Трїодъ постную; но ни въ томъ, ни въ другой на объемъ красовули нѣтъ рѣшительно никакого указанія. У Никона же Черногорца мы имѣемъ точное указаніе на *вѣсь* чистаго („нерастворена“) вина, вливавшагося въ красовулю: „*едину купу премприти подобаетъ вина нерастворена, екзайй 20*“ (Тактиконъ, слово 1-е, л. 4).

Экзайя—это шестая часть *онгїи* (ср. Типиконъ, гл. 32, л. 31 об. и Тактиконъ, л. 6 об.). *Онгїя* же (ὄγγια—ὄγγια—uncia)—унція, двѣнадцатая часть аптекарскаго фунта, или 7 золотниковъ (см. Gloss du Sange). Стало быть, 20 экзайй равны $3\frac{1}{3}$ унціямъ, или $23\frac{1}{3}$ золотникамъ. Итакъ, *вѣсь чистаго вина красовули равняется $23\frac{1}{3}$ золотникамъ*. Но красовуля должна была вмѣщать болѣе $23\frac{1}{3}$ золотниковъ, такъ какъ чистое вино въ красовулѣ обыкновенно *смѣшивалось* съ водою *по волю*, вкусу пьющаго, „якоже приѣмлетъ“ (Тактик, л. 7); отсюда, полагаемъ, и самое названіе чаши для вина *красовулей* (отъ греч. κεράνυρον—*смѣшивать* и βούλη—*воля*). Такимъ образомъ, красовуля—это чаша, въ которой опредѣленное количество вина ($23\frac{1}{3}$ золот., или около $\frac{1}{4}$ фунта) *смѣшивалось* съ неопредѣленнымъ количествомъ воды *по волю*, по вкусу пьющаго (Кишин. еп. в., 1903 г., № 22).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Кирилль.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 14 марта 1904 г.

Цензоръ, священникъ Ѡ. Титовъ.

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 13.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, марта 28-го.

Содержаніе: Праздникъ жизни.—Чинъ умовенія ногъ, совершаемый нынѣ въ Іерусалимѣ и на о. Патмосѣ (окончаніе).—О русской религіозной и церковной скульптурѣ (продолженіе).—Наблюденія и замѣтки сельскаго священника.

Праздникъ жизни.

Христосъ воскрес!...

Быль предразсвѣтный часъ, когда небольшая группа благоговѣйныхъ еврейскихъ женъ впервые услышала эту дивную вѣсть...

Жены шли ко гробу Своего возлюбленнаго Учителя—печальныя, нѣжно-скорбяція о Великомъ Мученикѣ, съ стѣсненной душой, съ глубокоскрытымъ разочарованіемъ въ своихъ мечтательныхъ надеждахъ на Его мірской блескъ, царственную славу...

Безмолвно шли онѣ отдать человѣческую дань хотя и великому, но все же Мертвецу,—шли почтить гробъ и бездыханное тѣло... Онъ умеръ, и вотъ дары Ему—благоухающіе

ароматы. Шли, неся ко гробу нерадостныя думы объ Умершемъ, обычныя тому времени и ихъ вѣрѣ... Онъ умеръ... О, онѣ твердо знали, что это значить. Умеръ—значить, не увидятъ уже онѣ Его свѣтлаго лица, не коснется ихъ слуха Его небесно-высокая, душу умиряющая рѣчь. Онъ ушелъ отъ нихъ, вѣроятно, навсегда. Его дѣло прервалось послѣднимъ вздохомъ на крестѣ, запечатано отсель печатью гробового молчанія. Отнынѣ Онъ—лишь чудное воспоминаніе, трогательный образъ неземной, поруганной человѣческимъ зломъ любви... Невинный, святой, сама кротость и милосердіе—Онъ умеръ оклеветанный, опозоренный, сраженный грубыми руками ненависти, злобы, угрюмой зависти и неблагодарной безсердечности. Самъ адъ возсталъ на Него, и вотъ Онъ во гробѣ, снятый съ окровавленнаго креста...

Какъ и вокругъ во мракѣ ночи—въ душѣ темно, то-скливо... Стихійная сила зла и смерти ледянымъ холодомъ пронизываетъ робкія сердца, волнуется душу, поднимаетъ болѣзненно-острую мучительную мысль: неужели же, неужели и здѣсь то же, что и вездѣ: пальма побѣды злу, торжество неправдѣ?.. Даже и всецѣлая безгрѣшность, даже полный свѣтъ—и они должны безсильно никнуть предъ вызывающею дерзостію грѣха и мрака могильнаго?!. Но, Господи, доколѣ же, доколѣ?.. Доколѣ зло и смерть, доколѣ беззаконіе и гробъ?..

—

Но вотъ жены у гроба. Еще ночь... Чуть лишь брезжетъ утро... Что это? У гроба—полдень? Тамъ яркій свѣтъ... Что это?—недоумѣваютъ жены, и слышится отвѣтъ: мракъ ночи исчезъ предъ свѣтомъ неба, мракъ скорби разсѣянъ пѣснью неба:

„*Христосъ воскресъ!* Что ищете живаго съ мертвыми? Воста, нѣсть здѣ!...“

Христосъ воскресъ! Итакъ, въ двухъ словахъ рѣшеніе міровой задачи, конецъ всякому вопросу...

Побѣднымъ гимномъ изъ устъ въ уста понеслась эта вѣсть и зажгла надъ міромъ лучезарный свѣтильникъ новой откровенной, сладостной, какъ молитвенный благовѣсть, истины: „смерть упразднена, адъ посрамленъ!“

Только день тому назадъ служители зла и законнической омертвѣлой „правды“ прочно, какъ они думали, погребли дѣло Христа; наложивши печать надъ дверью Его гроба, они успокоительно мечтали, что это—печать, знаменующая окончательную смерть правды. „Лишь бы Онъ умеръ!...“ И Онъ умеръ... Но прошло всего только семь съ половиною недѣль со дня этого страшнаго событія, и дѣло Христа вновь взволновало, потрясло до основанія Иерусалимъ, Палестину, потомъ весь міръ. Дотолѣ боязливые, нерѣшительные, робкіе, мало вѣрующіе апостолы вдругъ явили міру невиданную еще мощь непреклонной правственной энергіи и вѣры: безстрашно-смѣлые, вдохновенно-пылкіе, непоколебимые ни предъ чѣмъ, ни даже передъ смертію, они съ огненной ревностью вслухъ вселенной повѣдали Христа воскресшаго... Исторія человѣческая не знала, міръ не видѣлъ, люди никогда прежде не были свидѣтелями такого священнаго энтузіазма, такой высоты напряженной радости, такой все существо поглощающей силы убѣжденности, съ какой возвѣщена была землѣ эта проповѣдь.

„Ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни начала, ни силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая-нибудь тварь не можетъ отлучить насъ отъ любви Божіей во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ“ (Римл. 8, 38—39).—Такъ говорили апостолы—проповѣдники воскресенія..

Откуда это? Что дало такую пламенность ихъ слову?—Наставленные Воскресшимъ, Который открылъ имъ умъ къ уразумѣнію Писаній (Лук. 24, 45), озаренные духомъ, утвердившимъ ихъ во всякой истинѣ, ученики Господа не только осязательно приняли воскресеніе, какъ реальный фактъ, какъ чудесное событіе, но были научены, поняли и всѣмъ смысломъ восприняли величайшую изъ великихъ истинъ: „Христось во-

скресь изъ мертвыхъ, первенець (начатокъ) изъ умершихъ“ (1 Кор. 15, 20). И тутъ, говоримъ, рѣшеніе міровой задачи, тутъ все упованіе нашей вѣры, тутъ основаніе и центръ христіанства...

Христось воскресъ!.. Это гимнь человѣческой жизни, погребальная пѣснь смерти: „Смерти празднуемъ умерщвленіе“. Христось воскресъ изъ мертвыхъ, т. е. разрушилъ смерть, сказавъ намъ Своимъ воскресеніемъ: *Я живу, и вы будете жить* (Іоан. 14, 19)...

Міровая исторія есть исторія борьбы жизни со смертью. Какой смыслъ ея? Какой конецъ?.. Это мучительный вопросъ общечеловѣческой совѣсти. Тысячелѣтія отданы были на разрѣшеніе его. И какъ отвѣчено на него?.. Слушаемъ.

„И говоритъ Египеть, помавая тонкими пальмами, жилищами его равнинъ, и устремляя иглы своихъ обелисковъ: „Народы, слушайте! Я одинъ постигъ и проникъ тайну жизни и тайну человѣка. Все тѣнь. Низки искусства, жалки наслажденія, еще жалче слава и подвиги. Смерть, смерть властвуетъ надъ міромъ и человѣкомъ! Все пожираетъ смерть, все живетъ для смерти“...

„И говоритъ ясный, какъ небо, какъ утро, какъ юность, свѣтлый міръ грековъ, и, казалось, вмѣсто словъ слышалось дыханіе цѣвницы: „Жизнь сотворена для жизни. Развивай жизнь свою и развивай вмѣстѣ съ нею ея наслажденія. Все неси ему... Наслаждайся, богоподобный и гордый обладатель міра, вѣнчай дубомъ и лавромъ прекрасное чело свое... Умѣй быть достойнымъ наслажденія!..“

„И говоритъ покрытый желѣзомъ Римъ, потрясая блестящимъ лѣсомъ копій: „Я постигнулъ тайну жизни человѣка... Малъ души размѣръ искусствъ и наслажденій. Наслажденіе въ гигантскомъ желаніи... Славы, славы жаждай, человѣкъ!.. Все, что ни объемлетъ взоръ твой, наполняй своимъ именемъ“... (Гоголь).

Восточный буддизмъ, саддукейство библейскаго времени, матеріалистическій пессимизмъ нашихъ дней согласно твердятъ одну грустную повѣсть: „наша жизнь — бродячая тѣнь, жалкій актеръ, который красуется и кричитъ какой-нибудь часъ на сценѣ, а тамъ пропадаетъ безъ вѣсти:—сказка, рассказанная безумцемъ, полная звука и ярости, и не имѣющая никакого смысла“ (Тургеневъ)...

И понятно, если отсюда дѣлается выводъ: „цѣпь блѣдныхъ дней безъ слезъ и сожалѣнія надо разомъ оборвать, какъ спутанную нить“ (Надсонъ), или (что лучше): припасть крѣпко къ кубку жизни и пить изъ него наслажденіе безъ размышленія до послѣдняго вздоха („Я мы и шѣмъ, утрѣ бо умремъ—1 Кор. 15, 32), или, наконецъ, путемъ добровольнаго умиранія въ аскетическихъ упражненіяхъ сдѣлать нечувствительнымъ переходъ отъ жизни къ смерти. Во всѣхъ случаяхъ—одно несомнѣнно: все, даже самое сильное, даже самое красивое, самое умное завершается безсиліемъ, безобразіемъ, безмысліемъ трупа; въ концѣ концовъ—вездѣ холодная до ужаса смерть, какъ неисцѣльная отравка жизни, какъ страшное привидѣніе, беззубымъ ртомъ съ кривой усмѣшкой шепчущее и безумному веселію, и гордому тщеславію, и самонадѣянному разуму: „не уйдешь!“...

Это—послѣднее слово для неимущихъ иного упованія... И кого можно назвать несчастіе ихъ?—Ихъ жизнь—постоянный или скрытый или искренне - откровенный вопль: „какое счастье никогда бы не родиться!“ (Софокль), потому что, родившись, рождаешь зло, дышишь зломъ, и зломъ умираешь...

Этотъ тягостный кошмаръ безмыслія смерти однажды навсегда разсѣянъ у пещеры Іосифа Аримаѣйскаго: *Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ. Смерть побѣждена. Умершій воскресъ, мы будемъ жить.* Провозглашено царство жизни, торжествующей чрезъ воскресеніе полной, глубочайшаго смысла...

Исчезъ и для уповающихъ на жизнь вѣчную инстинктивный и естественный страхъ предъ загробнымъ существова-

ніемъ души... А онъ былъ. Пока не воскресъ Христосъ изъ мертвыхъ, умереть — значило лишиться *человѣческой* жизни. Ибо что такое была смерть?—Тѣло человѣческое распадалось въ прахъ, душа оставалась жить. Оставалась душа, но она вѣдь только душа человѣка, а не самъ человѣкъ. Въ союзъ съ тѣломъ—что такое бытіе души?—Вспоминается *айдъ* грековъ, *аменти* египтянъ, *оркусъ* римлянъ, *шеолъ* евреевъ,—область сна и мрака, земля молчанія, страна забвенія,—жизнь, полная безотрадности, мрачности, унынія... И неужели она будетъ такою вѣчно?—спрашивала религіозная и філософская мысль. Если да, тогда подобное существованіе, хотя бы и безсмертное,—вѣришь: именно потому, что оно безсмертное, безконечное,—лишено разума: лучше ли оно небытія? Если жалки и несчастны не имѣющіе упованія жизни за гробомъ, то болѣе жалки и ждущіе вѣчной жизни души безъ надежды побѣдить смерть и востать для жизни полнымъ человѣческимъ составомъ. Тогда тщетна наша вѣра. Тогда зачѣмъ было бы креститься во Христа? За тѣмъ, чтобы, вопреки своимъ надеждамъ на вѣчную жизнь, сдѣлаться мертвецами (1 Кор. 15, 29)?

Но нѣтъ! *Христосъ воскресъ!* Онъ—начатокъ умершихъ; за Нимъ—Его спасенные. Сначала Онъ,—потомъ мы въ воскресеніи мертвыхъ для истинной, полноцѣнной вѣчной жизни во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ.

Не тщетна вѣра наша. Смерть—возмездіе грѣха (Римл. 6, 23). Грѣхъ упраздненъ, зло сокрушено, потому и смерть побѣждена...

На крестѣ пригвождено и разодрано рукописаніе грѣховъ міра, пролита очистительная кровь Сына Божія, принесена жертва умиловивленія, благоуханіе ея возшло къ праведнымъ небесамъ... жертва принята. Спасеніе совершено. И вотъ—знаменіе сего—*Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ*, т. е. смерти конецъ, потому что конецъ грѣху..

Смерть! гдѣ твое жало? адъ! гдѣ твоя побѣда? Отнынь путь жизни ясенъ. Онъ—животворящее слово и дѣло живо-

носной любви. Съ нею чрезъ свою жизненную Гологоу
идемъ, Господи, къ Тебѣ въ радости воскресенія!...

Свящ. *Е. Капраловъ.*

Чинъ умовенія ногъ, совершаемый нынѣ въ Іерусалимѣ и на островѣ Патмосѣ ¹⁾).

Кромѣ Іерусалима, на Востокѣ нынѣ совершается чинъ умовенія ногъ еще только на островѣ Патмосѣ игуменомъ знаменитой Іоанно-Богословской обители. Чинъ этотъ во многомъ сходенъ съ іерусалимскимъ, но имѣеть и свои любопытныя особенности, объясняющіяся тѣмъ, что чинъ этотъ, какъ увидимъ ниже, принятый изъ Іерусалима сохранилъ въ себѣ традиціонныя, древнія черты, выброшенныя редакторами іерусалимскаго чина въ 1885 году.

И здѣсь, на Патмосѣ, чинъ умовенія ногъ совершается внѣ храма, на одной изъ двухъ городскихъ площадей. Кромѣ подражанія Іерусалиму, объясненія этого явленія здѣсь нужно искать и въ мѣстныхъ причинахъ: въ крайне небольшихъ размѣрахъ соборнаго монастырскаго храма и въ громадномъ стеченіи сюда богомольцевъ къ этому дню съ сосѣднихъ острововъ. Для церемоніи умовенія и здѣсь устроается также возвышенный помостъ, устилаемый коврами. Легкій деревянный барьеръ его убирается гирляндами зелени изъ мерсины и нарда. На четырехъ углахъ помоста водружаются фонари со свѣчами, убранные живыми и искусственными цвѣтами. Здѣсь же устанавливаются кресты и репиды. По срединѣ возвышается столикъ для ниптира (умывальницы), за нимъ ставится кресло для игумена, а по сторонамъ его—сѣдалища для участвующихъ въ совершеніи обряда умовенія ногъ. Здѣсь же на возвышеніи, въ одномъ изъ угловъ его, готовится аналой для чтеца евангелія. На помостъ ведетъ въ нѣсколько

¹⁾ См. № 12 с. г.

ступенекъ лѣстница. Въ одномъ изъ угловъ площади помѣщается икона Спасителя.

По окончаніи литургіи въ соборѣ, всѣ участвующіе въ обрядѣ іеромонахи, въ священномъ одѣяніи, въ камилавкахъ, покрытыхъ флеровою наметкою, въ преднесеніи креста и лампадь, выходятъ изъ храма по парно въ такомъ порядкѣ:

Изображающіе апостоловъ	Андрея и Іакова	Алфеева,
„	„	Симона Кананита и Θαδдея,
„	„	Матѳея и Варѳоломея,
„	„	Филиппа и Θому,
„	„	Іакова и Іоанна, сыновъ Зеведеевыхъ,
„	„	Петра и <i>Іуду</i> .

Апостола Іуду изображаетъ *мірянинъ*. За участниками въ обрядѣ слѣдуютъ іеродіаконы съ кадилами, совершая на пути кажденіе игумена. Игумень идетъ рядомъ съ іеродіакономъ, назначеннымъ читать евангеліе, которое онъ и несетъ въ своихъ рукахъ.

Чинъ начинается возгласомъ игумена: „Благословенъ Богъ нашъ“, послѣ котораго читается псаломъ: „Господи услыши молитву мою“ и поется пѣвцами пятая пѣснь канона Великаго четверга во все время пути на площадь, гдѣ имѣетъ происходить обрядъ умовенія ногъ. По приходѣ на устроенное возвышеніе, игумень прочитываетъ первую молитву: „Господи Боже нашъ, показавый намъ мѣры смиренія“, занимающую въ обычномъ чинѣ умовенія ногъ второе мѣсто—на главопреклоненіи. Затѣмъ чтець евангелія возглашаетъ: „И о сподобитися намъ слышанію святаго евангелія“ и читаетъ составное евангеліе, начиная съ евангелія Марка X главы, ст. 32—45, въ которыхъ описывается бесѣда Господа съ учениками Іаковымъ и Іоанномъ, сынами Зеведеевыми; далѣе изъ евангелія Матѳея XX глава, ст. 22—29, изъ евангелія Іоанна гл. XIII, 2—18, въ которыхъ излагаются діалоги Христа съ апостоломъ Петромъ и бесѣда Христа послѣ умовенія ногъ.

Игуменъ оmyваетъ ноги участниковъ обряда розовою водою и при помощи двухъ діаконовъ потомъ отираетъ ихъ лентіемъ. По умовеніи ногъ, прочитывается изъ евангелія Іоанна XIV гл. ст. 1—11, и вслѣдъ затѣмъ читается изъ евангелія Матѳея глава XXVI, 36—46. Сказавъ: „Сѣдите ту, дондеже шедъ помолюся тамо“ (ст. 36), игуменъ беретъ трехъ іеромонаховъ, изображающихъ апостола Петра, Іакова и Іоанна, спускается съ ними съ возвышеннаго помоста и, сажая ихъ на ступенькахъ его, говоритъ: „Прискорбна есть душа моя до смерти: пождите здѣсь и бдите со мною“, (ст. 38). Затѣмъ отходитъ въ то мѣсто площади, гдѣ имѣется икона Спасителя; молится: „Отче мой, аще возможно есть, да мимо идетъ отъ мене чаша сія: обаче не якоже азъ хочу, но якоже ты“ (ст. 39.); возвращается къ ступенькамъ помоста и, находя оставленныхъ учениковъ спящими, говоритъ къ нимъ: „Тако ли не возмогосте единаго часа побдѣти со мною. Бдите и молитесь, да не внидете въ напасть: духъ убо бодръ, плоть же немощна“, (ст. 40—41). Потомъ снова игуменъ отходитъ къ иконѣ и, произноситъ: „Отче мой, аще не можетъ сія чаша мимоити отъ мене, аще не пою ея, буди воля твоя“ (ст. 42); послѣ молитвы возвращается во второй разъ къ спящимъ іеромонахамъ и, удалившись, молится въ третій разъ. По окончаніи молитвы, игуменъ подходитъ къ помосту и произноситъ: „Спите прочее и почивайте: се приближися часъ, и Сынъ человѣческій предается въ руки грѣшниковъ. Востаните, идемъ: се приближися предай мя“ (45—46). При этихъ словахъ игуменъ поднимается съ тремя названными іеромонахами на помость и читаетъ молитву: „Господи Боже нашъ, иже по многѣй милости истощивый себе“, послѣ которой дѣлается отпустъ Великаго четверга: „Иже за превосходящую благость путь добрѣйшій смиренія показавый внегда умыти ноги ученикомъ“. При пѣніи затѣмъ стихиры: „Господи, иже во многія грѣхи впадшая жена“, игуменъ кропитъ народъ водою умовенія, и процессія въ выше описанномъ порядкѣ возвращается въ монастырь.

Въ нашемъ изложеніи чины умовенія ногъ, совершаемыя нынѣ въ Іерусалимѣ и на Патмосѣ, имѣютъ довольно значительныя особенности. Мѣстомъ ихъ происхожденія однако же нужно считать Іерусалимъ, практику позднѣйшаго времени Сіонской церкви. За это говорятъ намъ и доселѣ еще сохраняющіяся въ обоихъ чинахъ многочисленныя черты сходства: мѣсто совершенія чина умовенія ногъ, украшенія его, названіе участниковъ обряда именами апостоловъ, даже порядокъ чтеній изъ евангелистовъ съ діалогами между Христомъ и всѣми апостолами, помимо діалоговъ между Спасителемъ и апостоломъ Петромъ, которые имѣются въ нашемъ современномъ чинѣ и въ древнѣйшихъ чинахъ византійскаго происхожденія ¹⁾. Если мы примемъ во вниманіе выше отмѣченныя нами въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ указанія паломниковъ русскихъ начала второй половины истекшаго столѣтія до 1885 года, въ которыхъ говорится объ устройствѣ близъ стѣны Авраміевскаго монастыря особенной часовни изъ иконъ и о произнесеніи въ ней патріархомъ геѳсиманской молитвы Спатителя, съ троекратнымъ приходомъ его къ ступенькамъ помоста, на которыхъ почиваютъ іеромонахи, изображающіе Петра, Іакова и Іоанна, (и сопоставимъ тотъ же моментъ въ патмосскомъ чинѣ умовенія ногъ, то чертъ сходныхъ между обоими чинами получится у насъ гораздо болѣе. Вполнѣ возможно предположить, что, если бы мы имѣли возможность

¹⁾ Въ чинѣ умовенія ногъ, практиковавшемся у насъ въ XVI столѣтіи и перенесенномъ несомнѣнно изъ Византіи, діалоги ведутся только между Христомъ и Петромъ или, точнѣе, между изображающими ихъ епископомъ и іеромонахомъ, но о послѣднемъ въ этомъ чинѣ дѣлается г акое любопытное замѣчаніе: „Тогда вставъ верховный, *мало яко пристрашенъ, и руки въздвигъ подѣ фелонемъ, показываетъ роукою правою къ ногамъ, глаголя гласомъ тихимъ* въ услышаніе всѣмъ: „Господи не нозѣ токмо“. *Тажъ показуя роуки, глаголетъ:* „Но и руцѣ“. *И обративъ роуки, показываетъ на главу, тоую мало преклонъ, глаголетъ:* „И главу“. Святитель: „Измовенный не требуетъ, токмо нозѣ умыти, есть бо весь чистъ“ и т. д. Ркп. соловец. библ. (Каз. дух. Акад.) № 1086 л. 463 об.; № 1090 л. 43 об. 50, ркп. М. Синод. библ. № 371 (675) л. 13 об.

составить подлинный списокъ чина умовенія ногъ, практиковавшагося въ Иерусалимѣ до 1885 года, съ нынѣ совершаемымъ чиномъ на Патмосѣ, который извѣстенъ намъ и по рукописямъ и даже въ описаніи, не отличающемся, къ глубокому сожалѣнію, полнотою и обстоятельностью, ¹⁾ то чертъ сходныхъ въ обоихъ чинахъ получилось бы еще больше и, быть можетъ, представилась бы полная возможность установить между обоими чинами генетическую связь, но къ сожалѣнію, кромѣ не точныхъ описаній іерусалимскаго чина у прежнихъ паломниковъ, для такого сопоставленія обоихъ чиновъ у насъ нѣтъ твердыхъ данныхъ.

Практикуемый нынѣ въ Иерусалимѣ чинъ умовенія ногъ составленъ и отпечатанъ въ 1885 году, по повелѣнію блаженнѣйшаго патріарха Никодима I, пребывающаго нынѣ на покоѣ въ Георгіевскомъ монастырѣ на островѣ Халки близъ Константинополя. Исправленіе чина умовенія ногъ въ это время было предпринято, какъ говорится въ предисловіи къ печатному изданію его ²⁾, съ цѣлью уничтожить многочисленныя „тавтологіи и повторенія“, отъ которыхъ происходили въ совершеніи чина умовенія ногъ, „замѣшательства, безпорядокъ и разногласіе“ выработать „лучшій и болѣе упрямоченный чинъ, точное выполненіе (*ἀπαρεχκλίτως*) коего вмѣнялось въ обязанность клиру Сіонской церкви. Предписаніе патріарха Никодима I и Синода его выполняется нынѣ въ Иерусалимѣ въ точности, но выработанный въ это время чинъ умовенія ногъ едва ли приобрѣлъ тѣ совершенства и положительныя качества, какія отъ него ожидалъ патріархъ Никодимъ I.

Существовавшія въ чинѣ повторенія однихъ и тѣхъ же чтеній по разнымъ евангелистамъ, безъ нужды удлинявшія

¹⁾ Описаніе этого чина сдѣлано патмосскимъ уроженцемъ М. Маландраки въ журналѣ „Σωτήρ“, 1890 ἔτ., томъ ιγ', τευχ. β'. σελ. 61—63.

²⁾ Чинъ этотъ носитъ такое заглавіе: „'Ακολουθία τοῦ ἱερῶς νηπτήρος, γινομένη ἐν τῇ πατριαρχικῇ θρόνῳ τῶν Ἱεροσολύμων“ ἐν Ἱεροσολομ. 1885 in fol. pag. 1—15

самое послѣдованіе чина, уничтожены—это несомнѣнно ¹⁾. Вѣрно также и то, что чинъ, благодаря опущенію въ евангельскомъ чтеніи разсказа о геосиманской молитвѣ Спасителя, сдѣлался короче. Но этимъ и исчерпываются положительныя качества исправленнаго чина. Если мы обратимъ вниманіе на внутреннія стороны даннаго чина, то едва ли возможно говорить о нихъ въ положительномъ смыслѣ. Прежде всего въ евангельскомъ чтеніи видна—*громоздкая и утомительная мозаичность*: все оно состоитъ изъ мелкихъ отрывковъ, позаимствованныхъ изъ различныхъ евангелистовъ. Въ изложеніи евангельскихъ событій не соблюдено послѣдовательности и цѣльности разсказа ²⁾ Переходы искусственны, однообразны и состоятъ изъ повторяющейся стереотипной фразы: „*Рече же имъ Иисусъ паки*“, и однажды: „*Паки же Иисусъ рече ученикамъ своимъ*“, которая принадлежитъ редакторамъ чина, а не евангелистамъ.

Въ чтеніи евангелія, для увеличенія драматическаго элемента и съ цѣлью дать возможность быть дѣйствующими лицами каждому изъ участниковъ чина умовенія ногъ, введены *произвольныя и неоправдываемыя евангельскимъ текстомъ монологи апостоловъ Матвея, Иакова Алфеева, Симона Кананитскаго, Иакова Заведеева и Андрея*. Самые мо-

¹⁾ Исключеніе составляетъ лишь повтореніе стиха 14 изъ XIV главы евангелиста Марка: „Учитель глаголетъ: гдѣ есть витальпица, идѣже пасху снѣмъ со ученики Моиими“. Стихъ этотъ произносится, по евангелію, патриархомъ и потомъ повторяется іеромонахами, изображающими Петра и Іоанна, предъ епископомъ, который представляетъ владѣльца горницы, необходимой для Тайной вечери.

²⁾ Въ извѣстномъ намъ по рукописи Аѳона - Пантелеимоновскаго монастыря 1728 года, „Послѣдованіи божественнаго умовенія ногъ“ составное *первое евангеліе* изложено въ такомъ порядкѣ: Марк. X, 32—34; Іоанн. XI, 16; Марк. X, 35—45; Матѳ. XIX, 29, 27—28; Іоанн. XIV, 1—10; XI, 7—10; XVI, 19—30; XIV, 21—24; XIII, 33—38; Лук. XXII, 35—36, 38; Матѳ. XXVI, 21—22; Іоанн. XIII, 22—25; Матѳ. XXVI, 23—25; Іоанн. XVI, 29—32, а ко второму обычному въ чинѣ умовенія ногъ евангелію прибавлена прощальная бесѣда Спасителя. Искусственныхъ переходовъ въ этомъ послѣдованіи нѣтъ.

нологи, правда, заимствованы изъ евангельскаго текста, по кто изъ апостоловъ произносилъ ихъ,—изъ Евангелія не видно. Евангелисты выражаются такъ: „Рѣша же отъ ученикъ его къ себѣ“, или: „Глаголаху убо“, или: „Глаголаша ему ученицы его“, а поэтому впадать въ уста указанныхъ апостоловъ евангельскіе тексты, произносимые по нынѣшнему чину умовенія ногъ, значить брать тяжелую отвѣтственность—толковать тексты Евангелія по своему усмотрѣнію.

Къ какимъ неожиданностямъ можетъ приводить подобное свободное обращеніе съ текстомъ евангелистовъ, нагляднымъ примѣромъ этого можетъ служить другой извѣстный намъ по рукописи Аѳоно-Пантелеимоновской библіотеки чинъ умовенія ногъ 1728 года, практиковавшійся несомнѣнно въ Іерусалимѣ и писанный нѣкимъ іереемъ Алевизомъ. Здѣсь, напр., въ уста апостола *Симона Петра* влагаются тѣ самыя слова, которыя, по современному чину, произносятся три апостола *Іаковъ Алфеевъ, Іаковъ Зеведеевъ и Андрей*, а именно: „Се нынѣ не обинуяся глаголеши, и притчи якоже не глаголеши“. Нынѣ вѣмы, яко вѣси вся, и не требуеши, да кто тя вопрошаетъ: о семъ вѣруемъ, яко отъ Бога изшелъ еси“ (Іоанн. XVI, 29—30); и, кромѣ того, слова: „Не вѣмъ, что глаголетъ“ (ст. 18); въ уста апостола Варѳоломея—слова: „Нынѣ вѣмы, яко вѣси вся“ съ прибавкою вначалѣ несуществующаго въ Евангеліи обращенія: „Господи“, которыя въ нынѣшнемъ чинѣ положены для произнесенія апостолу Іакову Зеведееву съ продолженіемъ: „и не требуеши, да кто тя вопрошаетъ“ (тамъ же); въ уста апостола Андрея слова: „Господи, се пожа здѣ два“ (Лук. XXII, 38), которыя въ нынѣшнемъ чинѣ совершенно опущены, а вмѣсто нихъ тому же апостолу положено произносить: „О семъ вѣруемъ и *отмы истинно*, ако отъ Бога пришелъ еси“.

Встрѣчаются и прямыя вставки ¹⁾ въ текстъ евангельскій, хотя и не многочисленныя, какъ напр., отвѣтъ епископа,

¹⁾ Имѣются и въ чинѣ 1728 года вставки, но весьма незначительныя: ὁ Ἰησοῦς, Κβρίε, Χριστός, αὐτῶ, Πάλιν ὁ Χριστός, ὁ παραδιδούς σε, по

изображающаго владѣльца дома, въ которомъ должно происходить умовеніе ногъ: „Сице есть“; слова іеромонаховъ, изображающихъ Петра и Іоанна, къ патріарху: „Господи, уже готова есть вся“, Къ словамъ: „О семъ вѣруемъ“ (Іоанн. XVI, 30) прибавлено: „и вѣмы истинно“, или къ словамъ: „Иду ко Отцу“ (ст. 17) прибавлено: „Моему“.

Наконецъ не выдержанъ вполнѣ и евангельскій рассказъ о Тайной вечери. Такъ какъ въ этомъ рассказѣ значительная роль отводится апостолу Іудѣ, предателю Спасителя, а изображение его лицомъ священнымъ было бы не совмѣстимо съ достоинствомъ того сана, которымъ оно облечено, то Іуда Искаріотскій совершенно не упоминается нынѣ въ іерусалимскомъ чинѣ умовенія ногъ и замѣняется Іудою не Искаріотскимъ, которому указывается въ чинѣ произнести слова: „Господи, и что бысть яко намъ хоцещи явитися, а не мірови“ (Іоанн. XIV, 22). Всѣ діалоги съ Іудою Искаріотскимъ въ этомъ чинѣ опущены ¹⁾. Патмосскій чинъ умовенія ногъ, допускающій къ исполненію этой неблагодарной роли *мірянина*, поэтому заслуживаетъ большаго вниманія и симпатіи, потому что въ обрядѣ сохраняется *историческая правда*.

Итакъ чинъ умовенія ногъ, совершаемый нынѣ въ Іерусалимѣ, при всѣхъ своихъ внѣшнихъ достоинствахъ, какъ наглядно въ лицахъ воспроизводящій передъ многотысячною толпою пилигриммовъ, сошедшихся сюда съ разныхъ концовъ свѣта, одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ послѣднихъ дняхъ жизни нашего Спасителя и производящій глубокое на нихъ впечатлѣніе, нельзя однако же отнести къ обрядамъ

за то здѣсь есть двѣ передѣлки евангельскаго текста; о Χριστός вм. Ἰησοῦς; (Іоанн. XIV, 3) и οἱ δὲ δεῖλα вм. οἱ δὲ ἄλλα (Марк. X, 41).

¹⁾ Въ чинѣ 1728 года Іуда Искаріотскій участвуетъ въ чинѣ умовенія ногъ вмѣстѣ съ Іудою не Искаріотскимъ и произноситъ слова Евангелія: „еда азъ есмь, равви“, получая въ отвѣтъ: „ты реклъ еси“ (Матѳ. XXVI, 25). Іуда Искаріотскій въ нынѣшнемъ чинѣ замѣняется апостоломъ Фаддеемъ, о которомъ чинъ 1728 г. совершенно не упоминаетъ.

строгаго литургическимъ. Здѣсь не мало принесено въ жертву драматическому эффекту со стороны составителей его, отступившихъ отъ текста евангелистовъ. Чинъ іерусалимскій умовенія ногъ ближе стоитъ къ древней мистеріи, чѣмъ къ подобному чину, практикуемому у насъ. И поэтому нельзя не одобрить мудраго распоряженія Сіонской церкви совершать его на подмосткахъ, *онъ храма*, а не внутри его, какъ онъ совершался въ древности въ церкви византійской и доселѣ совершается въ нашихъ кафедральныхъ соборахъ. Остается пожалѣть лишь о томъ, въ виду указанныхъ произвольныхъ вставокъ, что чтеніе евангелія въ этомъ обрядѣ предваряется принятыми въ церковной практикѣ возгласеніями: „Ио сподобится намъ слышанію *святого евангелія*...“ и „*Премудрость*“, которыя въ данномъ случаѣ не вполне подходящи.

А. Дмитріевскій.

О русской религиозной и церковной скульптурѣ 1).

Византійское вліяніе на русскую религиозную скульптуру открывається со времени принятія Русью православной вѣры и, послѣ значительнаго промежутка времени, получаетъ нѣкоторое оживленіе въ эпоху возрожденія искусствъ.

Къ числу скульптурныхъ произведеній, появившихся на Руси въ великокняжескій, до-татарскій періодъ ея исторіи, относятся слѣдующіе ихъ виды:

1) Рѣзные каменные кресты, предназначавшіеся не для церковнаго употребленія. Сюда относятся каменные кресты, поставлявшіеся строителями какихъ-либо общественныхъ работъ какъ для испрошенія Божіей помощи, такъ и для увѣковѣченія своей памяти, а также кресты, поставлявшіеся въ память какихъ-либо историческихъ событій, и, наконецъ, надъ могилами умершихъ.

1) Смотри № 11-й „Рук. для сельск. наст.“ за 1904-й г.

Послѣ извѣстнаго Тмутараканскаго камня съ рѣзною надписью 1068 года ¹⁾, древнѣйшимъ въ этомъ родѣ памятникомъ, съ изображеніемъ креста, нужно признать вырѣзанный на камнѣ Двинской крестъ съ надписью „Господи, помози рабу своему Борису“, вѣроятно поставленный при выправкѣ теченія р. Западной Двины и приписываемый одному изъ Полоцкихъ князей Борису Всеславичу, умершему въ 1128 году ²⁾. За нимъ, по времени, слѣдуютъ каменные кресты Стерженскій и Лопасницкій, изъ которыхъ первый поставленъ въ 1133 году Новгородскимъ посадникомъ Ивакомъ Павловичемъ при началѣ работъ надъ каналомъ, который долженъ былъ соединить верховья Волги съ р. Полою, притокомъ р. Ловати ³⁾. Верстахъ въ 20 отъ г. Орши, Могилевской губ., доселѣ находится пограничный камень съ вырѣзанными на немъ крестомъ и надписью, изъ которой видно, что крестъ этотъ „доспелъ“ 7 мая 1171 года Рогволодомъ, въ крещеніи Василіемъ, сыномъ Борисовымъ, однимъ изъ Полоцкихъ князей ⁴⁾. Въ сѣверную стѣну Васильевской церкви во Владимірѣ Волинскомъ вдѣлана доска изъ шифернаго камня, съ изображеніемъ креста и загадочною надписью, въ которой испрашивается Божія помощь при начатіи какого-то дѣла, кажется, 1194 года ⁵⁾. Въ скоромъ времени подобные рѣзные каменные

¹⁾ См. о немъ „Славно-русская палеографія XI—XIV вв.“, изд. И. Срезневскаго, СПб., 1885 г., стр. 131—4.

²⁾ „Двинскіе, или Борисовы камни“, А. Сапунова, Витебскъ, 1890 г., стр. 28.

³⁾ „Описаніе Тверскаго музея“, А. К. Жизневскаго, Москва, 1888 г., стр. 36. См. рефератъ В. И. Колосова „Стерженскій и Лопасницкій кресты въ связи съ древними водными путями въ верхнемъ Поволжьи“, въ „Трудахъ VIII археологич. съѣзда въ Москвѣ“.

⁴⁾ „Бѣлоруссія и Литва“, изд. П. Н. Батюшкова, СПб., 1890 года, стр. 35, и прилож. стр. 153—4.

⁵⁾ „Памятники древняго православія въ г. Владимірѣ Волинскомъ“, Е. Н. Дверницкаго, Кіевъ, 1889 г., стр. 23—5. Предлагаемъ слѣдующее чтеніе этой надписи: „Помози Бже ра (вѣ) г (всѣмъ) князю Из (всѣмъ) въ лѣ (тѣ) (ѣ)шк (6702—1194) нун ѿ“.

кресты, но болѣе тщательно отдѣланные, перешли уже и въ самыя храмы. Въ Крестовоздвиженскомъ придѣлѣ древняго Георгіевскаго храма въ г. Юрьевѣ Польскомъ находится большой изъ бѣлыхъ камней крестъ съ рельефными изображеніями распятія и предстоящихъ и съ такою рѣзною надписью: „созоружися сей честный и животворящій крестъ Господень благовѣрнымъ княземъ Святославомъ Всеволодовичемъ въ лѣто 6732“ (1224) 1)..

2) Каменные рѣзные саркофаги, или гробницы въ чисто византійскомъ вкусѣ. Таковы, напримѣръ, каменные гробницы, открытыя въ развалинахъ древней Десятинной церкви въ Кіевѣ, и мраморная гробница Ярослава 1 въ Кіево-Софійскомъ соборѣ 2). Последняя имѣетъ большое сходство съ древними Равенскими саркофагами и особенно съ саркофагомъ Равенскаго архіепископа Теодора 3).

3) Каменные барельефы, служившіе для наружнаго украшенія храмовъ. Таковы два барельефа изъ краснаго шифера, вдѣланные въ стѣну пынѣшняго типографскаго зданія Кіево-Печерской лавры, современные основанію Великой лаврской церкви, изъ которыхъ на одномъ изображенъ человѣкъ, раздирающій пасть льва и принимаемый за Сампсона, а на другомъ—царственная особа, везомая на колесницѣ двумя львами. Эта царственная особа есть, по всей вѣроятности, одинъ изъ тѣхъ царей, которые, по видѣнію пророка Даніила (глав. 8, ст. 17 и 18), являются представителями четырехъ царствъ: Вавилонскаго, Мидійскаго, Персидскаго и Македонскаго 4).

1) „Русскія древности“, гр. И. И. Толстого и Н. П. Кондакова, вып. VI, СПб., 1899 г., стр. 90. О надгробномъ каменномъ крестѣ 1459 г. см. „Путеводитель по Ростовскому музею церковныхъ древностей“, Ѳ. А. Бычкова, Ярославль, 1886 г., стр. 8 и 9.

2) „Описаніе Кіева“, Фундуклея, 1846 г., стр. 28 и 36.

3) „Очерки памятниковъ православной иконографіи и искусства“, Н. В. Покровскаго, вып. 2, СПб., 1894 г., стр. 217.

4) „Историко-топографическіе очерки древняго Кіева“, Н. И. Петрова, Кіевъ, 1897 г., стр. 76.

Таковы же два барельефа изъ красного шифера, нынѣ вдѣланные въ южную стѣну главнаго храма Кіевскаго Златоверхо-Михайловскаго монастыря, съ изображеніями святыхъ великомучениковъ Дмитрія и Георгія. По всей вѣроятности, это были свв. покровители кіевскихъ великихъ князей Изяслава, въ крещеніи Дмитрія Ярославича (1054—1078 г.г.), построившаго въ 1062 году въ Кіевѣ Дмитріевскій монастырь, и отца его Ярослава I Мудраго, въ крещеніи Георгія ¹⁾. Особенное же развитіе получили рельефныя изображенія на камняхъ и прилѣпахъ въ Суздальской землѣ, находясь обыкновенно въ тѣсной связи съ архитектурою тамошнихъ древнихъ храмовъ и служа какъ бы орнаментальнымъ дополненіемъ къ ней, какъ, напр., въ Дмитріевскомъ соборѣ и въ г. Юрьевѣ Польскомъ. Здѣсь изъ византійскихъ и восточныхъ мотивовъ началъ вырабатываться особый національный стиль русскій въ архитектурѣ и скульптурѣ; но развитіе этого стиля прервано было татарскимъ нашествіемъ ²⁾.

4) Каменные образки и иконы съ рѣзными или глиняными тисненными изображеніями для частнаго чествованія и домашняго употребленія. Значительное число такихъ образковъ, по времени относящихся къ до-татарской эпохѣ, найдено въ послѣдніе годы на городищѣ „Княжа Гора“, Черкаскаго у., Кіевской губ., возлѣ г. Канева. Таковы образки распятія Господня съ предстоящими, Богородицы, св. Николая чудотворца, св. великомученика Георгія на конѣ и др. ³⁾.

5) Рѣзные на деревѣ кресты, иконы и т. п. О нихъ не сохранилось прямыхъ свѣдѣній изъ до-татарскаго періода рус-

¹⁾ Тамъ же, стр. 151 и 152. Сличн подобное скульптурное изображеніе изъ Абхазіи въ „Археологич. Извѣстіяхъ и Запѣткахъ“ за 1895 г., Москва, №№ 7 и 8.

²⁾ „Русскія древности“, гр. И. И. Толстого и Н. П. Кондакова, вып. VI, стр. 8—48.

³⁾ „Каталогъ украинскихъ древностей“ В. В. Тарновскаго, Кіевъ, 1898 г., №№ 28 и 29; „собраніе Б. И. и В. Н. Уапенко, Древности русскія“, вып. II, Кіевъ, 1900 г., табл. XXVII, №№ 304—310.

ской исторіи. Почти не сохранилось и памятниковъ этого производства—вѣроятно вслѣдствіе неустойчивости матеріала. Примѣненіе рѣзбы по дереву къ русскимъ иконамъ до-татарскаго періода мы можемъ отчасти видѣть на древнѣйшей иконѣ св. Николая, черезъ которую совершилось въ Кіевѣ, въ XI—XII в.в., чудо надъ половчиномъ, и которая находится теперь въ Новосильскомъ Свято-Духовскомъ монастырѣ Тульской епархіи. Верхняя часть этой иконы украшена была выдолбленною или вырѣзанною на самой дскѣ аркою, или дугою, которая, къ сожалѣнію, въ послѣднее время стесана¹⁾. Древность формы такихъ иконъ съ арками, въ видѣ кіота, подтверждается и подобными мѣдными образками до-татарскаго періода, несомнѣнно представляющими изъ себя миньютюрныя копии, или воспроизведенія современныхъ имъ чтимыхъ иконъ. Таковы, напр., древніе мѣдные образки, съ арками или кіотцами, Богородицы Одигитріи²⁾, распятія съ двумя предстоящими³⁾, святителя Николая и архангеловъ Михаила и Гавріила⁴⁾. Есть и прорѣзные древніе металлическіе образки, напр., распятія съ предстоящими⁵⁾, св. Бориса и Глѣба на коняхъ⁶⁾, воспроизведенные, повидимому, съ соответствующихъ скульптурныхъ изображеній. Но уцѣлѣли и донинѣ до насъ деревянные рѣзные, въ собственномъ смыслѣ, кресты и иконы лишь съ XIII в. Между деревянными рѣзными крестами въ

¹⁾ „Кіево-Подольская церковь Николая Добраго“, А. Георгіевскаго, Кіевъ, 1892 г., стр. 20, примѣч. 1.

²⁾ „Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ Кіевѣ въ частныхъ рукахъ“, Н. А. Леонадрова и Н. П. Чернева, вып. I, Кіевъ, 1890 г., табл. 1, № 7; вып. 3—4, 1891 г., табл. 5, № 41; серія 2, вып. 1, 1891 г., табл. 3 и 4, № 2; „Собраніе“ Б. И. и В. П. Ханенко, вып. 2, 1900 г., №№ 331—334.

³⁾ „Сборникъ“ Леонадрова и Чернева, серія 2, вып. 2, 1893 г., табл. 2, № 9; „Собраніе“, Ханенко, вып. 1, табл. 4, № 46; табл. 9, № 110, и вып. 2, №№ 284 и 318.

⁴⁾ „Сборникъ“ Леонадрова и Чернева, серія 2, вып. 1, 1891 г., табл. 3, № 6, и табл. 4, № 3.

⁵⁾ „Собраніе“, Ханенко, вып. 1, №№ 46 и 109, и вып. 2, № 348.

⁶⁾ Тамъ же, вып. 1, № 47.

Новгородѣ, по своей извѣстности, занимаетъ первое мѣсто *чудный крестъ*, хранимый въ часовнѣ на лѣвомъ берегу Волхова, при выѣздѣ изъ кремля на мостъ, представляющій рельефное распятіе съ четырьмя предстоящими. Крестъ можетъ принадлежать еще XIII вѣку. Другой осьмиконечный рѣзной крестъ находится на Софійской сторонѣ въ церкви св. мучениковъ Флора и Лавра и относится къ 1359 году. На крестѣ, въ медальонахъ, размѣщены мелкія изображенія легкаго рельефа, грубаго рисунка, но характернаго, всего числомъ до 15-ти ¹⁾. Въ Ярославской епархіи, Ростовскаго уѣзда, въ Николаевскомъ погостѣ, что у Иисусова креста, хранится рѣзное изображеніе распятія Христова, явившееся, вмѣстѣ съ чудотворнымъ образомъ св. Николая, въ 1423 году. Изображеніе распятія—рѣзное изъ липоваго дерева. Фигура Спасителя на крестѣ сдѣлана во весь ростъ человѣка въ стилѣ глубокаго упадка византійскаго искусства. На верхнемъ концѣ креста находится надпись полу-греческими, полу-славянскими буквами: *Ζταχορῶ Ἐκχῶν* ²⁾).

Вообще въ до-татарскій и непосредственно слѣдовавшій за нимъ періоды русской исторіи религіозная рѣзба ограничивалась, судя по уцѣлѣвшимъ памятникамъ, барельефами и притомъ же примѣняема была преимущественно къ частнымъ, домашнимъ, или же и церковно-общественнымъ, но декоративнымъ, орнаментальнымъ памятникамъ и только отчасти употреблялась для украшенія священныхъ иконъ церковно-общественнаго характера. Бронзовыхъ же и каменныхъ статуй не видно, равно какъ мы не встрѣчали и барельефовъ на кости, что можно объяснить какъ недостаткомъ искусныхъ ваятелей и скульпторовъ, такъ и недостаткомъ матеріала, напр., слоновой кости, въ до татарской Русп.

¹⁾ „Русскія древности“, гр. И. И. Толстого и П. П. Кондакова, вып. VI, стр. 166—168.

²⁾ „Житіе и чудеса св. Николая чудотворца и слава его въ Россіи“, А. Вознесенскаго и Θ. Гусева, СПБ., 1899 г., стр. 540—550.

Съ XV вѣка византійская скульптура стала возрождаться подь вліяніемъ западной Европы и въ частности Италіи и въ свою очередь оказывать, вмѣстѣ съ другими аналогичными факторами, благотворное вліяніе и на религіозную скульптуру въ Россіи.

Въ области религіозной византійской живописи извѣстна такъ называемая „Критская школа“, съ XV вѣка почерпавшая обновленіе для себя въ западной живописи, преимущественно итальянской ¹⁾. Представителями этой школы были: Белесскій епископъ Нектарій, составившій типикъ о церковномъ и настѣнномъ письмѣ, который въ 1599 году сталъ извѣстенъ въ Россіи на русскомъ языкѣ ²⁾, и составители греческихъ наставленій въ живописномъ искусствѣ священникъ Даниилъ 1672 г., Діонисій Фурноаграфіотъ и др. ³⁾. Въ духѣ этихъ наставленій, и притомъ же греческими живописцами, вновь расписана была, при кіевскомъ митрополитѣ Петрѣ Могиль, кіевская церковь Спаса на Берестовѣ ⁴⁾.

Въ параллель этой Критской школѣ живописи нужно предполагать и возрожденіе, съ XV вѣка, византійской религіозной скульптуры, подь вліяніемъ скульптуры западной и особенно итальянской. Возрожденіе это особенно выразилось въ скульптурѣ барельефовъ и миньятюръ, имѣющей тѣсную связь съ живописью, такъ какъ она обыкновенно не отличается оригинальнію вымысла и воспроизводитъ только готовые живописные сюжеты. Какъ на образчикъ итальянской скульптуры эпохи возрожденія, мы можемъ указать на складной нагрудный крестикъ изъ буковаго дерева, 1455 года, съ

¹⁾ „Путешествіе по Востоку и его научные результаты“, А. А. Дмитріевскаго, въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи“, ноябрь, 1889 г., стр. 333 и сл.

²⁾ О типикѣ Нектарія см. „Записки Императорскаго русскаго Археологич. Общества“, т. XI, кн. 4, 1899 г., стр. 1 и сл.

³⁾ Изд. въ „Трудахъ Кіевской Дух. Академіи“ за 1867 и 1868 годы.

⁴⁾ См. „Древнѣйшая въ Россіи церковь Спаса на Берестовѣ“, Н. М. Семеновскаго, Кіевъ, 1877 г.,

миньятюрными и тонко исполненными рѣзными изображениями страстей Христовыхъ, прибрѣтенный въ сѣверной Италіи и находящійся въ одномъ частномъ собраніи ¹⁾). Эта скульптура барельефовъ и миньятюръ получила широкое развитіе и въ Византіи и у южныхъ и восточныхъ славянъ. Къ XVII вѣку относится свидѣтельство греческаго врача Іоанна Комнина, обозрѣвавшаго св. Гору, о томъ, что болгары и русскіе издревле любили упражняться въ иконописи и рѣзбѣ, что искусство ихъ отличалось особеннымъ пошибомъ, заимствованнымъ отъ духа и нравовъ отечества. Ученый XVIII в. Ассемани говоритъ, что аѳонскіе монахи „вырѣзывали съ превосходною обронною работою иконы и кресты изъ бука, кедра и другихъ деревъ, на коихъ изображали распятаго Спасителя, Богоматерь, дванадцатые праздники и разныхъ святыхъ Восточной Православной Церкви. Такимъ издѣліемъ украшая свой досугъ, иноки снискивали себѣ пропитаніе ²⁾).

Кромѣ Аѳона, съ XVII вѣка появляются рѣзныя религіозныя издѣлія и въ Іерусалимѣ, и притомъ не только на деревѣ, но и на камнѣ и на жемчужныхъ раковинахъ. Къ такимъ іерусалимскимъ издѣліямъ нужно отнести: часть кипариснаго рѣзнаго креста, съ Кавказа, изъ Пицунды ³⁾; изображение бесѣды Спасителя съ Закхеемъ, рѣзанное на простомъ іорданскомъ камнѣ—круглышѣ ⁴⁾, и рѣзное изображеніе иконы Знаменія Пресв. Богородицы на большой жемчужной раковинѣ, найденное въ Азовѣ при разрытіи крѣпостнаго вала и пересланное, по указу императора Петра I, въ соборную церковь г. Павловска, Воронежской губерніи ⁵⁾.

¹⁾ Въ Кіевѣ, въ собраніи Б. И. Ханенко.

²⁾ „Древности Россійскаго Государства, изд. по Высочайшему повелѣнію“, Москва, 1849 г., отд. 1, стр. 53.

³⁾ „Указатель церковно—археологич. музея при Кіевской дух. академіи“, Кіевъ, 1897 г., № 3260.

⁴⁾ Тамъ же, Леопардовск. коллекція, № 275.

⁵⁾ „Записка для обозрѣнія русскихъ древностей“, С.-Петербургъ, 1851 г., стр. 60.

При частыхъ и близкихъ сношеніяхъ Россіи, и особенно южной, съ православнымъ Востокомъ вообще и особенно съ Аеономъ, разныя издѣлія эпохи византійскаго возрожденія не только заносимы были на Русь въ готовомъ видѣ, но и вызвали собою соотвѣтствующія подражанія имъ. Русскіе люди, особенно духовныя лица, имѣя передъ собою образцы восточной православной рѣзбы, пытались подражать имъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ привносили въ свою работу и свои отечественныя и мѣстные религіозныя сюжеты и мотивы. При многосложности религіозныхъ отношеній и вліяній въ южно-русской Церкви съ XV вѣка, возможно было здѣсь и вліяніе западной римско-католической скульптуры; но и оно не шло въ разрѣзъ съ вліяніемъ скульптуры византійскаго возрожденія, умѣряемо было древними православными преданіями и новыми византійскими примѣрами, и потому не выступало изъ области барельефовъ и не переходило къ статуарнымъ издѣліямъ, хотя несомнѣнно пролагало путь и послѣднимъ.

Изъ рѣзныхъ крестовъ эпохи византійскаго возрожденія, занесенныхъ къ намъ съ православнаго Востока, наиболѣе древними являются *три* креста второй половины XV вѣка, изъ которыхъ *одинъ* греческій, а *два* юго-славянскихъ, но исполненныхъ въ византійскомъ духѣ. Древнѣйшимъ изъ нихъ нужно считать напрестольный рѣзной на деревѣ крестъ, со слѣдующею рѣзною подписью внизу: „Молба раба Божія митрополита Теоктиста С.“¹⁾ Правонаписаніе имени *Теоктистъ* вмѣсто *Теоктистъ*, а также болгаризмы въ надписяхъ надъ рѣзными изображеніями креста показываютъ, что м. Теоктистъ былъ родомъ болгаринъ. А все это указываетъ на Молдо-влахійскаго митрополита Теоктиста, титуловавшагося Сочавскимъ, который былъ родомъ болгаринъ, служилъ, въ качествѣ архидіакона, у извѣстнаго защитника православія

¹⁾ Хранится въ Житомирскомъ Церковно-археологич. Музеѣ. См. „Каталогъ выставки XI археологич. съѣзда въ Кіевѣ“, Кіевъ, 1899 г. „Отдѣлъ церковн. древностей“, стр. 31.

Марка Ефесскаго, потомъ принялъ посвященіе въ санъ митрополита Сочавскаго и скончался въ 1477 году. О немъ передають, что онъ, послѣ Флорентинскаго собора (1438 г.), побудилъ молдавскаго господаря изгнать изъ своей страны не только тѣхъ, которые держались чуждыхъ православной вѣрѣ мыслей, но и запретить латинскія слова въ молдавскомъ языкѣ и принять вмѣсто нихъ славянскія ¹⁾). На обѣихъ сторонахъ этого креста изображено 8 Господскихъ и Богородичныхъ праздниковъ и 6 святыхъ. Вѣроятно, славяно-молдавскаго же происхожденія, судя по надписямъ, подобный рѣзной на деревѣ крестъ, сверху и снизу уже обломанный, съ рѣзными изображеніями избранныхъ праздниковъ и евангельскихъ событій, въ 12-ти клеймахъ ²⁾). Къ самому концу XV в. относится рѣзной кипарисный 4-конечный крестъ греческой работы и съ греческими надписями, принадлежавшій священномученику Макарію, митрополиту кievскому, убіенному татарами въ 1497 году, и нынѣ находящійся въ ризницѣ Кіево-Софійскаго собора ³⁾). Вѣроятно онъ пожалованъ былъ священномученику Макарію константинопольскимъ патріархомъ Нифонтомъ въ 1496 году, при утвержденіи въ санъ митрополита кievскаго ⁴⁾), и служилъ ему наперснымъ крестомъ. Лицевая сторона его украшена мипьятурною рѣзбою въ 6-ти клеймахъ.

Ко второй половинѣ XVI вѣка относятся три рѣзныхъ кипарисныхъ креста, съ аканѳами внизу, опредѣляющими хронологическую близость ихъ между собою по времени работы. Два изъ нихъ, съ греческими надписями, описаны и изданы въ „Древностяхъ Россійскаго Государства, издава-

¹⁾ „Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской“, Е. Голубинскаго, Москва, 1871 г., стр. 379 и 382.

²⁾ Хранится въ Житомирскомъ церковно-археологич. музеѣ. См. „Каталогъ выставки XI археологич. съѣзда въ Кіевѣ“, „Отдѣлъ Церкви. древностей“, стр. 31.

³⁾ „Описаніе Кіева“, Фундуклея, стр. 43 и 80, рисун. № 16.

⁴⁾ „Труды Кіевск. дух. академіи“, май, 1897 г., стр. 12.

емых по Высочайшему повелѣнію“. На поверхности этихъ крестовъ, въ клеймахъ, изображены рѣзбою 12 праздниковъ, по концамъ крестовъ—4-ре евангелиста съ ихъ символами, а на вѣтвяхъ акантоовъ—поясненія изображенія пророковъ¹⁾. Третій подобный крестъ ставропигиальный данъ въ 1620 году іерусалимскимъ патріархомъ Теофаномъ Кіево-Братскому монастырю на утверженіе его ставропигіи, но, по свидѣтельству надписи на окладѣ рукоятки, сдѣланъ въ 1600 году по заказу Влашской царицы Нѣги, въ Св. Гору, въ покои митрополита Теофана. Онъ украшенъ многочисленными миньютюрными рѣзными изображеніями не только на лицевой и оборотной, но и на боковыхъ его сторонахъ²⁾.

Конечно, на этихъ занесенныхъ въ Россію въ Востока рѣзныхъ крестахъ нельзя искать русскихъ сюжетовъ и мотивовъ. Есть на нихъ даже и нѣчто непонятное для русскаго человѣка, какъ, напр., олицетвореніе „Космоса“, или міра въ изображеніи Сошествія Св. Духа на апостоловъ. Но подобные кресты послужили образцами и для русскихъ издѣлій этого рода. Отъ XVI вѣка сохранился цѣлый рядъ южно-русскихъ рѣзныхъ деревянныхъ крестовъ грубой работы, съ рѣзными изображеніями на одной сторонѣ распятаго Спасителя, а на другой—Богородицы. На многихъ изъ нихъ вырѣзаны внизу изображенія преподобныхъ Антонія и Θεодосія Печерскихъ³⁾, свидѣтельствующія о томъ, что они рѣзаны или въ Кіевѣ, или же, по крайней мѣрѣ, подъ непосредственнымъ его вліяніемъ.

Болѣе поздніе рѣзные кресты русскаго производства, допуская, наравнѣ съ византійскими, и русскіе сюжеты и мотивы, отличаются сравнительно лучшею техникою, приближа

¹⁾ Отдѣленіе I, Москва, 1849 г., стр. 56 и 57, и рисунки №№ 33 и 34.

²⁾ „Описаніе Кіева“, Фундуклея, стр. 68 и 80, №№ 46 и 74; см. „Кіево-Братскій училищный монастырь“, Н. О. Мухина, Кіевъ, 1893 г., стр. 290 и 291, и таблицы снимковъ 6 и 7.

³⁾ „Указатель Церковно-археологич. музея при Кіевской духовной академіи“, №№ 3256, 4004, и Леонардов. коллекц., №№ 12, 17, 19, 22 и 72.

ющею ихъ къ византійскимъ издѣліямъ этого рода. Таковъ, напримѣръ, деревянный рѣзной напрестольный крестъ 1576 года, находящійся въ с. Иваничахъ, Владиміро-Волинскаго уѣзда, съ 12-ю изображеніями евангельскихъ событій и праздниковъ и 8-мью изображеніями отдѣльныхъ святыхъ. Въ кругъ изображеній этого креста введенъ уже русскій праздникъ Покрова Пресв. Богородицы и на оборотной сторонѣ изображены святые—вѣроятно, покровители заказчиковъ ¹⁾. Другой рѣзной крестъ начала XVII вѣка, принадлежавшій Замостьской Николаевской церкви, въ ряду 16-ти медальоновъ съ рѣзными изображеніями, имѣетъ внизу оборотной стороны медальонъ, на которомъ изображенъ св. Николай, сидящій на престолѣ, съ храмомъ въ лѣвой рукѣ, а правую благословляющій ²⁾. Это изображеніе даетъ понять, что крестъ заказанъ былъ именно для Замостьской Николаевской церкви, построенной въ началѣ XVII вѣка. На нѣкоторыхъ крестахъ изображались и сами заказчики или строители храмовъ. Таковъ деревянный крестъ первой половины XVII в., найденный въ церкви с. Гощи, Волинской губерніи, съ рѣзными изображеніями на лицевой сторонѣ Іеговы, Св. Духа и распятія съ предстоящими Богоматерью и Іоанномъ Богословомъ. Внизу его изображенъ какой-то вельможа въ плащѣ, держащій въ рукѣ медаль церкви—вѣроятно, основатель храма ³⁾. Судя по гербу въ видѣ греческаго ипсилона, то былъ одинъ изъ представителей боярской фамиліи на Волини—Дереркало ⁴⁾.

¹⁾ См. фотографич. снимокъ тамъ же, № 15132.

²⁾ „Русскія древности и памятники православія Холмско-Подлишской Руси“, свщ. Ѳ. Гербачевскаго, Варшава, 1892 г., стр. 60—63, рисун. 21 и 22.

³⁾ Хранится въ Житомирскомъ церковно-археологич. музеѣ. См. „Каталогъ выставки XI археологич. съѣзда въ Кіевѣ“, „Отдѣлъ церковныхъ древностей“, стр. 31.

⁴⁾ О фамиліи Дедеркало см. Herbarz Polski, K. Niesieckiego, т. III, 1839 г., стр. 333—4.

Весьма интересенъ семиконечный рѣзной южно-русскій крестъ 1651 года какъ по своей композиціи, такъ и по хронологической датѣ и обозначенію мѣста производства и мастера. Композиція этого креста, весьма сложная, воспроизводитъ почти всѣ тѣ изображенія, какія встрѣчались на вышеописанныхъ крестахъ, и кромѣ того прибавляетъ и новые сюжеты. Но, при многосложности своего содержания, этотъ крестъ не отличается ни строгимъ порядкомъ изображенія праздниковъ и святыхъ, ни отчетливостію рѣзбы. Внизу, на оборотной сторонѣ, сдѣлана слѣдующая надпись: „Стараніемъ отца ігумена Мартиніяна Полумаркова, трудомъ раба Божія іеродіакона Софронія Хадоковскува дѣна-го мѣца февраля 1651 дна сооружися до обітели Гадяцкія храму С. Іоанна Милостива“. Здѣсь изображены и нѣкоторые русскіе праздники, напр. Покров. Пресв. Богородицы, и русскіе святые—Антоній и Θεодосій Печерскіе, а боковое изображеніе св. Іоанна Милостиваго указываетъ на тотъ храмъ Гадяцкаго монастыря, для котораго сооруженъ былъ этотъ крестъ ¹⁾).

Съ гораздо большею самостоятельностію примѣнялась техника скульптуры на югѣ Россіи въ XV вѣкѣ къ иконамъ на камнѣ и деревѣ. Ко времени возстановленія Великой церкви Кіево-Печерской лавры кіевскимъ княземъ Симеономъ Олельковичемъ, около 1470 года, вырѣзаны были рельефомъ на камняхъ *четыре* иконы, изъ которыхъ *три*—печерской иконы Богородицы и преподобныхъ Антонія и Θεодосія Печерскихъ, нынѣ окрашенныя краскою, вставлены впоследствии въ стѣны лаврской колокольни, а четвертая—неокрашенная икона Богородицы—хранится въ лаврской ризницѣ ²⁾). Къ концу XV вѣка относятся также *два* рѣзные на деревѣ иконы Софін

¹⁾ Хранится въ Житомирскомъ церковно-археологич. музеѣ. См. „Каталогъ выставки XI археологич. съѣзда въ Кіевѣ“, „Отдѣлъ церковныхъ древностей“, стр. 31.

²⁾ „Историко-топографическіе очерки древняго Кіева“, Н. И. Петрова, стр. 78 и 79.

Премудрости Божіей, изъ которыхъ одна принадлежитъ графу Бланжи, а другая находится въ собраніи графа Уварова. На первой изъ нихъ имѣется надпись, изъ которой видно, что икона сдѣлана попомъ Анастасіемъ по повелѣнію благовѣрнаго князя Феодора Ивановича Ярославича. То былъ Пинскій князь Феодоръ Ярославичъ, жившій во второй половинѣ XV и въ началѣ XVI вѣка. По палеографическимъ даннымъ, икона относится къ концу XV вѣка ¹⁾. Всѣ эти рѣзныя иконы имѣютъ въ виду воспроизведеніе отечественныхъ русскихъ святыхъ и исполнены довольно тщательно.

Позднѣйшая южно-русская рѣзба съ половины XVII вѣка или все болѣе и болѣе сбивается на ремесленный шаблонъ и клонится къ упадку, будучи, наконецъ, вытѣснена другими видами религіозной пластики, или же мало-по-малу воспринимаетъ въ себя элементы западнаго польско-католическаго вліянія.

Проф. *Н. Петровъ*.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ „Древности. Археологическій Вѣстникъ, издав. Московскимъ Археологическимъ Обществомъ“, за сентябрь—октябрь, 1867 г., ст. гр. А. С. Уварова объ этихъ иконахъ, стр. 193—203.

Наблюденія и замѣтки сельскаго священника.

Въ настоящее время правительство и общество серьезно заняты вопросомъ объ улучшеніи быта нашихъ крестьянъ о вообще сельскихъ обывателей. Странно—составлялись и составляется много комиссій для рѣшенія этого вопроса, а между тѣмъ не слышно, чтобы въ какую-либо подобную комиссію приглашены были духовныя лица! Еще болѣе странно—въ литературѣ встрѣчается масса статей по вопросу объ улучшеніи быта крестьянъ, и почти не слышно голоса нашихъ соотечественниковъ—духовенства. Чѣмъ можно объяснить такое явленіе?

Мнѣ кажется, это объясняется тѣмъ, что у насъ въ послѣднее время образовалась какими-то судьбами большая пропасть между религіей и міромъ, между духовенствомъ и мірянами. У насъ выходитъ такъ, что религія—это что-то постороннее для мірянъ, необходимое только для нѣкоторыхъ случаевъ въ жизни напр.—для крещенія, совершенія браковъ и т. п. Равно и духовенство у насъ такъ поставлено, что оно должно только удовлетворять случайнымъ потребностямъ мірянъ, т. е. крестить, хоронить и т. п.—и только. Нѣтъ у насъ близкаго взаимнаго общенія между мірянами и духовенствомъ,—общенія, которое благотѣльно вліяло бы на тѣхъ и другихъ. А такое общеніе непременно и обязательно должно быть...

Однимъ словомъ, у насъ, какъ это ни грустно, религія—сама по себѣ, а міръ—тоже самъ по себѣ. Вотъ почему міряне мало обращаютъ вниманія на дѣло религіи и ея представителей—духовенство; и наоборотъ, духовенство мало обращаетъ вниманія на дѣла міра, которыя должны были бы быть близки къ нему. Вотъ хотя бы, напр., въ данномъ случаѣ—въ вопросѣ объ улучшеніи быта сельскихъ обывателей—почему бы не привлечь духовенство да и самому духовенству почему бы не постараться принять ближайшее, непосредственное участіе

въ рѣшеніи этого вопроса? Вѣдь кто ближе всѣхъ стоитъ къ нашему простому народу? Кто лучше всѣхъ долженъ знать его, какъ не духовенство? Кто, поэтому, прежде всего и болѣе всего долженъ притти къ нему и на помощь? Духовенству даже въ личныхъ цѣляхъ нужно все сдѣлать, что можно, для улучшенія быта народа: если это улучшеніе состоится,—улучшится и бытъ самого духовенства.

Рѣзко, но вполне справедливо сказала Бѣлинскій: „тотъ подлѣ, кто не сдѣлалъ того, что онъ могъ сдѣлать“.— Въ самомъ дѣлѣ, не благовременно ли теперь намъ, духовенству, задаться вопросомъ: все ли мы сдѣлали, что могли сдѣлать, для блага народа, отъ котораго мы живемъ?... Съ другой стороны, и обществу нужно привлечь духовенство для рѣшенія такого важнаго и многотруднаго вопроса, какъ улучшеніе быта народа. Духовенство должно показать, что оно—„не послѣдняя сница въ колесницѣ“ жизни народнаго организма, а обществу пора бы уже отказаться отъ пренебрежительнаго взгляда на духовенство и такого же отношенія къ нему. Въ средѣ духовенства наблюдается очень много людей, которые окажутся весьма полезными въ дѣлѣ улучшенія быта нашего народа; а потому, общество должно кликнуть кличъ къ духовенству, а это послѣднее должно откликнуться на его призывъ и затѣмъ общими силами и дружно приняться за работу на благо нашего сельскаго люда. Извѣстны случаи, что *одинъ священникъ* могъ поднять не только религіозно-нравственное состояніе, но и матеріальный бытъ своихъ прихожанъ. Правда, такіе случаи рѣдки и являются исключеніемъ; но желательнымъ было бы, чтобы они сдѣлались по возможности общимъ правиломъ. Всѣми комиссіями признано, что самымъ главнымъ средствомъ для поднятія благосостоянія нашего народа является народное просвѣщеніе. Духовенство же—особенно въ послѣднее время—много трудится для этого просвѣщенія, и, стало быть, оно, уже посильно работаетъ для благосостоянія народа,—между тѣмъ, его не приглашаютъ въ комиссіи...

Кромѣ просвѣщенія, кромѣ того, что духовенство путемъ печати можетъ говорить о мѣрахъ улучшенія быта народа, оно можетъ путемъ раціональнаго веденія хозяйства на церковно—русской землѣ научить и прихожанъ вести его лучше, чѣмъ теперъ оно ведется. Къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ не видно и не слышно, чтобы веденіе хозяйства духовенствомъ являлось примѣромъ, образцомъ для прихожанъ. Счастливымъ исключеніемъ служитъ пчеловодство, которое ведется раціонально многими духовными лицами на поученіе прихожанамъ. Желательно было бы, чтобы и другія отрасли хозяйства сельскаго были поставлены у себя духовенствомъ болѣе или менѣе образцово. Въ этомъ отношеніи громадную услугу кандидатамъ священства оказало бы введеніе въ курсъ духовныхъ семинарій преподаванія сельскаго хозяйства. Нельзя не пожалѣть также, что тѣ лица изъ духовенства, которыя ведутъ раціональное хозяйство, мало сообщаютъ объ этомъ свѣдѣній въ поученіе другимъ.

Поэтому, скажутъ, что не дѣло духовенства заботиться о подъѣмѣ матеріальнаго благосостоянія прихожанъ, что его дѣло другое, именно—религіозно-нравственное просвѣщеніе народа.—Конечно, это правда. Но почему же не дѣлать и болѣе того, если можно? Вѣдь у духовенства есть церковно-ружная земля:—отчего же не пробовать вести на этой землѣ не такое хозяйство, какое велось нашими предками?—Улучшенное хозяйство, кромѣ народа, будетъ полезно и намъ лично. Дай только Богъ, чтобы мы не очень увлекались этимъ дѣломъ во вредъ нашей главной обязанности. И теперъ многія изъ насъ очень преданы хозяйству, но особенной пользы отъ этого никому нѣтъ. А если будемъ вести болѣе раціональное хозяйство, то будетъ лучше и намъ самимъ и прихожанамъ нашимъ.

Я лично знаю одного священника, который завелъ въ своемъ хозяйствѣ пароконный плужокъ и вѣялку. Урожай хлѣба у него сталъ лучше, очистка хлѣба—тоже! И онъ теперъ очень жалѣетъ, что раньше не заводилъ улучшеній въ своемъ хозяйствѣ. По его примѣру и нѣкоторые крестьяне—

прихожане стали приобрѣтать плужки и вѣялки. Между прочимъ, священникъ этотъ даетъ свой плужокъ крестьянамъ пахать ихъ поля бесплатно, за что прихожане не знаютъ, какъ и благодарить его...

Не тутъ ли—одно изъ могущественныхъ средствъ установить правильныя отношенія между причтами и прихожанами,—отношенія, которыя теперь не вездѣ бываютъ нормальны, какъ извѣстно?..

Свящ. В. Д.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Кирилль.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 26 марта 1904 г.

Цензоръ, священникъ *Θ. Титовъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

Руководство

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 14.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, апрѣля 4-го.

Содержаніе: Отчего происходитъ разобщенность между пастырями и па-
сомыми, и какъ достигнуть сближенія между ними?—О русской
религіозной и церковной скульптурѣ (продолженіе).—По поводу
статьи: „О нашихъ благочинныхъ“.—О важности церковнаго пѣнія,
по ученію слова Божія.

**Отчего происходитъ разобщенность между пасты-
рями и пасомыми, и какъ достигнуть сближенія
между ними?**

Положеніе священника въ приходѣ—и моральное и ма-
теріальное—во многомъ зависитъ отъ того, какъ онъ поста-
вить себя, и какъ къ нему относятся прихожане. Если между
священникомъ и прихожанами существуютъ добрыя отноше-
нія, то успѣхъ пастырскаго служенія отъ этого выиграетъ во
всѣхъ отношеніяхъ. Всякое намѣреніе и предпріятіе священ-
ника—въ дѣлѣ ли благоустройства прихода, или въ дѣлѣ лич-
наго его имущественнаго обезпеченія—всегда встрѣтитъ пол-
ное сочувствіе со стороны прихожанъ. Такъ, при добрыхъ
отношеніяхъ, когда священникъ самъ занимается земледѣіемъ,

прихожане никогда не откажутъ ему въ помощи вспахать поле, обсѣменить его и свезти урожай на гумно; при возведеніи причтовыхъ построекъ всегда помогутъ натурою; не откажутъ дать подводъ для вывозки отопленія и т. п. То же должно сказать и относительно платы за требоисправленія. Когда между священникомъ и прихожанами существуютъ добрыя отношенія, прихожане даютъ, быть можетъ, и не особенно щедро, но всегда охотно. Часто случается, что при похоронахъ бѣдняка священникъ настойчиво отказывается отъ благодарности, — но приходится взять ее, такъ какъ отказъ является положительной обидой для дающаго. Никакого вымогательства для полученія платы за требы при такихъ отношеніяхъ никогда не бываетъ.

Какія же отношенія между пастырями и пасомыми должны быть признаны добрыми и нормальными?

По нашему крайнему разумѣнію, между священникомъ и прихожанами должны существовать такія отношенія, какъ между добрыми отцами и послушными дѣтьми. Недаромъ священника принято у насъ называть „батюшкой“. Онъ долженъ быть отцомъ духовнымъ для своихъ пасомыхъ и относиться къ нимъ снисходительно, сердечно и любовно. Если прихожанинъ имѣетъ дѣло къ священнику, то пусть идетъ къ нему запросто и заявляетъ откровенно о своей нуждѣ. При этомъ всякая нужда, не терпящая отлагательства, должна удовлетворяться немедленно, а дѣлу менѣе срочному назначается удобное время.

Помимо требоисправленія, прихожане могутъ обращаться къ священнику за совѣтомъ и помощію по разнымъ житейскимъ дѣламъ: написать письмо сыну, находящемуся въ военной службѣ, переслать деньги въ какую-либо обитель, помирить враждующихъ, дать совѣтъ, какъ поступить въ какомъ-либо затруднительномъ случаѣ, составить духовное завѣщаніе, помочь опредѣлить сына въ двухкласную или второкласную школу, походатайствовать въ волостномъ правленіи, у мирowego посредника, у судебного слѣдователя или у другихъ

должностныхъ лицъ и во многихъ другихъ подобныхъ случаяхъ. Если только просьба заслуживаетъ уваженія, то проситель никогда не долженъ получать отказа. Да иначе и быть не можетъ. Къ кому, какъ не къ своему отцу духовному, обратится прихожанинъ за помощію или совѣтомъ? Къ адвокату?—Но адвокаты успѣли уже сильно подорвать свой кредитъ въ глазахъ простаго народа, и пока сѣрый людъ твердо вѣритъ во всеи приходскому духовенству, нужно дорожить этою вѣрою и поддерживать тѣсную духовную связь съ пасомыми.

Благодаря такой тѣсной связи между священникомъ и прихожанами, послѣдніе будутъ относиться къ пастырямъ не только своего, но и другихъ приходовъ съ полнымъ почтеніемъ и уваженіемъ. Не будетъ у нихъ никакихъ недоразумѣній и непріятностей, трудно ожидать со стороны ихъ какихъ-либо грубыхъ выходокъ. А для этого необходимо, чтобы священники всегда обращались съ прихожанами вѣжливо и благородно, не подавая повода къ какимъ-либо шуткамъ, а тѣмъ болѣе не позволяя себя издѣвательства надъ прихожанами.

Въ доброе старое время и было такъ. Ни одинъ прихожанинъ безъ совѣта и благословенія своего приходскаго священника не рѣшался ни начать, ни совершить никакого ни семейнаго, ни общественнаго дѣла и предпріятія. Пастырь жилъ душа въ душу съ своими пасомыми, и послѣдніе относились къ нему съ полнымъ почтеніемъ и уваженіемъ, какъ къ отцу. Такъ было еще и въ сравнительно недавнее время. Теперь же все чаще и чаще стали раздаваться жалобы и сѣтованія на натянутость и фальшь отношеній между пастырями и пасомыми и даже все болѣе и болѣе усиливающееся враждебное настроеніе между ними. Отчего же это происходитъ?

Самую главную причину разобщенности между пастырями и пасомыми нужно усматривать въ уничтоженіи прежней простоты отношеній, столько вѣковъ существовавшихъ

между духовенствомъ и прихожанами. Многіе молодые пастыри стали смотрѣть на своихъ духовныхъ чадъ слишкомъ свысока, вслѣдствіе чего держать себя далеко отъ нихъ, чуждаясь близкаго общенія и относясь къ нимъ съ холодностію и даже съ пренебреженіемъ. Можетъ ли послѣ этого и прихожанинъ искренно и довѣрчиво относиться къ своему пастырю, если замѣчаетъ, что послѣдній слишкомъ низкаго мнѣнія о немъ?—Ненормальность и фальшь подобнаго рода отношеній съ особенною ясностію скажется въ тѣхъ случаяхъ, когда пастырь обращается къ прихожанамъ съ просьбою о помощи и содѣйствіи въ дѣлахъ житейскихъ. Въ то время какъ прежде прихожане всегда съ полною готовностію служивали въ подобныхъ случаяхъ своимъ пастырямъ, теперь послѣдніе очень часто встрѣчаютъ отказъ по той простой причинѣ, что и со стороны пастырей нѣтъ прежней простоты и задушевности по отношенію къ пасомымъ. Правда, что въ прежнее время пастыри по своему умственному развитію мало чѣмъ отличались отъ своихъ прихожанъ, а пастыри современные получаютъ серьезную подготовку въ духовно—учебныхъ заведеніяхъ; но это обстоятельство не можетъ служить достаточнымъ извиненіемъ для современнаго пастыря держать себя на чисто официальной ногѣ съ пасомыми. Солидное и многостороннее образованіе дается пастырю въ тѣхъ видахъ, чтобы онъ, пользуясь каждымъ удобнымъ случаемъ, могъ оказывать самое благотворное вліяніе на пасомыхъ. Само собою понятно, что этого вліянія онъ не будетъ оказывать на пасомыхъ, если, помимо исполненія своихъ прямыхъ обязанностей, не станетъ входить въ нужды ихъ, будетъ свысока относиться къ ихъ умственнымъ и религіозно-нравственнымъ понятіямъ и убѣжденіямъ, которыя въ большинствѣ случаевъ очень далеки отъ христіанскихъ добродѣтелей, начертанныхъ въ Евангеліи.

Намъ могутъ возразить, что современная холодность и натянутость отношеній между пастырями и пасомыми вызывается обстоятельствами времени. Теперь простой народъ

меньше питаетъ привязанности къ религіи и къ Церкви, а отъ этого происходитъ отчужденіе его и отъ пастырей, которые, быть можетъ, требуютъ строгаго выполненія уставовъ церковныхъ и предписаній религіи.

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что упадокъ религіозно-нравственныхъ началъ въ народѣ также не мало способствуетъ разобщенности между пастырями и пасомыми. Поэтому, нашему пастырству, для поддержанія добрыхъ отношеній съ своими пасомыми, необходимо обратить самое серьезное вниманіе на эту сторону жизни своихъ прихожанъ и употреблять всѣ мѣры и средства пастырскаго воздѣйствія на нихъ, заботясь о поднятїи своего авторитета на подобающую высоту и располагая прихожанъ съ полнымъ довѣріемъ относиться къ своимъ словамъ и поступкамъ.

Но если сухое, холодное и, такъ сказать, чисто оффиціальное отношеніе пастыря къ пасомымъ препятствуетъ упроченію тѣсныхъ нравственныхъ связей между ними, то еще болѣе способствуетъ отчужденію пасомыхъ отъ своего пастыря *суровое* обращеніе съ ними. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ прихожанинъ можетъ быть откровеннымъ по отношенію къ своему духовному отцу, если онъ не увѣренъ, что тотъ отнесется къ нему съ участіемъ и выслушаетъ его снисходительно, а не оттолкнетъ отъ себя, мотивируя свой отказъ войти въ его положеніе недосугомъ или же другимъ какимъ-либо внѣшне-благовиднымъ предлогомъ?—Помимо отчужденности подобное отношеніе пастыря къ пасомому ведетъ даже къ явной нерасположенности и враждебности. Простой человѣкъ станетъ относиться къ такому пастырю, не какъ къ любвеобильному отцу, а какъ къ наемнику, который, какъ говорится, „отзвонилъ — да и съ колокольни прочь“. Разумѣется, что прихожанинъ не станетъ относиться къ непривѣтливому пастырю съ достоуваженіемъ, а будетъ всячески чуждаться его. И съ увѣренностію можно сказать, что строптивымъ и недружелюбнымъ обращеніемъ съ пасомыми пастырь наживаетъ себѣ такихъ недоброжелателей, ко-

торые всегда постараются сдѣлать ему что-нибудь нехорошее и при всякомъ удобномъ случаѣ причинить непріятность.

Нѣкоторые изъ соработниковъ нашихъ на нивѣ Христовой утверждаютъ, что будто бы съ просимъ человекомъ всегда нужно быть построже, такъ какъ этого требуетъ-де дисциплина начальника по отношенію къ своему подчиненному.—Пожалуй, никто не станетъ спорить, что для успѣшности пастырскаго служенія необходимо, чтобы пасомый былъ проникнутъ извѣстной степенью уваженія по отношенію къ своему пастырю; но едва ли этого возможно достигнуть „дисциплинарною строгостью“. Последнею мѣрою возможно отчасти достигнуть того, что пасомые будутъ бояться своего пастыря и наружно уважать его. Но это уваженіе будетъ только кажущееся, а не дѣйствительное и не столько будетъ способствовать сближенію пастыря съ пасомыми, сколько разобщенію съ ними; разобщеніе же можетъ повести къ тому, что прихожане въ концѣ концовъ открыто возстанутъ противъ своего священника и подадутъ на него жалобу епархіальному начальству,—а послѣ этого уже ни о какомъ сближеніи пастыря съ пасомыми не можетъ быть и рѣчи: если такой священникъ и останется на прежнемъ приходѣ, то прихожане всегда будутъ смотрѣть на него, не какъ на пастыря, а какъ на наемника.

Но если въ ненормальныя отношенія къ своимъ прихожанамъ становится пастырь, сурово, высокомерно и небрежно обращающійся съ ними; то въ не менѣе ложное положеніе попадаетъ и тотъ пастырь, который потворствуетъ ихъ слабостямъ. Это бываетъ особенно замѣтно въ то время, когда священникъ, изъ боязни очутиться въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ прихожанами, явно потворствуетъ порокамъ своихъ духовныхъ чадъ. Подобныя ненормальныя отношенія происходятъ иногда вслѣдствіе крайней небезпечности нашего духовенства въ матеріальномъ отношеніи. Находясь въ полнѣйшей матеріальной зависимости отъ прихожанъ, многіе священники какъ бы заискиваютъ у нихъ, всемерно

заботясь о приобрѣтеніи расположенности прихожанъ. Нельзя сказать, чтобы при подобномъ порядкѣ вещей иной пастырь и не достигъ своей цѣли: прихожане могутъ полюбить такого пастыря и оказывать ему свою расположенность болѣе щедрыми „подачками“. Но эта любовь и расположенность будутъ только призрачными. Сѣрый человѣкъ всегда позаботится объ удовлетвореніи матеріальныхъ нуждъ снисходительнаго и „покладистаго батюшки“, и отношенія между ними будутъ носить какъ бы отпечатокъ нѣкоторой патріархальности, о возстановленіи которой такъ горячо ратуютъ въ послѣднее время нѣкоторые недалековидные органы печати. Но, если поглубже вникнуть въ подобныя отношенія пасомыхъ къ пастырямъ, то ихъ никоимъ образомъ нельзя назвать нормальными и желательными, и при такихъ отношеніяхъ священникъ на прихожанъ не можетъ имѣть надлежащаго вліянія и воздѣйствія. Не потворствомъ ли слабостямъ и порокамъ прихожанъ со стороны „покладистыхъ батюшекъ“ слѣдуетъ объяснить то печальное явленіе, что русскій народъ, не смотря на 900-лѣтній періодъ времени, который прошелъ со дня принятія имъ христіанства, до сихъ поръ соблюдаетъ многіе языческіе обряды, что въ немъ и до сихъ поръ живутъ языческія суевѣрія, и господствуютъ не согласныя съ духомъ христіанской вѣры пороки, привычки и склонности, съ которыми современному просвѣщенному пастырству приходится вести столь упорную и трудную борьбу?.. Вслѣдствіе небрежнаго отношенія къ высшимъ цѣлямъ пастырскаго служенія прежнихъ священниковъ, вслѣдствіе безразличнаго отношенія ихъ къ пагубнымъ и зловреднымъ обычаямъ и привычкамъ „добраго стараго времени“, современному пастырству досталось такое наслѣдство, изъ-за котораго нерѣдко теперь многимъ пастырямъ и приходится становиться съ своими пасомыми въ отношенія, которыя отнюдь не могутъ быть признаны нормальными и желательными.

Существуетъ довольно распространенный взглядъ, что плата за требы служить главною причиною разобщенности

между пастырями и пасомыми. „Если бы,—говорят,—было уничтожено получение поручной платы духовенствомъ за совершение священнодѣйствій и молитвословій, то былъ бы устраненъ одинъ изъ главнѣйшихъ поводовъ къ столкновеніямъ между духовенствомъ и прихожанами“. — Никто не станетъ, конечно, отрицать, что способъ содержанія духовенства посредствомъ поручной платы за требы давно нуждается въ коренномъ преобразованіи и измѣненіи, такъ какъ, дѣйствительно, зачастую ведетъ къ самымъ нежелательнымъ послѣдствіямъ. О томъ, что матеріальная необеспеченность духовенства и ненадлежащій способъ полученія имъ содержанія служитъ причиною раздора между пастырями и пасомыми, наглядно свидѣтельствуетъ безчисленное множество слѣдственныхъ дѣлъ по поводу такъ называемаго „вымогательства“ со стороны духовенства. Натянутость отношеній между причтомъ и прихожанами на этой подкладкѣ зависитъ обыкновенно отъ личнаго взгляда дающаго и принимающаго „благодарность“ за трудъ. Простой человекъ хорошо понимаетъ, что всякій трудъ долженъ быть оплаченъ; но правильная оцѣнка труда не всегда понимается въ одинаковой степени: священникъ, по общечеловѣческой слабости, желалъ бы получить за свой трудъ больше, а прихожанинъ норовитъ дать меньше. Такъ какъ нѣкоторые изъ священниковъ позволяютъ себѣ употреблять иногда въ подобныхъ случаяхъ различнаго рода „репрессіи“, неминуемо ведущія къ обостренію отношеній между ними, то, очевидно, причиною недружелюбныхъ отношеній является не столько самый фактъ существованія (въ высшей степени не желательный) платы за требы, сколько настойчивость, строгость и строитивость обращенія пастыря съ пасомыми въ дѣлахъ полученія большаго вознагражденія. Вотъ почему и желательно уничтоженіе поручной платы за требы. Уничтоженіе это вызывается крайнею необходимостію, могущею положить конецъ злоупотребленіямъ съ одной и другой стороны и воспренятствовать нарушенію добрыхъ отношеній между причтомъ и прихожанами.

Иногда нарушенію добрыхъ отношеній между священникомъ и прихожанами способствуетъ обстоятельство совершенно маловажное и ничтожное. Вводитъ, напр., священникъ какое-либо „новшество“, и не понравится оно прихожанамъ. Священникъ стоитъ на своемъ, а прихожане не желаютъ примириться, — и вотъ возникаютъ на этой почвѣ крупныя недоразумѣнія, которыя переходятъ потомъ въ ропотъ и выражаются даже въ жалобахъ епархіальному начальству. Объясняется это тѣмъ, что то или другое „новшество“ вводится неумѣло и не тактично. Всякое „новшество“ должно быть введено въ приходскую среду не сразу, а исподволь. Сначала необходимо надлежащимъ образомъ подготовить къ этому прихожанъ, а потомъ уже прививать нововведеніе. Главнымъ же условіемъ полнаго успѣха для привитія нововведенія въ приходѣ обыкновенно служитъ полное довѣріе прихожанъ къ дѣйствіямъ и поступкамъ священника. Если прихожане увѣрены, что все, что ни дѣлается въ приходѣ, дѣлается къ лучшему, никакихъ волненій со стороны прихожанъ никогда не будетъ; нѣтъ такого довѣрія—каждое нововведеніе, въ особенности при настойчивости со стороны пастыря, неминуемо поведетъ къ неудовольствію прихожанъ и къ нарушенію добрыхъ отношеній.—Помимо довѣрія къ своему пастырю, никакое нововведеніе въ приходѣ не должно быть прививаемо безъ предварительной подготовки. Подготовка же прихожанъ къ какому-либо нововведенію должна происходить посредствомъ церковнаго слова, неоднократнаго разъясненія въ частныхъ бесѣдахъ и во время виѣбогослужебныхъ собесѣдованій. И только когда задуманное священникомъ „новшество“ хорошо уразумѣется прихожанами, можно смѣло и безбоязненно проводить его въ жизнь прихода.

Вообще, нарушенію добрыхъ отношеній съ прихожанами, какъ показываютъ опытъ и практика приходской жизни, много способствуютъ со стороны священниковъ излишняя горячность и строитивость, отсутствіе послѣдовательности и хладнокровія, грубое и высокомѣрное обращеніе съ прихо-

жанами, безучастное отношеніе къ ихъ радостямъ и печалямъ, небрежное исполненіе пастырскихъ обязанностей и многое другое, чего всемѣрно нужно избѣгать пастырямъ стада Христова.

Помимо всего этого, не малымъ тормазомъ къ сближенію между священникомъ и прихожанами служить также частый переходъ пастырей съ одного прихода на другой. Чтобы пастырь достаточно могъ сблизиться съ прихожанами, необходимо прожить въ приходѣ по крайней мѣрѣ нѣсколько лѣтъ. Только въ продолжительный промежутокъ времени прихожане могутъ въ достаточной степени ознакомиться съ своимъ пастыремъ, а послѣдній — узнать своихъ пасомыхъ. Прихожане вообще на первыхъ порахъ слишкомъ подозрительно относятся къ каждому священнику, такъ сказать, „вывѣдываютъ“ его и до тѣхъ поръ не войдутъ съ нимъ въ надлежащія отношенія, пока не убѣдятся, что новый священникъ намѣренъ остаться въ ихъ приходѣ болѣе или менѣе продолжительное время. Отсюда сама собою явствуется вся несостоятельность того взгляда, будто бы народъ слишкомъ безучастно относится къ нуждамъ и потребностямъ духовенства. Далекое нѣтъ. Отношеніе прихожанъ къ священнику во многомъ зависитъ отъ степени привязанности его къ мѣсту своего служенія. Если священникъ будетъ смотрѣть на свой приходъ, какъ на удѣлъ, данный ему отъ Бога, и постарается пасти вѣренное ему стадо „не нуждою, но волею“, не помышляя о переходѣ въ другой приходъ до скончанія своего земного поприща, то онъ войдетъ съ прихожанами въ самыя лучшія и желательныя отношенія.

Въ старину жили священники по 40—50 лѣтъ въ одномъ приходѣ, и за это время многіе изъ нихъ успѣвали настолько сблизиться съ прихожанами, что пастырь дѣйствительно являлся для своихъ прихожанъ отцомъ, а они были его духовными дѣтьми. Благодаря кротости обращенія съ пасомыми, они часто успѣвали стяжать такую любовь и расположенность со стороны своихъ пасомыхъ, какая выпадаетъ

на долю рѣдкаго пастыря въ наше время. Правда, предки наши не задавались высшими цѣлями пастырскаго служенія, но зато они твердо шли по разъ намѣченному пути, не обращаясь *стмо и овамо*. И если не настолько плодотворна была ихъ пастырская дѣятельность, какъ этого требуетъ идея пастырскаго служенія, зато совѣсть ихъ была спокойна въ томъ отношеніи, что насомые ихъ любятъ и уважаютъ, и между ними крѣпка нравственная связь, при помощи которой все можно сдѣлать въ любомъ приходѣ. Отношенія между пастырями и насомыми были просты, естественны, чужды всякой фальши и натянутости. Предъ глазами такихъ пастырей смѣнялись одни поколѣнія другими, и какъ отцы, такъ и дѣти жили традиціями своихъ предковъ, которые, встрѣчая въ лицѣ пастыря типъ древняго патріарха, завѣщали потомкамъ уважать и почитать своихъ отцовъ духовныхъ, какъ намѣстниковъ Божіихъ на землѣ.

Но *tempora mutantur*. Частое перемѣщеніе пастырей съ одного прихода на другой поселило въ народѣ недовѣріе къ нимъ, а неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого недовѣрія явилась отчужденность отъ нихъ. Народъ по-своему сталъ смотрѣть на такихъ пастырей. И нельзя сказать, чтобы чутье народное было ошибочно. Земледѣлецъ охотно обрабатываетъ ниву въ надеждѣ, что сниметъ плоды. Необходимо и священнику возможно старательнѣе обрабатывать свою духовную ниву, чтобы видѣть потомъ хорошіе плоды—какъ народъ растетъ нравственно, какъ уразумѣваетъ ученіе Христово и какъ исполняетъ его. А священникъ, часто мѣняющій приходы, не можетъ и думать, чтобы видѣть плоды отъ обработки своей духовной нивы, не можетъ, разумѣется, и достаточно сблизиться съ прихожанами, а между тѣмъ это въ высшей степени необходимо, такъ какъ отъ этого всецѣло зависитъ успѣхъ пастырскаго служенія.

Какимъ же образомъ достигнуть сближенія между пастырями и насомыми?

Для достиженія этой цѣли пастырь долженъ устранять все то, что можетъ служить поводомъ къ нарушенію добрыхъ отношеній съ прихожанами. Онъ весь долженъ быть проникнутъ сознаниемъ своего долга, стараясь во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ быть „пастыремъ добрымъ“, а не „наемникомъ“. Только тотъ пастырь будетъ находится въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ своими пасомыми, который станетъ входить въ ихъ нужды и потребности. Прошло уже то время, когда пастырь, будучи только совершителемъ однѣхъ требъ, могъ успокоиться на этомъ. Теперь время совсѣмъ другое. Въ настоящее время пастырь долженъ быть всегда готовъ дать отвѣтъ каждому вопрошающему *о его упованіи*. Всякое событіе или фактъ изъ жизни цѣлаго прихода или отдѣльнаго лица долженъ быть отмѣченъ особымъ вниманіемъ пастыря. Пользуясь такими случаями, пастырь, ревнующій о поддержаніи добрыхъ отношеній съ своими пасомыми, всегда можетъ сомнѣвающагося и колебающагося въ вѣрѣ поддержать и разсѣять его сомнѣнія; страждущаго, какимъ-либо недугомъ—ободрить ласковымъ словомъ; кающагося—успокоить Божиимъ всепрощеніемъ; упорствующаго—побудить къ раскаянію и исправленію; убитаго горемъ—утѣшить; съ радующимся—раздѣлить его радость и проч. Подобнаго рода случаями слѣдуетъ дорожить пастырю для своего сближенія съ пасомыми въ виду того, что простой человѣкъ всегда самъ вызываетъ на это пастыря. И если только пастырь участливо отнесется къ нуждающемуся, онъ пріобрѣтетъ самую лестную репутацію въ глазахъ простолюдина. Если же пастырь, вызываемый на бесѣду съ пасомымъ, станетъ уклоняться отъ этого, или же ограничится нѣсколькими общими замѣчаніями, лишь бы только „отдѣлаться“ отъ него, то этимъ значительно подрветъ свой пастырскій авторитетъ въ глазахъ вопрошающаго.

Для того, чтобы тѣснѣе сблизиться съ пасомыми, пастырь долженъ самъ подыскивать поводы къ этому. Онъ долженъ зорко слѣдить за жизнію пасомыхъ и, въ случаѣ за-

труднительныхъ какихъ-либо обстоятельствъ, спѣшить съ сильною помощію. Для того онъ можетъ собирать сходки прихожанъ, а такъ какъ это не всегда возможно и удобно, то членовъ попечительства или же братства, стараясь уяснить и наставить, какъ слѣдуетъ поступать имъ въ томъ или иномъ случаѣ. Видя такую отеческую заботливость пастыря о благѣ своихъ пасомыхъ, послѣдніе не останутся, безъ сомнѣнія, безучастными по отношенію къ нему и раньше или позже оцѣнятъ труды его по заслугамъ, а что самое главное—всегда будутъ откровенны съ нимъ и станутъ довѣрять ему свои мысли и чувства, какъ отцу духовному, что не мало будетъ способствовать упроченію правственныхъ связей между пастыремъ и пасомыми.

Частыя собранія прихожанъ для бесѣды и взаимообщенія съ ними также могутъ служить прекраснымъ средствомъ къ сближенію. Поэтому, помимо собраній, такъ сказать, оффиціального характера, какъ, напр, для внѣбогослужебныхъ собесѣдованій и чтеній, хорошо было бы созывать прихожанъ для болѣе близкихъ и душевныхъ бесѣдъ. Такъ, въ дни великихъ Господскихъ праздниковъ пастырь можетъ приглашать по частямъ нѣкоторыхъ изъ прихожанъ къ себѣ въ домъ, гдѣ за скромною трапезою онъ всегда будетъ имѣть возможность разрѣшить разнаго рода недоумѣнія и обсудить приходскія нужды. Каждому пастырю слѣдуетъ принимать у себя прихожанъ какъ бы въ благодарность за то, что они принимаютъ его у себя въ домѣ по случаю совершенія требъ, гдѣ священникъ всегда долженъ благословить трапезу и „сдѣлать честь угощенію“ домохозяина, такъ какъ отказъ обыкновенно оскорбляетъ прихожанина.

Вообще, для болѣе успѣшнаго сближенія съ своими пасомыми пастырь долженъ быть какъ можно болѣе простъ въ обращеніи съ ними и доступенъ для нихъ. Кротость, радушіе, миролюбіе, благоразумная во всемъ умѣренность и осторожность должны быть всегдашними спутниками приходскаго священника при всѣхъ сношеніяхъ его съ прихожанами.

Этими и имъ подобными мѣрами всегда въ извѣстной степени можно достигнуть того, что пасомые не будутъ чуждаться своего пастыря и станутъ относиться къ нему, какъ послушныя дѣти къ своему доброму и любящему отцу.

Свящ. С. Брояковскій.

О русской религиозной и церковной скульптурѣ¹⁾.

Западное вліяніе въ области ваянія и скульптуры проникло въ древнюю Русь различными путями и въ различные пункты ея и въ частности въ Югозападную Русь, Новгородъ и Псковъ и, наконецъ, въ Москву.

О вліяніи западнаго ваянія и скульптуры на Югозападную Русь отмѣчено въ Ипатской, или Волынской лѣтописи еще въ XIII вѣкѣ. Эта лѣтопись говоритъ, что князь Даніилъ Романовичъ Галицкій, украшая свой любимый городъ Холмъ, призвалъ, „кузнецовъ желѣзу, мѣди и серебру изъ нѣмцовъ, ляховъ и татаръ“. „Двери же двоя украшены каменьемъ заличнымъ, бѣлымъ и зеленымъ Холмскимъ, тесаньемъ; узоры тѣ изрыты нѣкимъ хытрецемъ Авдеемъ. Стоитъ же столпъ поприще отъ города, камень, а на немъ орелъ камень изваянъ, высота же камени 10 локоть, съ головами же и подножками 12 локоть... Созда церковь св. Ивана красну и лѣпу; зданье же ея сице бысть; коморы четыре съ каждаго угла переводъ и стоянье ихъ на четырехъ головахъ человѣческихъ, изваяно отъ нѣкоего хытреца... Принесе же чашю отъ земля Угорьскыя мрамора багряна, изваяну мудростью чудну, и змевы главы бѣша округъ ея, и постави ю предъ дверями церковными, нарѣцаемыми царскими, створи же въ ней крестилницу крестити воду на св. Богоявленье“.

Съ утратою самостоятельности, различныя части Югозападной Руси подчинились католической Польшѣ и окатоли-

¹⁾ См. № 13 за 1904 г.

чившейся Литвѣ. При совмѣстной государственной, общественной и культурной жизни съ католиками, православные Юго-западной Руси ассимилировались съ ними и въ отношеніи формъ, если не содержанія, религіознаго искусства и мало-по-малу усвоили ихъ себѣ, чѣмъ пролагали путь и приготовляли почву и для религіозной уже югозападной русской Церкви съ римскою.

Въ области ваянія и скульптуры вліяніе католическаго Запада на Югозападную Русь чуть ли не раньше всего выразилось въ лѣпныхъ статуарныхъ надгробіяхъ, поставляемыхъ въ церквахъ и менѣе всего имѣющихъ отношеніе къ догматической сторонѣ религіи, таково, напр., лѣпное надгробіе князя К. И. Острожскаго († 1530 г.) въ Великой церкви Кіево-Печерской лавры. Положеніе статуарнаго изображенія князя Острожскаго здѣсь совершенно тождественно съ положеніемъ усопшихъ польскихъ рыцарей и царей, напр., на гробницѣ Христофора Шидловецкаго, XVI вѣка, въ Опатовѣ, и гробницахъ Сигизмунда I († 1548 г.) и Сигизмунда II Августа († 1572 г.), въ Краковѣ¹⁾.

Въ области религіозной скульптуры вліяніе католическаго Запада на Югозападную Русь становится извѣстнымъ, судя по уцѣлѣвшимъ до нашего времени памятникамъ ея, тоже съ XVI вѣка. Но это—не монументальные памятники, и они частію относятся къ частному, домашнему богопочитанію, а частію имѣли служебное и декоративное значеніе въ храмѣ. Къ первымъ относится деревянная рѣзная статуэтка св. Николая, въ кіотѣ въ видѣ ящичка, изъ г. Литина, Подольской губерніи, и по формѣ своей прямо представляющая изъ себя статуэтку въ западномъ, католическомъ вкусѣ²⁾.

Къ служебнымъ памятникамъ южнорусской религіозной скульптуры нужно отнести экземпляръ деревянной раскрашен-

¹⁾ „Описаніе Кіева“, Фундукля, стр. 66; „Кіевская Старина“, іюнь, 1900 г., стр. 384.

²⁾ „Указатель Церковно-археологич. музея при Кіевской дух. академіи“, № 3527, стр. 101.

ной статуи архангела Михаила, въ лѣвой рукѣ держащаго сферу, на которой изображенъ былъ престольный праздникъ храма ¹⁾. О другой подобной болѣе поздней статуѣ архангела Михаила, держащего въ лѣвой рукѣ храмовую икону, сохранилось мѣстное живое преданіе, что богомольцы прикладывались собственно къ иконѣ, находящейся въ рукѣ архангела, но не къ самому архангелу ²⁾ Сюжетъ этихъ статуарныхъ изображеній архангела Михаила заимствованъ еще изъ древне-византійскихъ иконописныхъ преданій ³⁾, но костюмы и вообще наружная отдѣлка ихъ въ Западномъ стилѣ.

Ко времени гетмана Мазепы, т. е. къ концу XVII и началу XVIII вѣка, относится большая каменная статуя Богородицы, найденная близъ Великой церкви Кіево-Печерской лавры ⁴⁾ и, вѣроятно, помѣщавшаяся въ какой-либо нишѣ наружной стѣны храма, и гипсовая головка ангела, найденная на мѣстѣ бывшего Кіево-Иорданскаго женскаго монастыря ⁵⁾, и, слѣдовательно, обѣ онѣ имѣли лишь декоративное значеніе.

Переходною ступеню отъ служебныхъ и декоративныхъ статуй и статуэтокъ къ монументальнымъ были металлическія чеканныя выпуклыя ризы на образа, несомнѣнно появившіяся въ православныхъ храмахъ подъ вліяніемъ Запада. Выпуклыя, высокаго рельефа, металлическія ризы на иконы являются въ XVII вѣкѣ иногда прямо съ Запада,—и прекрасный образецъ такихъ ризъ мы имѣемъ въ серебряной чекан-

¹⁾ „Отчетъ Церковно-археологич. Общества при Кіевской дух. академіи за 1900 годъ“, Кіевъ, 1901 г., стр. 5. Экземпляръ такой же статуи, полученный изъ м. Мотовиловки, Кіев. губерніи, есть въ частномъ музеѣ І. А. Хойновскаго, въ Кіевѣ.

²⁾ См. тотъ же „Отчетъ“, стр. 7.

³⁾ „Очерки памятниковъ православной иконографіи и искусства“, И. В. Покровскаго, вып. 2, Спб., 1894 г., стр. 149.

⁴⁾ „Историко-топографич. очерки древняго Кіева“, Н. И. Петрова, стр. 77.

⁵⁾ „Указатель Церковно-археологич. музея при Кіевской дух. академіи“, № 4889, стр. 171.

ной выпуклой ризѣ на Казанскую икону Богородицы въ Лубенскомъ Мгарскомъ монастырѣ, сдѣланной въ 1699 году, по заказу, въ Шленскѣ, т. е. въ Силезіи ¹⁾. Въ XVIII вѣкѣ въ бѣдныхъ церквахъ металлическія ризы замѣнялись выпуклыми изъ тисненной, гипсованной и позолоченной бумаги ²⁾. Были даже опыты совершенной замѣны иконъ выпуклыми чеканными ризами, съ плоскими на нихъ мѣстами только для ликовъ и рукъ, которые предполагалось выполнить живописью ³⁾.

Но для насъ особенно интересно то, что выпуклыя чеканная металлическія ризы иногда замѣнялись на югѣ Россіи рѣзбою выпуклыхъ ризъ на самомъ деревѣ иконы, тогда какъ лики и кисти рукъ изображаемыхъ святыхъ росписывались красками на плоскости, на уровнѣ самой иконы. Такова Черниговская Ильинская икона Богородицы съ Богомладенцемъ въ Кіевоподольской Рождество—Предтеченской, или Борисоглѣбской церкви, конца XVII или начала XVIII вѣка, представляющая изъ себя, за исключеніемъ ликовъ и рукъ, рѣзную икону высокаго рельефа, или полустатую ⁴⁾.

Такія иконы съ окладами высокаго рельефа и подражанія имъ пролагали путь въ храмы и другимъ рельефнымъ и статуарнымъ изображеніямъ болѣе или менѣе монументальнаго характера въ западномъ вкусѣ. Отъ XVIII вѣка не мало сохранилось въ Южной Руси крестовъ съ изваяніями распятаго Спасителя и деревянныхъ статуй и статуэтокъ отъ груннъ распятія Господня съ предстоящими. Таковъ, на примѣръ, вдѣланный въ живописный складень крестъ съ изваяніемъ распятаго Спасителя, сооруженный въ 1713 году стараніемъ кликуши Дарьи Венедихтсвой и полученный изъ Каменецъ—

¹⁾ Мы лично видѣли ее въ Лубенскомъ монастырѣ.

²⁾ „Указатель Церковно-археологич. музеи при Кіевской дух. академіи“, №№ 3603 и 3604, стр. 106.

³⁾ Тамъ же, № 4319, стр. 146. Такой же образецъ Богородицы съ Богомладенцемъ есть въ Лубенскомъ музеѣ г-жи Скаржинской.

⁴⁾ Хранится въ ризницѣ означенной церкви.

Подольскаго кафедральнаго собора ¹⁾). Изъ статуй отъ группъ распятія укажемъ на статую скорбной Богоматери, малорусскаго типа, въ Лубенскомъ музеѣ Е. Н. Скаржинской ²⁾, и деревянную статую Логгина сотника при крестѣ, изъ Пирятинскаго уѣзда, Полтавской губ. ³⁾). Эти распятія ставились обыкновенно на верху иконостасовъ и, слѣдовательно, недоступны были непосредственному лобзанію богомольцевъ и чтванію посредствомъ свѣчей и лампадъ, а потому, вѣроятно, и употреблялись не только въ униатскихъ церквахъ, но и въ сосѣднихъ православныхъ. Есть и прямыя указанія на то, что нѣкоторыя статуи изъ православныхъ храмовъ Полтавской губ., напримѣръ Пирятинская Логгина сотника, сдѣланы были прибывшими изъ предѣловъ бывшей Польши мастерами ⁴⁾).

Но въ униатскихъ церквахъ, по мѣрѣ сліянiи униі съ католичествомъ, статуи приобрѣтають все больше и больше значенія, какъ предметы церковно-общественнаго почитанія и поклоненія. Изъ такихъ статуй мы имѣемъ въ виду статую Предтечи изъ униатской часовни близъ г. Гродны ⁵⁾, и статую страдающаго Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ и съ волосами, изъ бывшей униатской церкви въ м. Молодечнѣ, Виленской губ., ⁶⁾ производящую, впрочемъ, своимъ реализмомъ въ изображеніи физиологическихъ страданій Спасителя тягостное впечатлѣніе на зрителл. Южно-русы такъ присмотрѣлись къ униатскимъ и католическимъ статуямъ, что иногда и сами могли смастерить католическую статую.

¹⁾ „Указатель Церковно-археологич. музея при Кіевской дух. академіи“, № 3583, стр. 105.

²⁾ „Лубенскій музей Е. Н. Скаржинской“, В. П. Горленко, въ „Кіев. Старинѣ“, октябрь, 1890 г., стр. 127.

³⁾ „Указатель Церковно-археологич. музея при Кіевской дух. академіи“, № 4855, стр. 170.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Тамъ же, № 4847, стр. 169.

⁶⁾ Тамъ же, № 4849.

Въ церковно-археологическомъ музеѣ при Кіевской дух. академіи есть придорожная деревянная католическая статуя Яна Непомука, изъ Липовецкаго у., Кіевской губ., сдѣланная, какъ гласить преданіе въ началѣ XIX вѣка, по приказанію помѣщика мѣстнымъ крестьянниномъ столяромъ¹⁾.

Другая струя западнаго вліянія въ области ваянія и скульптуры проникала въ древнюю Русь черезъ Великій Новгородъ. Относительно церковной утвари западное вліяніе на Новгородъ еще въ началѣ XVII вѣка засвидѣтельствовано извѣстнымъ преданіемъ объ Антоніи римлянинѣ Новгородскомъ и прибывшихъ къ нему по морю драгоценностяхъ—золотѣ, сосудахъ и церковныхъ предметахъ²⁾. Къ концу XII вѣка относятся такъ называемыя Корсунскія врата Новгородскаго Софійскаго собора, украшенныя грубыми чеканными на мѣди барельефами. Они состоятъ собственно изъ кусковъ произведеній не менѣе трехъ мастеровъ—литейщиковъ средневѣковой Германіи, соединенныхъ вѣшнимъ образомъ и отчасти реставрированныхъ и истолкованныхъ реставраторами въ русскомъ духѣ. Что эти врата—сборнаго состава, это видно уже изъ того, что на нихъ изображены два епископа — Магдебургскій († 1192 г.) и Плоцкій (отъ 1129 по 1156 г.)³⁾. Вѣроятно, черезъ Новгородъ попалъ изъ Рима въ Устюгъ каменный барельефъ императора Константина Великаго, въ настоящее время находящійся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ надъ гробницею святителя Теоноста. На каменной плитѣ вырѣзана группа, состоящая изъ всадника, дѣвы и крылато-го дракона. Плита вставлена въ деревянные рамы, на которыхъ написаны Деисусъ, благовѣрные князья Борисъ и Глѣбъ, святые Прокопій и Іоаннъ, Устюжскіе чудотворцы.

¹⁾ Тамъ же, № 4850.

²⁾ „Русскія древности въ памятникахъ искусства“, гр. И. И. Толстого и Н. П. Кондакова; вып. VI, стр. 158—160.

³⁾ Тамъ же, стр. 111 и сл., 117, 120, 122 и 123.

Всадникъ барельефа считается за великомученика Георгія, но на самомъ дѣлѣ это—св. Константинъ, какъ видно изъ латинской надписи на барельефѣ; драконъ, по объясненію нѣкоторыхъ, обозначаетъ погрѣшное язычество, а дѣва—освобожденную Церковь или Римъ. Изображеніе и надпись взяты съ Константиновыхъ воротъ въ Римѣ на священной дорогѣ между Колизеемъ и церковью св. Григорія. Но русскій мастеръ, при помощи весьма незатѣйливыхъ поправокъ, превратилъ Константина Великаго въ св. великомученика Георгія¹⁾.

Съ XIV вѣка появляются въ Великомъ Новгородѣ, подъ влияніемъ западнымъ, и рѣзныя деревянныя изображенія святыхъ, въ видѣ статуй какова, напр., фигура св. мученицы Параскевы—Пятницы. Къ XV и XIV вѣкамъ относятся рѣзныя изображенія новгородскаго происхожденія святыхъ Варлаама Хутынскаго, Николая чудотворца въ церкви Петра и Павла и отдѣльные статуарные рельефы, хранящіеся теперь въ музеяхъ Румянцевскомъ въ Москвѣ, Императорской Академіи Художествъ, Новгородскомъ музеѣ и въ Златоустовской башнѣ Новгородскаго кремля²⁾. Къ половинѣ XVI в. относится такъ называемая *Халдейская пещь*, будто бы бывшая прежде въ Новгородской Софіи въ употребленіи на утреннемъ служеніи предъ Рождествомъ, затѣмъ, за исчезновеніемъ обычая, поставленная въ складахъ въ одной изъ главъ Софійскаго собора и находящаяся нынѣ въ Русскомъ музеѣ имени Александра III. Въ дѣйствительности же эта вещь есть не что иное, какъ амвонъ, устроенный въ 1553 году Новгородскимъ и Псковскимъ владыкою Макаріемъ для Новгородскаго Софійскаго собора. Амвонъ украшенъ былъ тремя

¹⁾ „Древности Росс. Государства, издан. по Высоч. повелѣнію“, отд. I, стр. 32—39, и рисун. 21; см. „Матеріалы по археологіи Россіи, издан. Императорскою Археологич. Комиссіею“, № 8, Спб. 1892 г., стр. 29.

²⁾ См. тѣ же „Древности“, отд. I, стр. 12—14, и рисун. № 4; см. „Русскія древности въ памятникахъ искусства“, гр. И. И. Толстого и Н. П. Кондакова, вып. VI, стр. 156.

рядами рѣзныхъ изображеній въ кіотцахъ, а снизу поддерживался 12-ю рѣзными фигурами, исполнявшими роль каріатидъ¹⁾. Въ XVI вѣкѣ Новгородъ славился своими рѣзчиками, или рѣзными мастерами, которые „налагали лице на камнѣ“ . Оттуда они вызывались иногда въ Москву для украшенія церквей и государевыхъ палатъ²⁾. Къ произведеніямъ такихъ мастеровъ можно отнести барельефное изображеніе на камнѣ образа Смоленской Божіей Матери въ Троицкой Сергіевой лаврѣ³⁾.

Но, повидимому, Новгородъ, служившій прежде окномъ въ Западную Европу и обрывками воспринимавшій ея культуру, долго былъ въ исключительныхъ условіяхъ на сѣверѣ Россіи. По крайней мѣрѣ, въ XV и даже въ XVI вѣкахъ скульптурныя произведенія въ западномъ духѣ не идутъ дальше Новгорода, въ его пригороды и волости (колоніи), а иногда встрѣчаютъ даже противодѣйствіе своему распространенію, какъ это случилось въ XVI вѣкѣ во Псковѣ.

Въ 1540 году „прохожіе старцы изъ чужой земли“ привезли во Псковъ три рѣзныя иконы въ небольшихъ храминахъ, или кіотахъ—двѣ св. Николая и одну Параскевы-Пятницы. Псковичи пришли въ недоумѣніе, такъ какъ подобныхъ иконъ на рѣзи въ Псковѣ не бывало. Многіе стали говорить, что поклоненіе такимъ иконамъ—то же, что поклоненіе идоламъ, и въ народѣ произошли великая молва и смятеніе. Обратились къ священникамъ, а тѣ донесли о народномъ смятеніи царскимъ намѣстникамъ и дьякамъ. Старцы съ иконами были взяты, и самыя иконы были отправлены въ Новгородъ къ архіепископу Макарію. Макарій приложился къ этимъ свв. иконамъ, пѣлъ предъ ними соборнѣ молебствъ,

¹⁾ „Русскія древности въ памятникахъ искусства“, Толстого и Кондакова, вып. VI, стр. 156 и 157.

²⁾ „Древности Росс. Государства, издав. по Высочайшему повелѣнію“, отд. I, стр. 54.

³⁾ „Записка для обозрѣнія русскіхъ древностей“, Сиб., 1851 года, стр. 58.

воздалъ имъ честь и велѣлъ псковичамъ, отпуская иконы обратно, встрѣтить ихъ также соборнѣ и съ честію и вымѣнять у старцевъ. Псковичи, дѣйствительно, встрѣтили эти иконы честно, всеѣмъ городомъ, пѣли предъ ними молебень и, вымѣнявъ, поставили одну икону св. Николая у Никола на Гребли, другую—у Никола въ Пескахъ, а икону Параскевы-Пятницы—у св. Пятницы на Бродѣхъ ¹⁾.

Продавцы иконъ старцы могли быть только православными, такъ какъ инославные не могли бы произвести своими статуями такого волненія между православными псковичами. Конечно, они могли быть только изъ сосѣдняго Литовско-русскаго государства, гдѣ, какъ мы видѣли, въ XVI вѣкѣ были уже между православными въ ходу статуи польско-католическаго характера. Замѣчательно при этомъ, что небольшія хранилки, или кіоты, въ которыхъ находились привезенныя во Псковъ рѣзныя статуи, воиолнѣ соотвѣтствуютъ кіоту рѣзной статуэткѣ св. Николая изъ г. Литина, Подольской губерніи, о каковой статуэткѣ мы говорили выше. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ фактомъ польско-католическаго вліянія въ XVI вѣкѣ на религіозную скульптуру Пскова чрезъ родственниковъ псковичамъ православныхъ обитателей Литовско-русскаго государства. А смущеніе псковитянъ при видѣ чужеземныхъ статуй показываетъ, что, не смотря на близость ихъ къ западно-европейской границѣ, до того времени они не знали еще статуарныхъ скульптуръ западныхъ, тогда какъ, наоборотъ, великій Новгородъ уже освоился съ такими скульптурами.

Вскорѣ, впрочемъ, въ XVII и особенно въ XVIII вѣкахъ, деревянныя рѣзныя статуи, размножаясь въ Новгородѣ и его окрестностяхъ, проникаютъ даже на крайній сѣверъ, въ Соловецкій монастырь. Въ Новгородскомъ музеѣ древностей, въ числѣ другихъ статуй, сохраняется деревянное рѣз-

¹⁾ „Житіе и чудеса св. Николая чудотворца и слава его въ Россіи“, А. Вознесенскаго и Ѳ. Гусева, стр. 676, примѣч. 132.

ное изображеніе Господа Ісуса Христа въ темницѣ, XVII вѣка ¹⁾. Подобное рѣзное изображеніе есть и въ Соловецкомъ монастырѣ, извѣстное подъ названіемъ „сѣдящаго Ісуса“. Послѣднее изображеніе получило широкую извѣстность въ Россіи и вызвало нѣсколько подражаній. Къ числу ихъ относятся: деревянныя статуэткі Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, сѣдящаго въ темницѣ, изъ посада Катласъ, Вологодской губерніи ²⁾, и статуя сѣдящаго въ темницѣ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, изъ села Лупевки, Оболенскаго уѣзда, Курской губерніи ³⁾.

Третьимъ передаточнымъ пунктомъ вліянія западной скульптуры на древнюю Русь была Суздальско-Владимірская область и выдвинувшаяся изъ нея на первое мѣсто Москва.

Слѣды западнаго вліянія на ваяніе и скульптуру въ Суздальско-Владимірской землѣ нѣкоторые усматриваютъ еще въ скульптурныхъ и лѣпныхъ фигурахъ Дмитріевскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ, Покровской церкви близъ Боголюбова, собора въ Юрьевѣ Польскомъ и другихъ. Путь этого вліянія шелъ черезъ Галичъ, Волинь и Дпѣпровье: изъ Кіева онъ подымался по Дпѣпру, переходилъ на Москву-рѣку и Клязьму ⁴⁾.

Что же касается Москвы, то она въ общемъ составѣ Владиміро-Суздальской земли была первоначально самою незначительною частичкою, долго еще была „деревянною“, прежде чѣмъ стать „бѣлокаменною“; но, становясь постепенно объединительнымъ политическимъ центромъ Русскаго государства, она стала воспринимать въ себя всѣ отдѣльныя струи западнаго скульптурнаго вліянія на древнюю Русь. Москов-

¹⁾ „Новгородскій музей древностей“, Новгородъ, 1893 г., стр. 26 и 27.

²⁾ Отчетъ Церковно-археологич. Общества при Кіевской дух. академіи за 1902 г., стр. 13.

³⁾ Указатель Церковно-археологич. музея при Кіевской дух. академіи, № 484⁸, стр. 169.

⁴⁾ „Русскія древности въ памятникахъ искусства“, Толстого и Кондакова, вын. VI, стр. 8 и слѣд., 37.

ское государство оказалось теперь въ непосредственномъ со-
сѣдствѣ съ Литовско-русскимъ государствомъ и его культу-
рою. Изъ Литвы, если вѣрить мѣстному преданію г. Епи-
фани, нынѣ Тульской губерніи, занесенъ былъ сюда въ 1380
году деревянный рѣзной образъ св. Николая ¹⁾). Съ другой
стороны, въ Москву, какъ мы уже видѣли, приглашены
были въ XVI вѣкѣ для работъ новгородскіе рѣзчики, воспи-
тывавшіеся подъ вліяніемъ западнымъ. Наконецъ, въ Москов-
ское княжество еще до Іоанна III заносимы были скульптур-
ныя произведенія непосредственно съ Запада. Такъ, напр.,
въ 1460 году основатель Николо-Улейминскаго, близъ Уг-
лича, Ярославской губ., монастыря старецъ Варлаамъ, путе-
ствовавшій въ г. Бари на поклоненіе мощамъ св. Нико-
лая, купилъ тамъ образъ этого святителя, принесъ съ собою
въ Ростовскіе предѣлы и положилъ здѣсь основаніе Николо-
Улейминскому монастырю ²⁾). Іоаннъ III, освободитель Россіи
отъ татарскаго ига (1462 — 1505 гг.), женившись на грече-
ской царевнѣ Софїи Палеологъ, вмѣстѣ съ нею пригласилъ
въ Москву греческихъ и западно-европейскихъ художниковъ
изъ Италіи, Германіи и Далмаціи, которые со своими дру-
жинами и учениками не только воздвигали кремлевскія стѣны,
палаты и храмы, но и украшали послѣдніе стѣнописью и
драгоценною свящ. утварію. Венеціанскій посоль Контарини
въ 1476 году видѣлъ въ Москвѣ золотыхъ дѣлъ мастера изъ
Катаро, который дѣлалъ для великаго князя много прекрас-
ныхъ сосудовъ ³⁾).

Не перечисляя въ подробности рѣзныхъ произведеній,
явившихся въ Москвѣ подъ вліяніемъ Запада, напр., рѣзбы
на драгоценныхъ камняхъ ⁴⁾), остановимся на рѣзныхъ изо-

¹⁾ Житіе и чудеса св. Николая чудотворца и слава его въ Россіи“,
А. Вознесенскаго и Ѳ. Гусева, стр. 536—7.

²⁾ Тамъ же, стр. 339—349.

³⁾ „Древности Росс. Государства, издав. по Высочайшему повелѣ-
нію“, отд. I, стр. VIII.

⁴⁾ „Записка для обозрѣнія русскихъ древностей“, Сиб., 1851 года,
стр. 58.

браженіяхъ св. Николая Можайскаго, первоначально появившихся въ Московскомъ княжествѣ, такъ какъ эти изображенія, съ одной стороны, соединяя въ себѣ мотивы византійскіе и западныя, положили начало болѣе или менѣе самостоятельной русской религіозной скульптурѣ, а съ другой—имѣли самое широкое распространеніе въ предѣлахъ Московской Руси.

Проф. *Н. Петровъ.*

(Продолженіе будетъ).

По поводу статьи „О нашихъ благочинныхъ“.

О. Авторъ въ своей статьѣ, помѣщ. въ № 1 журн., Рук. д. с. п. за текущій годъ, сказалъ далеко не все съ одинаковой основательностію.

Скажемъ нѣсколько словъ по поводу собственно его заключенія о желательномъ преобразованіи благочинническаго института.

1) Думаемъ, прежде всего, что вовсе нѣтъ надобности измѣнять положеніе оо. благочинныхъ, такъ какъ самая жизнь въ данное время этого не требуетъ. Если бы въ этомъ была дѣйствительная необходимость, то, полагаемъ, высшая духовная власть послѣдила бы сдѣлать свое распоряженіе по этому предмету, не ожидая несбыточнаго проекта о. Автора статьи. Въ данное время большинство оо. благочинныхъ люди почтенные, добросовѣстные, благонадежные и свои обязанности исполняютъ согласно „инструкціи благочиннымъ“ и распоряженіямъ епархіальнаго начальства.

2) Нѣтъ вовсе никакой надобности и возможности привлекать на должность сельскихъ благочинныхъ лицъ съ высшимъ образованіемъ. Мы знаемъ на опытъ, что не всякій академикъ можетъ быть дѣятельнымъ и исправнымъ рядовымъ сельскимъ священникомъ, а тѣмъ болѣе—благочиннымъ. Знаемъ также, что нѣкоторые оо. благочинные, не имѣя даже званія студента семинаріи, исполняютъ свою должность образцово, толково и весьма аккуратно.

Вѣдь преосвященнѣйшіе архипастыри Филаретъ Московскій, Платонъ Московскій, Иннокентій Московскій, Филаретъ Кіевскій, Іосифъ Литовскій были лица только съ семинар-

скимъ образованіемъ, а между тѣмъ какъ мудро и плодотворно они управляли своими обширными паствами. Отчего же нельзя допустить, что между оо. благочинными есть люди опытнѣе, чѣмъ личности съ академическимъ образованіемъ, недавно вышедшіе изъ-за скамьи? Ученый дипломъ не можетъ служить гарантіею, что владѣлецъ его будетъ человѣкомъ ко всему способнымъ.

3) Благочинные вовсе не могутъ быть безприходными; такого порядка на святой Руси не было и не будетъ. Благочинные на приходѣ всегда служили и служатъ примѣромъ для подвѣдомственныхъ имъ священниковъ и на опытѣ знаютъ всѣ трудности пастырскаго служенія во всѣхъ отношеніяхъ.

4) Содержаніе безприходному благочинному-академику, если онъ будетъ одинъ въ уѣздѣ, мало 1500 р.,—ему нужно minimum 3000 р., да его помощнику, если только будетъ безприходный,—1200 р.; слѣдовательно въ Кіевской епархіи, наприм., на благочинныхъ и ихъ помощниковъ нужно приблизительно 50,400 р. Это сумма не малая,—откуда же еѣ взять духовенству и даже правительству и притомъ ежегодно? Унасъ есть болѣе существенныя нужды, напримѣръ, общія квартиры для наставниковъ семинаріи и учителей духовныхъ училищъ, а мы будемъ тратить деньги непроизводительно на оо. благочинныхъ-академиковъ.

5) Нѣтъ нужды въ расширеніи власти благочиннической: она и безъ того у нихъ очень широка, если обратить вниманіе на благочинническую инструкцію и разныя указныя распоряженія епархіальнаго начальства.

6) Нѣтъ надобности назначать особыхъ сборщиковъ для пріема церковныхъ денегъ: этимъ всегда завѣдывали и должны завѣдывать лично оо. благочинные.

7) Хлопотать о томъ, чтобы оо. благочинные имѣли право при ревизіи пользоваться земскими лошадьми, положительно немыслимо и неудобно, — это мы знаемъ изъ примѣра благочинныхъ въ бывшихъ военныхъ поселеніяхъ.

О важности церковнаго пѣнія, по ученію слова Божія.

(Изъ сочиненій епископа Теофана).

Исполняйтесь Духомъ: поюще себя во псалмѣхъ и пѣнннхъ и пѣсняхъ духовныхъ, воспѣвающе и поюще въ сердцахъ вашихъ Господевн (Ефес. 5, 18—19).

Духъ благодати обитаетъ въ христіанахъ со времени крещенія и миропомазанія. А приступаніе къ таинствамъ покаянія и причащенія не есть ли пріятіе обильнѣйшихъ притоковъ благодати? Тѣмъ, которые имѣютъ уже Духа, пристойно сказать: *Духа не угашайте* (Сол. 5, 18). Но какъ имъ же сказано: *исполняйтесь Духомъ?*— Благодать Св. Духа подается христіанамъ, потому что такова сила вѣры христіанской. Но живущій въ христіанахъ Духъ содѣваетъ спасеніе не одинъ, а вмѣстѣ со свободными дѣйствіями и самого христіанина. Въ семъ отношеніи христіанинъ можетъ и оскорбить и погасить Духа, и можетъ способствовать къ тому, чтобы Онъ ощутительно проявлялъ въ немъ Свои воздѣйствія. Когда сіе бываетъ, тогда христіанинъ сознаетъ себя въ необыкновенномъ состояніи, выражающемся тихою, глубокою, сладостною радостію, восходящею иногда до взыгранія духа... Исполняйтесь Духомъ, и для того пойте. Пѣніе возбудитъ Духъ, или приведетъ въ состояніе наитія Духа или ощутительнаго Его воздѣйствія. Блаженный Теодоритъ пишетъ, что апостоль вводитъ духовное упоеніе, когда говоритъ: *исполняйтесь Духомъ*, и показываетъ, какъ достигнуть до сего, именно: „непрестанно пѣснословия Бога, углубляясь въ самихъ себя и возбуждая всегда помысль“... Чувство, вложенное въ слово, чрезъ слово переходитъ въ душу слышащаго или читающаго. Такъ и въ пѣсняхъ церковныхъ. Псалмы, гимны (пѣніе) и оды (пѣсни) церковныя суть духодвижныя изліянія благоговѣйныхъ чувствъ къ Богу. Духъ Божій исполнялъ избранниковъ Своихъ, и они полноту своихъ чувствъ выражали въ пѣсняхъ. Поющій ихъ, какъ должно, обратно можетъ войти въ выраженные въ нихъ чувства и, исполнясь ими, приблизить себя къ состоянію, способному принять воздѣйствія благодати Духа, или приспособить себя къ нему. Таково именно и есть назначеніе церковныхъ пѣсней, чтобы посредствомъ ихъ возгрѣвать и раздувать кроющуюся въ насъ искру благодати. Искру сію даютъ таинства. Чтобы раздуть ее и превратить въ пламень, для этого введены псалмы, пѣнія (гимны) и пѣсни (оды) духовныя. Они дѣйствуютъ на искру благодати такъ же, какъ вѣтеръ на искру, ввѣдрившуюся въ

горючее вещество... Для того, чтобы пѣніе пѣсней церковныхъ вело къ исполненію Духомъ, апостоль требуетъ, чтобы пѣсни сіи были духовны, подѣ чѣмъ надо разумѣть не то только, что онѣ должны быть духовны по содержанію, но чтобы были духодвижны, сами были плодомъ Духа, или излились изъ сердець, исполненныхъ Духа. Иначе онѣ не будутъ вести къ исполненію Духомъ. Это по тому закону, что то, что вложено въ пѣснь, то она и дастъ поющему. Вложена туда человѣческая мысль, — человѣческую мысль пѣснь и породить; вложенъ туда элементъ благодатный, — благодать возбудить она и въ поющемъ. Но если она — простой наборъ словъ, то ничего и не породить.

Второе требованіе апостоловъ то, чтобы пѣсни пѣлись не языкомъ только, но и сердцемъ. Не понимать только пѣснь надобно, но войти въ сочувствіе съ нею, или воспріять содержаніе ея въ сердце и пѣть ее уже такъ, какъ бы она исходила изъ нашего сердца. Изъ снесенія настоящаго мѣста съ другими видно, что въ апостольское время тѣ только и пѣли, которые бывали въ такомъ настроеніи, затѣмъ другіе входили въ подобное настроеніе съ ними, и все церковное собраніе воспѣвало и пѣло Господу не иначе, какъ въ сердцѣ. Что дивнаго, если вслѣдствіе того все оно исполнялось и Духомъ?

Какое сокрыто сокровище въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, если онѣ совершаются, какъ должно?—Св. Златоустъ говоритъ: „что означаютъ слова: *поюще въ сердцахъ вашихъ Господеви?*— Это значитъ: со вниманіемъ пристунай къ этому дѣлу; ибо невнимательные поютъ безъ пользы, произнося только слова, тогда какъ сердце ихъ блуждаетъ въ другомъ мѣстѣ“. Блаженный Теодоритъ къ этому прибавляетъ: „поетъ сердцемъ, кто не только приводитъ въ движеніе языкъ, но и умъ возбуждаетъ къ уразумѣнію произносимаго“. Другіе свв. отцы, пиша о молитвенномъ къ Богу обращеніи, полагаютъ, что оно наилучшимъ образомъ совершается, когда совершается умомъ, въ сердце утвержденнымъ. То, что здѣсь у апостола говорится о церковномъ собраніи, идетъ и къ частному псалмопѣнію, которое всякій совершать можетъ особо въ домѣ. И плодъ отъ сего можетъ быть тотъ же, когда оно совершается, какъ должно, т. е. со вниманіемъ, пониманіемъ, сочувствіемъ, изъ сердца. (Орл. еп. в., 1903 г., № 246).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Кирилль.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 27 Марта 1904 г.

Цензоръ, священникъ *Ф. Титовъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 15.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, апрѣля 11-го.

Содержаніе: Къ вопросу о благочинныхъ.—О русской религіозной и цер-
ковной скульптурѣ (продолженіе).—Изъ записокъ приходскаго свя-
щенника.—Замѣтки священника.

Къ вопросу о благочинныхъ ¹⁾.

Въ Церк. Вѣстникѣ за 1903 г. затронуть былъ весьма важный не только лично для духовенства, но и вообще важный для правильнаго теченія церковной жизни русской Церкви вопросъ о благочинныхъ.

Авторъ одной изъ корреспонденцій въ № 26 Ц. В., справедливо высказываясь о важности должности благочинныхъ по ихъ обязанностямъ и правамъ, въ то же время утверждаетъ, что въ настоящее время обязанности благочин-

¹⁾ По данному вопросу на страницахъ нашего журнала въ т. г. помѣщены двѣ статьи—въ №№ 1 и 14. Давая мѣсто новой статьѣ, редакція имѣетъ въ виду по возможности всестороннее и обстоятельное освѣщеніе вопроса.

Ред.

ныхъ свелись къ сбиранію всевозможныхъ сборовъ съ церквей и причтовъ и отправкѣ ихъ по назначенію, главныя же и наиболѣе существенныя ихъ обязанности по наблюденію за дѣятельностію причтовъ и направленію этой дѣятельности, сообразно долгу, отошли на задній планъ. Онъ указываетъ причины такого положенія дѣла: назначеніе благочинныхъ епархіальными начальствами, полученіе ими вознагражденія отъ подчиненныхъ, товарищескія отношенія; какъ на способъ поправить дѣло, авторъ указываетъ на учрежденіе должностей уѣздныхъ благочинныхъ.

Другой авторъ свящ. А. Виноградскій въ № 33, возражая первому, признаетъ тоже слабость дѣятельности благочинныхъ и видитъ главную причину сего въ томъ, что благочинные назначаются архіереемъ по представленію консисторій. „Лучше было бы, нишеть онъ, если бы благочинные выбирались окружнымъ духовенствомъ, которому гораздо болѣе извѣстны достойныя лица изъ своихъ собратій по ихъ жизни, чѣмъ духовнымъ консисторіямъ по формулярнымъ спискамъ. Избиралъ въ настоящее время достойнѣйшаго собрата въ должность духовника, духовенство несомнѣнно избирало бы и въ должность благочиннаго лучшаго изъ своей среды“.

Затронутые вопросы о дѣятельности благочинныхъ и о способахъ усилить эту дѣятельность весьма серьезны. Въ самомъ дѣлѣ, если дѣятельность пастырей не всегда отвѣчаетъ предъявляемымъ имъ требованіямъ какъ со стороны высшей и епархіальной власти, такъ и со стороны самой жизни, то должны быть органы, которые бы направляли эту дѣятельность на надлежащій путь, способствуя ея развитію въ желательномъ направленіи. При обширности большинства епархій русской Церкви, при раскиданности селеній, при многочисленности церквей и духовенства, епархіальные архіереи при всемъ желаніи не могутъ непосредственно руководить дѣятельностію подвѣдомаго имъ духовенства. Отсюда ясна необходимость для нихъ въ такого рода помощникахъ, которые бы на мѣстѣ видѣли дѣятельность духовенства и ею, подѣ

общимъ руководствомъ епископа, руководили. Такими помощниками въ настоящее время и являются благочинные.

Но вотъ авторъ статьи: „О нашихъ благочинныхъ“ говорить, что ихъ дѣятельность неудовлетворительна, что они сами нуждаются въ руководствѣ и, какъ на выходъ изъ ненормальнаго положенія, указываетъ на слѣд. мѣру: предоставить окружнымъ благочиннымъ вѣдать дѣла менѣе важныя подъ руководствомъ и контролемъ ихъ начальниковъ, уѣздныхъ благочинныхъ, которымъ бы они были только помощниками; дѣла же болѣе важныя возложить на особыхъ безприходныхъ у. благочинныхъ съ высшимъ образованіемъ.

При всемъ нашемъ глубокомъ уваженіи къ высшему богословскому образованію, слѣдуетъ, однако, замѣтить, что его одного недостаточно для выполненія отвѣтственной и не легкой службы руководителя духовенства цѣлаго уѣзда. Для этого нуженъ житейскій опытъ и знаніе всѣхъ мѣстныхъ условій жизни, а это въ свою очередь обуславливаетъ, чтобы такой руководитель былъ не новичекъ въ данной мѣстности. При существующемъ порядкѣ каждый изъ благочинныхъ знаетъ -- или легко можетъ узнать -- мѣстную жизнь и дѣятельность 10—15 іереевъ своего округа, но иное дѣло знать всѣ условія жизни и дѣятельности 100--150 іереевъ на пространствѣ сотенъ верстъ. Хорошо, если такой ожидаемый руководитель полюбитъ свое дѣло и ему посвятить свою жизнь; тогда онъ узнаетъ и уѣздъ, и іереевъ. А что, если уѣздные благочинные будутъ такъ же часто мѣняться, какъ въ настоящее время монашествующіе ректора и инспектора семинарій? Тогда прямо вліяніе такихъ уѣздныхъ благочинныхъ на дѣятельность духовенства будетъ ничтожно и скорѣе можетъ дать отрицательные результаты, такъ какъ при существованіи уѣздныхъ благочинныхъ вліяніе окружныхъ будетъ ослаблено, и если первые не будутъ по тѣмъ или другимъ причинамъ истинными руководителями дѣятельности духовенства, то картина получится хуже, чѣмъ въ настоящее время. При томъ же, гдѣ взять такое количество (до 800) лицъ съ высшимъ

богословскимъ образованіемъ? Но предположимъ, что институтъ уѣздныхъ благочинныхъ изъ лицъ съ высшимъ богословскимъ образованіемъ не вдругъ, а годами—и, думаемъ, многими—будетъ организованъ, а покуда придется на эти должности опредѣлять священниковъ съ семинарскимъ образованіемъ; мы въ этомъ бѣды не видимъ. Есть даже епархіальные архіереи съ семинарскимъ образованіемъ,—не такъ давно былъ въ Москвѣ Митрополитъ изъ семинаріи (Иннокентій),—и они право правятъ слово истины. Могутъ быть изъ семинаристовъ люди способные къ административной службѣ и изъ академій—плохіе администраторы. Подыскать вдругъ во всеѣ уѣзды на должности благочинныхъ академикомъ прямо невозможно; но въ данномъ случаѣ, при желательной автору замѣтки въ № 26 Ц. Вѣстн. организаци, встрѣтится масса другихъ затрудненій.

Первое: каждому уѣздному благочинному нужно дать приличное жалованье. Если имѣть въ виду, что автору желательно видѣть въ должности благочинныхъ академикомъ, и что они обязательно должны быть люди семейные, то годовой клада жалованья долженъ быть не менѣе 1500 р., къ этому слѣдуетъ присоединить: на наемъ квартиры съ отопленіемъ 360 р., на канцелярію 240 р., на разъѣзды 200 р.; а всего 2300 р. Всеѣхъ уѣздовъ въ Россіи (см. Кал. Ступина 1903 г. стр. 36) 792,—значить, потребуется по самому скромному разсчету 1.821,600 р. Откуда взять такую сумму? Можетъ быть, авторъ скажетъ: оттуда, откуда вознаграждаются теперь оо. благочинные. Но вѣдь авторъ предполагаетъ ихъ сохранить, да иначе и быть не можетъ, потому что полное уничтоженіе окружныхъ благочинныхъ возложило бы на уѣзднаго благочиннаго такое бремя, что онъ весь ушелъ бы въ канцелярскую переписку, а для того важнаго дѣла, для котораго онъ, по мысли автора, призванъ, у него не осталось бы ни одной свободной минуты. Сдѣлать еще налогъ на церкви, по нашему мнѣнію, невозможно: церкви обременены на-

логами и сборами. Остается надѣяться на ассигновку отъ казны. Но дастъ ли казна такую сумму—это вопросъ?

Второе: уѣзды наши слишкомъ неравнобѣрны какъ по количеству церквей, такъ и по территоріямъ своимъ, а отсюда неравнобѣренъ и трудъ, ожидающій уѣздныхъ благочинныхъ. Справедливость требуетъ, чтобы за большой трудъ было и большее вознагражденіе, а это въ свою очередь вызоветъ дѣленіе уѣздовъ на разряды и увеличитъ еще больше общую ассигновку на институтъ уѣздныхъ благочинныхъ.

Третье и главное: какія именно обязанности возложить на уѣздныхъ благочинныхъ, какъ опредѣлить ихъ отношенія къ епархіальному начальству, къ окружнымъ благочиннымъ и духовенству? Это вопросы весьма важные, и отъ удачнаго разрѣшенія ихъ только и можетъ опредѣлиться значеніе уѣздныхъ благочинныхъ и польза отъ учрежденія этихъ должностей. Установить эти правильныя отношенія съ пользою для дѣла весьма и весьма не легко. Свящ. В. Д.—въ въ № 26 „Ц. В.“ говоритъ, что уѣздный благочинный долженъ быть руководителемъ окружныхъ благочинныхъ, духовнымъ судьей и наблюдателемъ за школами; ему же онъ поручаетъ исправленіе неправильностей въ церковныхъ документахъ, разрѣшеніе мелкихъ споровъ между членами причтовъ, между прихожанами и духовенствомъ и т. п. Намъ кажется, что авторъ слишкомъ расширилъ кругъ обязанностей уѣздныхъ благочинныхъ и хочетъ возложить на нихъ бремя тяжкое. Не вдаваясь въ подробности, скажемъ лишь, что одно только наблюденіе за школами, если авторъ разумѣетъ подъ этимъ тѣ обязанности, которыя нынѣ несутъ уѣздные наблюдатели по отношенію къ церковнымъ школамъ, въ уѣздахъ, гдѣ больше 100 школъ, займетъ все время у уѣзднаго благочиннаго, и для исполненія другихъ обязанностей свободнаго времени у него не останется. Не видимъ никакой надобности поручать уѣзднымъ благочиннымъ исправленіе документовъ. Это работа, требующая производства слѣдствія, разсмотрѣнія его, можетъ быть, даже дополненій, справки съ подлинными доку-

ментами, хранящимися въ дух. консисторіи и т. д.,— работа сложная, а потому справедливо предоставленная консисторіи, располагающей большими силами, чѣмъ одно лицо. Мелкія недоразумѣнія между причтами легко можетъ разрѣшить и окружной благочинный. Вообще, повторяемъ, что не легко— и даже очень не легко разграничить обязанности окружныхъ благочинныхъ и проектируемыхъ уѣздныхъ. Если расширить кругъ обязанностей послѣднихъ, то кругъ дѣла первыхъ можетъ сократиться дѣйствительно на столько, что они останутся только мытарями (сборщиками податей), но вмѣстѣ съ тѣмъ это возложить на уѣздныхъ благочинныхъ непосильное бремя, и польза отъ этого рода разграниченій будетъ больше чѣмъ сомнительная, потому что легче съ труднымъ и сложнымъ дѣломъ справиться многимъ, чѣмъ одному. Если же оставить всѣ обязанности, лежащія теперь на окружныхъ благочинныхъ, за ними, то что же будетъ дѣлать уѣздный благочинный, и не останется ли онъ стороннимъ зрителемъ церковной жизни, а не руководителемъ духовенства, ближайшимъ помощникомъ своего епископа?

Мы думаемъ, что реформа церковнаго управленія, предлагаемая свящ. В. Д—вымъ, въ томъ видѣ, какъ онъ предполагаетъ, не осуществима, да едва ли и нужна и полезна для дѣла.

Дѣятельность окружныхъ благочинныхъ авторами обѣихъ указанныхъ вначалѣ статей признается по мѣстамъ слабой, требующею усиленія. Свящ. В. Д—въ въ № 26, какъ на способъ усилить эту дѣятельность, указываетъ на учрежденіе уѣздныхъ благочинныхъ; авторъ же ст. въ № 33 не видитъ ни необходимости, ни пользы въ учрежденіи новыхъ, дорого стоящихъ должностей, а слабое воздѣйствіе благочинныхъ объясняетъ тѣмъ, что они не выборные, а назначаемые начальствомъ; объ этомъ сѣтуетъ и о. В. Д—въ въ № 26. Съ такими мнѣніями ¹⁾ и о. Виноградскаго (въ № 33) и Д—ва

¹⁾ Оно поддерживается редакціей и въ 8 Ц. В. за 1904 г. стр. 231.

въ № 26 мы считаемъ положительно невозможнымъ согласиться. Извѣстно, что въ года 60—70 въ эпоху всевозможныхъ реформъ, общій духъ коснулся и духовенства. Организованы училищные и епархіальные съѣзды особо закрытою баллотировкою избираемыхъ депутатовъ, въ нѣкоторыхъ епархіяхъ открыты благочинническіе совѣты, и въ нѣкоторыхъ было предоставлено духовенству право избирать и ближайшихъ начальниковъ—благочинныхъ. Какіе же получились результаты отъ послѣдней реформы? Очень и очень печальныя. Кто изъ читателей желаетъ ближе ознакомиться съ этими результатами, мы порекомендовали бы почитать Церк.-Общественный Вѣстникъ за 70-е годы, гдѣ можно познакомиться съ обратной стороною кажущихся безпристрастными выборовъ начальства. Всегда ли были избираемы достойнѣйшіе? Сомнѣваемся. И слава Богу, что высшая духовная власть скоро обратила вниманіе на эти выборы, и для принятія надлежащихъ мѣръ въ предупрежденію несомвѣстныхъ съ духовнымъ саномъ проступковъ въ средѣ священнослужителей (значить выборы благочинныхъ не улучшали дѣла) постановила, чтобы благочинные назначались по личному выбору преосвященныхъ (Ук. Св. Син. 5 апр. 1881 г.).

Выборы, особенно закрытою баллотировкою, далеко не всегда обезпечиваютъ безпристрастіе избирателей и достоинство избранныхъ, а выборы ближайшаго начальства—въ особенности. Если на должность помощниковъ благочиннаго или членовъ благочинническаго совѣта, вліяніе которыхъ на избирателей весьма незначительно, попадаютъ далеко не всегда люди лучшіе изъ благочинія, то на должность благочиннаго, прямого начальника, при избраніи его духовенствомъ, стали бы въ большинствѣ попадать или люди ловкіе, свербовавшіе себѣ сильную партію, или люди, потворствующие слабостямъ. Слѣдуетъ не забывать, что избиратели—тѣ же люди, и все человѣческое не чуждо имъ, а потому, говоря откровенно, скажите: многіе ли бы изъ насъ, будучи не безъ слабостей и тѣхъ или другихъ недостатковъ, пожелали имѣть начальни-

комъ чловѣка, который бы потребовалъ и дѣла по всей строгости и полнотѣ и, видя тѣ или другіе недочеты и слабости, не постѣснился бы обратить на нихъ чье слѣдуетъ вниманіе? Можно безошибочно сказать, что такой не былъ бы избранъ, а если бы по ошибкѣ и попалъ въ благочинные, то уже не болѣе, какъ на 3 года. По нашему глубокому убѣжденію избраніе благочиннаго духовенствомъ не только не обезпечило бы избраніе на эту должность лучшаго священника округа, но совершенно ослабило бы вліяніе благочиннаго на духовенство и въ среду сѣщенниковъ внесло бы массу розни и агитаціонныхъ стремленій, да и епархіальное начальство потеряло бы связующее его съ духовенствомъ звено и могло бы встрѣтить въ лицѣ избираемаго благочиннаго не проводника своихъ распоряженій и сотрудника, а противника и укрывателя дѣйствительнаго положенія дѣла.

О. В—ій говоритъ, что духовенство, избирая достойнѣйшаго собрата на должность духовника, несомнѣнно избрало бы и на должность благочиннаго достойнѣйшаго. Но большая разница между должностями духовника и благочиннаго, а потому разные настроенія и побужденія могутъ руководить выборами духовника и благочиннаго. И хорошій духовникъ можетъ быть нежелательнымъ администраторомъ.

А что дѣйствительно выборы закрытою баллотировкою не обезпечиваютъ избранія достойнѣйшихъ—съ этимъ, думаемъ, каждый, знакомый съ дѣломъ выборовъ какъ въ средѣ свѣтской, такъ и духовной, согласится. Мы не будемъ указывать на факты, а сошлемся лишь на отзывы, болѣе насъ авторитетные, о нашихъ выборахъ. Высокопр. Арсеній, архіепископъ Харьковскій, говоритъ: „гораздо полезнѣе сѣздъ оо. благочинныхъ, чѣмъ выборныхъ... Выборные, въ число которыхъ оо. благочинные попадаютъ не всегда, въ большинствѣ случаевъ не могутъ быть достаточно авторитетны... Отсюда получается такое явленіе: собирается сѣздъ, и членами его появляются молодые, *неопытные* іереи, можно сказать, юноши“. (Церк. Вѣд. № 47 за 1903 г. стр. 1832); почему и собранъ

былъ съѣздъ благочинныхъ, а не избираемыхъ духовенствомъ депутатовъ. Такой же практики держатся и нѣкоторые другіе преосвященные, напр. архіеп. Тверской Дмитрій. Отсюда ясно, что по взгляду нашихъ архипастырей, которые практикуютъ созывы съѣздовъ благочинныхъ, а не депутатовъ, нерѣдко въ депутаты на епархіальные съѣзды избираются не лучшіе люди, какъ слѣдовало бы, хотя при избраніи депутата у духовенства вовсе почти нѣтъ поводовъ быть пристрастными и выбирать не достойнѣйшихъ, чего далеко нельзя сказать о выборахъ благочинныхъ, какъ мы уже и говорили.

Изъ сказаннаго, думается, ясно, что нѣтъ серьезныхъ побужденій установленный св. Синодомъ порядокъ назначенія благочинныхъ измѣнять.

Авторы обѣихъ статей о благочинныхъ свое желаніе видѣть благочинныхъ, избираемыхъ духовенствомъ, мотивируютъ тѣмъ, что консисторія руководится при избраніи этихъ лицъ не личнымъ или дѣйствительнымъ знаніемъ этихъ лицъ, а формулярами, въ которыхъ все можно писать; почему и бывають неудачныя назначенія.

Не говоря уже о томъ, что формуляры не такая уже неважная бумага, въ которой все можно писать, думается, что напрасно авторъ такъ неодобрительно взглянулъ на выборы консисторіи. Консисторія и архіерей могутъ знать священниковъ и знаютъ не по однимъ формулярамъ, а по всѣмъ его служебнымъ дѣламъ и благоповеденію, о которыхъ переписка восходитъ къ епархіальному начальству, а среди этой переписки ежегодно поступаютъ отчеты благочинныхъ съ подробными отзывами о дѣятельности духовенства, гдѣ достойнѣйшіе, безъ сомнѣнія, отмѣчаются. Не лишены преосвященные возможности и личнаго знакомства съ духовенствомъ при ежегодныхъ нынѣ обзорнѣяхъ церквей; нерѣдко и сами священники обращаются лично къ епископамъ по своимъ служебнымъ дѣламъ. Конечно, могутъ быть и неудачныя назначенія благочинныхъ—человѣку свойственно ошибаться, но эти ошибки будутъ, во 1-хъ, ненамѣренныя, а, во 2-хъ, легко

могутъ быть усмотрѣны и исправлены, тогда какъ при избраніи благочиннаго духовенствомъ, сказать этого нельзя. Благочинный въ послѣднемъ случаѣ, становится въ зависимость не отъ епископа, которому онъ долженъ быть помощникомъ (окомъ и ухомъ), а отъ духовенства, отъ котораго зависѣло бы его избраніе, и сталъ бы служить не епископу, а духовенству.

Авторитетъ такихъ благочинныхъ былъ бы не высокъ, да и сами они чувствовали бы слабость своего положенія. Будучи избраны на 3 года, они всегда чувствовали бы, что, если они не угодятъ избирателямъ, то чрезъ 3 года полномочіе ихъ будетъ кончено, а угожденіе избирателямъ поставило бы ихъ въ ложное положеніе къ епископу, ибо никто двумъ господамъ не служить. Если теперь, когда назначеніе и смѣна благочиннаго отъ духовенства не зависитъ, авторъ ст. въ № 26 спрашиваетъ: „удобно ли ему безпристрастно относиться къ поступкамъ сотоварища? Если дѣйствовать по справедливости, придется заслужить непріязнь духовенства: если дѣлать не по справедливости, можно войти въ немилость у своего начальства“, то такой вопросъ съ большимъ значеніемъ слѣдуетъ задать при выборныхъ благочинныхъ.

Теперь положеніе благочиннаго все-таки прочно, и онъ имѣетъ возможность быть безпристрастнымъ, не боясь отставки чрезъ 3 года. О. В. Д—въ говоритъ, что при безпристрастіи онъ можетъ получить массу непріятностей. Да, непріятности будутъ, но вѣдь всѣ не только управлять, но и просто жить благочестно хотящіе гонимы будутъ, и все-таки непріятности эти, при твердой поддержкѣ епархіальной власти, можно перенести и съ пользою для Церкви честно исполнять свой долгъ. А попробуйте вы тѣ же требованія предъявить при избраніи благочинныхъ духовенствомъ. Тогда ваши добрыя намѣренія будутъ парализованы на 3-мъ году службы, и вы подвергнетесь такимъ непріятностямъ, которыя и переносить-то будетъ очень трудно.

Не отрицаемъ нѣкоторой слабости въ дѣятельности благочинныхъ; согласны и съ тѣмъ, что одною изъ причинъ этой слабости служить отсутствіе опредѣленнаго вознагражденія благочиннымъ. Объ этомъ о. Д.—въ справедливо говорить, какъ о явленіи ненормальномъ. Но это явленіе, какъ слышали мы изъ источниковъ, заслуживающихъ полной вѣры, въ ближайшемъ будущемъ будетъ устранено, и нужно надѣяться, что служба благочинныхъ, поощренная по новому уставу о пенсіяхъ ежегодной 60 р. прибавкой за 10 л. службы, будетъ поставлена въ лучшія и безобидныя, а главное—опредѣленныя отношенія и по вопросу о вознагражденіи. А это въ свою очередь освободитъ благочинныхъ отъ нѣкоторой зависимости отъ подчиненнаго духовенства и устранить одинъ изъ тормазовъ ихъ уснѣшной дѣятельности на благо Церкви.

Полагаемъ, что небезполезенъ былъ бы и болѣе близкій контроль надъ благочинными, особенно въ уѣздахъ, удаленныхъ отъ архіерея, хотя и теперь въ епархіяхъ, гдѣ епархіальные преосвященные предъявляютъ усиленныя требованія къ духовенству, тамъ и дѣятельность благочинныхъ и духовенства оживляется. Но одному лицу, при той массѣ дѣлъ, которыми обременены теперь преосвященные, трудно входить во всѣ подробности дѣятельности благочинныхъ; имъ могли бы помочь консисторіи, но и консисторіи въ настоящее время завалены перепиской. Несомнѣнно, оживили бы дѣятельность благочинныхъ ежегодные поуѣздные съѣзды ихъ подъ предсѣдательствомъ настоятеля собора для обсужденія не хозяйственныхъ только дѣлъ, но и состоянія религіозно-нравственной жизни паствъ и пастырской дѣятельности; но объ этомъ, если судить Богъ, побесѣдуемъ въ другой разъ.

Все сказанное приводитъ насъ къ тому заключенію, что учрежденіе особыхъ должностей безприходныхъ уѣздныхъ благочинныхъ неосуществимо и бесполезно. Избраніе же благочинныхъ духовенствомъ не только бы не улучшило

состава благочинныхъ, но могло бы отразиться печально на всемъ строѣ епархіальнаго управленія и на служебной дѣятельности духовенства въ особенности. *Н—изъ.*

О русской религиозной и церковной скульптурѣ ¹⁾.

Рѣзная статуя св. Николая Можайскаго явилась въ Можайскѣ, нынѣ уѣздномъ городѣ Московской губерніи, который съ 1389 года былъ нѣкоторое время удѣломъ великаго княжества Московскаго. О происхожденіи этого рѣзного образа мѣстное можайское преданіе гласитъ, что когда однажды татары напали на Можайскъ и обложили его, то святитель Николай, которому былъ посвященъ Можайскій соборъ, показался въ грозномъ видѣ стоящимъ въ воздухѣ надъ соборомъ, держа въ одной рукѣ мечъ, а въ другой—изображеніе обнесеннаго крѣпостью храма. Татары такъ устрешены были этимъ видѣніемъ, что сняли осаду и бѣжали. Въ память этого чудеснаго событія и въ благодарность за избавленіе отъ враговъ, благочестивые граждане Можайска и устроили рѣзное изображеніе угодника Божія, находящееся теперь въ Можайскомъ соборѣ. Образъ помѣщается нынѣ по правую сторону царскихъ вратъ, въ качествѣ храмоваго. Святитель на немъ изображенъ во весь ростъ, вышиной въ 2¹/₂ аршина, въ шапкѣ, или митрѣ, въ древне-епископскомъ облаченіи, т. е. въ фелони, а не въ саккосѣ. Спереди образъ обложенъ сребропозлащенной чеканной ризой, которая скрываетъ его статуарныя формы и дѣлаетъ его похожимъ болѣе на икону, чѣмъ на статую; вѣнецъ во кругъ главы и подъ нимъ привѣска (цата) изъ червоннаго золота, а сребропозлащенная митра украшена крупнымъ жемчугомъ и драгоценными камнями. Въ правой рукѣ угодникъ, согласно преданію, держитъ мечъ, а въ лѣвой—пятиглавый, обнесенный крѣпостью, храмъ; оба деревянные, позлащенные.

¹⁾ См. № 14 „Р. д. с. п.“ за тек. годъ

Около вѣнца.—надпись: „Святый Николае, Можайскій чудотворецъ“. Хранится образъ въ деревянномъ позлащенномъ, въ видѣ сѣни, кіотѣ.

Явленіе Можайскаго образа св. Николая относятъ къ XIV вѣку ¹⁾. Вѣроятно, оно произошло при первомъ удѣльномъ можайскомъ князѣ Андрѣѣ Димитріевичѣ, сынѣ Димитрія Донскаго (1389—1432 г.г.) ²⁾. Идея скульптурнаго изображенія св. Николая Можайскаго должна быть приписана влиянію сосѣдней съ Можайскомъ Литвы, откуда, какъ мы видѣли, занесенъ былъ въ 1380 году въ г. Елифанъ деревянный рѣзной образъ св. Николая. Что же касается деталей этого изображенія, то онѣ находятъ объясненія себѣ частію въ византійскихъ, частію въ отечественныхъ русскихъ источникахъ.

Храмъ въ лѣвой рукѣ святителя въ первоначальномъ смыслѣ принимаютъ за Можайскій Николаевскій соборъ, а въ смыслѣ переносномъ—за вселенскую Церковь. Но храмъ этотъ обнесенъ „крѣпостью“, точнѣе—частоколомъ; слѣдовательно, это—не одинъ только Можайскій соборъ, а весь христіанскій городъ Можайскъ съ его главнымъ храмомъ. Въ Византіи, а затѣмъ и у насъ въ Россіи изображались съ храмами и вообще зданіями въ одной рукѣ или строители ихъ, подносящіе свои издѣлія св. патронамъ, или же эти послѣдніе съ покровительствуемыми ими храмами и зданіями.

Въ бронзовомъ изваяніи на константинопольскомъ храмѣ Всѣхъ Святыхъ, построенномъ Львомъ Философомъ (886—911 г.г.), представлены были Михаилъ архангелъ и императоръ Михаилъ, подносящій архистратигу модель столицы. Въ константинопольскомъ монастырѣ Пандократора (Вседержи-

¹⁾ „Житіе и чудеса св. Николая и слава его въ Россіи“, А. Вознесенскаго и Ѳ. Гусева, стр. 205, 275—277.

²⁾ См. мою статью „Рѣзныя изображенія св. Николая Можайскаго“, въ „Трудахъ XI археологическ. съѣзда въ Кіевѣ“, Москва, 1902 г., т. II, стр. 138.

теля), основанномъ императрицею Ириною, находилось изображение императора Мануила Комнена, подносящаго модель церкви Христу ¹⁾. На фрескѣ Спасо-Нередицкой церкви, построенной въ 1198 году, строитель ея князь Ярославъ Владиміровичъ подноситъ ея модель Спасителю ²⁾. На волынскомъ рѣзномъ крестѣ XVII вѣка, какъ мы видѣли, панъ Дедеркало держитъ въ рукѣ модель храма, вѣроятно имъ построеннаго.

При коллективныхъ постройкахъ зданій и цѣлыхъ городовъ въ иконографіи изображались съ зданіями въ рукѣ только святые покровители ихъ. Мы уже видѣли, что на рѣзномъ крестѣ Замостьской Николаевской церкви, начала XVII вѣка, внизу изображенъ былъ св. Николай съ посвященнымъ ему храмомъ въ лѣвой рукѣ. Кромѣ храмовъ, подобнымъ же образомъ изображались и другія зданія и города. На византійскихъ монетахъ императоровъ Андроника II и Михаила IX Палеологовъ (1282—1320 г.г.) изображена стѣна Цареграда съ находящеюся среди нихъ Влахернскою иконою Богородицы, какъ небесной Покровительницы города ³⁾. Одинъ изъ барельефовъ на царскомъ мѣстѣ царя Іоанна Грознаго, 1552 года, представляетъ ограды Византіи съ пятиглавымъ храмомъ въ срединѣ ⁴⁾. Къ разряду изображеній святыхъ покровителей городовъ слѣдуетъ отнести и очень распространенныя въ древней Руси изображенія, на бронзовыхъ складныхъ крестахъ, святыхъ князей—страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, изъ которыхъ каждый держитъ въ рукѣ по одному храму или зда-

¹⁾ „Византійскія церкви и памятники Константинополя“, Н. П. Кондакова, стр. 68 и 213.

²⁾ „Русскія древности въ памятникахъ искусства“, гр. И. И. Толстого и Н. П. Кондакова, вып. VI, стр. 145.

³⁾ Description générale des Monnaies Byzantines, Сабатье, Парижъ, 1862 г., т. II, стр. 244, 251 и сл., и табл. LX, №№ 3, 4 и 13; см. „Записки Императорск. Русск. Археологич. Общества“, т. III, вып. 1, СПб., 1887 г., стр. 12.

⁴⁾ „Древности Россійск. Государства, издав. по Высоч. повелѣнію“, отд. II, стр. 109.

нію ¹⁾. Святые страстотерпицы были еще очень юными князьями и не успѣли ознаменовать себя построениемъ храмовъ Божіихъ, а младшій изъ нихъ Глѣбъ даже и не жилъ въ своемъ княжествѣ и находился при отцѣ. Поэтому, и зданія въ ихъ рукахъ—не храмы, которыхъ они не строили, а тѣ христіанскіе города—Ростовъ и Муромъ, которые даны были имъ въ удѣлы, и для которыхъ они явились по своей кончинѣ святыми покровителями. Таково же значеніе храма или зданія въ рукѣ св. Николая Можайскаго. Это не одинъ храмъ, а цѣлый христіанскій городъ Можайскъ съ его храмомъ, окруженный крѣпостною стѣною и находящійся подъ особымъ небеснымъ покровительствомъ св. Николая.

Въ соотвѣтствіе модели Можайска въ лѣвой рукѣ святителя, и мечъ въ правой его рукѣ долженъ быть понимаемъ въ прямомъ его смыслѣ, какъ главное орудіе для защиты города. Въ церковныхъ иѣсноиѣніяхъ св. Николай величается, какъ „градъ спасенія всѣхъ“, „побѣждаемымъ помощь“, „побѣды носяй имя“ или „побѣды тезоименить“, „въ бранехъ помощникъ“ ²⁾ и т. п., слѣдовательно—представляется воинственнымъ лицомъ. Св. Николаю не первому усвоенъ иконографіей мечъ: съ мечемъ изображаются архистратигъ Михаилъ, великомученикъ Георгій ³⁾ и др.

По всей вѣроятности, рѣзное изображеніе св. Николая Можайскаго, съ моделью города Можайска и съ мечемъ въ рукахъ, первоначально предназначалось не для церковнаго употребленія и чествованія, а для городскихъ стѣнъ. Деревянный кіотъ, въ видѣ сѣни, надъ статуей св. Николая Можайскаго, по всей вѣроятности, назначался для защиты отъ вліяній непогоды на открытомъ воздухѣ, а старѣйшая копія св.

¹⁾ Собраніе Б. И. и В. П. Ханенко. „Древности русскія. Кресты и образки“, вып. 1, №№ 88—90, и вып. 2, №№ 313, 314 и 316.

²⁾ „Житіе и чудеса св. Николая чудотворца и слова его въ Россіи“. А. Вознесенскаго и Ѳ. Гусева, стр. 203.

³⁾ „Собраніе Б. И. и В. П. Ханенко. Древности русскія. Кресты и образки“, вып. 1, № 55, и вып. II, №№ 291, 301, 320 и 322.

Николая Можайскаго на Никольскихъ воротахъ Московскаго Кремля несомнѣнно предназначалась для крѣпостныхъ стѣнъ, а не для храма.

Москва, становясь центромъ Русскаго государства, въ то же время старалась собирать и сосредоточивать въ себѣ и русскія святыни въ подлинникахъ или, по крайней мѣрѣ, въ копіяхъ или подражаніяхъ. Въ болѣе тѣсныхъ, зависимыхъ отношеніяхъ къ ней находилея Можайскъ, какъ ея пригородъ, а потомъ удѣлъ. Поэтому, съ самаго начала XV вѣка образъ св. Николая Можайскаго является, въ копіи, и въ Москвѣ, и притомъ именно на одной изъ башенъ Московскаго Кремля. Повидимому, каждая башня этого Кремля имѣла своего особаго святого покровителя. На прежнихъ Флоровскихъ, а нынѣ Спасскихъ кремлевскихъ воротахъ находилось изваяніе на бѣломъ камнѣ св. великомученика Георгія въ видѣ всадника на конѣ, поражающаго копьемъ дракона, находящееся нынѣ въ церкви св. Михаила Малюпа въ Вознесенскомъ монастырѣ въ Кремлѣ¹⁾. Въ соотвѣтствіе этому, и на Никольскихъ воротахъ Московскаго Кремля, получившихъ свое названіе отъ монастыря св. Николая Стараго, или Большая Глава²⁾, поставлено было въ 1403 году изображеніе св. Николая Можайскаго³⁾, находящееся тамъ и донынѣ. Судя по наружному виду, св. Николай Можайскій изображенъ здѣсь рельефомъ на камнѣ. Въ правой рукѣ святитель держитъ мечъ, а въ лѣвой—пятиглавый храмъ, окруженный крѣпостью, съ главными воротами и съ двумя башнями по ихъ сторонамъ. Кромѣ того, по сторонамъ желѣзнаго зонта, или навѣса, при-

¹⁾ „Кремлевскія Спасскія ворота въ Москвѣ“, И. Снегирева, въ „Душеполезномъ Читаніи“, іюнь, 1862 г., стр. 194 и сл.; „Московскій Покровский Василій Блаженнаго соборъ“, свящ. І. Кузнецова, Москва, 1895 г., стр. 88.

²⁾ „Путеводитель къ святынѣ и священ. достопамятностямъ города Москвы“, архим. Іосифа Левницкаго, 6 изд., Москва, 1896 г., стр. 120.

³⁾ Тамъ же; см. „Житіе и чудеса св. Николая и слава его въ Россіи“, А. Вознесенскаго и Ѳ. Гусева, стр. 276.

крявающаго образъ св. Николая, изображены на самой стѣнѣ красками Спаситель и Богородица, а внизу, соотвѣтственно верхнимъ изображеніямъ, два ангела ¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что это копія или воспроизведеніе Можайскаго образа св. Николая, но съ значительными видоизмѣненіями противъ подлинника. Три крѣпостныя башни съ воротами вокругъ храма, который держитъ святитель въ лѣвой рукѣ, не встрѣчаются ни на статуѣ въ Можайскѣ, ни на другихъ извѣстныхъ намъ изображеніяхъ этого святителя, кромѣ Московскаго, и вполнѣ отвѣчаютъ московской дѣйствительности XV вѣка. Башни эти суть кремлевскія башни: Никольская въ центрѣ и Спасская, и, вѣроятно, Троицкая по сторонамъ. Слѣдовательно, мы должны видѣть въ лѣвой рукѣ кремлевскаго образа св. Николая Можайскаго собственно не храмъ, а Московскій Кремль съ его церквами или—точнѣе—сѣверный уголь его, окруженный тремя крѣпостными башнями и воротами, съ Никольскими въ центрѣ.

Такимъ образомъ, старѣйшая Московская копія рѣзнаго изображенія св. Николая Можайскаго, находящагося въ самомъ Можайскѣ, да—вѣроятно, и самый Можайскій оригиналь, первоначально назначались не для церковнаго употребленія или чествованія, а для городскихъ крѣпостныхъ стѣнъ, какъ святые покровители ихъ.

Изъ Москвы рѣзной образъ св. Николая Можайскаго распространился, въ копіяхъ и подражаніяхъ, во все концы обширнаго Московскаго государства, не исключая и отдаленной Сибири; но при этомъ онъ потерялъ тѣ мѣстныя индивидуальныя черты, какія принадлежали Можайскому оригиналу и старѣйшей его копіи Московской. Тогда какъ въ Московскомъ Кремлѣ рѣзное изображеніе святителя находилось не въ церкви, а надъ крѣпостными воротами,—въ Кремля и Москвы подобныя изображенія стали помѣщаться въ часов-

¹⁾ „Рѣзныя изображенія св. Николая Можайскаго“, въ „Трудахъ XI археологич. сѣзда въ Кіевѣ“, т. II, стр. 144.

няхъ и даже въ самыхъ храмахъ, подходить подъ категорію церковныхъ иконъ вообще и уподобляться живописнымъ иконамъ. Впослѣдствіи барельефныя и статуарныя изображенія св. Николая Можайскаго или прикрывались металлическими ризами, какъ, напр., въ самомъ Можайскѣ, или же раскрашивались даже красками, для большого уподобленія ихъ обыкновеннымъ иконописнымъ образамъ, и появилась даже цѣлая серія живописныхъ, а не рѣзныхъ, изображеній св. Николая Можайскаго. Самые детали и особенности изображенія получили другое значеніе и даже видоизмѣнялись, замѣняясь иногда совершенно иными деталями. Въ иногороднихъ копіяхъ и воспроизведеніяхъ Московскаго изображенія св. Николая Можайскаго уже забыто было значеніе кремлевскаго зданія въ лѣвой рукѣ святителя, которое получило теперь значеніе или мѣстнаго храма, или вселенской Церкви вообще. Но и въ этомъ общемъ значеніи своемъ указанные атрибуты образа св. Николая Можайскаго, повидимому, приводили въ нѣкоторое смущеніе своею необычайностью и замѣнялись другими, болѣе обычными атрибутами. Храмъ или зданіе въ иныхъ случаяхъ замѣняется дарохранительницею или кораблемъ, а мечъ—крестомъ или свѣчей¹⁾. Укажемъ болѣе извѣстныя намъ воспроизведенія и варіаціи первоначальнаго рѣзного изображенія св. Николая Можайскаго.

1) Мало имѣемъ мы варіантовъ рѣзного изображенія св. Николая Можайскаго, находящагося въ самомъ Можайскѣ; но есть иконописныя копіи съ него. Такова, на примѣръ, живописная икона св. Николая Можайскаго, пожертвованная въ Троице-Сергіеву лавру можайскимъ княземъ Иваномъ Андреевичемъ въ первой половинѣ XV вѣка²⁾. Можно указать еще, какъ на вѣроятную копію съ Можайскаго изображенія св. Николая Можайскаго, на живописный Самсоновскій образъ этого святителя въ сельцѣ Самсоновкѣ, въ Си-

¹⁾ Тамъ же, стр. 142 и 143.

²⁾ Изд. тамъ же, стр. 144, табл. III.

бири, близъ Тары, принесенный сюда въ началѣ XVII вѣка крестьяниномъ Сампсоновымъ изъ Смоленской губерніи ¹⁾.

2) Наибольшее число копій сохранилось съ Московскаго Кремлевскаго изображенія св. Николая Можайскаго, отличительными признаками котораго служатъ, съ одной стороны, храмъ въ крѣпости съ тремя башнями, а съ другой—Спаситель и Богородица по сторонамъ святителя. Точную копию съ этого образа представляетъ деревянный съ рѣзными изображениями складень XV вѣка, центральная часть котораго представляетъ изъ себя рельефное рѣзное изображеніе св. Николая Можайскаго съ мечемъ въ правой и съ церковію въ лѣвой рукѣ, окруженною крѣпостными стѣнами и тремя башнями съ воротами; по сторонамъ святителя—Спаситель и Богоматерь. Складень находится теперь въ древнехранилицѣ Александро-Невскаго Владимірскаго братства ²⁾. Не мало сохранилось и мѣдныхъ литыхъ воспроизведеній этого образа, относящихся къ XVI, XVII и XVIII вѣкамъ ³⁾. Можно указать еще на хоругви, или знамена Ермака и его сподвижниковъ ⁴⁾, и на живописную икону св. Николая Можайскаго въ Церковно-археологическомъ музеѣ при Кіевской дух. академіи, съ такимъ же изображеніемъ святителя ⁵⁾.

3) Варіантами Московскаго изображенія св. Николая Можайскаго представляются тѣ рѣзныя или иконописныя изображенія его, на которыхъ онъ изображается съ мечемъ въ правой рукѣ, пятиглавою церковію, безъ крѣпости и башенъ, въ лѣвой и съ Спасителемъ и Богородицею по сто-

¹⁾ „Житіе и чудеса св. Николая и слава его въ Россіи“, А. Вознесенскаго и Ѳ. Гусева, стр. 587—8.

²⁾ Изд. въ „Трудахъ XI археологич. съѣзда въ Кіевѣ“, 1902 г., т. II, стр. 142.

³⁾ Тамъ же; „Указатель Церковно-археологич. музея при Кіевской дух. академіи“, №№ 4228—4237, и Леопардов. коллекц., № 181 и др.

⁴⁾ „Житіе и чудеса св. Николая и слава его въ Россіи“, Вознесенскаго и Гусева, стр. 589 и 595.

⁵⁾ „Указатель Церковно-археологич. Музея при Кіевской дух. Академіи“, № 4545.

ронамъ. Послѣдній признакъ указываетъ на Московскій прототипъ подобныхъ изображеній; но крѣпость и башни во кругъ храма, имѣвшія мѣстное московское значеніе, уже не изображаются. Таковы изъ извѣстныхъ намъ рѣзныхъ изображеній: Николо-радовицкое XVI вѣка ¹⁾ и, можетъ быть, Николы „Новыя Прощи“ въ женскомъ Арзамасскомъ монастырѣ ²⁾.

4) По Московскому же типу сдѣлано каменное рѣзное изображеніе св. Николая Можайскаго въ г. Мценскѣ, Орловской губерніи, явившееся здѣсь въ 1415 году, но имѣющее существенное отличіе отъ Московскаго прототипа: въ лѣвой рукѣ святитель держитъ не храмъ, а дароносицу ³⁾. Такова же рѣзная икона св. Николая Можайскаго въ селѣ Мамонтовомъ, Моршанскаго у., Тамбовской губ., начала XVII вѣка ⁴⁾.

5) Значительный варіантъ Московскаго Кремлевскаго образа представляетъ изъ себя древній образъ св. Николая Можайскаго, XVI вѣка, изданный въ „Русскомъ Паломникѣ“ за 1895 годъ. Спаситель и Богородица по сторонамъ святителя на этомъ образѣ указываютъ на Московскій его прототипъ; но, вмѣсто меча, святитель держитъ крестъ, и притомъ не въ правой, а въ лѣвой рукѣ, правою же держитъ однокупольный храмъ или часовню ⁵⁾.

6) Въ С. Петербургскомъ музеѣ императора Александра III находится рѣзной образъ св. Николая съ храмомъ въ лѣвой рукѣ, но со свѣчей, вмѣсто меча, въ правой ⁶⁾.

7) На одномъ изъ заглавныхъ листовъ Кіевскаго изданія житія и чудесъ св. Николая, 1680 года, святитель пред-

¹⁾ „Житіе и чудеса св. Николая и слава его въ Россіи“, Вознесенскаго и Гусева, стр. 354—5.

²⁾ Тамъ же, стр. 557, 558 и 561.

³⁾ Тамъ же, стр. 320—323.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 553.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 209, 707, 678, примѣч. 142.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 677, примѣч. 136.

ставленъ съ мечемъ въ правой рукѣ, но, вмѣсто храма, съ кораблемъ въ лѣвой ¹⁾).

Весьма много есть и другихъ рѣзныхъ и иконописныхъ изображеній св. Николая Можайскаго, какъ, напр., Елифанъскій, Боровскій будто бы XIV вѣка, Березовскій XV вѣка, Перемышльскій, Валаамскій, Волоколамскій, Московскій у Ивана Великаго, Никольскій близъ С.-Петербурга, Ивонинскій близъ Массальска, Лекминскій, Паниковскій, Безстужевскій и Ивановскій Чебоксарскаго уѣзда, Посольскій и Котокольскій въ Сибири и проч. ²⁾). Но всѣ эти и другія изображенія не изданы и точно не описаны, такъ что о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности мы не можемъ съ увѣренностію сказать, къ какому основному типу или вариации его онъ принадлежитъ. А этотъ недостатокъ изданій и точныхъ описаній, въ свою очередь, лишаетъ насъ возможности опредѣлить генетическую связь одного изъ этихъ образовъ съ другимъ, происхожденіе и зависимость одного отъ другого и даже поселяетъ недовѣріе къ принятымъ опредѣленіямъ времени происхожденія тѣхъ или иныхъ изображеній св. Николая Можайскаго. Во всякомъ случаѣ, то остается несомнѣннымъ, что образъ св. Николая Можайскаго произвелъ наибольшее число скульптурныхъ копій и подражаній, количественно обогатившихъ собою скудную вообще исторію русской религіозной скульптуры.

Проф. *Н. Петровъ.*

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ Тамъ же, стр. 678, примѣч. 145.

²⁾ Тамъ же, въ разныхъ мѣстахъ Книжки.

³⁾ См. № 11 „Р. д. с. п.“ за тек. годъ.

Изъ записокъ приходскаго священника ³⁾.

1 декабря. Неуваженіе къ святости воскресныхъ и праздничныхъ дней составляетъ большое мѣсто въ приходской жизни не только городовъ, но и сель. Въ городахъ даже принято

¹⁾ Тамъ же, стр. 678, примѣч. 145.

²⁾ Тамъ же, въ разныхъ мѣстахъ Книги.

³⁾ См. № 11 „Р. д. с. п.“ за тек. годъ.

разнаго рода пирушки и собранія назначать, въ большинствѣ случаевъ, именно наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Объясняется это особыми условіями городской жизни. Главный контингентъ городскихъ прихожанъ состоитъ изъ чиновнаго, торговаго и служилаго люда. Весь этотъ людъ въ будни занятъ прямыми своими служебными обязанностями, отъ которыхъ онъ бываетъ свободенъ въ воскресные и праздничные дни; поэтому, въ угоду житейскимъ дѣламъ и обязанностямъ, совершенно забываются и приносятся въ жертву обязанности по отношенію къ Богу. По примѣру городскихъ, и деревенскіе прихожане проявляютъ непочитаніе къ святости праздничныхъ дней. И они празднованіе разнаго рода семейныхъ событій и торжествъ приурочиваютъ обыкновенно къ кануну воскресныхъ и праздничныхъ дней. Не говоря уже о другихъ подобныхъ случаяхъ, особенно—и притомъ всѣми силами нужно вооружаться противъ обычая сельскихъ прихожанъ начинать празднованіе свадебъ съ субботы. Нужны общія дружныя усилія къ тому, чтобы вывести этотъ—мало сказать „не христіанскій“ обычай.

Мнѣ лично достовѣрно извѣстно, что въ одномъ, напр., приходѣ, для искорененія обычая назначать празднованіе свадебъ съ вечера субботняго дня, священникъ нѣсколько разъ обращался къ пасомымъ съ словомъ увѣщанія и обличенія; въ другомъ — къ этому присоединена была угроза не вѣнчать свадебъ въ воскресный день, а только въ слѣдующій за нимъ понедѣльникъ; въ третьемъ—общимъ собраніемъ прихожанъ опредѣленъ штрафъ въ пользу храма за несоблюденіе постановленія „міра“ и т. п. Что, если бы всѣ мы начали употреблять такія и имъ подобныя мѣры кротости и строгости для достиженія благой цѣли?..

4 декабря. Сегодня въ приходѣ моемъ замѣчалось сильное религіозное возбужденіе, вызванное слѣдующимъ обстоятельствомъ.

Съ половины октября началась эпидемія дифтерита и скарлатины. Болѣзни эти уносили въ могилу цѣлыми десят-

ками дѣтей. Медицинская помощь оказывалась безсильною въ борьбѣ съ эпидеміей, и народъ все упованіе свое возложилъ только на помощь свыше. Всегда относясь съ особымъ благоговѣніемъ къ св. равноап. Маріи Магдалинѣ, какъ цѣлительницѣ всякихъ недуговъ тѣлесныхъ и душевныхъ, прихожане пожелали устроить въ память ея сугубое торжество. Была заказана литургія съ молебномъ равноап. угодницѣ, послѣ чего совершено было торжественное шествіе по стогнамъ прихода, въ преднесеніи ея иконы, къ колодцамъ и источникамъ для освященія воды и окропленія ею улицъ и площадей съ служеніемъ непрерывнаго молебнаго пѣнія Пресв. Богородицѣ и св. Маріи Магдалинѣ. Густая толпа народа, въ особенности женщинъ, сопровождала шествіе. На всѣхъ лицахъ отражалась печать невыразимаго горя — и въ то же время надежда на помощь и предстательство угодницы Христовой. Пользуясь случаемъ, я произнесъ поученіе, въ которомъ развивалъ ту мысль, что Господь посылаетъ на насъ различныя бѣдствія за грѣхи наши, такъ какъ съ каждымъ днемъ слабѣетъ вѣра наша, а потому, чтобы отвратить отъ себя гнѣвъ Божій, необходимо позаботиться объ обновленіи и укрѣпленіи нашей вѣры, которая, если будетъ подобна даже только зерну горчишному, можетъ творить великія чудеса. Слово мое, упавшее, какъ видно, на добрую и подготовленную почву, произвело сильное впечатлѣніе на слушателей.

Вообще, пастыръ долженъ дорожить всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы слово его имѣло надлежащее воздѣйствіе на пасомыхъ. Мнѣ не разъ приходилось замѣчать, что церковная проповѣдь не всегда оказываетъ одинаковое дѣйствіе на прихожанъ. Иной разъ скажешь нѣсколько словъ, — и результаты воспослѣдуютъ въ самомъ непродолжительномъ времени; другой же разъ произнесешь пространное и, повидимому, вполне вразумительное и убѣдительное поученіе, — тѣмъ не менѣе оно не оставитъ замѣтнаго слѣда въ слушателяхъ. Чѣмъ это объяснить? — По моему глубокому убѣжденію, все

зависитъ отъ того, съ какимъ расположеніемъ сказано было поученіе. Если оно было произнесено только, какъ говорится, для очистки совѣсти, то никогда не произведетъ надлежащаго воздѣйствія на пасомыхъ; иное дѣло, когда говоришь потому, что является *потребность* сказать назиданіе пасомымъ, когда говоришь отъ искренняго сердца, весь проникнутый желаніемъ послужить душевной пользѣ пасомыхъ, исполненіемъ своего пастырскаго долга,—такое слово производитъ неотражимое впечатлѣніе. Едва ли не лучше совѣмъ ничего не говорить, чѣмъ говорить потому только, что *нужно сказать*: такое слово будетъ черствымъ, холоднымъ и весьма равнодушно выслушается пасомыми. А для того, чтобы слово проповѣдника не было „гласомъ вопіющаго въ пустыни“, нужна тщательная подготовка къ проповѣди,—безразлично—будешь ли говорить по книжкѣ, по тетрадкѣ, или импровизаціей,—нужно проникнуться духомъ того слова, которое предполагаешь сказать, выносить его, какъ говорится, въ сердцѣ своемъ. Такое слово не можетъ быть черствымъ и холоднымъ уже по одному тому, что проповѣдникъ, прежде чѣмъ сказать его, самъ много перечувствуетъ. Само собою понятно, что и поученіе, сказанное экспромптомъ по тому или иному случаю, будетъ также словомъ живымъ и дѣйственнымъ, такъ какъ произносится подъ непосредственнымъ—часто очень сильнымъ—впечатлѣніемъ даннаго случая, котораго пастырь, поэтому, никогда не долженъ упускать... А сколько такихъ случаевъ можетъ дать жизнь пасомыхъ!.

7 декабря. Умерла отъ родовъ женщина. Когда все уже было приготовлено къ потребенію, и я съ причтомъ явился въ домъ умершей для выноса и отиѣванія ея, подошла ко мнѣ „бабка-повитуха“ (повивальная бабка) и сказала:

— Батюшка! надо бы прочесть какую-нибудь молитву „на вводъ“ ¹⁾: родные желаютъ похоронить ее со вносомъ въ церковь.

¹⁾ „Молитвы женѣ родильницѣ по čtyрдесятихъ днехъ“.

Похороны роженицы были первымъ случаемъ въ моей пастырской практикѣ, и, выслушавъ заявленіе бабки, я первое время былъ поставленъ втупикъ, такъ какъ не былъ подготовленъ къ такой просьбѣ, и потому затруднялся отвѣтомъ. Но, подумавъ немного, сказалъ:

— Молитвъ „на вводъ“ умершимъ читать не полагается, а въ церковь покойницу для отпѣванія я занесу.

Но, сказавши это, я въ то же время остался въ недоумѣніи: правильно ли я поступилъ, или нѣтъ. Руководствовался же я въ данномъ случаѣ слѣдующими соображеніями. Положенныя въ требникѣ „молитвы женъ-родильницѣ по четырехдесятихъ днехъ“ читаются обыкновенно живой, а не мертвой роженицѣ, и читаются для того, чтобы очистить ее и ввести въ общество вѣрующихъ; притомъ, онѣ читаются въ храмѣ, а не дома и „по четырехдесятихъ днехъ“, а не вскорѣ послѣ родовъ. Принявъ все это въ соображеніе, я, не встрѣчая нигдѣ на этотъ счетъ никакихъ указаній, рѣшилъ, что со смертью всѣ, такъ сказать, законы естества теряютъ свой смыслъ и значеніе, а потому молитвъ очистительныхъ читать не слѣдуетъ.

Но является другой, не разрѣшенный мною, вопросъ: возможно ли и слѣдуетъ ли заносить женщину, умершую отъ родовъ, въ храмъ для отпѣванія? — Я лично рѣшилъ этотъ вопросъ положительно, т. е. занесъ покойницу въ храмъ и отпѣлъ; но правильно ли я поступилъ или нѣтъ,—не знаю ¹⁾.

Свящ. С. Брояковский.

¹⁾ Мотивированный отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ помещенъ въ слѣдующемъ № журнала. Ред.

Замѣтки священника.

Считаю полезнымъ подѣлиться съ собратіями-священниками, читателями „Церковн. Вѣстника“, результатами своего 40-лѣтняго опыта и обратить ихъ вниманіе на нѣкоторыя принадлежности богослужебнаго обихода.

Одна изъ главныхъ принадлежностей св. престола—ковчегъ или дарохранильница, въ томъ видѣ, какъ она дѣлается на фабрикахъ церков. вещей за послѣднее 50-лѣтіе, не вполне соотвѣтствуетъ своему назначенію. Мастера употребляютъ свое искусство на то, чтобы придать ковчегу великолѣпную художественную форму и, вѣроятно, по незнанію точнаго ея назначенія,—не устрояютъ въ дарохранильницѣ помѣщенія для храненія св. агнцевъ для преждеосвященныхъ литургій въ Великомъ посту, каковыя помѣщенія были въ прежнихъ, нехудожественныхъ по виду и часто нецѣнныхъ по металлу (оловянныхъ и жестиныхъ) дарохранильницахъ. Въ каждомъ приходѣ, большомъ и маломъ, бѣдномъ и богатомъ, въ Великомъ посту необходимо служить преждеосвященные литургіи, которыхъ въ седмицу положено двѣ, въ иную три, а можетъ случиться 4 и 5. Въ новыхъ великолѣпныхъ дарохранильницахъ имѣется только два помѣщенія для храненія запасныхъ св. даровъ для приобщенія больныхъ, и только въ одномъ, самомъ большомъ ящичкѣ можно помѣстить одинъ освященный агнецъ, въ прежнихъ же дарохранильницахъ имѣлось помѣщеніе для 4 агнцевъ. Хорошо, если при церкви имѣется такая древность, а если приходъ открытъ вновь, и для церкви приобрѣтена новая художественно-визанцкая дарохранильница, составляющая великолѣпное внѣшнее украшеніе св. престола,—въ ней можно помѣстить только одинъ св. агнецъ, для остальныхъ же помѣщенія въ ней не имѣется, и приходится иногда оставлять св. агнецъ въ потирѣ. А потому въ дарохранильницахъ *непрѣменно* должно быть два помѣщенія, именно—одно небольшое для храненія запасныхъ св. даровъ для приобщенія больныхъ, а другое для храненія

осв. аглицевъ—около 2 вершковъ въ квадратѣ и даже болѣе; безъ этого, при всемъ своемъ художественно-архитектурномъ великолѣпнѣи и блескѣ, дарохранительница не соотвѣтствуетъ своему назначенію и потому не годится для церкви.

Въ „извѣстіи учительномъ“ сказано: „сосуды священныя къ служенію потребны суть сіи: потиръ, или чаша, дискось, звѣздица и лжица. Четыре же сіи сосуды да будутъ златы или сребряны, или ужѣ оловянны: да не будутъ же изъ каковыя-либо мѣди, желѣзны, ни же деревянные, въ сицевыхъ бо служай согрѣшаетъ и наказанію епископскому подлежитъ“. Съ 50-хъ годовъ и до сего времени существуютъ въ продажѣ и употребленіи сосуды „мельхіоровыя“ или „бронзовыя“, позолоченныя или посеребренныя. При частомъ употребленіи этихъ сосудовъ, чрезъ 5—10 лѣтъ на днѣ чаши позолота совсѣмъ стирается и исчезаетъ, и подъ нею оказывается красная мѣдь, а самыя сосуды тускнѣютъ и ржавѣютъ, несмотря на всю аккуратность употребленія и тщательное ихъ храненіе. Въ селахъ же для очистки сихъ сосудовъ не имѣется другихъ средствъ, кромѣ горячей воды и мыла. Отдавать сосуды снова для позолоченія и посеребренія, при такомъ ихъ качествѣ, не стоитъ, да и не всегда можно найти опытнаго „золотыхъ дѣлъ мастера“. А потому чрезъ 10 лѣтъ эти сосуды, на основаніи „учительнаго извѣстія“, должны поступать въ церковный архивъ, за приобрѣтеніемъ сосудовъ другого металла. Въ бѣдныхъ, недостаточныхъ по доходамъ церквахъ, за невозможностью приобрѣсть серебряныя сосуды, въ противность извѣстію учительному, по нуждѣ служатъ и въ такихъ сосудахъ (мѣдь, несмотря на свою ядовитость, за два часа не можетъ оказать этого своего свойства). Въ настоящее время, въ устраненіе такой незаконности, устроятся потиры, въ которыхъ чаша сребропозлащенная съ металлическими ручкою и подставою. Этотъ сосудъ и для бѣдныхъ церквей, можно думать, окажется доступнымъ по цѣнѣ. При этомъ сосудѣ дискось, звѣздица и два блюда въ крайней нуждѣ могутъ быть и другого металла, но лжица должна быть се-

ребриная и въ углублеенн позолоченная, по формѣ подолговатая, а не круглая, неудобная для причащенія.

Изъ бронзы] же или мельхіора, позолоченные внутри, дѣлаются и стаканчики для вина и елѣя при благословеніи хлѣбовъ, но послѣдніе почти сряду по приобрѣтеніи блюда вездѣ замѣняются стеклянными. Почему бы на фабрикахъ не готовить для благословенныхъ блюдъ стеклянныхъ стаканчиковъ? За всѣ эти церковныя принадлежности платится солидная сумма, нерѣдко собираемая копѣйками, а между тѣмъ давно желаемый и наконецъ приобрѣтенный блестящій сосудъ оказывается не соответствующимъ своему назначенію! Необходимо бы обратить на все это вниманіе фирмамъ, приготовляющимъ церковныя вещи, а еще лучше,—если бы это взяли на себя свѣчные заводы, столь блестяще поставленные въ нѣкоторыхъ епархіяхъ. (Церк. Вѣстн. 1904 г., № 10).

Свящ. В. Ивинскій.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Кирилль.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 6 апрѣля 1904 г.

Цензоръ, священникъ *Ѡ. Титовъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 16.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, апрѣля 18-го.

Содержаніе: Взглядъ св. Іоанна Златоустаго на отношеніе пастыря Церкви къ похваламъ и порицаніямъ со стороны пасомыхъ. — О русской религіозной и церковной скульптурѣ (окончаніе). — Къ рѣшенію недоумѣнныхъ вопросовъ изъ пастырской практики. — Пастырь.

Взглядъ св. Іоанна Златоустаго на отношеніе пастыря Церкви къ похваламъ и порицаніямъ со стороны пасомыхъ.

Въ наше время, когда, съ одной стороны, только лѣни-
вый, кажется, не порицаетъ духовенства, а съ другой—когда
среди пастырей замѣчается излишняя слабость къ похваламъ
пасомыхъ, не лишнимъ будетъ представить мнѣніе св. Злато-
уста о томъ, какъ пастырь Церкви долженъ относиться къ
похваламъ и порицаніямъ своихъ прихожанъ, къ дурной или
хорошей народной молвѣ о себѣ и своей дѣятельности. Можетъ
быть, голосъ этого вселенскаго авторитета обуздаетъ языкъ
ревностныхъ не по разуму судей нашихъ пастырей, а по-
слѣднимъ придастъ мужество держать высоко знамя пастыр-

ства, не смущаясь порицаніями и не увлекаясь похвалами всегда перемѣнчивой толпы.

Пастырь, какъ бы онъ ни былъ безукоризненъ въ своей жизни и дѣятельности, всегда будетъ имѣть противъ себя недовольныхъ, которые могутъ вредить ему если не дѣломъ, то словомъ. распространяя о немъ разныя небылицы. Съ другой стороны, нѣтъ такого пастыря, у котораго не было бы почитателей, питающихъ къ нему искреннее уваженіе и готовыхъ при случаѣ выражать это уваженіе публично. Какъ же пастырь долженъ относиться къ тѣмъ и другимъ? какъ онъ долженъ смотрѣть на похвалы и порицанія себѣ и какое долженъ придавать имъ значеніе?

Вотъ что говорить по этому вопросу св. отецъ: „хорошо ни чрезмѣрно бояться несправедливыхъ обвиненій, ни совершенно пренебрегать ими. Но хотя бы они были ложны, хотя бы происходили отъ людей незначущихъ, надобно стараться потушать оныя какъ можно скорѣе. Ничто столько не увеличиваетъ славы худой и доброй, какъ неразсудительная чернь. Люди сего класса привыкли слушать и говорить безъ разбора, даютъ всякому происшествію свой смыслъ, ни мало не заботясь объ истинѣ. Вотъ причина, по которой не должно пренебрегать мнѣніемъ народа; но едва только возникнутъ худыя подозрѣнья, надлежитъ тотчасъ истреблять оныя, убѣждать обличителей, хотя бы они были безсмысленнѣйшіе изъ всѣхъ людей, и вообще не упускать ни одного средства къ уничтоженію недоброй славы. Когда же мы сдѣлаемъ съ своей стороны все, а обвинители будутъ упорствовать, тогда можемъ презирать ихъ. Ибо кто отъ такихъ непріятныхъ случаевъ упадетъ въ духѣ, тотъ никогда не будетъ способенъ къ совершенію чего-либо великаго и достохвальнаго. Уныніе и непрестанныя беспокойства отнимутъ силу у души и доведутъ её до совершеннаго изнуренія“¹⁾. Но этого мало: пастырь

¹⁾ Слово о священствѣ въ перев. Колоколова, Спб. 1836, стр. 155—156; ср. Вес. на псалмы, т. I, стр. 471; Спб. 1860.

долженъ опровергать и стараться прекратить не только уже возникшую худую молву, но предупреждать самое ея возникновеніе, устранять самую возможность послѣдняго. „Если блаженный Павелъ,—говорить св. Златоустъ,—изъ опасенія, чтобы со стороны учениковъ не пало на него подозрѣніе въ хищеніи, сдѣлалъ и другихъ соучастниками въ распоряженіи деньгами, *да не кто насъ*, говоритъ онъ, *поречетъ въ обилии семъ, служимъ нами* (2 Кор. 8, 20): то мы ли не должны дѣлать все, дабы истреблять худыя подозрѣнія, хотя бы они были ложны, хотя бы нелѣпы и вовсе несообразны съ нашею славою“¹⁾. Пастырямъ „надобно стараться о томъ, чтобы возникающую худую молву не только истреблять и препятствовать ея умноженію, но и предвидѣть издали, откуда она можетъ произойти; напередъ уничтожать причины, отъ которыхъ можетъ произрасти; не ожидать времени, пока она созрѣетъ и будетъ носиться въ устахъ народа. Тогда уже не легко истребить ее, напротивъ—весьма трудно и, можетъ быть, невозможно“²⁾. Такимъ образомъ, по мнѣнію св. Златоуста, пастырь Церкви долженъ зорко слѣдить за настроеніемъ общественнаго мнѣнія касательно своей дѣятельности и жизни вообще и всегда опровергать обвиненія, каковы бы они ни были и отъ кого бы ни исходили: того требуютъ примѣры ап. Павла, достоинство самого пастыря, какъ служителя Христова, и общее благо пасомыхъ. И только тогда пастырь можетъ успокоиться и оставить безъ вниманія обвинителей, когда съ очевидностію обнаружится для всѣхъ, что обвинители злословятъ его, какъ говорится, „изъ любви въ искусству“, для препровожденія времени. *Продолжать* борьбу съ такими людьми—значитъ ронять свое достоинство въ глазахъ людей серьезныхъ и способныхъ обсуждать все самостоятельно и безпристрастно. Поэтому, гораздо цѣлесообразнѣе пастырю дорожить мнѣніемъ этихъ послѣд-

¹⁾ Слово о свщ., стр. 189—190.

²⁾ Слово о свщ., стр. 191.

нихъ. Для пастырей, напрасно подозрѣваемыхъ въ чемъ-либо, и главнымъ образомъ въ денежныхъ дѣлахъ, могутъ служить утѣшеніемъ слѣдующія слова св. Златоуста: „тѣ, которыхъ порицаютъ напрасно и безъ причины, заслужатъ большую награду, а тѣ, которые порицаютъ ихъ, большее наказаніе и осужденіе. Удивительно ли, что въ наше время нѣкоторые подвергаются подозрѣнію, если еще во время святыхъ, подражавшихъ ангеламъ, не имѣвшихъ никакой собственности, т. е. апостоловъ, происходилъ ропотъ, будто бы при служеніи бѣднымъ были пренебрегаемы вдовицы, тогда какъ *ни одинъ что отъ имѣній своихъ малолаше свое быти, но бяху имъ вся обща* (Дѣян. 4, 32) ¹⁾.

Не таково должно быть отношеніе пастыря Церкви къ похваламъ и почестямъ со стороны прихожанъ. Если къ порицаніямъ онъ долженъ быть чувствительнымъ и внимательнымъ, такъ къ похваламъ и почестямъ долженъ относиться какъ разъ наоборотъ. Св. Златоустъ выражается еще рѣзче; онъ говоритъ, что пастырь Церкви не только не долженъ внимать похваламъ и придавать имъ какое-либо значеніе,—онъ просто долженъ презирать ихъ, т. е. отклонять отъ себя и „не обращать ихъ въ предметъ для удовольствія и наслажденія!“ ²⁾. То правда, что „трудно сіе,—говоритъ св. отецъ,—а можетъ быть и невозможно. Быть хвалиму и не чувствовать удовольствія—не знаю, бывало ли это когда-нибудь, хотя съ однимъ человѣкомъ!“ ³⁾. Но это необходимо, по это—долгъ пастыря, а потому должно выполняться. Предъявляя такое требованіе, св. Златоустъ приводитъ и основанія, въ силу которыхъ онъ настаиваетъ на этомъ строгомъ требованіи, оставаясь въ данномъ случаѣ вѣрнымъ основному принципу своихъ разсужденій—ничего не предписывать и ничего не требовать безъ достаточныхъ основаній.—Почему же пастырь

¹⁾ Бес. на 1 посл. къ Кор., бес. 21, стр. 391; ч. I. Спб. 1853 г.

²⁾ Слово о свящ., стр. 153, 156 и 163.

³⁾ Тамъ же, стр. 156—157.

не долженъ обращать похвалы въ предметъ своего удовольствія?—„Чувствующій удовольствіе (отъ похвалы), конечно, пожелаетъ и наслаждаться тѣмъ, что приноситъ ему удовольствіе“, т. е. похвалами: „а желающій наслаждаться, по необходимости, долженъ печалиться и скорбѣть, когда не достигаетъ желаемаго“¹⁾. Отсюда, пастырь можетъ постараться такъ вести дѣло, чтобы какъ можно чаще и болѣе получать похвалъ и почестей. Но разъ онъ вступитъ на этотъ путь, ничто уже не удержитъ его отъ желанія угодить своимъ папсомымъ, чтобы вѣрнѣе и скорѣе получить ихъ похвалы. Въ-мѣсто, напр., того, чтобы говорить проповѣди назидательныя, въ случаѣ нужды обличать своихъ слушателей,—такой пастырь, „увлекаемый страстію къ похваламъ“, будетъ предлагать имъ „рѣчи, пріятныя для слуха“²⁾ и т. п. Что же изъ этого выйдетъ?—А то, что пастырь сдѣлается рабомъ народной прихоти, будетъ поддѣлываться подъ привычки и вкусы толпы и изъ учителя и руководителя обратится въ развратителя душъ человѣческихъ, въ наемника³⁾. Итакъ, опасность уклониться отъ пастырскаго долга и погубить чрезъ это многія немощныя души—вотъ главная причина, въ силу которой св. отецъ настаиваетъ на презрѣніи пастыремъ Церкви похвалъ и почестей.

Особенно опасаться похвалъ слѣдуетъ, по словамъ св. Златоуста, тѣмъ изъ пастырей, которые не пользуются репутаціей хорошихъ, напр., проповѣдниковъ и вообще учителей народа, потому что, ища славы народной, такіе пастыри „принуждены будутъ во многомъ поступать погрѣшительно. Не имѣя силъ сравниться съ отличившимися на этомъ поприщѣ, они не удержатся отъ того, чтобы не враждовать, не навѣтовать, не порицать напрасно и отъ многихъ другихъ неблагогородныхъ поступковъ; но на все рѣшатся, хотя бы то

¹⁾ Тамъ же, стр. 157.

²⁾ Слова о свящ., стр. 154.

³⁾ Тамъ же, стр. 153 и др.

стоило и погибели души ихъ, только бы восхитить славу ихъ и присвоить ее скудости своихъ дарованій. Кромѣ того, они охладѣютъ въ ревности къ трудамъ своимъ; какая-то тяжесть обременитъ душу ихъ. Трудиться до послѣднихъ силъ, а получать самыя неважныя одобренія — это, дѣйствительно, можетъ изнурить и погрузить въ глубокой сонъ не научившихся презирать похвалы¹⁾. Итакъ, пастырямъ необходимо научиться презирать похвалы или—вѣрнѣе — научиться не придавать имъ важнаго значенія въ своей жизни и дѣятельности и не обращать ихъ въ предметъ „личнаго удовольствія и постояннаго наслажденія“.

Въ заключеніе приведемъ общія соображенія св. Златоуста по давнему вопросу, каковыя соображенія могутъ быть весьма пригодны для пастыря въ его многотрудной дѣятельности.

„Священникъ,—говоритъ св. отецъ,— долженъ быть къ подчиненнымъ ему таковъ, каковы бываютъ отцы къ дѣтямъ своимъ, находящимся въ младенческомъ возрастѣ. Неласковостію и крикомъ ихъ отцы не огорчаются, равно не превозносятся и тогда, когда дѣти улыбаются и ласкаютъ ихъ; такъ и священники не должны надмеваться похвалами подчиненныхъ своихъ, ни огорчаться порицаніями, если они напрасны“²⁾. И въ другомъ мѣстѣ: „если бы отличный живописецъ, превзошедшій всѣхъ въ искусствѣ, увидѣлъ, что картину его, съ великимъ изяществомъ написанную, оуждають люди, вовсе незнакомые съ искусствомъ живописи, то онъ никакъ не долженъ отъ того унывать и, слыша ихъ мнѣніе, въ самомъ дѣлѣ почитать картину свою худую. Равно какъ и дѣйствительно ничего нестоящую картину не должно считать удивительною и прекрасною потому только, что ее превозносятъ невѣжды. Искусный живописецъ пусть будетъ и судіею сихъ произведеній; хорошими или худыми они будутъ

¹⁾ Слова о свящ., стр. 163—164.

²⁾ Слова о свящ., стр. 156.

тогда, когда изобрѣтающій ихъ умъ произнесетъ тотъ или другой приговоръ; а о сужденіи другихъ—ложномъ и не основанномъ на знаніи искусства—никогда и думать не должно. Подобно тому и принявшій на себя подвигъ наставничества не долженъ смотрѣть на похвалы другихъ и ослабѣвать въ духѣ, когда онъ не слышитъ оныхъ. Трудящійся въ словѣ въ угодность Богу (вотъ что должно служить ему единымъ правиломъ и единственною цѣлію ревностнаго труда!), если одобряемъ будетъ людьми, пусть не отвергаетъ одобреній, если же не получаетъ ихъ отъ слушателей, пусть не ищетъ, не печалится. Наилучшее утѣшеніе въ трудахъ и самое достаточнѣйшее—когда кто въ совѣсти своей можетъ сказать о себѣ, что онъ въ ученіи своемъ (какъ и вообще во всей своей дѣятельности) сообразуется единственно съ симъ правиломъ: чтобы угодить Богу! А кто будетъ водиться пристрастіемъ къ безразсуднымъ похваламъ, тотъ не получитъ никакой пользы ни отъ великихъ трудовъ своихъ, ни отъ силы своего слова, тѣмъ болѣе, что душа, не умѣющая переносить безмысленныхъ обвиненій народа, слабѣетъ и теряетъ охоту трудиться въ словѣ¹⁾ — и не въ одномъ только словѣ, а вообще во всемъ, что относится къ пастырскимъ обязанностямъ.

Итакъ, угожденіе Богу, постоянное и неуклонное стремленіе къ пастырскому идеалу—вотъ что должно быть предметомъ вниманія истиннаго пастыря Церкви, вотъ что должно быть цѣлію его жизни и трудовъ, высшимъ побужденіемъ для честнаго исполненія своихъ обязанностей.

Давая пастырямъ наставленіе о томъ, какъ слѣдуетъ имъ относиться къ похваламъ и порицаніямъ со стороны пасомыхъ, св. Златоустъ не оставляетъ безъ надлежащихъ вразумленій и самихъ пасомыхъ, дерзавшихъ осуждать пастырей. И нужно сознаться, что въ отношеніи къ такимъ порицате-

¹⁾ Слова о свящ., стр. 162—163; ср. Бес. на посл. къ Титу, бес. 2-ю, гдѣ говорится объ отношеніи пастыря къ славѣ и почестямъ, Сиб. 1859 г.

лямъ св. отецъ былъ довольно строгъ; впрочемъ, эта строгость не происходила у него ни изъ чувства непріязни къ порицателямъ, ни изъ пристрастія къ пастырямъ, но обуславливалась желаніемъ сильнѣе подѣйствовать на пасомыхъ и предохранить ихъ отъ столь тяжкаго грѣха ¹⁾).

Во всѣхъ своихъ многочисленныхъ разсужденіяхъ, направленныхъ противъ такихъ порицателей, св. Златоустъ развиваетъ въ сущности слѣдующія основныя мысли. Прежде всего онъ доказываетъ, что осуждать пастырей за ихъ порочную даже жизнь и на этомъ основаніи уклоняться отъ исполненія ихъ наставленій міряне не имѣютъ права. *На Моисеовъ сѣдалищи*, сказалъ Господь, *сѣдоша книжницы и фарисее: вся убо, елика аще рекутъ вамъ блюсти, соблюдайте и творите: по дѣломъ же ихъ не творите* (Мѡ. 23, 2. 3) ²⁾.

Смыслъ этихъ словъ настолько ясенъ, что не нуждается въ комментаріяхъ. Да св. Златоустъ почти этого и не дѣлаетъ, стараясь придать имъ лишь наибольшую силу и значеніе въ христіанствѣ, для чего прибѣгаетъ къ такому условно-вопросительному періоду: „Ежели объ іудейскихъ учителяхъ сказано, что, поелику они сидѣли на Моисеевомъ сѣдалищѣ, то стоили того, чтобы ихъ слушали наставляемые, хотя дѣла ихъ были такъ злы, что Господь приказывалъ Своимъ ученикамъ не подражать имъ и не соревновать имъ (Мѡ. 23, 2. 3); то какого извиненія достойны тѣ, которые презираютъ и попираютъ предстоятелей Церкви Христовой, по благодати Божіей благочестно живущихъ? Да хотя бы начальники дѣйствительно были худы и поработены безчисленнымъ порокамъ, и въ такомъ случаѣ не позволительно ученику быть преслушнымъ“ ³⁾, „потому что христіанскіе пастыри сѣдятъ не на

¹⁾ Бес. на 2 посл. къ Тимоѡ., стр. 30, Спб. 1859 г.

²⁾ Бес. на 1 п. къ Кор., б. 21, стр. 393; ч. I. Спб. 1858 г.; ср. Бес. на п. къ Гал., гл. 2, стр. 32. М. 1842 г., Бес. на Ев. отъ Іоанн., б. 86. стр. 699, ч. II. Спб., изд. 1855 г. и изд. 1862 г.

³⁾ Бес. на п. къ Галат., стр. 32 и 36; ср. Бес. на 2 п. къ Тимоѡ., стр. 26.

Моисеевомъ сѣдалищѣ, а на сѣдалищѣ Христовомъ, какъ пріяхшіе Христово ученіе¹⁾; они суть посланники Христовы, — а посланники, какъ извѣстно, пользуются почтеніемъ и вниманіемъ, каковы бы ни были по своимъ личнымъ достоинствамъ и по своей жизни²⁾. И если оскорбители царскихъ посланниковъ наказываются по законамъ объ оскорбленіи царскаго величества, то еще строже будутъ наказаны тѣ, которые не примутъ и не послушаютъ словъ посланниковъ Христовыхъ, потому что Самъ Христосъ сказалъ, что „отрадиѣ будетъ земли Содомстѣй и Гоморрстѣй въ день суда, чѣмъ этимъ людямъ“³⁾. Такая строгость объясняется тѣмъ, что неслушающій пастыря презираетъ не его самого, а священство, которое установлено Самимъ Богомъ.

Нельзя не видѣть, что въ этихъ разсужденіяхъ св. отецъ стоитъ на юридической точкѣ зрѣнія. Несомнѣнно, въ данномъ случаѣ онъ имѣлъ въ виду такихъ порицателей священства, которые большое значеніе придавали закону, и для которыхъ убѣдительными могли быть только юридическія основанія.

Но въ виду того, что были и такіе порицатели пастырей, которые въ своихъ порицаніяхъ выходили не изъ юридическихъ, а скорѣе изъ догматическихъ соображеній, — св. отецъ направлялъ свое слово и противъ послѣднихъ, становясь на ихъ точку зрѣнія. Они, держась строгихъ воззрѣній на жизнь пастырей и въ дѣлѣ спасенія придавая большее значеніе личности пастыря, какъ наиболѣе дѣйствующей и видимой сторонѣ, чѣмъ благодатнымъ средствамъ и своему внутреннему расположенію, отъ котораго собственно и зависитъ дѣйственность всякаго таинства, смущались небезукоризненною жизнію пастырей и опасались за свое спасеніе, собственно — за дѣйственность таинствъ. Эти слабые люди ду-

¹⁾ Бес. на Ев. Іоани. ч. II, б. 86. стр. 700.

²⁾ Бес. на п. къ Колосс., б. 3, стр. 58—59. Спб. 1858 г.

³⁾ Бес. на п. къ Колосс., б. 3, стр. 57.

мали, что чрезъ такихъ пастырей благодать не дѣйствуетъ на вѣрующаго. Если первыхъ св. Златоустъ строго обличалъ, то этихъ ревнителей онъ больше вразумлялъ, раскрывая предъ ними ту мысль, что въ таинствахъ дѣйствуетъ не священникъ, а Самъ Богъ и Его сила, что воздѣйствіе благодати зависитъ не отъ священника, а отъ того расположенія, съ которымъ приступаетъ къ таинству самъ вѣрующій. „Пусть жизнь священника,—говоритъ онъ,—будетъ самая порочная, но если ты внимателенъ къ самому себѣ, то не потерпишь никакого вреда въ томъ, что ему ввѣрено отъ Бога. Если Господь заставилъ говорить ослицу и чрезъ волхва даровалъ духовныя благословенія, если такимъ образомъ и чрезъ безсловесныя уста ослицы и чрезъ нечистый языкъ Валаама онъ дѣйствовалъ для неблагодарныхъ іудеевъ; то тѣмъ болѣе для васъ, если вы будете признательны, Онъ сдѣлаетъ съ Своей стороны все, что нужно, и ниспошлетъ Духа Святаго, хотя бы и крайне порочны были священники“¹⁾.

Былъ и еще *третій* классъ порицателей, которые осуждали пастырей не столько въ силу какихъ-либо резонныхъ основаній или опасеній за свое спасеніе, сколько по свойственной человѣку болтливости, столь присущей толпѣ. По опредѣленію св. Златоуста, характеристическая особенность мнѣній толпы заключается въ томъ, что они обыкновенно бываютъ не продуманы и подсказываются или невѣжествомъ, или слѣпымъ чувствомъ, которое, если плохо контролируется разсудкомъ, очень легко и скоро всѣмъ возмущается и быстро обнаруживается. Люди подобнаго характера или темперамента въ сущности бываютъ нерѣдко добры и способны къ глубокимъ чувствамъ; вся ихъ бѣда въ томъ, что чувство у нихъ сильно работаетъ; они въ большинствѣ случаевъ *опрометчивы* и обыкновенно бываютъ причиною нарушенія церковнаго мира. Въ виду столь большого вреда, св. Златоустъ сильно

¹⁾ Бес. на Ев. Іоанн., стр. 700—1; ч. II, ср. Бес. на 2 п къ Тимое., стр. 32 и дал.

вооружался противъ такихъ порицателей, называл ихъ безразсудной толпой.* Въ своихъ наставленіяхъ, направленныхъ противъ этихъ порицателей, св. отецъ старался подѣйствовать и на ихъ разсудокъ и на чувство. Въ первомъ случаѣ онъ обращалъ ихъ вниманіе на самихъ себя, на свои собственные грѣхи¹⁾: во второмъ—на тѣ блага, которыя получаютъ вѣрующіе чрезъ пастыря²⁾. Вообще же этихъ порицателей св. Златоустъ своими доводами старался пристыдить и обратить ихъ разсѣвающееся вниманіе отъ осужденій пастыря къ собственному самоусовершенствованію, самовоспитанію и самообладанію, котораго имъ очень недоставало. Эту точку зрѣнія св. отца можно назвать нравственной.

Наконецъ, св. отецъ разсматриваетъ порицанія пастырей со стороны пасомыхъ и съ точки зрѣнія психологической. Здѣсь онъ старается обратить вниманіе порицателей на то душевное состояніе пастырей Церкви, какое у нихъ является по поводу порицаній со стороны пасомыхъ, и которое имѣетъ громадное значеніе въ пастырской дѣятельности. Если поощряемый своими пасомыми пастырь чувствуетъ бодрость духа и съ успѣхомъ владѣетъ своими способностями при управленіи церковнымъ кораблемъ, то порицаемый ими онъ впадаетъ въ горе и уныніе; у него пропадаетъ бдительность, руки опускаются, и онъ уже не въ состояніи бываетъ дѣйствовать съ такимъ пастырскимъ искусствомъ, съ какимъ необходимо, и съ какимъ онъ дѣйствуетъ, пользуясь нравственной поддержкой со стороны пасомыхъ. Вотъ почему св. отецъ неоднократно заставлялъ своихъ слушателей входить въ положеніе пастыря, ими порицаемаго, заглядывать въ его душу и оказывать ему всякое почтеніе и уваженіе³⁾. И здѣсь св. отецъ остается вѣрнымъ своему основному принципу во взглядѣ на пастырство, какъ на взаимную дѣятельность па-

¹⁾ Бес. на 2 п. къ Тиме., бес. 2-я.

²⁾ Бес. на Ев. Іоани., ч. II, б. 86 въ концѣ; ср. Бес. на Ев. Мө., ч. II, б. 32. М. 1864 г., изд. 5-е.

³⁾ Бес. на Ев. Іоани., бес. 86, стр. 699; ч. II.

стыря и пасомыхъ; и здѣсь онъ выдвигаетъ на первый планъ значеніе внутренняго, душевнаго расположенія, какъ главнаго и необходимаго фактора въ жизни христіанскаго общества, какъ созидательнаго начала истинно-христіанскихъ отношеній между членами Церкви.

Вооружаясь противъ порицаній пастырей пасомыми, св. Златоустъ защищалъ, собственно говоря, священство, или священный санъ; всякую критику въ этомъ отношеніи св. отецъ отрицалъ. Но онъ не былъ противъ *обсужденія* пасомыми поведенія священника. Самое достоинство священства требовало внимательнаго отношенія къ пастырю, и разъ пасомые замѣчали, что пастырь не такъ, какъ должно, пользуется данными ему великими полномочіями, они должны были, естественно, высказываться противъ такого пользованія. Послѣдствіемъ этого должно быть лишеніе пастыря священнаго сана или отставка отъ должности. Не трудно видѣть, что здѣсь собственно идетъ рѣчь не о порицаніяхъ пастыря и не объ осужденіи его,—здѣсь говорится о правѣ пасомыхъ слѣдить за достойнымъ прохожденіемъ пастыремъ своего священнаго служенія. Запрещая пасомымъ *осуждать* и *порицать* пастыря, св. Златоустъ позволяетъ имъ *обсуждать* дѣятельность его и высказываться о ней съ хорошей или дурной стороны,—но и только. Если же недостойный пастырь остается на своемъ мѣстѣ, то никто изъ пасомыхъ не имѣетъ права его послушиваться и поносить его имя: личность его, какъ посланника Христова, неприкосновенна ¹⁾. Пасомые могли констатировать факты недостойной жизни пастыря, но они не могли, по мнѣнію св. Златоуста, быть судьями надъ нимъ,—восхищать непринадлежащее имъ право, тѣмъ болѣе не могли выходить изъ повиновенія такому пастырю, коль скоро онъ не былъ лишенъ сана, и поносить его имя. Такой серьезной постановкой вопроса о правѣ пасомыхъ *обсуждать* дѣятель-

¹⁾ Слова и бес. на разн. мѣста св. Писанія, т. I, стр. 245—246. Сиб. 1861 г., ср. Бес. на п. къ Колосс., бес. 3-я, стр. 57—58.

ность пастырей Церкви св. отецъ, несомнѣнно, хотѣлъ избавить ихъ отъ разнаго рода сплетней и предоставить суду церковной власти, а не толпы.

К. Б.

О русской религиозной и церковной скульптурѣ ¹⁾.

Широкое распространеніе въ Московскомъ государствѣ скульптурныхъ барельефовъ и статуй религіознаго характера и въ частности рѣзныхъ изображеній св. Николая Можайскаго объясняютъ слѣдующимъ образомъ. „Нашъ простой народъ, хотя и просвѣщенный свѣтомъ христіанской вѣры и сознающій всю тщету идоловъ, въ умственномъ отношеніи остается все еще въ очень недалекомъ отъ дѣтства состояніи, и пониманію его все еще не доступны мысли и понятія въ ихъ наиболѣе возвышенномъ, отвлеченномъ представленіи. Изъ слова, рѣчи, ученія ему понятно только самое простое, общедоступное по выраженію, то, что опытомъ названо *млеко* духовной пищи. Еще лучше, если даже это млеко преподается ему въ образахъ: это ближе говоритъ его сердцу. Поэтому, иконы, картины для простолюдина имѣютъ самое важное значеніе: онѣ для него—своего рода книга. Поэтому же, понятно, среди иконъ для него еще важнѣе, доступнѣе, понятнѣе образа рѣзные, какъ образъ св. Николая Можайскаго, потому что они еще ближе и нагляднѣе дѣлаютъ ему образъ чудотворца въ его обычномъ представленіи угодника“ ²⁾.

Но нельзя же вѣчно оставаться простому народу въ младенческомъ состояніи и коснѣть въ сферѣ тѣлесно-чувственныхъ представленій и понятій. Такое состояніе, продолжаясь далѣе, повело бы къ огрубѣнію и матеріализаціи религіознаго чувства простого народа, особенно въ виду того, что

¹⁾ См. № 15 за 1904 г.

²⁾ „Житіе и чудеса св. Николая и слава его въ Россіи“, А. Вознесенскаго и Ѳ. Гусева, стр. 205.

скульптура, какъ искусство, не было развито въ допетровской Россіи, не выработало себѣ художественныхъ формъ, а потому способно было не очищать и возвышать, а затемнить и понижать религіозное чувство народа. Распространяясь по всѣмъ отдаленнымъ краямъ Московскаго государства, рѣзныя изображенія святыхъ, особенно въ захолустныхъ мѣстахъ, исполнялись не художниками, а „неотесанными мужиками“. Поэтому, распространеніе подобнаго рода статуй на Руси вызвало при императорѣ Петрѣ I извѣстныя мѣропріятія русскаго правительства, особенно духовнаго. Св. Синодъ, находя многія рѣзныя или истесанныя, издолбленныя, изваянныя иконы въ существѣ дѣла не противными благочестію, но, по недостатку искуснаго мастерства, весьма противными церковному благолѣпію, указомъ своимъ отъ 21 мая 1722 года вынужденъ былъ „запретить сіе“. „Притомъ же въ этомъ мастерствѣ — читаемъ въ синодальномъ указѣ — происходятъ нерѣдко разныя уродства, напримѣръ, отломленіе носа, руки, ноги, главы и другихъ членовъ; а это ведетъ иногда къ непристойнымъ насмѣшкамъ; наконецъ, на такихъ иконахъ накопляется пыль, паутина, появляются птичьи и мышьи гнѣзда; очищать же ихъ не столь удобно, какъ иконописные образа. Ради сихъ и симъ подобныхъ причинъ доселѣ въ Греціи и въ другихъ православныхъ странахъ не было и нѣтъ долбленыхъ иконъ, кромѣ малыхъ, искусно вырѣзанныхъ крестовъ и панагій. Въ Россію этотъ обычай занесенъ отъ иновѣрныхъ, особенно отъ римлянъ и поляковъ“. Всѣ остальные долбленныя и рѣзныя иконы, если таковыя окажутся въ какомъ-либо мѣстѣ, должны быть доставляемы въ Синодъ ¹⁾.

Во исполненіе этого указа Св. Синода, много долбленыхъ и рѣзныхъ образовъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи отобрано было въ синодальную ризницу. Такъ, въ 1723 году отобранъ былъ рѣзной образъ въ самомъ Петербургѣ изъ Успенской

¹⁾ „Синодальный художникъ Алексѣй Антроповъ“, Н. В. Покровскаго, въ „Христіанскомъ Читеніи“ за 1887 годъ; и особымъ оттискомъ, стр. 5 и 6.

церкви и препровожденъ въ Тіунскую Контору. Затѣмъ были отосланы въ синодальную ризницу образа: Можайскій, Радвицкій, Гостунскій, изъ селъ Можайскаго уѣзда Клушина и Сосницъ, изъ церкви Алексѣя челоуѣка Божія въ Коломнѣ и др. При этомъ нѣкоторые исполнители указа Св. Синода впадали иногда въ крайность, считая поклоненіе рѣзной иконѣ поклоненіемъ болвану ¹⁾. Впрочемъ, указъ объ изыятіи статуй и рѣзныхъ иконъ изъ церковнаго употребленія со всею строгостію примѣнялся только въ столицахъ и вблизи ихъ, и нерѣдко оставался безъ дѣйствія въ захолустьяхъ. Такъ, мы знаемъ, что рѣзной образъ св. Николая въ Брянскѣ, извѣстный со второй половины XVI вѣка, спокойно оставался въ Нижне-Никольской Брянской церкви до 1760 года и пользовался всенароднымъ почитаніемъ ²⁾. Въ иныхъ же случаяхъ статуи не доставлялись въ синодальную ризницу, а просто выносились изъ церкви въ мѣстную ризницу и въ другія мѣста. Да и изъ отобранныхъ статуй и рѣзныхъ образовъ нѣкоторые вскорѣ (въ 1728 году) были возвращены на свои мѣста, какъ, напр., Можайскій, Радвицкій, Гостунскій, Клушинскій, Сосницкій, Коломенскій. Св. Синодъ разрѣшилъ также Тобольскому митрополиту Антонію (Стоховскому) возвратить въ Тобольскую церковь св. Николая рѣзной образъ этого святителя, „ежели онъ учиненъ искусною работою, которая церкви не противна и никакого неблагообразія не содержитъ“ ³⁾. Нѣкоторые рѣзные образа, изыятые изъ церковнаго употребленія, но не отосланные въ Синодъ, во второй половинѣ XVIII вѣка опять возвращены были на свои мѣста, вслѣдствіе происходившихъ отъ нихъ благодатныхъ знаменій, но возвращены, повидимому, безъ особаго на то разрѣшенія высшей духовной

¹⁾ „Житіе и чудеса св. Николая и слава его въ Россіи“, Вознесенскаго и Гусева, стр. 676—7.

²⁾ „Брянскій Петропавловскій монастырь“, Брянскъ, 1886 г., стр. 193 и сл.

³⁾ „Житіе и чудеса св. Николая и слава его въ Россіи“, Вознесенскаго и Гусева, стр. 677, примѣч. 133.

власти. Такъ, возвращены были въ храмы, для церковнаго чествованія, рѣзные образа св. Николая—Никольскій близъ С.-Петербурга, Валаамскій и Волоколамскій ¹⁾).

Постановленіе Св. Синода 1722 года и доселѣ не потеряло своей обязательной силы и въ настоящее время понимается даже едва ли не строже, чѣмъ понималось первоначально. Этимъ синодальнымъ постановленіемъ въ принципѣ допускалось церковное употребленіе статуарныхъ изображеній и рѣзныхъ иконъ, исполненныхъ художественнымъ образомъ. Но въ настоящее время, при сравнительномъ развитіи художественнаго ваянія и рѣзбы въ Россіи, мы не знаемъ ни одного примѣра, чтобы вновь сооружена была, для церковнаго употребленія и чествованія, какая-либо статуя или рѣзная икона; церковнымъ почитаніемъ пользуются только древнія рѣзные статуи и иконы, и притомъ далеко не всѣ. Относительно же скульптуры орнаментальной, декоративной, а также не предназначенной для церковно—общественнаго почитанія и поклоненія, полное значеніе имѣетъ синодальное постановленіе 1722 года, допускающее всѣ эти виды христіанской религіозной скульптуры.

Въ настоящее время значительное распространеніе въ Россіи имѣютъ мелкія скульптурныя воспроизведенія священныхъ изображеній на деревѣ, раковинахъ, камнѣ и кости, частію привозныя, частію туземныя.

Изъ привозныхъ произведеній этого рода часто попадаются произведенія аеопскія и іерусалимскія.

На Аеопѣ рѣзба производится главнымъ образомъ на деревѣ и особенно на кипарисѣ. Образчики этой рѣзбы мы имѣемъ въ коллекціяхъ русскихъ путешественниковъ по св. мѣстамъ—А. Н. Муравьева и преосвящ. Порфирія Успенскаго. Въ первой изъ нихъ замѣчательны, по тонкости рѣзбы, кипарисные образокъ и динтихъ ²⁾. Въ коллекціи же преосвящ.

¹⁾ Тамъ же, стр. 485, 486, 491, 492 и 538.

²⁾ „Указатель Церковно-археологич. музея при Кіевской дух академіи“, №№ 2513 и 2659.

Порфирия Успенскаго находится до 7-ми рѣзныхъ кипарисныхъ крестиковъ и образковъ аѳонскаго производства ¹⁾, между которыми можно обратить вниманіе на рѣзной лѣсной орѣхъ, кропотливой и тонкой работы ²⁾.

Менѣе изящны по работѣ, но болѣе разнообразны по матеріалу рѣзныя издѣлія іерусалимскія. Между ними встрѣчается рѣзьба на масличинѣ ³⁾, перламутрѣ ⁴⁾ и камнѣ ⁵⁾.

Изъ русскихъ издѣлій этого рода, относящихся къ новѣйшему времени, мы имѣемъ въ виду только издѣлія двухъ религіозныхъ центровъ Россіи—Кіева и Троице-Сергіевской лавры, или Сергіева Посада. Къ кіевскимъ издѣліямъ относится рѣзной кипарисный образокъ архангела Михаила и великомученицы Варвары ⁶⁾, а къ издѣліямъ Троице-Сергіевой лавры—два кипарисныхъ образка пресв. Троицы и преподобныхъ Сергія и Никона ⁷⁾.

Соображая все вышесказанное, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ относительно той мѣры, въ какой скульптура можетъ имѣть значеніе въ религіозной области и особенно въ церковномъ употребленіи.

Искусство вообще, къ области котораго относится и скульптура, можетъ и должно имѣть возможно полное примѣненіе къ религіозной области, потому что только искусство можетъ овеществлять религіозныя представленія въ фантазіи вѣрующихъ и проводить религіозныя истины въ жизнь сердца.

Но не всѣ искусства могутъ имѣть равное значеніе въ христіанской религіи. Послѣдняя есть по преимуществу религія

¹⁾ Тамъ же, №№ 4354, 4359—61, 4376—7 и 4444.

²⁾ Тамъ же, № 4354.

³⁾ Тамъ же, №№ 4390—92 и Леопардовск. коллекц., № 264.

⁴⁾ Тамъ же, №№ 2535—6, 4349—53, 4370—73, 4378—80, 4387—8 и 4445—50.

⁵⁾ Тамъ же, №№ 4389, 1591—2, и Леопардовск. колл., № 115.

⁶⁾ Тамъ же, № 4384.

⁷⁾ Тамъ же, №№ 4381 и 4385.

духовная и требует для своего выражения болѣе одухотворенныхъ искусствъ. Въ этомъ отношеніи скульптура стоитъ на низшей ступени лѣстницы искусствъ, имѣя своею задачею выразить совершенство тѣлесныхъ формъ, и менѣе всего способна выражать собою высокіе духовные идеалы христіанства. Идеализація плоти совершенно чужда духу истиннаго христіанства. Поэтому-то и седьмой вселенскій соборъ, возстановляя иконопочитаніе въ разныхъ его видахъ, умалчиваетъ о статуарныхъ произведеніяхъ, а указъ Св. Синода 21 мая 1722 года запрещаетъ употребленіе въ храмахъ тогдашнихъ русскихъ статуй, не имѣвшихъ характера художественности, хотя въ принципѣ и допускаетъ религіозныя статуи, подъ условіемъ художественнаго исполненія или благолѣпія ихъ. Въ этомъ отношеніи Православная Церковь существенно отличается отъ римско-католической, которая, допуская широкое распространеніе статуй въ религіозной церковной области, не могла избѣжать при этомъ грубой реализаціи священныхъ предметовъ, наприм.—статуй Спасителя съ растущими на головѣ волосами, и смѣшенія церковнаго съ мірскимъ.

Впрочемъ, скульптура, какъ искусство, имѣетъ нѣсколько видовъ, значительно различающихся между собою: это, во-первыхъ, скульптура статуй и скульптура барельефовъ (на плоскостяхъ). Первая имѣетъ ближайшее родство съ ваяніемъ, и къ ней преимущественно относится все то, что нами сказано о скульптурѣ вообще, хотя и въ христіанскомъ мірѣ скульптура статуй потеряла уже свое прежнее чисто пластическое значеніе выразительницы одного тѣлеснаго совершенства. Другой видъ скульптуры, или скульптура на плоскостяхъ, болѣе отрѣшена отъ тѣлеснаго, матеріальнаго интереса и изображаетъ уже не столько тѣлесныя формы, сколько группы людей, соединенныхъ между собою какою-либо духовною идеею, (напр.,— Тайная Вечеря, Вознесеніе и проч.), и близко подходитъ къ живописи, которая имѣетъ своею задачею выразить уже духовный элементъ, и притомъ наименѣе матеріальными художественными средствами. Поэтому и Православная Церковь

охотнѣе допускала скульптурныя произведенія этого рода въ свои храмы, хотя и не въ качествѣ монументальныхъ церковныхъ предметовъ, а только въ видѣ служебныхъ и орнаментальныхъ. Св. Синодъ указомъ своимъ 21 мая 1722 года разрѣшаетъ оставить въ церковномъ употребленіи „искусной рѣзбы распятія и иныя нѣкіе штукатурнымъ мастерствомъ устроенныя и на высокихъ мѣстахъ поставленныя куншты“. Тѣмъ болѣе умѣстны рельефныя изображенія, особенно древнія, на наружныхъ частяхъ храма, напр., на входныхъ дверяхъ, стѣнахъ и на крышѣ.

Такимъ образомъ основная мысль Церкви, насколько мы понимаемъ эту мысль, состоитъ въ постепенномъ одухотвореніи церковнаго искусства и возведеніи его отъ низшихъ видовъ и формъ образовательнаго искусства къ болѣе высокимъ, отъ ваянія и скульптуры статуй къ барельефамъ и миньятюрамъ, а отъ послѣднихъ—къ иконописи и т. д.

Но на практикѣ эта мысль нерѣдко отклонялась и отклоняется въ сторону, благодаря различному пониманію религіознаго искусства не только отдѣльными лицами, но и цѣлыми обществами и даже народами. Мы видѣли, что простолюдины, питающіеся „млекою“ духовнымъ, а не твердою пищею, любятъ чувственныя изображенія Бога и святыхъ Его. Но любятъ статуарныя художественныя изображенія и люди съ развитымъ эстетическимъ вкусомъ. Тѣмъ и другимъ Православная Церковь не воспрещаетъ имѣть какъ барельефныя, такъ и статуарныя изображенія религіознаго характера для домашняго чествованія, лишь бы не проглядывали въ нихъ, съ одной стороны, признаки фетишизма, а съ другой—фривольности и смѣшеніе чувственнаго и мірскаго съ духовнымъ. Не запрещала и не запрещаетъ наша Церковь и статуарныхъ священныхъ изображеній на общественныхъ зданіяхъ, какъ, напр., архангела Михаила на зданіи Кіевской городской думы и св. апостола Андрея на Сампсоніевскомъ фонтанѣ, въ Кіевѣ а въ иныхъ случаяхъ, какъ, напр., въ 1728 году, разрѣшила даже возвратитъ въ нѣкоторые русскіе храмы и статуарныя

изображенія болѣе или менѣе искусной рѣзбы, пользовавшіяся народнымъ почитаніемъ и прославившіяся благодатными знаменіями. Но вводить въ церковное употребленіе и почитаніе, въ качествѣ монументальныхъ изображеній, новѣйшія религіозныя художественныя произведенія ваянія и скульптуры было бы опаснымъ нововведеніемъ, хотя въ сущности такія произведенія не противорѣчатъ духу постановленій Православной Церкви и особенно указа Св. Синода 21 мая 1722 года. Такое нововведеніе было бы опасно въ виду существованія крайнихъ, строгихъ взглядовъ на религіозное пластическое искусство. Мы не говоримъ уже о евреяхъ и магометанахъ, которые соблазнялись и соблазняются нагляднымъ выраженіемъ человѣческой тѣлесности и красоты въ религіозной области и въ свое время не мало содѣйствовали иконоборческой смутѣ. Въ самомъ христіанскомъ мірѣ и даже въ нѣдрахъ нашей Церкви появлялись и появляются раціоналистическія секты, какъ, напр., штундисты, которые не только статуи и барельефы, но даже и живописныя иконы считаютъ идолами, а почитателей иконъ—идолопоклонниками. Эти новые иконоборцы готовы произвести новую иконоборческую смуту въ Православной Церкви. Наконецъ и среди истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ Православной Церкви не мало есть такихъ, которые могли бы смутиться статуарными изображеніями святыхъ въ нашихъ храмахъ, видя въ этихъ изображеніяхъ наружное сближеніе нашей Православной Церкви съ римско-католическою.

Проф. *Н. Петровъ.*

Къ рѣшенію недоумѣнныхъ вопросовъ изъ пастырской практики.

Можно ли вносить въ церковь для отпѣванія женщину, скончавшуюся послѣ родовъ до исполненія 40-дневнаго срока очищенія, и не слѣдуетъ ли вмѣсто храма отпѣвать усопшую въ церковномъ притворѣ?

Эти вопросы уже рассматривались и въ нашемъ журналѣ и въ „Церковномъ Вѣстникѣ“, такъ что теперь остается повторить сказанное и прибавить къ этому лишь немного. На первый вопросъ: „можно ли вносить въ храмъ для отпѣванія скончавшуюся вскорѣ послѣ родовъ женщину“, отвѣтъ нужно дать положительный, такъ какъ состояніе очищенія прекращается со смертію родильницы („Рук. д. с. п.“, 1894, т. 2, с. 362—364), и она не несетъ на себѣ церковнаго запрещенія. Да и самое лишеніе женщины права посѣщать храмъ до 40 дней послѣ родовъ установлено больше въ цѣляхъ вселить благоговѣніе къ храму Божию и къ его святынямъ („Ц. В—къ“, 1898, с. 119). Можетъ ли имѣть значеніе такая чисто педагогическая мѣра въ отношеніи къ скончавшейся?—Конечно, нѣтъ. Посему, женщинъ, умершихъ до истеченія 40 дней, не только *можно* вносить въ храмъ, но даже и *должно*. „Лишать православную христіанку внесенія въ храмъ при погребеніи только за то, что она не могла исполнить правила церковнаго объ освященіи себя молитвою послѣ 40-дневной нечистоты, было бы“, скажемъ словами „Церк. Вѣстника“, „жестoko и несправедливо“ (ibid.). И опять: „если опасно больная родильница допускается даже къ принятію св. Таинъ безъ очистительной молитвы, то почему же она не можетъ быть внесена въ церковь для отпѣванія? („Ц. В—къ“, 1894, № 31).

Однако, быть можетъ, для нея довольно отпѣванія въ церковномъ притворѣ?—„Рук. д. С. П.“ и „Церк. Вѣстникъ“ отвѣчаютъ на этотъ вопросъ отрицательно. Приводимая ими справка изъ толкованій блаж. Симеона Солунскаго на погребальные обряды даетъ знать, что обычай отпѣванія въ церковныхъ притворахъ, дѣйствительно существовавшій прежде въ церковной практикѣ, касался не однѣхъ только женщинъ, но вообще *всѣхъ* мірянъ и даже монаховъ (простыхъ, не священнослужителей). Различія между мужчинами и женщинами въ этомъ случаѣ не было. Въ храмѣ отпѣвались одни священнослужители, въ знакъ особаго уваженія къ ихъ сану и какъ

бы для выдѣленія ихъ по іерархическому достоинству изъ ряда прочихъ вѣрующихъ. Со времени Симеона Солунскаго начались уже замѣтныя отступленія отъ этого обычая, такъ что строгій ревнитель старины со скорбію замѣчаетъ: „Нинѣ, по нерадѣнію, все это приличіе презрѣно, и сей чинъ оставленъ: все смѣшивается“ („Пис. св. от. и учит. Ц. относ. къ истолк. пр. богослуженія“, т. II, СПб., 1856, с. 526). Но и помимо „нерадѣнія“, одною изъ существенныхъ причинъ, почему у насъ, напр., въ Россіи было бы даже невозможно всегда и вездѣ держаться древней практики при погребеніи умершихъ, является то, что наши современные церкви строятся, въ виду экономіи мѣста для богомольцевъ, большею частью безъ особыхъ притворовъ, въ которыхъ, къ тому же, не чувствуется теперь и настоятельной необходимости. Въ древнихъ русскихъ церквахъ (онѣ были небольшихъ вообще размѣровъ) тоже если когда и устраивались притворы, то такъ, что они какъ бы входили въ общій планъ самого храма, составляя съ нимъ одно общее мѣсто молитвы, и, во всякомъ случаѣ, не имѣли того спеціальнаго назначенія, какое имѣли нѣкогда въ Византіи. Вотъ почему міряны должны были отпѣвать у насъ тамъ же, гдѣ и священнослужителей, т. е. въ храмахъ. Говорить теперь объ отпѣваніи женщинъ въ притворѣ значить—желать возвращенія къ отжившей свой вѣкъ даже въ Восточной Церкви той общей практикѣ, которая *мѣстомъ* отпѣванія отмѣчала іерархическое достоинство погребяемаго лица. Но не симпатичнѣе ли современный церковный обычай—отпѣвать *всѣхъ* безъ изыятія православныхъ христіанъ въ самомъ храмѣ, и не видно ли въ томъ намѣреніи Церкви напомнить намъ, что предъ лицомъ Страшнаго Судіи всѣ умершіе предстоятъ *въ равномъ достоинствѣ* и что на нелицепріятномъ судѣ Его нѣтъ различія между рабами и владыкою, царемъ и воиномъ, богатымъ и убогимъ, мужескимъ поломъ и женскимъ, но „кійждо отъ своихъ *дѣлъ* или прославится, или постыдится“?..

П а с т ы р ь.

Въ газетѣ „Бессарабецъ“ помѣщено характерное письмо одного изъ скромныхъ сельскихъ пастырей, 70-лѣтняго сельскаго священника о. Малай, въ теченіе слишкомъ сорока лѣтъ неизмѣнно состоящаго настоятелемъ одной и той же сельской церкви.

Въ приходѣ почтеннаго старика священника сосланы были на каторгу два обывателя, по обвиненію ихъ въ убійствѣ. Въ настоящее время, когда приговоръ уже приведенъ въ исполненіе, священникъ получилъ точное и неопровержимое доказательство, что оба обвиняемые невинны, и что злодѣйство совершено людьми, успѣвшими скрыть свою виновность.

Воодушевленный святою мыслью освободить невинныхъ, но не чувствуя въ себѣ достаточно силъ, чтобы одному побороть всѣ представляющіяся ему трудности на этомъ сложномъ пути, онъ прямо и откровенно обращается за совѣтомъ и помощью ко „всѣмъ добрымъ людямъ“.

„Помогите мнѣ, добрые люди, — пишетъ онъ, — если только возможно, кто чѣмъ можетъ, освободить изъ каторги Іопіогло. Дайте совѣтъ, какъ вызвать вторичное переслѣдованіе дѣла, или чрезъ кого, или какъ испросить ему помилованіе? Онъ мнѣ не братъ и не свать, а просто бѣдный прихожанинъ, безгласная овечка. Я готовъ и пострадать, то есть вылежать нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, зная, что страдаю за правду, за истину, только бы вырвать невиннаго изъ когтей ада. Снова взываю къ почтенной публикѣ: во имя любви къ ближнему дайте мнѣ совѣтъ! Если настоящая статья не вызоветъ ничего сочувствія, не встрѣтитъ ни въ комъ отклика, то я, когда солнышко повысится на небосклонѣ и принесетъ божественную теплоту, а птички запоютъ свою небесную серенаду, съ посохомъ въ рукахъ, съ котомкой на плечахъ, во имя Божіе, сопровождаемый Ангеломъ Хранителемъ, пу-

щусь въ путь-дорогу, по весямъ и дебрямъ, по монастырямъ и скитамъ, пока не доберусь до Питера, а тамъ не далеко и до Батюшки-Царя. Предъ Нимъ, Батюшкой, въ нѣсколькихъ словахъ изолью всю душу скорбящаго пастыря по истерзанной овцѣ. Авось тамъ встрѣчу стекликъ по убитомъ меньшемъ братѣ. Что же касается взысканій и страданій, которыя мнѣ предстоятъ отъ великихъ и сильныхъ міра сего, то этого я не страшусь. Въ каторгу меня за открытіе истины не сошлютъ. Страшнѣе въ семь случаевъ и опаснѣе мѣсть дѣйствительныхъ убійць. Но и это я во имя правды съ открытой грудью готовъ встрѣтить. „Больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положить за други своя!“ (Изв. по Каз. еп., 1904 г., № 5).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Кирилль.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 12 апрѣля 1904 г.

Цензоръ, священникъ Ѳ. *Титовъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 17.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, апрѣля 25-го.

Содержаніе: Изъ бесѣдъ съ о. Алексѣемъ.—Дешевое просвѣщеніе народа.—
На могилѣ (разсказъ).—Свящ. Г. Петровъ и штундисты.—Пастырь
Церкви во время войны.

Изъ бесѣдъ съ о. Алексѣемъ.

IV.

(По поводу одной изъ важнѣйшихъ пастырскихъ обязанностей).

Собрался какъ-то нашъ обычный іерейскій кружокъ у почтеннаго о. Алексѣя Семеновича; разговоръ шелъ оживлен- ный, вращаясь въ области пастырскихъ вопросовъ и затруд- неній, которые такъ часто ставитъ предъ нами жизнь.

Говорилъ молодой, симпатичный священникъ о. Аркадій. Искренность тона его рѣчи, его очевидное стремленіе выяс- нить для себя занимавшій его вопросъ обнаруживали въ немъ сразу человѣка, честно, глубоко преданнаго пастырскому слу- женію. Онъ разсказывалъ намъ объ одномъ затруднительномъ случаѣ въ его недавней еще пастырской практикѣ; отеро- венно передалъ, какъ онъ поступилъ, и, будучи не исполнѣ

увѣренъ въ правильности своего поступка, предлагалъ его на наше общее обсужденіе. Главнымъ образомъ, конечно, обращался онъ къ о. Алексѣю, совѣтнику компетентному, и отъ него ждалъ рѣшающаго мнѣнія.

— Случилось не особенно давно, недѣли двѣ тому назадъ, началъ свою повѣсть о. Аркадій, слѣдующее обстоятельство, которое поставило меня въ большое затрудненіе. Одна моя прихожанка, замужня женщина пожилыхъ лѣтъ и добрая христіанка, опасно болѣла и была, какъ говорится, при смерти. Сама она, мужъ и домашніе совсѣмъ не ожидали выздоровленія ея; она уже примирилась съ мыслию о смерти и приготовилась къ ней по-христіански: я напутствовалъ ее два раза во время болѣзни и пособоровалъ. Но вотъ произошла, должно быть, благопріятный кризисъ, больная начала поправляться и теперь—совсѣмъ здорова. Захожу я какъ-то въ эту славную семью, какъ къ добрымъ знакомымъ; бывшая больная радостно встрѣчаетъ меня,—видимо ждала, съ нетерпѣніемъ,—и обращается съ такимъ неожиданнымъ *вопросомъ жизни*, вопросомъ первостепенной важности, прося у меня отвѣта и наставленія, какъ у духовнаго отца. „Вотъ, батюшка, сказала она: я, слава Богу, выздоровѣла, и вѣрно, что это самъ Богъ оставилъ еще меня пожить на этомъ свѣтѣ. Наставьте меня, дайте совѣтъ, какъ мнѣ теперь жить, что дѣлать, чтобы не показаться неблагодарной предъ Богомъ, заслужить Его милосердіе?“ Какъ видите, просто спросила меня прихожанка и, вѣрно, вполне надѣялась, что я дамъ на вопросъ ея простой же и вѣрный отвѣтъ. Но подумайте: что могъ отвѣтить я сразу, тутъ же, честно и по убѣжденію? Вѣдь тотъ или иной совѣтъ съ моей стороны былъ для нея рѣшеніемъ вопроса жизни, могъ измѣнить ея жизнь. Назначить, посоветовать доброй женщинѣ какой-либо нарочитый подвигъ,—воздержанія, напр., я не рѣшался; говорить ей объ исправленіи жизни, не зная за ней особенной порочности, тоже не подходило. И вотъ, скрѣпя сердце, сознавая некомпетентность свою, пришлось ограничиться общимъ совѣтомъ,

который едва ли удовлетворилъ вопрошающую... И меня этотъ случай не перестаетъ тревожить; потому и обращаюсь, отцы, къ вашей опытности. Скажите, какъ бы вы поступили въ подобныхъ обстоятельствахъ?

Разсказъ о. Аркадія и его искренняя просьба заставили насъ задуматься; каждому приходили на умъ свои соображенія, но всѣ сознавали, что соображенія эти недостаточны для полнаго уясненія дѣла, а потому никто не рѣшался заговорить первымъ. Всѣ молчали.—Да кому же, какъ не вамъ, о. Алексѣй Семеновичъ, разобраться въ затрудненіи о. Аркадія?—прервалъ, наконецъ, молчаніе одинъ изъ насъ, выражая общую затаенную мысль:—ужь не оставьте насъ—подѣлитесь и на этотъ разъ своей духовной опытностью, а мы слушаемъ.

О. Алексѣй вмѣстѣ съ нами внимательно слушалъ повѣствованіе молодого батюшки и, по сосредоточенному выраженію его лица, было видно, что и онъ былъ глубоко заинтересованъ. Наши усиленные просьбы—подѣлиться своимъ мнѣніемъ по затронутому вопросу не застали его врасплохъ, и онъ, помедливъ минуты двѣ, сталъ излагать намъ свои взгляды и мысли, вызванные простосердечнымъ разсказомъ о. Аркадія.

— Что могу сказать вамъ, друзья мои, по поводу случая, повергшаго нашего уважаемаго о. Аркадія въ затрудненіе?... Прежде всего мнѣ кажется, что этотъ случай и этотъ вопросъ выздоровѣвшей вѣрующей женщины должны бы были и cadaго изъ насъ одинаково поставить въ самое трудное положеніе и потребовать отъ насъ усиленной работы мысли и высшей проницательности. При подобныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ не легко найтись сразу и опытному пастырю, а тѣмъ болѣе—вдвойнѣ трудно дать тогда же, не медля, мудрый отвѣтъ и спасительный жизненный совѣтъ вѣрующей душѣ, вопрошающей и ищущей духовнаго руководства у своего пастыря. Вѣрно и мѣтко назвали вы, о. Аркадій, вопросъ вашей прихожанки „вопросомъ жизни“, и не напрасно пред-

ставился онъ для васъ вопросомъ первостепенной важности, требующимъ для отвѣта крайней осмотрительности, осторожности. Да, вопросъ выздоровѣвшей женщины: какъ воспользоваться дарованной ей Богомъ жизнью?—это, вѣдь, тотъ вѣковѣчный вопросъ, съ которымъ, въ различныхъ только формахъ и выраженіяхъ, всегда обращались къ духовнымъ руководителямъ, носителямъ и провозвѣстникамъ высшей Божественной правды, люди, ищущіе спасенія, томимые голодомъ душевнымъ. И давать „всякому вопрошающему“ живые, мудрые и дѣйственные руководящіе отвѣты на подобные вопросы наша священная обязанность, нашъ первый пастырскій долгъ; въ этомъ—цѣль и смыслъ нашего служенія... Но кто изъ насъ, друзья мои, можетъ похвалиться исполнѣннымъ и плодотворнымъ въ каждомъ данномъ случаѣ исполненіемъ этого святѣйшаго пастырскаго долга? Кому не случилось спѣшнымъ, плохо обдуманномъ совѣтомъ давать просящему у насъ духовнаго руководства вмѣсто хлѣба *неудобъ-примлемый* камень, или возлагать на людей *бремена непосильныя—бѣднѣ и тяжело* носимыя? И что особенно худо: наше поверхностное, непродуманное и не согрѣтое сердечнымъ участіемъ отношеніе къ жгучимъ запросамъ совѣсти нашихъ духовныхъ чадъ можетъ навсегда оттолкнуть ихъ отъ насъ, и они перестанутъ видѣть въ пастырѣ духовнаго своего руководителя. Разъ-другой обратившись къ пастырю съ мучительнымъ вопросомъ: что дѣлать? какъ поступить въ извѣстныхъ обстоятельствахъ?—и получивъ уклончивый, безучастный отвѣтъ, не рѣшится больше нашъ духовный сынъ раскрывать предъ нимъ свои завѣтныя думы, сердечныя муки, а предпочтетъ затаить ихъ въ глубинѣ души, или пойдетъ за ихъ разрѣшеніемъ за сотни верстъ—туда, гдѣ прослышитъ про *святого*, богоугоднаго человѣка,—будетъ ли то монахъ, или мірянинъ, даже—мужчина или женщина—для него безразлично.. Не оттого ли, въ самомъ дѣлѣ, и развито у насъ такъ паломничество среди простыхъ людей по разнымъ лицамъ, прославленнымъ—заслуженно и не заслуженно—своей прозорливостію

и богоугодною жизнью — не оттого ли, говорю я, что среди пастырей-священниковъ рѣдко-рѣдко встрѣчаются мужи совѣта? А духовнаго руководительства, сердечнаго, проникновеннолюбовнаго отношенія къ запросамъ совѣсти такъ жаждетъ простая вѣрующая русская душа! И надобно видѣть, съ какимъ благоговѣніемъ и вѣрой, какъ нѣкій драгоценный даръ, пріемлются народомъ самые простые, безхитростные совѣты и наставленія, исходящіе отъ лицъ, облеченныхъ народнымъ довѣріемъ и почитаніемъ... Однако не будемъ непомѣрно строги и къ самимъ себѣ: недостатокъ въ насъ истинно-пастырскаго дара совѣта и разумѣнія, наше какъ-будто не вполне внимательное отношеніе къ этой главной и святой обязанности пастырскаго служенія зависятъ отъ тяжелыхъ жизненныхъ условій въ несравненно большей степени, чѣмъ отъ насъ самихъ. Подумать только: гдѣ взяться, откуда выработаться этому высшему дару постиженія и проникновенія глубины человѣческой души у нашего бѣднаго пастыря, связаннаго семейными заботами и куплями житейскими и отдающагося трудному служенію своему часто прямо со школьной скамьи? Зрѣть этотъ чудный даръ въ безмолвіи пустынь, монастырскаго уединенія или при исключительно благопріятныхъ для того условіяхъ жизни и, притомъ, является, какъ вѣнецъ и награда цѣложизненнаго созерцательнаго подвига. Это мы знаемъ на примѣрахъ святыхъ, — хотя бы вновь прославленнаго великаго старца Серафима, — которые только подъ конецъ жизни выступали духовными руководителями, раздавателями спасительныхъ совѣтовъ и наставленій.

— Но что же, въ такомъ случаѣ, остается дѣлать бѣдному пастырю, особенно нынѣ, когда господствуетъ у насъ во всѣхъ слояхъ общества необычная религіозная, такъ сказать, нервность, требующая отъ пастыря высшей чуткости, отзывчивости на запросы мятущихся душъ? — Прежде и главнѣе всего — не поддаваться малодушію, а устремить всѣ силы ума и сердца на пріобрѣтеніе этого великаго и труднѣйшаго духовнаго искусства — врачевать человѣческія души, подавать

имъ благовременные и спасительные совѣты. Нельзя намъ дольше оставаться равнодушными къ этой сторонѣ пастырства, если не хотимъ утратить всецѣло своего духовнаго авторитета среди пасомыхъ. И вѣрится, и думается, что, при сознаниіи всей важности дѣла и при любви къ нему, каждый изъ насъ могъ бы достигнуть въ этой области посильнаго успѣха... Здѣсь совершеннѣйшее руководство дано намъ въ руки во св. Евангелии: оно, взятое во всемъ объемѣ своего содержанія, именно представляетъ самый совершеннѣйшій и вѣрнѣйшій отвѣтъ всѣмъ, кто мучится вѣковѣчнымъ вопросомъ: что дѣлать, въ чемъ найти оправданіе жизни, какъ войти въ царство небесное? Отвѣтъ этотъ даетъ въ книгѣ жизни сначала пророкъ Іоаннъ,—отвѣтъ подготовительный; потомъ, въ полнотѣ и совершенствѣ на *вопросъ жизни* отвѣтствуетъ Самъ Господь всѣмъ Своимъ ученіемъ, примѣромъ Своей жизни, дѣлами; отвѣтствуетъ и непосредственно тѣмъ, кто прямо обращался къ Нему съ подобными вопросами. Особенно послѣдніе отвѣты Сердцевѣдца Господа должны служить намъ безцѣннымъ руководствомъ; глубокое изученіе ихъ для пастыря необходимо. Въ нихъ истинно божественная проникновенность и полное соотвѣтствіе съ духовнымъ міромъ и нравственнымъ состояніемъ вопрошающаго; они въ одно и то же время и указываютъ ему путь живота, и раскрываютъ глаза на гибельность прежняго состоянія; они утѣшаютъ и радуютъ и даютъ душѣ полное удовлетвореніе... Хотѣлось бы обстоятельнѣе побесѣдовать объ этомъ съ вами, друзья мои, но боюсь злоупотребить вашимъ терпѣніемъ. И такъ уже, простите старика, заговорился долго и утомилъ ваше вниманіе... Но какъ быть?—Трудно удержаться, разъ зашла у насъ рѣчь о такомъ важномъ дѣлѣ въ нашемъ пастырскомъ служеніи, тѣмъ болѣе, что до послѣдняго времени объ этомъ самоважнѣйшемъ дѣлѣ у насъ какъ-то мало и говорится, и пишется, мало обращается на него вниманія. А между тѣмъ, освѣтить эту сторону пастырской дѣятельности, выдвинуть ее на подобающее первое мѣсто такъ необходимо

при современнымъ религіозно-нравственномъ состояніи русскаго общества и народа!...

Мы наперерывъ старались увѣрить о. Алексѣя, что ни мало не утомлены его бесѣдой, напротивъ, глубоко благодарны, что онъ указалъ намъ и напомнилъ то, на что дѣйствительно должно обратить серьезное вниманіе. О. Аркадій просилъ о. Алексѣя опредѣленнѣе разрѣшить его недоумѣніе, съ котораго и началась бесѣда, и о которомъ о. Алексѣй забылъ какъ будто высказать свое мнѣніе.

— Не забылъ я, о. Аркадій, вашего затрудненія; но мнѣ думается, что теперъ мы лёгче можемъ подойти къ его рѣшенію... *Се здравъ еси: ктому не сохрѣтай* (Іоанн. 5, 14), сказалъ Господь исцѣленному разслабленному: памятью всегда о чудѣ выздоровленія и, въ благодарность Богу, воздерживайся отъ грѣховъ. Подобно этому, и вашей прихожанкѣ можно бы было сказать: „ты выздоровѣла по особенной милости Божіей и, по чувству благодарности, желаешь послужить Ему. Старайся не забывать этой милости, радуйся и благодари всегда и прославляй за нее Господа: это и будетъ для Него самый угодный даръ отъ тебя; это же чувство благодарности Богу само подскажетъ тебѣ, научить тебя, какъ провести остальную жизнь. Вообще же, мнѣ думается, пастырскій совѣтъ нашъ только тогда будетъ дѣйствительно полезенъ, когда будетъ въ согласіи съ душевнымъ состояніемъ вопрошающаго, явится какъ бы логическимъ выводомъ, общеніемъ мыслей и чувствъ, занимающихъ его умъ и сердце.

Поздно вечеромъ разстались мы въ этотъ разъ съ о. Алексѣемъ, унося въ душѣ пробужденный интересъ къ одной изъ главныхъ сторонъ пастырскаго служенія.

Свящ. А. В—ій.

„Дешевое“ просвѣщеніе народа.

За 5 коп. билетъ и столько свѣта... науки! препарированная лягушка, куски мозга лошади и собаки, голубь живой съ удаленнымъ большимъ мозгомъ, наконецъ, демонстрація обезглавленія живой лягушки на глазахъ у слушателей! Къ чему все это и гдѣ все это? Это—лекція для „народа“ въ кievскомъ народномъ домѣ. Контингентъ слушателей довольно разнообразный. Здѣсь есть и мастеровые, и солдаты, и полуинтеллигентныя дѣвицы и дамы, и, что всего досаднѣе, много учащихся дѣтей—мальчиковъ и дѣвочекъ.

Читаль г. Л. по зоологiи на тему: „Какъ устроены нашъ мозгъ и какъ онъ намъ служить“. Хорошій залъ съ вентиляціей, электрическимъ освѣщеніемъ, волшебнымъ фонаремъ, гдѣ электрическое освѣщеніе даетъ возможность получать и отчетливое изображеніе діалозитивовъ, доска для чертежей, указка длинная для показыванія лекторомъ объясняемыхъ частей рисунка, заранѣе приготовленные препараты—все это свидѣтельствуетъ объ усердіи къ дѣлу, на которое не скупятся безкорыстные лекторы. Но что даютъ народу эти лекціи? Лекторъ начинаетъ объясненіемъ общаго строенія тѣла человѣческаго, его органовъ, его полостей; объясняетъ строеніе органической кѣтки (растительной и животной); тѣло человека также состоитъ изъ такихъ же кѣтокъ, которыя, однако, отдѣльно не могутъ жить. Почему бы обо всемъ этомъ не сообщить народу? Но дѣло въ томъ, что вопросъ о мозгѣ человека невольно вызываетъ вопросъ о томъ началѣ сознательной жизни, которое съ нимъ связано; и трактуя о мозгѣ, надо непременно сказать объ этомъ началѣ, чтобы не просвѣтить народа такъ, что отъ такого просвѣщенія подымется у слушателей цѣлмй рой мыслей, который можетъ нарушить всѣ устои его нравственной и религіозной жизни, которые тѣсно связаны съ вопросомъ о духѣ, органомъ котораго служить мозгъ. Мы внимательно прислушивались къ лектору, пытались доискаться, какъ онъ отвѣтитъ на этотъ весьма, какъ

видно, щекотливый для него вопросъ. Но вмѣсто того мы слышали указаніе, что „нервы и мозгъ—командиры всѣхъ частей тѣла“, слышали, что психическіе процессы совершаются въ мозгу, въ нашей, *такъ сказать* (подлинныя слова лектора) душѣ, что приказаніе тѣлу отдаетъ мозгъ, что рѣчь человѣка—съ лѣвой стороны мозга¹⁾. Мы особенно напрягли вниманіе, когда лекторъ поставилъ два, какъ онъ выразился, серьезныхъ вопроса: 1) о центрѣ всѣхъ центровъ въ человѣкѣ и 2) въ чемъ состоитъ значеніе мозжечка и продолговатаго мозга. Однако на первый вопросъ онъ не отвѣтилъ, прямо доложивъ слушателямъ; что объ этомъ центрѣ центровъ (какъ догадывается читатель, вопросъ идетъ о душѣ человѣческой) наукѣ ничего не извѣстно, но что рефлекторная дѣятельность другихъ центровъ, быть можетъ, въ далекомъ будущемъ прольетъ свѣтъ на этотъ центръ центровъ. И вотъ, желая продемонстрировать эту рефлекторную дѣятельность низшихъ центровъ, авторъ продѣлываетъ опытъ, который заставилъ содрогнуться всю его аудиторію, а особенно маленькихъ слушателей и слушательницъ. Онъ отрѣзываетъ голову у живой лягушки (вся аудиторія слышала этотъ отвратительный звукъ, когда ножницы лектора скользнули по головѣ лягушки), и еще лапки животного не прекратили судорогъ послѣ обезглавленія, какъ лекторъ вѣшаетъ животное на крючекъ и начинаетъ *опыты* съ цѣлью доказать слушателямъ то, что каждый изъ нихъ тысячи разъ, конечно, видѣлъ; онъ приклеиваетъ къ тѣлу животного въ различныхъ мѣстахъ кусочки бумажки, смоченные въ ѣдкой кислотѣ (она жжетъ), и предлагаетъ слушателямъ любоваться, какъ обезглавленное животное рефлектируетъ на это раздраженіе совсѣмъ *разумными, цѣлесообразными* движеніями; оно пускаетъ въ ходъ лапки прежде всего ближайшія къ мѣсту раздраженія, а потомъ и осталь-

¹⁾ Замѣчательно, что для демонстраціи частей головного мозга была вывѣшена карта, гдѣ мозгъ человѣка нарисованъ параллельно съ мозгомъ обезьяны.

ныя. Раздраженное мѣсто смывалось, и потомъ кусочки бумажекъ приклеивались къ другимъ мѣстамъ—нужно было дать насладиться дешевымъ зрѣлищемъ! Но потомъ нужно было еще продолжить истязанія до конца: лекторъ разрушилъ спинной мозгъ животнаго введеніемъ проволоки въ спинной хребетъ; животное еще нѣсколько времени покоробилось и побилось, и потомъ, конечно, никакіе раздраженія уже ни къ чему не приводили. Умные слушатели должны были, однако, понять, что лекторомъ проведена была довольно близкая аналогія между функціей спинного мозга у лягушки и у человека.

Зачѣмъ лектору понадобился голубокъ, у котораго онъ, по его словамъ, нѣсколько дней назадъ подъ хлороформомъ, съ большими предосторожностями удалилъ полушаріе большого мозга, мы не понимаемъ. Ужели для того, чтобы аудиторія, увидѣвъ сонную несчастную птицу, лишившуюся способности принимать пищу и питье и, слѣдовательно, обреченную на голодную смерть, прониклась изумленьемъ и ненавистью къ лектору, производящему такіе совершенно ненужные, отвратительные эксперименты?

Недурна была часть лекціи, гдѣ лекторъ рассказывалъ, какъ на бойняхъ *шутя*, маленькимъ перочиннымъ ножикомъ, убиваютъ быковъ, попадая въ продолговатый мозгъ¹⁾, или какъ на испанскихъ бояхъ быковъ гладіаторы тоже стараются угодить въ эту часть головы для того, чтобы сразу покончить съ разъяреннымъ животнымъ.

Мы побесѣдовали съ нѣкоторыми слушателями по вопросу о томъ, почему они выбрали именно эту лекцію, и какое она впечатлѣніе на нихъ произвела; оказалось, что многіе пришли случайно, потому что время вышло свободное; солдатикъ одинъ отвѣтилъ, что онъ мало понимаетъ, можетъ быть и понялъ бы, если бы все это на *практикѣ* посмотрѣть. Что

¹⁾ Киевскіе подкальватели, думается, изъ этого извлекутъ недурной *практической* урокъ.

онъ подь этимъ разумѣль, мы не успѣли спросить. О впечатлѣнннхъ многіе говорили, что имъ не докторами быть, что имъ это не нужно.

Итакъ что же даетъ лекція? Содержаніе ея для многихъ непонятно было, а понимающихъ—оно могло привести къ печальному сознанію, что вся душа не болѣе какъ рефлексы разныхъ мозговыхъ центровъ, которые, какъ оказалось, способны къ разумнымъ, цѣлесообразнымъ движеніямъ. Я думаю, перевернется въ ихъ головѣ все религіозное міросозерцаніе, учащее ихъ о душѣ въ отдѣльности отъ тѣла, душѣ вѣрующей, любящей Бога, предназначенной къ безсмертію, грѣшащей и кающейся. Особенно больно за дѣтей. Какія чувства воспитываютъ въ нихъ, дѣлая ихъ зрителями предсмертныхъ судорогъ совершенно безъ нужды обезглавленнаго животнаго, заставляя ихъ наглядно созерцать сознательно мучимыхъ птицъ? Къ чему намъ общества покровительства животныхъ, къ чему намъ общества защиты птичьихъ гнѣздъ отъ разоренья маленькими дѣтьми, если предъ ними проходятъ вышеописанныя картины съ цѣлью якобы просвѣщенія народнаго? Мы видѣли, какъ улица, составлявшая часть аудиторіи, гоготала при видѣ рефлексивъ лягушки, а лучшая часть ея положительно содрогалась (особенно дѣвочки) отъ тѣхъ тяжелыхъ впечатлѣннхъ, которыя приходилось переживать. И что же принесутъ эти слушатели домой? Просвѣщеніе ума, благоженіе сердца, свѣтлый и чистый образъ доброй жизни? Ни того, ни другого, ни третьяго. Думается, не мѣшало бы духовенству, какъ пастырямъ словесныхъ овецъ, которымъ далеко не безразличны тѣ впечатлѣннхъ и вліяннхъ, подь которыми находятся онѣ, обратить вниманіе на эти чтеннхъ, отвлекать отъ нихъ своихъ пасомыхъ, противопоставлять этимъ лекціямъ что-либо болѣе полезное и необходимое для душевной жизни своихъ прихожанъ. Особеннаго вниманнхъ въ этомъ случаѣ должны заслуживать дѣти—школьники.

П. К—ій.

Н а м о г и л ь.

(Разсказъ).

Холодный дождливый ноябрьскій день клонился къ вечеру. По разбитой грязной дорогѣ отъ города С. къ ближайшему небольшому селу медленно плелась почтовая тройка. Отъ измученныхъ, забрызганныхъ грязью лошадей паръ валилъ клубомъ. Въ почтовомъ тарантасѣ помѣщались двое мужчинъ, закутанныхъ въ дорожные кожаные плащи. Одинъ изъ пассажировъ тревожно торопилъ ямщика, обѣщая ему на чай. Ямщикъ усердно подергивалъ вожжами и поминутно подгонялъ кнутомъ усталыхъ лошадей. Когда тройка въѣхала въ село, въ немъ все спало мертвымъ сномъ. Лай встревоженныхъ собакъ нарушалъ ночную тишину. Тройка остановилась на церковной площади, возлѣ воротъ большого дома. Одинъ изъ пассажировъ вышелъ изъ тарантаса и принялся усердно стучать въ калитку. Во дворѣ всполошились всѣ собаки, и среди ихъ громкаго лая раздался довольно грубый голосъ:

— Кто тамъ?

— Иванъ, отвори!

— А, это вы, батюшка? Сейчасъ, сейчасъ! Пожалуйте. Калитка скрипя растворилась, и въ ней показался рослый малый съ фонаремъ въ рукахъ.

— Ну, что, Иванъ, жива матушка?—грустно спросилъ его священникъ.

— Пока еще жива, нехотя отвѣтилъ Иванъ.

— Господинъ докторъ, пожалуйста.

Докторъ быстро вышелъ изъ тарантаса и торопливо пошелъ за священникомъ. Они вошли въ небольшую переднюю, въ которой раздѣлись, очистились немного отъ грязи и затѣмъ направились къ больной.

Тускло освѣщала лампа небольшую комнатку, въ углу которой на желѣзной кровати лежала умирающая среднихъ лѣтъ женщина. Худое и желтое лицо ея носило на себѣ пе-

чать пережитыхъ мученій. На сжатыхъ блѣдныхъ губахъ отражалась горькая улыбка, и тяжелое дыханіе сопровождалось внутреннимъ клокотаньемъ. Передъ ней на столѣ стояли разныя корбочки и бутылочки съ микстурой, а у самой головы сидѣла дѣвочка лѣтъ шести и нѣжно приглаживала растрепанные волосы больной матери; дѣвочка порою склонялась почти до самаго лица и жарко цѣловала ея голову. Но больная не чувствовала нѣжныхъ ласкъ маленькой Нины и лежала попрежнему молча. У самой постели сидѣлъ мальчикъ лѣтъ девяти и съ особымъ усердіемъ старался влить хотя нѣсколько капель холодной воды въ ротъ больной матери.

На порогѣ показался о. Василій (такъ звали священника) съ докторомъ. Мальчикъ подошелъ къ отцу, поцѣловалъ его руку и сквозь слезы произнесъ:

— Папа, наша мама умираетъ.

— Оставь, Володя. Господь милосердъ, Онъ не обидитъ насъ,—успокаивалъ Володю отецъ, нѣжно глядя по его русой головкѣ.

При свѣтѣ лампы можно было хорошо рассмотреть пріѣхавшихъ: о. Василій, мѣстный священникъ, былъ среднихъ лѣтъ, худощавый, немного сутуловатый, высокаго роста. Черные, густые, длинные волосы въ безпорядкѣ спускались на плечи о. Василія; въ большихъ черныхъ глазахъ блестяли слезы, и на бѣломъ, пухломъ лицѣ, окаймленномъ небольшою русою бородой, было замѣтно сильное душевное безпокойство.— Второй изъ пріѣхавшихъ былъ городской докторъ. Въ большихъ карихъ глазахъ его свѣтились нѣжность и доброта; на бѣломъ полномъ лицѣ, съ французской бородкой, отражалась глубокая задумчивость; маленькій ростъ придавалъ ему особенное изящество.

Докторъ, нѣсколько обогрѣвшись, приступилъ въ осмотру больной, которая уже болѣе часу ничего не говорила. Послѣ тщательнаго осмотра онъ грустно произнесъ: „Надежды плохія“. А потомъ тихо, какъ-то нехотя, какъ бы сквозь зубы,

проговорилъ: „Большая должна скоро умереть, а потому, прошу васъ ее болѣе не беспокоить“.

Услышавши это, о. Василій поблѣднѣлъ, губы его дрожали; онъ хотѣлъ что-то сказать, но не могъ; на глазахъ показались слезы, и, желая ихъ удержать, онъ отчаянно кусалъ себѣ губы. Докторъ попросилъ его выйти, чтобы не нарушать покоя умирающей. О. Василій рвался къ больной въ спальню и просилъ не лишать его возможности принять послѣдній вздохъ дорогой супруги. Но докторъ удерживалъ его и просилъ успокоиться, насколько возможно. Когда о. Василій вновь вошелъ съ дѣтьми къ больной, она тяжело и рѣдко дышала; затѣмъ собрала оставшіяся силы, открыла мутные глаза и бессмысленно обвела ими вокругъ. Скоро лицо ея судорожно сморщилось, тѣло вздрогнуло и вытянулось. Еще одинъ неполный вздохъ, и жизнь оставила ее.

О. Василій молча и угрюмо смотрѣлъ на спокойное лицо дорогой супруги, на которомъ нельзя было ничего прочесть. Онъ больше не плакалъ: сердце его сжало, какъ желѣзными клещами, какое-то горькое, невыносимо-тяжелое чувство.

Послѣ смерти матушки домъ о. Василія принялъ очень мрачный видъ. Уже болѣе двухъ недѣль ставни были по цѣлымъ днямъ закрыты; говоръ прислуги, а равно и крикъ домашнихъ птицъ и животныхъ утихли во дворѣ. Природа—и та какъ будто сочувствовала о. Василію и наложила на себя глубокой трауръ: изъ подъ бѣлаго ея покрывала всюду выглядывали почернѣвшія мрачныя крыши крестьянскихъ избъ да голыя деревья жалкихъ садовъ. Почти непрерывно дули холодныя вѣтры,нося въ воздухъ облака мерзлаго снѣга, напѣвая свою грустную, монотонную и унылую мелодію, въ которой слышалось что-то томительное и сжимающее тоскою сердце. Часто о. Василій прислушивался къ бушующей вьюгѣ, напѣвавшей въ трубѣ свои унылые мотивы, и старался найти въ нихъ прежнее, дорогое, знакомое его сердцу. И невольно вспоминались ему долгіе счастливые зимніе вечера, которые онъ когда-

то проводилъ съ своей любимой покойницей женой. Чѣмъ больше онъ думалъ о пережитомъ счастьи, тѣмъ ужаснѣе и тяжелѣе становилось для него настоящее. Ото всѣхъ окружавшихъ его предметовъ вѣяло чѣмъ-то жуткимъ и даже страшнымъ, а вьюга, какъ бы въ pendant его тяжелому настроенію, въ своихъ дикихъ пѣсняхъ пѣла заунывные, похоронные мотивы,—и слезы, горькія слезы одна за другой катились изъ глазъ о. Василія. И онъ не удерживалъ ихъ; ему хотѣлось выплакать накипѣвшее на душѣ горе и тѣмъ хотя немного облегчить свои страданія. Вотъ глаза о. Василія останавливаются на портретѣ дорогой супруги. Долго, долго смотритъ онъ на портретъ, и вдругъ милое изображеніе выступаетъ изъ темнаго фона и обрисовывается передъ нимъ во всей своей красотѣ, какъ живое, до полной иллюзіи... Невыносимая тоска, неизмѣримо-тяжелое горе охватили его сердце. Надѣясь хотя подлѣ дѣтей найти успокоеніе, онъ идетъ въ дѣтскую. Но дѣти спятъ; имъ, очевидно, снится что-то хорошее, и тихая, счастливая улыбка озаряетъ ихъ беззаботныя лица.

— Дѣти, дѣти, милыя дѣти! Вамъ чужды пока людскія страданія, сердецъ вашихъ еще не коснулись мірскія невзгоды, глазъ вашихъ еще не затуманивали тѣ слезы, которыми плачу я! Вы спите, когда предъ вами стоитъ отецъ вашъ, душа котораго переполнена тяжелымъ страданіемъ, грудь разламывается пополамъ, а вмѣсто сердца бьется какой-то безформенный, покрытый глубокими язвами кровавый кусокъ мяса... Я надѣялся найти подлѣ васъ себѣ покой, но... вы еще болѣе раздражаете раны моего сердца. Спите же себѣ спокойно; пусть хранитъ васъ Царица Небесная!..

И о. Василій тихо поцѣловалъ дѣтей, а потомъ широко перекрестилъ ихъ и удалился въ свою комнату. Здѣсь передъ иконой съ теплящейся лампадой онъ опустился на колѣни и могъ только произнести: „Боже мой, Боже мой! За что я обреченъ на вѣчное одиночество, и за что я пью чашу такого невыносимаго страданія?“..

Истерическое рыданіе прервало молитву.

Сильно переѣнился о. Василій съ тѣхъ поръ, какъ похоронилъ свою жену. Его рѣдко можно было видѣть во дворѣ, не только на улицѣ; по цѣлымъ днямъ сидѣлъ онъ въ квартирѣ и выходилъ изъ нея лишь для исполненія своихъ прямыхъ обязанностей. Въ церкви сталъ служить гораздо усерднѣе; въ голосѣ его слышалась горькая нотка: такъ и казалось, что послѣ каждаго слова онъ готовъ расплакаться.

По оковчаніи каждой обѣдни онъ считалъ долгомъ отслужить по покойной супругѣ панихиду или хотя литію; но какъ только начиналъ псаломщикъ пѣть „Со святыми упокой,“ о. Василій раздражался горькими рыданіями. Часто прямо изъ церкви уходилъ онъ на кладбище провѣдать дорогую могилу и подолгу просиживалъ на ней. Онъ готовъ бы былъ проводить здѣсь цѣлые дни и ночи, если бы его не ожидали дома двое сиротокъ, на которыхъ послѣднее время о. Василій изливалъ всю свою отцовскую нѣжность и любовь.

Стояло декабрьское морозное утро. Дулъ холодный вѣтеръ, подымая съ земли облака мерзлаго снѣга, сквозь который тускло свѣтило солнце, играя своими лучами въ серебристой пыли. Въ селѣ царила тишина, лишь кой-гдѣ изрѣдка раздавался звонкій скрипъ мерзлаго снѣга.

У воротъ дома о. Василія стоялъ крестьянинъ, плотно закутанный въ овчинный полушубокъ и обутый въ теплые валенки; онъ часто постукивалъ рукавицу объ рукавицу и потиралъ себѣ то уши, то носъ. Крестьянинъ пришелъ просить о. Василія напутствовать больного. Но батюшки не было дома; онъ ушелъ куда-то еще на разсвѣтъ и до сихъ поръ не возвращался. Куда ушелъ и когда придетъ домой, дѣти и прислуга не знали.

День уже клонился къ вечеру, а о. Василій все не возвращался домой. Прошла и ночь, наступило новое утро, а о батюшкѣ—ни слуху, ни духу. Между тѣмъ въ этотъ день было воскресенье, и у церкви собралось очень много народа, не-

терпѣливо ожидавшаго начала обѣдни. Но начинать-то ее было некому.

Таинственное исчезновеніе батюшки всполошило весь приходъ: куда пошелъ о. Василій, гдѣ онъ могъ дѣться,—для всѣхъ было непонятной загадкой. Сторожа и псаломщикъ подняли на ноги всю сельскую полицію и принялись за розыскіи.

Видно, слишкомъ тяжелы были страданія о. Василія. И вотъ, желая облегчить ихъ, онъ на разсвѣтѣ отправился на могилу супруги, и едва только успѣлъ дойти до нея, какъ повалился къ кресту, обхватилъ его руками и глухо зарыдалъ. Тяжелые стоны подымали высоко его наболѣвшую грудь, и вмѣсто рыданія вылетали отчаянные вопли.

— Оля, Оля, милая Оля! что ты сдѣлала? за что ты покинула меня на землѣ для тяжелыхъ страданій и вѣчнаго одиночества? неужели я былъ достоинъ того, неужели я не умѣлъ заплатить тебѣ за твою вѣжную любовь? Прости меня, дорогая, Оля! Ты видѣла, что я для тебя не жалѣлъ ничего... О Боже, Боже! за что такое наказаніе? Милая Оля! промолви мнѣ хотя одно слово. Ты не сердись на меня, моя дорогая, и хорошо ли тебѣ тамъ? Не мучь и успокой меня.

Чѣмъ дальше, тѣмъ о. Василій говорилъ все тише и тише, вздрагивая всѣмъ тѣломъ... Но вотъ онъ какимъ-то чудомъ очутился въ незнакомой большой деревенской хатѣ, и милая Оля усердно ухаживаетъ за нимъ. Она спяла съ о. Василія подрясникъ, разула его. Онъ чувствуетъ, что остался въ одномъ бѣльѣ; ему немного холодно, онъ дрожитъ, но заботливая супруга готовитъ для него на большой печкѣ мягкую и теплую постель. Онъ видитъ милое личико жены, которая заботливо укладываетъ его, вѣжно цѣлуетъ и тихо шепчетъ:

— „Милый и дорогой Вася! скажи мнѣ, какъ наши дѣтки?“

О Василий въ свою очередь цѣлуетъ ее.

— Милая Оля! говорилъ онъ: долго ли еще придется томиться въ тяжеломъ страданіи? долго ли я еще буду ожидать тебя? когда же, наконецъ, настанетъ время вѣчной и неразлучной жизни съ тобою? О, еслибы ты знала, какія я переношу душевныя мученія, какъ тяжело мнѣ приходится порою!

— Потерпи немного, дорогой Вася. Скоро, скоро настанетъ все это.

Она такъ ласково и горячо цѣлуетъ его и все ближе и ближе прижимаетъ къ себѣ. О. Василий чувствуетъ, что тѣло его начинаетъ согрѣваться, сердце замираетъ въ какомъ-то невыразимо пріятномъ чувствѣ... Вдругъ что-то оледенѣлое коснулось его тѣла. О. Василий въ судорогахъ крѣпко обхватилъ шею дорогой Оли, боясь выпустить ее изъ рукъ и... такъ и уснулъ на ея могилѣ навѣки. Окоченѣвшія руки его плотно обхватили большой деревянный крестъ, плотно окутанный въ бѣлое покрывало мерзлаго снѣга. Вьюга попрежнему злилась и развѣвала полы поношенной рясы и такого же подрясника о. Василия и все больше и больше заметала его носившимся въ воздухѣ снѣгомъ.

И. Кившенко.

Священникъ Г. Петровъ и штундисты.

На первыхъ же порахъ своего пастырскаго служенія я познакомился съ нѣсколькими лицами, живущими въ моемъ приходѣ и принадлежащими къ такъ называемой *штундѣ*. Бесѣдовалъ я съ ними у нихъ на дому, приглашалъ ихъ не разъ и къ себѣ. Изъ этихъ бесѣдъ я узналъ о той огромной популярности, какою пользуются среди нихъ брошюрки священника Г. Петрова. По моимъ наблюденіямъ, нѣтъ ни одного грамотнаго штундиста въ моемъ приходѣ, который не прочелъ бы хотя нѣсколькихъ, а то и всѣхъ сочиненій священника Г. Петрова. Почти въ каждомъ штундовомъ семействѣ вмѣстѣ

съ „Гусями“ (сборникъ стихотвореній религіознаго характера, употребляемыхъ штундистами при моленіяхъ) есть одна двѣ брошюры свящ. Петрова. Сочиненія его распространяются штундистскими пресвитерами изъ библиотекъ, находящихся при моленныхъ, еще больше—путемъ частной покупки самими „духовными христіанами“, какъ именуютъ себя штундисты. Изъ послѣдующихъ бесѣдъ съ „духовными христіанами“ я понялъ, наконецъ, что особенно привлекаетъ въ сочиненіяхъ Петрова штундистовъ.

Извѣстно, что священникъ Петровъ, обходя вопросы догматическаго характера, касается почти исключительно вопросовъ характера нравственнаго. Улучшеніе современной нравственной жизни отдѣльныхъ лицъ и всего общества, борьба съ современными недостатками—таковъ главный предметъ его разсказовъ.

Обличенія о. Петровымъ современныхъ нравственныхъ золъ православнаго русскаго общества особенно по сердцу штундистамъ; одна нападавшая въ бесѣдѣ со мною на православныхъ за пьянство штундистка въ видѣ сильнѣйшаго доказательства прямо прочитала мнѣ выдержку изъ сочиненій Петрова, именно то мѣсто, гдѣ онъ проводитъ параллель между числомъ библиотекъ и кабаковъ на Руси. Въ другой разъ штундистъ, бесѣдовавшій со мною о войнѣ (по поводу войны съ Японіей) и возмущавшійся ею, началъ, между прочимъ, обличать финансовыя злоупотребленія въ войскѣ и для большой убѣдительности прочиталъ мнѣ изъ засаленной книжки Петрова: „Школа и жизнь“, прошедшей, очевидно, массу рукъ, страницы 37—38, гдѣ указывается на казнокрадство, бывшее въ Отечественную и Русско-турецкую послѣднюю войну. Кромѣ практически жизненнаго характера сочиненій о. Петрова, штундистамъ нравятся у него и языкъ—простой, всякому доступный.

Священника Г. Петрова штундисты весьма склонны считать почему-то „своимъ“. Одна штундистка была весьма по-

ражена, когда узнала, что я не только читаю, но и имѣю у себя его сочиненія. Штундисты довольно основательно знакомы съ біографіей о. Петрова, и прекращеніе послѣднимъ бесѣдъ въ Петербургѣ относятся всецѣло на счетъ происковъ православныхъ, препятствующихъ росту истиннаго „духовнаго христіанства“. Священный санъ Петрова, ряса его несколько не смущаетъ моихъ штундистовъ; они съ увѣренностью утверждаютъ, что къ ихъ вѣрѣ принадлежитъ масса высокопоставленныхъ и образованныхъ лицъ; есть въ ихъ рядахъ будто бы и лица духовныя.

Весьма желательно, чтобы лица, равныя Петрову если не по таланту, то по развитію и знанію, *въ избранной имъ формѣ* занялись раскрытіемъ догматическихъ истинъ и особенно тѣхъ, которыя опровергаются нашими сектантами. Мы намѣренно подчеркиваемъ популярную форму сочиненій Петрова, которая подходитъ къ среднему уровню развитія, къ тому читателю, который нарождается и умножается на нашихъ глазахъ, особенно въ городахъ. Ученныя сочиненія и системы, цѣнныя для науки богословской, для такого читателя не подходятъ: онъ не доросъ для нихъ; съ другой стороны, и народныя книжки и листки не удовлетворяютъ его. Намъ приходилось раздавать книжки такъ называемой „Народно-миссіонерской бібліотеки“, издаваемой редакціей „Миссіонерскаго Обозрѣнія“, но на штундистовъ онѣ не производятъ впечатлѣнія. Одна штундистка, съ удовольствіемъ читавшая книги, какія я ей давалъ изъ церковной и своей бібліотеки, прочитавши нѣсколько брошюркъ „Народно-миссіонерской бібліотеки“, отказалась ихъ брать, добавивъ при этомъ: „Не серьезно“. На 5—6 страницахъ трудно исчерпать догматическій вопросъ, напр., о почитаніи святыхъ, иконъ, мощей. Живо написанная брошюра въ 40—50 стр., вмѣстѣ съ тѣмъ основательная, всеѣмъ доступная по цѣнѣ—вотъ что желательно было бы имѣть по вопросамъ апологетическаго и полемическаго характера.

Свящ. В. Пестряковъ.

Пастырь Церкви во время войны.

Мирное теченіе нашей жизни внезапно нарушилось. Дерзкій врагъ неожиданно напалъ на русскій флотъ и причинилъ ущербъ нѣсколькимъ кораблямъ. Тотчасъ же нашъ Боговѣнчанный Монархъ повелѣлъ вооруженною силою отвѣтить на вызовъ Японіи...

И всколыхнулось русское море... Какъ одинъ человекъ, встала Русь на борьбу съ коварнымъ врагомъ, „стальной щетиною сверкая“: одинъ за другимъ идутъ побѣдоносные русскіе полки туда, на Дальній Востокъ, гдѣ нынѣ Русь вновь стала оплотомъ христіанства противъ натиска язычества. Съ сердечными благожеланіями провожаетъ своихъ воиновъ русскій народъ. Они—его слава, честь и гордость. Они—доблестные и несокрушимые защитники вѣры Христовой, Царя и отечества...

Не всѣ могутъ стоять въ рядахъ воиновъ, жертвующихъ своею жизнью за родину. Но нѣтъ ни одного человека нынѣ въ Россіи, который не стремился бы тѣмъ или инымъ путемъ отозваться на нужды родины и принести свою посильную жертву для удовлетворенія этихъ нуждъ. Изъ всѣхъ мѣстностей нашей необъятной матушки—Россіи, даже самыхъ глухихъ и отдаленныхъ, идутъ отрадные извѣстія о проявленіяхъ народнаго патріотизма. Вновь готовы русскіе люди повторить достопамятныя слова своихъ славныхъ предковъ: „заложимъ женъ, дѣтей своихъ. Умремъ за Царя, за Русь православную“!

Въ такое время пастырь церкви, конечно, не можетъ оставаться безучастнымъ зрителемъ всего происходящаго. Его долгъ—всегда откликаться на то, что волнуетъ и занимаетъ въ извѣстный моментъ народное сознаніе. Въ настоящемъ случаѣ обязанности пастыря, такъ сказать, подсказываются обстоятельствами времени и настроеніемъ общества.

Теперь всѣ русскіе люди стремятся въ храмъ Божій помолиться Господу Богу о дарованіи побѣды нашему христіолюбивому воинству. Во всѣхъ городахъ и селахъ въ храмахъ совершаются молебныя пѣнія, „пѣваемые во время брани“, и какая масса молящихся бываетъ на этихъ молебствіяхъ! Вся Русь нынѣ молится за своихъ храбрыхъ воиновъ, памятуя, что въ надеждѣ на милость Божию—главный залогъ всякаго успѣха, что „Незримый ведетъ насъ къ лучшему концу стезей непостижимой“.

И воинамъ нашимъ, безъ сомнѣнія, много силы и бодрости придаетъ увѣренность въ томъ, что о нихъ теперь молить Господа весь русскій народъ. Говорятъ, что воины и моряки—самые религіозные люди. Постоянная близость къ смерти, опасности, разные невзгоды пути и войны—все это, конечно, невольно отрѣшаетъ человѣка отъ узкихъ матеріальныхъ расчетовъ и надеждъ и вызываетъ въ немъ вѣру въ Промыслъ Божій, бодрствующій надъ каждымъ человѣкомъ. Оттого и молится горячо всякій воинъ или морякъ, отправляясь на мѣсто военныхъ дѣйствій, а также и предъ самымъ боемъ. Какъ же, поэтому, отрадно узнать всѣмъ нашимъ воинамъ, что они не одиноки въ своихъ молитвахъ предъ Богомъ, что за нихъ молится всякій истинно русскій человѣкъ!

И такъ первѣйшій долгъ всякаго пастыря Церкви во время войны—горячая и частая молитва, вмѣстѣ съ пасомыми, за наше христіолюбивое воинство. А чтобы эта молитва для пасомыхъ всегда была вполне сознательна,—пастырю Церкви слѣдуетъ, особенно теперь, въ началѣ военныхъ дѣйствій, предварять совершаемыя имъ молебствія хотя краткимъ словомъ назиданія. Крайне необходимо это въ сельскихъ приходахъ, гдѣ населеніе недостаточно просвѣщено для пониманія смысла и значенія происходящихъ нынѣ событій. Какихъ только фантастическихъ объясненій ни придумаетъ иной деревенскій грамотей по поводу настоящей войны! Японія, Корея, Китай—все это названія для просто-

го человѣка необычныя, почти сказочныя. Зачѣмъ же, однако, оставлять людей въ неизвѣстности относительно того, надѣ кѣмъ побѣды просить они у Господа для русскаго воинства?

Вмѣстѣ съ молитвою всегда соединяется благотвореніе. Въ настоящемъ случаѣ молитва и благотвореніе также должны идти рядомъ. Конечно, правительство наше принимаетъ всѣ мѣры къ возможно полному удовлетворенію военныхъ нуждъ, но эти нужды, можно сказать, неисчислимы. Сколько, напр., нужно средствъ хотя бы на Красный Крестъ, это любвеобильнѣйшее въ мірѣ учрежденіе, всецѣло проникнутое идеей христіанской любви и самоотверженія! А тамъ возникаетъ вопросъ объ образованіи фонда на усиленіе русскаго флота, на что уже откликаются русскіе люди всѣхъ сословій, званій и положеній... Война требуетъ народныхъ жертвъ, и эти жертвы уже текутъ широкимъ потокомъ. Пастырь Церкви и здѣсь только пойдетъ на встрѣчу общему патріотическому настроенію, если молебныя пѣнія о дарованіи побѣды будутъ сопровождать краткою рѣчью о нуждахъ военнаго времени и о нашей правдивной обязанности помогать отечеству въ удовлетвореніи этихъ нуждъ. Во многихъ мѣстахъ священники уже дѣлаютъ такимъ образомъ, и всегда получаютъ самые отрадные результаты. Если же пастырь Церкви ограничится только тѣмъ, что выставитъ кружку Краснаго Креста въ своемъ храмѣ, то многіе изъ прихожанъ, быть можетъ, и не обратятъ вниманія на нее.

Наконецъ, пастырь Церкви не долженъ забывать и тѣхъ изъ своихъ пасомыхъ, родные и близкіе которыхъ приписываютъ непосредственное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Что должны передумать, переиспытывать родственники воиновъ, „внимая ужасамъ войны!“ День войны кажется имъ вѣчностью, cadaго извѣстія съ поля битвы ждуть они съ величайшимъ нетерпѣніемъ, попеременно волнуемые то страхомъ, то надеждою... А когда до нихъ ужасная вѣсть о смерти близкаго человѣка въ пылу сраженія,—

представимъ ли мы себѣ ту картину горя и отчаянія, какая будетъ тогда въ мирномъ до этого домѣ?.. Пусть же пастырѣ Церкви всегда будетъ готовъ пойти на помощь къ такимъ несчастнымъ, пусть онъ утѣшитъ ихъ, ободритъ, поддержитъ ихъ въ этомъ великомъ горѣ напоминаніемъ о Богѣ и вѣчности... Пусть помолится вмѣстѣ съ ними и за нихъ, потому что молитва можетъ утишить самое лютое и нестерпимое горе: она—ни съ чѣмъ несравнимый цѣлебный бальзамъ для всѣхъ душевныхъ ранъ... И, быть можетъ, подъ вліяніемъ словъ христіанскаго утѣшенія и молитвъ, осиротѣвшая семья легче вздохнетъ и скажетъ въ глубинѣ души: „Да будетъ воля Твоя, Господи!“ (Вятск. еп. в , 1904 г., № 6).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Кириллъ.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 15 апрѣля 1904 г.

Цензоръ, священникъ *Θ. Титовъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.